ДАЛЬВЕРЗИНТЕПЕ

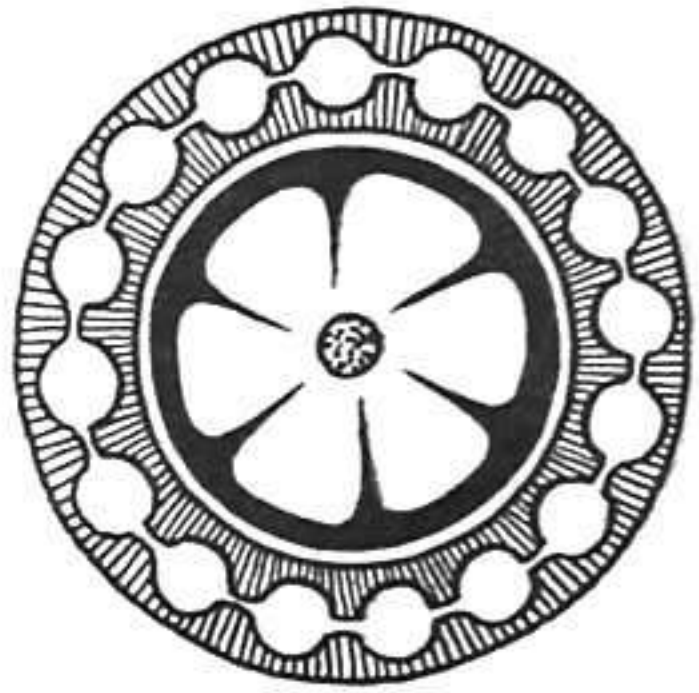
ФАН

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ, ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСКУССТВОЗНАНИЯ ИМ. ХАМЗЫ ХАКИМЗАДЕ НИЯЗИ

ТАШКЕНТ · 1978

ДАЛЬВЕРЗИНТЕПЕ

КУШАНСКИЙ ГОРОД НА ЮГЕ УЗБЕКИСТАНА



ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФАН“ УЗБЕКСКОЙ ССР

Г. А. Пугаченкова, Э. В. Ртвеладзе и др. **Дальверзинтепе— кушанский город на юге Узбекистана.** Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР. Рис. 159. Библ. 212. Стр. 240.

В монографии рассматривается историческая топография и стратиграфия городища: характеризуются его фортификация, жилые и ремесленные кварталы, основные черты материальной культуры, художественная культура в ее разнообразных видах — архитектура, скульптура, живопись, прикладное искусство, музыка; культовая идеология, отображенная в вещественных памятниках. Ставится ряд вопросов общего плана по проблеме античного среднеазиатского города, динамики его становления, развития и упадка.
Работа рассчитана на археологов, искусствоведов, историков, краеведов и всех интересующихся историей художественной и материальной культуры Узбекистана.

902.6
Д15

Ответственный редактор
доктор искусствоведения *Л. И. РЕМПЕЛЬ*

Д $\frac{10602—845}{355\,(06)—78}$ 84—78

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1978 г.

ВВЕДЕНИЕ

Что представлял собой античный город Средней Азии? Греко-римские авторы и китайские хроники упоминают о городах на землях Бактрии, Согда, Ферганы лишь вскользь, в связи *с географической характеристикой областей* или историей военных походов. Сведения эти остаются не более чем свидетельствами существования каких-то иногда укрепленных городов, но каких?.. Ответ оставался за археологией, которая по остаткам крепостных стен и руинам домов, по следам ремесленных производств и их отходам, по находкам предметов быта и произведений искусства, монет и черепков одна лишь и могла бы воссоздать образы былых населенных пунктов и протекавшей в них жизни.

Заслуги археологических исследований, которые развернулись на среднеазиатских просторах уже в довоенном десятилетии и получили особенный размах за последние тридцать лет, бесспорны. Через глыбы многочисленных фактов и наблюдений ныне, словно сквозь плохо наведенный бинокль, уже начинают проступать смутные контуры древних городов, и с каждым годом понемногу увеличивается резкость изображений. До полной наводки фокуса еще, разумеется, далеко, но уже можно уловить их наиболее характерные черты.

Посильный вклад в разработку проблемы вносит Узбекистанская искусствоведческая экспедиция Института искусствознания им. Хамзы, сосредоточившая свои основные работы в Сурхандарьинской области УзССР, в древности составлявшей часть Северной Бактрии.

С 1959 г. первым объектом наших исследований с постановкой археологических вскрытий здесь стал Халчаян[1], затем изучались Айртам[2], частично Шортепе и Хатынрабад[3]. С 1960 г., но особенно интенсивно с 1967 г., по настоящее время проводились маршрутные разведки всего района, позволившие открыть свыше 200 городищ и селений — в основном античного времени, средневековья, а также нескольких населенных пунктов древнейших эпох[4].

[1] Пугаченкова, 1971 а; здесь — перечень предшествующих публикаций, начиная с 1960 г.

[2] Тургунов, 1973 б; 1974.

[3] Пугаченкова, 1973 б.

[4] Ртвеладзе, Хакимов, 1973; Ртвеладзе, 1974.

Один из объектов многолетних стационарных работ экспедиции — городище Дальверзинтепе, расположенное на границе колхозов «30 лет Октября» и «Ленинабад» Шурчинского района Сурхандарьинской области.

Начало его археологическому изучению было положено в 30-х годах. Благодаря большим мелиоративным работам, осуществлявшимся по Сурхандарье уже в годы первой пятилетки, захваченные дотоле прибрежными джунглями и болотами земли были осушены, и началось их освоение под сельское хозяйство. Крупное городище, именовавшееся населением Дальверзинтепе, обратило на себя внимание местных краеведов, в частности, оно уже тогда было зафиксировано в списках Термезского областного краеведческого музея. В 1949 г., во время двухнедельного проезда Сурхандарьинского археологического отряда АН УзССР во главе с Л. И. Альбаумом от Термеза до Сарыасии, на Дальверзинтепе был снят глазомерный план и осуществлен сбор подъемного археологического материала. Вывод, сформулированный Л. И. Альбаумом в публикации 1960 г., сводился к следующему: «Городище Дальверзинтепе, судя по нескольким плохо сохранившимся монетам и небольшим фрагментам керамики, существовало до VI—VII вв., хотя в своей основе оно, несомненно, более древнее — отдельные фрагменты керамики определенно можно отнести к кушанскому времени. Предметов, датируемых более ранним периодом, пока не найдено[5].

Осенью 1959 г. и весною 1960 г. Узбекистанская искусствоведческая экспедиция АН УзССР, осуществляя параллельно с раскопками городища Халчаян обследование ряда археологических памятников района средней Сурхандарьи, поставила одной из своих задач определение местонахождения столицы древнего и средневекового Саганиана — Чаганиана. Визуальное наблюдение, археологические зачистки и подъемный археологический материал привели нас к заключению, что Дальверзинтепе было главным городским центром этой области в античное время, причем формирование его восходит еще к первым векам до н. э., расцвет падает на эпоху Кушан, упадок — на IV—V вв., новое частичное обживание — на VI—VII вв. и гибель наступает после арабско-

[5] Альбаум, 1960, с. 12, 14.

го завоевания. Одновременно в VI—VII вв. в урочище Бедрачтепе, в 15 км к северо-востоку от Дальверзинтепе, слагается новый город, чрезвычайно разросшийся в средневековье, где и располагалась вплоть до XV—XVI вв. столица средневекового Чагаиана, упоминаемая многими восточными авторами[6].

В 1960 г. В. А. Нильсен и А. В. Шукуров сняли топографический план Дальверзинтепе и расчистили захоронение в его городской стене. В следующем, 1961 г., археологический отряд Л. И. Альбаума осуществил зачистку и Бабатага. Ее освоение под орошаемое земледелие началось уже во II тысячелетии до н. э. Немыми свидетелями этого процесса являются открытые экспедицией группы поселений в Миршаде и у Бандыхана, расположенные у подножья Байсунской гряды, а также могильники эпохи бронзы в Миршаде и Денауской крепости.

В период, именуемый археологами раннежелезным веком, который приходится в этих зонах на первую — вторую трети I тысячелетия до н. э., в долине Сурхана уже формиру-

Рис. 1. Дальверзинтепе. Северо-восточный угол городской стены.

этой стены, пробитой колхозными бульдозеристами у юго-западного угла города. Кроме того, были вскрыты две комнаты располагавшегося неподалеку древнего дома, и в нем заложен стратиграфический шурф[7].

В 1962—1963 гг. Узбекистанская искусствоведческая экспедиция проводила разведочные вскрытия на цитадели Дальверзинтепе с целью изучения античной фортификации Саганиана[8]. А с 1967 г. экспедиция приступила к стационарным ежегодным раскопкам этого крупнейшего в Южном Узбекистане после Термеза древнего города (рис. 1).

Дальверзинтепе расположено в самой широкой части плодородной долины, разработанной Сурхандарьей между хребтами Байсунтау

[6] Пугаченкова, 1961, с. 67; 1963 а, с. 52, сл.
[7] Альбаум, 1966, с. 47, сл.
[8] Пугаченкова, 1966 а, с. 22, 26; Тургунов, 1968, с. 39, сл.

ется цивилизация городского типа. Процесс этот особенно нарастает после вхождения Бактрии в состав державы Ахеменидов (VI—IV вв. до н. э.) на положении одной из сатрапий, из которой Ахемениды черпали не только богатую подать, но и отличные воинские резервы. Не случайно в войске Ксеркса, по свидетельству Геродота, во время греко-персидских войн первыми в правом крыле Мардония располагались бактрийцы.

Бактрийские города в эту пору становятся пунктами пребывания правительственных чиновников и местной администрации, вероятно, назначавшейся Ахеменидами из местной же среды, военных чинов и воинских соединений. Они отвечали за административную деятельность и своевременное поступление налогов в царскую казну, за спокойствие границ и «состояние умов». В предгорьях Байсуна экспедицией обнаружены и изучаются крупные го-

рода этой эпохи — Кизилтепе на землях сельсовета Миршаде и другой — у с. Бандыхан. Оба — прямоугольного плана, оба обнесены крепостными стенами. В подчинении таких городов находились разбросанные в их округе селения, располагавшиеся, очевидно, среди пашен и садов. Вода поступала на поля, в селения и города из горных саев, от которых отводились каналы. Отрезок такого канала (древнейшего из выявленных к настоящему времени в Северной Бактрии) обнаружен близ Бандыханского городища.

Бурная урбанизация и общий расцвет городской культуры протекали в Бактрии в античную пору, охватывающую интервал с конца IV в. до н. э. по III в. н. э. Походы Александра Македонского послужили к тому внешним побудительным толчком, но последовавшие затем существенные изменения общественной жизни уже были подготовлены здесь изнутри общим ходом общественного развития.

В пределах многовекового отрезка времени в Бактрии протекают исторические события, зафиксированные древними авторами и восполняемые анализом обширных монетных эмиссий и немногочисленных пока эпиграфических памятников. Перечень событий вкратце сводится к следующему. После смерти Александра Македонского (323 г. до н. э.) и недолгого вхождения страны в состав державы Селевкидов — отпадение Бактрии в середине III в. до н. э. и создание самостоятельного Греко-Бактрийского государства со столицей в Бактрах — Балхе; его подъем, расширение границ вплоть до Северо-Западной Индии; затем — распад и крушение, нанесенное волнами нахлынувших из-за Сырдарьи во второй половине II в. до н. э. полукочевых народов — саков и юэджей. Последние осели пятью родами на землях Бактрии и основали столицу к северу от Амударьи. В I в. до н. э. юэджи ассимилировались с коренным населением и были объединены сильнейшим из пяти юэджийских родов — Кушанами.

В I в. н. э. Кушаны совершили победоносные походы за Гиндукуш и далее на юго-восток с захватом областей современного Афганистана и значительной части Индии: при царе Куджуле Кадфизе — долины Инда, при его преемнике Виме Кадфизе — долин Ганга и Джамны. В правление Вимы Кадфиза и особенно могущественного Канишки и Хувишки (II в.) осуществлялось укрепление государственного строя империи путем политических акций, династических сношений, денежной реформы, а в области идеологической — покровительством по отношению ко всем религиям, исповедуемым пестрым народонаселением обширной кушанской державы. При последующих царях происходили какие-то внутренние неурядицы, внешние войны, экономический спад, и к концу II — началу III вв. наступил закат династии.

В III в. Бактрию захватили Сасаниды; период III—IV вв. именуют кушано-сасанидским, поскольку правят ею мелкие кушанские царьки, подчиненные кушаншаху из сасанидского дома. Во второй половине IV—V вв. движения кочевников — кидаритов и эфталитов окончательно сокрушили античную систему, на обломках которой затем начинает оформляться иной общественный строй.

Для понимания того, что же представляла собой городская культура античной Бактрии, необходимо было изучение городищ, запечатлевших в своих археологических напластованиях смену перечисленных выше исторических периодов и к тому же не перекрытых более поздними наслоениями, которые не только создают дополнительные трудности при работах, но и искажают погребенные под ними ранние слои. Идеальным в этом отношении памятником нам казался Дальверзинтепе. И он не обманул ожиданий.

С 1967 г. в целях исследования структуры крупного кушано-бактрийского города Узбекистанская искусствоведческая экспедиция начала и проводит с тех пор систематические ежегодные раскопки на Дальверзинтепе.

Дальверзинтепе расположено на возвышенной террасе аллювиальных песчано-лессовых отложений правобережья Сурхандарьи. Прорезанные протоками, они образуют в этом районе ровные наверху всхолмления «столового» типа, на одном из которых и был основан древний город.

В наши дни Дальверзинтепе в своих основных контурах и в микрорельефе выглядит так (рис. 2): наиболее возвышенным является его многогранно-округлый южный отдел (170—200 *м* в поперечнике), который условно назван Вышгородом. Он охвачен подковой былого рва или подававшего воду в город канала (здесь и в наши дни проходит арык). Северная часть городища — Нижний город имеет прямоугольный план (650×500 *м*), вытянутый со склонением до 26° с юго-запада на северо-восток. Город охвачен по периметру рвом и валами оплывших стен с вздымающимися на расстоянии 30—40 *м* всхолмлениями былых башен. Расположение городских ворот выделено заметным понижением рельефа в юго-восточном участке Нижнего города, на стыке

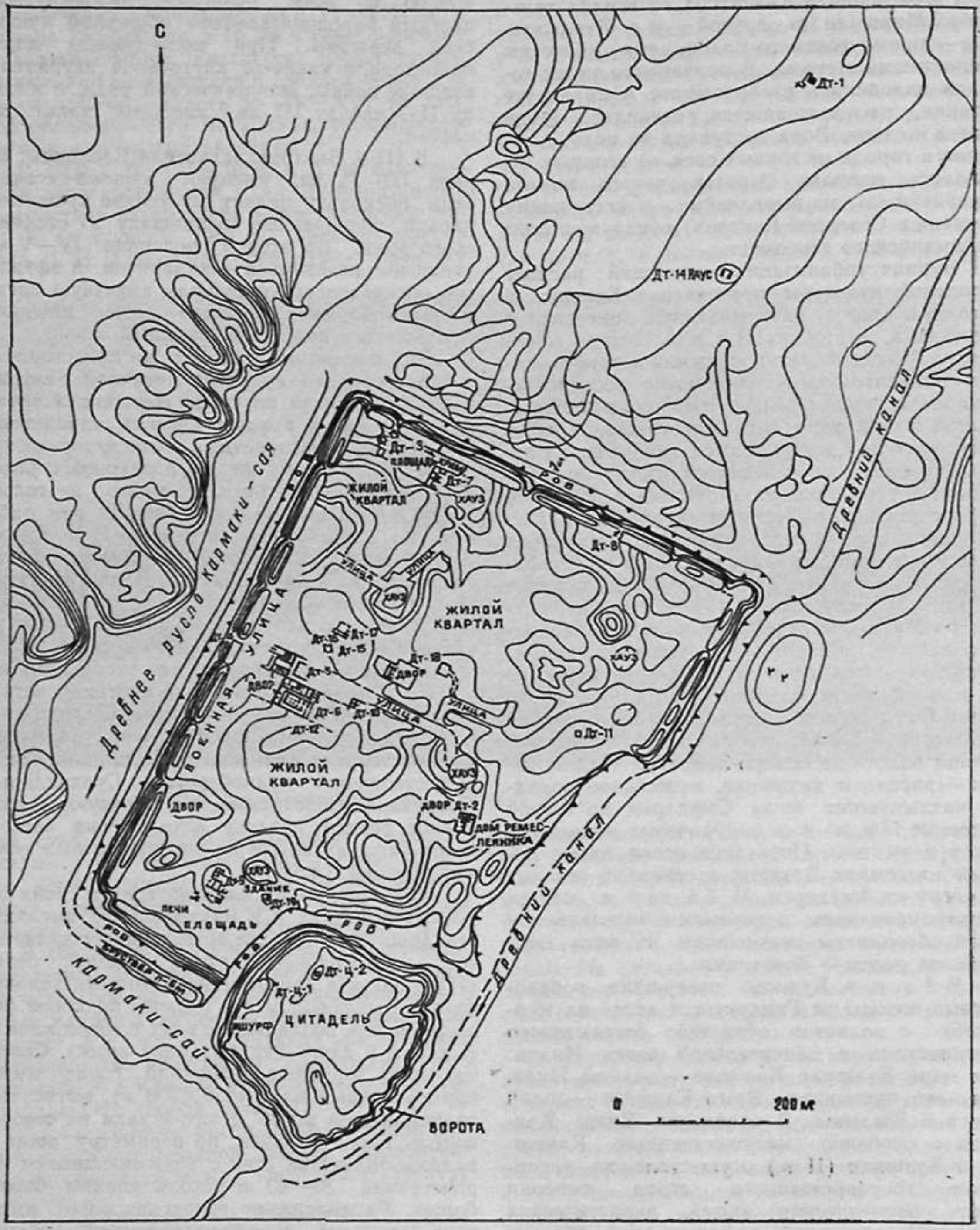


Рис. 2. Общий план городища Дальверзинтепе. Выполнен Э. В. Ртвеладзе.

его с Вышгородом, откуда велась их оборона. В этом участке, видимо, тянулся и пандус, по которому поднимались в Вышгород.

Хотя общее направление крепостных ограждений Вышгорода и Нижнего города имеет склонение по отношению к странам света, оговоримся, что для простоты описаний далее по тексту всей книги ориентация стен и построек условно обозначена как северная, южная, восточная и западная.

бокие впадины подквадратной формы с заоваленными, благодаря оплывам, углами, видимо, отмечают местоположение городских водоемов — хаузов. За пределами городских стен — множество обширных и малых всхолмлений естественного происхождения. В 1959—1960 гг. они еще оставались нетронутыми, и лишь с восточной стороны усадьбы колхозников вплотную подступали к понижению древнего рва. Через два-три года по северному и

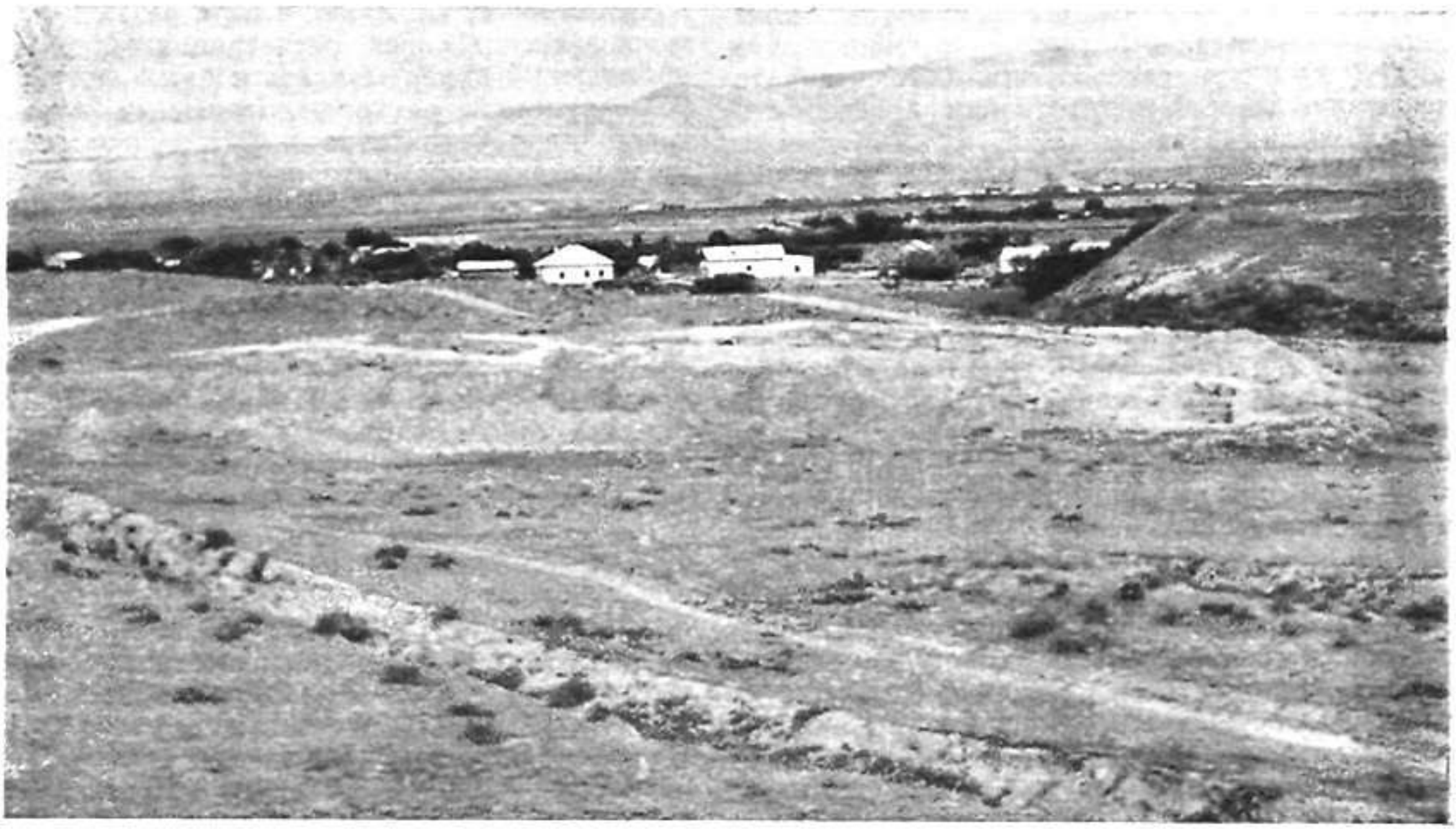


Рис. 3. Часть Нижнего города. Цитадель. Вдали — гряда Бабатага.

Археологические наслоения в Вышгороде достигают 6—7 *м*, а внутри укреплений Нижнего города — 5—6 *м*. Подошва стен Верхнего города имеет более высокую отметку, так как первоначальный населенный пункт был основан на самом высоком во всем районе естественном холме. В пределах ограждающих стен микрорельеф здесь идет с нарастанием к центру. Северо-восточный сектор занят могилами еще недавно функционировавшего мусульманского кладбища, сложившегося близ мазара какого-то местного «святого» (имени его население не знает), чья могила в глинобитной оградке, увенчанная шестом, расположена на склоне древнего пандуса.

Пространство внутри стен Нижнего города заполняют слитные бугры плотной былой застройки (рис. 3). В некоторых участках глузападному руслу рва был проведен широкий канал, а за последние годы большую часть земель вокруг Нижнего города распахали под посевы хлопка и огороды. В 1967 г. была начата распашка и территории внутри стен, снивелировавшая микрорельеф северо-восточного участка, но эти работы нам удалось приостановить.

Приступая к систематическому изучению Дальверзинтепе, мы ясно отдавали себе отчет, что огромные масштабы городища и мощь его культурных отложений при небольшом числе землекопов ставят жесткие границы возможностей. В силу этого необходимо было принять такую методику работ, которая позволила бы, даже при ограниченности вскрываемых площадей, дать ответ на некоторые общие вопросы стратиграфии и хронологии города, обри-

совать ведущие принципы градостроительства и архитектуры и конкретные черты материальной и художественной культуры. Искусствоведческий профиль экспедиции обязывал к акцентам именно в плане исследования памятников зодчества, изобразительных и прикладных искусств, но археологические методы поиска этих погребенных в земле объектов диктовали решение и чисто археологических задач.

На цитадели (рис. 4) изучался юго-западный участок крепостных ограждений, здесь же был произведен стратиграфический разрез до подошвы стен (Дтц-1), кроме того, начато исследование верхней застройки в северо-западной части (Дтц-2).

В Нижнем городе проведено изучение крепостных стен — сделаны три разреза (Дт-3, Дт-4 и Дт-8), на двух из которых осуществлены также зачистки площадок в верхних горизонтах (Дт-4 и Дт-8). В центральной зоне исследуется западный квартал крупных жилых домов (Дт-5, Дт-6, Дт-10, Дт-12), а близ восточной крепостной стены вскрыт небольшой дом в квартале рядовых горожан (Дт-2). В северной зоне, близ разреза стены Дт-3, завершен раскоп выступавшего одиночным холмом здания культового характера — Дт-7. В южной части городища ведется вскрытие крупного ремесленного квартала, связанного с керамическим производством (Дт-9), где оказались гончарные печи, мастерские и небольшой храм. В северной зоне Нижнего города было осуществлено также несколько зондажей: заложен шурф (Дт-1, Ш-СВ), произведены разведочные зачистки на северо-западном холме (Дт-13) и раскопки хумханы (Дт-11).

В загородной зоне проведено обследование упоминавшихся выше холмов за стенами Дальверзинтепе. Среди тех, что расположены за северным рвом, оказались остатки культовых и мемориальных памятников, из которых вскрыты буддийское святилище (Дт-1), наус (Дт-14) и одиночное погребение в саркофаге. С восточной и южной сторон за стенами и рвом городища почти все холмы — естественного происхождения, но и здесь обнаружены и исследованы единичные объекты — гончарная печь (Пч-2), следы небольшой усадьбы, винодельня. В 1,5 *км* к югу от городища изучались остатки средневекового поселения Гормалитепе.

Проблема общей и локальной стратиграфии Дальверзинтепе решалась сопоставлением данных, полученных на всех раскопах, на большинстве из которых ниже полов или оснований вскрытых зданий нами были проведены специальные стратиграфические зондажи.

Раскопки велись с первоначальной поквадратной разбивкой площадок вскрытий (квадраты 2×2 *м* по странам света) и с поярусной разбивкой по вертикали (ярусы через 50 *см*). Нулевой репер отсчета ярусов был избран в Нижнем городе на самой возвышенной башне западной стены (у раскопа Дт-4), а в цитадели — у наивысшей точки центрального всхолмления. По мере выявления в плане архитектурных контуров, а в разрезах — стратиграфических слоев, регистрация объектов и наблюдений привязывалась к ним.

Результаты раскопок отдельных пунктов городища с характеристикой полученных при этом наблюдений, материалов и находок изложены в соответствующих статьях данной коллективной монографии[9].

Экспедицией открыто значительное число разнообразных памятников искусства (скульптура, живопись, ювелирные изделия, терракота) — им предполагается посвятить особую публикацию и, может быть, не одну. В настоящей же монографии они затрагиваются лишь в общем комплексе публикуемых материалов.

Изучение Дальверзинтепе велось группой сотрудников сектора истории искусств Института искусствознания им. Хамзы. Общее научное руководство исследованиями городища осуществлялось Г. А. Пугаченковой (начальник экспедиции) при непосредственном проведении ею раскопок на объектах Дт-1, Дт-3, Дт-4, Дт-9, Дт-11. Основные производители раскопок: Б. А. Тургунов (заместитель начальника экспедиции) — объекты Дтц-1, Дт-1, Дт-2, Дт-6, Дт-12; Э. В. Ртвеладзе — Дтц-1 (продолжение), Дтц-2, Дт-7, Дт-9, Дт-13, Дт-14; Т. В. Беляева — Дт-5. К полевым работам по мере надобности (закрепление и изъятие скульптур и фрагментов живописи, реставрация сосудов, очистка монет, закрепление черепов и пр.) привлекались сотрудники лаборатории научно-художественной реставрации — Х. Хуснутдинходжаев, В. Н. Лунев, С. В. Левушкина, Н. А. Сотникова (последняя деятельно участвовала и в археологических вскрытиях). Графические работы, помимо производителей раскопок, выполнял А. Исламов. В качестве лаборантов в раскопках участвовали И. С. Морозов (Дт-2, Дт-4), студенты кафедры Ташкентского государственного университета Л. Некрасова (Дт-2, Дт-8, Дт-9, Дт-10), Э. Джураев (Дт-9),

[9] Предыдущие публикации сотрудников экспедиции отражены в списке цитированной литературы.

А. Сагдуллаев (Дти-2), М. Исхаков (Дт-9 и Гормалитепе), а также ежегодно проходили археологическую практику студенты искусствоведческого отделения Ташкентского театрально-художественного института. Полученные в процессе вскрытий материалы служили темами курсовых или дипломных работ.

Народная фантазия создала легенду о городище Дальверзинтепе, которая с некоторыми вариантами распространена среди жителей Денауского и Шурчинского районов. Легенда гласит, что на месте Дальверзинтепе когда-то был большой цветущий город. Правил им Даль (или Заль) — мудрый царь, обладавший даром волшебства, но кяфир — «неверный», исповедовавший язычество. И была у него единственная дочь.

В ту пору пришел во главе арабского войска в долину Сурхана пророк Али, племянник Мухаммеда. Мчался он, юный и прекрасный, на своем неукротимом коне Дульдуле, одерживая победы одну за другой. Уже захватил он Термез, города, лежавшие в долине за Джаркурганом, и вот подступил к Дальверзину — *городу Даля. Но взять его оказалось* непросто. Высоки были стены и неприступен заполненный водой ров. Пробовали воины Али перекрыть или отвести эту воду, а она опять поступала в ров, неизвестно откуда.

Тогда Али пустился на хитрость. Знал он, что у царя есть дочь, знал он и сколь любопытны женщины. Напротив крепости, где высился царский дворец с балконами, откуда иногда выглядывали женские фигурки, он приказал врыть столбы, натянуть канат и стал расхаживать на нем, как искусный дарбаз — канатоходец. Разглядела царевна, как хорош этот статный воин, искусно балансирующий на канате. А он той порой послал ей на стреле записку с признанием в своей горячей любви, ради которой-де он и хочет завладеть этим городом. Девушка отозвалась ответным признанием, написав его на плоде граната, брошенном на ту сторону рва.

Так завязалась переписка. И когда Али после очередного любовного излияния спросил, почему не иссякает вода во рву, она ответила, что нужно проехать к Тупаланту (а это бурная река — приток Сурхандарьи, проходящая в 60 *км* севернее Дальверзина), там есть водоворот, и в этом-то месте вода уходит в подпочвенный слой, который достигает дальверзинского рва — нужно лишь его перекрыть.

Али немедленно направил туда отряд сподвижников, они перекрыли фашинами воронку у Тупаланга, вода во рву вскоре иссякла и воины ринулись атаковать крепостные ворота и стены. Ворвались в город и — о удивленье! — ни одного человека, а только животные, от быков и верблюдов до малых котят. Воины растерялись, но Али, поняв, что это волшебство Даля, который обратил своих жителей в животных, приказал всех перебить, так как среди них должен быть и сам царь. Началась жестокая резня, утомились воины, а Али, решив, что Даль был в числе крупных животных, распорядился оставить мелкое зверье, которое кинулось удирать через ворота и бреши, пробитые в стенах.

Вошел Али в цитадель, и здесь из дворца бросилась к нему в объятия царевна, уговорившая отца не изменять ее облик. А когда узнала она, что не все животные перебиты, воскликнула, что отец ее был среди них в виде паршивой собачонки, значит он убежал в Гузар.

Гузар в те давние времена был хорошо укреплен, к тому же порос вокруг камышами. «Но это не беда», — сказала царевна, — их нужно поджечь с наветренной стороны, пламя *устремится на крепость и откроет путь войску*, которое сможет атаковать и взять город».

«Я так и сделаю, — ответил Али и, обратившись к своим воинам, добавил: А теперь отрубите ей голову. Если она была способна предать родного отца, то же сделает она когда-нибудь и со мной».

Так свершилось возмездие за предательство. А Али при захвате Гузара сам убил Даля, после чего установил в областях по Сурхандарье и Кашкадарье мусульманскую веру. Дальверзин же с тех пор навсегда был покинут — никто не решался селиться там, где пролито столько крови. И превратился он в городище — тепе.

При всей чисто сказочной форме в легенде этой, если отбросить романтическую канву, выступают реальные представления народа о глубокой древности Дальверзинтепе, о том, что когда-то это был могучий, укрепленный город, и о том, что гибель его наступила с приходом арабов.

Но подлинные контуры истории города восстанавливаются не из легенд и не письменных источников, а на основе разнообразных историко-культурных материалов, фактов и наблюдений, полученных в итоге многолетних раскопок на Дальверзинтепе[10].

---

[10] В данной монографии подытожены результаты работ экспедиции 1962—1963 и 1967—1974 гг. Раскопки на городище продолжаются.

ЦИТАДЕЛЬ ДАЛЬВЕРЗИНТЕПЕ

Цитадель Дальверзинтепе расположена в юго-восточном углу городища, выступая больше чем наполовину за пределы южной стены Нижнего города. По микрорельефу она выглядит как подквадратная, однако изломы в линиях стен позволяют считать, что в плане она была, видимо, многогранной. Направление и расположение стен диктовалось, видимо, природным рельефом холма (см. рис. 4).

В трех углах цитадели, за исключением северо-западного, обращенного в сторону города, отмечаются три мощные башни. Наиболее укрепленным был восточный фас, где в микрорельефе заметны шесть промежуточных башен. Здесь же, почти в центре, вероятно, находились и ворота цитадели, фланкированные двумя выдвинутыми башнями. Две башни имелись и на южном фасе, тогда как на северном и западном промежуточных башен, по-видимому, не было.

Протяженность стен[1] по южной стороне 150 *м*, по восточной — более 200 *м*, по северной 170 *м* и по западной 180 *м*. Общая площадь цитадели немногим более 3 *га*. Высота с восточной стороны от высшей точки цитадели до современного уровня рва 11 *м*, северной, обращенной ко рву, более 14 *м*. Абсолютная высота в центре до уровня рва 15 *м*, а не около 20 *м* и даже 29 *м*, как это указано в ряде публикаций[2].

Цитадель со всех сторон была окружена рвом, ширина которого со стороны города 20—25 *м*, причем если с северо-западной и северо-восточной сторон ров был, по-видимому, вырыт специально, то с юго-западной стороны для него использовали естественное русло древнего протока (рис. 4). Этот проток, известный под названием Кармакисай, еще хорошо прослеживается, несмотря на сильное изменение древнего микрорельефа в результате строительства шоссе. Он идет с севера, ограничивая с северо-западной стороны все городище. В районе цитадели проток делает резкий поворот и уходит к пойме Сурхандарьи. В древности Кармакисай был заполнен водой, о чем свидетельствует сильно заглубленное русло. Ясный намек на это содержится и в народной легенде о Дальверзинтепе, где рассказывается, что вся низина вокруг города заливалась водой[3].

В настоящее время бо́льшая площадь поверхности цитадели занята под кладбище, и для археологических раскопок доступна только ее северо-западная часть.

Изучение цитадели Узбекистанской искусствоведческой экспедицией было начато в 1962 г., когда Б. А. Тургунов и Д. Г. Сидорова провели небольшие расчистки участка крепостной стены на северо-западном фасе и примыкающих к ней изнутри двух помещений V—VII вв. Основываясь на полученных данных, Б. А. Тургунов полагал, что первоначальная стена толщиной 5,2 *м* из сырцового кирпича 45×45×12—13 *см* была возведена в III—II вв. до н. э., т. е. в греко-бактрийское время. Позже, в эпоху Великих Кушан, к этой стене пристроили дополнительную стену толщиной 4,7 *м* из сырца 35×35×11—12 *см* и 32×30×12 *см*, так что общая ее толщина достигла 10 *м*[4].

Для более полного выявления фортификационных особенностей и истории цитадели в 1968 г. Э. В. Ртвеладзе был осуществлен стратиграфический разрез крепостной стены и заложен шурф до материка, а в 1974 г. А. Сагдуллаев заложил небольшой раскоп в северо-западной части цитадели.

Стратиграфический шурф Дтцш размером 4×4 *м* заложен на месте вскрытых ранее раннесредневековых помещений в 30 *м* от западного угла цитадели, непосредственно у начала разреза 1962 г. крепостной стены. Отсчет высотных отметок как для шурфа, так и для разреза велся от репера, установленного у западной стенки шурфа на 2 *м* ниже высшей точки цитадели.

В результате раскопок выяснилось, что толщина культурных отложений в данном месте от репера до уровня материка достигает 6,35 *м*. Так как максимальная высота цитадели в настоящее время достигает 15 *м*, то можно заключить, что высота холма, на котором было основано первоначальное поселение, преобразованное затем в цитадель, в древности достигала 7—8 *м*.

---

[1] Размеры даются от середины гребня стен, а не по оплывам у основания холма.

[2] Альбаум, 1966, с. 9; Тургунов, 1968 а, с. 39.

[3] Пугаченкова, 1963 а, с. 55.

[4] Тургунов, 1968 а, с. 39—43; Пугаченкова, 1966а.

В многометровой толще культурных отложений можно выделить пять основных стратиграфических горизонтов, представленных частично сохранившимися весьма четкими уровнями полов (рис. 5). Самый ранний период в шурфе (XI—XIII ярусы, глубина 5,15—6,35 *м* от репера) представлен частью помещений шириной 2,8 *м* со стенами толщиной 50—60 *см*, выведенными из пахсы красноватого оттенка,

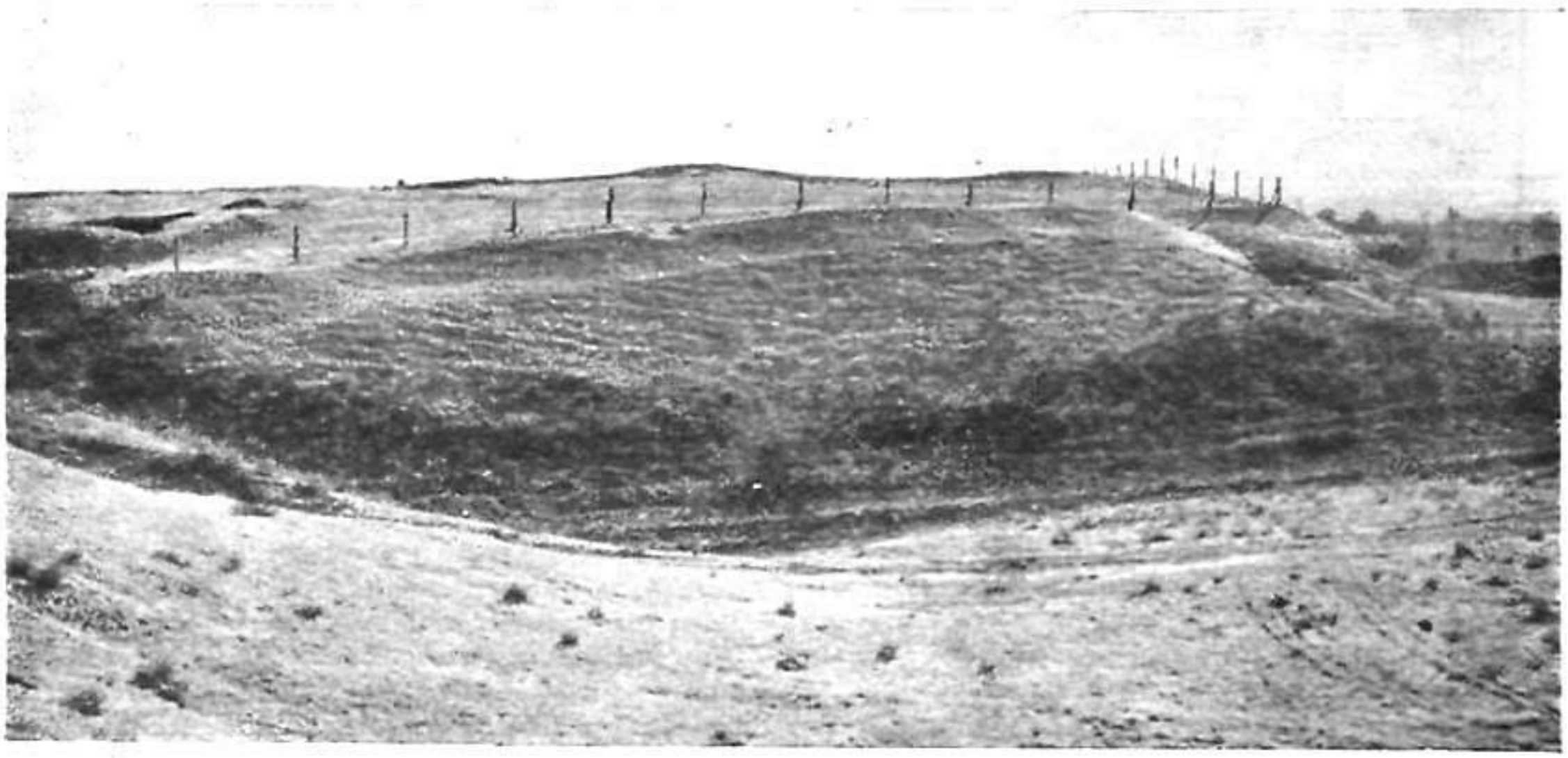


Рис. 4. Цитадель Дальверзинтепе.

и хозяйственной ямой размером 1×1 *м*, опущенной с уровня пола помещения в материковый лессовый грунт на глубину 70 *см*. В заполнениях ямы — чередующиеся друг с другом прослойки и линзы золы и зеленоватых органических остатков, а в помещении над полом — полуметровый слой рыхлой земли с хозяйственно-бытовыми отложениями. Выше — темно-коричневатый плотный грунт, слабо насыщенный культурными остатками.

В составе керамики нижнего слоя (рис. 6, яр. XII—XIII) ведущими формами являются так называемые «рыбные блюда» с клювовидно-отогнутым венчиком, чаши на невысоком поддоне с Т-образным или Г-образным плоским венчиком, загнутым внутрь или имеющим посередине небольшую выемку. Характерны также цилиндрические кубки с прямо поставленным венчиком, у перегиба венчика иногда проходит узкая бороздка, опоясывающая весь сосуд.

Вся керамика этой группы изготовлена на гончарном круге, черепок плотный, хорошей отмучки и обжига. Поверхности покрыты светло-желтым или светло-красным ангобом, частью со следами лощения. Любопытен небольшой сосудик с пола помещения с прямым венчиком и слегка округлым туловом, покрытый черноватым ангобом прекрасного лощения. Среди фрагментов можно отметить крупные горшки, хумы, чаши с сильно отогнутым венчиком. Принципиального различия между керамикой из ямы и с пола помещения не наблюдается; она представляет одновременный комплекс и, следовательно, яма и помещение синхронны.

Из территориально наиболее близких памятников аналогии керамике первого слоя Дтцш дает в первую очередь керамика нижнего слоя поселения на Дальверзинтепе[5], греко-бактрийского слоя Ай-Ханум — III—II вв. до н. э.[6], Афрасиаба II—III—II вв. до н. э.[7] нижнего слоя Бактр[8]. Здесь сходны многие формы сосудов и ряд технических признаков. Опираясь на эти аналогии, можно датировать первый слой Дтцш, а следовательно, и время первоначального сложения поселения на цитадели III—II вв. до н. э.

Второй стратиграфический горизонт в шурфе приходится на XI — начало IX ярусов

---

[5] Пугаченкова, 1971, с. 187—188.
[6] Schlumberger, Bernard, 1965, с. 604 — 639, рис. 6, 7.
[7] Шишкина, 1975, с. 60, рис. 2, 3, 4.
[8] Gardin, 1957, pl. VII.

(глубина 4,25—5,15 *м* от репера). В северной части он представлен остатками коридорообразного помещения с разрушенными и очень тонкими стенками из пахсы. На остальной же площади шурфа на этом уровне отмечен светловатый средней плотности слой с большим количеством зольных прослоек толщиной 15—20 *см*, скоплениями древесного угля и костей животных. Характер слоя по сравнению с предыдущим меняется. Наличие большого количества золы как будто говорит о запустении, однако не всегда наличие золы и хозяйственно-бытовых остатков свидетельствует о подобном явлении. Напротив, в большинстве случаев это показатель интенсивной жизни[9].

Керамический материал из данного слоя (рис. 6, яр. X—XI) хотя и достаточно обилен, но весьма фрагментирован, так что датировка его затруднена. Можно отметить закраины

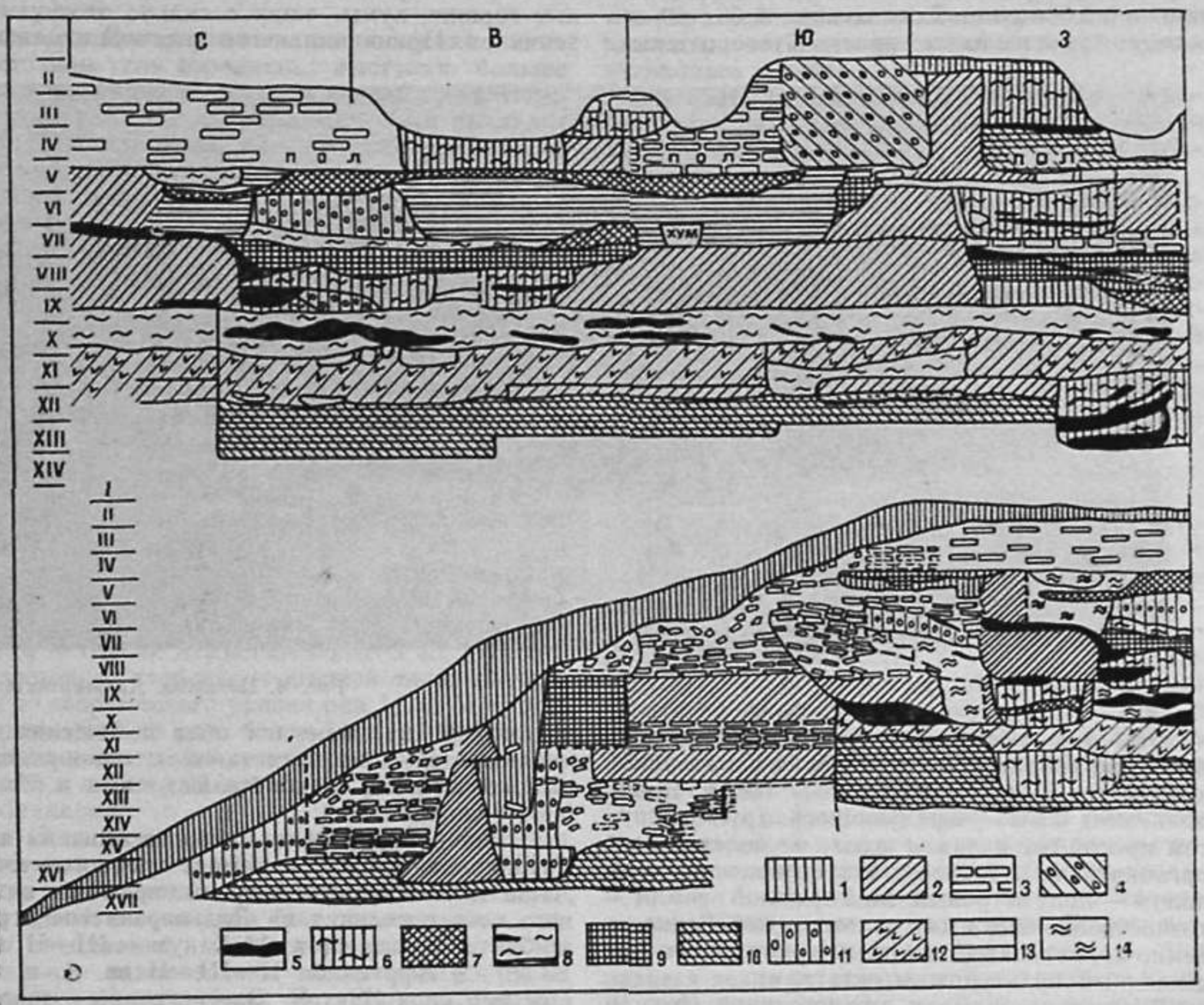


Рис. 5. Цитадель Дальверзинтепе. Вверху — развертка шурфа. Внизу — разрез.

Условные обозначения: *1* — рыхлый слой земли; *2* — пахса; *3* — сырцовый кирпич; *4* — плотный завал с кусками кирпича; *5* — зольный слой; *6* — рыхлый слой с угольками, керамикой и костями животных; *7* — зеленовато-коричневатый слой; *8* — светлый слой средней плотности с большим количеством зольников и угольков; *9* — глинобитная забутовка; *10* — лесс; *11* — рыхлый завал с кусками кирпича и пахсы; *12* — темно-коричневый плотный слой; *13* — плотный слой глины коричневого цвета с угольками, костями и керамикой; *14* — слой темно-коричневого цвета с угольками, керамикой и костями.

---

[9] Например, у ногайцев Северного Кавказа груды золы около дома — показатель богатства и обеспеченности. На наш взгляд, стремление исследователей видеть в слоях хозяйственно-бытовых отложений лишь свидетельство запустения поселения не оправдано. Показателем запустения являются в первую очередь стерильные прослойки с большим количеством песка и чистой земли.

тонкостенных чаш с прямым или сильно отогнутым венчиком, покрытых светлым ангобом. Профили их аналогичны таковым же из слоя III—IV в Халчаяне, датируемом I в. до н. э.[10] Почти отсутствует керамика с темно-красным ангобом, характерная для первых веков нашей эры, что может служить показателем более ранней датировки этого слоя.

Заслуживают внимания находки двух фрагментов керамических сосудов, украшенных по внутренней стороне врезанным орнаментом из двойной волны, разделенной прямой концентрической линией. Появление керамики с подобным орнаментом в Халчаяне (рис. 6) отмечено для I в. до н. э.[11] В Беграме она присутствует в слое Беграм I, датируемом II в. до н. э. — I в. н. э.[12]. Ее нет в слое Кобадиан I, но затем, хотя и редко, эта керамика появляется в слое Кобадиан II, который М. М. Дьяконов датировал III—I вв. до н. э.[13], но который, в свете современных данных, датируется не ранее II—I вв. до н. э.[14]

Третий стратиграфический горизонт Дтцш с наиболее мощными культурными отложениями соответствует середине IX— концу VII ярусов (глубина 3,20—4,25 *м* от репера). В шурфе он представлен рядом помещений с четким уровнем полов и стенами из очень плотной пахсы коричневого цвета, основанными на выровненной поверхности предшествующего слоя. Стены сохранились на высоту 1,05—1,10 *м*, ширина одного из помещений 2,65 *м*. В заполнениях — рыхлый слой с керамикой и костями животных и линзы зольных прослоек. Уровень полов в помещениях этого горизонта совпадает с уровнем основания дополнительных пристроек крепостной стены, что, по всей вероятности, говорит об их синхронности.

Из этого слоя происходит более 200 черепков сильно фрагментированной керамики, так что выделение форм может быть весьма приблизительным (рис. 6, яр. VII—IX). Отметим тарелки с широким плоским бортиком, иногда на трех ножках, украшенные изнутри двойной волнистой линией, чаши со слабо отогнутым венчиком, небольшие тонкостенные сосуды с прямым или клювовидным венчиком. По сравнению с предшествующим слоем, можно отметить значительное увеличение керамики с темно-красным ангобом и волнистым орнаментом, а также наличие сероглиняных сосудов. Впервые появляется керамика со штампиками в виде овального листка с прожилками — изображение стилизованного дерева (?) или колоса (?).

Аналогичная керамика широко распространена на многих кушанских поселениях и городищах. Однако вопрос о времени ее появления и особенно генезиса в пределах античной Бактрии окончательно не решен. При всем этом большинство исследователей склонно относить внедрение штампиков в кушанскую керамику к I в. до н. э. — рубежу нашей эры[15], причем массовое распространение подобной керамики приходится на период Великих и особенно поздних Кушан. Материалы раскопок на Дальверзинтепе подтверждают это мнение.

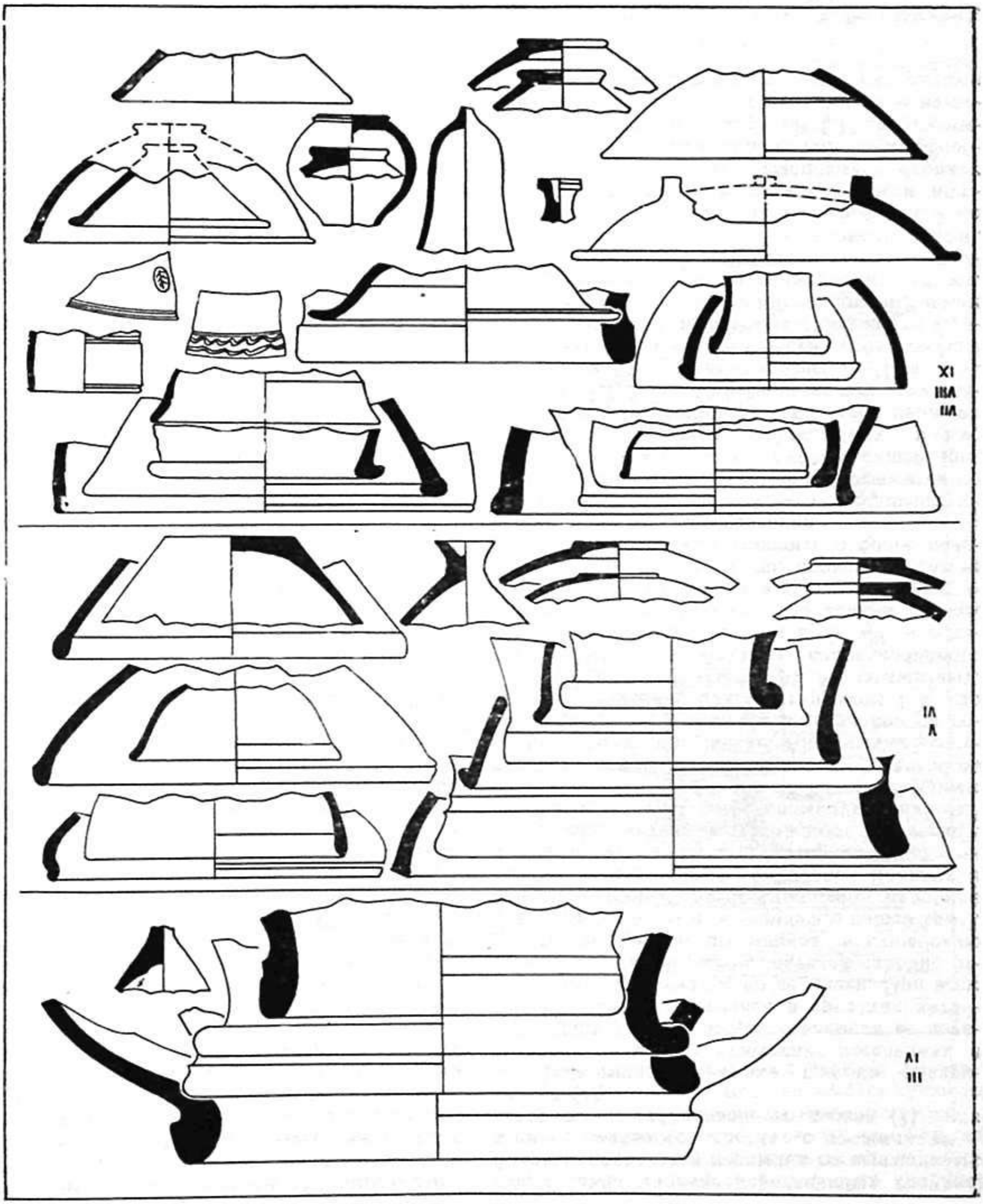
Следует также особо упомянуть о находке на глубине 3,65 *м* бокала с колоколовидным туловом, покрытого темно-красным ангобом, на высокой тонкой ножке. Аналогичные сосуды встречены в комплексе из «свалки» на городище Кейкобадшах, датируемом I в. до н. э. — I в. н. э.[16] По А. М. Мандельштаму, период бытования бокалов колоколовидного типа заканчивается ранее I в. н. э.[17], что кажется не совсем точным. Во всяком случае, условия находки бокала в третьем стратиграфическом горизонте Дтцш, причем в самом его конце, позволяют говорить о более поздней границе их существования.

Основываясь на том, что предшествующие два слоя Дтцш, несомненно, относятся ко времени до нашей эры — рубежу нашей эры, и на вышеотмеченных наблюдениях, можно допустить датировку третьего слоя первыми веками нашей эры. Учитывая же при этом толщину слоя 1,25 *м* — скорее всего I—II вв. н. э., поскольку, как показали стратиграфические наблюдения, на кушанских городищах Сурхандарьинской области слой толщиной 1 *м* или около этого приходится примерно на сто лет.

В дальнейшем помещения третьего стратиграфического горизонта забутовали пахсой, поверхность которой была выровнена, и на ней, как это видно в западной части шурфа, были уложены сырцовые кирпичи 40×40×12 *см*, образующие пол коридорообразного помещения шириной 2,15 *м*, примыкающего к крепостной стене. Стены его возведены из пахсы в сочетании с двумя рядами

---

[10] Пугаченкова, 1966а, с. 40. Судя по опубликованным материалам, керамики с врезанным орнаментом нет и в слое Афрасиаб II (III—II вв. до н. э.).
[11] Там же, с. 42—43, рис. 17.
[12] Ghirshman, 1946, p. 43, pl. XXIX—XXXIII.
[13] Дьяконов, 1953, с. 286, рис. 20.
[14] Шишкина, 1975, с. 60.
[15] Пугаченкова, 1966 а, с. 59; Пидаев, 1975, с. 70—71.
[16] Мандельштам, Певзнер, 1958, рис. 11, 5, с. 303, сл.
[17] Мандельштам, 1966, с. 157.


XI
IIIA
IIA
VI
A1
III

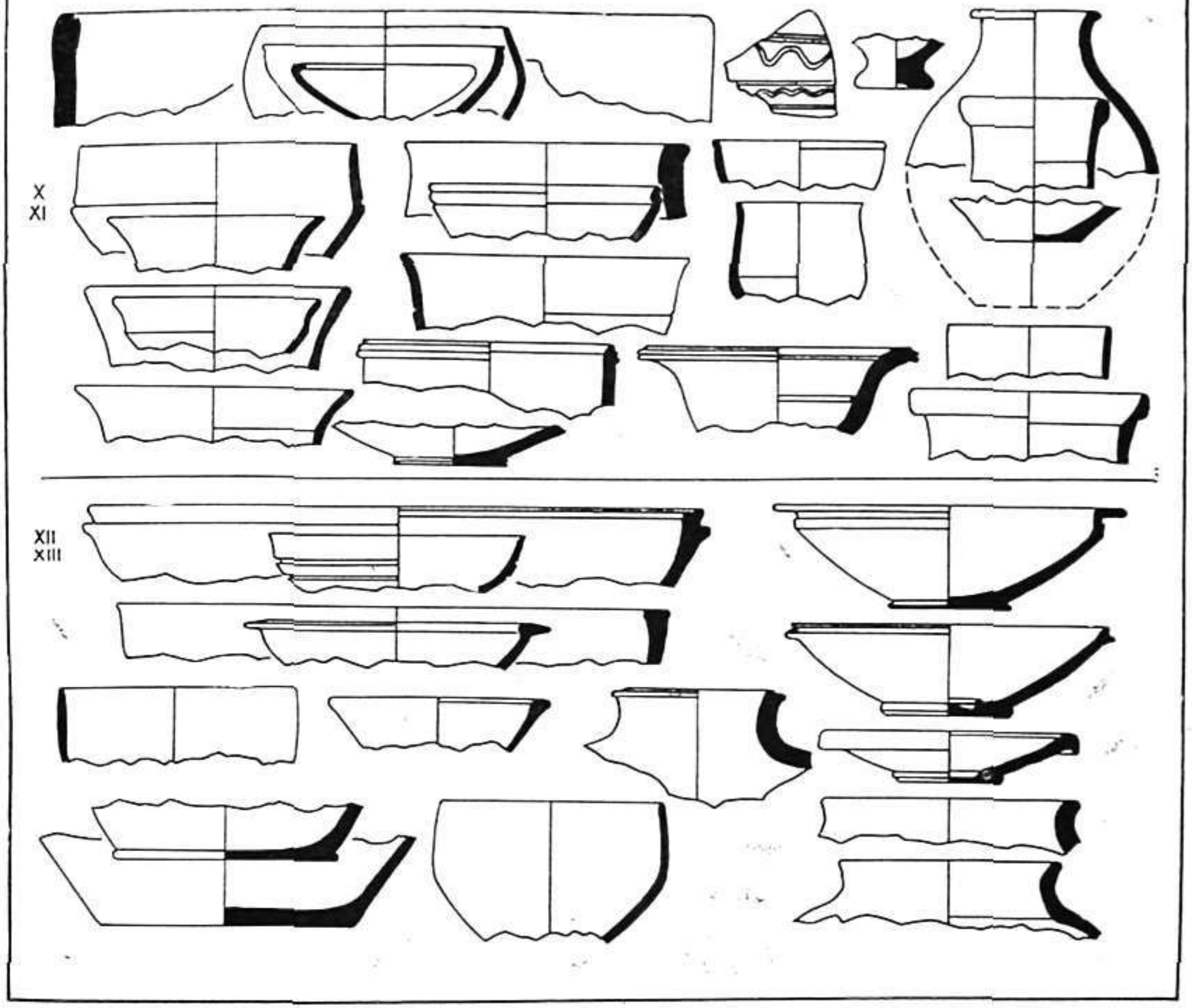


Рис. 6. Цитадель Дальверзинтепе. Керамика из шурфа. Слева — ярус III—IX; справа — ярус X—XIII.

сырцовых кирпичей 40×40×10 *см*. Это помещение, соответствующее четвертому стратиграфическому горизонту, перекрыто на уровне конца V яруса слоем пожарища толщиной 15 *см*, который хорошо прослеживается над помещением. В других участках шурфа этот слой, по-видимому, синхронен слою рыхлых хозяйственных отвалов, представленных зеленоватой органической массой, угольками, золой, фрагментами керамики.

Абсолютная дата четвертого стратиграфического горизонта и последующей зольно-пожарной прослойки вряд ли может быть установлена с достаточной точностью. Существенно, однако, что слой этого горизонта на глубине 2 *м* (граница IV—V ярусов) перекрыт рядом коридорообразных помещений шириной 2,3 *м* (пятый стратиграфический горизонт). Стены помещений выстроены из прямоугольного сырцового кирпича 52—53×26×9—10 *см*, применявшегося в строительной практике на территории Средней Азии с V по VIII в.[18]

Таким образом, относительная хронология четвертого стратиграфического горизонта определяется следующим образом: он предшествует помещению, датируемому указанными пределами[19], и следует за третьим горизонтом,

[18] Нильсен, с. 212.
[19] Пугаченкова, 1966 а, с. 24.

который датируется I—II вв. н. э. Исходя из этих данных, четвертый стратиграфический горизонт и следующий за ним слой запустения возможно отнести к III—IV вв. н. э. Не противоречит этой дате полученный из данного горизонта сильно фрагментированный керамический материал (рис. 6, яр. V—VI), в котором отмечается почти полное исчезновение керамики с темно-красным ангобом и сероглиняной керамики и преобладают фрагменты со светло-желтым ангобом. Заслуживают упоминания и венчики хумов с двумя концентрическими валиками под ними, которые на городище Дальверзинтепе встречены в керамических комплексах вместе с сасанидо-кушанскими монетами IV в. н. э. (раскоп Дт-9).

Стратиграфический разрез крепостной стены начат непосредственно от западной стенки шурфа и продолжен в сечении на 12,5 *м*. Ширина разреза 1,0—1,5 *м*, максимальная глубина от высоты стен 6 *м* (см. рис. 5).

В результате раскопок выяснилось, что стены цитадели имели более сложную историю, чем это представлялось на первоначальной стадии их изучения[20].

Исходя из уровня залегания культурных слоев, можно заключить, что древнейшей, по-видимому, являлась нижняя стена цитадели, возведенная на лессовом материке из очень плотных, красноватого оттенка, блоков пахсы, аналогичных по цвету и структуре стене помещения нижнего слоя шурфа. В настоящее время ширина ее у основания 1,9 *м*, вверху — 60 *см*, в высоту она сохранилась на 2,5 *м* со скосом внешней грани около 80°.

Основание стены ниже пола упоминавшегося помещения на 2,45 *м* и дна ямы — на 1,70 и 1,75 *м*. Уровень древней поверхности естественного холма полого опускался от помещения к крепостной стене, где у основания оказалась другая яма шириной 1 *м*. В заполнениях этой ямы найдены фрагменты характерных для III—II вв. до н. э. тарелочек с клювовидным венчиком и пирамидальной формы ткацкое грузило из необожженной глины. Судя по данным стратиграфии и составу керамики, время возведения стены можно отнести к III—II вв. до н. э.

Несколько позднее выше по склону к востоку была выстроена вторая по времени стена с выступающей платформой, для чего часть древнего уровня склона холма срезали. На выровненной поверхности, которая выше основания первоначальной стены на 90 *см*, возведена из сырцового кирпича и пахсы платформа высотой 1,75 *м*, выдвинутая с внешнего фаса по отношению к стене на 1,5 *м*. Стена, как и платформа, возведена приемом комбинированной кладки: в основании уложены сравнительно тонкие кирпичи (45×45×6—8 *см*), на нем на 60 *см* — слой пахсы красноватого цвета, выше — сырцовый кирпич в четыре ряда. Кирпич квадратный, основные размеры 47—48×47—48×12—13 *см*, 45×45×12 *см*, 42—43×42—43×10—12 *см*, но встречаются кирпичи 36—38×36—38×10—11 *см*. Выше — еще слой пахсы толщиной 90 *см*, а над ним до современной поверхности — опять кирпичная кладка. Ширина платформы 5,1 *м*, стены сохранились на высоту 4,3—3,9 *м*. На постелях кирпичей имеются знаки-клейма, причем наблюдается интересная закономерность: на всех кирпичах размером от 45 *см* и выше проставлен знак в виде буквы «В». Встречены также знаки, напоминающие букву «Б», «Ж» и др.

Устройство выдвинутой платформы, применявшейся в древней фортификации для ограничения действия стенобитных машин, хорошо известно в античной фортификации Средней Азии — это раннепарфянская крепостная стена Старой Нисы[21], первоначальная стена первой половины III в. до н. э. в Гяуркале Старого Мерва[22], стена древнего Самарканда[23]. На территории Бактрии крепостные стены с выдвинутой платформой открыты в Кейкобадшахе[24], Бактрах[25] и Халчаяне[26].

По этим аналогиям можно заключить, что отдельные приемы фортификации цитадели Дальверзинтепе не отличались от фортификации других районов Средней Азии античного времени. Затруднительна датировка времени сооружения этой стены, поскольку никакого датирующего материала в ней не было найдено. Однако уровень ее основания почти совпадает с уровнем пола помещения второго горизонта, датируемого I в. до н. э. — I в. н. э. Косвенным подтверждением этой даты может служить наличие упомянутой платформы под стеной — прием, характерный для III—I вв. до н. э.

Любопытно, что от уровня основания платформы, с внешней стороны приходящегося на конец XV яруса (7,45 *м* от репера), отходит гипсовая прослойка, отмечающая уровень пола прохода между этой стеной (II) и пахсовой стеной греко-бактрийского времени

---

[20] Тургунов, 1968 а.

[21] Пугаченкова, 1958, с. 36.
[22] Филанович, с. 38.
[23] Кабанов, с. 187.
[24] Кузьмина, Певзнер, с. 80.
[25] Le Berre, Schlumberger, 1964, p. 74.
[26] Пугаченкова, 1966 а, с. 102—103.

(I). Таким образом, в I в. до н. э., в юэджийско-кушанское время, крепостная стена цитадели Дальверзинтепе состояла из основной верхней стены с платформой и малой стены, разделенных между собой проходом. Общая толщина их с проходом достигала около 8 *м*.

Позднее, когда оборонительную мощь крепостных стен цитадели сочли недостаточной, верхнюю основную стену заключили в футляр, пристроив с обеих сторон дополнительные кладки из сырцового кирпича и пахсы. При этом была заложена и выступающая платформа. Размеры кирпича 45×45×12 *см*, 42—43×42—43×11—12 *см*, 40×40×11 *см*, есть также половинки и даже четвертушки кирпича. На постелях имеются знаки-клейма, по иного типа, чем в предшествующей стене — в основном это двойная линия, крест, овал, перечеркнутый линией. В результате этих дополнительных пристроек верхняя стена достигла ширины более 7 *м*.

Время возведения дополнительной пристройки может быть определено характером ее стратиграфического залегания. Так, с внутренней стороны она начинается с отметки 4,2 *м* и совпадает с уровнем пола помещения, которое датируется великокушанским временем. По-видимому, в это время была усилена и нижняя стена, где к существующей ранее пахсовой была пристроена дополнительная стена, сохранившаяся в толщину на 3,2 *м*, внешняя грань ее разрушена. Материалом для нее послужил старый сырцовый кирпич самых различных размеров — от 35×35×10 *см* до 45×45×12 *см*. Примечательно, что здесь знаки-клейма на постелях почти такие же, как и в пристройках верхней стены. Аналогичен и коричневый цвет кирпича.

Итак, в великокушанское время цитадель Дальверзинтепе опоясывал двойной ряд стен, разделенных узким проходом-коридором. Внутренняя стена была более широкой и высокой, а внешняя — уже и ниже. После всех перестроек общая мощь стен достигла 11 *м*, а в некоторых местах и несколько более. Учитывая, что стены были возведены на 3 *м* выше уровня 20-метрового рва и высота их достигала, по всей вероятности, более 10 *м*, можно представить, какое мощное и неприступное сооружение представляла собой цитадель Дальверзинтепе. Кстати, прием возведения двойных или тройных рядов стен хорошо известен в фортификации Древнего Востока[27]. Отмечен он и в Средней Азии — в укреплениях Гяур-калы парфянского времени[28].

К великокушанскому же периоду относится вскрытая в 1962 г. угловая юго-западная башня, выступающая от линии крепостных стен на 75 *см*. Внутри нее выявлена четкая грань стены, по-видимому, внутрибашенного помещения, разрушенного поздней ямой.

Видимо, уже в позднекушанское время стены цитадели разрушились и были заброшены. В дополнительной пристройке с внутренней стороны верхней стены отмечены разрушения кладки, причем в образовавшихся щелях накопились зола и бытовые остатки. В раннем средневековье как нижняя, так и верхняя стены уже не отвечали своему прямому назначению, поскольку на оплывших гребнях верхней стены были устроены помещения, стены которых выстроены из прямоугольного сырцового кирпича 52—53×26×9—10 *см*, характерного для VI—VII вв.[29]

Резюмируя наши наблюдения, можно вкратце охарактеризовать историю стен цитадели, которая складывается из трех периодов. В первом, греко-бактрийском (III—II вв. до н. э.), возводится небольшая пахсовая стена. *Во втором, юэджийско-кушанском (I в. до н. э. — I в. н. э.)*, появляется верхняя стена с выступающей вперед платформой-протейхизмой. В третьем, великокушанском (I—III вв. н. э.) периоде, цитадель опоясывается двойным рядом мощных стен, разделенных проходом-коридором. Вслед за тем наступает заброс укреплений и их разрушение.

Сопоставление фортификационных приемов, примененных при строительстве цитадели Дальверзинтепе, с иными крепостными сооружениями Средней Азии античного времени позволяет присоединиться к высказанному уже Б. А. Тургуновым мнению об их близости, но, как нам представляется, не вообще со всеми районами Средней Азии, а особенно с укреплениями Бактрии и Маргианы.

В раскопе Дтц-2 (20×20 *м*), заложенном в 30 *м* к востоку от северо-западной стороны цитадели, была выявлена часть здания. С западной и южной сторон оно ограничено стенами шириной 2,2 *м*, прослеженными на расстоянии 11 *м*. Стены выстроены из прямоугольного сырцового кирпича 52×26×10 *см*. Характер заполнений следующий: верхний поддерновый слой 15—20 *см*; ниже идет слой органических остатков зеленоватого цвета с большим количеством костей животных и фрагментами керамики (0,7—1,0 *м*); под ним до уровня пола, лежащего на глубине 1,4 *м*, выявлен слой разрушенных кладок. Судя по размерам кирпича

[27] Шнерк, с. 143.
[28] Филанович, 1974, с. 41.
[29] Пугаченкова, 1966 а, с. 20—24; Тургунов, 1968 а, с. 43.

и фрагментам керамики, здание можно датировать VI—VII вв.

Таким образом, раскоп Дтц-2 подтверждает данные основного раскопа о том, что последний период обживания покинутой цитадели приходится на VI—VII вв. Обживание было достаточно интенсивным, поскольку культурные слои этого периода достигают 1,5—2,0 *м*. Однако крепостных стен в данное время уже не существовало.

Обследование цитаделей городищ кушанского времени в пределах Сурхандарьинской области, осуществлявшееся автором в 1969—1976 гг., показывает, что не все они строились по заранее продуманному плану. Они отличны и размерами, и местоположением в системе городской застройки. Зависело это, вероятно, от самых различных факторов, хотя природный, надо полагать, играл ведущую роль.

Большинство цитаделей, независимо от их площади, находится в одном из углов городища, полностью входя в систему городской застройки (Хаитабадтепе и др.). В других случаях, располагаясь в одном из углов, цитадель на одну четверть или наполовину выступает за границу городских стен (Дальверзинтепе, Арпапаятепе). Единственным пока примером расположения цитадели в центре поселения является городище Ялангтуштепе (Б-93). Влияние естественных факторов на местоположение цитаделей особенно очевидно на примерах Термезского городища и Кампыртепе (Б-11), где цитадели располагаются на краю города, на берегу Амударьи, защищенные, таким образом, с одной стороны рекой, а с других — рвом.

Есть цитадели, расположенные отдельно от основной части города (Джандавляттепе, Карабагтепе, Бабатепе, Ишанбобо). На одном городище небольшая по площади, но высокая и сильно укрепленная цитадель находится в середине северо-восточного фаса (Дегризтепе)[30]. Вообще же при выборе места для цитадели, как нам представляется, древние строители в первую очередь руководствовались природным рельефом, его пригодностью для оборонных целей и возможностью отхода, и не обязательно ее местоположение зависело от основных подводящих к городу дорог. Этими же принципами руководствовались древние строители при перестройке греко-бактрийского городка в цитадель Дальверзинтепе, основание которой—естественный холм—было в значительной мере защищено уже самой природой: с одной стороны — широким руслом древнего протока Кармакисая, а с другой — болотистой и заросшей тугайной растительностью поймой Сурхандарьи, куда можно было скрыться при захвате цитадели.

Вызывает сомнение утверждение В. А. Нильсена о том, что цитадели в основном лежали со стороны наиболее возможного нападения на город[31]. Основная функция цитадели — оборонительная, в меньшей мере — наблюдательная. Цитадель — последний оплот, убежище, куда в случае крайней опасности укрывались защитники города, штурм цитадели — заключительный акт при захвате города. Естественно, что цитадель должна была располагаться так, чтобы, во-первых, осаждающим было труднее добраться до нее, а это, помимо других обстоятельств, обеспечивала также территория самого города, захват которой значительно обескровливал врага прежде чем он достигал цитадели. И, во-вторых, если бы цитадели располагались со стороны наиболее возможного нападения на город, то тогда штурм мог начаться на одном из участков городских стен, идущих к цитадели, и при их прорыве защитники были бы отрезаны от нее.

Вышеуказанные обстоятельства позволяют говорить о том, что местоположение цитадели в первую очередь обусловливалось наименее уязвимыми и наиболее выгодными для оборонительных целей природными условиями. Если таковые имелись, то она должна была располагаться вне зависимости от путей наиболее возможного нападения на город. Представляется, что во многих случаях цитадель находилась со стороны наименее вероятного нападения на город, наглядный пример чему дают цитадели Термезского городища и Кампыртепе, обращенные в сторону реки. Что же касается использования цитадели как наблюдательного пункта, в чем В. А. Нильсен видел доказательство расположения ее со стороны путей наиболее возможного нападения на город[32], то оно допустимо, но не всегда обязательно, поскольку, будучи самым высоким местом в городе, она обеспечивала наблюдение за врагом независимо от того, где располагалась.

Изучение размеров цитаделей также приводит к ряду выводов (табл. 1). Как видно из данных таблицы, учитывающих наиболее хорошо сохранившиеся кушанские городища Сурхандарьинской области, самая большая по площади цитадель, не считая Термезского го-

[30] Ртвеладзе, Хакимов, с. 10—35; Ртвеладзе, 1974, с. 74—75.

[31] Нильсен, с. 32.

[32] Там же.

родища. — Дальверзинтепе (более 3 *га*). Несомненно, что в такой цитадели могли располагаться как дворцовые, так и административные здания. Есть цитадели площадью 0,8—1,0 *га*, но у большинства городищ площадь цитадели колеблется от 0,1 до 0,4 *га* и даже до 0,04—0,08 *га*. Даже у таких сравнительно крупных городищ, как Хайтабадтепе (более 7 *га*) и Джандавляттепе (более 7 *га*), площадь цитадели достигает всего лишь 0,2 *га* и по отношению к остальной площади колеблется от 1/30 до 1/35. Учитывая при этом, что часть этой площади приходится на крепостные стены и башни, трудно допустить, чтобы на таком мизерном пространстве могло располагаться несколько зданий различного назначения.

Таблица 1

Пропорциональные соотношения площадей цитаделей

Наименование и шифр памятника	Общая площадь, *га*	Площадь нуклеарной части, *га*	Площадь цитадели, *га*	Соотношение площади цитадели и нуклеарной части	Место расположения цитадели
Дальверзинтепе (Б-3)*	<31,0	27,0—28,0	>3,00	1/9	в юго-восточном углу, частично за пределами стен нуклеарной части
Зартепе (Б-5)	16,0	<15,0	0,40	1/40	в северо-восточном углу, в пределах стен
Ялангтуштепе (Б-93)	<20,0	<20,0	1,00	≈1/20	в юго-восточном углу, в пределах стен
Караултепе (Б-56)	14,0	<13,0	0,80	1/16—1/17	
Джандавляттепе (Б-33)	<7,0	7,0	0,20	1/35	отдельно, в северо-западной части
Хайтабадтепе (Б-49)	<7,0	<6,0	0,20	≈1,30	в юго-восточном углу, в пределах стен
Дегрезтепе (Б-67)	<6,0	6,0	0,08	1/70	в центре северо-восточного фаса стен
Кампыртепе (Б-11)	≈3,0	<3,0	0,60	1/5	на краю, у реки
Бабатепе (Б-30)	2,5	2,1	0,40	1/5	отдельно, в юго-западной части
Актепе (Б-43)	1,5	1,4	0,06	1/25	в юго-восточном углу, в пределах города
Хайрабадтепе (Б-6)	1,5	1,2	0,25	1/5	в юго-восточном
Арпапаятепе (Б-54)	1,0	0,9	0,10	1/9	в юго-восточном углу, частично за границей стен
Безымянное тепе (Б-51)	≈1,0	0,8	0,10	1/8	в юго-восточном углу, в пределах стен
Ишанбобо (Б-63)	0,8	0,7	0,06	≈1,7	отдельно от поселения

* В статье Э. В. Ртвеладзе „Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана" (Древняя Бактрия. Л., 1974, с. 80—84) ошибочно приведена площадь Дальверзинтепе без цитадели, а Караултепе—без площади нуклеарной части. В настоящей работе введены коррективы.

Исходя из этих данных, можно предположить, что подобные цитадели или представляли сильно укрепленный дворец-замок правителя, возможно, в несколько этажей, или играли роль наблюдательного и наиболее мощного оборонительного пункта в общей системе городской фортификации. Однако вопрос этот остается открытым до полных раскопок одной из античных цитаделей.

УКРЕПЛЕНИЯ НИЖНЕГО ГОРОДА

Изучение структуры крепостных стен, охватывающих нижнюю зону античного города, представляло немалые трудности, так как раскопки их оплывов даже на отдельных отрезках потребовали бы колоссального объема земляных работ. В силу этого мы ограничились пока тремя разрезами: двумя — на северной стене (ДТ-3 и ДТ-8) и одним — в центре западной стены (ДТ-4) с зачистками верхних площадок на прилежащих участках. Некоторый дополнительный материал привлечен нами из публикации Л. И. Альбаума, осуществившего в 1961 г. разрез западной стены у широкой пробоины в юго-западном углу городища.

Выбор места для разраставшегося города был осуществлен с учетом возможностей и условий его обороны. Этому благоприятствовали многие особенности естественного рельефа. Продолговатый бугор, тянувшийся к северу от Вышгорода, был ограничен с запада поймой проходившего здесь Кармакисая, а с восточной он возвышался над пониженной терра-

Рис. 7. Северо-восточная часть городища.

сой прибрежной зоны. Одновременно с обнесением прямоугольного пространства (650×
×500 *м*) крепостными стенами его обвели рвом, вода в который поступала из упомянутого сая (рис. 7). Таким образом, с западной стороны, где, очевидно, пролегал главный торговый путь по Саганиану, стену защищала двойная водная преграда. Южный и юго-восточный участок Нижнего города находился под защитой цитадели Вышгорода, в каковую был преобразован первоначальный греко-бактрийский городок. Перед южной стеной тянулся язык естественного всхолмления, создавшего как бы дополнительный оборонный рубеж. Городские ворота располагались в юго-восточной части смежно и под защитой цитадели[33].

Перейдем к характеристике разрезов.

Разрез Дт-8 (рис. 8) — северная стена, в 150 *м* от северо-восточного угла. Над материковым грунтом красноватых песчано-лессовых отложений возведена первоначальная стена: на высоту 2,1 *м* — из пахсы, выше на 1,8 *м* — из сырца. Пахса — отличного качества, из чистой глины, в три слитных ряда, из которых нижний выступал наружу. Кладка — со скосом граней (он особенно отчетлив с южной стороны). Толщина стены внизу до 4,5 *м*, в уровне начала сырцовой кладки около 3 *м*. Сырец очень крупного формата — 45—48 *см* в стороне квадрата на 10—13 *см* толщины (единичные экземпляры 51×51×12 *см*). На кирпичах клейма наподобие «В» и «З».

При последующей перестройке снаружи к стене примкнул массив пахсы, так что общая толщина ее достигла 10 *м*. Пахса несколько отлична от первоначальной — в ней есть комковатые включения глины, отдельные фрагменты толстостенной керамики. Вверху над первоначальной стеной отмечено два ряда из сырца (полуразрушенных в сторону города) размерами 40×40×10—11 *см* и 37×37×10—11 *см*; на некоторых знак — три параллельных черты. В пахсовом же массиве на высоте 2 *м* от подошвы и на расстоянии до 3 *м* от внешней грани оказался внутристенный коридор шириною 1,3 *м*, который прослежен в длину до 8,5 *м*. В его западной части — яма до 70 *см* глубиной, заполненная рыхлой землей. В остальном весь коридор заполняет глина с кусками сырца и пахсы разрушенных кладок. Над ямой обнаружена эфталитская монета из группы подражаний чекану Пероза (рис. 157, 14, 15).

Монета имеет принципиальное значение и потому остановимся на ее описании и некоторых деталях.

Металл — низкопробное, судя по сильному позеленению поверхности, серебро. Лицевая сторона: в кружке из плотных точек, почти слившихся из-за потертости монеты, бюст го-

[33] Принципиальный интерес могла бы иметь структура городских ворот, но этот участок наполовину распахан, наполовину застроен.

сутара вправо в двукрылой короне со стержнем, увенчанным полумесяцем и шаром; от плеч его поднимаются рельефные ленты. С внешней стороны кружка — четыре крупные точки (как бы на углах квадрата); в поле справа, слева и снизу надписи бактрийского письма (повреждены).

Оборотная сторона: в сильно затертом точечном кружке высокий аташдан с конусовидным пламенем, по обе стороны которого стражи, стоящие несколько вкось, с копьями, концы которых пересекают кружок и выходят на поле.

Описанный экземпляр принадлежит эфталитскому чекану из серии широко распространенных подражаний Сасаниду Перозу, которые появляются с 476 г. и чеканятся вплоть до 545 г. Он относится к тем эмиссиям, которые выделены в обобщающей монографии Р. Гобля по признаку четырех точек на кружке лицевой стороны[34]. Однако в этом сводном труде прямой аналогии нашему экземпляру нет: на приведенных им 21 монете не встречается описанное выше расположение надписей. Расшифровка их остается за специалистами, но уже сейчас уникальность данного экземпляра, притом локализованного по месту нахождения, позволяет предполагать, что он принадлежал к выпуску монет той группы эфталитов, которая пребывала в Чагании во второй половине V — первой половине VI вв.

С наружной и внутренней сторон руины стены облекают слои постепенного разрушения пахсовых и сырцовых кладок. Городских построек вдоль стены нет, но у подножия ее изнутри имеются небольшие скопления хозяйственного характера с фрагментами керамики кушанского времени.

Разрез 1 в 3 (рис. 9) — северная стена, в 100 *м* от северо-западного угла. Над материковыми песчано-лессовыми отложениями красноватого и желтоватого цвета местами прослеживается небольшой культурный слой (35—50 *см*): глина с зольными прослойками, незначительными включениями керамики, костей животных. Фрагменты керамики по своему составу сходны с полученными в нижних слоях Дт-2, Дт-4, Дтц-1. Особенно характерна плоская тарелочка с треугольно заостренным венчиком, прямыми раскинутыми стенками и кольцевым дном, с утончением у середины. Форма эта («рыбница») типична для комплексов греко-бактрийской керамики.

Над этим культурным слоем уложен пласт пахсы шириною до 9 *м* и высотою от 0,8 до 1,2 *м* с небольшим перепадом у середины. С южной стороны на этой платформе возведен монолит стены толщиной 4,7 *м* у основания. Кладка его до 2,2 *м* осуществлена рядами пахсы разной высоты (85,16 и 100 *см*). Выше сохранились от трех до пяти сырцовых рядов. Сырец 44—45×44—45×10 *см*, кладка — с перевязкой швов по вертикали, что достигалось сдвигом кирпичей и разгонкой швов либо введением полукирпичей. На снятых 20 кирпичах — однотипный знак, варьирующий «бету» («В»), глина их красноватого цвета.

С наружной (северной) стороны строителями укреплений был использован еще и естественный рельеф. Здесь геологический останец был подрублен почти на 5 *м* по высоте, а у подошвы вырыт ров.

Следующий период отмечен усилением стены, когда наружный платформенный выс-

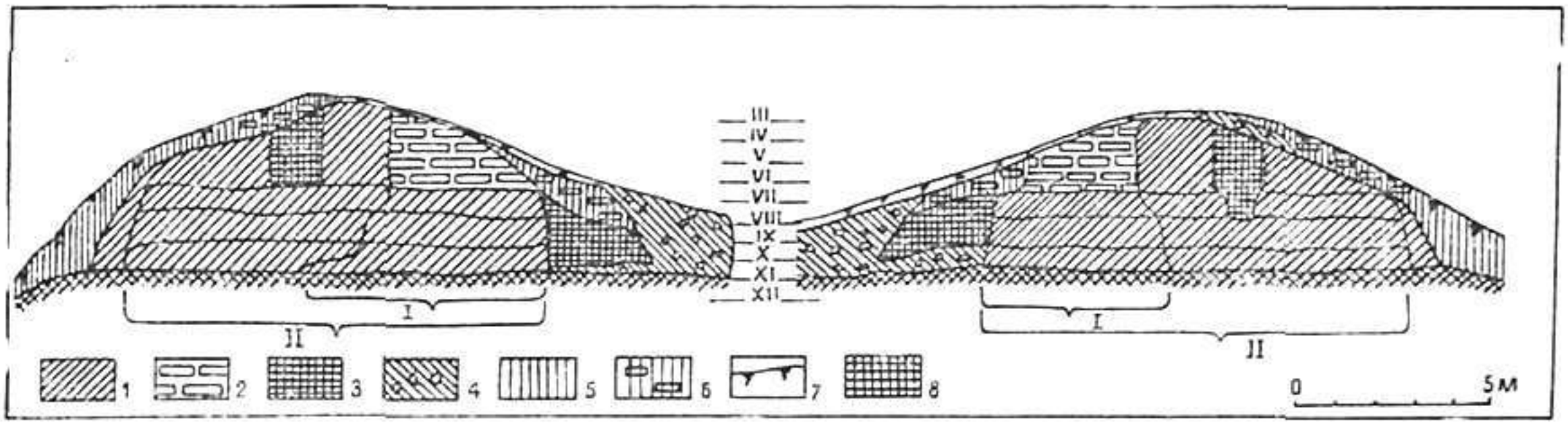


Рис. 8. Укрепления Нижнего города. Дт-8. Северная стена. Разрез (слева — восточная, справа — западная бровка).

I — стена I периода, II — стена II периода.
Условные обозначения: *1* — пахса; *2* — кирпич сырцовый; *3* — рыхлый завал сырца и глины; *4* — рыхлый серый слой с керамикой и костями; *5* — оплыв; *6* — комковатая глина из разрушенных кирпичей; *7* — дерновый слой; *8* — материк песчано-лессовый.

[34] Göbl, 1976, t. I, s. 197; Ibid., s. 197—199; t. III, Taf. 78—79, эмиссии 287—289.

туп был заложен на всю высоту (в сохранившихся доныне пределах) сырцом из желтоватой глины размерами 39—40×39—40×13—14 *см*. На кирпичах нами отмечено три варианта знаков, совершенно иных, чем на кирпичах первичной стены. Общая толщина стены теперь уже достигает 9 *м*; отделенная к тому же рвом она становится практически непробиваемой для стенобитных орудий.

В дальнейшем стена разрушается и оплывает. Ни построек, ни отбросов мусора (как на западной стене) к ней изнутри не подступает.

Разрез Дт-4 — осуществлен в средней части западной стены[35], через седловину возле наибольшего возвышения, выделявшего, как мы предполагали (и как это подтвердилось впоследствии), башню (рис. 10). Раскоп здесь захватил площадь свыше 150 $м^2$ со сквозным разрезом 20×20 *м* через стену и зачисткой 20,0×1,3 *м* через башню до начала древнего рва.

Первоначальная стена была основана над материком с такими же, как и везде, красно-желтыми песчано-лессовыми материковыми

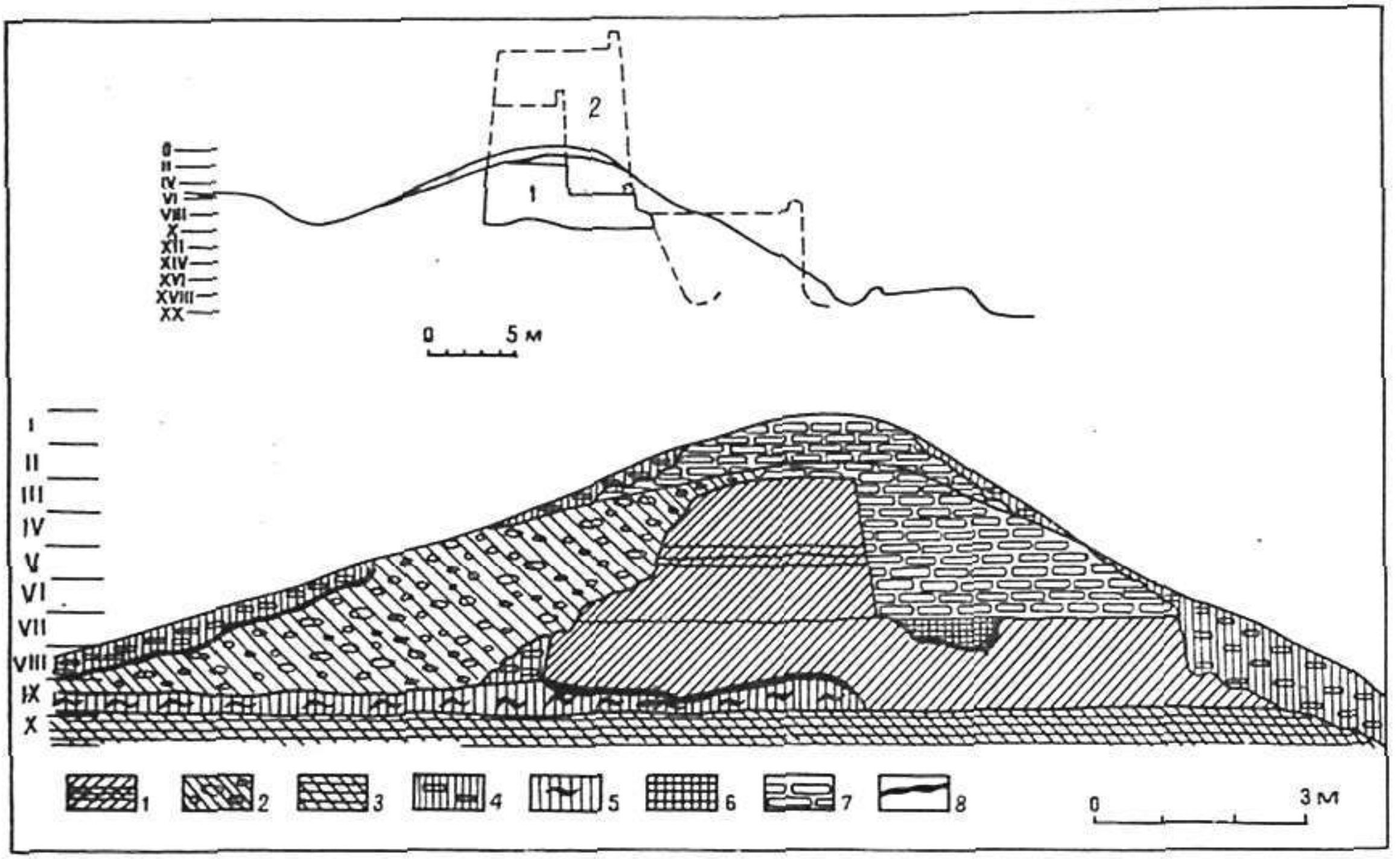


Рис. 9. Дт-3. Северная городская стена. Разрез. Профиль.

Условные обозначения: *1* — пахса большими и малыми пластами; *2* — рыхловатая глина с кусками керамики; *3* — песчано-лессовый материк с чередованием желтоватых и красноватых ленточных отложений; *4* — рыхлая глина разрушенных кладок; *5* — зольнохозяйственный отвал с керамикой, костями и пр.; *6* — рыхлая и комковатая забутовка; *7* — сырец, *8* — зольный слой.

отложениями. В двух местах материка оказались прямоугольная мусорная яма и две линзы с хозяйственными отбросами, которые позднее были перекрыты пахсовым цоколем стены. Этот цоколь достигает 9,5 *м* в заложении и имеет нечеткую с внутренней стороны города (видимо, деформированную от времени) грань высотою 1,4 *м*, затем перепад, а далее тянется пластом толщиною в 50—60 *см*. В западной половине он образовывал предстенный выступ, а в восточной на нем была основана стена с четкими вертикальными гранями, сохранившаяся в участке разреза по высоте на 3 *м* (от материка). Толщина стены 4,6 *м*, размеры кирпичей 45—46×45—46×12—13 *см* (одиночные кирпичи — до 43 *см* при толщине до 14 *см*).

[35] Предварительные данные о разрезе Дт-4 опубликованы (Пугаченкова, 1971, с. 191, сл., рис. 1). Дополнительные зачистки на стене и башне внесли ряд уточнений, существенных для понимания процесса трансформации укреплений Нижнего города на этом участке.

В то же время сооружается прямоугольная башня, выступавшая до 5 *м* и, очевидно, возвышавшаяся над гребнями стены. Кладка ее выполнена чередованием рядов пахсы и сырца тех же размеров, что и в стене — 45—46×45—46×12—13 *см*. Здесь над материком следуют слой пахсы 1,4 *м* — два ряда сырца — пахса 70 *см* — девять рядов сырца — пахса 90 *см*.

Следующий период отмечен существенными перестройками. Стену снаружи облекает

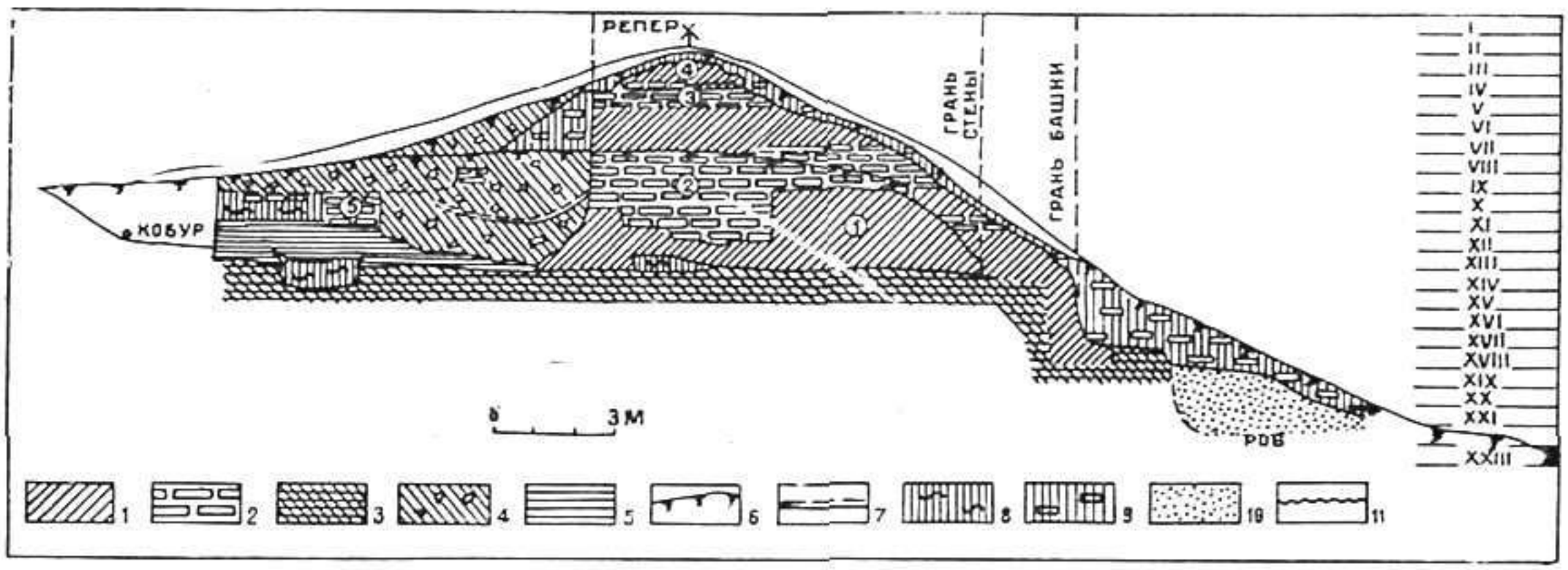


Рис. 10. Дт-4. Западная стена. Разрез.

Условные обозначения: 1 — пахса; *2* — сырец; *3* — песчано-лессовый материк ленточной структуры; *4* — рыхлая и комковатая глина с керамикой, костями, золой, обрывками гипса и пр.; *5* — плотная глина с небольшими включениями керамики, костей, угольков, золы; *6* — дерновый слой; *7* — зеленоватый слой истлевших органических остатков; *8* — хозяйственный отвал с керамикой, костями и пр.; *9* — комковатая глина разрушенных кладок; *10* — песок, *11* — горелый слой.

уложенная на первоначальный предстенный выступ обкладка, почти подступившая к внешней грани башни. Обкладка выполнена до 1,5 *м* по высоте из пахсы, а выше — из сырца. Теперь толщина стены достигает 9,5 *м*. Башню также усиливают двухметровой пахсовой обкладкой (она сохранилась лишь внизу). Выяснено, что здесь был вертикально подрублен почти на 2 *м* по высоте материк, облицованный пахсой. Отсюда на расстоянии 2,3 *м* обнаружено скопление речного песка — здесь проходила граница рва.

Внешняя сторона башни сильно оплыла, но в центральной части вала отмечены следы ее перестроек. Над первоначальным рядом пахсы была осуществлена подкладка в четыре ряда сырца размерами 40×40×11—12 *см*. Над ними на высоте 4,5 *м* от материка оказался пол какой-то внутрибашенной камеры. На нем лежала пирамидка крупных и среднеразмерных округлых галек, служивших для камнеметной артиллерии. Большое число таких галек обнаружено при зачистках и на

С внешней стороны стены и башни прослежен крутой оплыв глины и кусков разрушенных кладок. С внутренней стороны городища стратиграфия гораздо сложнее.

Первоначально здесь за стеной оставалось незастроенное пространство. Лишь на расстоянии 5 *м* обнаружена вырытая в грунте хозяйственная яма (2,0×1,8 *м*). Ко времени сооружения стены она уже была затянута сверху плотной глиной натечного характера.

В период капитальной перестройки городской стены на этом участке возводится какой-то дом, основанный на метровом слое плотной глины с редкими включениями керамики, угольков, золы. В наш разрез попали пол и стена толщиною 1,4 *м*, выведенная из сырца 40×40×11—12 *см*. В дальнейшем дом приходит в упадок. Стена его сохраняется по высоте до 70 *см*, и над этим уровнем появляется еще какое-то строение с сырцовой стеной толщиною 65 *см*. В эту пору пространство между упомянутыми постройками и городской стеной заполняют мощные (до 2,5 *м*) завалы

рыхлой и комковатой глины с керамикой, костями, золой, кусками гипса и т. д.

После того наступает полное запустение, и лишь комковатые рыхлые оплывы разрушенных кладок накапливаются вдоль башни и городской стены.

В уровне материка из упомянутых выше линз хозяйственных отбросов под стеной и из

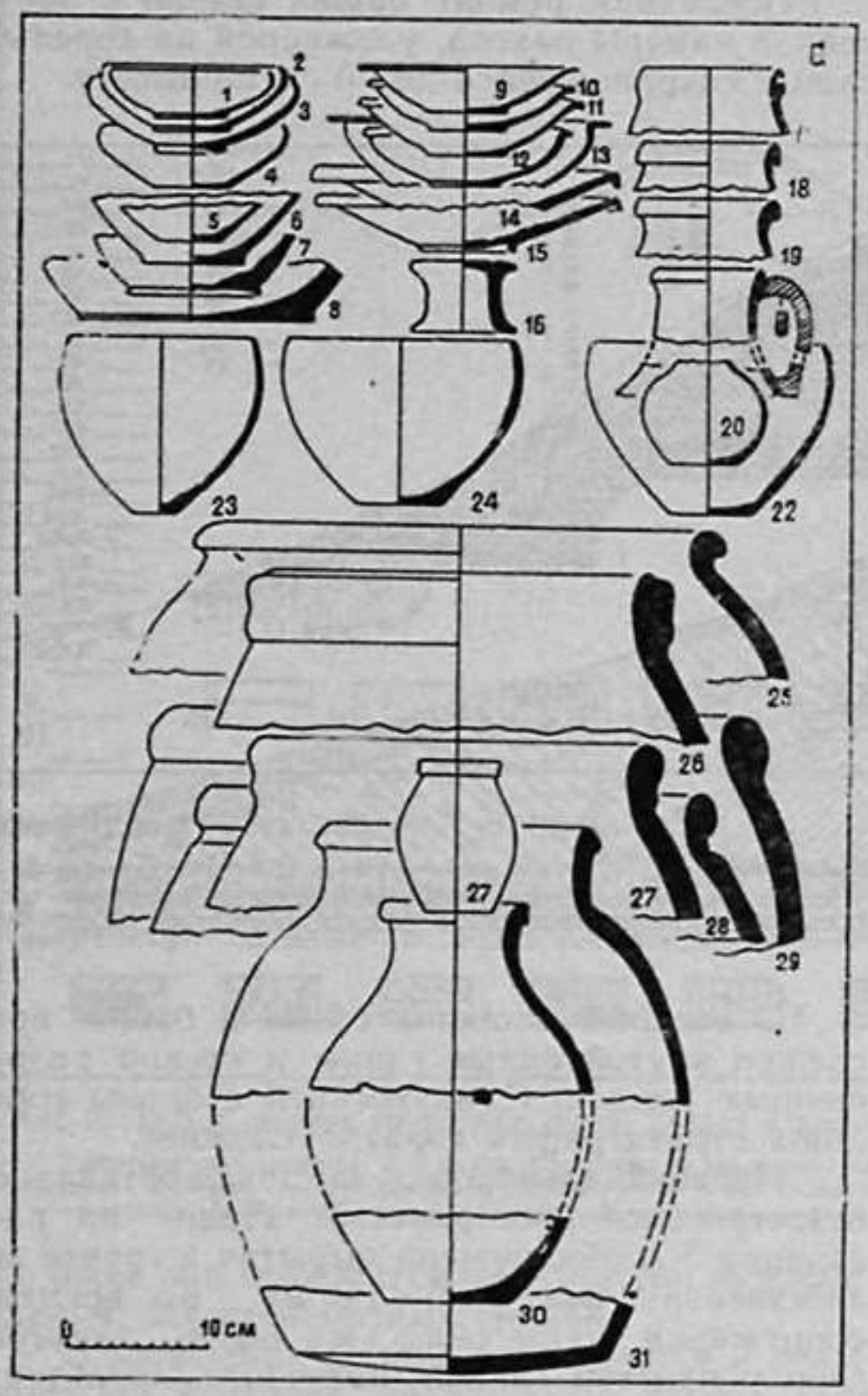


Рис. 11. Укрепления Нижнего города:
а) керамика греко-бактрийского комплекса;

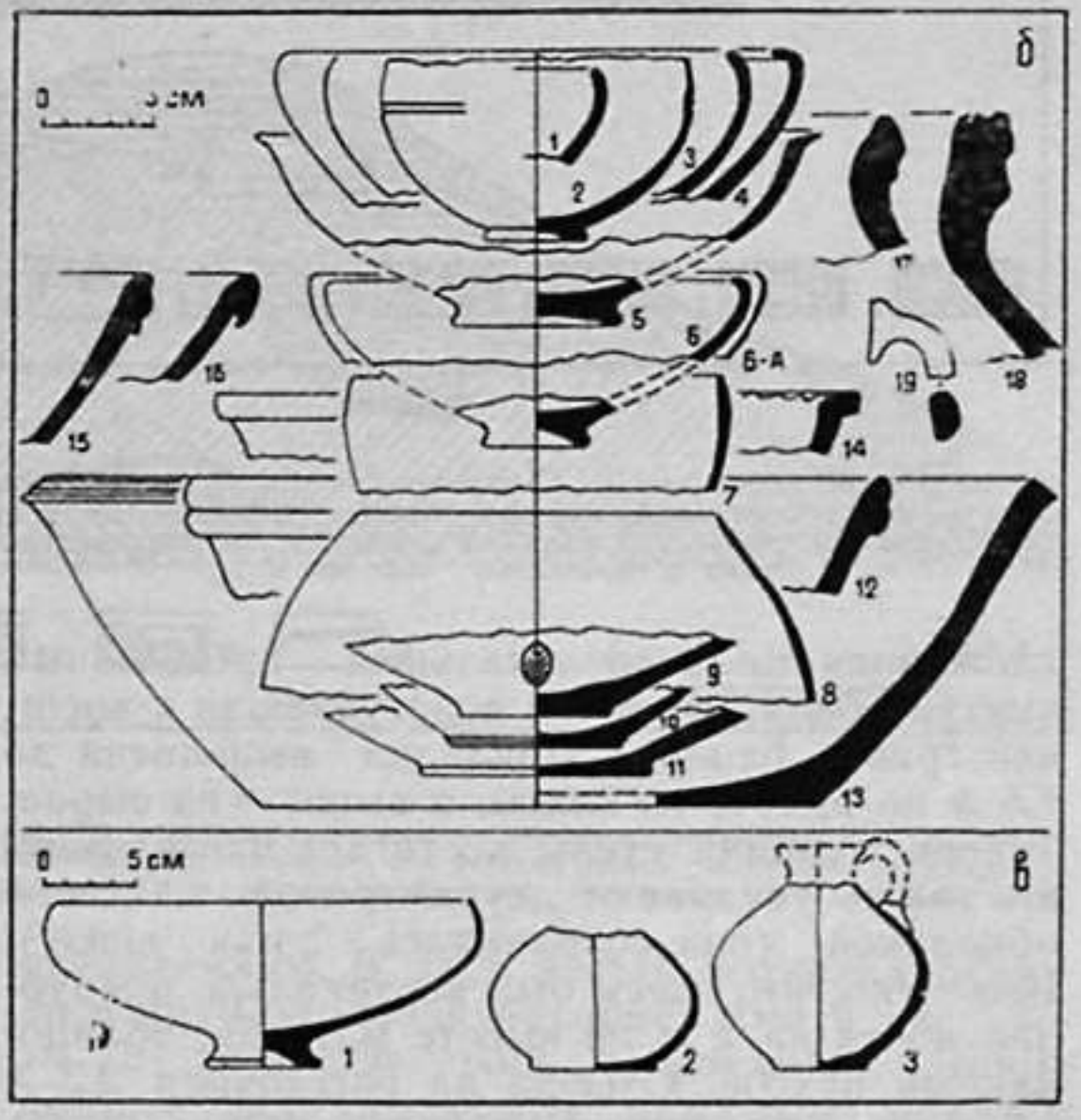
расположенной поодаль мусорной ямы извлечен однородный по своему составу археологический материал. Их содержимое — глина, зола, истлевшие органические остатки, кости животных, каменные и керамические объекты. В составе находок — орудия труда: каменные зернотерки, курант, терка. Имеется немало ткацких грузил из плотной глины, которые слегка оббиты, но в большинстве не повреждены. Из них шесть экземпляров имеют пирамидальную форму и до двух десятков — эллипсоидную, с удаленным от центра отверстием (диаметр 7—10 *см*, толщина до 3—4 *см*); одно грузило — из обожженной глины.

Многочисленны керамические фрагменты (нередко почти целые сосуды) следующих типов (рис. 11 а):

небольшие тарелочки с раскинутыми стенками, клювовидным либо треугольным венчиком, прямым или кольцевым донцем, иногда углублением по внутреннему контуру («рыбницы»), (рис. 11 а, *14—15*; рис. 12, *2, 3*);

небольшие отлогие фиалы выпуклого профиля с рельефным поддоном и закраиной, слегка оттянутой в виде горизонтального бортика, либо плавно загнутой внутрь (рис. 11 а, *1—4, 9—12*);

кубки с полуовальным резервуаром и небольшим, плоско срезанным, донцем (рис. 11 а, *22—24;* рис. 12, *1*);



б) керамика времени Великих кушан;
в) позднекушанские сосуды.

кувшины с невысоким горлом, плавно переходящим к овоидальному тулову, иногда с ручками, чаще—без них (рис. 11 а, *17—19, 30*).

Черепок этих сосудов плотный, тонкостенный, розоватого или коричневатого цвета, ангоб светлый, нередко красноватый, некоторые сосуды безангобные, иногда имеется лощение.

Найдены закраины хумов с округло-утолщенным или мягкопрофилированным, почти вертикальным венчиком (рис. 11 а, *25—29, 31*).

По формам, черепку и обработке все эти сосуды находят самые близкие аналогии в керамике III—II вв. до н. э. из Ай-Ханум[36], каковым временем датируется и наш керамический комплекс. Его дополняют кусок круп-

Рис. 12. Укрепления Нижнего города. Кубок и тарелочки из хозяйственной линзы под стеной.

ного кратера и край тарелки с клювовидным венчиком — оба очень плотного красного черепка, с краснолаковым покрытием, тонкостенная тарелка с клювовидным венчиком, двойным переломом профиля внутри и на кольцевом поддоне — черепок ее очень плотный, темно-серый, на внутренней поверхности с чернолаковым покрытием. Это, видимо, импортные сосуды, изготовленные греческими мастерами (возможно, на греко-бактрийской почве). В массовом составе керамики из Дальверзинтепе они уникальны.

Интересны еще два тщательно изготовленных керамических предмета, вероятно, культового назначения: род небольшого цилиндрического алтарика плотного красноватого черепка с красным ангобом и лощением (диаметр 9,2 *см*, высота 5,4 *см*) и часть высокой устойчивой профилированной подставки, видимо, от курильницы (нижний диаметр 11 *см*, высота около 18 *см*) (рис. 11 а, *16*).

Значительный массовый археологический материал оказался также в вышележащих накоплениях у внутренней грани стены (в основном в XI ярусе). Отметим, что возведенный в 4 *м* от нее дом выстроен из сырца 40×40×11—12 *см* — такого же, как и кирпич,

[36] Schlumberger, Bernard, p. 604, сл.; Gardin, 1973.

периода большой перестройки укреплений, и что накопления эти появляются после того как дом пришел в упадок. Керамика здесь, включая до сотни фрагментов с красноватым черепком и 25 сероглиняных (рис. 11 б), по формам, черепку и ангобу типична для времени Великих Кушан. Тарные и хозяйственные сосуды обычно покрыты светлым ангобом: хумы и хумча с мягким двойным перехватом утолщенного венчика (рис. 11 б, *17*, *18*), большие и малые тагары, которые дают несколько вариантов профилировки венчика (рис. 11 б, *13—16*), тонкостенные лепные котлы с дресвой в тесте (рис. 11 б, *8*). Из столовой посуды — чаши-миски с загнутым внутрь венчиком (рис. 11 б, *6—6* а), кубки (рис. 11 б, *7*), горшки со сферическим туловом (рис. 11 б, *2*) — все покрыты красным ангобом. Сероглиняная керамика в основном представлена чашами-мисками с загнутым внутрь или слегка отогнутым венчиком (рис. 11 б, *3—5*, *9—11*), на дне одной из которых оттиснут овальный штамп-листок (вероятно, их было три), имеется и сероглиняная тагара (рис. 11 б, *12*).

Таким образом, перестройка стены и последующие накопления вдоль нее культурных слоев охватывают интервал второй половины

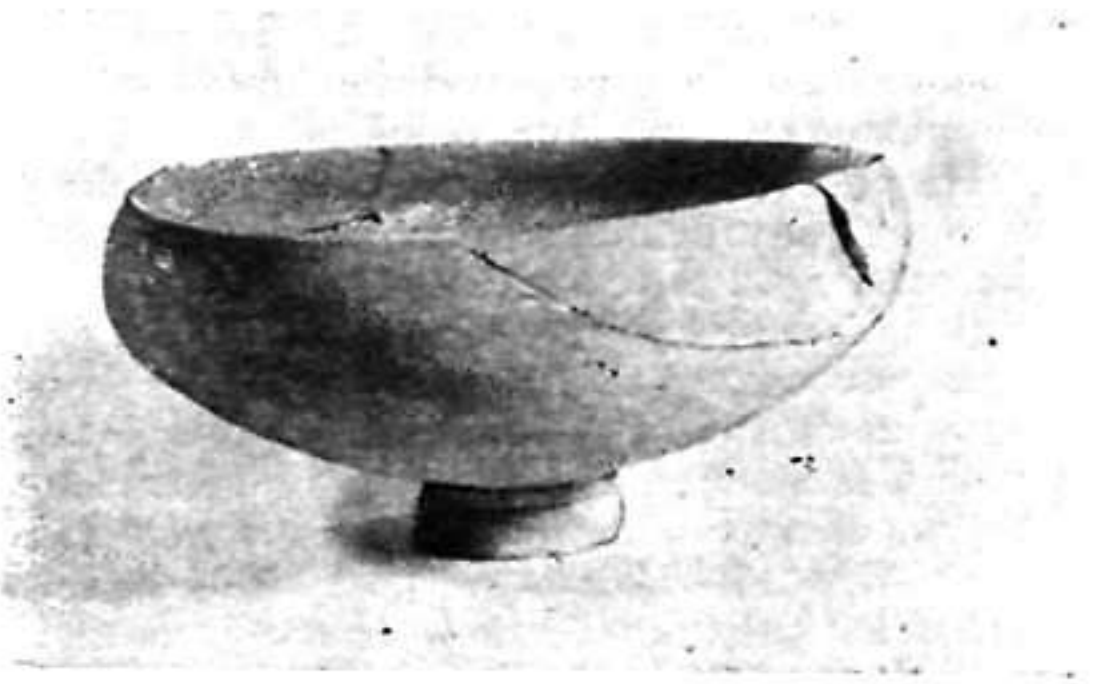


Рис. 13. Укрепления Нижнего города. Фиала.

I—II вв. н. э. Возведение первоначальной стены соответственно предшествует этой дате, но она позднее погребенных под нею хозяйственных комплексов греко-бактрийского периода.

Время пожара, уничтожившего балочные перекрытия (или навесы) верхних камер, определяют несколько сосудов, обнаруженных на полу внутристенного помещения. В числе их те характерные безангобные фиалы с раскинутыми стенками, изогнутыми у края внутрь, на поло-коническом поддоне (рис. 11 в, *13*) и одноручные кувшинчики с грушевидно утяжеленным книзу туловом, датировка которых

восходит к концу великокушанского времени. Вскоре после пожара на башне была осуществлена верхняя забутовка, отмечающая последний ремонт укреплений.

Представления об устройстве крепостных ограждений Дальверзина дополняет разрез стены, осуществленный в 1968 г. у юго-западного угла Нижнего города. В публикации Л. И. Альбаума[37] приведены следующие данные.

Над материком выведена основная внешняя стена до 3 *м* шириною, сложенная из крупноформатного сырца (от 43—45 до 48 *см* в стороне, 12—13 *см* толщины), кладка которого чередуется с глинобитными забутовками. С внешней стороны к ней примыкает пласт пахсы, который покоится на галечной подмостке и выравнивает неровности материкового останца. Он образует род предстенной платформы, выдвинутой до 3,0—4,5 *м* ко рву. На ней — оплывы многовековых разрушений стен.

Изнутри вдоль стены проходит пахсовый уступ (около 80 *см* высотой) для передвижения стрелков и подошвенного обстрела врага из бойниц, располагавшихся выше этого уровня на 70 *см*. Расчищена одна из таких бойниц шириной 25 *см*, высотой 26 *см* изнутри стены и 50 *см* — снаружи, так как нижняя грань ее идет с уклоном. Форма бойниц стреловидная, образованная заостренным стыком наклонно расположенных пар кирпичей.

На расстоянии 1,7 *м* от описанной имеется еще одна, внутренняя, стена толщиной 1,7 *м* и высотой до 2 *м*, сложенная из квадратного сырца размерами 43—44×43—44×12 *см*, а выше — 42×42×11—12 *см*. На этой стене вверху как будто намечаются остатки свода. В какой-то период происходит забутовка промежутка между обеими стенами сырцом (40—41×40—42×11—12 *см* и крупноформатным, взятым из кладок внешней стены), а местами — рыхловатой глиной. Со стороны города к внутренней стене примыкают слои разрушений, отвалы, зольники, а в 4 *м* от нее выявлены остатки постройки из сырца 34×34×12 *см*.

Л. И. Альбаум предлагает следующую интерпретацию этого интересного разреза. Первоначально — возведение двойной стены со сводчатым проходом. Датировка — III—II вв. до н. э., в обоснование чего дается ссылка на «двойные стены» городищ Джанбаскала в Хорезме и Кейкобадшах в Гиссарской долине. Время ремонтной закладки, исходя из размеров сырцового кирпича 40—42×40—42×11—12 *см*,— эпоха Кушан[38].

[37] Альбаум, 1966, с. 49, 58, сл.
[38] Там же, с. 62—63.

И эта периодизация, и трактовка конструкций юго-западного участка стены требуют существенных коррективов. Полагаем необходимым остановиться на них подробнее, поскольку это связано с общими вопросами фортификации Дальверзинтепе.

Нет оснований считать, что внешняя и внутренняя стены выведены одновременно. Сырцовые кирпичи наружной стены заметно крупнее, на них, судя по описанию, нет тамгообразных знаков, сырец же внутренней стены — меньших размеров и с четырьмя вариантами знаков на одной из постелей[39]. Перевязки сырцовых кладок по низу между стенами нет, здесь виден лишь тонкий неровный слой подбутовки, выравнивающей грунт. Между пахсовой приступкой, примыкающей к наружной стене, и внутренней стеной — пазуха шириною 30—35 *см*, забутованная кусками сырца и глиной. Эта забутовка выровняла пол между стенами при возведении внутренней стены, когда приступка потеряла свое назначение.

Последовательные изменения фортификации стены Нижнего города на данном ее участке, в сопоставлении с другими, обрисовываются, на наш взгляд, в следующем виде.

Первоначально на материке была возведена стена толщиной до 3 *м* с проходящим вдоль ее внутренней стены уступом для стрелков, а снаружи — с глинобитной платформой, выдвинутой до отрытого тогда же рва, внизу стены — бойницы, на гребне, вероятно, была боевая дорожка, откуда вели обстрел из-за парапета. В дальнейшем происходит усиление всей оборонной системы: возведение внутренней стены и создание межстенных боевых казематов; на уровне былого уступа для бойцов выравнивается пол, для чего забутовывается пазуха, образовавшаяся между уступом и новой стеной. Перекрытие каземата на данном участке — сводчатое. Бойницы по-прежнему используются для стрельбы с колена. Позднее производится небрежная забутовка каземата сырцом и глиной и, по-видимому, какие-то надкладки в верхних, ныне плохо сохранившихся, участках стены.

На протяжении существования и поддержания всей фортификации Нижнего города ров неоднократно очищали, отчего по внеш-

[39] Л. И. Альбаум (1966, с. 62) приводит для обеих стен «усредненный» размер сырца 43—45 × 12—13 *см*, в то время как на с. 59 называет помимо этих размеров для внешней стены также 48×48×13 *см*, а на с. 61 для внутренней стены дает иные основные размеры: 42—43×42—43×11—12 *см*.

нему берегу его образовались небольшие валы, ошибочно принятые Л. И. Альбаумом за «второй ряд крепостных стен»[40].

Что касается предложенных им датировок, то аналогии с «двойными стенами» Джанбаскалы и Кейкобадшаха этого никак не определяют. Стены Джанбаскалы, памятника, расположенного в ином историко-культурном регионе — Хорезме, отличны по своей конструкции: бойницы и пол галереи устроены не у подошвы, а на середине высоты стены, перекрытия их балочные, а не сводчатые, башенных выступов нет и т. п.[41] В укреплениях же бактрийского города Кейкобадшаха вообще нет «двойных стен», а выведены они сплошным монолитом.

Не оспаривая датировку закладки межстенного промежутка в дальверзинской стене (не ранее II в. н. э.), нельзя считать достаточной для этого аргументацией совпадение размера кирпича 40×40×10—12 *см* с сырцом из Хайрабадтепе, ибо такой формат встречается в бактрийских памятниках и в IV—III вв. до н. э. (Ай-Ханум), и во II вв. до н. э. (Карабагтепе), и во многих постройках кушанского времени.

Приведенные выше данные по периодизации разрезов Дт-3, Дт-4 и Дт-8 позволяют установить синхронность стены с бойницами в юго-западном участке с I периодом возведения укреплений Нижнего города. О единовременности говорит применение единого крупноразмерного формата сырца, создание вынесенной ко рву пахсовой платформы и откопка самого рва. Забутовка внутреннего участка сырцом 40×40×11—12 *см* соответствует II периоду общей перестройки и усиления оборонительных сооружений (такой же сырец применен в мощных закладках стен на разрезе Дт-3 и на башне Дт-4). Что касается внутренней стены юго-западного участка, то она являет промежуточный строительный этап и условно может быть обозначена периодом I А.

Суммируя полученные наблюдения, можно реконструировать систему оборонных дальверзинских стен и их периодизацию в следующем виде.

На возвышенном геологическом останце, вытянутом от Вышгорода на север, была осуществлена разбивка Нижнего города с точным соблюдением прямых углов и параллельности линий. Склонение ориентации по отношению к странам света до 26°, видимо, было вызвано естественным направлением холма. Городу придали прямоугольный контур (650×500 *м*) с отступом в юго-восточной части, вызванным заметным понижением холма в этом участке.

Материк снаружи был подрублен на известную высоту, тем самым была создана как бы возвышенная платформа. На ней выложили пахсовый цоколь, вынесенный в направлении рва и варьирующий по толщине в зависимости от естественного рельефа. На этом цоколе были возведены стены и прямоугольные башни. В микрорельефе последние наиболее четко обозначаются на северной и западной стенах. Кладки комбинированные — из пахсы и крупноразмерного сырца (в среднем 45×45×12 *см*, но некоторые экземпляры до 47—48 *см* в стороне). На многих кирпичах имеются В-образные знаки.

Конструкция стены несколько изменяется в разных участках, но в общем это был монолитный массив, кладки которого сохранились от материка до 3,5—4,0 *м*. Лишь в юго-западном участке близ ответственного в оборонном отношении угла, где, видимо, возвышался бастион, обнаружен проходивший по низу стены с бойницами выступающий ход сообщения, а через некоторое время здесь был устроен сводчатый каземат.

Башня, частично расчищенная нами у середины западного фаса, выступала относительно фронта первоначальной стены до 5 *м* и была, по крайней мере, вдвое больше по ширине. Зачистки выявили здесь монолитную кладку из пахсы и сырца, но внутренних камер на высоте до 4 *м* не обнаружено.

Существенную деталь в конструкции стен составляет цокольный пласт пахсы, вынесенный ко рву. Он имел не только конструктивную функцию, предохраняя от размыва пространство между стеной и рвом, но, вероятно, также и оборонное назначение, являясь протейхизмой — предстенным выступом с барьерной стенкой у рва. Ров обводил Нижний город со всех сторон. Изнутри же вдоль стены проходила ничем не застроенная так называемая «военная улица».

Возведение этих оборонительных сооружений, как уже было показано, падает на промежуток позднее греко-бактрийской поры и ранее эпохи наивысшего могущества государства Кушан, т. е. в пределах I в. до н. э. — I в. н. э. Едва ли столь грандиозное строительство могло быть осуществлено сразу после сако-юеджийских завоеваний. Правомерно связать его с восхождением на арену азиат-

---

[40] Альбаум, 1966, с. 49, 118, сл., рис. 24 а.
[41] Толстов, 1948, с. 88, сл., рис. 27—29; 1948 а.

ской истории кушанского дома — с временем Герая или Куджулы Кадфиза.

В правление Великих Кушан, вероятнее всего, при Канишке, во II в. происходит капитальная перестройка стен. Они становятся вдвое толще (9—10 *м*). Юго-западный каземат забутовывается. В новой обкладке стен, местами на высоте до 4 *м* от линии рва, устраиваются внутристенные казематы. Расчистка центральной башни на западной стене показала, что и она попадает в пахсовую обкладку, но сама башня теперь выступает относительно фронта стены лишь на 2,2 *м* (у основания). В этом участке раскопа вверху стены и башни на высоте 4,5 *м* от первоначальной подошвы и 6,5 *м* от линии рва обнаружены полы и ограждения камер с балочными перекрытиями или же боевых площадок с навесами. В позднекушанское время после пожара, очевидно связанного с какой-то осадой города, осуществляется последний ремонт — забутовка внутрибашенного помещения над горелым слоем упавших на пол балочных перекрытий.

Видоизменения фортификации Дальверзинтепе напоминают аналогичный процесс в укреплениях Халчаяна (городище Карабагтепе)[42]. В нем на исследованном нашей экспедицией участке у городских ворот четко выделяется три периода. Первоначальная стена толщиной 5,5 *м* имела платформу, выступавшую на 3 *м* ко рву, и включала привратный каземат с размещенными прямо и вкось бойницами для подошвенного обстрела. Во втором периоде, датируемом временем Канишки, стену усиливают обкладкой (1,3—1,8 *м*), каземат забутован, и на этом более высоком уровне (4,4 *м* от материка) появляется новая внутристенная камера, которая позднее забутовывается на последнем периоде перестроек (время Васудевы I).

Изучение бактрийских фортификационных систем, которое за прошедшие десятилетия заметно продвинуто работами археологических экспедиций в Северной и Южной Бактрии, дает материал для сопоставления их с дальверзинскими укреплениями. Суммарно их можно было бы подразделить на два типа.

Первый — с монолитной кладкой стен и башен, где обстрел неприятеля лучниками и камнеметной артиллерией велся лишь с боевых дорожек наверху стен и с площадок на башнях; те и другие могли иметь деревянные навесы для защиты от размыва дождем и снегом. Второй тип — с устройством внутристенных галерей сообщения, откуда лучниками осуществлялся обстрел через бойницы, прорезанные во внешней кладке, и с гребней стен во взаимодействии с камнеметными орудиями, установленными на верхних площадках башен.

Второй тип, безусловно, более совершенен с точки зрения активной обороны, но вместе с тем в участках расположения стрелковых казематов внешние стенки из-за бойниц не могли быть чрезмерно толстыми и вследствие этого были более уязвимы для ударов стенобитных орудий. Очевидно, целями маскировки местонахождения стрелковых камер объясняется расположение на стенах и башнях, наряду с подлинными, большого числа ложных бойниц, как это обнаружено, например, в стенах Балха[43].

Почти обязательным для того и другого типа оборонительных стен является обведение их рвом. Что касается башен, то они, в основном, прямоугольные в плане, возвышающиеся над стенами иногда сильно, иногда лишь слегка выдвинутые по фронту. В большинстве исследованных укреплений стены и башни основаны на общем глинобитном цоколе, выдвинутом вперед до линии рва.

Первый тип предстает уже в укреплениях Нижнего города Ай-Ханум, созданных в конце IV в. до н. э.[44] Стена здесь достигает 8 *м* по толщине, вскрытая башня — 18,7 *м* по фасу, а выдвинута на 11 *м*; сохранность ее по высоте до 8,5 *м*. Куртины между башнями 11,5 *м*. Стена и башни покоятся на общем нивелировочном слое пахсы, но сами сложены монолитной кладкой из сырцового кирпича (40×40×9 *см*). Во время какой-то осады укрепления подверглись серьезным повреждениям. В первой половине II в. до н. э. на них производились существенные ремонты и реставрации — забутовки пробоин, обкладки из пахсы и сырца (на башне они достигают высоты 1,8 *м*), но без существенных изменений самой оборонительной системы. Во второй половине II в. до н. э. город и его фортификация совершенно заброшены.

Исследователи Ай-Ханум справедливо отмечают, что этот греческий город на землях левобережной Бактрии имел фортификацию, созданную в местных конструктивных традициях.

---

[42] Пугаченкова, 1966 а, с. 100, сл.; Тргунов, 1968 а, с. 43, сл.

[43] Le Berre, Schlumberger, p. 73—74.

[44] Leriche, p. 231 сл.

Другой памятник первого типа — Кейкобадшах в долине Кафирнигана[45]. Прямоугольник города (375×285 *м*) охвачен стенами и рвом. Толщина стены в основании до 4,2 *м*. Башни шириною 13 *м* выдвинуты за линию стен на 6 *м*, пролет куртин 20—22 *м*. Укрепления основаны на полутораметровой платформе (пахса и два ряда сырца), выдвинутой вперед до рва. Стены и башни выведены комбинированной кладкой — чередованием пластов пахсы и сырцового кирпича (в два ряда, в девять рядов). На высоту до 5 *м* от материка башни вложены без перевязки со стенами. Но далее свыше 2 *м* был уложен массив пахсы и сырцовых кладок (сохранились на 12 рядов), вслед за чем стены и башни облицевали сырцовым кирпичом, а на двух из трех исследованных башен по фасу пристроены выступы, обложенные сырцом. На башне, на высоте 6,5 *м* от подошвы, был устроен узкий, поперечно вытянутый каземат (5,65×2,0 *м*), где вниз обращенной ко рву стены сохранились два проема. Упомянутые надкладки, обкладки, каземат отражают этап существенной *реставрации укреплений Кейкобадшаха на одном* из этапов их длительного существования. Возведение стен и башен исследователи городища определяют в пределах III—I вв. до н. э., а перестройки относят к I—II вв. н. э.[46]

По поводу сооружения первоначальной стены возникают следующие соображения. Размеры сырца в укреплениях Кейкобадшаха 34×34×10—12 *см* при вариантах стороны квадрата от 32,0 до 35,5 *см*, причем до 90% кирпичей имеют разнообразные фигурные клейма. К сожалению, исследователи городища не указывают, одинаковы ли размеры кирпичей и клейма в первоначальных и ремонтных кладках. Но нам хотелось бы подчеркнуть следующее обстоятельство: сырцовые кирпичи из построек на Ай-Ханум с конца IV до середины II в. до н. э., размеры которых дают два модуля — 43—45×43—45×12—15 *см* и 39—41×12—13 *см*, не имеют клейм, чем они, как отмечает П. Бернар, существенно отличаются от бактрийского сырца более поздних периодов[47]. Не следует ли в этом аспекте пересмотреть датировку первоначальных укреплений Кейкобадшаха?

Как и в Ай-Ханум, эти укрепления сооружены единым монолитом, оборона осуществлялась с гребней стен и верхних площадок башен, лишь после реставрации в последних устраивались казематы с обращенными против врага проемами. Это не окна, как предполагалось[48], но амбразуры для выбрасывания

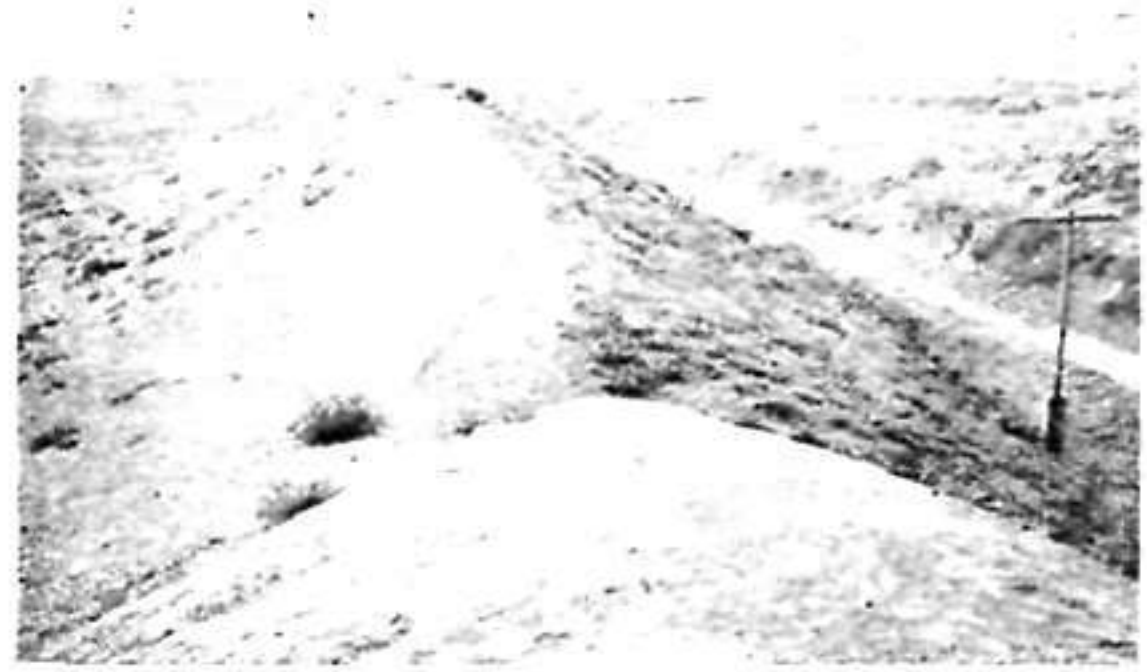


Рис. 14. Гребень стены Нижнего города и ров.

*на эскаладирующего башню противника горю*чих веществ или груды камней, закрывавшиеся после того решетками или досками. Выше, в несохранившихся участках стен, возможно, в особых нишах для стрелков могли располагаться бойницы.

Второй тип оборонительных сооружений Бактрии, где стены также фланкированы на определенных интервалах прямоугольными башнями, существенно отличен устройством внутристенных галерей и внутрибашенных казематов, причем и стены, и башни имеют один-два и даже три ряда бойниц. Отсылая к соответствующим публикациям, мы лишь назовем здесь укрепления Кухнекала и Кумтепе в Вахшской долине[49], Хайрабадтепе в Ангорском районе[50], Шахри-Бану[51], Дильберджин[52], Топрак-кала[53] в Северном Афганистане. Им присуща более активная система обороны, но она требовала значительного гарнизона, который мог бы предоставить большое число лучников для стрельбы с разных уровней и артиллерии, располагавшейся на верхних площадках башен.

---

[45] Кузьмина, Певзнер, с. 77, сл.; Мандельштам, Певзнер, с. 290, сл.

[46] Мандельштам, Певзнер, с. 294, сл. В более ранней публикации Кузьминой и Певзнера (с. 83) выдвинуты несколько иные даты: для первоначальной стены — III II вв. до н. э., а для надстройки — I в. н. э.

[47] Bernard, 1973 a, p. 7.

[48] Кузьмина, Певзнер, с. 78.

[49] Литвинский, Давидович, с. 57, сл.; Литвинский, 1956, с. 68, сл.

[50] Альбаум, 1960, с. 43, сл.

[51] Carl, p. 61, сл.

[52] Кругликова, Сарианиди, с. 169, сл.; Кругликова, с. 49, сл.

[53] Памятник обследован группой Советско-Афганской археологической экспедиции с участием автора в 1972 г.

Первоначальные укрепления Нижнего города Дальверзинтепе принадлежали к первому типу. Но на этапе I А в них вводятся некоторые модификации. Так, на юго-западном отрезке стены появляется нижний стрелковый каземат. В правление Великих Кушан, во II строительном периоде, при общем усилении мощи стен и башен в их верхних участках устраиваются камеры — это уже преобразование фортификации по принципу второго типа. На заключительном этапе использования камера башни забутовывается пахсой. Тревожная обстановка той поры засвидетельствована, между прочим, находками скоплений собранных горками крупных булыжников для камнеметной артиллерии не только у самих укреплений, но и в помещениях, расположенных вблизи городских построек Дт-5, Дт-7.

В послекушанский период стены Нижнего города оплывают (рис. 14), но некоторые верхние камеры еще, видимо, используются для временного пребывания, что подтверждает находка в разрезе Дт-8 эфталитской монеты V в. К этому времени и позднее территория былого города становится местом случайных захоронений (Дт-2, Дт-6, Дт-9). На внутренних скатах оплывших стен также устраиваются погребения. В одном из них, обнаруженном в 1960 г. В. А. Нильсеном, оказалась монета тюрко-согдийского чекана VII—VIII вв.[54]

Свои оборонные функции укрепления Нижнего города навсегда утратили вслед за крушением государства Великих Кушан.

---

[54] Альбаум, 1966, с. 63.

Табл. I. ГОЛОВА ВЕЛЬМОЖИ. ГЛИНА СО СЛЕДАМИ ОКРАСКИ.

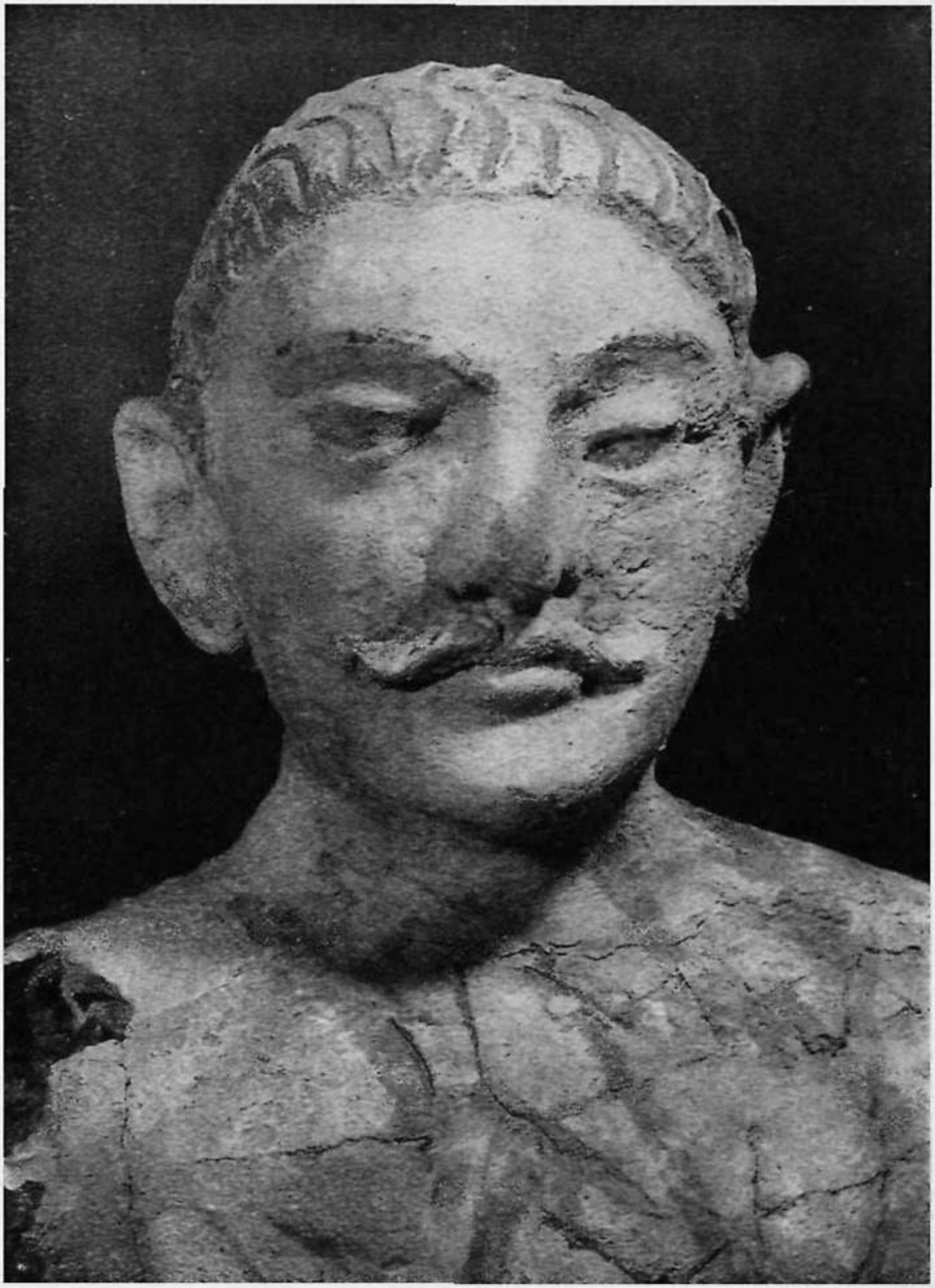


Табл. II. ГОЛОВА ДЕВАТА. ГИПС СО СЛЕДАМИ ОКРАСКИ.

ЖИЛОЙ ДОМ БОГАТОГО ГОРОЖАНИНА (Дт-5)

С 1968 по 1972 г. на Дальверзинтепе велись раскопки на объекте Дт-5. Объект расположен в 60 *м* к востоку от разреза городской стены Дт-4.

В естественном виде это был бугор (65×40 *м*), возвышавшийся на 2—3 *м* среди близлежащих всхолмлений и вытянутый по линии юго-восток — северо-восток с отклонением азимута в 299°. Для удобства описания мы называем все стороны, лежащие по направлению юго-восток — северо-восток, северными и южными, а стороны, ориентированные по линии юго-запад — северо-запад, восточными и западными.

Западный склон опускается к перепаду крепостной гряды, а восточный с медленным уклоном переходит к пониженной городской части. По нивелировке самая высокая точка бугра — 3,16 *м* (в начале VII яруса) от репера Нижнего города: она оказалась на западной стене помещения 1.

Раскопками почти полностью вскрыт комплекс из 22 помещений, нумерация их производилась по ходу вскрытия (рис. 15). Все строение выведено из квадратного сырцового кирпича, только в некоторых участках ремонт производился пахсой. Наружные стены и стены центрального зала имеют толщину от 2 до 2,7 *м*, а внутренние перегородки — от 1 до 1,6 *м*. Во всех помещениях обнаружена штукатурка, сохранившаяся преимущественно внизу и в углах, но местами и на значительных участках поверхности стен.

Комплекс как бы спланирован по блокам. Приведем их описание.

Центральная часть подразделяется на три группы. Первая включает пом. 1 и 3.

Помещение 1 — это большой зал (11,5×7,6 *м*) в центре комплекса (рис. 16), вытянутый с запада на восток. Кладка всех стен выведена из сырца 32×32×11—12 *см*. Стены внутри имеют красноватый оттенок — след сильного пожара. Плоскости стен разделены на высоте 2,2 *м* от пола на верхнюю и нижнюю части. В каждой части проходят вертикальные гнезда от деревянных стоек глубиной 17 *см*, расстояния между которыми от 3,2 до 1,2 *м*. Разбивка верхних и нижних рядов не совпадает. В середине восточной стены расположен проход шириной 1,8 *м*, по сторонам от которого есть по одному гнезду от стоек. У внешнего северо-западного угла прохода лежал подпятник из галечника. Пол выявлен в 20 *см* XVI яруса (см. разрез рис. 18). Пол глинобитный, ровный, с небольшими закраинами у стен, образовавшимися от регулярной смазки сырой глиной, тонкими слоями общей толщиной 12 *см*. На полу и ниже не обнаружено каких-либо следов расположения в зале колонн. В проходе он ниже, чем в зале, на 15 *см*.

В северо-западном углу помещения ниже пола был заложен шурф. Выяснено, что стены были опущены на 90 *см* в небольшой культурный слой с фрагментами керамики. Далее начался материковый лесс.

Помещение 3 расположено к западу от зала 1 и имеет размеры 10,5×3,8 *м* (рис. 17). В теле восточной стены через 2—2,3 *м* обнаружены вертикальные гнезда от стоек. Стойки крепились в верхней и нижней частях горизонтальными балками, от которых сохранились гнезда. Вся эта конструкция была в свое время скрыта слоями штукатурок. Она выгорела при пожаре, и потому гнезда местами окалены до красноты, а кое-где видны угольки. В северной и южной стенах первоначально были проходы — южный шириной 1 *м* и северный — 2,5 *м*. В западной стене в полуметре от пола сделаны овальные нишки (90×40 *см*). Пол находится на уровне 15 *см* от XIV яруса (рис. 18). На полу около нишек устроены выступы из кирпича, покрытые в три слоя глиняной штукатуркой. Выступ у первой нишки — 1,3×0,3 *м*, на нем сделан подковообразный в плане очаг с закругленными концами. Выступ у второй нишки — 1,65×1×0,3 *м*. На нем очаг прямоугольный в плане с закруглением внутренних углов, весь прокаленный до красноты. В середине очага — две лунки диаметром 15 *см*, заполненные белым пеплом.

В южной части помещения был заложен шурф, но уже на глубине 15 *см* от пола начался материковый лесс.

В южную группу здания входят пом. 2, 4—7 (рис. 19).

Помещение 2 (6×1,2 *м*) связано проходом с пом. 7. Все стены покрыты одним слоем штукатурки. Пол находится на уровне 12 *см* XVI яруса. Стены выложены из сырца разного формата: северная в нижней части —

из кирпича 35×35×12—13 *см*, южная и западная — из сырца 31×31×11—12 *см*, однако все они выведены в единой кладке, с перевязкой швов. В шурфе, заложенном ниже пола, зафиксирован культурный слой с небольшим числом фрагментов керамики, лежащий на материковом лессе.

восточной стене проход в пом. 10. Пол находится на уровне 25 *см* XVI яруса. В проходах осталось по две ступени.

Помещение 4 (6,2×5 *м*) имело проход из пом. 3 в середине северной стены. В центре южной стены в углах XI яруса сделана полукруглая нишка (1,4 *м*, высота 60 *см*),

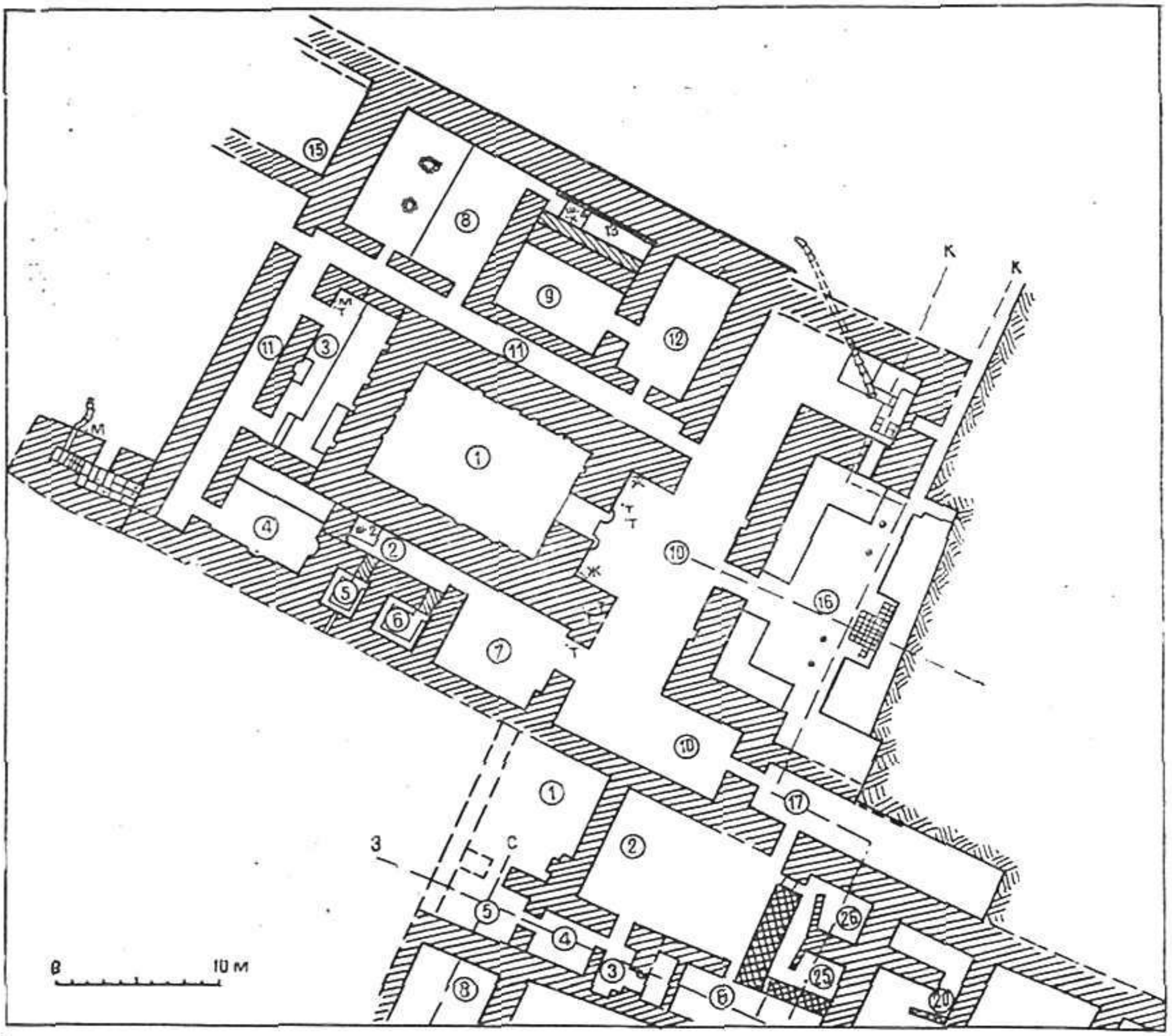


Рис. 15. Жилой дом богатого горожанина. План дома Дт-5 (см. рис. 26).

Помещение 2а (6,3×4 *м*) находится к югу от пом. 2 и имеет проходы в северной стене. Утрамбованный глиняный пол — в середине XVI яруса. В процессе перестроек пом. 2 а разделили перегородкой на два (пом. 5 и 6).

Помещение 7 (6×6,5 *м*) — имеет в сильно прокаленная в нижней части, с лункой диаметром 15 *см*, заполненной белым пеплом.

Северная группа, отделенная от южной коридором 11, включает пом. 8, 9, 12 (см. разрез рис. 19). Стены здесь сложены из кирпичей 31—33×31—33×10—11 *см*.

Коридор 11 — Г-образный в плане (размеры по линии север — юг 20,5×1,75 *м*, по линии запад — восток 25,5×1,75 *м*). Проходы имеются в западной стене у поворота и в восточной. Пол в восточной части лежит на уров-

Рис. 16. Дт-5. Центральный зал. На втором плане гребни стен города.

не XVI яруса и к западу постепенно повышается на 1,3 *м* (до 30 *см* XIV яруса). Повышение осуществлено за счет широких ступеней высотой 17—20 *см*.

Помещение 8— обширное (8,8×8,7 *м*). В южной его стене — два прохода в коридор 11 со ступенями на линии XIV яруса. Пол глинобитный, с тонкими промазками. Под полом в западной части, на расстоянии 3 *м* от северной и южной стен, лежат две большие глыбы из мергелистого известняка, укрепленные вокруг галечником. Они, очевидно, служили фундаментами колонн.

Помещение 9 — размерами 6,8×6,2 *м*. Пол — в конце XVI яруса. Во время перестроек от пом. 9 отделили северную часть, образовав пом. 13. В его западной половине был заложен шурф. Выяснилось, что стены опущены в небольшой культурный слой и лежат на материковом лессе.

Помещение 12 (7,8×4,5 *м*) имеет в южной стене проход в коридор 11, а в западной — в пом. 9.

В восточную часть комплекса входят помещения 16, 10, 17. Сырцовый кирпич в стенах — разного формата, в западной стене пом. 16—33—35×33—35×11—12 *см*, остальные стены из сырца 31—32×31—32×11—12 *см*.

Помещение 16 занимает восточную часть здания. Это — айван (15,5×5,8 *м*), в северной и западной стенах которого имеются проходы; западный проход шириной 1,65 *м* был основным. По восточному краю айвана, ниже уровня пола, который находится на уровне 15 *см* XVII яруса, примерно через 2,5 *м* уложены вымостки из мелкого галечника, укрепленные ганчем. Они, очевидно, служили фундаментами под базы колонн. В южном углу айвана сохранилась in situ база пилястра из мергелистого известняка (55×59 *см*) аттической профилировки. Рядом найдена волюта с троекратным разворотом спирали и очень выпуклым глазком. Вдоль стен сооружены суфы (шириной 1,8 *м* и высотой 50 *см*). Стены и суфы были покрыты штукатурками, известковыми и меловыми побелками. Айван расположен на платформе высотою 35 *см*. К востоку от линии расположения оснований под колонны имеется выносная площадка из жженых кирпичей (60×30 и 40×40×4,5 *см*) с двумя ступенями, несколько смещенная относительно главного входа.

Помещение 10 — П-образное в плане (при вскрытии его северной и южной частей *нами были даны номера 10, 19 и 10а, однако* перегородок между ними не оказалось). Размеры по линии север — юг 28,6×4,6 *м*, боко-

Рис. 17. Дт-5. Помещение 3. На стене гнезда выгоревших стоек.

вые крылья — по 6×4,6 *м*. В центре западной стены — обширная ниша, южнее вскрыт проход в пом. 1. В центральной части ниши на равном расстоянии от входа на всю высоту проходят прямоугольные гнезда 60×20 *см*. В теле западной стены отмечены два ряда

гнезд от горизонтальных балок, верхние из которых при пожаре сгорели — видны их прокаленные грани; нижняя часть стены сохранила штукатурки. Пол лежит в конце XVI яруса. Так как пол в проходе в пом. 1 выше на

(рис. 20). Кирпичи уложены на слой грунта толщиной 30 *см*, состоящий из фрагментов керамики — в основном черепков от больших сосудов. Слой играл роль фильтра. В стене на уровне пола уложены два кобура диамет-

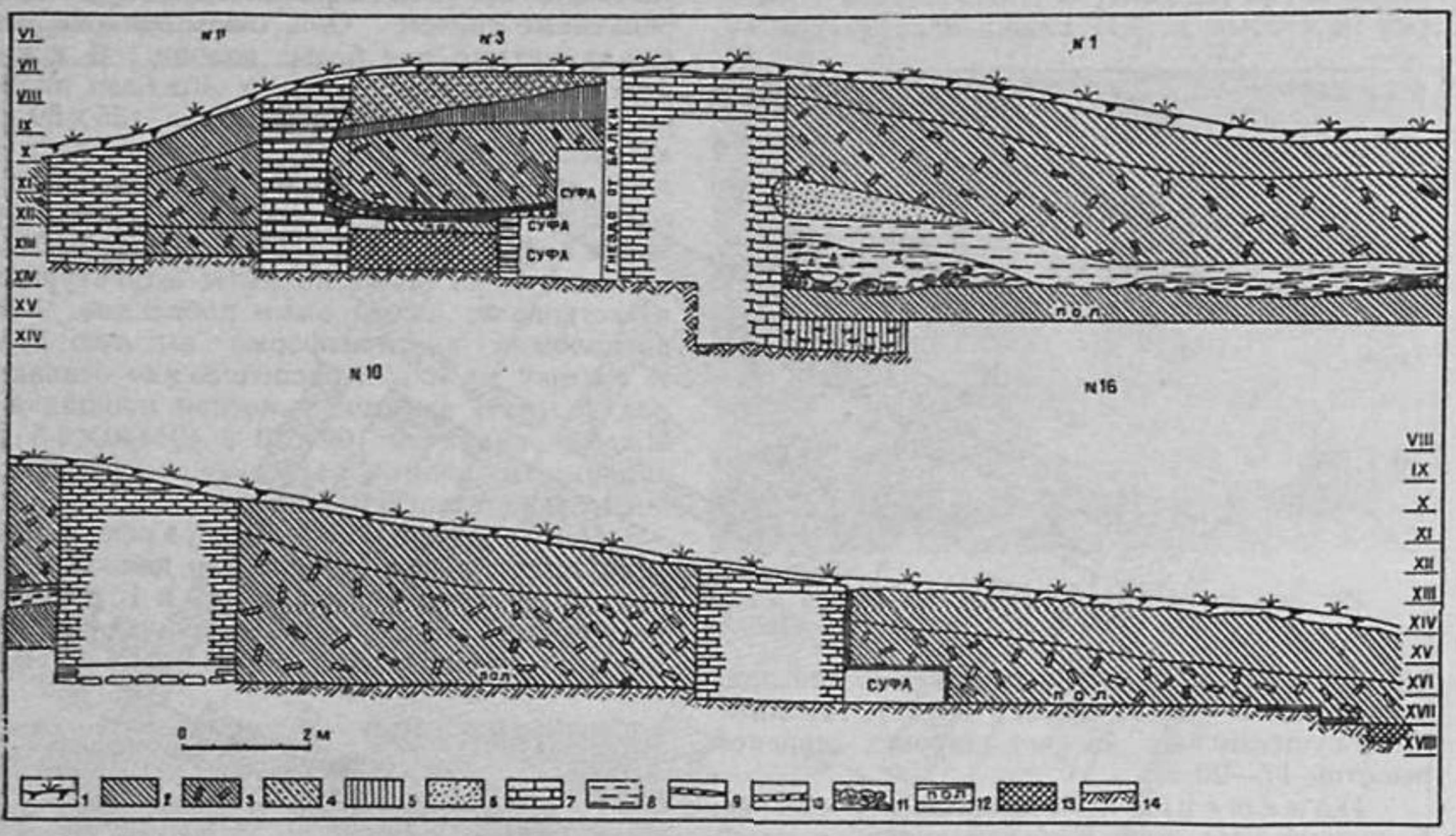


Рис. 18. Дт-5. Разрез по главной оси.

Условные обозначения: *1* — дерновый слой; *2* — натечно-надувной слой; *3* — завал из разрушенного сырца; *4* — натечно-надувной слой с преобладанием песка; *5* — слой глины серого цвета от упавшего перекрытия; *6* — надувной песок; *7* — сырцовый кирпич 30—32×30—32×11×12 *см*; *8* — завал из кустов полуобожженного сырца; *9* — глина и раздробленное горелое дерево; *10* — камышовый тлен; *11* — завал из кусков полуобожженного и обгорелого дерева; *12* — прослойки полов; *13* — пахсовая забутовка; *14* — материковый лесс.

1,15 *м*, здесь двумя ступенями разрешен перепад отметок. Та же картина наблюдается в проходах из пом. 10 в пом. 16 и 17.

Предполагаемое помещение 17 расположено между объектами Дт-5 и Дт-6. Помещение коридорообразное с виду, не имеет замыкающей восточной стены — это был, скорее всего, проулок, а не коридор. Уровень его пола находится на уровне 15 *см* VIII яруса.

Западная группа объекта Дт-5 состоит из двора 20 и пом. 14 и 15. Со двора 20 можно было пройти в коридор 11. Размеры двора 19×7 *м*, пол, лежащий на линии XII яруса,— утрамбованный лесс.

Помещение 14 (4×1,5 *м* с нишей 2×0,8 *м*). В северной его стене есть вход со двора. Пол находится на линии XII яруса и выложен жженым кирпичом 62×31×4 *см* и 40×40×4 *см*. Кирпичи уложены плотно, щели заложены мелкой галькой и залиты ганчем

ром 17 *см*, служивших водостоком из помещения. От внешнего кобура во двор отходит открытый арычек с краями, укрепленными фрагментами жженого кирпича. Арык подходит к сливной яме, уходящей в глубь материкового лесса (см. рис. 124). Около южной стены в углублении лежали крупные булыги, уложенные друг на друга, а под ними находился небольшой слой пепла. Видимо, эти камни нагревались в каких-то целях.

Помещение 15 (9×6,5 *м*), лежащее с северной стороны двора и смежное с пом. 8, имеет плохую сохранность стен. Пол расчищен на линии XII яруса.

Здание в основном имело плоские перекрытия с балочными и камышовыми настилами, причем в айване и пом. 8 балочный настил крепился на дополнительных опорах. Вверху по балкам укладывались камышовые связки, которые заливались сырой глиной.

В результате шурфовок определено, что дом Дт-5 был возведен на участке с сильным перепадом с запада к востоку. К моменту строительства в средней части уже образовался культурный слой с керамическим и иным материалом. Древние строители учли климатические особенности: здесь во все времена года дуют сильные ветры с севера или юга, поэтому северный и южный фасады выведены глухими. Учтена и сейсмичность района: в толщу стен вмонтированы связующие стойки и балки.

Некоторое время здание сохраняло свою первоначальную планировку. Затем его подвергали в некоторых местах ремонту, а потом и перепланировке. Последовательность ремонтных и перепланировочных работ выявлена на основе стратиграфии и по последовательности наслоений штукатурок. Из разных мест взято несколько врезок штукатурок, расчлененных в лабораторных условиях. Наслоения показали одинаковую последовательность у всех врезок. Оказалось шесть основных глиняных слоев, отличающихся один от другого структурой, цветом, плотностью, с многочисленными прослойками побелок. Слои идут в следующем порядке:

1. Глиняная темно-коричневая штукатурка без самана толщиной 25 *мм* покрывает кладку стены. По цвету она не отличается от глиняного раствора. По ней идут побелки известковым раствором в 8—9 слоев.

2. Наслоение из хорошо отмученной, плотной и твердой глины желтовато-коричне-

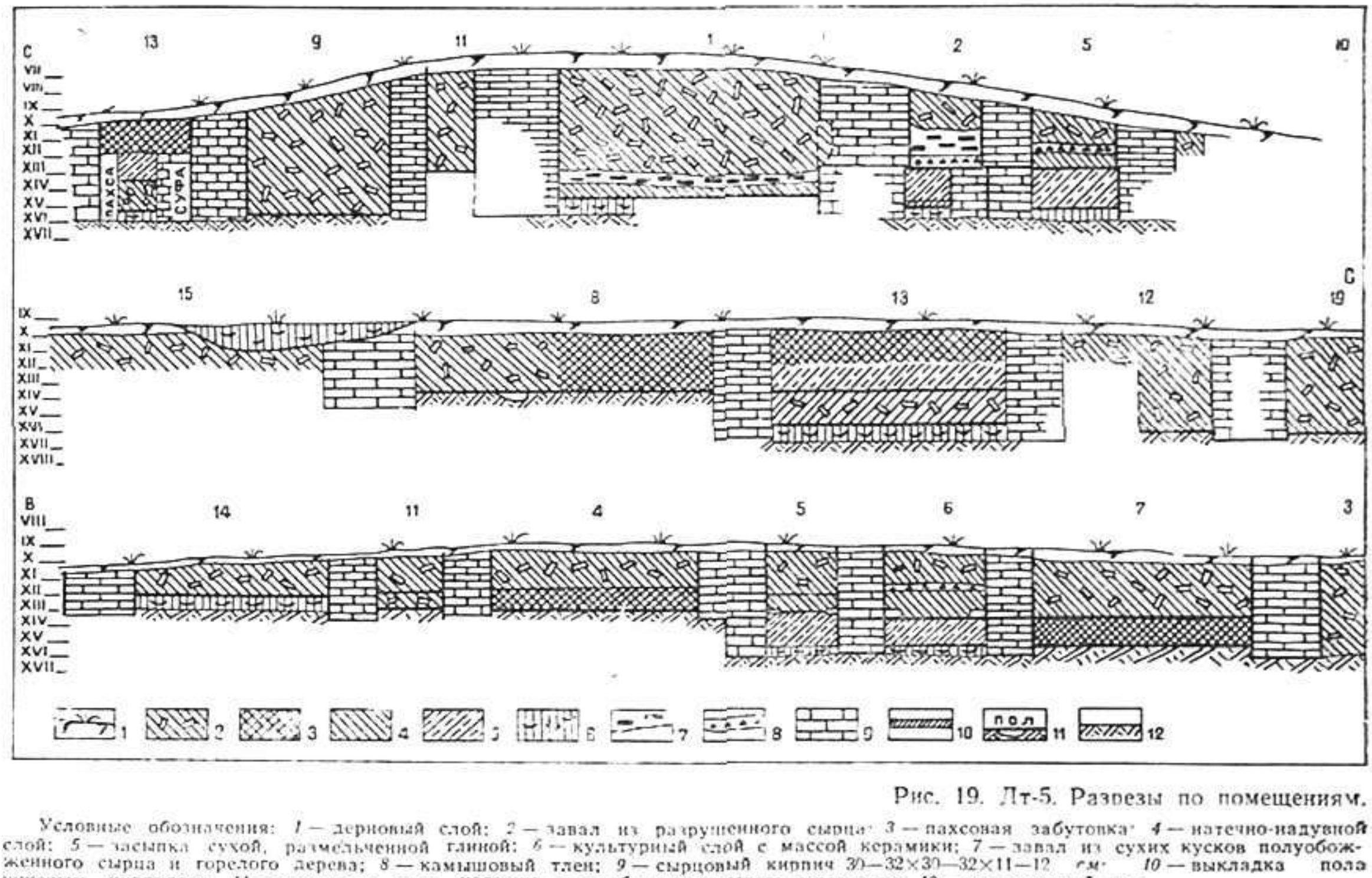


Рис. 19. Дт-5. Разрезы по помещениям.

Условные обозначения: 1 — дерновый слой; 2 — завал из разрушенного сырца; 3 — пахсовая забутовка; 4 — натечно-надувной слой; 5 — засыпка сухой, размельченной глиной; 6 — культурный слой с массой керамики; 7 — завал из сухих кусков полуобожженного сырца и горелого дерева; 8 — камышовый тлен; 9 — сырцовый кирпич 30—32×30—32×11—12 *см*; 10 — выкладка пола жженым кирпичом; 11 — основание для колонны из глыбы мергелистого известняка; 12 — материковый лесс.

вого тона, толщиной 15 *мм*. Штукатурка покрыта известковым раствором интенсивной белизны. Таких слоев побелки насчитывается 4—5 общей толщиной 4 *см*. Эти слои штукатурки вскрыты нами на большой площади стен.

3. Штукатурка толщиной 25 *мм* темно-коричневого цвета из слабо промешанной глины, содержащей большое количество рубленого самана, что впоследствии придало ей пухлость. По этой штукатурке идут зеленоватые побелки. Удалось насчитать до 20 слоев общей толщиной 15 *мм*.

4. Штукатурка светло-коричневого тона, покрытая почти 10 слоями известковой побелки. Последние отличаются от более ранних

пористым составом, грязноватым оттенком, сильной сыпучестью. На эти побелки наслаивается до 15—20 зеленоватых меловых.

5. Штукатурка толщиной 10 *мм* с большим количеством рубленой шалы. По ней идут

Рис. 20. Дт-5. Кирпичная отмостка бани.

меловые побелки зеленоватого тона в 5—7 слоев.

6. Тонкая глиняная штукатурка с 3—4 слоями меловой побелки зеленоватого тона. Отмечена только в айване.

Первые существенные ремонтные работы произведены после каких-то сильных разрушений здания. Подкрепляются пахсой внешние стены — в пом. 9 с внутренней стороны, а вдоль пом. 4 — с внешней. От пом. 9 отделяется северная часть и образуется пом. 13 (6,8×2 *м*). Здесь к новой стене подстраивают тумбу из одного ряда сырца 31×31×12 *см*. Засыпав промежуток землей, пробивают проход в пом. 8, и разницу уровней разрешают поднятием пола до поверхности пола в пом. 8. Закладывается проход из пом. 3 в пом. 4, но устраивается проход в коридор 11. Выведена новая стена в пом. 2, а старая частично сохраняется как тумба.

В ходе ремонтных работ все стены покрыты новой глиняной штукатуркой из хорошо отмученной глины (тип 2). Просушенная штукатурка покрывалась известковыми побелками, и только в пом. 8 и на западной стене в нише пом. 10 покрытие произвели тонким раствором и росписью. Характер росписи в пом. 8, дошедшей лишь в крошеве, не выяснен, но ясно видны розовый, желтый цвета и черные полоски. В нише пом. 10 при ремонте роспись была сбита, но несколько фрагментов обрушилось. Реставраторам удалось закрепить два небольших куска. На мелких фрагментах видна окраска в ярко-красный, голубой, розовый, желтый цвета и черные тонкие линии. Два упомянутых куска сюжетные: на одном просматривается часть головы коня коричневой масти в панцирном наморднике синего цвета, взятого в уздцы; на другом изображено лицо мужчины с бородой и усами, повернутое вправо, в шлеме голубого цвета. Перед лицом мужчина держит меч, окрашенный в желтый цвет, через который просвечиваются щека и глаз (цв. табл. IV). Голова воина в шлеме по образу близка к скульптурной голове воина из Халчаяна[1].

После описанного ремонта здание функционировало продолжительное время с периодическим подновлением побелок. Однако пом. 13 и восточная часть пом. 8 через небольшой промежуток времени замуровываются, причем под пол в пом. 13 был запрятан кувшин с золотыми предметами.

Второй значительный ремонт охватил южную часть дома: пом. 2, 2а, 4. Стены пом. 2, 2а, видимо, пришли в ветхость и поэтому надстраивались. При этом осуществляется перепланировка пом. 2а. Оно разделяется на два помещения — 5 и 6. Пом. 5 (2,6×2,1 *м*) имеет проход в коридор 2. В южной стене его при перестройке на уровне XII яруса проложены вставленные один в другой три кобура, уходящие с небольшим уклоном наружу. Пол пом. 5 поднят до уровня XIII яруса, и на нем вдоль стен выкладывают суфы шириной и высотой в один кирпич, покрытые глиняной штукатуркой.

Помещение 6 (2,45×2,9 *м*) также связано проходом с коридором 2. Глинобит-

[1] Пугаченкова, 1971 а, с. 67.

ный пол с заливкой глины находится на уровне 30 *см* XVI яруса. Вдоль стен сделаны суфы шириной 50 *см* и в два ряда сырца по высоте, покрытые штукатуркой. В проходе пол повышен на 15 *см*. В пом. 4 в восточной стене, у стыка с северной, создан проход, ведущий в коридор 2. Пол в пом. 2 повышается, поднимается соответственно пол и в пом. 7. В этот период здание вновь покрывают глиняной штукатуркой и побелкой типа 3.

Третий ремонт в основном осуществлялся в пом. 3, где проход в северной стене был заложен и прорублен новый в южной части западной стены. Вдоль всей восточной стены сооружена суфа (2×0,6 *м*); западный край ее выведен из сырца 34×34×12 *см*, а внутреннее пространство засыпано землей. В этот же период в айване 16 закрывается проход в северной стене и подстраиваются боковые суфы. В пом. 15 подкрепляется пахсой южная стена. Все переделки и стены комплекса подновляются глиняной штукатуркой и побелкой типа 4.

При четвертом ремонте в пом. 4 закладывают проход в пом. 2 и открывают старый, ведущий в коридор 11. Вдоль всей северной стены возводят суфу 1,5×0,8 *м*, которую по внешнему контуру выкладывают сырцом 32×32×11 *см*, а промежуток засыпают землей. Культовая нишка в южной стене закладывается, уровень пола поднят утрамбовкой сырой глины. В пом. 3 закладывают обе ниши, а в центре вырублена новая, большая, с другой профилировкой — овальной формы (1,75 *м*, ширина 1,2 *м*, глубина в нижней части 0,4 *м*, а вверху сходит на нет). В нижней части ниши — ямка диаметром 20 *см*, заполненная белым пеплом. Перед нишкой на новом уровне пола (конец XII яруса) делается прямоугольный выступ в два кирпича. Надстраивается суфа. В северном углу западной стены прорубается второй проход. Повышается пол и в коридоре 11. Все здание обновляется новой глиняной штукатуркой типа 5.

Здание функционировало в таком виде длительный период, время от времени подновляемое побелками. Погибло оно от сильного пожара и после того начало медленно разрушаться. В пом. 2, 3, 5—7 на уровне полов отмечены линзы обугленных кусков балок, слои истлевшего камыша, прокаленной глины. В пом. 1 обугленные балки составили слой толщиной 0,7 *м*. Реставраторам удалось извлечь из этого слоя большие куски балок.

Изучение положения остатков балок показало, что они отличались друг от друга размерами и способом крепления (рис. 126, 127). Среди них имеются крупные — квадратные в сечении (20×20 *см*) и мелкие (10×12 *см*) трех видов: четырехугольные с выпуклой лицевой стороной, по которой шла рельефная резьба в виде набегающих продолговатых листочков; прямоугольные, у которых одна половина лицевой стороны оставалась гладкой, а другая, выпуклая — с такими же набегающими листочками. Часть балок, возможно, была покрыта красителями, так как в некоторых местах остались бугристые места от сгоревшей краски. Выявлены способы крепления мелких балок друг с другом и мелких с большими — методом врубки. Расчистка большого числа обгорелых балок на месте их залегания позволяет предположить, что перекрытие являло один из вариантов системы «рузи» или «чархона».

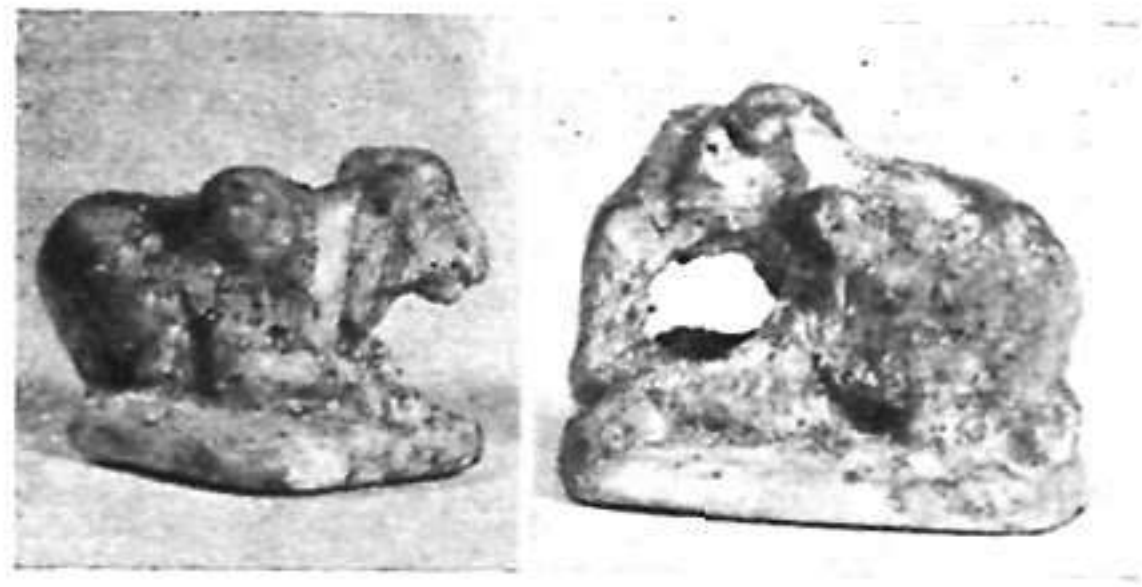


Рис. 21. Дт-5. Две шахматные фигурки из комнаты 2 а.

После пожара средняя часть всех помещений заполняется завалом от разрушенных стен с крупными кусками сырца и штукатурок. Верхняя же часть наполнена затеками сильно размытых кусков стен, надувным песком. Уже на разрушенном здании в северо-западном углу образуется сбросовая яма, куда попадает из каких-то соседних владений множество фрагментов керамики и среди них — монета кушанского правителя Васудевы I.

Остановимся на находках. На полу пом. 2а недалеко друг от друга найдены две фигурки, выполненные из слоновой кости (рис. 21). Одна из них передает образ слона, сидящего на задних ногах и как бы привстающего на передние, опираясь на хобот (размеры 29×18×24 *мм*). Вторая изображает быка-зебу, лежащего на прямоугольной подставке (19×22×18 *мм*). Эти скульптурные изображения животных на специальных подставках относились к набору шахматных фигур. История этой игры своими корнями уходит в Индию, где первоначально бытовала игра чатуранга с че-

тырьмя партнерами, затем она перешла в шатранг с двумя партнерами. Найденные в помещении фигурки, видимо, принадлежали игре чатуранга, где четыре партнера расставляли свои фигуры по углам[2]. В 40 *см* выше фигурок обнаружена медная монета чекана Хувишки, а также две бронзовые полые подвески, состоящие из двух половинок с рубчиком на месте соединения.

В пом. 3 на втором уровне пола поднята монета Канишки. Там же найден амулет из обуглившегося кусочка дерева. Амулет передает образ стоящей женщины во фронтальной позе (часть лица сбита). Волосы женщины закрывают уши и загнутыми концами заходят за щеки, на лбу прямая челка, руки сложены у живота. Платье — из плотной ткани прямого покроя, расширяющееся книзу веерными складками. Через плечи проходит сквозное отверстие для подвешивания. Размеры 70×35×13 *мм*. Изображение по стилю аналогично терракотовым статуэткам из Саксанохура[3] и Дильберджина[4]. Статуарный тип позволил по сравнительным данным отнести статуэтку к I в. н. э.[5].

Во дворе 20 около арычка лежала медная монета Хувишки.

Остальные находки в основном обнаружены в завалах помещений. В их числе несколько терракот, выполненных оттисками с матриц (рис. 113, 114). Особенно интересна терракотовая статуэтка сидящей женщины с угловой арфой, обнаруженная в юго-западной части прохода в пом. 7 в XIII ярусе[6] (цв. табл. V).

Образы женщины-арфистки известны в скульптуре Халчаяна и Айртама, в настенной живописи из Топрак-калы, но все они даны погрудно[7]. Наша же статуэтка передает полную позу игры на арфе.

В западной половине заполнения пом. 8 найдены две терракотовые головки, еще одна головка расчищена в завале пом. 15. Женская фигурка из завала пом. 1 передает образ сидящей женщины с раздвинутыми коленями в длинном платье из драпирующейся ткани. Эта фигурка и головки дают статуарный тип богини в эллинизированной одежде, широко распространенный в средней части Сурхандарьи.

Иной этнический тип имеет терракотовая головка из заполнения пом. 10, схожая с деревянным амулетом, а также с аналогичными терракотовыми статуэтками из раскопов на Дальверзинтепе. В этом же слое найдена терракотовая головка в конусовидной шапочке с шишечкой на конце; подобный головной убор известен в скульптуре Халчаяна[8].

Почти в дерновом слое обнаружена фигурка, выполненная от руки (головка и правая рука отбиты), — схематически переданный торс человека с выделенным половым признаком и приподнятой в локте рукой. В этом уровне оказались также две фигурки лошадок и монетка плохой сохранности, по предварительному определению — кушано-сасанидского периода.

Среди находок из пом. 9 есть маленькая терракотовая головка с овальным лицом, вокруг которого кольцами уложены пышные пряди волос. Идентичных по виду статуэток пока среди находок из Бактрии нет. Здесь же обнаружены три лепные лошадки, у которых частично отбиты ноги и головы.

По материалам коропластики из средней части Сурхандарьи Г. А. Пугаченковой была сделана попытка выделить две большие группы женских образов. Новые накопления дают возможность выделить новые категории. При передаче образа богини мастера, очевидно, придерживались отличительных черт этнического состава населения. Было, возможно, и повременное деление. Если обратиться к этнографическим исследованиям по среднеазиатскому костюму, виду причесок, головного убора, то они выявляют традиционный переход от возраста девочки к девушке и дальше замужней женщине. С этим переходом меняется покрой платья, иногда даже вид ткани, изменяется прическа: если в девичий период не носили головного убора, то после замужества одевается он или платок. Среди таджикского населения традиция переплетать прическу сохранилась до наших дней: девушка после свадьбы совершает обряд мытья головы и переплетает косы, оставляя прядь коротких волос у ушей, которая свивается рукой в локон[9].

Головки из раскопа Дт-5 подразделяются на три вида: пряди височных волос убраны за уши, украшенные крупными подвесками; пря-

---

[2] Беляева, Тургунов; Тургунов, 1973 а, в; Turgunov, 1975.

[3] Литвинский, Мухитдинов, 1969, с. 163; Линдер, 1975, 1976.

[4] Кругликова, Сарианиди, 1971, с. 164.

[5] Пугаченкова, 1973 *б*, с. 100.

[6] См. ниже: Вызго; Пугаченкова, Рempель, 1965, фиг. 71.

[7] Толстов, 1948, с. 177; Пугаченкова, Рempель, 1965, фиг. 71; Пугаченкова, 1966 а, с. 182, рис. 93; 1973 *б*, с. 108—109.

[8] Пугаченкова, 1971 а, с. 90.

[9] Кисляков, Писарчик, с. 177, сл.; Писарчик, Ершов, с. 265—266.

ди коротко подстрижены, закрывают уши и загнутыми концами переходят на щеки; на голове шапочка и уши закрыты загнутыми прядями. К сожалению, фронтальное изображение женских головок не дает возможности говорить о типе заплетения кос. Мы можем представить пока только один вид по скульптурной голове из Дт-7 и двум терракотам, где волосы сплетены в косу. Однако головы халчаянских скульптур дают другой вид причесок. Разновидности причесок наблюдаются и в коропластике Согда и Мерва.

Среди находок из пом. 13, найденных на втором уровне, есть целый чираг и бронзовый крючок. Из засыпки тумбы извлечен большой фрагмент от капители в виде хорошо проработанного акантового листа, вытесанного из белого мергелистого известняка. В засыпку же между полами был спрятан целый кувшин яйцевидной формы, с плоским дном. В кувшине находилось 115 предметов, отлитых из чистого золота (цв. табл. III и рис. 138). Приводим краткое описание основных групп предметов клада[10].

1. Прямоугольные бруски двух размеров и весов: 16 экз. — 8,5×2—2,4 *см*, весом 765—877 *г* и пять — размерами 6,8×16—17 *см*, весом 358—438 *г*. На некоторых из них имеются надписи, выполненные пунсоном, письмом кхарошти, которое по палеографическому признаку относится к I в. н. э., а по содержанию делится на две группы. Первая группа обозначает вес и формулу «Дано богом Митрой». Вторая обозначает вес и указание на сплав («соединение») из нескольких частей[11].

2. 39 дисковых слитков металла — целых, или обрубленных, диаметром 3,6—9 *см*, весом 188—538 *г*.

3. Браслет плоский, диаметром 7,5 *см*, высотой 4 *см*, весом 872 *г*.

4. Три браслета с утолщенными концами, диаметром 7,5—10 *см*, сечение 7 *мм*, у концов — 1 *см*, вес 375,5—455,5 *г*. Такой формы браслеты, относящиеся к рубежу нашей эры, известны по материалам могильника Тупхона[12]. Аналогичные браслеты найдены в кладах I в. н. э. из городища Сиркап (Таксила)[13].

5. Проволочные браслеты (3 целых и 2 обрубка), концы которых оттянуты и спиралевидно обвиты с противоположной стороны. Диаметр 5,5—8,3 *см*, сечение до 7 *мм*, вес 148—438 *г*. Аналогии также встречены среди браслетов из городища Сиркап.

6. Шейное украшение в виде гривны с утолщенными конусовидными концами, подобное браслетам с утолщенными концами; возможно, одевалось в комплекте с ними.

7. Шейное украшение, состоящее из пяти шнуров. Каждый шнур сплетен «косичкой» из восьми проволочек. Шнуры закреплены в отверстиях пластин, составляющих верхнюю часть изогнутых цилиндрических трубочек, нижние части которых закрыты также пластинками с крупными петлями. Цилиндры украшены напаянными гнездами, в которые вставлены драгоценные камни — чередующиеся малиново-лиловые альмандины и зеленоватая бирюза; форма камней в основном округлая. Вес украшения 282 *г*. Аналогии можно встретить в памятниках гандхарской скульптуры среди изображений принца Сиддартхи и бодисатвы Метрейи, где они представлены в виде прекрасных юношей, шеи которых украшает драгоценное ожерелье, являющееся одним из обязательных атрибутов для сословия высшей касты (цв. табл. VII).

8. Шейное украшение — пекторалъ из трех концентрических полукружий, соединенных с одной стороны замком, с другой — фигурно обработанным квадратом, в гнездо которого вставлена гемма-инталия с изображением головы Геракла и клевец — тип боевого топорика. Вес украшения 212,1 *г*. Близкое по типу украшение можно видеть на шеях женщин из Айртамского фриза[14] (цв. табл. VI).

9. Крупная бляха с припаянным ушком, диаметр 4,5 *см*, вес 75,4 *г*. Бляха передает в очень высоком скульптурном рельефе извивающегося ушастого зверя, свернутого кольцом и обрамленного полосой с рельефными гнездами для вставки драгоценных камней. Бляха могла служить деталью мужского пояса или пряжкой на верхней одежде. Изображения извивающихся зверей часто встречаются среди предметов из скифских курганов, определяющих «звериный стиль», хотя абсолютно идентичного пока нет. Богатые пряжки изображены на одеждах принцев из Сурх-Котала и Хадды.

10. Три серьги от разных пар. Две серьги выполнены той же техникой, что и браслеты — путем обмотки стержня тонкой проволокой. Третья передана небольшим полым цилиндром, поверхность которого украшена ромбовидной сеткой, где в каждом отделении техникой зерни напаян шестилепестковый цветок.

---

[10] Пугаченкова, 1974, 1974 б, 1976.

[11] Воробьева-Десятовская, 1974 б, 1976, с. 72.

[12] Литвинский, 1973, с. 12, табл. 2.

[13] Marschall, 1951, v. II, p. 34; v. III, p. 195—196; Пугаченкова, 1976, с. 64, 1974 б.

[14] Тревер, 1940, табл. 46, 48.

-а вверху припаяно небольшое ушко. Серьги, подобные двум первым, но только из бронзы, выполненные в такой же технике, известны по материалам из могильников Западной Ферганы[15], Тулхара[16].

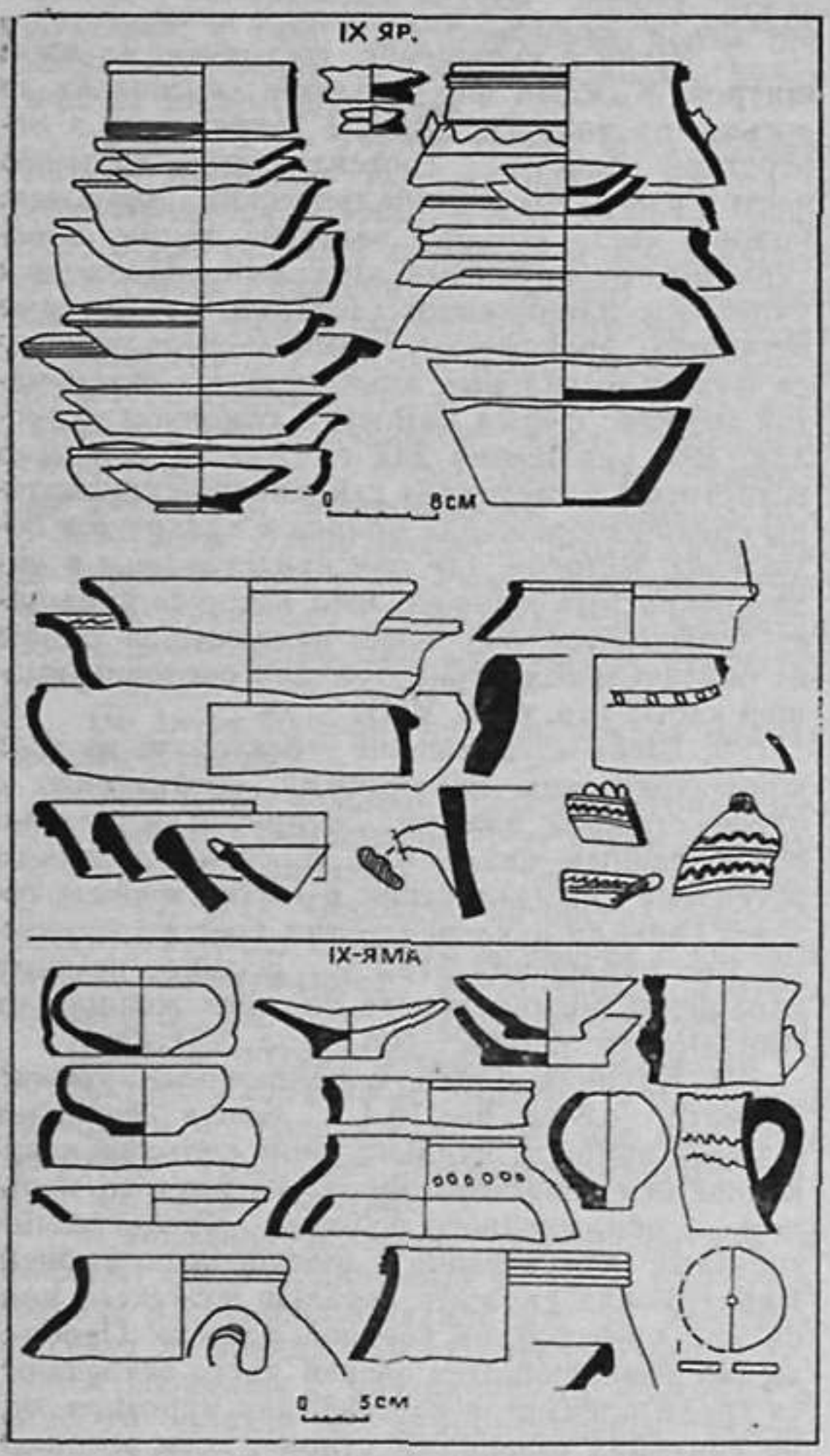


Рис. 22. Дт-5. Керамика первой группы I в. до н. э.

11. Разнообразные заготовки в виде ниток, проволоки, пластинок, трубочек.

Разнообразный по составу вещей дальверзинский клад золотых предметов дает возможность исследования истории ювелирного искусства, метрологии и имеет большое значение в изучении материальной культуры Бактрии в кушанскую эпоху. Пока по кладу сделаны предварительные сообщения[17].

Керамику из раскопок можно распределить на четыре группы.

В первую группу (рис. 22) вошла керамика из шурфов — из горизонтов ниже полов нашего здания. Здесь имеются два венчика тарелочек-рыбниц с отлогими стенками и клювовидным венчиком, верхние части фиал с закраиной, оттянутой в виде бортика, и часть тагоры с налепной петлей. Фрагменты эти имеют плотный темно-охристый черепок. Фиалы и тарелочки покрыты светлым ангобом, а тагора — ярко-красным ангобом и густым лощением. Аналогии встречены в керамических комплексах из нижних горизонтов других раскопов Дальверзинтепе (Дт-2, Дт-4, нижний слой цитадели), которые характеризуют греко-бактрийский тип керамики и близки к материалу из Ай-Ханум.

Встречены также чаши с плавноотогнутым или слегка загнутым бортиком на небольшом поддоне; кувшины — широкогорлые с подтреугольным венчиком, двумя ручками, круглым туловом и плоским небольшим донцем, по плечику одного из них проходит растянутая волнистая линия; широкогорлые горшки с небольшой рельефной закраиной; котлы — лепные, шаровидные; хумы, венчики которых переданы утолщенным валиком. Имеются отдельные фрагменты сероглиняной посуды. Этот материал аналогичен комплексу из шурфа Дт-2, который находится над греко-бактрийским слоем, и из второго горизонта Дт-7, а также схож с комплексами из Халчаяна, Кобадиана II, Чакалактепе Беграма[18]. Наша керамика, хотя и определяется сравнительным материалом в пределах II—I вв. до н. э., по составу более поздних форм характеризует, видимо, период не ранее I в. до н. э.

Вторая группа керамики (рис. 23) получена от сбора между первоначальными и ремонтными полами помещений 2, 2а, 3, 11, а также из разрушенных кирпичей, лежавших ближе к полам. Имея много общего с первой группой, она дает большее разнообразие форм. Черепок в основном кирпичного цвета. Почти вся столовая посуда покрыта красным или красно-коричневым ангобом, а кухонная и тарная — розоватым, светлым или без ангоба.

[15] Литвинский, 1973, с. 6, табл. 3, *21, 22*.
[16] Мандельштам; 1966, с. 123, табл. 58, *20, 23, 26*.
[17] Тургунов, 1973; Пугаченкова, Тургунов, 1974, с. 65; Пугаченкова, 1974, *б*, 1976; Воробьева-Десятовская, 1976.
[18] Пугаченкова, 1966 а, с. 41, табл. 18, *9*; Дьяконов, 1953, с. 283; Chirshman, 1970, табл. 28—30; Mizino, 1946, табл. 29—34.

Здесь представлены фрагменты бокалов с яйцевидным резервуаром на маленькой конической ножке и с широким прямым венчиком, чаши с плавно расширяющимся корпусом, чуть отогнутым или вогнутым венчиком, миски, украшенные по бортику процарапанной линией. На мисках есть налепы в виде трех шишечек по краю венчика, а также штампики в виде многолепестковой розетки или овального листочка. Тарелки по профилю венчиков не отличаются от чаш, но имеют глубокий резервуар с большим диаметром и нередко поддон. Найдены маленькие кувшинчики с яйцевидным резервуаром без ручек, кувшины с двумя ручками, невысокими плечиками, округлым туловом на маленьком плоском донце, а также горшки большие и малые с выделенным венчиком. Лепные котлы выполнены очень тщательно. Венчики хумов и хумчи приобретают рельефный выгиб в нижней части. Обращает на себя внимание наличие сероглиняной посуды, в количественном отношении почти равной красноангобированной.

Подобный керамический комплекс получен на раскопках Дт-2, Дт-4, Дт-7, Дт-9 в слоях периода Великих Кушан. Сходные формы содержатся и в слоях Кобадиана II—III, в Халчаяне, Айртаме, Чакалактепе, Бактры II, где они относятся к I в. до н. э. — II в. н. э.[19] Для нашего комплекса верхняя граница определяется монетой Хувишки, попавшей в слой между первым и вторым полом пом. 2 а.

Третья группа керамики (рис. 24) собрана из мест перестроек в западной части здания, из заполнений помещений в его средней части, а также из северной и южной частей за пределами самого здания. Она содержит фрагменты сосудов с красным ангобом, но преобладающими являются изделия со светлым ангобом или без него. Резко сокращается число сероглиняных форм. Заметно утолщение черепка на столовой посуде. В сервизе последней имеются бокалы на низкой ножке, чаши, миски, тарелки, сохраняющие свои предшествующие формы. Есть также плоскодонные фиалы с оттянутым бортиком, по которому проходит процарапанная волнистая линия. Горшки и котлы — прежних типов, но у кувшинов, хумча и хумов усложняется профилировка венчиков. Кухонная посуда иногда украшена процарапанным по сырой глине рисунком. Разнообразны формы тагора больших и малых размеров (впрочем, в других раскопах они имеются и в предыдущем слое).

[19] Дьяконов, 1953, с. 283—287; Gardin, 1957, табл. II; Пугаченкова, 1966 а, рис. 33—34; Пугаченкова, 1971, с. 193; Mizuno, 1970, табл. 28—30.

Сходный набор имеется в Халчаяне, Кобадиане IV и в массовом количестве встречен на Айртаме[20], где он датируется периодом правления Великих Кушан (конец I—II вв. н. э.). С этой группой керамики и другими находками были обнаружены монеты Канишки и Хувишки, поднятые с верхних полов. Таким образом, материал третьей группы дополняют комплексы из других раскопов на Дальверзинтепе и уточняются монетными находками.

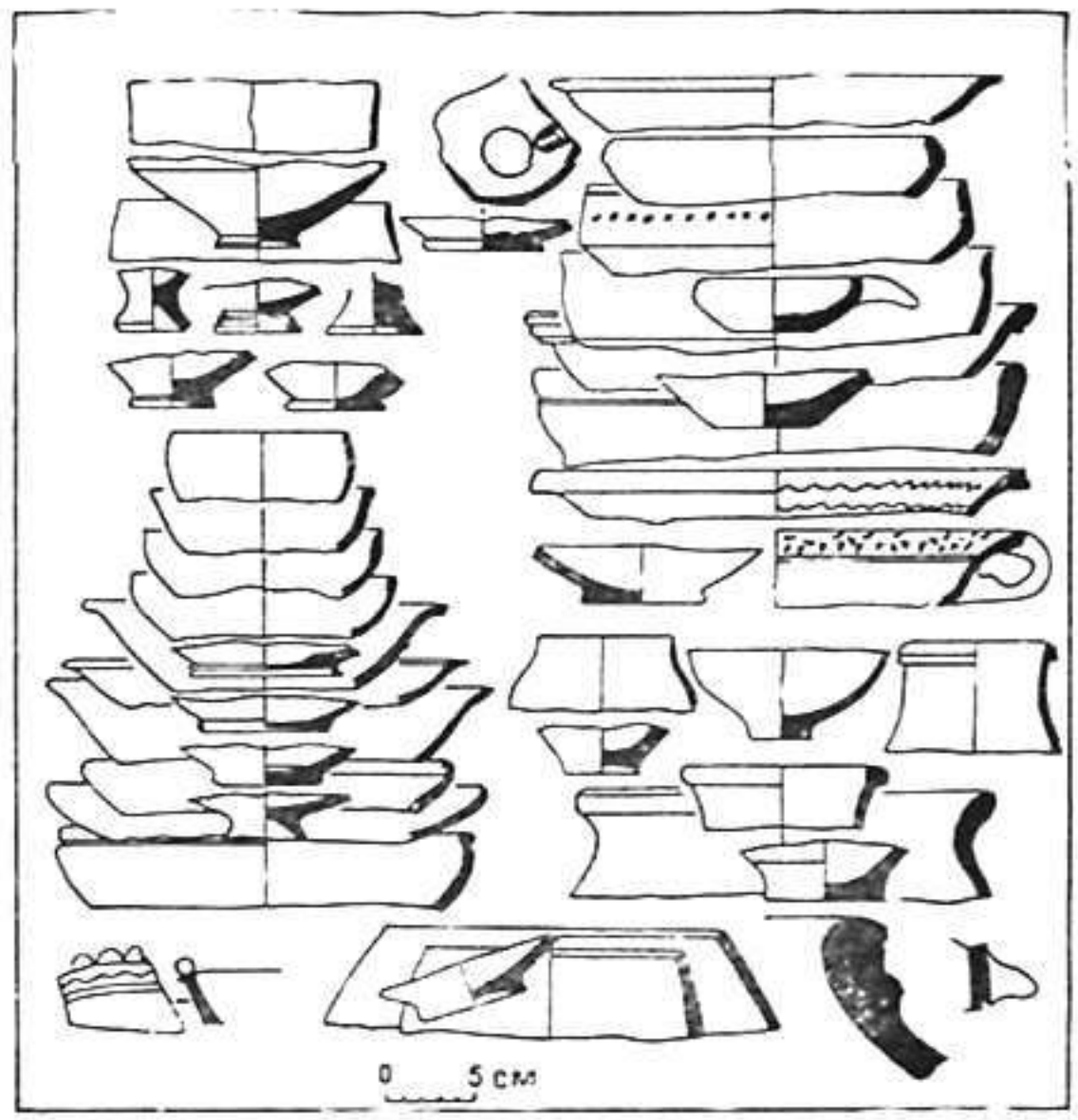


Рис. 23. Керамика второй группы. I — первая половина II в.

Четвертая группа собрана из верхнего горизонта вскрываемой площади, к ней же отнесен весь материал из сбросовой ямы. В этой группе очень мало красноангобированной посуды и отсутствует сероглиняная. Большой процент составляет кухонный сервиз, который представлен разновидностью форм горшков, котлов, малых и больших кувшинов, тагора. Столовый набор включает чашки и миски с розоватым ангобом. Лишь в единственном экземпляре встречен бокал. Аналогичный комплекс посуды отмечен в Халчаяне, где он относится к концу II—IV вв.[21] Уточне-

[20] Пугаченкова, 1966 а, рис. 39—40; Дьяконов, 1953, с. 288; Вязьмитина, 1945, с. 51—66; Тургунов, 1973 б, с. 72—75.

[21] Пугаченкова, 1966 а, рис. 61, 64.

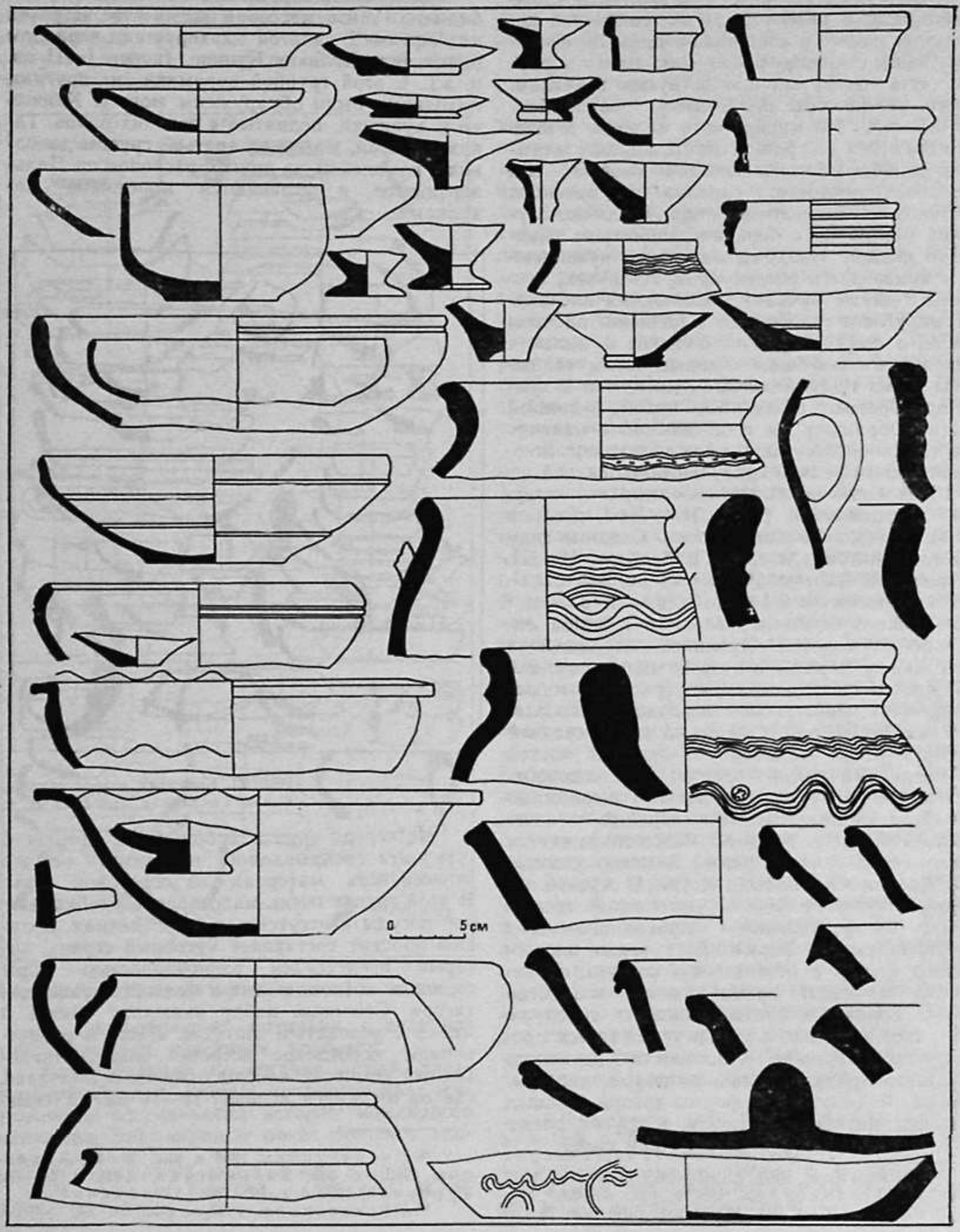


Рис. 24. Дт-5. Керамика третьей группы (среднего залегания).

ние к аналогичной датировке нашего материала дают найденные вместе с ним медные монеты Васудевы и кушано-сасанидского чекана.

В целом керамический материал из четырех основных стратиграфических слоев определяет границы функционирования и заброса здания Дт-5. Расположение же помещений, а также некоторые находки на полах дают основание сделать заключение о его назначении.

Восточная часть здания (пом. 16, 10, 18) *была входной. Пом. 16* с открытой восточной стороной, оформленной колоннадой, служило айваном. Пом. 17 могло быть привратным. Пом. 10 отделяло входную часть от центральной и играло роль вестибюля. Обширное, изолированное от других, пом. 1 являлось залом для праздничных и торжественных приемов. Пом. 11 — узкое и длинное — это коридор, который соединял входную часть с северной и западной группой помещений. Пом. 8 на раннем этапе было вторым залом, возможно, трапезной дома. Пом. 13 являлось хранилищем. Пом. 9, 12 соединены и имеют один выход в коридор 11 — они явно жилые. Со временем и пом. 8 переделывается под жилье. Пом. 2, 2 а и 7 были одновременно и жилыми, и служебно-хозяйственными. После перестроек пом. 5 и 6 стали жилыми.

Пом. 3 на всех этапах было культовым — оно спрятано глубоко от входной части и расположено вблизи трапезной комнаты. В лунках очагов и на выступах ниш возжигали огонь, но слабая прокаленность и незначительное количество пепла указывают на использование каких-то подставок или курильниц. Подобные ниши имеются в соседнем здании Дт-6 и в комплексе Дт-7. Отмечены они и в помещениях дворца Саксанохура[22]. Пом. 20 — это явно хозяйственный двор. Пом. 15 могло быть кухней и хозяйственным хранилищем. Пом. 14 со своей изолированностью, обработкой пола, наличием водостока и каменных глыб, предназначенных для нагревания, дает возможность говорить о нем как о домашней бане.

В общей характеристике вскрытое здание предстает перед нами как жилой дом. Он мог быть наследственным домом богатого горожанина. В I в. н. э. в один из периодов раннего обживания он принадлежал человеку из аристократической среды или военной знати, который, возможно, был одним из участников завоевательных походов в Северо-Западную Индию — привезенные оттуда и местные ценности он спрятал у себя в доме.

Дом был возведен на участке с уже существующими строениями и подчинен общей планировке города. На этом участке микрорельеф имел резкий перепад. Нивелировать его не стали, а общее распределение помещений только подчинили этой неровности. В резком перепаде с запада к востоку к моменту строительства в его пониженной части уже образовался культурный слой с керамическим материалом I в. до н. э. Жилой дом размером 47×35 *м* был поставлен так, что его дворовая часть и пом. 4, 3, 8 с обводным западным коридором находились на верхней, а все остальные комнаты — в нижней части. Последняя, в свою очередь, имела медленное понижение, что заставляло делать в проходах широкие пороги с уступами. Дом построили в самом начале I в. н. э. из квадратного сырцового кирпича, размеры которого варьируют от 31 до 35 *см* в стороне при толщине от 10 до 12 *см*. На кирпичах, вынутых при разработке некоторых суф и частей стен, были зафиксированы знаки, проведенные по сырой глине.

Все полы глинобитные и поддерживались смазками из сырой глины. Только в бане у входа в айван и в пороге у прохода в молельню применена кладка жженым кирпичом. Жженый кирпич считался дорогостоящим материалом и, возможно, для дома изготовлялся по специальному заказу хозяина, на что указывают оттиски печатей, обнаруженных на кирпичах из бани. На четырех кирпичах отпечатки сделаны одной печатью с изображением Будды, сидящего на троне из листьев лотоса. Вокруг головы Будды показан нимб, с обеих сторон от него изображено по парящей фигуре. Пятый отпечаток совсем маленький — в овальном углублении изображена женская фигура вправо.

Общее представление об облике дома в целом дают остатки архитектуры (рис. 25 и 132). На пониженную часть площади или переднего двора был обращен богато оформленный портик-айван. Его колонны, стоящие на каменных базах с аттической профилировкой, украшали входную часть, из которой можно было попасть в вестибюль и боковые коридоры. Из вестибюля центральный ход вел в залмихманхану, потолок которого был сборным из резных балок в сочетании с расписными. Два боковых прохода вели из вестибюля в другие части дома. Северный обводной коридор объединял жилые покои, домашнюю молельню и дворовую группу.

---

[22] Литвинский, Мухитдинов, 1969, с. 162.

В таком виде здание без ремонта функционировало какой-то период. С течением времени начались ремонтные работы и перестройки. Первые ремонтные работы велись, видимо, в середине I в. н. э. Через небольшой промежуток времени под пол пом. 13 был спрятан кувшин с золотыми предметами, замурована комната и восточная половина пом. 8. Произошло это, как видно из анализа золотого клада, во второй половине I в. н. э. Третий ремонтный этап работ мог быть сделан в первой половине II в. н. э., так как при выравнивании уровней полов в засыпку пом. 2а попала монета Хувишки. Последние два ремонтных этапа происходили в течение II в. н. э. Эту датировку определяет комплекс керамики третьей группы и монета Хувишки. После этого жизнь в доме прекратилась от возникшего пожара, во время которого сгорели и обрушились деревянные потолки. Стены дома постепенно размывались, заполняя помещения, и на его гребнях образовалась мусорная свалка. Судя по монетным находкам, свалка функционировала не ранее правления Васудевы и вплоть до кушано-сасанидского времени.

Дом обживался длительное время. Помимо жилого, он имел и культовое назначение — в нем выполняли обряды, признанные государством и чтимые издревле народом. Наличие домашней молельни свидетельствует о почитании культа, связанного с возжиганием огня. Найденные терракотовые фигурки и амулет Богини-матери уводят к каким-то обрядам, связанным с иконографическим почитанием богини, которая рассматривалась как покровительница семьи и семейного благополучия[23]. Фигурки животных и стилизованное изображение всадника говорят о почитании культа, истоки которого, видимо, уходят к степным племенам[24].

Частая побелка стен дома, по всей вероятности, производилась в канун подготовки к таким древним народным праздникам, как Науруз (новый год), Саада (начало пахоты и пробуждения природы), Михрган (праздник урожая, отмечавшийся в день осеннего равноденствия). Об этих ежегодных праздниках, уходящих своими корнями в глубокую древ-

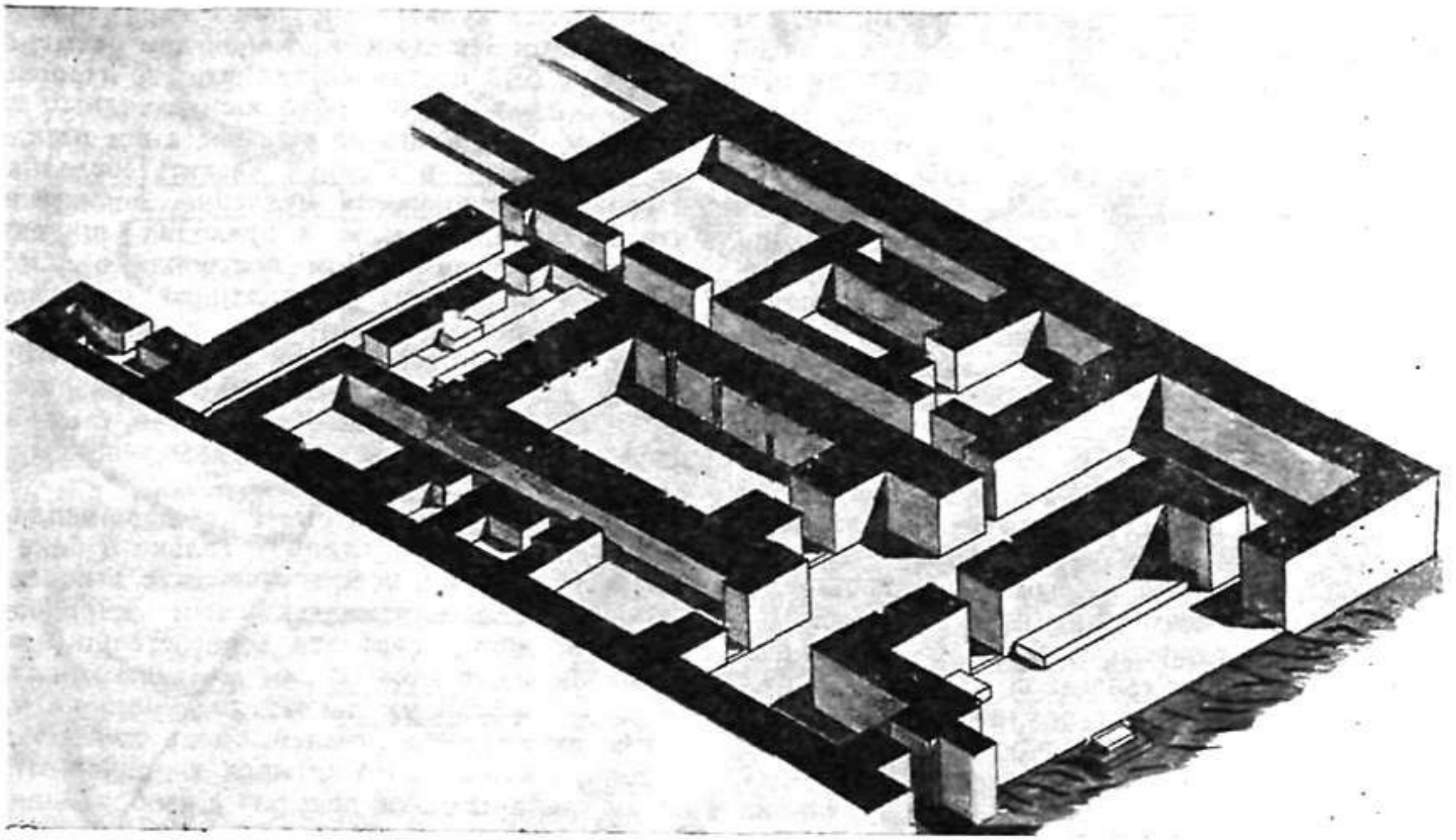


Рис. 25 Дт-5. Аксонометрия.

[23] Пугаченкова, 1974 а, с. 132.
[24] Пугаченкова, 1966 а, с. 228.

ность, упоминают средневековые источники[25], по сведениям которых женщины перед тем тщательно убирали дом, белили стены и готовили вкусную пищу, в праздничные же дни люди поздравляли друг друга, танцевали и пели, а в день Саада в домах и на возвышенных участках города обязательно возжигали огонь[26]. Праздники эти сопровождались музыкой. В числе исполнительниц, вероятно, были девушки, что подтверждают терракотовые статуэтки арфистки и лютнистки из Дальверзинтепе.

В композиционном отношении жилой дом Дт-5 выдержан в тех рамках социально-идеологических, этнографических и архитектурно-эстетических воззрений, которые существовали в Бактрии к моменту строительства. Подтверждением этому служат планировочные основы жилых домов и дворцов в бактрийских городах (таковы дома в Ай-Ханум и Дильберджине). Дома эти входят в одну из композиционных схем в планировочной структуре, выделенной как специфически бактрийский архитектурный тип[27].

ДОМ БОГАТОГО ДОМОВЛАДЕЛЬЦА

Археологическое изучение объекта Дт-6 проводилось с 1969 по 1974 г.[28] В результате раскопок вскрыто здание, включающее 28 помещений. Здание расположено вблизи северо-западной городской стены Нижнего города. Объект еще до раскопок обращал внимание возвышенным холмом и значительными размерами. Как показали работы, в этой части города под оплывами холмов покоились дома богатых горожан. Два дома под шифрами Дт-5 и Дт-6 были полностью раскопаны.

На поверхности городища четко видны места былых улиц, площадей, хаузов и других элементов городской застройки. Одна из таких улочек, берущая начало в центре города, следует в направлении к дому Дт-5, и доходя до него, резко поворачивает на юг и упирается в наш объект. С этой улицы можно было попасть во дворик, куда был обращен широкий айван дома.

Площадь раскопа занимает 2000 *м*² (50×40 *м*). Нулевая точка для отсчета ярусов была взята на самой высокой части западной стены городища. Наивысшая точка объекта приходится на конец VIII яруса.

Здание ориентировано, как и все городище, с некоторым склонением в сторону северо-востока.

Стены здания воздвигнуты из сырцовых кирпичей размером 35—34×35—34×10—12 *см*. На кирпичах — знак в виде двух или одной линии и вмятин пальцами. Как правило, все кирпичи уложены клеймом вниз, что содействовало лучшему сцеплению с раствором. В кладках применен глиняный раствор, который, как и кирпич-сырец, почти всегда содержит примесь самана. Жженых кирпичей на объекте Дт-6, за исключением нескольких обломков, почти не встречено.

Сохранность стен в центре здания хорошая: высота от пола более 3,5 *м*. Стены крайних помещений местами разрушились и кое-где сохранились лишь до 65 *см*. Поверхность стен обмазывалась толстым слоем штукатурного намета из глины с очень большой добавкой крупнорубленого самана. Поверх наносилась ганчевая обмазка. В некоторых помещениях обмазки достигают десятка слоев. Следует отметить, что на каком-то периоде ремонта по всему комплексу была нанесена обмазка зеленоватого цвета.

Полы помещений обмазаны несколькими тонкими слоями глины. Во многих помещениях на полах осталась истлевшая камышовая прослойка от циновок, устилавших в древности комнаты. Уровни полов всего комплекса приходятся на XIV — начало XV ярусов.

В планировке объекта (рис. 26) можно выделить парадную центральную, северную и западную группу, к характеристике которых мы переходим. Нумерация помещений давалась по мере вскрытия, но описание их здесь дается по этим группам. В итоге раскопок получена четкая стратиграфия всех вскрытых помещений (см. рис. 27).

Парадная центральная часть (рис. 27). Самым крупным (13,4×10,3 *м*) помещением всего комплекса является пом. 10, которое условимся называть залом. Главный вход в него — из пом. 12 (ширина 2 *м*). С внутренней и внешней стороны этого проема в зале сохранились гнезда от стоек обвязки дверного проема. Были ли здесь двери или просто навешивалась ковровая либо матерчатая драпировка — трудно сказать.

Толщина стен зала достигает 2,4—3,5 *м* и превышает толщину внешних ограждающих стен (1,2—1,7 *м*). Этот прием древних зодчих характерен для Бактрии и объясняется тем,

---

[25] Омар Хайям, 1961, с. 187.

[26] Негмати. Народный праздник Науруз. Древнеземледельческие праздники Саада и Михрган. Материалы фонда Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР.

[27] Пугаченкова, 1973, с. 121.

[28] Раскопки Б. А. Тургунова при участии Е. Г. Некрасовой и М. Салиевой под руководством Г. А. Пугаченковой.

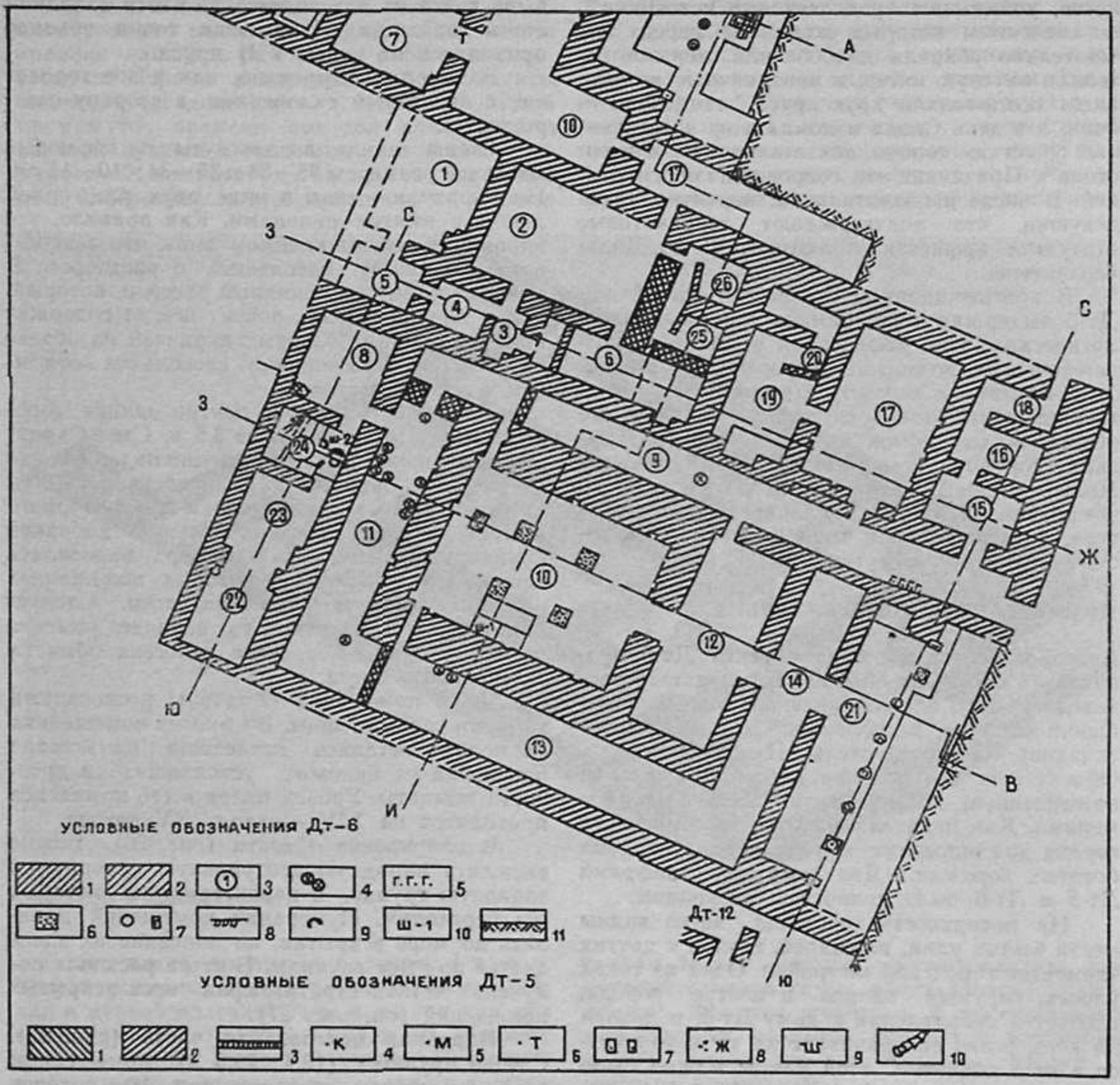


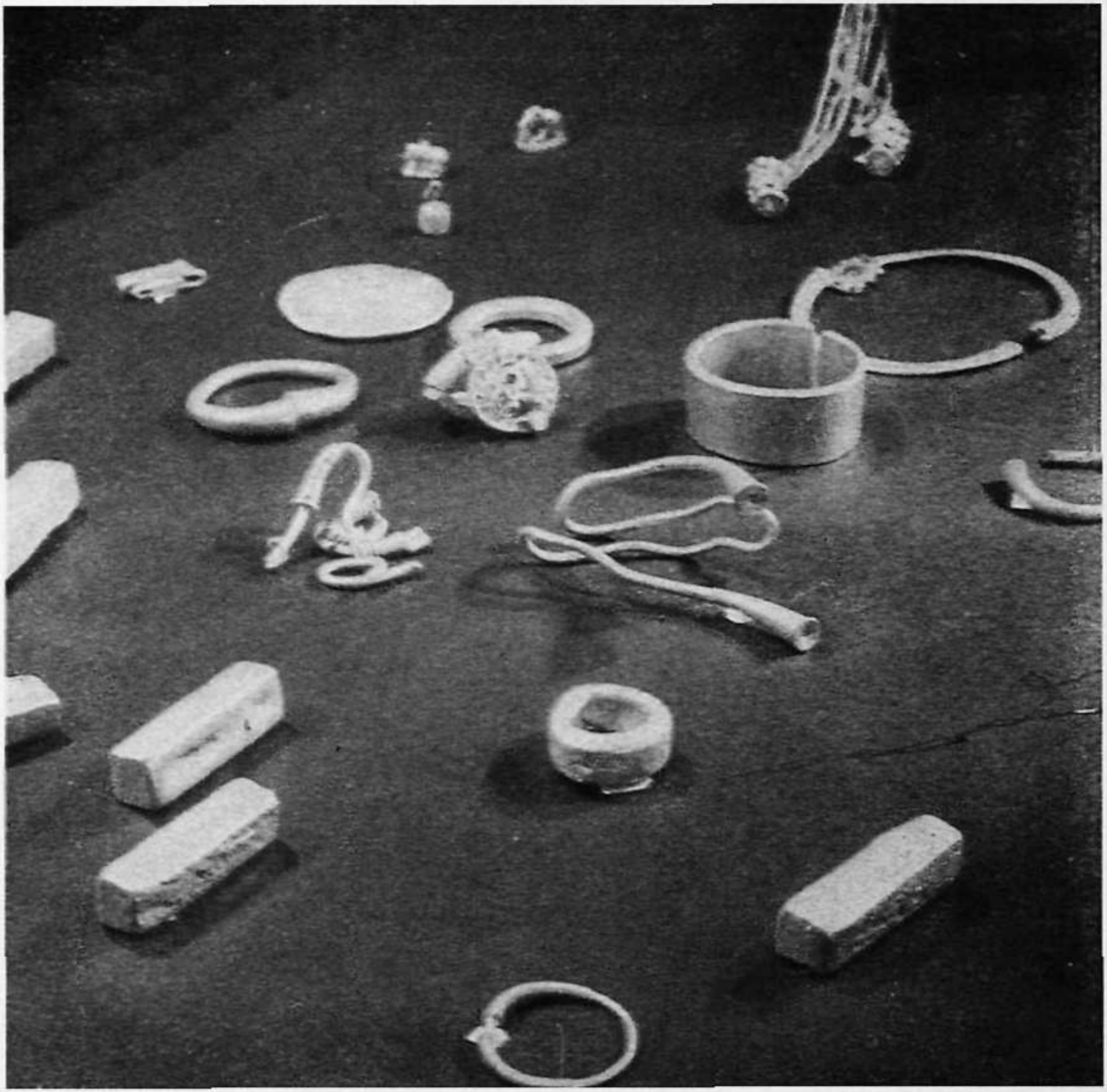
Рис. 26. Дом богатого домовладельца. План дома. Дт-6.

Условные обозначения Дт-6: *1* — стена I периода; *2* — стена II периода; *3* — нумерация помещений; *4* — хумы; *5* — граффитти; *6* — каменная вымостка; *7* — базы из мергелистого известняка; *8* — жженые кирпичи; *9* — очаг; *10* — шурф; *11* — граница раскопа.
Условные обозначения Дт -5(к рис. 15): *1* — сырцовая стена I периода; *2* — сырцовая стена II периода; *3* — пахсовая стенка; *4* — клад; *5* — монета; *6* — терракота; *7* — жженые кирпичи с оттисками гемм; 8 — живопись; 9 — шахматы; 10 — керамическая водопроводная труба.

что центральная часть дома возвышалась над окружающими ее постройками; кроме того, эти стены несли большую нагрузку от перекрытий. Аналогичный принцип возвышения зала над примыкавшими к нему помещениями и айваном отмечен во дворце на городище Халчаян[29] и в соседнем с нашим объектом доме Дт-5. Уровень пола находится в начале XV яруса, его глиняная обмазка толщиной 0,9 *см* хорошо прослеживается и расчищается

[29] Пугаченкова, 1966 а, с. 142.

Табл. III. ЗОЛОТЫЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ КЛАДА.



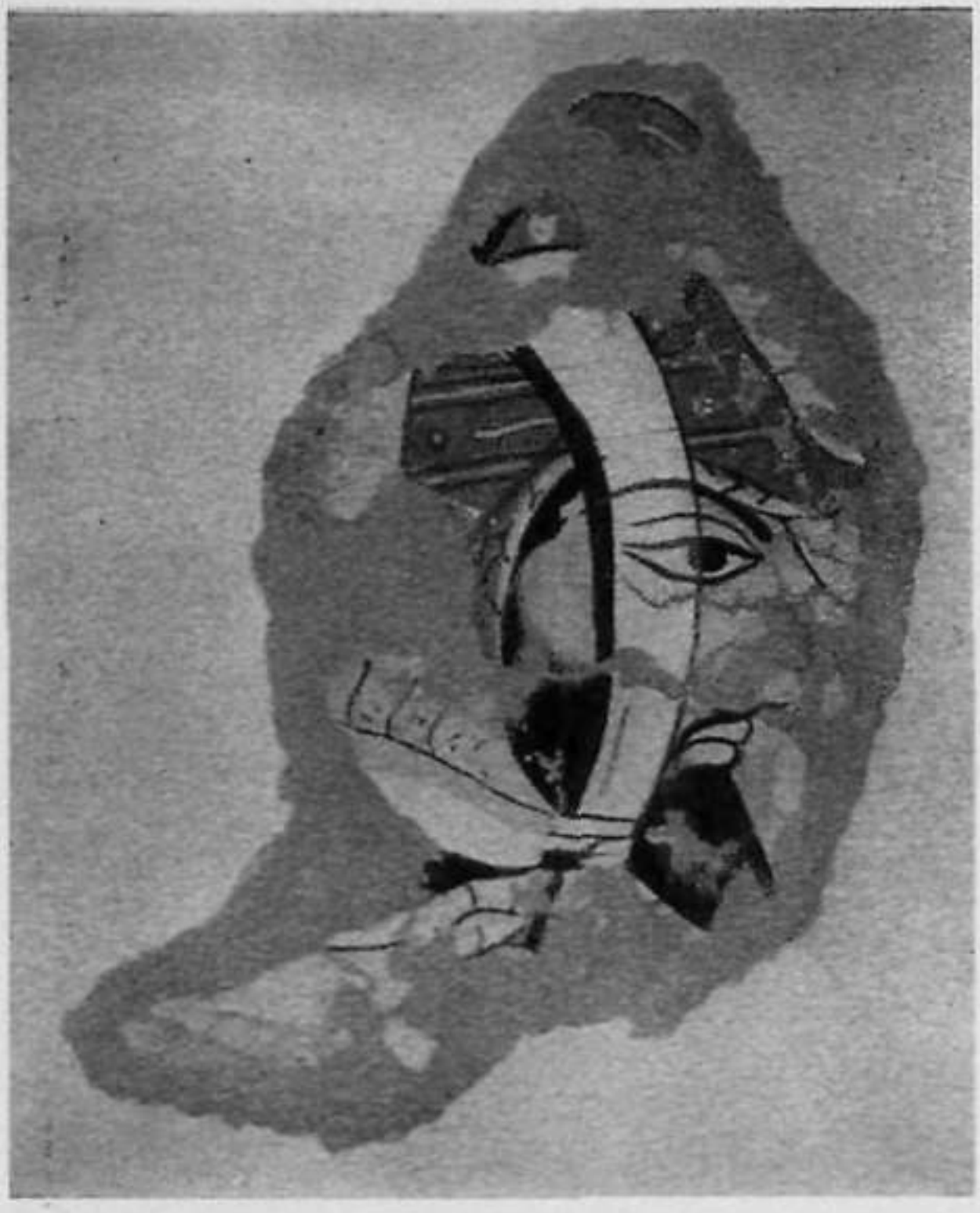
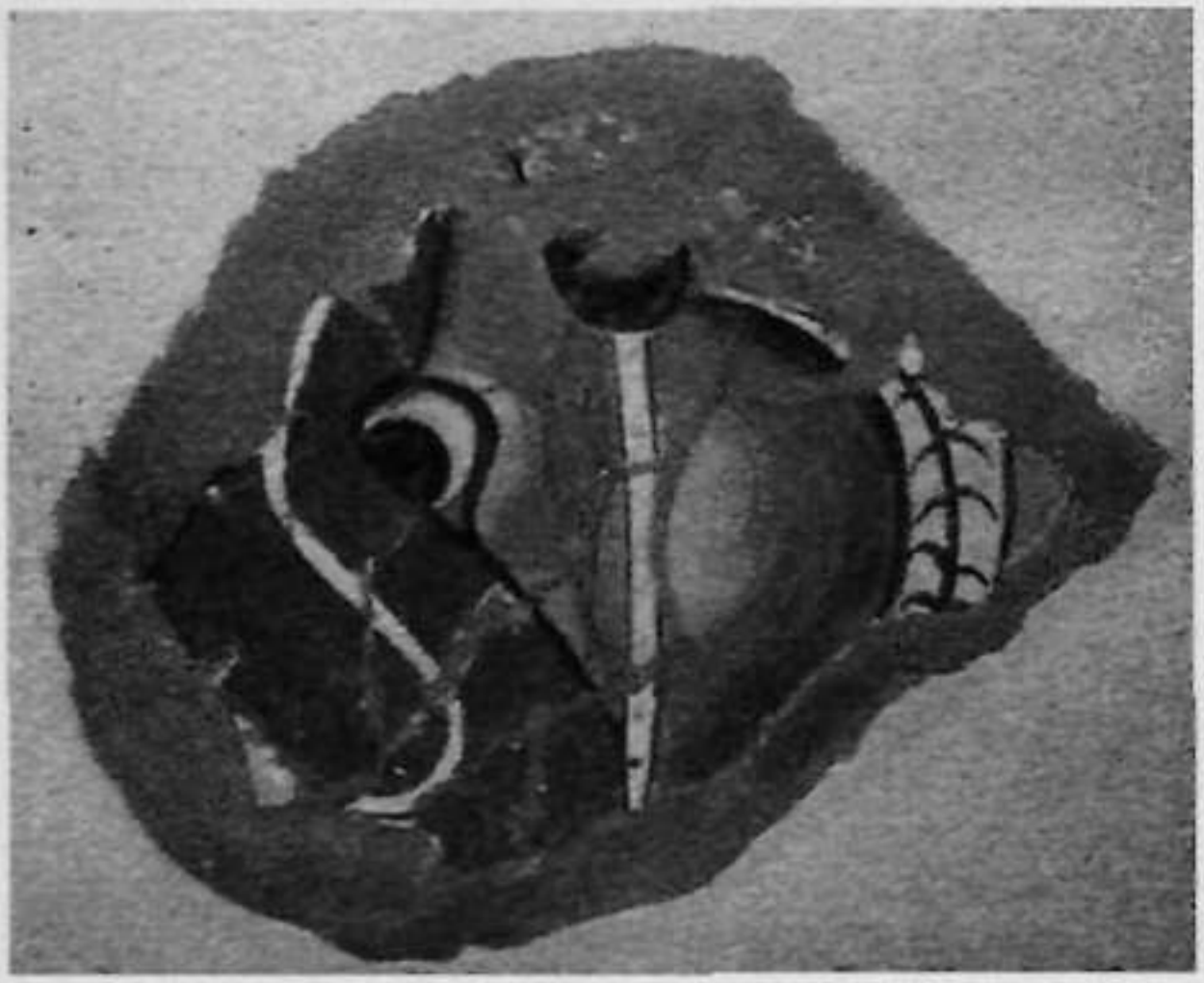


Табл. IV. ВОИН И КОНЬ.
ФРАГМЕНТЫ ЖИВОПИСИ (копия).



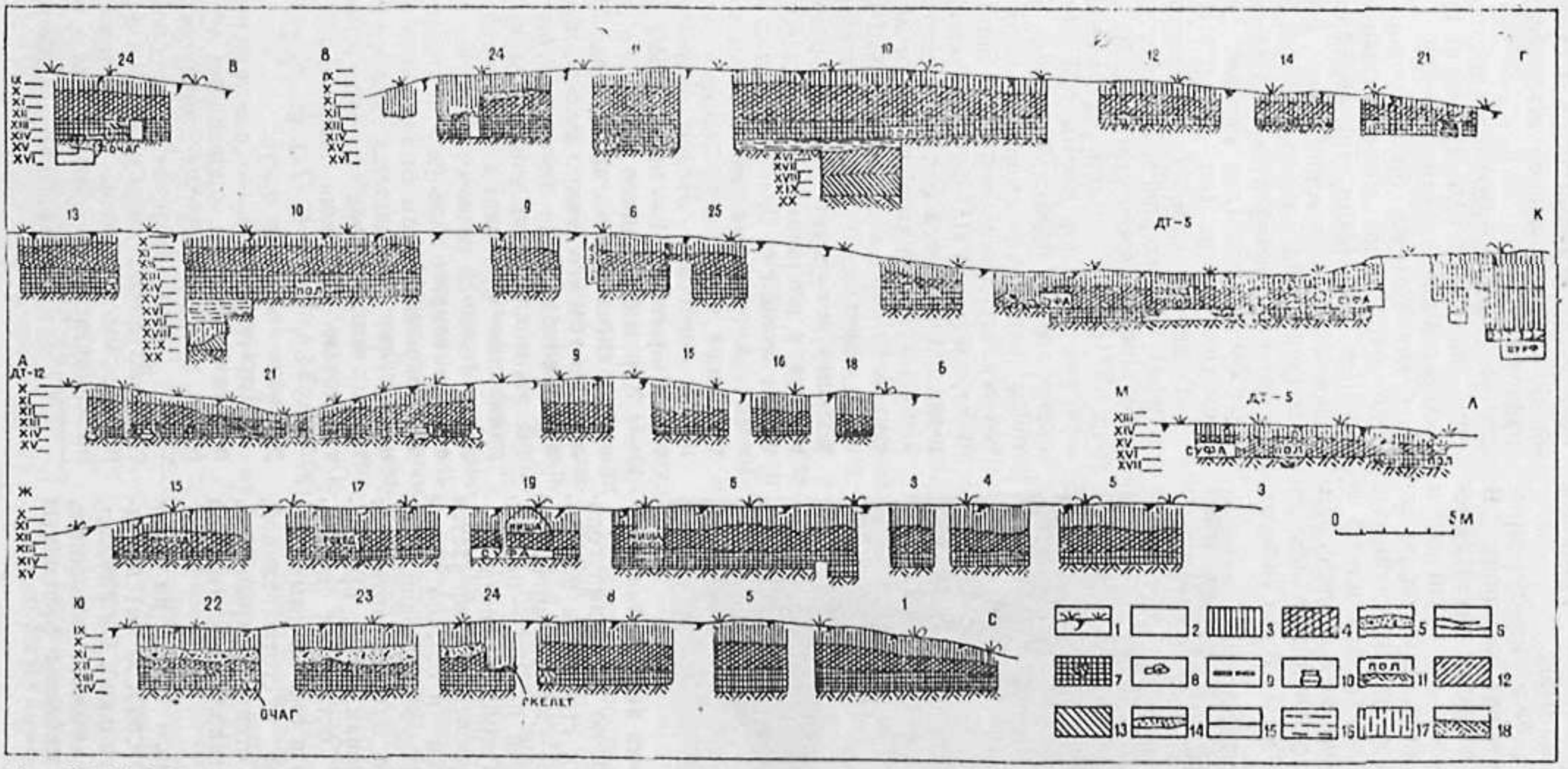


Рис. 27. Дт-6. Разрезы.

Условные обозначения: *1* — дерновый слой; *2* — стена из сырцового кирпича; *3* — слой средней плотности; *4* — плотный завал; *5* — зеленоватый слой с примесью костей и фрагментов керамики; *6* — зольный слой; *7* — очень плотный слой с примесью фрагментов керамики и архитектурных деталей из мергелистого известняка; *8* — галька; *9* — жженый кирпич; *10* — гипсовая заливка под каменными базами и галька; *11* — уровень пола; *12* — стена из пахсы; *13* — плотный материковый лесс; *14* — песок; *15* — уплотненная натечная глина; *16* — плотная глина с керамикой и др.; *17* — плотный слой чистой глины; *18* — материк.

по всей площади. Над обмазкой расчищен белый слой истлевшего камыша.

Зал имел деревянное балочное перекрытие, покоившееся на четырех колоннах. В центре его под полом в четырех местах расчищены каменные выстилки из крупных и мелких булыжников и галек, служившие основанием баз колонн (очевидно, деревянных), которые располагались на расстоянии 1,5 и 3,0 *м* друг от друга. Помимо колонн балки деревянного перекрытия устанавливались на стойках, вделанных в стены. В стенах зала на

Рис. 28. Зал со стороны главного входа.

всю высоту было расчищено 12 прямоугольных гнезд от деревянных стоек для поддержания перекрытия: пять — на западной, по три — на северной и южной и одна — на восточной стене (рис. 28). Размеры гнезд 25—30×10—15 *см*. Нижний уровень их кончается на уровне пола помещения и обычно ниже вымощен булыжником. Изучение одного из подобных гнезд соседнего пом. 11 позволяет выяснить характер установки стоек: при выведении стен строители оставляли прямоугольные пазы и, вставив в них круглые древесные стволы, заливали пустоты глиной, после чего поверхность стены покрывалась штукатуркой и стойка оставалась незаметной с внешней стороны.

Близ северо-восточного угла на полу расчищен квадратный (80×80×50 *см*) постамент, обложенный вокруг галькой. Он служил, вероятно, выстилкой под какое-то основание, возможно алтаря. Рядом найдены фрагменты волюты из мергелистого известняка. Несколько фрагментов аканта встречено у главного прохода.

Помимо центрального прохода зал имел еще два узких (0,6 *м*) боковых у северо-западного и юго-западного углов. В последнем на боковой стенке была сделана ниша (50×30 *см*), видимо, для светильников.

Для выяснения стратиграфии слоев под зданием вдоль южной стены под полом мы заложили шурф размером 2,5×1,5 *м*. Выявлено три стратиграфических горизонта; на глубине 2,6 *м* начинался материк. Описание их даем снизу вверх (см. рис. 27).

В первом слое (в юго-восточной части *шурфа) на материковом лессе, уровень которого* повышается у северной бровки на рубеже XVIII—XIX ярусов расчищена хозяйственная яма овальной формы (0,7×1,0 *м*), уходящая в южную бровку. Керамика из ямы идентична керамике вышележащего комплекса, потому описание ее будет дано совместно. В середине XVIII яруса, в северной бровке шурфа начинается основание пахсовой стены, которую подстилает песчаная подсыпка толщиной 10—15 *см*. До рубежа XVIII—XVII ярусов следует слой глины средней плотности с редкими невыразительными фрагментами керамики и угольками; выше идет пласт чистой глины толщиной 25—30 *см*, над которым лежит пол, прилегающий к упомянутой стенке, уходящей в северную бровку шурфа. Над полом залегает второй стратиграфический слой (конец XVII — начало XVI ярусов).

Керамика первого и второго стратиграфических слоев близка по формам. Материал из первого условно можно назвать более ранним, из второго — более поздним. Почти все сосуды изготовлены на гончарном круге, но есть единичные фрагменты лепных кухонных котлов с большой примесью дресвы в тесте. Но если во втором слое уже встречается керамика, покрытая плотным ангобом, то в первом ее еще нет. В комплексе первого слоя характерны извлеченные из хозяйственной ямы тарелочки и чаши небольших диаметров (рис. 34 а, *7, 8, 10—12*) с плотным черепком розовато-лессового цвета.

Тарелочки обычно с отлогими стенками, плоским дном и с клювовидно отогнутым наружу *или сглаженным венчиком. Тарелочки* такого типа имеются в греко-бактрийских слоях Дт-2 под домом и в разрезе Дт-4. Сходные формы встречены в Халчаяне в шурфе на Ханакатепе в слое III в. до н. э.[30] На Аф-

[30] Пугаченкова, 1966 а, с. 35, рис. 14.

расшабе они обнаружены в шурфах № 3 и 8 и на раскопе в северной части городища, где также датируются греко-бактрийским временем[31]. Подобные тарелочки известны и в Эркале (Туркмения) в слое, датированном II в. до н. э.[32] Встречаются они в греко-бактрийских слоях Ай-Ханум[33] и Балха[34]. Оба вида характерны для нижних горизонтов в шурфе Дт-2 и под стеной Дт-4. Тарелочки этих двух типов имеют розово-лессовое плотное тесто черепка, светлый ангоб. Сечение стенок 4—8 *мм*, диаметр 15—20 *см*. По одному из фрагментов можно судить, что донца были плоские.

Чаши по форме венчика также можно разделить на типы. Наиболее распространены чаши с отогнутыми наружу венчиками плавного профиля, иногда имеющие в средней части тулова небольшое ребро. Диаметр чаш 15—22 *см*, сечение стенок 6—9 *мм*. Тесто черепка плотное, хорошо отмученное, ровного лессово-розового цвета, обжиг отличный. С обеих сторон чаши покрыты плотным розовым ангобом, который с внешней стороны доходит лишь до одной третьей части резервуара. Эта черта присуща кушанской керамике более позднего времени. Как исключение встречаются чаши этого типа с пористым черепком, в тесте которых большая примесь гипса, тогда как в лессовом материале в тесте преобладает примесь песка. Подобного профиля чаши обнаружены в Халчаяне[35] в слое II в. до н. э. и на Афрасиабе в слое III—I вв. до н. э.[36]

Менее распространены чаши с венчиком, оттянутым наружу в виде горизонтального бортика. Один из фрагментов такой чаши сплошь залощен по красному ангобу. Аналогичные чаши найдены в других греко-бактрийских комплексах Дальверзина, в слое Кобадиан[37], на Афрасиабе[38], в керамике Бактр[39].

Чаши третьего типа со стенками, плавно сужающимися к венчику, составляют меньшинство. Это изящные, покрытые сплошным лощением по красному ангобу, чашки диаметром 18—19 *см*. Аналогии им встречены в греко-бактрийских слоях Дальверзинтепе и Китаба[40]. На городище Муг-тепе (в г. Ура-тюбе) в слоях IV—II вв. до н. э. встречен сосуд идентичной формы[41].

Встречено несколько фрагментов горловин кувшинов (рис. 34а, 65). Все они без ручек, плавного профиля, диаметром 6 и 15 *см*. Черепок хорошо отмучен, ангоб светлый. Кувшины такого профиля встречаются в греко-бактрийских слоях Халчаяна[42], Афрасиаба[43] и Эрк-калы[44].

Венчики горшков (диаметр 18—20 *см*) обычно красноглиняные, тонкостенные, светлого ангоба, а также красноглиняные с красным ангобом. Встречены светлоангобированные стенки хумов.

Имеется несколько сероглиняных фрагментов с лощением и фрагмент стенки бокала с лощением по красному ангобу.

Над вторым стратиграфическим слоем следовал слой уплотненной глины натечного характера. Над ним, почти до середины XVI яруса, шел слой завала глины с раздавленными гипсовыми штукатурками, невыразительными фрагментами керамики и двумя сырцовыми кирпичами размером 40×40×12—13 *см* с отпечатками человеческой ступни.

На границе XVI—XV ярусов шел лентовидный горелый слой толщиной 5—6 *см*, который находился почти на одном уровне с гребнем упомянутой стены. Стена эта шириной 1,2—1,4 *м* состоит из чистой красновато-коричневой плотной пахсы. В XV ярусе, под которым проходит пол нашего здания, расчищен слой завального характера с многочисленными фрагментами керамики. В северной бровке шурфа находилась булыжная прямоугольная вымостка (1,0×0,65×20—25 *см*), которая является одним из четырех расчищенных в зале оснований колонн.

Комплекс керамики из XV яруса может быть датирован, помимо сравнительных аналогий, находкой под полом зала монеты Варварского Гелиокла. Монеты этого рода датируются концом II—I вв. до н. э. Однако поскольку нижележащие горизонты уже включают смешанный материал греко-бактрийского и юеджийско-кушанского времени, данный слой можно датировать, по крайней мере, второй половиной I в. до н. э. Керамика, кроме кухонных котлов и чирагов, изготовлена на гончарном круге. Цвет сосудов светло-коричневый и темно-охристый. Появляются в небольшом количестве фрагменты со светло-серым черепком. Наблюдается увеличение форм

---

[31] Филанович, с. 218, рис. 4; Немцева, с. 163, рис. 5; Кабанов, с. 186, рис. 3.
[32] Усманова, 1969, с. 23, рис. 5.
[33] Schlumberger, Bernard, t. III, fig. 7.
[34] Gardin, 1957, pl. VII.
[35] Пугаченкова, 1966 а, с. 37, рис. 15.
[36] Кабанов, рис. 16.
[37] Дьяконов, 1953, с. 255.
[38] Шишкина, с. 239, рис. 3 (*35—37*).
[39] Gardin, 1975, pl. VII, 23 a (7).
[40] Крашенинникова, с. 62, рис. 2 (9).
[41] Ранов и Салтовская, с. 122, рис. 11.
[42] Пугаченкова, 1966 а, с. 41, рис. 19.
[43] Филанович, 1969, с. 218.
[44] Усманова, с. 32, рис. 14.

и вариантов. Аналогичная керамика встречена под полами некоторых других помещений нашего здания.

Таким образом, шурф в зале дал следующую стратиграфию:

I период — греко-бактрийский (XVIII—XIX ярусы), с хозяйственной ямой, без архитектуры.

II период — юеджийский (XVII — начало XVI яруса), связанный с помещением, от которого в шурфе остались пахсовая стена, пол и культурный слой над полом, содержащий керамику, внешний вид которой напоминает материал предшествующего времени, но в котором появляются не встречавшиеся ранее формы, красный цвет ангоба и сероглиняные сосуды.

III период (XV — середина XVI яруса) — после какого-то этапа запустения, отмеченного слоем натеков и завалов толщиной 20—30 *см*. Этот период представлен значительным комплексом керамики, датируемым монетой Варварского Гелиокла.

IV период (начало XV яруса и выше) — основной период строительства и обживания здания Дт-6. На полу пом. 10 найдены две монеты: одна — Сотер Мегаса и вторая — Канишки. Выше пола в накопившемся до 20 *см* завале обнаружили четыре монеты Васудевы II. Все монетные находки позволяют датировать время постройки дома периодом правления Кадфиза I, функционирование зала — эпохой Великих Кушан, а последний этап жизни, как и в большинстве построек Дальверзина, временем Васудевы II. Аналогичная картина наблюдается и в других помещениях комплекса.

Айван (пом. 21) входит в состав центральной парадной части здания. Ширина его 18,2 *м*, глубина 3,5 *м*. Край айвана не удалось выявить вследствие разрушения боковых стен. От выстилки остался лишь один ряд беспорядочно лежавшего кирпичного боя. Жженый кирпич из отмостки, как и часть каменных баз, некогда расположенных по фронту айвана, был позднее выбран с мест и использовался в других постройках города.

Айван был многоколонным и богато оформленным. В древности его перекрытие поддерживали шесть деревянных колонн и два угловых сырцовых пилястра на каменных базах (рис. 130). Из них in situ сохранилось четыре базы, от остальных четырех остались лишь основания в виде гипсовой заливки вперемежку с галькой толщиной 20—25 *см*. Базы находятся на расстоянии 2,5 *м* друг от друга, причем в северной части базы одной из колонн и пилястра несколько выдвинуты вперед — очевидно, айван здесь образовывал выступ. Чтобы не нарушить симметрию расположения каменных баз для северного углового пилястра устроили выступ от северной стены айвана размером 2,1×1,4 *м*. При этом в северо-западном углу образовался как бы закуток, где, вероятно, был устроен лестничный проход на крышу. Этот прием сохраняется доныне в народной жилой архитектуре Северного Афганистана.

Базы имеют аттический профиль, часто встречающийся в кушанской архитектуре Бактрии.

Базы двух боковых пилястров находятся на 1/3 часть под стенами — у восточного конца северной и южной стены — здесь она осталась необработанной. Размеры их 48 *см* внизу и 36 *см* вверху, высота — 30 *см*. На верхней постели одной из баз выточен паз Г-образной формы, а у другой — квадратное гнездо. Служили они скорее всего для укрепления облицовочных плит. Размеры баз колонн: верхний диаметр 46 *см*, высота 39 *см*, плинт 70×70 *см*, в центре верхней и нижней постелей высверлены квадратные гнезда.

При выемке завального слоя в айване обнаружено свыше двух десятков осколков акантовых листов и волют из мергелистого известняка тонкой обработки (рис. 29). Все эти элементы архитектурного убранства находились рядом с каменными базами. Следовательно, пилястры были увенчаны коринфизированными капителями. Пухлый центральный прожилок и отходящие вверх листья акантов исполнены с большим мастерством. Все эти фрагменты находят аналогии в акантах капителей из Термеза, Шахри-нау, Айртама, Каратепе, Сурх-Котала, где имеются как стоящие, так и свисающие акантовые листья, характерные для искусства кушанской Бактрии[45].

Волюта из айвана двусторонняя, т. е. угловая, заканчивающаяся круглыми глазками (5 *см*) с троекратным разворотом спирали, имеющим специфическое построение, отличное от традиционных греко-римских. Рельеф подчеркнут, глазок преувеличенно выступает. На другом фрагменте имеется основа спирали, но отсутствует глазок.

Из айвана через проход в торцовой стене, минуя коридорообразные помещения 12 и 14 (134×5,2 *м*; 19,8×3,4 *м*), можно попасть

---

[45] Пугаченкова, 1945, с. 73, сл. рис. 6—9; Тургунов, 1969, рис. 3—5; Ставиский, 1969, с. 15, сл.; Мухтаров, с. 36, сл.

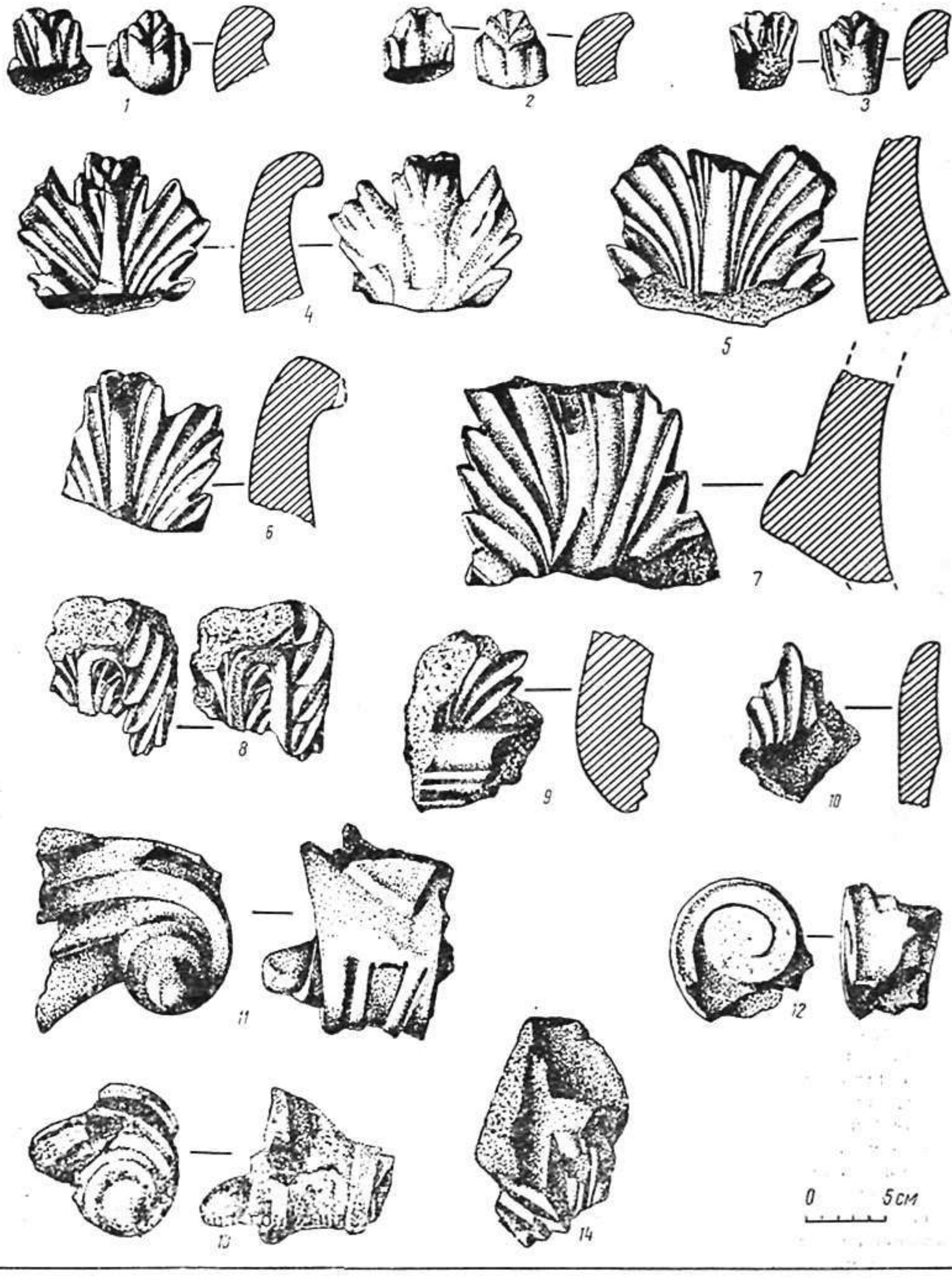


Рис. 29. Дт-6. Каменные архитектурные детали.

в зал 10. Все комнаты соединялись между собой симметрично расположенными проемами (шириной 2,9 и 2,0 *м*) и обслуживали парадную центральную часть дома. Передние помещения, куда попадали из айвана, могли иметь

Рис. 30. Дт-6. Боков. проход в зале из обводного коридора.

различное назначение в зависимости от того, какие комнаты они обслуживают. В данном случае пом.12 — это род вестибюля или предзального кулуара, возможно, предназначавшегося для своеобразного «отсева» посетителей по социальному рангу. Пом. 14, следовавшее сразу за айваном, было комнатой ожидания для богатых и уважаемых людей.

Вся центральная группа помещений с трех сторон была обведена коридором П-образной формы. Коридор выстроен так, что в него можно было попасть из всех помещений центральной группы (рис. 30). Вместе с тем со стороны переднего двора самостоятельный вход вел в северный отрезок (пом. 9—7), соединенный дверью с западным отделом (пом. 11), который поворачивал в южный отрезок (пом. 13), соединенный с вестибюлем (пом. 14).

Северный коридор (пом. 9—7) имеет два входа в северо-восточную группу помещений, один — в предзальное пом. 12 и один — в зал 10. Стены его — хорошей сохранности, высотой местами до 2,5 *м*. В четырех участках стены на зеленоватом слое штукатурки удалось расчистить рисунки-графитти, выцарапанные по поверхности стены и изображающие стилизованный цветок (?), S-образный знак, стрелу, пальцы руки и пересекающиеся линии. Имеется также надпись (или ее имитация) из девяти знаков (рис. 31).

В западном отрезке коридора (23,0×3,6 *м*) на стене, отделяющей его от зала, в пяти местах на всю высоту сохранились гнезда от круглых деревянных стоек (одна из них, как уже было отмечено, четко сохранила округлую форму). Гипсовая заливка, сделанная нами, позволила определить диаметр деревянной стойки в 20 *см*. Коридор играл роль хумханы: при расчистке обнаружены девять целых и два разбитых крупных хума, вкопанных под пол. В хумах содержались, скорее всего, запасы зерна.

Рис. 31. Дт-6. Графитти на стенах коридора.

Южный коридор (33,0×4,4 *м*) имеет близ угла узкий (0,6 *м*) проход в зал. Здесь

также обнаружены два хума, вкопанных под пол. Южная стена толщиной 1,8 *м* на всем протяжении не имеет дверных проемов в соседнее здание Дт-12, пристроенное вплотную к коридору.

Более половины помещений здания Дт-6 расположены в его северной части.

Три помещения этой группы (пом. 15, 16 и 18) занимают северо-восточный фас комплекса (рис. 32). Все они соединены между собой проходами шириной 1,2—1,3 *м*. В комнаты можно было попасть либо через коридор, либо со стороны улочки, ведущей к зданию Дт-5. Сохранность стен в среднем до 1,5 *м* по высоте.

К западу от вышеописанных помещений находится обширная комната (10,2×6,8 *м*) с входом через узкий (0,8 *м*) проход. Значительный пролет помещения требовал усиления конструкций для поддержания плоского *перекрытия, поэтому на стенах в четырех* местах были установлены деревянные стойки, вертикальные пазы от которых сохранились отчетливо.

С западной стороны дверной проем вел в изолированную группу трех помещений, заполненных упавшими кусками кирпичей и комковатой глиной. Одно из них — пом. 19— главное (5,8×4,7 *м*), два других — подсобные (пом. 20 — 4,7×1,5 *м*; пом. 18 — 4,7×1,7 *м*) отделенные друг от друга перегородками в виде выступов, образующих лабиринтообразный проход, который как бы подчеркивает изолированный характер пом. 19.

В середине южной стены пом. 19 расположена ниша (2,15×0,7 *м*, высота 1,8 *м*) в виде овальной арки (верх не сохранился), покрытая двойной штукатуркой, поверх которой нанесена роспись с растительной орнаментацией, от которой сохранились лишь следы с преобладанием синей, красной и черной краски на белом фоне. Впоследствии живопись была замазана штукатуркой.

В основании ниши тянется суфа (3,6× 1,95 *м*, высота 0,45 *м*), сложенная из сырцового кирпича и тщательно обмазанная глиной. На поверхности суфы, а также по всему полу помещения прослеживается слой белого пепла от какого-то выгоревшего растительного топлива. На стенах сохранились пять рядов ганчевой штукатурки, один из них — со следами росписи, от которой уцелели только бесформенные красноватые и черные пятна. Судя по находкам на полу и суфе, сильно раздробленной штукатурки со следами живописи, стены помещения некогда были богато расписаны.

Остальные десять помещений в северной части здания составляют самостоятельную группу, изолированную от центральной и западной. Размеры их разные — от 2,7×2,4 до 10,4×6,8 *м*, а пом. 3 было проходным и имело *дверные проемы в трех стенах. Комнаты* соединялись между собой проходами и имели выходы в проулок между нашим объектом и домом Дт-5, а также в хозяйственный двор с западной стороны. В пом. 6 у юго-восточного угла на стене имеется ниша (1,1×0,7 *м*, высота 1,75 *м*) подпрямоугольной формы. Ее

Рис. 32. Дт-6. Вид на юго-восточную часть раскопа.

функциональное назначение, вероятно, отличается от ниши в пом. 19. Комнаты 1 и 2— *самые крупные в этой части комплекса* (7,3×6 и 10,4×6,8 *м*).

Западную часть здания занимают четыре помещения — 8, 22, 23, 27, соединенные между собой проходами и имеющие единственный выход из пом. 24 в западный обводной коридор.

Особо следует остановиться на пом. 24, где было сделано много интересных наблюдений. Помещение заполнено рыхлой землей с примесью керамики, золой, угольками и костями. Здесь четко прослеживаются два уровня полов. Первоначальный находится в конце XIV — начале XV яруса. На полу вблизи прохода сохранилась суфа (0,9×0,8 *м*, высота =0,4 *м*), рядом обнаружены большие камни и остатки двух очагов.

Второй уровень пола находится в начале XIII яруса, на 95 *см* выше первого. В этот период появляется узкая перегородка толщиной 50 *см* (сохранилась по высоте на 60 *см*), которая делит помещение на две части. На

поду обнаружено семь медных кушанских монет, отсюда происходит и клад медных монет (24 экз.), разбитый хум, костяной стиль и женская статуэтка без головы. После расчистки выяснилось, что двадцать одна монета из клада относится к чекану Васудевы I и три к чекану Васудевы II, имеется также одна сасанидо-кушанская монета. Чуть выше пола вдоль южной стены расчищены три звена керамических кобуров. Позднее, когда здание уже было покинуто, помещение было

Рис. 33. Дт-6. Впускное погребение в пом. 24.

использовано для захоронения покойника, опущенного до середины XII яруса, причем у северной стены был вырублен подбой специально для головы. Погребенный лежит головой на северо-восток (рис. 33).

Пом. 22 и 23 представляли единое пространство, разделенное лишь небольшими выступами. Под полуметровой рыхлой пушонкой идет сплошной зеленоватый слой завала с примесью костей, фрагментов керамики и золы. В северо-западном углу пом. 22 сохранился очаг диаметром 0,65 *м*. В юго-восточном углу пом. 8 в полу раскопан большой хум, на плечике которого имеется оттиск печати в виде животного (баран или козел), стоящего возле деревца (рис. 34).

Находки из Дт-6 включают, наряду с массовым керамическим материалом, монеты, терракоты, архитектурные детали из мергелистого известняка и некоторые мелкие объекты особого назначения.

Монет найдено 41, из них чекана Варварского Гелиокла — 1, Сотера Мегаса — 1, Канишки — 2, Васудевы I — 23, Васудевы II — 13, сасанидо-кушанская — 1. Монета Варварского Гелиокла была найдена в шурфе, заложенном в зале, под уровнем первоначального пола, монеты Кадфиза I (тип Сотер Мегас) и Канишки — на полу зала и в коридоре 13, а остальные монеты — над уровнем второго пола, отмечающего последнее обживание здания.

При раскопках в заполнении здания собран значительный керамический материал, в основном относящийся к последнему этапу его обживания. Целые сосуды единичны, в основном фрагменты.

По цвету черепка всю керамику можно разделить на три типа: 1) с черепком красноватого и светло-кирпичного цвета (более двух третей от общего числа); 2) с черепком, близким по цвету первому типу, но с желтым оттенком (около одной трети); 3) сероглиняная керамика (несколько фрагментов).

Остановимся на основных формах сосудов (рис. 34).

Хумы и хумча (рис. 34 (слева), *21—38*) один из наиболее распространенных в Средней Азии видов керамических сосудов. Они служили для хранения зерна, риса, вина, воды, бузы, уксуса и др. Всего на объекте встречено 13 археологически целых хумов; в основном это те, что были вкопаны в полы обводных коридоров, остальные дошли фрагментарно, преимущественно из пом. 22—24. Высота хумов от 0,84 до 1,4 *м*, толщина стенок от 1,2 до 2,5 *см*. Дно хумов чуть выпуклое. Встречено более 15 вариантов венчиков диаметром от 25 до 65 *см*. Венчик образован утолщением, чаще всего с перегибом. Некоторые хумы под венчиком имеют пояс орнамента — простые вдавливания пальцем, а на одном изображение животного. Остальные несут поясок орнамента в виде миндалевидных вдавливаний по самому венчику.

Встречаются хумы с более сложным, отогнутым наружу профилированным венчиком. Сосуды этого типа известны из раскопок на Айртаме, на античном Яванском городище[46], где встречаются в слоях рубежа нашей эры, на городище Халкаджар[47] в слоях II—IV вв. н. э.

Плавный профиль и небольшое утолщение венчика — основные черты, свойственные хумам античности почти на всей территории Средней Азии. Подобного профиля венчики хумов известны в слое Кобадиан III, городища Кей-Кобад-Шах[48], в кушанских слоях Афрасиаба[49], в античных слоях Хорезма[50], в Старом Мерве, в слое Эрк-калы[51], в парфянских слоях Нисы[52].

[46] Юркевич, с. 161.
[47] Зеймаль. 1961, с. 161.
[48] Дьяконов, 1953, рис. 70—71.
[49] Шишкина, с. 230, рис. 3, *92—93*.
[50] Воробьева, с. 145, рис. 32 (31).
[51] Усманова, с. 32, рис. 15.
[52] Массон В. М., 1953, с. 417, рис. 13—15.

Хумчи найдены в фрагментах. Из них наиболее характерен один сосуд, у которого в верхней части стенки, чуть ниже горловины, имеется сквозное отверстие для слива воды либо для закрепления крышки (рис. 34, *21*).

Из крупных толстостенных сосудов в большом количестве встречены тагора (диаметр от 27 до 53 *см*) с плоским дном, от которого отходят расширяющиеся кверху прямые или чуть выпуклые стенки (рис. 34, *1—14*). Верхний край имеет прямой срез, на котором иногда оставлен небольшой желобок; венчик — с выпуклой профилировкой по верхнему краю. Использовались они в домашнем хозяйстве, главным образом для стирки белья. Некоторые тагора орнаментированы волнистыми линиями. Один сосуд имеет под венчиком сквозное отверстие. Все тагора без ручек (в памятниках Сурхандарьинской области времени Кушан пока лишь Айртам дал тагора с ручками[53]).

Котлы (рис. 34 — слева, *15—20*) были найдены в помещениях западной половины здания в горелом слое возле очага. Снаружи они были покрыты светло-серым ангобом, но есть и безангобные. В нижней части котлы сильно закопчены. Закраина прямая, в некоторых случаях имеются одна-две углубленные бороздки, край котла или несколько отогнутый, или слегка суживается вверх. Иногда с двух сторон в верхней части тулова прикреплены придавленные ручки. Некоторые ручки в разрезе круглые и слегка отступают от тулова. В верхней части тулова встречается орнаментация одной или несколькими горизонтальными врезными линиями, сделанными по венчику диаметром от 14 до 27 *см*.

Горшки встречены в малом количестве. Верхние их части снабжены ручками. Ручки такие же, как у котлов, придавленные. Диаметр по венчику от 12 до 25 *см* (рис. 34 — слева, *28—32*).

Кувшины разнообразны по формам и размерам и являются одной из ведущих форм среди всего керамического материала Дт-6 (рис. 34 — слева, *60—82*). Целых кувшинов всего три, еще три кувшина — с отбитой горловиной, остальные сохранились в неполной форме (горла, плечики, ручки, донца).

Кувшины были или без ручек, или с одной и двумя ручками. В шурфе, в слое, предшествующем зданию, встречено несколько горловин кувшинов без ручек, покрытых плотным вишневым ангобом, который с внутренней стороны покрывает лишь край. Закраина чуть отогнута наружу и также незначительно профилирована. В пом. 25 под полом найден фрагмент стенки кувшина с характерной трехлапчатой ручкой (рис. 34 — слева, *82*). Такие ручки широко встречаются в Айртамском могильнике и буддийском комплексе Айртама, где они датируются II—I вв. до н. э.[54] Горла их почти прямоцилиндрические, слегка расширенные к тулову, высота от 20 до 38 *см*, диаметр от 5 до 12 *см*. Ручки толстые, массивные, донца широкие, приземистые.

Два кувшина с отбитыми ручками и горловинами из пом. 24 внутри почти на одну четверть были заполнены затвердевшей массой в виде зернистого железа. Эти сосуды, по-видимому, были связаны с производством железа (рис. 34 — справа, *80—81*).

Миски и чаши (рис. 34 — справа, *7—9, 33—59*) представлены более широко. Мы имеем более двух десятков разновидностей, отличающихся друг от друга по профилю.

Миски отличаются от чаш главным образом размерами, большей приземистостью пропорций и толщиной стенок. Их можно разделить на две группы: средние по размерам, с диаметром венчика от 10 до 30 *см*, без орнамента и без ручек, и чуть бо́льшие, с диаметром венчика от 20 до 34 *см*, с откинутым бортиком, на который нанесен волнистый орнамент и штамп в виде пальметок или розеток; некоторые миски снабжены у бортика петлевидными ручками. Выработка мисок очень хорошая, все они сделаны из высококачественной глиняной массы, поверхность снаружи и изнутри покрыта светлым или красноватого цвета ангобом.

Чашки и фиалы представлены только фрагментами верхних частей (рис. 34 — слева, *4—6*). Стенки их тонкие, форма изящная, отличающаяся большей или меньшей открытостью и степенью отогнутости краев[55].

Крышки для закрывания котлов и горшков делались из того же материала, что и котлы. Форма крышек плоская или слегка выгнутая к краям, толщина 1,5 *см*. У одной крышки вверху в двух местах прикреплены ручки (рис. 35, *5*). На одном фрагменте плоской крышки — орнамент в виде вдавленных кружочков (рис. 35, *6*).

Кубков и бокалов встречено сравнительно мало (рис. 34, *13—27*). Все они происходят из пом. 22—24, а один целый, причем бракованный — с асимметричной конической частью

[53] Раскопки автора 1964—1966 гг.

[54] Тургунов, 1968, с. 52, рис. 2.

[55] Из завалов извлечены отдельные фрагменты тарелочек греко-бактрийского типа. Скорее всего, они попали сюда из замеса глины в кладках стены.

МИНИАТЮРНЫЕ СОСУДЫ

ФИАЛЫ

ЧАШИ

ТАРЕЛКИ

КУБКИ

БОКАЛЫ

ГОРШКИ

МИСКИ

ВАЗЫ

КУВШИНЫ

0 10 20

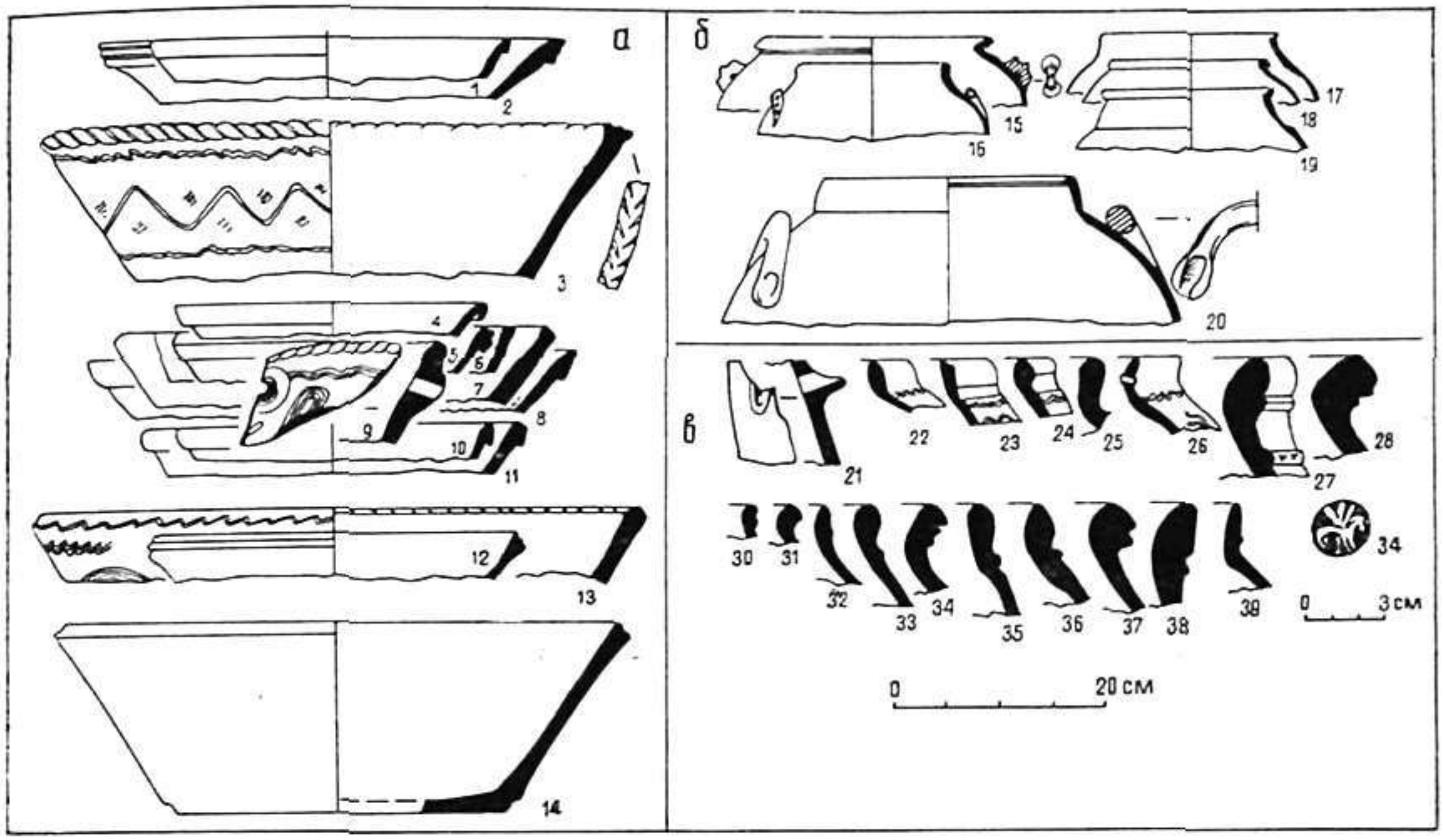


Рис. 34. Типы керамики из раскопа Дт-6: слева — общий вид; справа — *а* — тагоры; *б* — котлы; *в* — хумы.

из пом. 6. Для остальных кубков присуще высокое техническое качество. Черепок их в основном плотный, коричневато-красного цвета, покрыт красным ангобом. На двух кубках по поверхности нанесено вертикальное полосчатое лощение. От бокалов дошли только ножки — невысокие, с выемкой в нижней части, покрытые потеками краски.

Чираги — двух типов: с ручкой удлиненной формы и круглые, без ручки. Глина красноватая, ангоб светлый. У одного чирага оставлен носик для установки фитиля (рис. 35, *7, 8*).

Судя по керамическому материалу из дома Дт-6, его обитатели пользовались посудой разнообразных типов и форм. Поскольку на Дальверзинтепе имелось свое собственное керамическое производство, не было нужды привозить ее извне, поэтому в этом комплексе не встречено привозной посуды. В массовом количестве керамика была встречена преимущественно в помещениях западной группы, где, очевидно, располагалась кухонно-хозяйственная часть здания. В остальных отделах ее сравнительно мало.

В числе других находок следует отметить ткацкое грузило (рис. 36, *1—2*), полусфероидные рифленые пряслица с отверстием и изготовленные из мраморовидного камня два терракотовых грузила (рис. 36, *6, 7*) призматической формы (2,5—3,0 *см* в основании и высотой 6,5 *см*). Имеется предмет из мраморовидного камня, напоминающий гирю (высота 2,5 *см*, диаметр 2,5 *см*).

На полу п[о]м. 24 (первый период обживания) найден костяной (рис. 36, *8*) стиль (диаметр 7,5 *см*). Одна сторона его заострена, а противоположная завершена левой кистью человеческой руки с тремя сжатыми и двумя (большой и указательный) вытянутыми и сомкнутыми пальцами (длина 7,5 *см*). Предметы этого рода широко представлены в составе археологических находок других раскопов Дальверзинтепе и почти по всей Средней Азии — в Нисе[56], Мерве[57], Хорезме[58], причем многие из них увенчаны изображением человеческой руки. На городище Хайрабадтепе такая находка была сделана в слое I в. н. э.[59] В южных областях кушанского царства они встречены в ранне- и позднекушанском Беграме[60].

[56] Массон, Пугаченкова, 1959, с. 178.
[57] Кацурис. Буряков, рис. 12.
[58] Толстов, 1948, табл. 27.
[59] Жуков, 1961, рис. 7.
[60] Ghirschman, 1946, p. 64, pl. XVI, XXXVII.

В пом. 25 найдена игральная кость, прямоугольная по форме и квадратная в сечении (9,5×1, 5×1,5 *см*,). На каждой из четырех сторон имеются выгравированные изображения, а на концах проходят по три углубленные линии (рис. 36, 9). На одной стороне — павлин с длинным хвостом, шагающий влево; на другой — два дерущихся петуха; на третьей — три парящих голубя и на четвер-

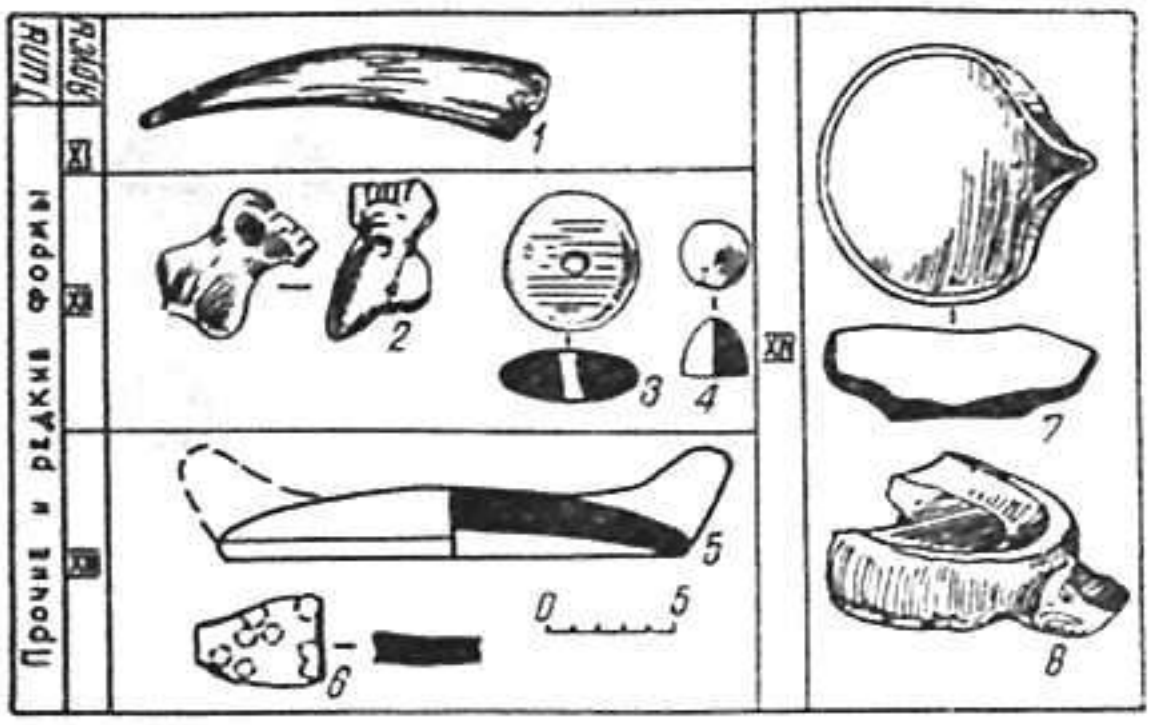


Рис. 35. Дт-6. Мелкие находки.

той — четыре летящих голубя. В известной нам литературе игральных костей с таким сюжетом пока не встречено, хотя ранее костяные игральные кости уже находили в Северной Бактрии в кушанских слоях, в частности, на Хайрабадтепе[61].

Каково было назначение этого многокомнатного здания и как использовались его помещения?

Постройка дома, несомненно, осуществлялась под руководством профессионального зодчего руками простого люда. Дом принадлежал знатной и богатой городской семье. Весь характер планировки комплекса подтверждает подобное заключение.

Выявленные при раскопках помещения дают нам основание считать центральную часть залом для приемов — михманханой. Предзальное помещение служило местом отдыха в ожидании выхода знатного хозяина.

Изолированный характер пом. 19, устройство в нем специальной ниши, суфы и наличие на полу слоя белого пепла от выгоревшего особого растительного топлива, следы росписи на стенах — все это говорит об особом назначении этого помещения. Скорее всего, здесь собирались отправлять религиозные обряды обитатели дома — хозяин, его семья, многочисленная челядь, а иногда и гости.

[61] Альбаум, 1960, с. 52, рис. 33.

Жилые покои домовладельца занимают северо-западную часть дома (пом. 1—6, 25—27): супружеские спальни, детские комнаты, место отдыха и др. Об этом говорит расположение их в глубине здания, подальше от постороннего взора. Выход отсюда осуществлялся, видимо, во внутренний хозяйственный дворик и длинный проулок, из которого входили в соседнее здание. Следует отметить, что северная стена пом. 1 и 2 является одновременно стеной соседнего дома. Возможно, владельцы этих двух крупных зданий были в родственных отношениях. Как показали исследования Дт-5, время его появления и функционирования совпадает с нашим объектом, планировка также в известной степени схожа.

Кухней и столовой служили помещения, занимающие западную половину дома (пом. 8, 22—24). Характер их заполнения, большие скопления хозяйственных отходов и керамической утвари, устройство очагов на полу подтверждают данное предположение.

Взаимосвязь пом. 15—16 и 18, расположение их у входа, изоляция от парадной, жилой и культовой частей комплекса позволяет считать, что это были помещения для слуг.

На последнем этапе обживания здание подверглось некоторым изменениям в планировке: в некоторых больших помещениях (пом. 2, 6) появились перегородочные стенки, в результате возникли малые комнатушки. Обводной коридор в северной части также был разделен перегородками, при этом образовалось пом. 7. В западном коридоре вновь образованное помещение 11 использовалось в качестве кладовой — хумханы.

Данные стратиграфии, археологических находок и наблюдений показывают, что первоначально, в правление Великих Кушан, на руинах более ранних строений было построено крупное здание. К концу их правления производятся некоторые перепланировочные работы. Во времена Васудевы II происходит упадок, а затем гибель здания. Позднее его оплывшие руины были использованы для впускного погребения.

Объект Дт-6 на данном этапе исследования Дальверзинтепе является самым крупным из вскрытых зданий на городище. Поскольку одной из задач Узбекистанской искусствоведческой экспедиции является изучение внутренней застройки античного бактрийского города и воссоздание его архитектурного облика, в этом аспекте объект Дт-6 представляет большой интерес. Планировка его дает дополнительный материал к истории архитектуры среднеазиатской античности.

В одной из работ Г. А. Пугаченкова подробно остановилась на проблеме архитектурной типологии античной Средней Азии[62]. Затронем некоторые детали этой проблемы на примере изученного нами объекта.

Анализ крупных зданий античной Бактрии (Халчаян, Саксанохур, Айртам, Ай-Ханум, Дильберджин, Сурх-Котал и др.), будь то дворец, храм, либо жилой дом, показывает, что каждое здание в каких-то чертах повторяет или в чем-то дополняет другое. В этом отношении не является исключением и наш объект. Как и во многих упомянутых комплексах, в качестве главного элемента выступает парадный колонный айван с одним или двумя помещениями, за ним — центральный зал. Зал обычно обведен с трех сторон обходными коридорами и группами помещений различного назначения.

В упомянутых постройках встречены каменные архитектурные детали — базы колонн и пилястров, аканты и волюты коринфизированных капителей.

Одинаковые архитектурно-планировочные типы могли применяться в зданиях различного назначения, если они отвечали функциональным и практическим требованиям и в храмах, и в жилых домах. Тезис о том, что генезис темы «зал в кулуаре» зарождается не в культовом, а в жилом строительстве, выдвинутый Г. А. Пугаченковой, еще раз подтверждается на примере объекта Дт-6.

Планировка дома Дт-6 очень близка дому Дт-5, но не повторяет ее, хотя они соседствуют. Это говорит о разных запросах дальверзинцев и планировочном мастерстве древних зодчих. Высок был уровень их знаний и в области строительной техники. Большое внимание строители уделяли внешней и внутренней композиции зданий. Внешняя отделка дости-

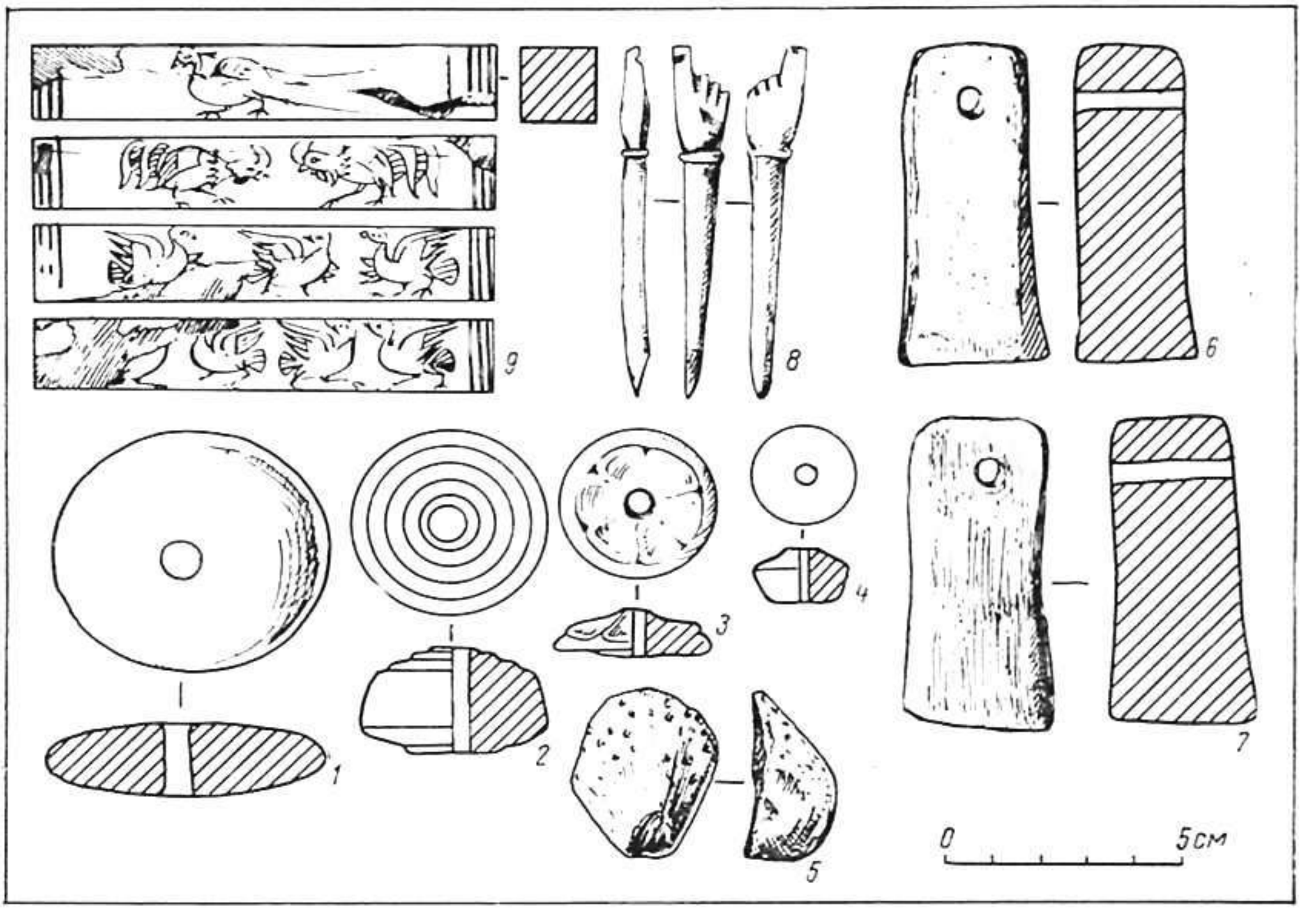


Рис. 36. Дт-6. Игральная кость и другие предметы.

[62] Пугаченкова, 1973, с. 121 сл.

галась выделением по фасаду глубокого, богато оформленного айвана с колоннами, которому архитектурные детали из мергелистового известняка придавали торжественность и парадность. Традиция строительства колонных айванов доныне сохранилась в народной жилой архитектуре Средней Азии.

разведочный раскоп, получивший шифр Дт-10. По микрорельефу он следует параллельно Дт-6, поворачивает на запад и как бы сливается с последним. Между ними образуется подквадратное пониженное пространство. За высотную точку был взят репер всего городища: наивысшая точка объекта Дт-10 находит-

Таблица 2

Подсчет керамики периода Б из завала над полом Дт—10

Форма сосудов	Черепок						Орнамент					Технология		
	красный		желтый		серый		ангоб							
	красный	светлый	без ангоба	светлый	черный	без ангоба	красный	светлый	черный	без ангоба	всего	ГК-быстро	ГК-медленно	ручная лепка
Крупные:														
хумы и хумча	—	15	1	—	—	—		2	—	—	18		18	
тагора	—	26	17	9		4		8		2	66			
крышки	—	—	1								1		1	
донья	—	25	—								25		1	
стенки	—	390	57	28							475			26
Средние:														
кувшины	—	61	18	43				1			122			
котлы	1	38	4	9	3	51		2			52		38	
горшки	1	67	6	8							83			
миски	12	21	—	6							99			
чаши и фиалы	7	5	4	2							18			3
бокалы и кубки	33	—	—	3							36			11
чираги	—	1	—	1							2		1	
крышки	—	1	—	1							2		2	
донца	21	78	27	23		32					182			
стенки	36	872	96	66	4	72	5	24			1079			9
Малые:														
кувшинчики	—	5	—	—	1						6			4
горшочки	—	—	1	—							4			
чайники	—	—	—	—				3			—			
чашки	1	—	—	—							1			
тарелочки	—	—	—	—							—			
косметические сосудики	—	—	—	—							—			
чираги	—	12	—	1							13		13	
крышки	—	—	—	—							—			
донца	—	—	—	—							8			
стенки	18	—	—	—							18			
Итого											2324			

Основной состав

Основной состав

Внутри дома отделывались штукатуркой стен, нанесением росписи, применением деревянных колонн и пилястров.

Таким образом, изучен еще один крупный памятник древнего гражданского зодчества, материалы которого вносят существенный вклад в освещение истории архитектуры кушанской Бактрии.

БЫТОВАЯ ЗАСТРОЙКА

В квартале богатых жилых домов на Дальверзинтепе, на холме, расположенном восточнее дома Дт-6, весной 1972 г. был заложен

ся на отметке 3,79 *м* (середина VIII яруса). Вскрытие было осуществлено в северной и западной частях на площади до 35 $м^2$ и на глубину 2,5 *м*. При этом была вскрыта часть большого помещения и получен стратиграфический разрез, в котором выделяются три периода: поздний — *А*, средний — *Б* и ранний — *В* (рис. 37).

К периоду *В* (XIII ярус) относятся две параллельные стены помещения, расстояние между которыми равно 8 *м*. Западная стена толщиной до 1,4 *м*, возведенная из пахсы, вскрыта на протяжении 9,5 *м* и продолжается

в глубь холма. С внешней стороны к ней пристроена пахсовая стена шириной 65 *см*. На стенах поверх глиняной штукатурки кое-где сохранились обмазки белого и зеленоватого цветов. Восточная стена толщиной 70 *см* сложена из сырца 32×32×10—11 *см* вперевязку

зом, в период Б крупное помещение предшествующего периода подвергают перепланировке, в результате чего с западной стороны появляется коридор шириной 1,5 *м* и помещение 5,25 *м*.

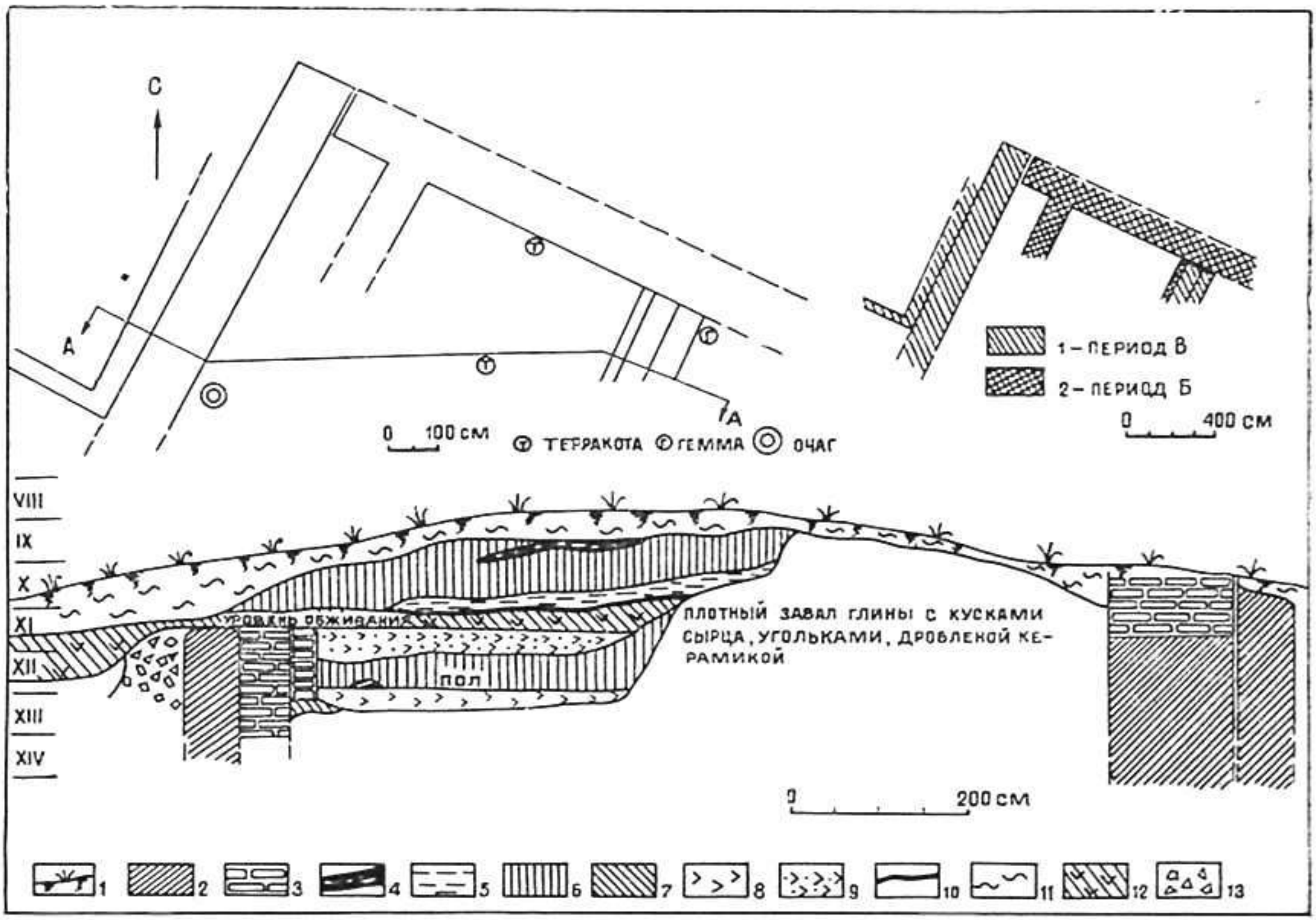


Рис. 37. Бытовая застройка. Раскоп Дт-10. Планы и разрез.

Условные обозначения: *1* — дерновый слой; *2* — пахса; *3* — сырцовый кирпич; *4* — горельный слой; *5* — слой натеков; *6* — завалы керамики; *7* — плотная забутовка; *8* — забутовочный слой средней плотности без каких-либо включений; *9* — глина средней плотности с включениями костей, угольков; *10* — слой прокаленной глины; *11* — рыхлый надувной слой с включениями угольков, обожженной глины; *12* — плотный слой глины с зернами гипса, угольками; *13* — плотный слой слежавшихся сырцовых кирпичей.

швов. С внешней стороны к ней также пристроена пахсовая стенка толщиной 55 *см*. Со временем помещение было забутовано глиной. На уровне конца XII яруса оказался пол периода Б. Над ним восточная стена была обложена изнутри рядом сырцового кирпича (30×30×10 *см* и 32×32×10 *см*). Западная же пахсовая стена была с этого уровня надстроена сырцовым кирпичом 35×35×10 *см*, 36×36×11 *см*, а между ними возведена поперечная стена, замыкающая помещение. Параллельно западной стене возводится стенка толщиной 1 *м* из сырцового кирпича. Таким обра-

Над полом периода *Б* лежал мощный завал глины с керамикой, угольками, кусками сырцового кирпича. Завал перекрыт слоем глины средней плотности с включением костей и угольков, образующих в середине XI яруса горизонтальную поверхность, которая идет над помещением и остатками стен, за исключением западной. Этот уровень отмечает период полного заброса здания, над руинами которого возникает керамическая свалка периода *А* (табл. 2).

Характеристика керамического материала из раскопа Дт-10 включена нами в статью

«Керамика Дальверзинтепе» и потому здесь затрагивается в общих чертах.

Каких-либо существенных находок периода *В* сделано не было, а керамика в нем представлена невыразительными фрагментами. Над полом же периода *Б* был разобран мощный завал керамики (2324 экз.), в котором было найдено несколько терракот и монета Канишки.

Статистический подсчет показал, что преобладает керамика с красновато-коричневым цветом черепка, а в остальном составе — почти одинаковое количество с лессово-желтым и серым (табл. 2). Очень типичны формы небольших кубков, покрытых красным ангобом: плоскодонные и толстостенные сероглиняные миски, тагора и хумча, последние нередко покрыты с внешней стороны прочерченным орнаментом.

В числе терракот из данного комплекса — фигурки богини (см. рис. 115): целая статуэтка, фрагменты, женская головка с косой-нашлепкой; торс лошадки, головка барана со сквозным отверстием во рту — вероятно, свистулька.

Таблица 3

Подсчет керамики периода А раскопа Дт-10

Формы (с венчиком)	Черепок: ангоб: красный	Черепок: ангоб: светлый	Черепок: ангоб: без ангоба	Черепок: красный	Черепок: светлый	Черепок: без ангоба	Черепок: черный	Черепок: без ангоба	Орнамент: красный	Орнамент: светлый	Орнамент: черный	Орнамент: без ангоба	Орнамент: всего	Технология: ГК – быстро	Технология: ГК – медленно	Технология: ручная лепка
Крупные:										5			18		13	
хумы и хумча		9	4							12			32			
тагора		10	8		2								—			
крышки													16			
донья		12	4							9			204			
стенки		120	30		45								196			
Средние:																
кувшины		120	14		70		1		5				4		4	
котлы		47								6		1	116			
горшки		99	17		23					8		1	32			
миски		19	3										16			
чаши и фиалы	3	6	4		3				1				—			
бокалы и кубки													—			
чираги													4		4	
крышки													55			
донца		39	6		2					2			2219		3	54
стенки		1700	436		10											
Малые:					78		4		4			3	2			
кувшинчики			2										1			
горшочки			1										—			
чайнички													—			
чашки													—			
тарелочки													—			
косм. сосудики		4											4			4
чираги													—			
крышки													4			
донца			4										—			
стенки													3523			
Общее количество																

Основной состав

Найдено также пирамидальное грузило с нечеткими овальными оттисками геммой: на них видны две противостоящие фигуры.

В верхнем завале комплекса собрано 3523 фрагмента керамики черно-красно-коричневого цветов. Сероглиняная керамика почти отсутствует. Нередок факт некачественного обжига посуды. Обращает внимание отсутствие (за редким исключением) красных ангобов, преобладает же светло-ангобное покрытие или ангоб отсутствует вообще.

В керамическом комплексе этого периода много горшков и котлов, последние — с разнообразными ручками, причем наблюдается сближение между этими формами. Встречено большое количество мисок с оттянутыми наружу бортиками, по которым идет прочерчен-

Табл. V. ПЕВЕЦ-ТАНЦОР (матрица и оттиск), АРФИСТИКА. (терракота).

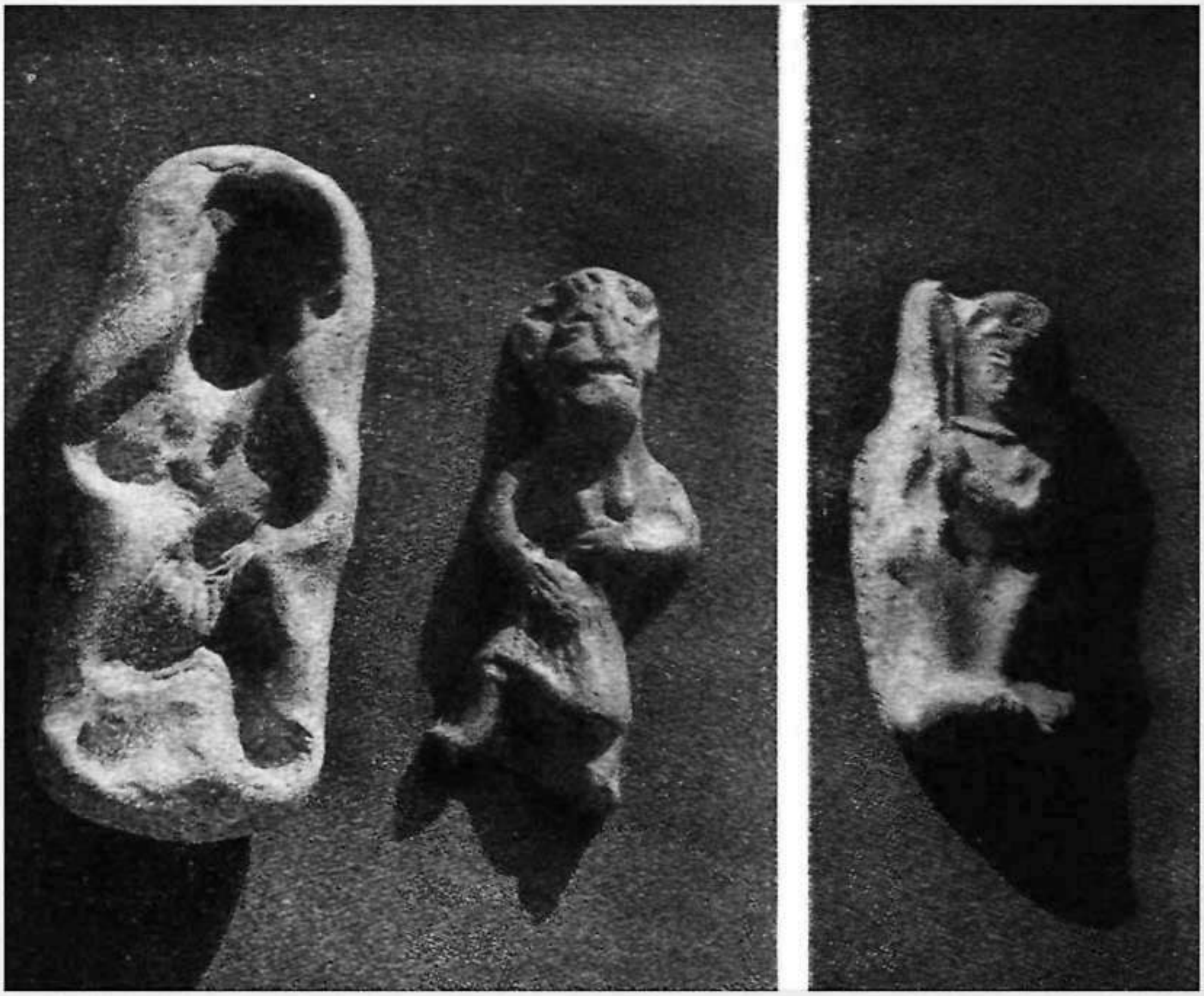
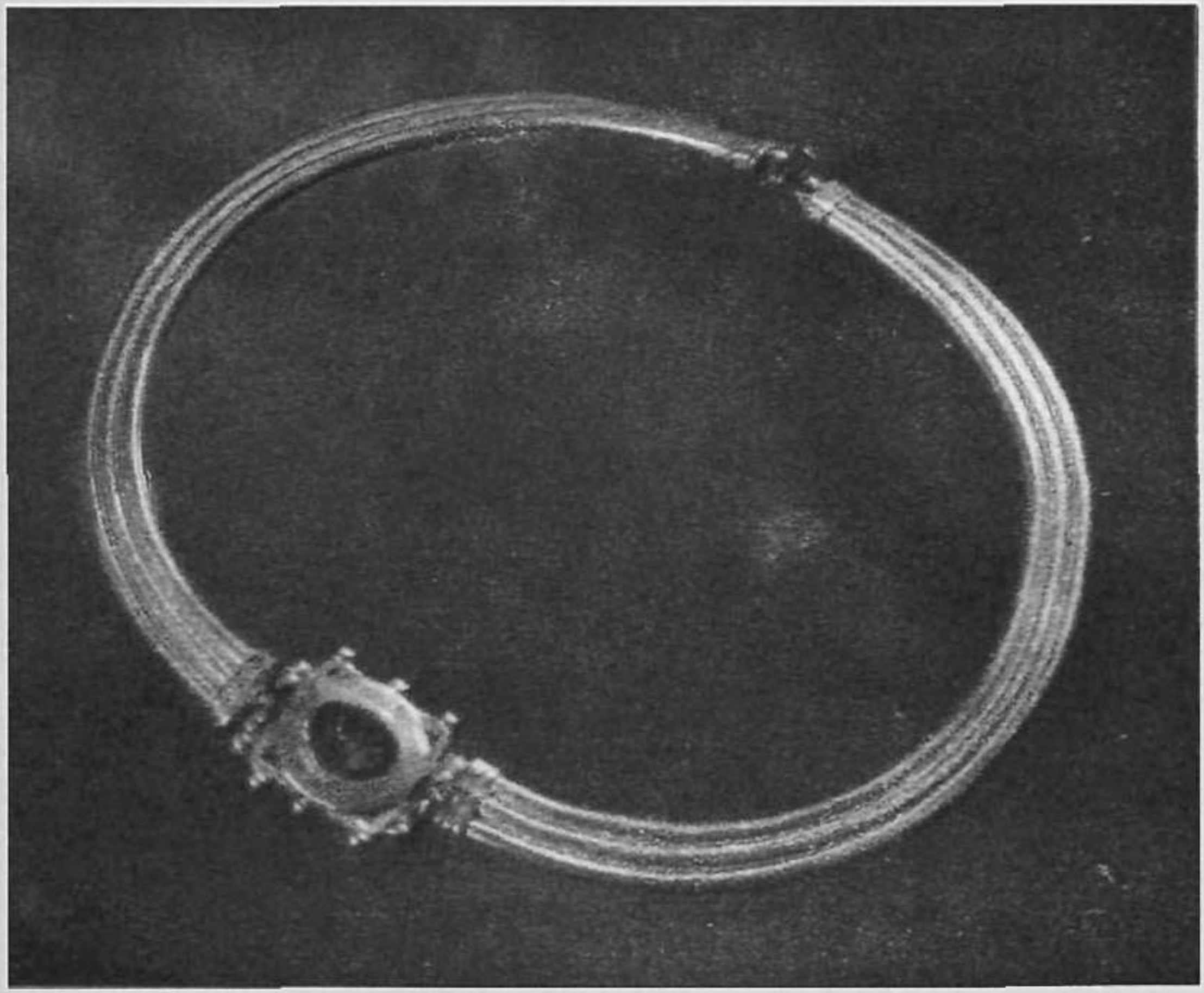


Табл. VI. ПЕКТОРАЛЬ — ЗОЛОТО; ГЕММА — СЕРДОЛИК.



ный волнистый орнамент. Разнообразным прочерченным орнаментом покрываются тагора и хумча, бокалы и кубки. В этом завале керамики была найдена монета кушано-сасанидского чекана плохой сохранности.

На верху холма под дерновым слоем обнаружена прекрасная сердоликовая гемма, на которой хорошо сохранилось тончайшей работы изображение богини в хитоне и с рогом изобилия в левой руке (римская Фортуна или кушанская Ардохшо). Вероятно, она попала сюда из нижних слоев, из замеса глины разрушенных стен.

Датировка периодов *А* и *Б* определяется общим составом археологических материалов и, в частности, монет. Соответственно, период *А* датируется позднекушанским временем, период *Б* — временем Великих Кушан, но не ранее Канишки. Этому времени предшествует, по крайней мере, на несколько десятилетий период *В*.

Два вышележащих стратиграфических горизонта *Б* и *А* разделяет какой-то промежуточный этап заброса здания *Б*. Судя по небольшой высоте сохранившихся стен, здание это было покинуто, претерпело заметные разрушения, затем руины его снивелированы, а в период *А* становятся местами свалки.

Вопрос о назначении объекта Дт-10 может быть окончательно разрешен после его полного вскрытия. Однако, судя по форме его Г-образной застройки, по периметру переднего дворика дома Дт-6, а также по бытовому характеру археологического инвентаря из помещений, это было, очевидно, подсобное строение при доме богатого домовладельца, обращенном во двор парадным колонным айваном.

ДОМ РЯДОВОГО ГОРОЖАНИНА

Объект Дт-2 до начала раскопок представлял собою одиночный бугор (35×30 *м* при высоте до 2,5 *м* от подошвы), возвышавшийся близ середины восточной ограждающей стены Нижнего города: бугор привлек наше внимание как потенциально более или менее целостное по своей архитектуре сооружение, каковым он и оказался. Изучение его проводилось в 1967—1968 гг. Г. А. Пугаченковой, Б. А. Тургуновым при участии И. С. Морозова и дополнительно в 1971 г.— Е. Г. Некрасовой[63].

Археологическими вскрытиями выявлены остатки небольшого дома размером 26×22×5 *м* (прямоугольный контур которого несколько нарушен выступами на восточной и западной стенах), включающего девять помещений и дворик. Ориентация стен — со склонением до 22°, т. е. почти параллельно городским ограждениям.

В целях стратиграфического изучения как исследуемого объекта, так и самого городища (дом Дт-2 был первым пунктом раскопок в Нижнем городе), в помещениях 2 и 7 почти по всей площади (до 22 *м*²) были заложены шурфы, кроме того, частичные углубления под полы были осуществлены в пом. 4 и 5. Все это дало значительный материал по стратиграфии, к характеристике которой мы обратимся. Для фиксации слоев наверху холма был закреплен нулевой репер, по отношению к которому велся отсчет по полуметровым ярусам (рис. 38).

Горизонт Дт-1. На отметках 2,70—3,5 *м* от репера начинался материковый лесс. В нем в шурфе под пом. 2 оказалась врытая на глубине 4,0—4,7 *м* хозяйственная яма (в шурф попала частично). В яме в рыхлой глине находились фрагменты керамики, зола, угли, кости домашних животных. Керамика дает характерный комплекс археологически целых форм (см. рис. 42, ярус IX). Сосуды тонкостенные (2—4 *мм*), черепок очень плотный, темно-охристого, иногда розоватого цвета. Преобладающие формы — тарелочки с отлогими стенками, клювовидно отогнутым наружу венчиком и плоским дном, а также фиалы — более выпуклого профиля, с рельефным поддоном и закраиной, слегка оттянутой в виде скошенного или горизонтального бортика. Диаметры сосудов 17—12 *см* при высоте тарелочек до 4 *см*, и фиал — 6—8 *см*. Имеются фрагменты кубков с плоским донцем и плавно скругленным к краю резервуаром. В ограниченном числе встречены небольшие кувшины с плавно изогнутым горлом, без ручек, но были и с ручками, от которых дошло лишь два фрагмента. Сосуды иногда безангобные, некоторые со светлым ангобом, а чаши изредка с двусторонним красным лощением.

Близкие аналогии этим керамическим формам мы встречаем в керамике III—II вв. до н. э. из Ай-Ханум[64], которая, в свою очередь, взывает к формам эллинистической керамики. Это дает нам прочные основания к датировке комплекса из ямы греко-бактрийским временем. Существенное отличие на Дальверзинтепе (как и вообще в Саганиане— например, в нижних горизонтах Халчаяна) составляет отсутствие здесь в греко-бактрийских слоях сероглиняной керамики, харак-

[63] Некоторые предварительные данные по раскопу Дт-2 см.: Пугаченкова, 1971 а, с. 188 сл.

[64] Schlumberger, Bernard, p. 604, fig. 6, 7; Gardin, 1973, p. 126.

терной для Ай-Ханум, что можно объяснить локальными отличиями гончарной технологии.

Следующий стратиграфический горизонт залегает ниже полов здания, на отметке 1,8—3,7 *м* от репера. Под пом. 2 он охватывает V—VII ярусы (см. рис. 42), причем внизу содержит плотную глину с включениями золы и редких фрагментов керамики, а выше—рыхловатую забутовочную массу глины с большим содержанием керамики, золы, угольков, косточек животных и пр. Под пом. 7 данный слой залегает в V—VI ярусах. Здесь в материковом лессе была выявлена хозяйственная яма (1,5×1,1 *м* при глубине 70 *см*), на дне которой скопился зеленоватый слой органического происхождения с фрагментами керамики. Яму частично перекрывала глина комковатой структуры, над которой следовала более рыхлая глина с углями, золой, керамикой и иными остатками. В одном из участков оказался оббитый по плечи хум, вокруг которого было скопление галек и керамических фрагментов.

В уровне 2 *м* от репера находятся пол и подошвы стен дома Дт-2.

Рассматривая керамику из данного стратиграфического горизонта (обозначим его Дт-II), мы вправе подразделить ее на две группы—Дт-II а — из хозяйственной ямы и Дт-IIб — из основного завала. Фрагменты из ямы имеют лессового цвета плотный черепок и в большинстве светлый ангоб. Здесь встречены греко-бактрийские формы: несколько тарелочек с раскинутыми стенками, закраины которых, однако, уже не клювовидные, а подтреугольные. Имеется основание крупного кратера на высоком профилированном поддоне, аналогии которому можно найти в керамике из Ай-Ханум[65], и из Сиркапа в Таксиле[66]. Вместе с тем данный комплекс включает ряд форм, характерных для комплекса Дт-IIб, и, таким образом, отражает промежуточную фазу развития гончарной технологии между ним и греко-бактрийским периодом.

Комплекс Дт-IIб представлен значительным числом керамических форм. Преобладающий цвет черепка — красновато-коричневый («кирпичный»), реже—лессовый. Ангоб преимущественно светлый, но на кубках, некоторых чашах и небольших горшочках нанесен плотный красный ангоб. Появляются единичные экземпляры сероглиняных сосудов. За исключением лепных котлов и хумов вся керамика изготовлена на гончарном круге (как и во всех вышележащих слоях).

Характерны в данном комплексе следующие виды сосудов.

Хумы и хумчи с рельефным венчиком, иногда имеющие мягкий перегиб. На одном экземпляре нанесены по венчику округлые, а на другом — овальные вмятины. Донья слегка выпуклые, встречены днища на трех пятках.

Тагары — с подпрямоугольным венчиком, прямыми или чуть выпуклыми стенками и плоским дном. Интересен фрагмент тагоры со знаком наподобие β (греческая «бета»)— подобный знак нанесен на сырцовых кирпичах из кладок крепостной стены Нижнего города.

Горшки — с прямой, приостренной или чуть выпуклой закраиной, иногда с полосой

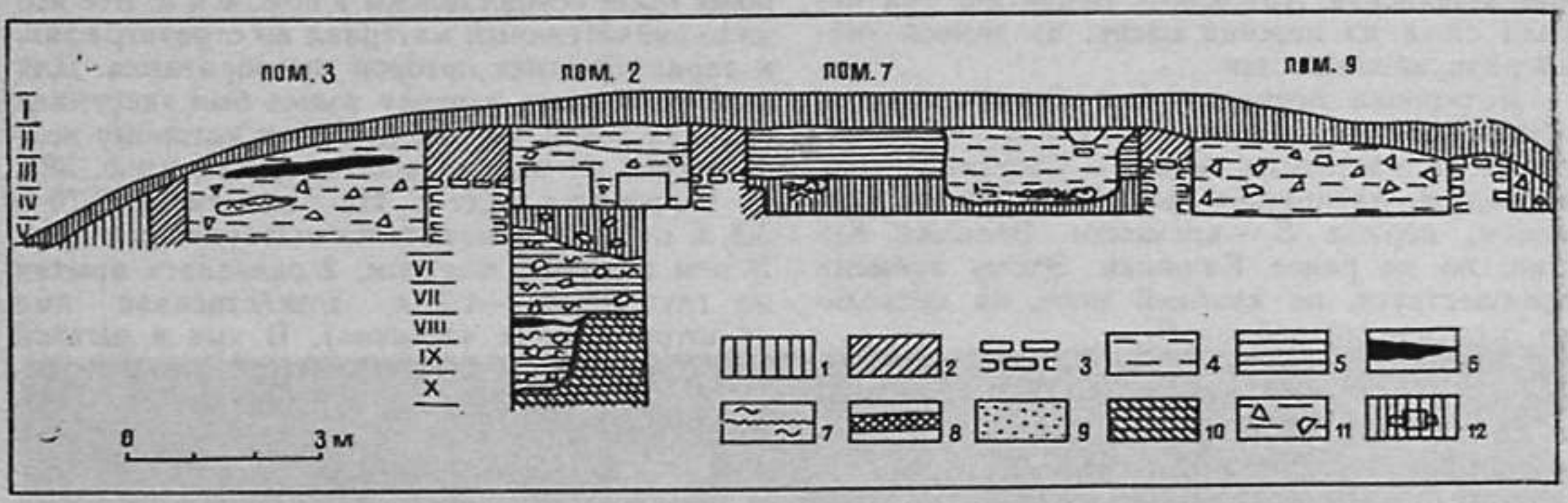


Рис. 38. Дом рядового горожанина. Дт-2. Разрез и шурф.

Условные обозначения: *1* — рыхлый слой земли; *2* — пахса; *3* — сырец; *4* — слой средней плотности; *5* — очень плотная глина; *6* — зольно-угольный слой; *7* — слой костей животных и истлевшего камыша; *8* — зеленоватый слой; *9* — песок; *10* — материковый лесс; *11* — слой средней плотности с примесью угольков керамики; *12* — рыхлая глина с примесью керамики.

[65] Gardin, 1973, p. 145, fig. 19—20.
[66] Marchall, 1951, t. III, pl. 122, N 40—42.

мелковолнистого орнамента на плечах. Миски — с плавным выгибом стенок, плоским дном или слегка ребристым поддоном, рельефной закраиной либо откинутым бортиком, по которому нанесена полоска мелковолнистого орнамента. Чаши отличны от мисок своим профилем: у них рельефный поддон (иногда с небольшим выемом), более раскинутые стенки, ровные закраины. Кувшины — одноручные или безручные с четко выраженной волнистой горловиной, имеющей рельефный венчик; донца их плоские либо с рельефным поддоном (прямым или с выемом).

Бокалы и кубки — с колоколовидным резервуаром и поло-конической ножкой, иногда повышенной, с глубоким внутренним выемом.

Появляются сероглиняные сосуды. В числе их несколько фрагментов чаш и основание какой-то высокой подставки или кратера.

Помимо керамики, слой Дт-II дал ряд интересных находок, из которых отметим следующие.

Крупный щиток терракотового антефикса (24×11×2,5—5 *см*), на котором оттиснута изящно моделированная пальметта с четырьмя парами завитков; на внешней поверхности щитка — следы ярко-красного ангоба. Пальметта близка к эллинистическим, хотя и не имеет идентичного прототипа. По стилю, видимо, и по времени наш антефикс занимает как бы промежуточное положение между чисто греческими антефиксами из Ай-Ханум (III—II вв. до н. э.[67]) и заметно «варваризованными» антефиксами из Халчаяна и Культепе (I в. до н. э.—II в. н.)[68]. В двух разных участках слоя Дт-II оказались кусочки штукатурок 4—5 *см* толщиной, выполненные из извести с добавкой мелкой гальки и покрытые плотной, очень стойкой ярко-красной краской. Такие штукатурки несвойственны среднеазиатской строительной технике, но типичны для греко-римской. Ее описывает Витрувий (I в. до н. э.), именуя греческим термином «генезис» и отмечая целесообразность ее применения в интерьерах, так как окраска киноварью темнеет на солнце[69]. Штукатурки такого типа покрывали парфянский храм III—II вв. до н. э. в Старой Нисе[70].

Найдена статуэтка (верхняя половина) Великой богини эллинизированного типа (табл. 112,4). Черепок очень плотный, красноватый, по поверхности — светлый ангоб. Статуэтка небольшая, пропорциональная и выполнена оттиском в очень высоком объеме. Голова увенчана не то колафом, не то высоким шиньоном, лицо продолговатое, с правильными (несколько смятыми при оттиске) чертами, на шее ожерелье из трех кружков, плечи окутаны драпирующейся мелкими складками мантией, из-под которой выступает прижатая к груди кисть руки. Прямых повторов этой статуэтки мы не знаем, но близкий тип можно отметить в коропластике Мерва I в. до н. э.— I в. н. э.[71] Наша фигурка может быть отнесена ко времени не позднее рубежа н. э., поскольку уже в I в. образ богини подвергается в Саганиане заметной локализации и выполняется в более уплощенном рельефе.

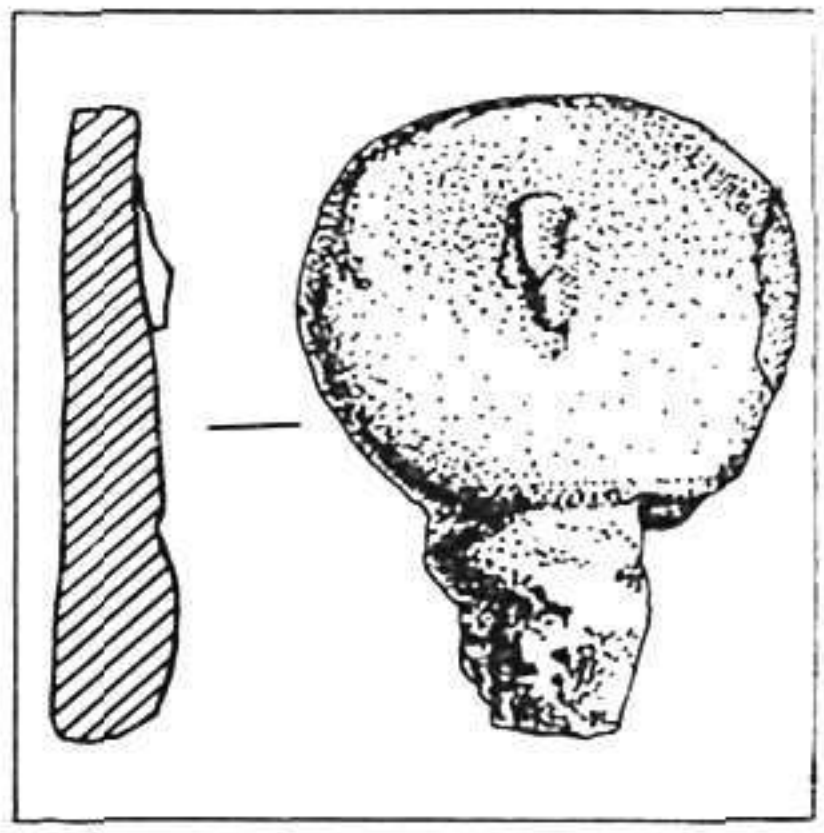


Рис. 39. Дт-2. Гипсовая статуэтка.

Вместе с этим художественным пластическим изображением в том же слое оказалось плоское личиноподобное изображение, отлитое из гипса, с налепным носом и складчатой шеей (рис. 39). Этот тип идолоподобной скульптуры II—I вв. до н. э. связан с традициями северной среднеазиатской среды.

Имеется несколько оббитых фигурок лошадок — некоторые со следами крепления всадника на спине (рис. 40).

Найдены две большие шаровидные бусины — одна из светлого сердолика, другая из ярко-голубого стекла с желтыми глазками, явно привозного (вероятно, египетского) происхождения.

Получены предметы, связанные с ткачеством. В их числе три толстых дисковидных грузила из необожженной глины; два терракотовых красноангобированных пряслица — одно биконической формы с четырьмя оттиснутыми до обжига фестонами, другие — по-

[67] Schlumberger, Bernard, p. 645, fig. 34—36, Bernard, 1973, p. 93.
[68] Пугаченкова, 1973 б, с. 84, рис. 4.
[69] Витрувий, кн. 7, гл. IV, 41.
[70] Пугаченкова, 1958, с. 64.
[71] Пугаченкова, 1962, с. 4, 10.

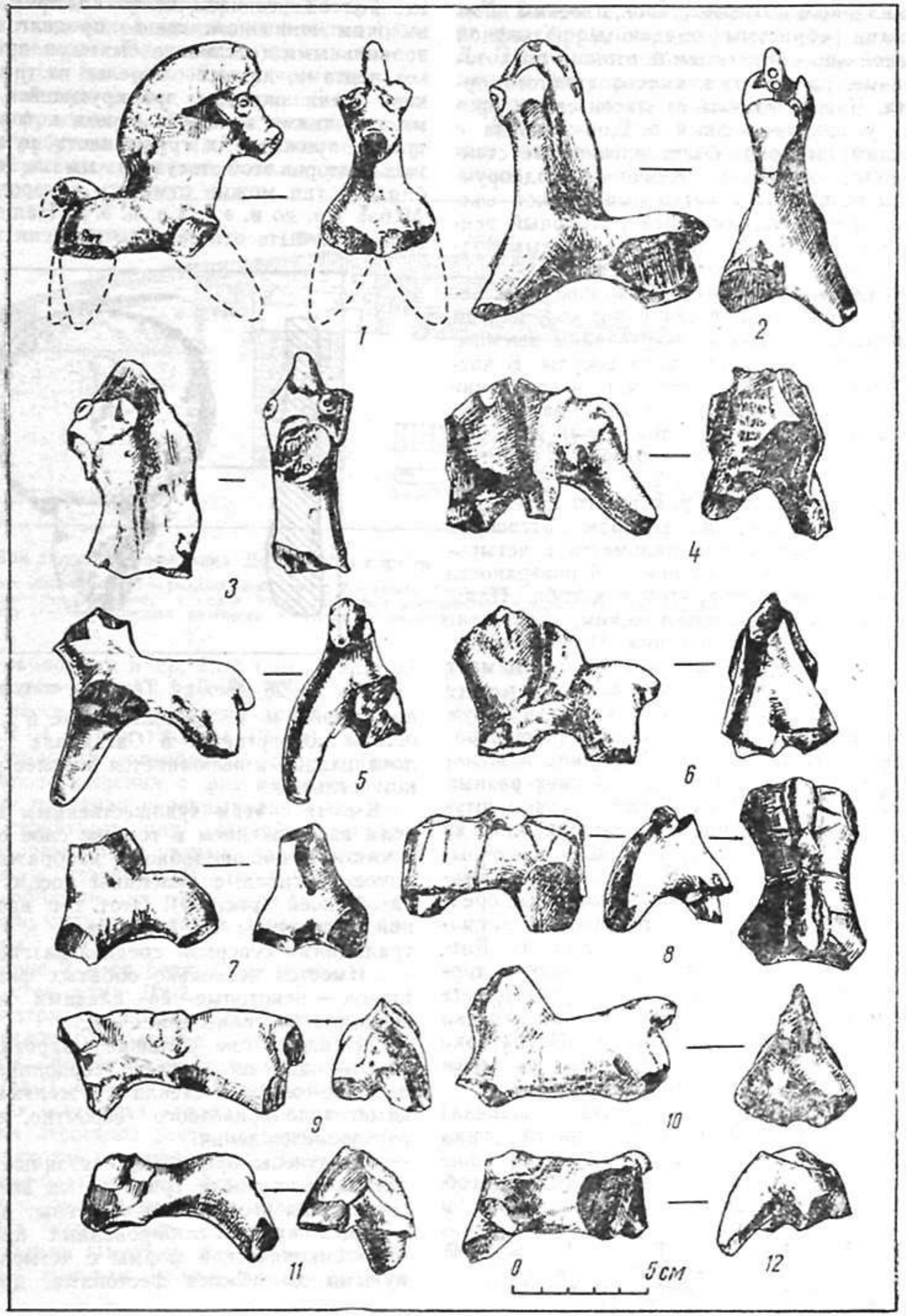


Рис. 40. Дт-2. Статуэтки лошадок (из разных слоев).

луэллипсоидные, а также одно белокаменное пряслице — полусфероидное с профилировкой.

Имеется часть железного серпа с остатками рукоятки, вставлявшейся в деревянную обкладку.

Извлечено 15 астрагалов — любимая доныне в Средней Азии игра мальчуганов в «ашички».

Существенное уточнение к датировке данного слоя добавляют монеты. Поскольку на полах дома Дт-2 были обнаружены кушанские монеты, начиная от чекана Сотера Мегаса, слой предшествует времени Великих Кушан. Под полом же пом. 5 на некоторой глубине мы извлекли крупный халк Варварского Гелиокла. Монеты этого типа имели хождение в Бактрии в конце II—I вв. до *н. э. Эта дата охватывает стратиграфиче*ский горизонт Дт-II, чему соответствует и состав найденных здесь предметов и керамики. Поскольку Дт-II залегает над греко-бактрийским уровнем, причем среди его керамических фрагментов имеются пережиточные греко-бактрийские формы, но преобладают сосуды нового типа, можно отнести его дату к концу II—началу I вв. до н. э., а дату Дт-IIб к I в. до н. э. (может быть, еще и к самому началу I в. н. э.).

При достаточно широкой площади вскрытий мы не обнаружили под зданием Дт-2 каких-либо стен. А между тем культурные накопления предшествующего периода были, как показано выше, довольно значительными. Объяснение, видимо, в том, что в период Дт-II здесь и не имелось сооружения, а было место хозяйственных сбросов, вначале сносившихся в специально вырытую яму, а затем образовавших широкую свалку. Находка антефикса и ярко-красной штукатурки эллинистического типа свидетельствует, что где-то вблизи находилось богато оформленное здание, пришедшее в упадок, коль скоро детали его декора были выброшены вместе с мусором.

Перед выведением дома Дт-2 свалку сниве лировали в виде прямоугольной несколько возвышенной площадки, на которой и водрузили его стены, лишенные всяких фундаментов.

Стены сохранились по высоте от 1,5 до 0,8 *м*, а на склонах внешние кладки сходят на нет. Они выведены комбинированной кладкой: 4—5 рядов сырца размерами 32×32×10—12 *см*, затем пахса. Вероятно, вверху снова проходили ряды сырца, так как в завалах помещений попадаются его куски. Толщина стен 80—90 *см*, а в ограждениях двора до 1,8 *м*. Мы объясняем такую толщину тем, что то был не просто дувал-ограда, но стены, поддерживающие перекрытие располагавшихся вдоль них деревянных навесов.

Стены покрыты глиняными штукатурками — в интерьерах с побелками (так, в пом. 2 и 4 отмечено четыре штукатурных слоя с побелками).

Перекрытия, видимо, были балочными: об этом свидетельствует форма комнат (для сводчатых помещений присущ продолговатый

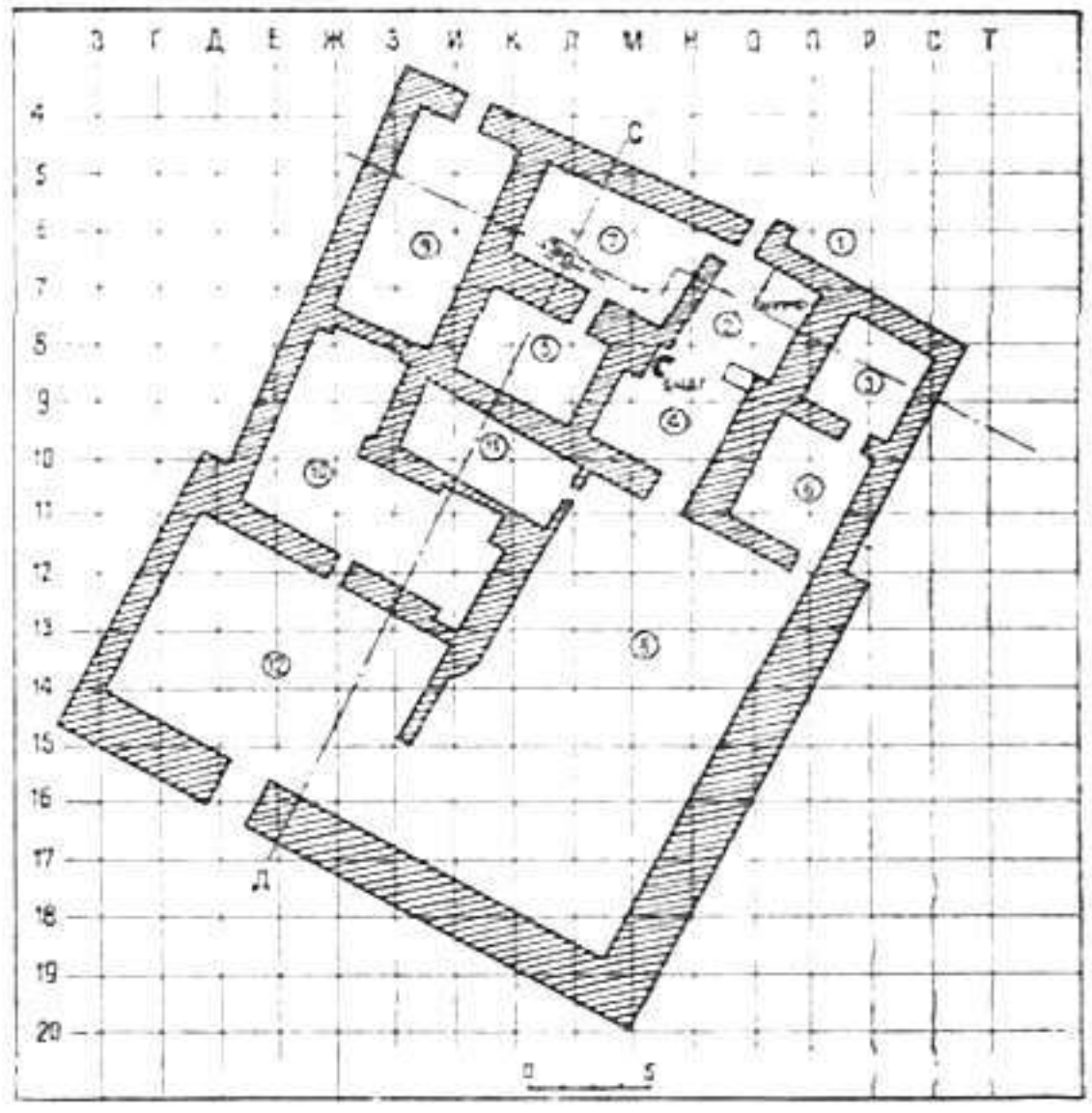


Рис. 41. Дт-2. План раскопа.

план) и отсутствие в завалах кладок с характерным для сводов сопряжением сырцовых кирпичей.

В плане здания выявлен подразделенный надвое дворик (рис. 41). Из проходившей с юга улочки можно было попасть в его первую половину (12); выдвинутая стена позволяет предполагать, что напротив входа располагался айван на деревянных колоннах, откуда можно было войти в пом. 10. Восточная часть двора (8) довольно обширна, не исключено, что в его торце также имелся деревянный навес. Отсюда дверные проемы ведут в блоки взаимосвязанных пом. 4—2—7—5 и 6—3, а также в изолированную комнату 11. В пом. 9, а также 2 можно было пройти со стороны хозяйственного двора (1), располагавшегося возле глубокого хауза. Последний явственно виден в микрорельефе к северо-западу от дома. Он, очевидно, обслуживал весь квартал прилежащих владений.

Пом. 10 и 11 имели хозяйственное назначение — здесь было много золы, зеленоватых органических остатков, косточек животных. Пом. 1, 5, 3,6 (возможно, и 9) были жилыми. Пом. 2 и 4, по существу, продолжают друг друга — они подразделены лишь небольшим выступом стены, к которой пристроена сырцовая тумба (*около 80 см по высоте*), а почти напротив нее на глинобитном возвышении расположен подковоообразный очаг. Это не был бытовой очаг для обогрева (ни в одном другом помещении очагов и каминов нет). Размеры его невелики (внутренний диаметр 45 *см*), а рядом на полу оказались скопления пепла и фрагменты двух статуэток Великой богини. Очаг имел ритуальное назначение, а само пом. 4—2, видимо, совмещало функции гостиной-михманханы и места свершения домашних молений. Упомянутая сырцовая тумба могла служить для установки на ней культовых принадлежностей. Если в домах богачей Дт-5 и Дт-6 имелись особые молельни, то в доме рядового горожанина для повседневных молитв был отведен лишь уголок.

О том, что перед нами жилой дом, свидетельствует чисто бытовой характер его археологического содержимого, которое особенно плотно сконцентрировано в IV ярусе слоем в 25—40 *см* над полами: большое количество массовой бытовой керамики, ткацкие грузила и пряслица, зернотерки и пр.

Что касается датировки, то ее хорошо уточняют монеты из данного слоя. На полу одной из комнат и во дворике найдено по одному экземпляру Сотера Мегаса, на полу пом. 5—монета Вимы Кадфиза, там же, но несколько выше — монета Канишки. Таким образом, создание и обживание дома падает на I—II вв.

Рассмотрим археологический инвентарь данного горизонта (имея в виду его залегание в IV—частично III ярусах, так как в разных помещениях его толща колеблется). Наиболее массовый состав дает керамика. Подсчет черепков из общего комплекса сведен в таблицу, которая дает представление о составе основных сосудов и их фактуре (табл. 4).

Таблица 4

Подсчет керамики из III горизонта раскопа Дт-2

Черепок	Ангоб	Хумы и хумчи	Тагоры	Кувшины	Горшки	Котлы	Крышки	Бокалы и кубки	Миски и чаши	Фиалы	Чиграги	Мелкие сосуды	Неопр.—толстостенные	Неопр.—средне- и тонкостенные
Красновато-коричневый (кирпичный)	Красный	—	—	14	16	—	—	21	19	7	—	8	—	26
	Светлый	99	37	76	20	25	2	—	6	—	—	—	102	8
	Без ангоба	37	7	51	2	18	—	—	—	—	—	—	32	4
Желтоватый (лессовый*)	Светлый	—	5	6	2	9	6	—	—	2	3	—	18	23
	Без ангоба	2	—	—	—	7	2	—	1	—	—	2	4	—
Серый	Черный	—	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—
	Без ангоба	—	5	—	1	—	—	1	20	9	—	1	—	—

Ведущие формы керамики представлены на прилагаемом чертеже. Хумы и хумчи — эллипсоидной формы, со слегка округленным дном, выгнутым венчиком с перехватом профиля (рис. 42). Тагоры со слегка выпуклым (нередко чуть вогнутым) очертанием стенок; имеют подтреугольную закраину, или же рельефный, нередко в два-три перехвата венчик. Кувшины в основном двухручные с яйцевидным туловом и нешироким горлом, с уширенной профилированной закраиной, плоское дно, либо рельефный поддон с выемом. Горшки — широкогорлые, с отогнутой наружу слегка утолщенной закраиной. Котлы — лепные (тесто с большой добавкой дресвы), сфероидной формы, с прямой или выпуклой закраиной, на тулове иногда шишечки для упора. Крышки для котлов и горшков плоские или чуть выгнутые, с выступом-налепом посередине, на которых две вмятины для пальцев. Бокалы и кубки — с колоколовидным резервуаром, иногда с перехватом профиля. Ножки их варьируют — от полукониче-

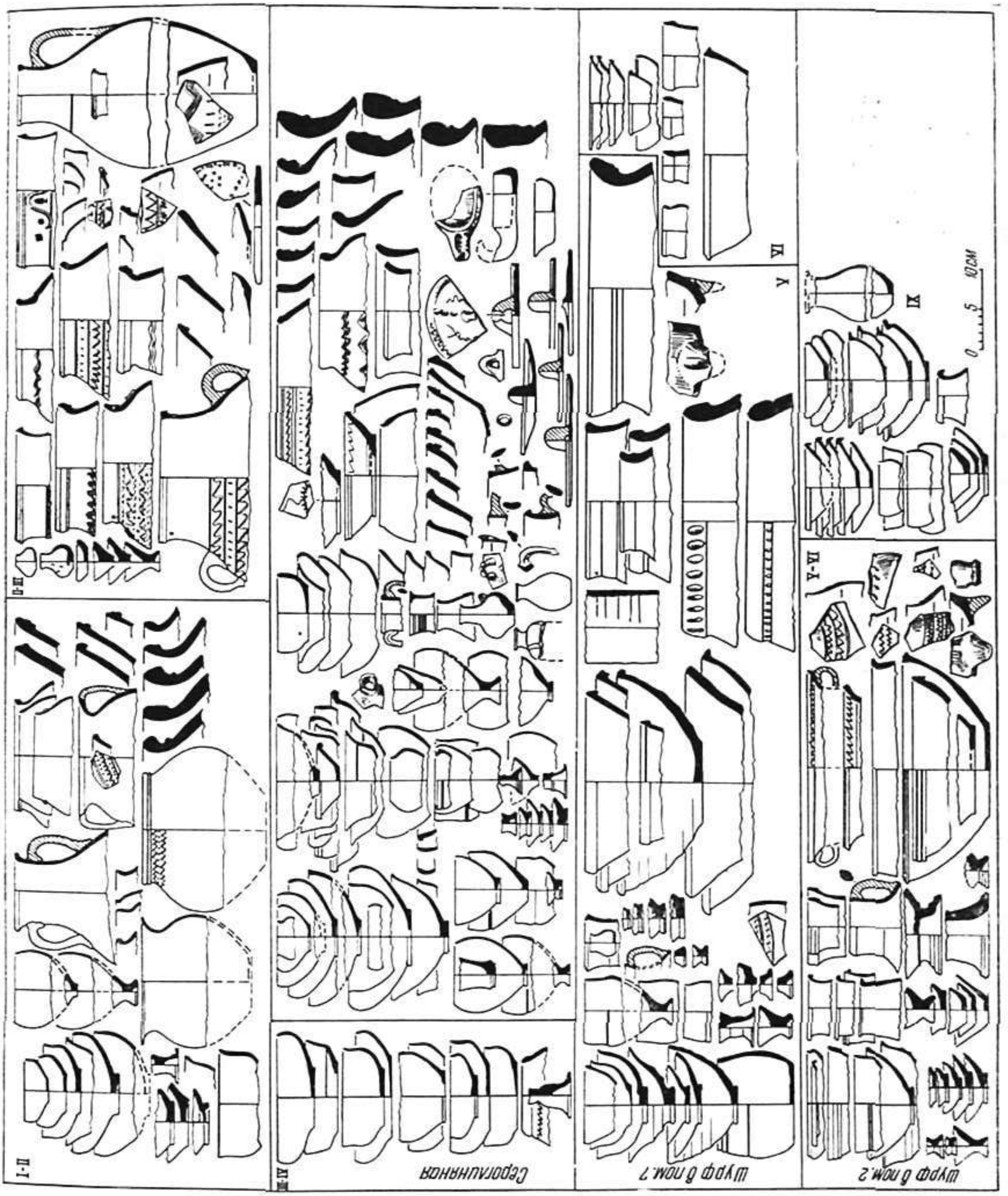


Рис. 42. Дт-2. Формы керамики.

ских до сложнопрофилированных, с глубоким выемом. Миски, чаши, фиалы отличаются размерами и толщиной сечения, но форма их сходна: глубокий резервуар, закраины кругляться внутрь или отогнуты наружу — у чаш слегка, у мисок — наподобие бортика, поддон обычно рельефный, невысокий, с выемом. Чираги преимущественно овальные, с почти прямыми стенками и крючковидно оттянутой

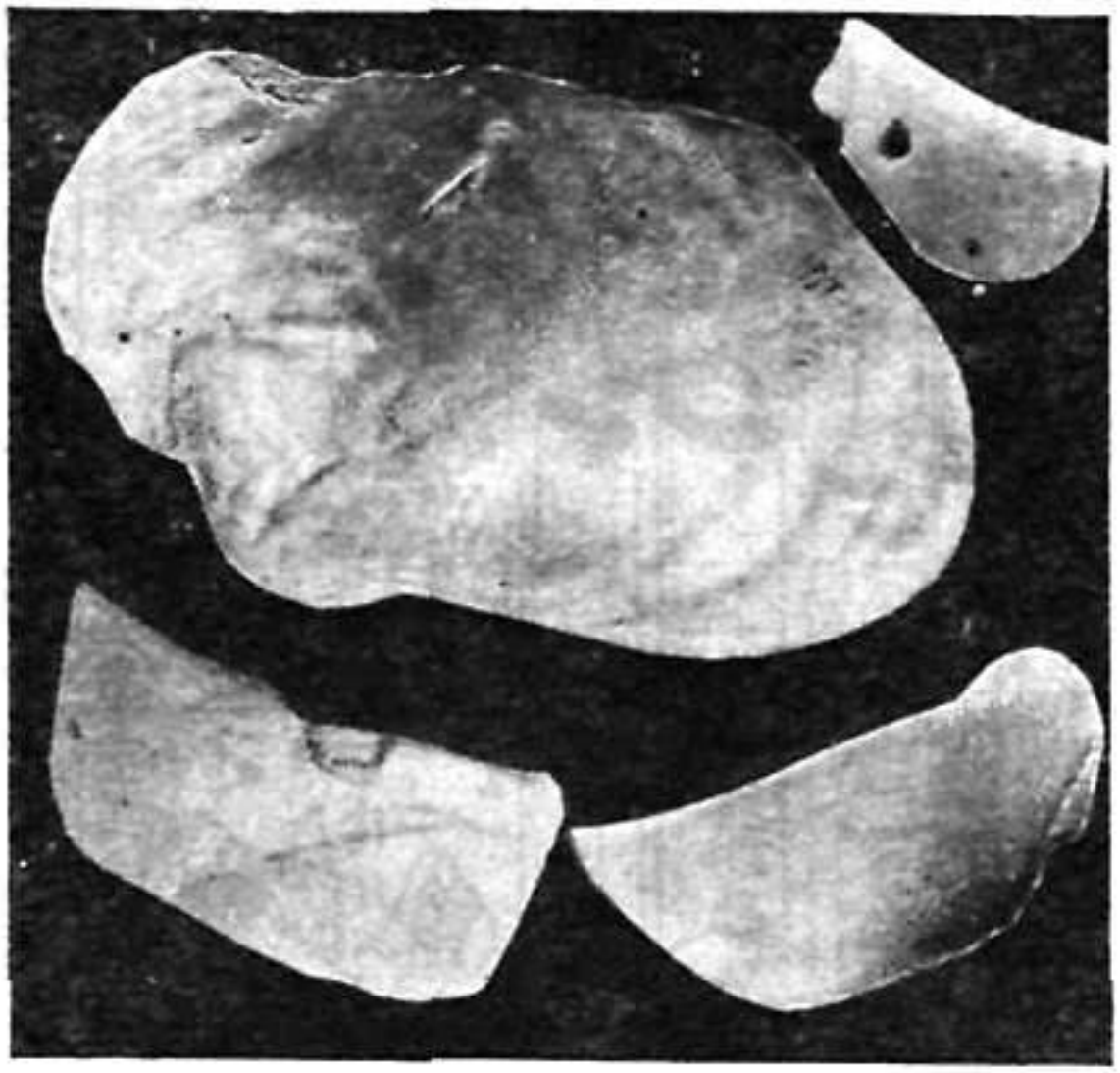


Рис. 43. Дт-2. Перламутровые раковины.

у края ручкой, но есть и в форме круглой плошки с едва намеченным носиком. Так называемые косметические сосудики представлены формами миниатюрных горшочков, кувшинчиков, плошечек — иногда лепных, иногда изготовленных на гончарном круге.

Орнаментация на керамике данного комплекса ограничена. Она исчерпывается нанесением концентрических или волнистых линий и наколов стекой — на плечах некоторых горшков, иногда на бортике и внутренней поверхности мисок. На одном фрагменте широкой горловины горшка интересен рельефный налеп в виде змейки, под выгибом и по сторонам которого оттиснуты штампики: овальный листок, кружок и квадратик с четырехлепестковой розеткой[72].

Специфическую черту данного керамического комплекса составляет сероглиняная керамика. Ведущая форма — это массивные миски с почти вертикальными стенками, отходящими от широкого, слегка рельефного по краю, плоского днища. Поверхность их иногда покрыта жирным серым ангобом с горизонтальным лощением. На некоторых мисках видна копоть: по-видимому, эта керамика обладала жароустойчивыми свойствами, и ее ставили для подогрева (но не приготовления) пищи на огонь. Имеется также фрагмент сероглиняного горшка с волнистым орнаментом и ножка бокала.

В числе других предметов из накоплений над полами дома Дт-2 упомянем следующие.

Часть ювелирной матрицы из серого стеатита. На ней выточены в половинном объеме детали уплощенно округлой, полусферической, миндалевидной формы, а также в виде стилизованной рыбки. Она могла использоваться для изготовления дутых бус, нашивных и накладных украшений из золота, серебра и бронзы.

Терракоты. В пом. 2 оказалось два дополняющих друг друга фрагмента статуэток «богини в кокошнике» (рис. 113, *12*). Здесь лишь подчеркнем, что они передают распространенный на Дальверзинтепе и в его округе в эпоху Великих Кушан коропластический тип: уплощенный торс с условно трактованными драпировками одежд при оттиснутой в половинном рельефе непропорционально крупной голове.

Две фигурки из айвана 12 (одна обезглавленная, другая дошедшая лишь в своей поколенной части) принадлежат к традиционному для эпохи Кушан типу сидящей богини в драпирующихся одеждах.

На полу пом. 11 лежала часть явно привозной крупной перламутровой раковины (рис. 43).

В помещениях и особенно во дворе 8 найдены куски зернотерок, грузила, пряслица. Грузила — пирамидальной формы из необожженной глины и терракотовые. Пряслица — белокаменные, полусфероидные, с профилировкой (7 экз.); керамические — два полусфероидных и одно биконическое; лепные — из ганча (два).

Описанные объекты из археологического заполнения над полами дома Дт-2 в основном, очевидно, относятся к последнему этапу его обитания.

Последующую судьбу дома обрисовывает стратиграфия слоев в пределах I—начала III ярусов. Большинство помещений заполняет плотный комковатый завал разрушенных кладок с мелкими фрагментами керамики

[72] Подобные рельефные налепы (но без оттиска штампами) известны уже на греко-бактрийских кратерах из Ай-Ханум (Gardin, 1973, p. 145) и сохраняются в керамике Бактрии на протяжении кушанского времени.

(очевидно, из замеса глины стен), местами перемежающиеся надувным песком и гипсом, с кусками глиняных и ганчевых смазок стен; выше пушонка и дерновый слой.

В пом. 5,7,9— иная картина: здесь на отметках 2,2—1,2 *м* от репера завал разрушенных кладок перемежается с различными хозяйственными остатками, боем керамики, костями животных, а в одном участке обнаружена хозяйственная яма со стоящей на куске жженого кирпича толщиной 4 *см* тагорой без дна. Очевидно, после заброса дома, который уже был лишен перекрытий и наполовину разрушен, провалы былых помещений использовались в качестве сбросовых ям. Здесь получен содержательный комплекс посудных форм. Выше эти фрагменты сведены в таблицу (табл. 5, рис. 42).

Таблица 5

Подсчет керамики верхнего горизонта раскопа Дт-2

Черепок	Ангоб	Хумы, хумча	Тагоры	Кувшины	Горшки	Котлы	Крышки	Бокалы и кубки	Миски и чаши	Фиалы	Чираги	Мелкие сосудики	Неопр. толстостенные	Неопр. среднетонкостенные
Красновато-коричневый („кирпичный")	Красный	—	2	4	8	—	—	36	10	1	—	1	—	15
	Светлый	424	72	367	136	72	—	—	47	—	1	6	259	42
	Без ангоба	111	18	155	5	3	2	—	17	2	—	—	84	17
Желтоватый („лессовый")	Светлый	29	4	162	26	24	2	2	1	—	—	—	40	15
	Без ангоба	40	—	4	—	17	8	5	—	2	3	2	17	12
Серый	Черный	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—
	Без ангоба	—	5	—	—	—	2	—	66	6	—	2	—	5

Как видно из прилагаемой таблицы, керамика данного комплекса по формам немногим отличается от предшествующего и потому отметим лишь эти отличия. Заметно некоторое снижение качества выделки: черепок более порист, сечения толще, красноангобных покрытий становится меньше, снижается процент сероглиняной керамики.

Основной состав сосудов сохраняется прежний. Однако у хумов резче выражена профилировка венчиков. Нередки хумчи с парой небольших петельчатых ручек наверху плеча и дырочками под венчиком (видимо, для подвязывания крышки). Плечи хумчей и горшков бывают орнаментированы концентрическими и волнистыми линиями и наколами, причем те и другие наносятся как стекой, так и многозубчатым инструментом. Кувшины прежних форм — двух- и одноручные. Среди горшков появляются экземпляры с круто выгнутым краем и часто парой ручек, закрепленных у венчика и на плече. Резервуар чаш и фиал становится положе, стенки их как бы раскинуты, скругляясь наверху, ножки — с выемом или плоские. Очень немного фрагментов бокалов и кубков.

В числе находок из данного комплекса упомянем трехгранный черешковый железный наконечник стрелы (высота 56 *мм*, боевая часть 34 *мм*); подобные в большом наборе были найдены в халчаянском дворце[73] в слое времени Васудевы I. Имеются такие же, как и ранее, пряслица (рис. 44) — два белокаменных и одно гипсовое. Среди терракот — обломки фигурок коньков. Своеобразна женская лепная статуэтка без головы; торс ее бочонковидной формы с налепами грудей и культями рук.

Близость описанного вещественного комплекса к предшествующим по времени напластованиям под полами дома Дт-2, а керамики — вообще к сервизу эпохи Великих Кушан не только Дальверзинтепе, но и других городищ в долине Сурхана, позволяет считать, что дом был покинут после времени Канишки — в пределах середины — второй половины II в. н. э., и затем его развалины частично использовали как место хозяйственной свалки.

Со временем здесь образовался оплывший холм, который никак не использовался на протяжении веков. И лишь по прошествии длительного срока он послужил местом двух впускных захоронений.

Оба захоронения попали в пом. 5— одно было вскрыто вдоль его южной стены, другое — у юго-восточного угла. В первом костяк лежал на спине, головой на северо-запад, с вытянутыми вдоль туловища рука-

[73] Пугаченкова, 1966а, с. 62 сл.

ми; сопроводительного инвентаря при нем нет. Второй костяк разрушен ямой (промоина или нора животного), но здесь оказались два сосуда — небольшие, но тяжелые, серовато-лессового цвета и грубоватой выделки

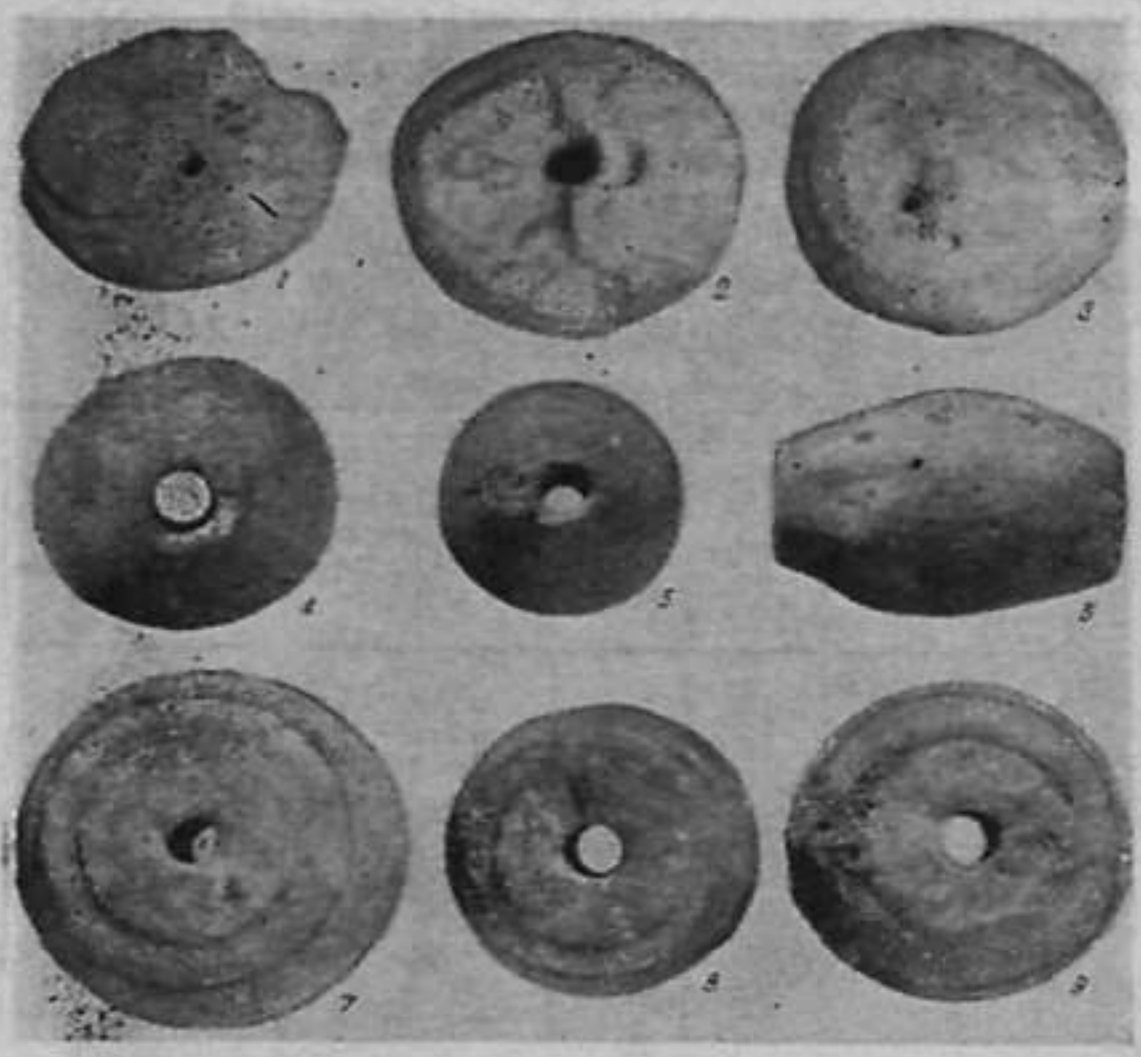


Рис. 44. Дт-2. Глиняные, керамические и каменные пряслица.

(гончарный круг с подправкой ножом); двухручный кувшинчик и другой — кружковидный с петельчатой ручкой (рис. 45). Оба находят аналогии в среднеазиатской керамике V—VII вв., однако за отсутствием для долины Сурхана разработанной хронологической колонки раннесредневековой керамики мы воздержимся от дальнейших уточнений датировки данных захоронений.

Объект Дт-2 дает представление о бактрийском жилом доме горожанина средней руки времени Великих Кушан. Два жилых дома такого рода и того же периода вскрыты один на Хатын-Рабате[74], другой — в загородной зоне Дильберджина[75] (оба они принадлежали ремесленникам). Как и там, дальверзинский строитель руководствовался чисто практическими целями создания функционально удобной среды для повседневного обитания и с учетом климатических факторов: в доме имеются жилые и хозяйственные комна-

Рис. 45. Дт-2. Два сосуда из впускного погребения.

ты, гостиная с алтарным местом в ней, передний дворик с навесами, служивший в теплое время года полуоткрытым помещением для семьи и приглашенных, и хозяйственный дворик, располагавшийся близ бассейна.

[74] Пугаченкова, 1973 б, с. 27, рис. 15.
[75] Раскопки Г. А. Пугаченковой в составе Советско-Афганской археологической экспедиции 1973 г.

ХРАМ В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ДАЛЬВЕРЗИНТЕПЕ

Объект Дт-7, расположенный в северной части Дальверзинтепе у городской стены, до раскопок представлял собой вытянутый по линии северо-восток — юго-запад со склонением от меридиана до 20° продолговатый бугор (30×24 *м*) высотой около 3 *м* с пологими склонами. Судя по микрорельефу, с юго-восточной стороны от бугра располагался довольно глубокий хауз, к которому вела отчетливо прослеживаемая и сейчас дорожка, а с северо-западной находилась небольшая площадь. Юго-западной стороной бугор сливался с общей застройкой примыкающих холмов, с северо-востока его ограничивала ровная впадина шириной 2—3 *м*.

Раскопки на Дт-7 проводились в 1969—1973 гг. в течение пяти полевых сезонов (рис. 46). Горизонтальная фиксация велась по квадратам и помещениям, вертикальная — по мере выявления — по ярусам и стратиграфическим слоям от репера, установленного на городской стене в 100 *м* от северного угла городища. Высшая точка бугра находилась на 2,6 *м* ниже репера (уровень начала VI яруса).

В результате раскопок на месте бугра выявлено прямоугольное в плане здание (около 32×20 *м*), вытянутое с юго-запада на северо-восток, состоящее из 11 помещений различной планировки и размеров. Установлена его весьма длительная и сложная история, в которой в соответствии со стратиграфическими наблюдениями над уровнями полов, основаниями стен и слоев штукатурок удалось выделить несколько периодов, начиная от греко-бактрийского и кончая позднекушанским. Датировка этих периодов определяется находками монет и комплексом керамики. Учитывая большое количество перестроек, описание планировки здания дается по строительным горизонтам, соответствующим тому или иному периоду. Оговоримся, что хотя направление здания имеет склонение от линии север—юг до 20°, для простоты описания мы будем обозначать ориентацию по странам света.

Первый строительный период (рис. 47 а). Ему соответствует обнаруженная под пом. 2 овальная в плане яма (3,0×2,25 *м*) глубиной 50—60 *см*, вырытая в материковом красноватого цвета лессе. С восточной стороны в нее вел вход со ступенькой высотой 15 *см*; в юго-западном углу расположена ниша (1,25××1,20 *м*); на противоположных краях ямы имеются небольшие углубления диаметром 10 *см*, видимо, для столбов. Пол жилища, соответствующий 25 *см* XII яруса (3,75 *м* от вершины холма), был устлан толстым слоем истлевшей камышовой подстилки. В заполнении встречались отдельные древесные угольки, кости животных и керамика. Общая площадь ямы вместе с входом и нишей около 9 *м*². Судя по имеющимся данным, яма использовалась для жилья и представляла полуземлянку типа своеобразного жилища капа, распространенного до недавнего времени в южных районах Таджикистана и Узбекистана.

По этнографическим данным, капа-полуземлянки состоят из круглой или квадратной ямы глубиной 30—40 *см*, над которой устраивается сферическое или двускатное перекрытие из камыша и войлока[1]. Б. Х. Кармышева считает жилище-капа показателем полуоседлого образа жизни[2] и полагает, что оно сохранило форму жилища древних ираноязычных кочевников, вошедших в состав таджиков Туркестанского, Зарафшанского и Гиссарского хребтов. Возможно, что некоторые из вскрытых на городище Тамашатепе ям, датируемых в пределах греко-бактрийского времени и близких по конструкции дальверзинской, также являются жилищем типа полуземлянок, а не только хозяйственными ямами[3].

Второй строительный период (рис. 47 б). В этот период на месте естественного холма с жилищем полуземляночного типа сооружается монументальное здание, стены которого в основном возведены из пахсы и только стены центрального пом. 6—из сырцового кирпича 39×39×12 *см*. Уровень полов приходится на отметку 40 *см* X яруса. Общая длина здания 32 *м*, сохранившаяся ширина 13 *м*, но учитывая, что с восточной стороны внешние стены здания смыты, его истинная ширина была в пределах до 20 *м*. Вход, вероятно, располагался в центре восточного фаса здания. Полы во всех помещениях ровные,

---

[1] Борозна, с. 103.
[2] Кармышева, с. 22.
[3] Абдуллаев, Бубнова, Пьянкова, с. 250—262.

смазаны толстым слоем глины. Судя по довольно значительным фрагментам, в пом. 1, 3 и 6 верхние части стен были покрыты красной, нижние — белой штукатуркой.

Полностью или частично выявлено 10 помещений, нумерация которых давалась по порядку вскрытия.

Пом. 1 расположено в северном углу здания, прямоугольное в плане (9,1×6,9 *м*) с двумя входами, шириной 1,4 *м*, которые вели в пом. 4 и 3. У южной стены рядом с проходом — суфа (3,0×0,6 *м*), сложенная из пахсы и покрытая глино-саманной штукатуркой. В центре восточной стены устроена полуовальная ниша (1,3×0,7 *м*).

Пом. 2—к востоку от пом. 1 и отделено от него стенами толщиной 1,5 *м*. Размеры его 5,6×6,3 *м*. Вход, вероятно, имелся в центре южной стены. На уровне пола в юго-западном углу найден комплекс керамических сосудов, рассмотренных ниже.

Пом. 3 располагалось к югу от пом. 2. Размеры неясны.

Пом. 6 находилось в центре здания (5,7××5,7 *м*) и имело четыре прохода шириной 1,4 *м*, ведущих в пом. 1,3,4 и 7. Восточная стена сохранилась на высоту до 1 *м* в юго-восточной части и 36 *см* — в северо-восточной части. В IV периоде эти стены, пришедшие, по-видимому, в ветхое состояние, были почти до середины заложены сырцовым кирпичом 35×35×13—14 *см*.

Пом. 4 (7,8×3,6 *м*) расположено к северу от пом. 6. и соединено с ним проходом шириной 1,4 *м*, ширина второго прохода 80 *см*, ведет он в пом. 8, рядом с ним расчищена прямоугольная в плане ниша (90×××80 *см*).

Пом. 5 лежит к востоку от пом. 6 почти в середине восточного фаса здания. Оно прямоугольно в плане (9,2×3,4 *м*); юго-восточной стены не обнаружено. Судя по распо-

Рис. 46. Храм в северной части Дальверзинтепе. Раскопки объекта Дт-7.

ложению и некоторым конструктивным особенностям, возможно, помещение являлось айваном, здесь же располагался главный вход в здание.

Пом. 7 расположено к югу от пом. 5 и 6. Прямоугольное в плане (4,8×10,4 *м*); часть южной и вся восточная стена не сохранилась. В центре северной стены находился проход шириной 1 *м*, ведущий в пом. 6. С северо-запада от него оригинальной формы ниша (1,2×0,9 *м*, высота 1,35 *м*) овальная в плане, перекрытая конховым полукуполком; по углам — трехчетвертные колонки с колоколовидными капителями, посередине — небольшой выступ (60 *см*, высота 75 *см*, рис. 48, 142). Колонки и стены ниши покрыты белой штукатуркой, на куполе заметны следы орнаментальной росписи черной, синей и красной красками. Ниша предназначалась, вероятно, для установки вотивных предметов, о чем свидетельствует выступ в центре, отсутствующий в нишах бытового назначения.

Пом. 9 (3,6×1,9 *м*)— к востоку от пом. 8, от которого отделено стеной шириной 1,1 *м*. У юго-восточного угла имеется проход шириной 0,9 *м* в пом. 10.

В пом. 1 к западной и северной стенам пристраиваются дополнительные стены шириной 1,7 *м*, края которых обкладываются сырцовым кирпичом, а внутренние части запол-

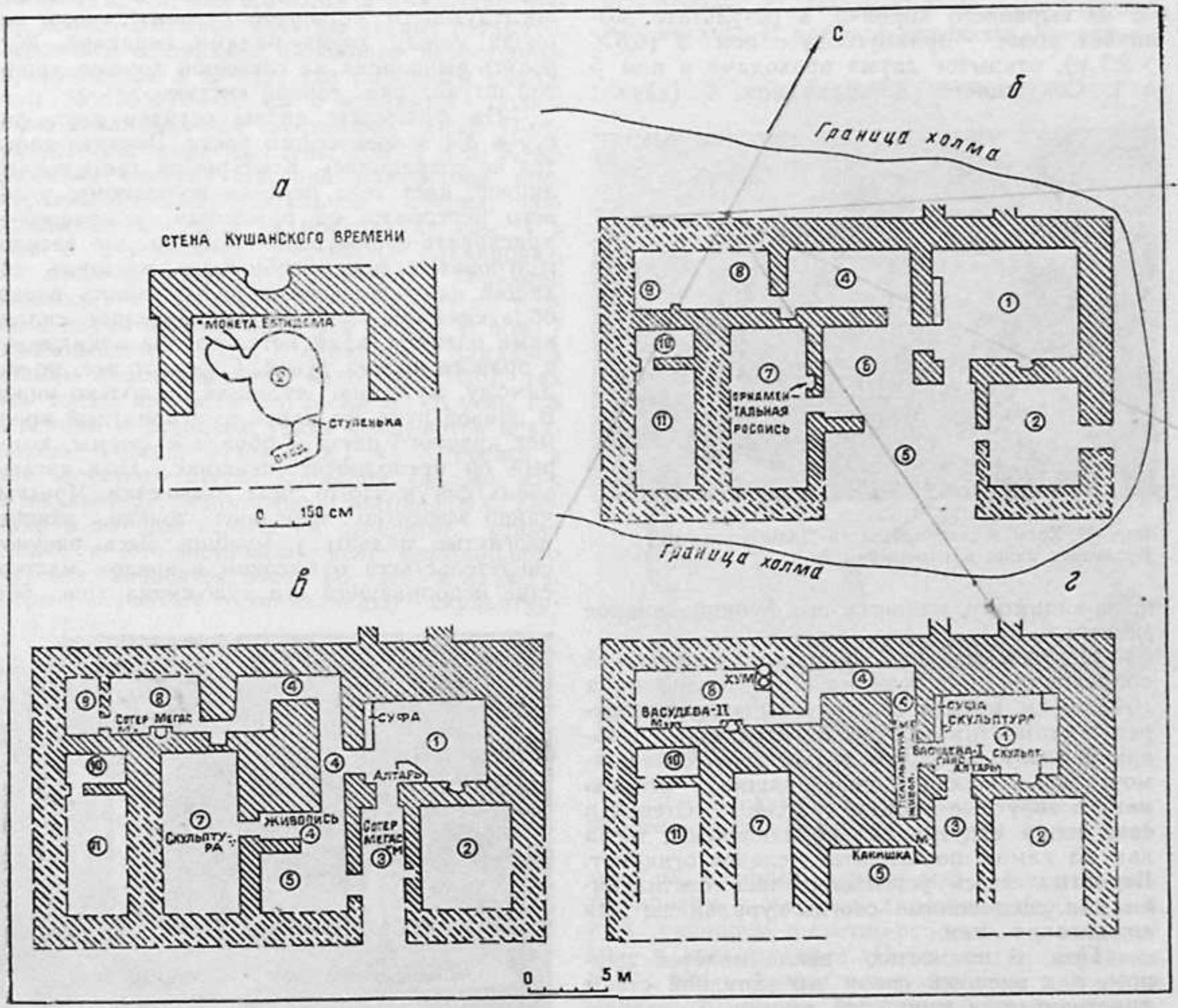


Рис. 47. Храм в северной части Дальверзинтепе. Планы (по периодам).

а — первый период (III—II вв. до н. э.); *б* — второй период (II—I вв. до н. э.); *в* — третий период (I в. н. э.), *г* — четвертый период (I—II вв. н. э.).

Пом. 10 имеет в ширину 3,6 *м* остальные размеры и планировка неясны.

Третий строительный период (рис. 47,в). Внешние контуры здания остаются, по-видимому, прежними, но перестройки внутри него в корне изменяют структуру центра здания. Новые стены возводятся в том же уровне с применением сырца 40×40×11—12 *см*.

няются строительным мусором. Рядом с нишей у прохода в пом. 3 возникает трапециевидное в плане возвышение (1,7×1,2 *м*, высота 25 *см*). Стенки и пространство вокруг него сильно прокалены, поверх залегает слой белой чистой золы 20 *см*. Возможно, это алтарь, на котором возжигались растения, по химическому составу близкие к верблюжьей колючке, где идентичность состава подтверж-

дается общим порядком величины 1 микропримесей[4]. Проход в середине южной стены пом. 2 закладывается сырцом, а на его месте образуется прямоугольная ниша (0,9×0,8 *м*). К центральному устою пристраивается стена из сырцового кирпича, в результате возникает новое прямоугольное пом. 3 (6,5×2,7 *м*), открытое двумя проходами в пом. 5 и 1. Сокращается площадь пом. 5 (айван)

Рис. 48. Храм в северной части Дальверзинтепе. Культовая ниша в помещении 7.

й, по-видимому, меняется его функциональное значение.

Почти в середине восточной стены пом. 8 сооружается пристенная культовая ниша (64×36 *см*, высота 60 *см*) с выдвинутым вперед постаментом (1,34×0,56 *м*). Ниша овальная в плане, по углам трехчетвертичные прямоугольные колонки, переходящие у основания в округлые «лапы» (рис. 49). Стенки и свод ниши изнутри сильно закопчены, тогда как на самом постаменте следов огня нет. Вероятно, здесь устанавливались светильники или специальные сосуды-курильницы для возжигания огня.

Пом. 6 полностью закладывается сырцом, а к внешней грани его западной стены пристраивается сырцовый выступ. В результате на месте пом. 6 образуется глухой массив 5,3×5,3 *м* с выступом в северо-западном углу, охваченный с трех сторон П-образным коридором шириной 1,4—1,5 *м*, открытым проходами в пом. 7,1,8 и, возможно, в пом. 5. Одновременно закладывается ниша в пом. 7, а к стене между пом. 4 и 8 пристраивается дополнительная стенка из сырцового кирпича 39×39×10 *см*, в результате чего ее ширина достигает 2,5 *м*.

На восточную стену центрального массива наносят роспись, от которой остался небольшой фрагмент, найденный в закладке последующего четвертого строительного периода между двумя рядами кирпичей. Живопись выполнена на глиняной хорошо затертой штукатурке тонкой кистью.

На фрагменте видны остатки двух фигур в 3/4 человеческого роста. Верхние части тел не сохранились. Контуры их даны тонкой линией, цвет тела передан по-разному: у левого персонажа он розоватый, у правого — красновато-оранжевый. Справа на светло-голубоватом фоне изображена женщина, сидящая на троне, слегка повернувшись влево, облаченная в свободно ниспадающее складками одеяние, край которого она откидывает с правого колена рукой. Слева от нее, по-видимому, мужчина, сидящий несколько ниже. В правой руке его какой-то непонятный предмет красного цвета Т-образной формы, который он преподносит женщине. Под ногами обеих фигур что-то типа скамеечки. Чрезвычайно эффектно переданы тонкие, изящно изогнутые пальцы у мужчин. Весь рисунок свидетельствует о высоком и зрелом мастерстве исполнившего его художника (рис. 50).

Рис. 49. Храм в северной части Дальверзинтепе. Культовая ниша в помещении 8.

К этому же периоду, несомненно, относятся найденные под стенами четвертого строительного горизонта в пом. 7 три глиняных скульптурных фрагмента, окрашенных красной краской поверх белой подгрунтовки: части плеча и ноги до колена длиной 36 *см*. Од-

[4] Спектральный анализ проведен в Институте геологии АН УзССР, полученные данные обработаны канд. хим. наук С. В. Левушкиной.

нако составить какое-то ясное представление о них невозможно из-за сильной фрагментарности.

Четвертый строительный период (рис. 47—2). Уровень полов уже соответствует 20—25 *см* X яруса, или 2,8—2,85 *м* от высшей точки холма. Внешние контуры здания остаются, вероятно, прежними. Основные перестройки производятся в центре, где сырцовым кирпичом 35×35×10—12 *см* с клеймами полностью закладывается восточный отсек П-образного коридора до стены пом. 4 и 3. К западному выступу массива платформы пристраивается дополнительная стенка, закладывается ниша в проходе из пом. 4 в пом. 8. В результате изменяется планировка, на месте обводного П-образного коридора возникает узкое помещение Г-образного плана с двумя проходами в пом. 8 и 1. В пом. 7 закладывается ниша, к северной и западной стенам пристраиваются пахсовые стены, так что толща их достигает 2—2,5 *м*. В пом. 1 в северном и западном углах появляются квадратные в плане устои (1×1 *м*). Роспись в юго-восточном отсеке коридора так же, как и скульптура, намеренно уничтожается. Однако в тот же период на северную стену, ближе к юго-восточному углу центрального массива, наносится новая роспись, а на платформе, вероятно, устанавливают скульптурную группу.

Живопись, как и скульптура, дошла до нас в сильно фрагментированном состоянии. Все фрагменты были обнаружены в восточной части Г-образного помещения, на протяжении 2,5 *м*, начиная от прохода, ведущего в пом. 1, и кончая восточной стеной. По вертикали они располагались от пола на уровне 20 *см* X яруса и почти до пола, соответствующего 20 *см* IX яруса, причем этим полом был отмечен слой надувного песка. Наряду с фрагментами живописи и скульптуры встречались обломки и целые сырцовые кирпичи, что в совокупности дает типичную картину намеренного разрушения (рис. 51).

Найдено около двадцати сравнительно крупных (26×24,26×25,20×14 см и т. д.) и несколько десятков мелких фрагментов живописи и до десятка скульптурных фрагментов.

Техника росписи иная, чем в более ранних образцах. На плоскость стены наносился слой 1—1,5 *см* хорошо отмученной глины в комбинации с рубленой соломой. Поверх нее— тонкий слой известковой побелки, игравшей роль подгрунтовки, по которой выполнялся живописный рисунок минеральными красками, по-видимому, на клеевом растворе. Контуры фигур и изредка орнамента прорисовывались тонкой черной линией. Объемность передана частой штриховкой красными линиями по краям контура. Фон — красноватого цвета, по нему между фигурами — растительные побеги в сочетании с шестилепестковыми цветами. В росписи использованы черный,

Рис. 50. Храм в северной части Дальверзинтепе. Фрагменты живописи третьего периода (прорисовка).

голубой, красный, коричневый и желтый цвета, причем у женских и детских персонажей кожа окрашена в светло-розовый, а у мужского — в красный цвет. Часть фигур передана в фас или с легким поворотом в ту или иную сторону. Судя по количеству фрагментов и границам их распространения, размеры живописного панно достигали немногим более двух метров в длину и около 1,5 *м* в ширину. По краям роспись была оформлена орнаментальными бордюрами, представляющими или сочетание растительных побегов (трилистники и двулистники) с геометрическими фигурами (белые круги на черном фоне) или просто полосы красного, черного, коричневого цветов (рис. 52).

Изображения даны в 1/2 человеческого роста; они объемны и выразительны, хотя

иногда рисунок несколько схематичен, особенно в передаче рук и пальцев у мужского и детских персонажей.

Не останавливаясь на описании каждого из фрагментов, даем общее описание сюжета, росписи, восстановленного в пределах возможного. В представленной сцене присутствовало семь персонажей, из них два женских, один мужской и четыре детских. Они распределяются в нашей реконструкции следующим образом (рис. 53): Справа — изображение сидящей женской фигуры, одетой в приталенное платье с вырезом на груди. Вокруг головы — нимб. Локтем правой руки, закинутой за спину, она опирается на стенку трона в виде крыла птицы, левая рука, вероятно, протянутая к остальной группе, изображена в характерном жесте Sancta benedictia. Сохранились сложенный большой, безымянный, мизинец и поднятый указательный пальцы. Судя по оставшейся части лица оно было повернуто вправо, в противоположную от других персонажей сторону. В правом ухе — круглая серьга, на шее — ожерелье из бус, орнаментированных крестиками, на правой руке — металлический браслет. Часть тела ниже пояса не сохранилась. Наличие вокруг головы нимба, по-видимому, свидетельствует о том, что это богиня, поскольку у других фигур нимба нет (рис. 54).

Слева от нее — изображение другой женской фигуры, вероятно, жрицы, от которой осталась голова и обе руки (рис. 55). Локтем правой руки она опирается на аналогичное крыло птицы или крылатого существа, перед ним — часть шеи и головы. На плече у жрицы запеленутый черноволосый младенец в остроконечном колпачке, которого она при-

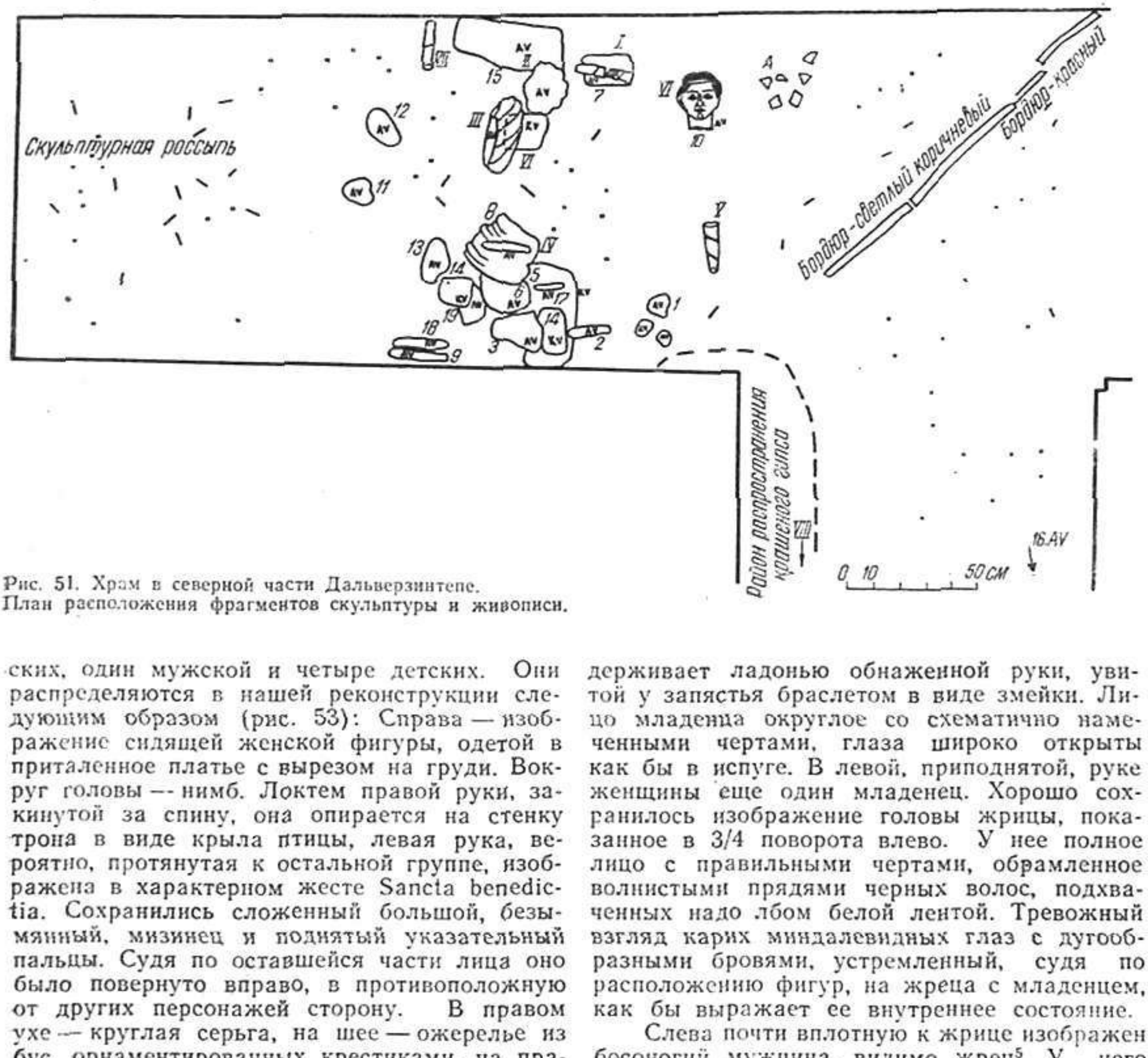


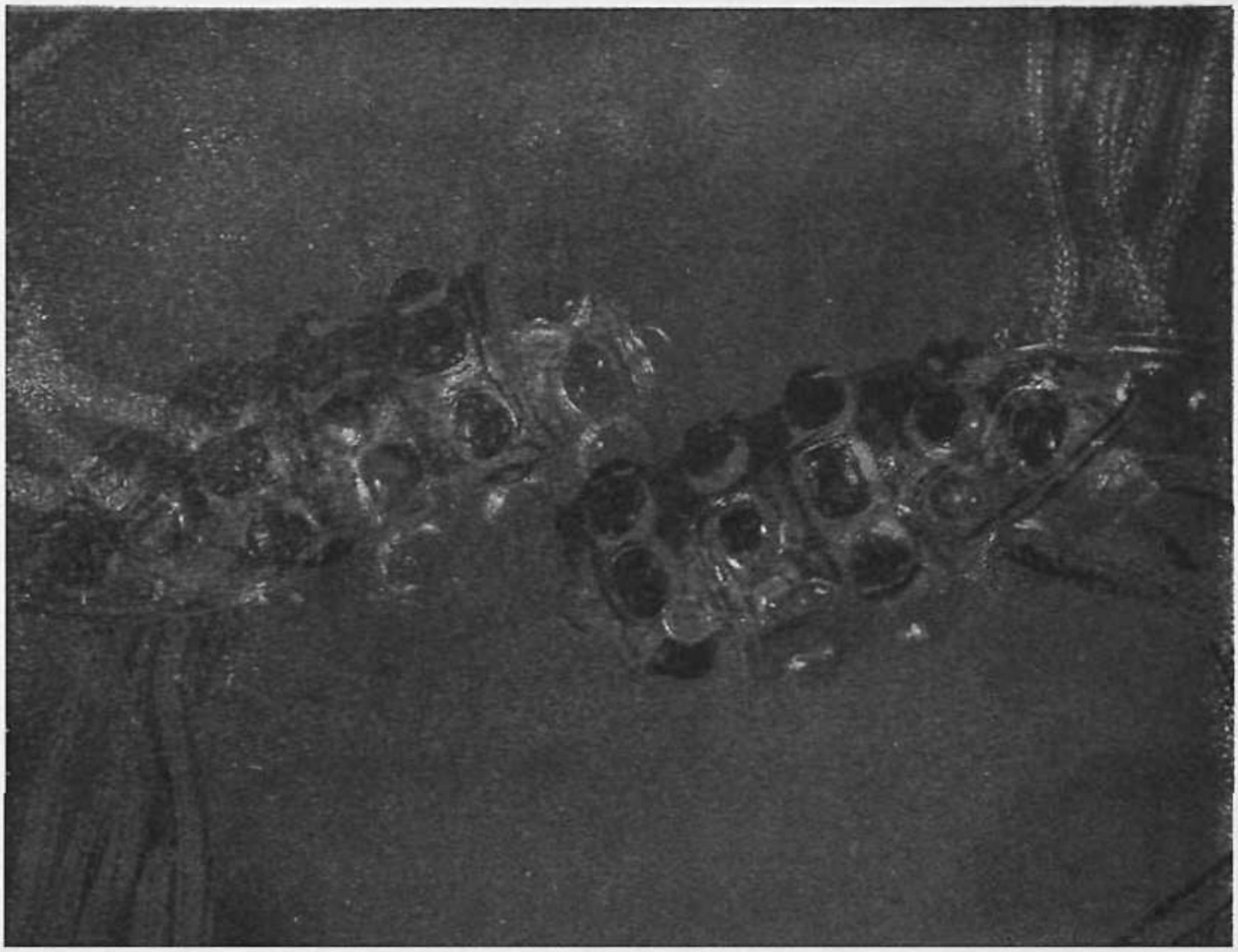
Рис. 51. Храм в северной части Дальверзинтепе.
План расположения фрагментов скульптуры и живописи.

держивает ладонью обнаженной руки, увитой у запястья браслетом в виде змейки. Лицо младенца округлое со схематично намеченными чертами, глаза широко открыты как бы в испуге. В левой, приподнятой, руке женщины еще один младенец. Хорошо сохранилось изображение головы жрицы, показанное в 3/4 поворота влево. У нее полное лицо с правильными чертами, обрамленное волнистыми прядями черных волос, подхваченных надо лбом белой лентой. Тревожный взгляд карих миндалевидных глаз с дугообразными бровями, устремленный, судя по расположению фигур, на жреца с младенцем, как бы выражает ее внутреннее состояние.

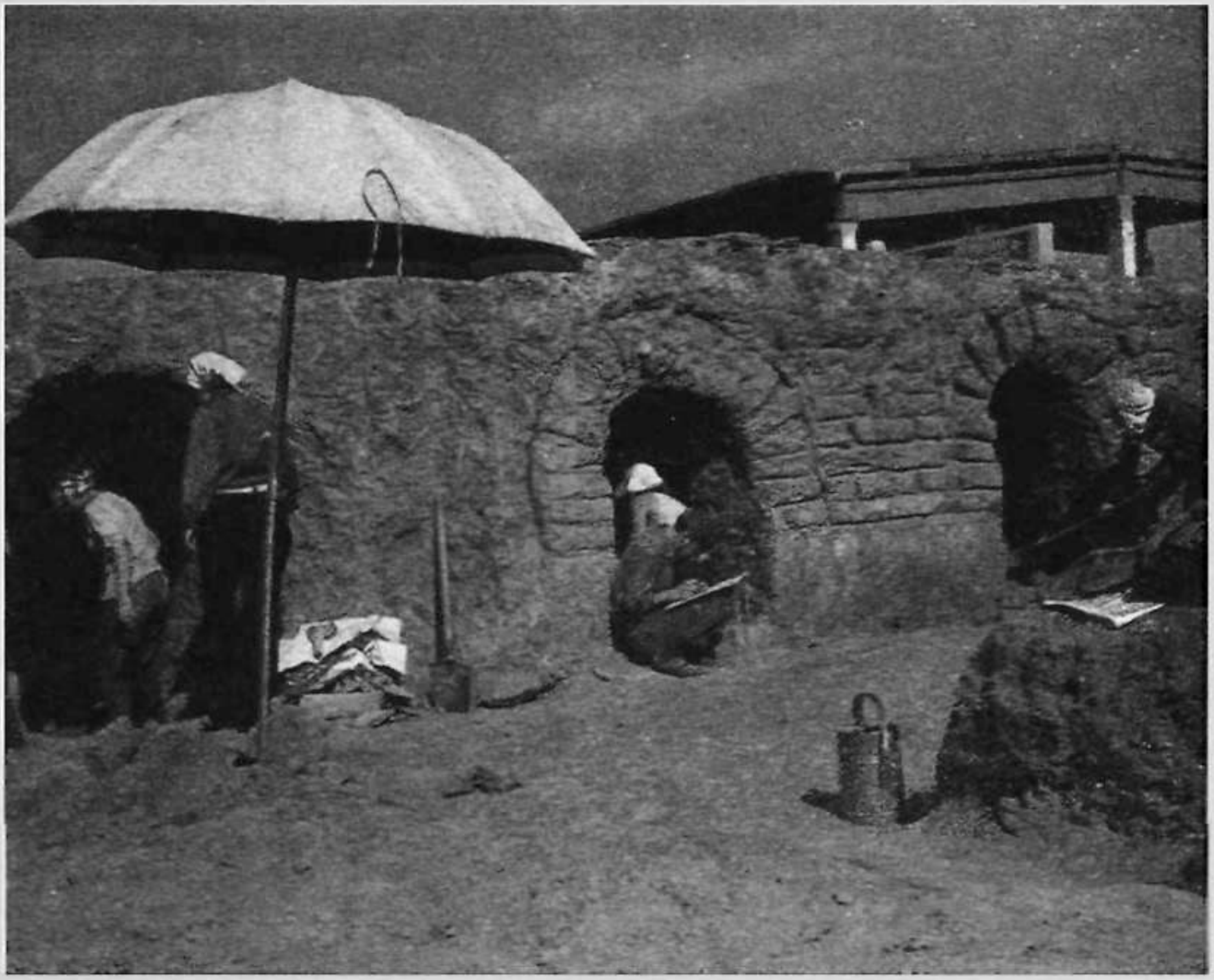
Слева почти вплотную к жрице изображен босоногий мужчина, видимо жрец[5]. У него

[5] Босоногие жрецы в белом одеянии изображены на фреске Конона из храма «Пальмирских богов» в Дура Европос (Cumont p. 54 сл. В храме Астарты в Гиерополисе младшие жрецы в отличие от верховного одевались в белое (История религии, с. 283).

Табл. VII. ОЖЕРЕЛЬЕ (деталь). ЗОЛОТО, БИРЮЗА И АЛЬМАНДИНЫ.



абл. VIII. РАСКОПКИ НАУСА.



полное широкоскулое лицо с черной окладистой бородой и усами, спускающимися концами вниз к бороде, черные волнистые волосы подхвачены надо лбом белой лентой. Одеяние белого цвета с короткими рукавами, вероятно, в виде поколенной рубахи. В позе жреца, как бы выступающей вперед, что подчеркивается положением босой стопы, в его мрачноватом взгляде черных глаз и нахмуренном лбе, заметно стремление к совершению каких-то решительных действий. В согнутых и воздетых руках он держит над головой подмышки младенца в рубашке с вырезом на груди и короткими рукавами. На голове ребенка шапочка в виде треуголки, лицо полное со схематично намеченными контурами носа и рта, глаза закатаны вверх, согнутые руки безвольно опущены вниз.

В представленном сюжете росписи участвовал еще один аналогичный предыдущему по типу младенец, от которого сохранилась часть фигуры до пояса с такими же раскинутыми и безвольно опущенными ручками, но в отличие от других не заметно, чтобы его кто-то держал. Это подтверждается и тем, что в сюжете отмечено всего три взрослых персонажа, в руках у которых младенцы или ничего нет.

Интересен еще один фрагмент, месторасположение которого неясно. На нем изображена свернувшаяся в клубок змея красного цвета, помещенная между красными же кругами.

Выше росписи, вероятно на краю платформы, размещалась небольшая круглообъемная скульптурная группа. Хорошо сохранилась только женская голова одной из скульптур (18×14,5 *см*), выполненной почти в натуральную величину. У нее широкое полное лицо с круглым выдающимся вперед подбородком, прямой с горбинкой нос, маленький рот со сжатыми губами, зрачки небольших глаз намечены врезом. Над узким лбом белая лента, волосы уложены спереди плотными валикообразными прядями, а сзади заплетены в косу (рис. 56). Судя по оставшимся фрагментам, женщина была одета в белое платье, с поколенной красной мантией по-

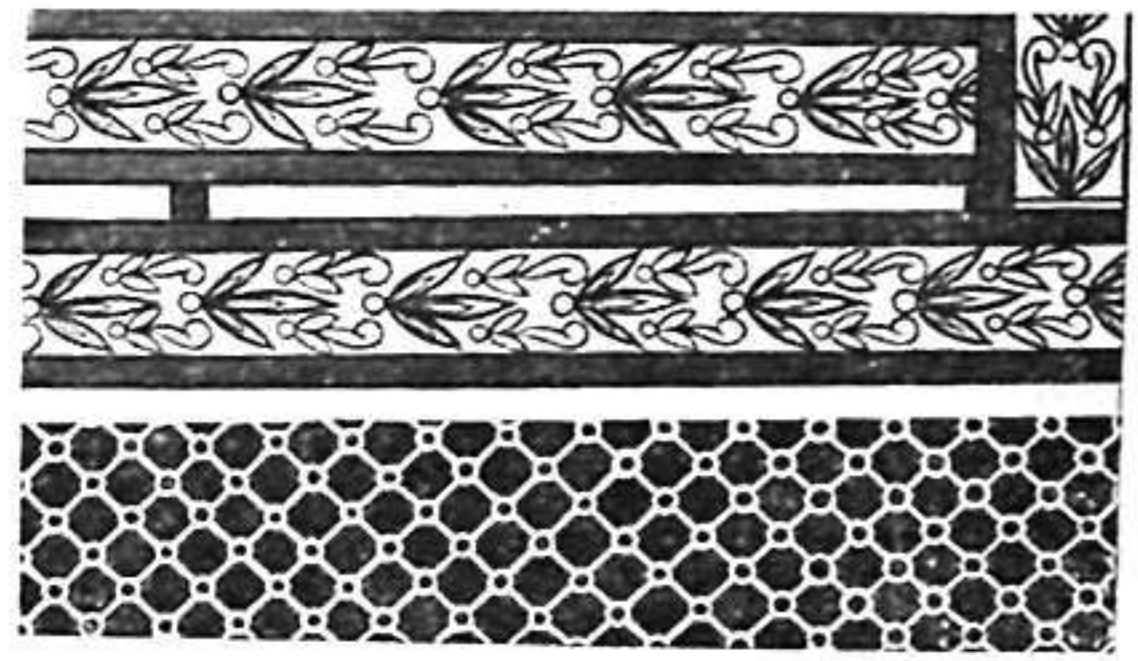


Рис. 52. Храм в северной части Дальверзинтепе. Фрагмент живописи.

Рис. 53. Храм в северной части Дальверзинтепе. Реконструкция живописи.

верх. Размеры статуи и другие детали указывают, что это было главное действующее лицо скульптурной группы, вероятно, богиня, изображенная в сидячей позе. Рядом с ней размещались еще несколько более мелких

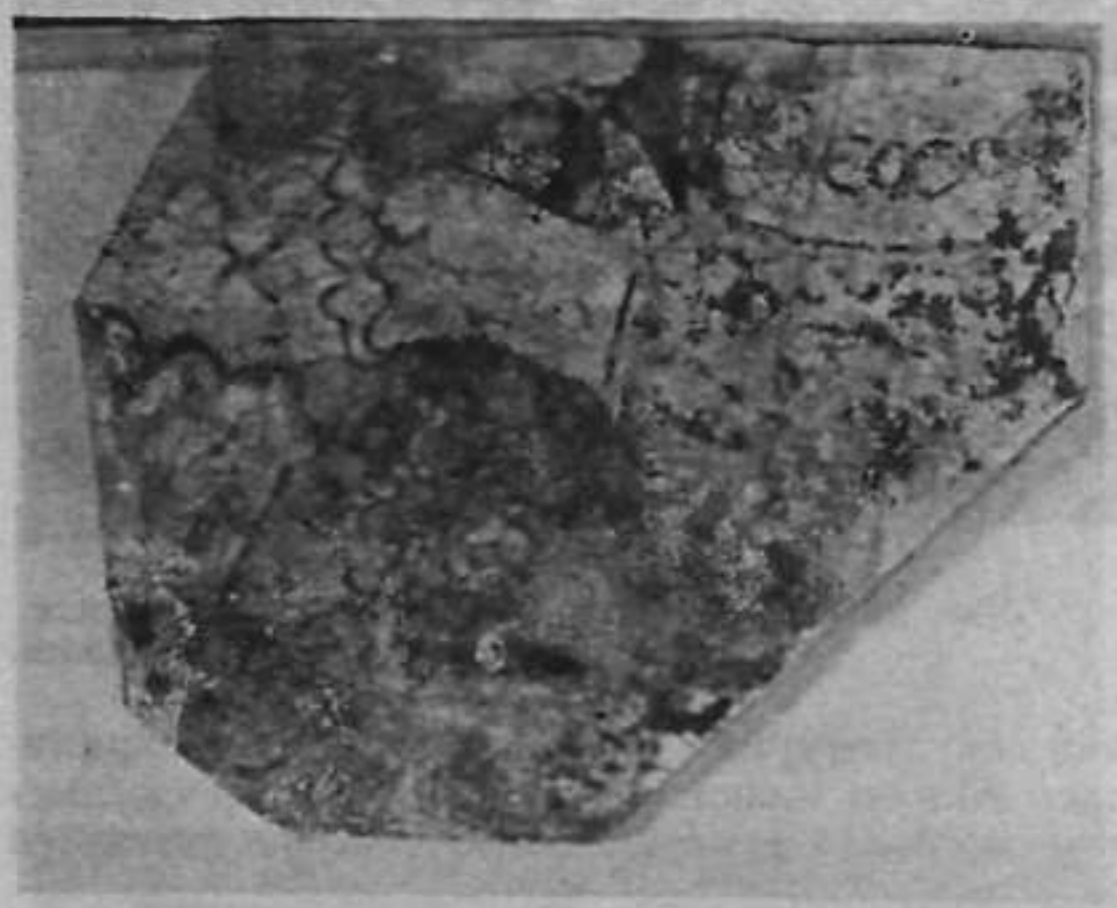


Рис. 54. Храм в северной части Дальверзинтепе. Живопись.

скульптур, от которых остались небольшие фрагменты рук и ног.

По всей вероятности, к той же скульптурной группе относятся фрагменты скульптуры, обнаруженные в пом. 1: у прохода в пом. 4, рядом с суфой и у алтаря — в забутовке последующего периода. Среди них имеются фрагменты ноги в красном сапожке, руки в складчатом платье, остатки ожерелья и другие. Размеры фрагментов 22×6 *см*, 10×5 *см*, 7×7 *см* и т. д. Особый интерес представляет находка лапы хищника или птицы с тремя рельефными когтевидными пальцами (7,5×5 *см*) возможно от трона. Лапа покрыта черной и красной краской. Учитывая эти данные, а также то обстоятельство, что в росписи богиня сидит на троне в виде крылатого существа (грифона?), можно допустить наличие аналогичного изображения и в скульптуре.

Сопоставление всех найденных скульптурных фрагментов показывает, что в скульптуре имелись изображения как взрослых, так и детских фигур. Не является ли это показателем того, что сюжет живописи и скульптуры был близок по содержанию?

Следует отметить также, что верхняя часть стены у потолка в проходе из пом. 1 в пом. 4 украшала роспись по ганчу. Найденные на полу отдельные фрагменты ее передают непрерывный ряд красных кругов с завитками, внутри которых — стилизованные листья, обрисованные черным контуром. Мотив этот сходен с росписью античного дома в Керчи на Митридатовой горе III—II вв. до н. э.[6]

В конце четвертого периода пом. 4 подвергалось разрушению, в результате которого скульптура и роспись были сбиты со стен и фрагменты их частично оказались на полу.

Рис. 55. Храм в северной части Дальверзинтепе. Живопись.

Некоторое время помещение находилось без перекрытия, так как сверху над слоем, содержащим скульптурные и живописные фрагменты, накопился слой надувного песка толщиной до 10—15 *см*.

Пятый строительный период. Уровень пола соответствует 20 *см* IX яруса, или 1,7 *м* от высшей точки холма. Других перестроек не отмечено, поскольку стены этого периода

---

[6] Ростовцев, с. 120; табл. XXXVIII, XXXIX.

сохранились на небольшую величину. В пом. 4 на полу и кое-где на стенах отмечены остатки росписи в виде каких-то орнаментальных мотивов, по-видимому, оформляющих проход из пом. 4 в пом. 1. Найдены и отдельные фрагменты скульптуры, которая в отличие от предыдущей изготовлена с большой примесью речного песка; другое отличие состоит в том, что красная краска наносилась непосредственно на глину, а не на белую подгрунтовку, как прежде.

Шестой строительный период. Уровень пола соответствует началу VI яруса, или 10—15 *см* от высшей точки холма. Прослежен частично только в помещениях 1, 4 и 6, поскольку другие помещения не сохранились на такую высоту.

Таким образом, раскопки выявили весьма сложную стратиграфию, в которой отражена история сложения, развития и упадка существовавшего здесь здания (рис. 57).

Прежде чем перейти к датировке и интерпретации здания, отметим, что почти для всех выделенных строительных периодов имеются находки монет, которые вкупе с иным археологическим материалом определяют их даты. Оговоримся, что при датировке найденных кушанских монет мы исходим из отнесения начальной даты правления Каниш ки в пределах рубежа I/II вв. н. э. ± четверть века.

Комплекс керамики из жилища первого строительного горизонта невелик, но среди него имеется ряд характерных форм (рис. 58—1). Это стенки хумов цилиндроконической формы с мягким перегибом у дна, напоминающие сосуды ахеменидского времени, но отличающиеся от них более плавными очертаниями перегиба. По этим показателям они более всего схожи с керамикой нижнего слоя Халчаяна, отнесенной Г. А. Пугаченковой к IV—III вв. до н. э.[7] Аналогичен здесь и светлый ангоб. Кроме того, в данном комплексе представлены фрагменты тонкостенных чаш с прямыми и клювовидными венчиками, покрытых светлым и изредка красноватым ангобом, характерным для керамики греко-бактрийского времени (III—II вв. до н. э.)*. Датировку керамики, а следовательно и времени существования жилища, уточняет монета Евтидема (230—200 гг. до н. э.), найденная в переотложенном состоянии в верхнем слое помещения 2. По всей вероятности, она происходит из нижнего горизонта.

[7] Пугаченкова, 1966 а, с. 32, рис. II* См. керамику из нижних слоев раскопов Дт-2, Дт-4, Дт Ц-1, там же приведены ссылки на соответствующую литературу.

Наличие ее позволяет датировать первый строительный период в пределах конца III—первой половины II в. до н. э., учитывая при этом незначительную толщину культурного слоя. Сосуществование банкообразных сосудов с подкосом в одном слое и тонкостенных чаш с клювовидными венчиками показывает, что эта форма керамики, хотя и несколько измененная, продолжала бытовать еще и в греко-бактрийское время.

Спустя некоторое время после запустения жилища, над которым успел накопиться не-

Рис. 56. Храм в северной части Дальверзинтепе. Голова богини.

большой слой надувного песка, на холме было построено многокомнатное здание второго строительного периода. Монет на уровне этого строительного горизонта не найдено, но стратиграфически он хорошо зажат между первым и третьим строительными периодами.

Первый строительный период датируется концом III—началом II вв. до н. э., третий — монетами Сотера Мегаса и Вимы Кадфиза, относящимися к I в. н. э.[8] Таким образом, второй строительный период можно датировать второй половиной II в. до н. э. — до рубежа н. э. Эту датировку подкрепляет и небольшой, но выразительный комплекс керамики, полученный в помещении 2 (рис. 58). Керамика характеризуется высоким качеством красноватого по цвету черепка, равномерностью обжига. В отличие от керамики предыдущего слоя столовые сосуды целиком или до середины покрыты ангобом в основном темно-красного или красного цвета, изредка встречается и светлый ангоб. Среди форм преобладают чаши на невысоком поддоне, резервуары их — плавных очертаний, иногда с перегибом в центре, венчики отогнуты наружу. Встречают-

[8] Массон, 1950, стр. 30.

ся чаши со слабо выраженным клювовидным венчиком. В комплексе имеются и ножки бокалов. Если придерживаться метода аналогий из недалеко расположенных памятников, то наибольшее сходство полученный комплекс имеет в керамике из слоя Ш—III и Ш—IV, в Халчаяне (II—I вв. до н. э.), Кобадиане (III в.) и некоторых формах чаш из Тулхарского могильника (последняя треть II в. до н. э.— начало I в. н. э.)*. Подчеркнем, что между вторым и третьим, а также между третьим и четвертым периодами не было большого перерыва во времени, так как между ними не обнаружено никаких стерильных прослоек, которые бы свидетельствовали об этапах упадка или запустения.

В пом. 3 и 8 на уровне пола, относящегося к третьему строительному периоду, обнаружены две медные монеты Сотера Мегаса, а в пом. 1 (несколько выше) монета Вимы Кадфиза. Таким образом, датировка третьего периода временем Сотера Мегаса и Кадфиза II не вызывает сомнения.

Время четвертого строительного периода также определяется достаточно четко. Под возведенной в этот период восточной стеной пом. 4 найдена монета Канишки, которая была, по-видимому, специально туда положена при строительстве. Если же учесть, что пятый строительный горизонт, перекрывающий предшествующий период, датируется монетами Васудевы I, то отнесение четвертого периода ко времени Канишки, к концу I в.— первой половине II в. н. э. наиболее вероятно. Соответственно можно датировать живопись и скульптуру третьего и четвертого периодов. Не вдаваясь в подробности, отметим, что по технике и стилю живопись третьего и особенно четвертого строительных периодов наиболее близка живописи Халчаяна (рубеж н. э.)[9], а некоторые детали находят аналогии в росписях Фаязтепе (между концом I — первой половиной III в. н. э.)[10], Топрак-калы (III в. н. э.)[11]

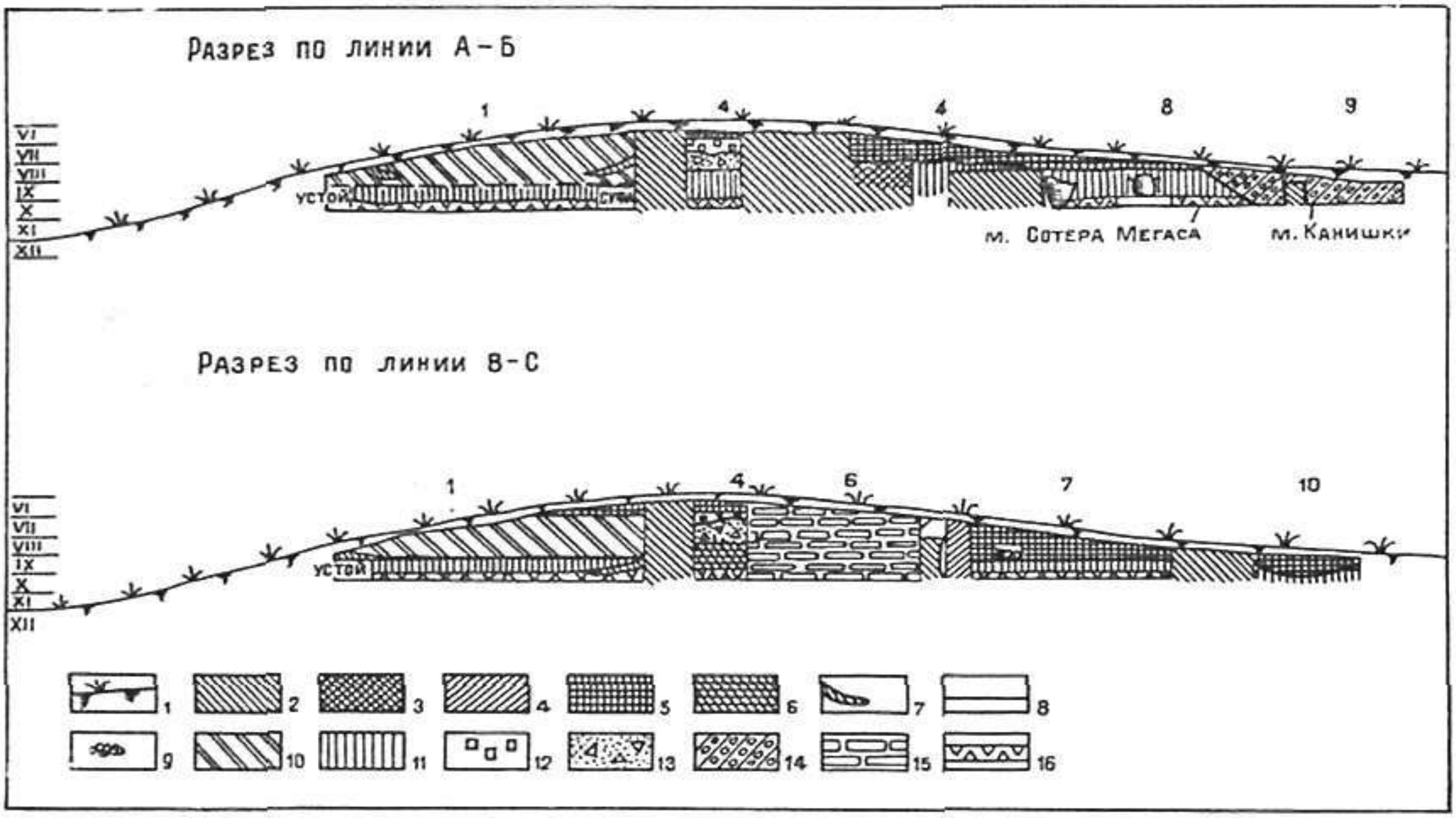


Рис. 57. Храм Дт-7 в северной части Дальверзинтепе. Разрезы.

Условные обозначения: *1* — дерновый слой; *2* — первый этап II периода; *3* — второй этап II периода; *4* — третий этап II периода; *5* — рыхлый слой с керамикой, костями, угольками, золой; *6* — завал из обломков сырцового кирпича, фрагментов живописи и скульптуры; *7* — слой упавшей штукатурки; *8* — пол; *9* — камни; *10* — очень плотный завал из пахсы, сырца (забутовка) и штукатурки; *11* — слой средней плотности с керамикой; *12* — слой упавшей стены; *13* — слой надувного песка с кусочками живописи, скульптуры; *14* — завал из разрушенных кладок; *15* — закладка из сырцового кирпича 38×38×10, 40×40×10,11; *16* — рыхлый слой серовато-желтого цвета.

* Ссылки на соответствующую литературу приведены в статье о дальверзинском наусе, где имеется аналогичная керамика.

[9] Пугаченкова, 1966 *а*, с. 144—153.

[10] Альбаум, 1974, с. 57, а также наши собственные наблюдения.

[11] Толстов, 1948, с. 186—188.

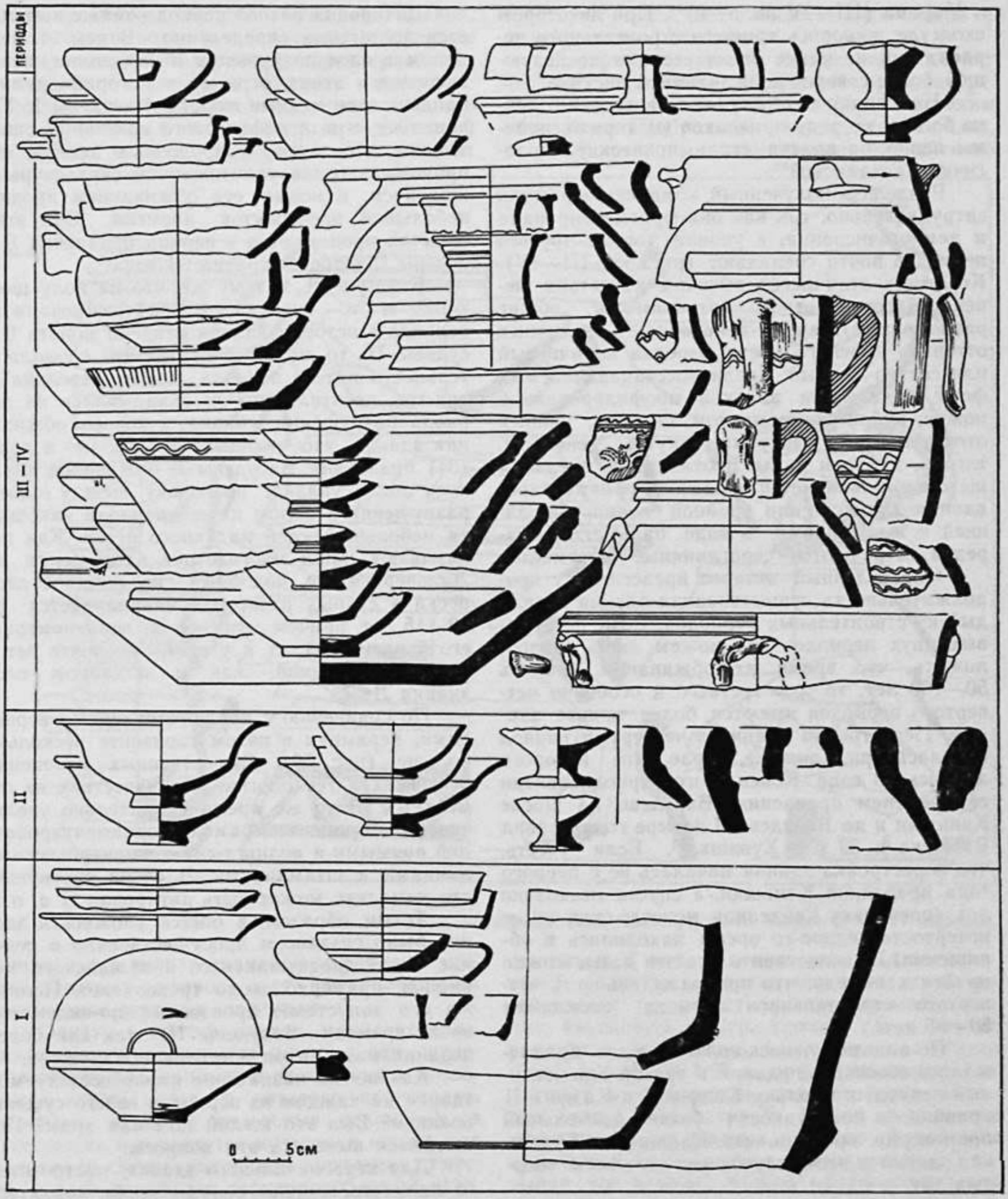


Рис. 58. Храм в северной части Дальверзинтепе. Керамика I, II и III, IV периодов.

и Мирана (III—IV вв. н. э.)[12]. При некотором сходстве живопись третьего строительного периода тем не менее отличается от последующей более совершенной техникой рисунка.

Найденная скульптура, в частности головка богини, по ряду признаков (материал, приемы лепки, раскраска, стиль, прически) аналогична халчаянской[13].

Разделить полученный комплекс керамики затруднительно, так как она фрагментирована и немногочисленна, а уровни того и другого периодов почти совпадают (рис. 58—III—IV). Керамика отличается высоким качеством черепка (тесто плотное, без примесей, обжиг равномерный), ангоб в основном различных оттенков красного цвета, изредка коричневый или светло-желтый. Среди восстанавливаемых форм бокалы на высокой профилированной ножке, кубки на невысоком поддоне, чаши с отогнутым или загнутым внутрь венчиком, тагора, хумча и хумы. В отличие от предыдущего слоя появляется керамика, орнаментированная двойной или тройной волнистой линией и штампиками, в виде пальметток, изредка встречаются сероглиняные фрагменты.

Определенный интерес представляет продолжительность существования здания в каждый из строительных периодов. Если для первых двух периодов мы можем лишь предположить, что время их обживания длилось 50—100 лет, то для третьего и особенно четвертого периодов имеются более точные данные. Перестройка здания в четвертый период началась при Канишке, правление которого длилось 23 года. Конец этого периода связан со временем правления Васудевы I. После Канишки и до Васудевы I четыре года правил Васишка и 32 г. — Хувишка[14]. Если учесть, что перестройка здания началась не с первого года правления Канишки, а спустя несколько лет (поскольку найденная монета, судя по ее потертости, какое-то время находилась в обращении), и сопоставить все эти даты, можно прийти к выводу, что продолжительность четвертого строительного периода составляет 50—55 лет.

По-видимому, несколько дольше продолжалось обживание здания в третий строительный период, поскольку Кадфиз I и Кадфиз II правили в совокупности более длительный промежуток времени, чем Канишка и Хувишка, однако в этом случае мы не имеем твердых дат.

Датировка пятого периода также выявляется достаточно определенно. В пом. 4 под полом в слое разрушения и над полом, относящимся к этому периоду в истории здания, найдены две медные монеты Васудевы I. Условия их стратиграфического залегания показывают, что между разрушением здания, сопровождавшимся уничтожением скульптуры и живописи, и новым его обживанием прошел небольшой промежуток времени. Оба этих события происходили в период правления Васудевы I, который правил 34 года[15].

Если учесть, к тому же, что на полу шестого, т. е. последнего,— зафиксированного периода в истории здания найдена монета Васудевы II, то можно считать, что продолжительность пятого периода была невелика — два-три десятилетия. Он складывался из периода разрушения, упадка и нового обживания здания, что укладывается только в годы (34) правления Васудевы I; обживание началось после упадка, поскольку между слоем разрушения и полом пятого периода накопился небольшой слой надувного песка. Как показывают наши многолетние наблюдения на Дальверзинтепе, подобный по толщине слой песка в старых раскопах накапливается за 10—15 лет, причем залегает он неравномерно: его больше в углах и у стен, и почти нет в центре помещений, как и в данном слое здания Дт-7.

По сравнению с предшествующими периодами, керамики в пятом горизонте несколько больше (рис. 59). Существенных изменений в формах и технологических качествах не отмечается. В то же время значительно увеличивается процент керамики, орнаментированной прямыми и волнистыми концентрическими линиями и штампиками. В своей совокупности комплекс может быть датирован II в. н. э.

Таким образом, в общей сложности здание было создано и просуществовало в течение всего предкушанского и кушанского периодов, примерно около трехсот лет. Полное же его запустение произошло, по-видимому, после времени Васудевы II, так как более поздних материалов здесь не обнаружено.

Каково же назначение имело исследуемое здание на каждом из периодов своего существования? Был это жилой дом или храм? Попытаемся выяснить эти вопросы.

Для первоначального здания, построенного на месте жилища-полуземлянки, характерно наличие сравнительно больших, сообщающихся между собой системой широких и

---

[12] Stein.
[13] Пугаченкова, Тургунов, с. 68.
[14] Зеймаль, 1968, с. 29.
[15] Зеймаль, 1968, с. 29.

узких проходов помещений, возможно, айвана, обращенного во двор с хаузом, отсутствие планировочной замкнутости, характерной для храмовой архитектуры Востока античного времени. За исключением культовой ниши в пом. 7 (которая могла быть и в домашней молельне) в нем не обнаружено никаких

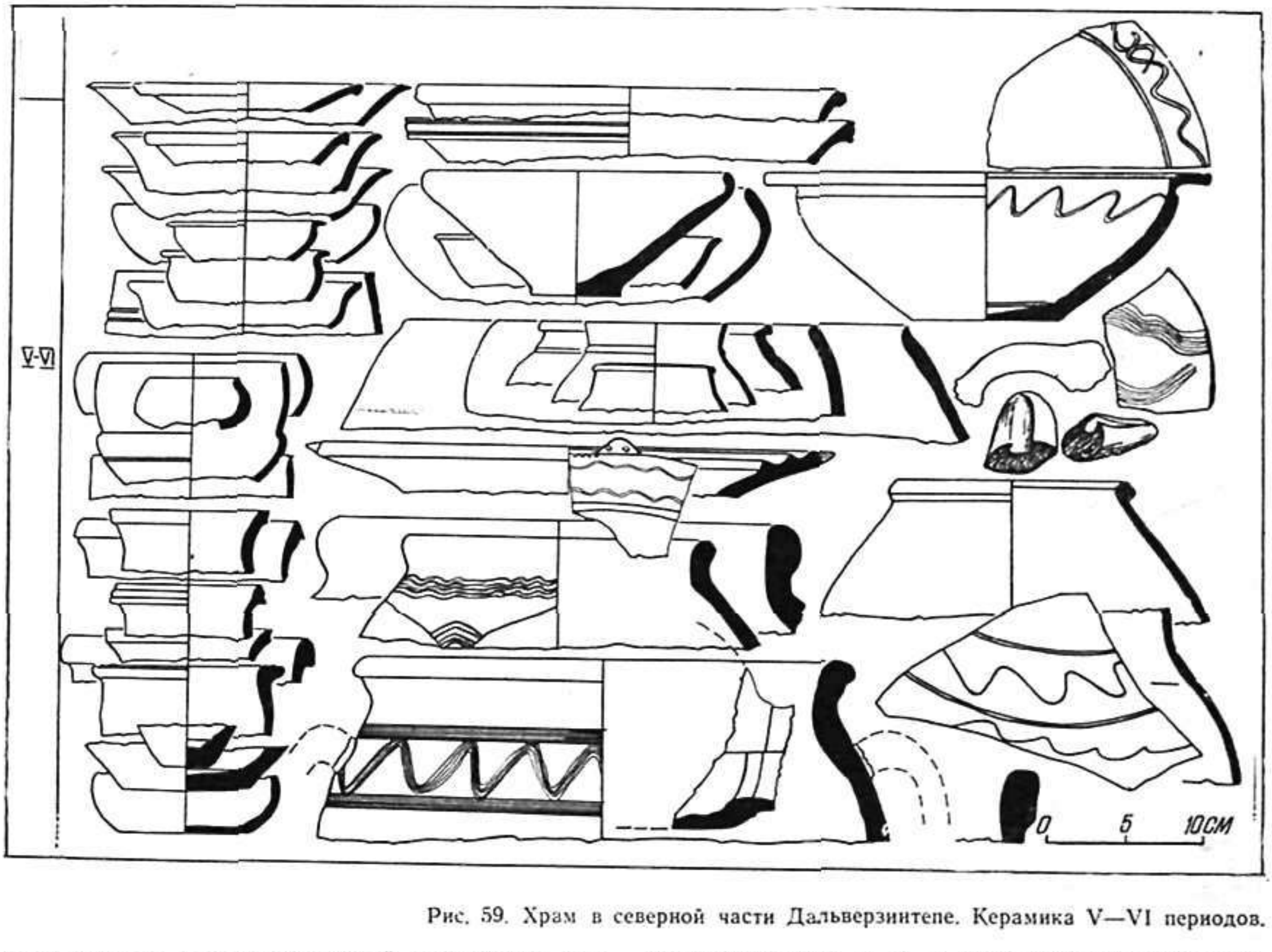


Рис. 59. Храм в северной части Дальверзинтепе. Керамика V—VI периодов.

предметов в пользу храмовой атрибуции здания. Поэтому вопрос о его первоначальном назначении остается открытым.

Однако в третий период его назначение, по-видимому, становится иным, о чем свидетельствует ряд данных: в помещении 1 возводится алтарь огня, у которого происходят, вероятно, какие-то культовые церемонии, в помещении 8 появляется культовая нишка для установки светильников или курильниц, вместо айвана возникает коридорообразный вход, сокращается площадь некоторых помещений и по крайней мере половина из них становится не пригодной для постоянного проживания. Во всех других помещениях (кроме 1-го) отсутствуют суфы, нет хозяйственных очагов и хозяйственных отходов.

Центральная часть здания приобретает черты, свойственные храмовой архитектуре. Его планировка: глухая платформа с узким обводным П-образным коридором близка, с одной стороны, планировке буддийского святилища I в. н. э. в пригороде Дальверзинтепе[16], с другой стороны, ощутимое сходство отмечается при сопоставлении с целлой главного святилища в Сурх-Котале, где в центре находится массивная каменная платформа площадью 4,65×4,65 *м*, предназначенная, как считают исследователи, для установки вотивных статуй или алтаря[17]. В нем появляется живопись и скульптура, однако фрагменты невелики и не поддаются интерпретации. Учитывая эти данные, можно предположить, что

[16] Пугаченкова; 1971, с. 4, с. 196, рис. 8.
[17] Schlumberger, 1961, p. 80, p. III; Rosenfield, p. 162—163.

в третий период здание было преобразовано в храм. Характер культа пока остается неясным. Во всяком случае наличие алтарей огня и ниш для возжигания, возможно, свидетельствует о большой роли культа огня.

Архитектура здания четвертого периода еще более отвечает идее планировочной замкнутости, заложенной в храмовой архитектуре античного Востока, где преобладают узкие коридорообразные помещения, еще более сокращается площадь бытовых помещений. Так, если при общей площади здания в 600 *кв. м* они занимали во втором периоде 306 *кв. м*, то в третьем — 265 *кв. м*, а в четвертом — 228 *кв. м*.

Планировочная структура приобрела иные формы: почти вся центральная часть здания оказалась занятой в третьем периоде сплошным глухим массивом — платформой, вместо упомянутого свободного П-образного коридора остался Г-образный коридор, охватывающий платформу с двух сторон. Данный план не имеет пока аналогий в архитектуре кушанского времени, хотя следует отметить, что здания с обводным коридором и коридорообразными помещениями, охватывающими зал или платформу, были широко распространены на территории Бактрии и Парфии[18]. Наличие культовых ниш и алтаря, отсутствие находок бытовых предметов и, наконец, скульптура и живопись отнюдь не светского содержания — все это свидетельствует в пользу храмового назначения здания.

Характер культа и для данного периода остается не совсем ясным, хотя в какой-то мере ключ к его расшифровке содержится в живописи. Сюжет ее уникален и не имеет аналогий в памятниках настенной живописи синхронного или близкого времени на территории не только Средней Азии, но и всего Среднего Востока (Дура—Европос, Кух-и Ходжа, Халчаян, Дильберджин, Фаязтепе, Топрак-кала, Миран)[19].

Г. А. Пугаченкова высказала предположение, что семантика представленной композиции связана с почитанием «великой богини Ордохшо, покровительницы домашнего очага, благоденствия, к которой служители ее культа простирают малых детей, как бы призывая на них благоденствие и благодать», а само здание она трактует как дом, в котором центральная часть выполняла функции домашней молельни[20]. Л. И. Рempель допускает, что в сюжете живописи, возможно, отражен эпизод из греческой мифологии, связанный с безумием Геракла, уничтожившего своих детей.

Более подробной интерпретации и характеристике живописи четвертого периода автор предполагает посвятить специальную статью. Здесь мы вкратце остановимся на некоторых наиболее важных, на наш взгляд, моментах. Подчеркнем прежде всего, что не только в скульптуре, но и в сюжете живописи имелось изображение богини. Причем особенно важно, что богиня показана сидящей на спине крылатого существа или на троне в виде этого существа, которое, исходя из ряда иконографических деталей, можно трактовать как грифон. Среди четырех официально признанных в кушанском пантеоне богинь — Наны, Ордохшо, Ваниды, Селены только две первые изображаются как в стоячей, так и в сидячей позе. Однако судя по монетам Канишки, Хувишки и Васудевы II, Ордохшо изображалась сидящей на обыкновенном троне типа кресла со спинкой и резными ножками, но нигде — на зооморфном троне. Нет изображений Ордохшо на подобном троне и среди сопоставленных с ней многочисленной серии терракотовых статуэток из Северной Бактрии.

В то же время богиня Нана на одном типе монет Хувишки и на печати с ее именем показана сидящей на льве, причем она изображена во фронтальной позе, но с поворотом головы в профиль вправо[21], так же, как богиня в данной росписи. Напомним, что и среди найденной скульптуры имеется фрагмент когтистой лапы хищника, который также мог быть частью зооморфного трона. Не столь важным кажется различие животных, на которых восседала богиня (на монетах — лев, в росписи — грифон), поскольку образ грифона семантически был тождествен льву[22].

К. В. Тревер связывает с Наной изображение богини, сидящей не только на льве, но и на крылатом чудовище[23]. Широкое распространение культа Наны в кушанской среде было не менее, а может быть и более значительным, чем Ордохшо. Об этом, в частности, свидетельствует монетный чекан Канишки и Хувишки: так, если Ордохшо представлена всего на четырех, то Нана — на двенадцати типах монет[24].

---

[15] Пугаченкова, 1973, с. 122, 129.

[19] Stein, 1921. Rostovtzeff, 1938; Excavations at Dura — Europos, 1956; Herzfeld, 1935, p. 71—74; Herzfeld, 1941, p. 293, pl. CII. Пугаченкова, 1966а, с. 144—153; Кругликова 1974; Альбаум, 1974, с. 74—75; Ставиский, с. 31—35; Толстов, 1948а, с. 176—186.

[20] Пугаченкова, 1974, с. 130—131; Пугаченкова, Тургунов, с. 68.

[21] Rosenfield, p. 84—85, fig. 10m, VII, 142.

[22] Кузьмина, с. 69.

[23] Тревер, 1958, с. 137/138.

[24] Rosenfield, p. 74, 83, 84.

Исходя из приведенных данных, допустимо предположить, что, вероятно, именно эта богиня изображена в нашей живописи, а само здание, следовательно, можно трактовать как храм богини Наны. Не случайно, по-видимому, в живописи, наряду с крылатым существом, имеется изображение змей и птицы, так как Нана являлась владычицей зверей, богиней животного мира[25]. С другой стороны, несомненна связь богини в данном сюжете с растительным миром. Вдоль ее фигуры на красном фоне разбросаны ветвистые растения с бутонами и распустившимися цветами, семантика которых, по-видимому, связана с идеей пробуждения природы. Поэтому можно допустить, что в кушанском пантеоне богиня Нана являлась не только богиней животного мира, как считала К. В. Тревер, разграничивая функции Наны (богиня животного мира) и Ордохшо (богиня растительности)[26], но и богиней растительности и деревьев, подобно греческой Артемиде[27].

Другим, несомненно важным обстоятельством, является присутствие в сюжете росписи четверых детей. Двое из них, вероятно, мальчики, а двое — девочки, судя по различию в головных уборах, прическе и по особенностям фигуры. Два младенца помещены на плечах у жрицы, третий вознесен жрецом над головой, положение четвертого неясно. Характер расположения фигур жрицы и жреца позволяет трактовать их действия следующим образом: жрица передает детей жрецу, совершающему обряд, причем лицо ее в тревожном волнении обращено к жрецу. В таком же тревожном ожидании лицо жреца, обращенного к богине.

Причины этих действий и характер обряда, совершаемого с детьми, трудно объяснить из-за крайней фрагментарности росписи.

Каждая из гипотез остается спорной. Можно лишь допустить, что в сюжете живописи отражен обряд посвящения детей Нане, смысловая нагрузка которого остается неясной, однако это лишь один из возможных вариантов решения проблемы.

[*Дополнение Г. А. Пугаченковой*]

Датировку периода IV объекта Дт-7 существенно уточняет глиняная статуя богини. Техника ее выполнения идентична халчаянской[28]. Тип лица (общий овал, утяжеленный подбородок, очертания глаз) сходен с лицом богини или знатной дамы в многозубчатом головном уборе из айвана халчаянского двора[29]. Сходен и общий стиль, само отношение к модели: выражение холодного достоинства в лице (это богиня!) выдержано в той реалистической манере, которая присуща халчаянским статуям. Вместе с тем обращает внимание одно отличие — прически. Хотя, как и у халчаянских скульптур, лоб богини охвачен начельной лентой, волосы разделены на пробор, но не обрамляют лицо крупными прядями, а убраны назад мелко-плоеными прядками и заплетены в широкую косу.

Сходную уборку волос мы видим у женской головки, украшающей эмблемату из Боскореальской сокровищницы, для датировки которой извержение Везувия в 79 г. ставит terminus ante quem, хотя есть в ней предметы и более ранние[30]. В Риме подобные прически употреблялись во времена Клавдия (41—54 гг.), о чем свидетельствуют скульптуры данного периода и портрет Антонии Младшей на монетах этого императора[31].

Д. Шлюмберже уже было отмечено проникновение другого типа римских куафюр в зону кушанских владений, отраженное в памятниках искусства из Бергама (I в.) и Матхуры (I—II вв.)[32]. Речь идет о прическе с узлом на затылке и шишкообразным валиком надо лбом (скульптурные портреты Октавии Старшей, Ливии, Антонии Младшей и др.)[33]. Она появляется в Риме с 43 г. до н. э. и держится еще при Августе. Д. Шлюмберже полагает, что на кушанской почве ее стали имитировать позднее, в связи с широким проникновением с I в. римского художественного экспорта[34]. Однако в Бактрии она не встречается.

Описанная нами прическа с косой могла быть заимствована с произведений искусства римского мира, причем с известным запозданием. Уместно, однако, высказать и иное: а не имел ли место обратный процесс влияния Востока на капризы женских мод в Вечном городе?

Сходная с дальверзинской прическа с косой известна по двум каменным статуэткам из Таксилы, обнаруженным в сако-парфянском слое (до 70-х гг. I в. н. э.)[35]. Дж. Маршалл усматривал если и не привозное происхождение этих фигурок, то по крайней мере внешнее влияние на их иконографию. В этом

---

[25] Тревер, 1958, с. 143.
[26] Там же.
[27] Мифологический словарь, с. 31—32.
[28] Пугаченкова, 1971 а, с. 20.
[29] Там же, с. 79, рис. 91—92.
[30] Reinach, p. 83.
[31] Harrisson, p. 22—23, pl. 9—10.
[32] Schlimberger, 1966, p. 587 s. сл. CXV—CXVIII; Von Heintze, s. 7, Abb. 4—ai5.
[33] Poulsen, pp. 65—66, 76—77, 107—108, pl. LII—LIX, LXVII—LXIX.
[34] Schlumberger, 1966, p. 593c.
[35] Hargreaves, t. 111, pl. 211, NN 3, 4.

он, видимо, прав, причем можно предположить именно бактрийское влияние. Ибо образ богини из храма Дт-7 на Дальверзинтепе оказался не уникален.

На городище были найдены две однотипные терракотовые лепные статуэтки: одна подъемная, почти целая, от другой дошла лишь полуоббитая головка, обнаруженная на раскопе Дт-10 в слое, стратиграфически датируемом не позднее времени Канишки. Опи-

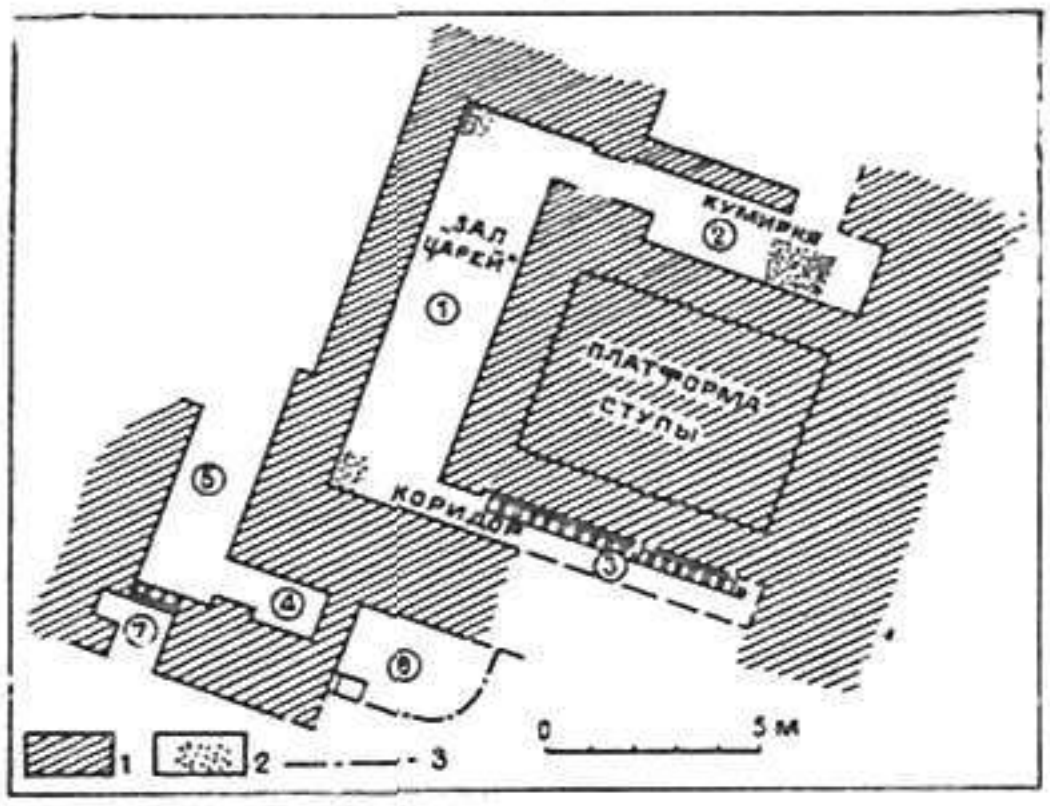


Рис. 60. Буддийское святилище в загородной зоне Дальверзинтепе. План.

Условные обозначения: *1* — пахса; *2* — прокаленная глина; *3* — контур позднейшего захоронения.

шем первую. Она сделана из валика глины с устойчивым срезом, от валика оттянуты руки, налепные шишечки грудей, нажимами пальцев сформована голова и на нее плотно налеплена прическа и нанесены заостренным инструментом черты лица и пряди волос. Прическа — с прямым пробором и толстой косой, спускающейся на спину (рис. 114, тип. I).

Эти грубоватые обрезки повторяют в массовой продукции огрубленный скульптурный образ из святилища Дт-7, где он исполнен высоких художественных достоинств. Причем вполне вероятно, что данная скульптура является лишь повторением какой-то более монументальной статуи, стоявшей в главном храме Великой богини, располагавшемся либо на Дальверзинтепе, либо в ином из городов Бактрии.

Привлеченные выше аналогии определяют нижний хронологический предел скульптуры из храма Дт-7 серединой I — началом II вв. н. э., с чем согласуются и монетные находки и данные стратиграфических наблюдений, приведенные в статье Э. В. Ртвеладзе.

БУДДИЙСКОЕ СВЯТИЛИЩЕ В ЗАГОРОДНОЙ ЗОНЕ

Метрах в четырехстах к северу от городской стены Дальверзинтепе при вспашке в 1966—1967 гг. колхозных полей было срезано два небольших отлогих холма. По счастью, снесенным оказалось не все, так как древний погребенный уровень залегает здесь ниже современного на 80—90 *см*. Ранней весной 1967 г. авторам, прибывшим с целью определения на городище пунктов стационарных раскопок, стало известно, что при вспашке были найдены гипсовые скульптурные фрагменты. Об этом нас поставил в известность наш бывший землекоп, а ныне колхозный тракторист Н. Мурадов. После предварительного осмотра участка и сбора с поверхности ряда фрагментов, по договоренности с председателем колхоза он был изолирован от засева хлопком и в 1967—1968 гг. нами были осуществлены его раскопки.

Оказалось, что этот объект (под шифром Дт-1) включает небольшое буддийское святилище[36]. Его основали на небольшом естественном холме, лессовую толщу которого строители остроумно использовали, вырезав в ней центральный прямоугольный массив, послуживший пьедесталом ступы, и углубив полы прилежащих помещений так, что образовались как бы лессовые цоколи стен. В начале раскопок эти цоколи и платформа были приняты нами за пахсу и лишь затем удалось опознать, что это сам материковый лесс. Эти-то отделы и достались после распашки археологам.

Ориентация здания — со склонением осей до 20° относительно стран света. Центральный массив (8×7—7,70 *м*) охвачен с трех сторон взаимосвязанными продолговатыми помещениями (рис. 60).

Северный отдел (5,5×1,8 *м*) являлся кумирней. Об этом позволяет судить состав статуй, включавших крупную фигуру Будды и окружавших его гениев и дэватов буддийского пантеона, а также возжигание возле этой скульптурной композиции огня, о чем свидетельствуют продолговатое, окаленное пятно на полу и находка светильников. Вход в кумирню располагался у северо-восточного угла.

Узкий длинный проход соединял кумирню с западным помещением (9,9×2,35 *м*), условно названным «залом царей», поскольку в оформление его входила скульптурная группа, изображавшая Будду, монахов и правителя с приближенными. Окаленная глина в углах зала и фрагменты светильников служат

[36] Г. А. Пугаченкова, 1971, с. 197 и сл.

показателем того, что и здесь возжигался огонь.

Южный коридор (10×1,1 *м*) имел, очевидно, служебное назначение. В его основании вдоль центральной платформы тянется в один ряд выкладка сырца (31—32×31—32×11 *см*).

С восточной стороны прямоугольник платформы сливается с материковым лессом вплоть до уровня современной распашки.

За стенами «зала царей» и коридора, в юго-западном участке оконтурены еще четыре

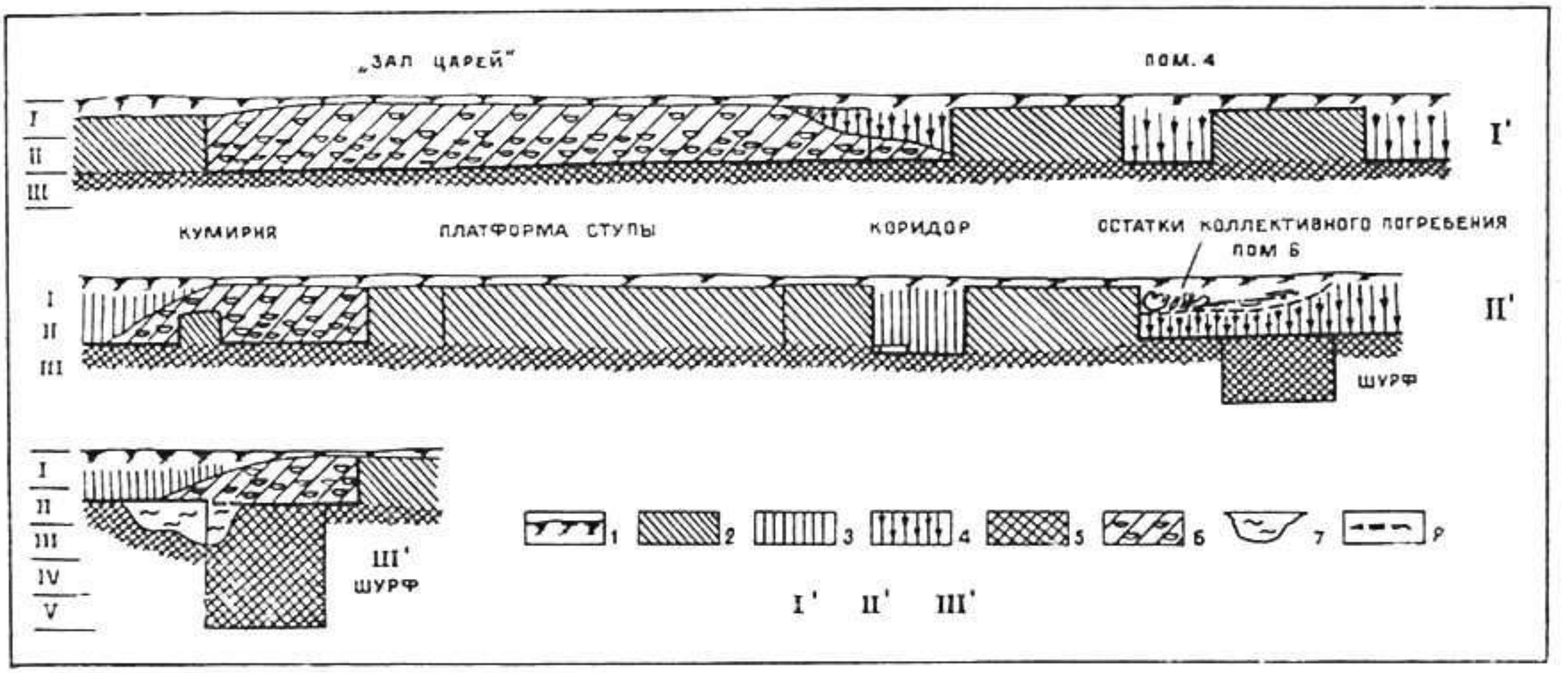


Рис. 61. Буддийское святилище в загородной зоне Дальверзинтепе. Разрезы.

Условные обозначения: I' — разрез через кумирню, платформу, коридор и помещение 6; II'' — разрез через «Зал царей» и пом. 4; III' — шурф и разрез через вход в кумирню; *1* — распаханная земля; *2* — пахса; *3* — комковатая глина; *4* — рыхлая глина с керамическими фрагментами; *5* — однородный материковый лесс; *6* — завалы скульптурных фрагментов вперемешку с глиной; *7* — производственная яма с разбитой тагарой, кусочками гипса и красной глиной; *8* — окаленная глина.

врезанные в лессовый грунт комнаты подсобного назначения (№ 4—7). Прочие помещения с наземными конструкциями стен не сохранились.

Примечательна деталь комнаты 6 — крупный жженый кирпич (42×42×3,5 *см*), уложенный у западной стены и вмазанный в нее здесь же вертикальный кусок аналогичного кирпича, причем на первом обнаружено немного золы и угольков. По-видимому, здесь стояла курильница или плошка для возжигания огня.

Комната 7 имеет глубокую нишку. Она соединена с соседним помещением № 5 дверным проемом, порог которого выложен тремя сырцовыми кирпичами (31×31×11 *см*).

Интересное наблюдение сделано на участке северного входа в кумирню (рис. 61—III). Шурф выявил здесь в материковом лессе рабочую яму глубиной до 80 *см*, где оказались разбитая тагара, куски пластичной красной глины, комочки скульптурного гипса и бракованные фрагменты статуй — литые пальцы, детали драпировок. Все это пошло под забутовку и смазку пола после завершения мастерами работ.

В 50 *м* к юго-западу от святилища выделяется еще одно пятно былой застройки. Стен его уже не сохранилось, найденные же керамические фрагменты восходят к эпохе Кушан. По-видимому, это было место проживания монашеской общины.

Кроме скульптуры, среди вещественных находок из помещений Дт-1 получено до 130 фрагментов керамики (рис. 62). Это преимущественно куски крупных хозяйственных сосудов (хумы, тагары, кувшины) и лишь три тонкостенных красноангобированных фрагмента. Найдены куски от шести чирагов, типичные для времени Великих Кушан — один выполненный на гончарном круге, округлый, с чуть оттянутым носиком, прочие — ладьевидные, ручного изготовления с почти вертикальными стенками и оттянутой наподобие отростка небольшой ручкой для упора пальца; один из этих чирагов очень крупный (длиной до 12 *см*).

Интересен терракотовый амулет с отверстием для подвешивания (возможно, сильно стилизованная морда животного).

В разных помещениях извлечено полтора десятка кусков жженых кирпичей толщиной

3,5—4—4,5 *см,* в глиняную массу которых было введено до обжига большое количество выгоревших растительных добавок.

Время создания буддийского святилища Дт-1 определяется находкой прямо в смазке пола помещения № 6 двух медных монет — одна чекана Сотера Мегаса, другая — Вимы Кадфиза, в правление какового, очевидно, и была создана эта постройка.

В пределах античной эпохи буддийское святилище погибает, что красноречиво запе-

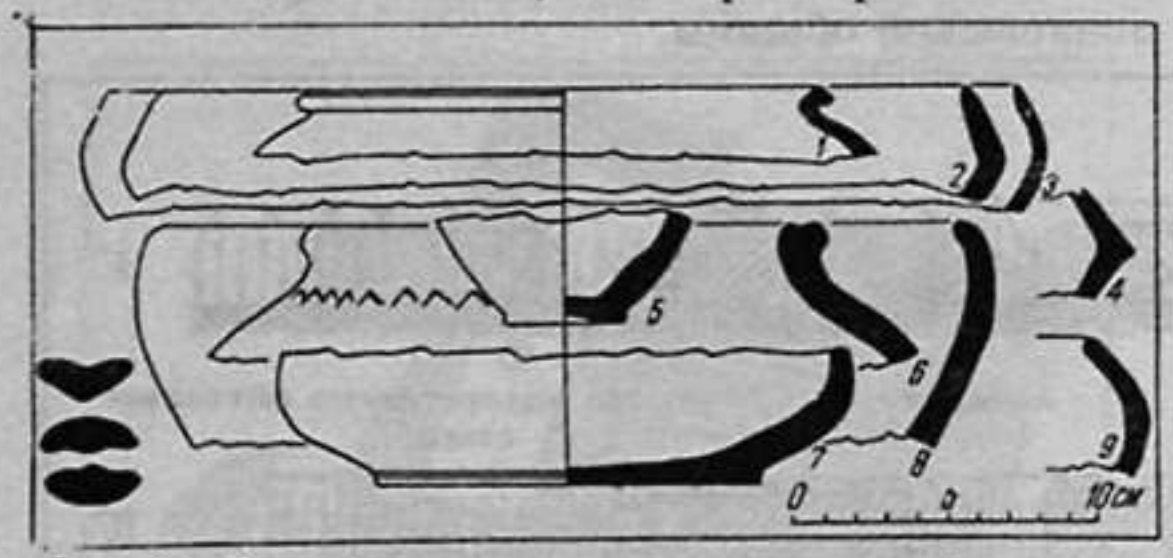


Рис. 62. Буддийское святилище в загородной зоне Дальверзинтепе. Керамика.

чатлено стратиграфией помещений. В эту пору скульптура в кумирне и «зале царей» была разбита и сброшена вперемешку с глиной массива, к которому она примыкала, на пол. На полах здесь нет ни мусора, ни накопленного культурного слоя — здание поддерживали в чистоте и порядке, когда его настиг погром. Особенно жестоко уничтожались крупные статуи Будды, головы, лица и фигуры которых разбивали на куски, раскидав затем в разных местах, а в большинстве, вероятно, вообще выбросив прочь (фрагмент теменной части головы и босой ступни найдены нами на значительном расстоянии от святилища (рис. 63). Что касается второстепенных буддийских персонажей и светских участников из «зала царей», то их просто сбрасывали с места на пол, в результате чего многие головы сохранились полностью, пострадав лишь от падения. Все это убеждает в том, что разрушение святилища было связано с фанатизмом инаковерующих, уничтожавших с особым остервенением статуи Будды, как главного воплощения буддийской доктрины.

Заполнение остальных помещений составляет рыхлая или комковатая глина разрушенных кладок с включениями мелких керамических черепков (рис. 61—I—II).

О торжестве иной, не буддийской, религии свидетельствует стратиграфия комнаты 6. В ней на небольшом участке (2,5×2 *м*) над накопившимся выше пола полуметровым завалом глины с отдельными керамическими черепками оказалось коллективное захоронение. Здесь обнаружены куски тринадцати черепов и другие костные останки, а также два скелета, лежавших на спине, головой на юг. Все это сильно нарушила вспашка, вдобавок, кости крайне истлели из-за постоянной влажности почвы в этом пониженном районе.

В погребение был помещен сопроводительный инвентарь (рис. 64): двуручечный широкогорлый кувшин с вытянутой профилированной закраиной и рельефным поддоном; большая миска на рельефном поддоне; два кубка цилиндроконической формы с выпуклым перегибом профиля и на полоконическом поддоне, варьирующие высотой своей цилиндрической части; фиал на таком же поддоне с раскинутыми от него стенками и скругленным внутрь краем. Черепок коричневатого цвета, ангоба нет. Весь этот комплекс соответствует позднекушанскому типу сосудов конца

Рис. 63. Буддийское святилище в загородной зоне Дальверзинтепе. Фрагменты от двух крупных статуй Будды.

II—III вв., каковым временем датируется и само погребение.

Во время раскопок 1968 г. нами было обнаружено единовременное захоронение, как мы полагали, жертв какого-то нашествия или сражения, погребенных совместно, с общим на всех сопроводительным инвентарем[37]. В свете недавнего открытия нашей экспедицией на Дальверзинтепе и в Бандыхане захоронений костных останков в особых наусах, выполненных по обряду «Авесты», причем иног-

[37] Г. А. Пугаченкова, 1971, с. 201.

да — в сочетании с трупоположениями, можно с полным основанием утверждать, что на объекте Дт-1 было открыто аналогичное коллективное зороастрийское погребение в его бактрийском варианте.

Примечательно, что появляется это погребение на руинах буддийского храма, центральное культовое ядро которого со ступой и статуями было разрушено, но стены смежных служебных помещений сохранились. Одно из них и было использовано в качестве склепа какой-то семейной группой дальверзинского населения, придерживавшегося религии и обрядов «Авесты». Здесь явно запечатлено соперничество двух могущественных религий, в котором коренные бактрийские верования восторжествовали над привнесенным из Индии буддизмом.

В течение длительного времени участок Дт-1 оставался покинутым. Лишь от XV века дошли следы пребывания человека: в юго-восточном отделе участка вверху над завалом оказалась раздавленная крупная чаша с подглазурной орнаментацией кобальтом и черной краской по белому фону, типичная для тимуридской эпохи.

Буддийское святилище дало исключительно интересный комплекс скульптуры. Ее детальный анализ составляет предмет специального исследования. В данной работе мы приводим лишь основные данные.

Скульптура была пристенной, выполненной почти в полном объеме, без проработки тыльной стороны, которой она примыкала к стенкам кумирни и «зала царей». Техника исполнения комбинированная, глино-гипсовая. Вначале выполнялась глиняная болванка с тонкими деревянными стержнями внутри, от которых на некоторых фрагментах сохранились повторяющие их былой объем полости; затем черновой массив будущей статуи, позже на увлажненную поверхность ее накладывалась ткань и сверху наносился гипс, поверх которого осуществлялась пластическая лепка статуи. Ткань была редкого или более плотного плетения; отпечатки ее четко видны на гипсе. Лепка гипса до 5—8 *мм* на фигурах, с заметным утолщением на складках и драпировках, в лепке же голов она достигает 25—30 *мм* по толщине. Гипс наносился в два-три слоя, с постепенным уточнением скульптурной формы. Применялась, в основном, ручная лепка, а также формовка. В последнюю очередь наносились выполненные с помощью матриц формованные налепные детали: украшения на одежде и головных уборах, драгоценности, цветы и листья гирлянд. Нередко штампом исполнены пальцы рук, уши, локоны. В упомянутой рабочей яме у входа в кумирню найден гипсовый штампик для изготовления улиткообразных завитков волос.

По-видимому, в гипс вводилась какая-то замедляющая схватывание и затвердение добавка — может быть, тот растительный клей шереш, который доныне употребляют среднеазиатские мастера — резчики по ганчу. Это давало скульптору время на тщательную пластическую обработку и обеспечивало прочность связи гипсовых слоев и налепных штампованных деталей.

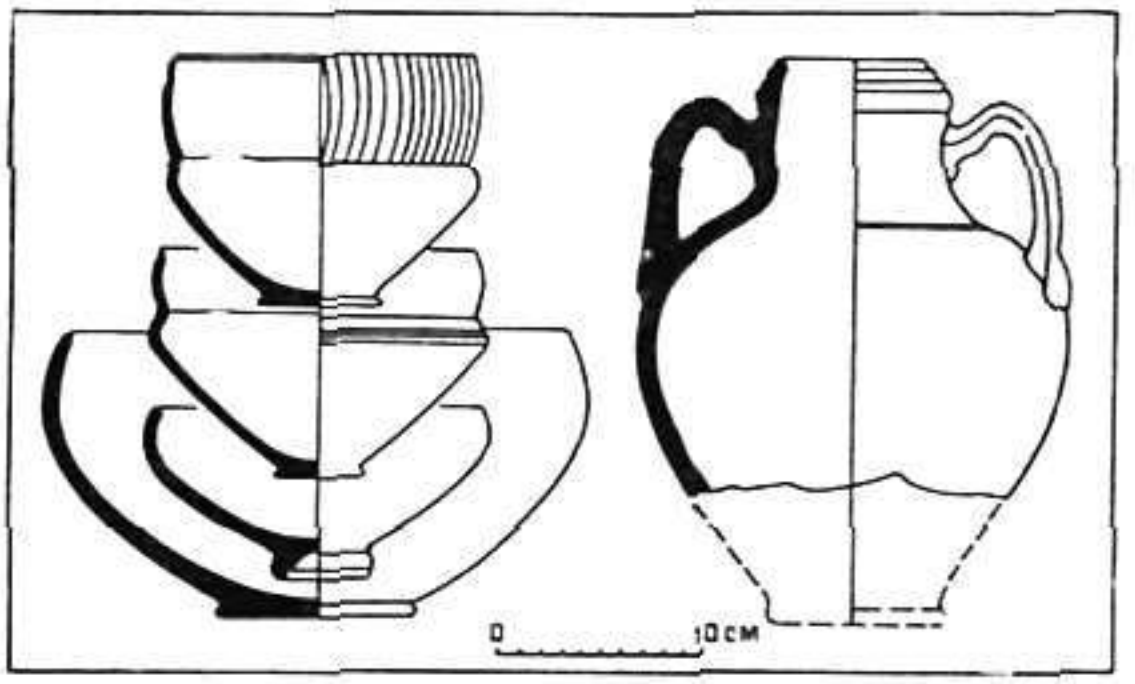


Рис. 64. Буддийское святилище в загородной зоне Дальверзинтепе. Сосуды из коллективного захоронения.

Статуи были окрашены, но окраска сохранилась лишь местами, в углублениях волос, век, складок одежд и пр. Основные цвета — красный (двух оттенков), черный, вероятно голубой, собственно белый цвет гипса, иногда позолота.

Техника глино-гипсовой скульптуры с тканевой прокладкой имела, видимо, местное бактрийское происхождение. Она засвидетельствована уже в нескольких пунктах северной и южной Бактрии. Портретная мужская голова из греко-бактрийского храма в Ай-Ханум дает самый ранний (II в. до н. э.) пока образец применения глино-гипсовой лепки[38]. Дальверзинские статуи (I в. н. э.) уже относятся к кушано-бактрийскому художественному кругу. Аналогичный прием выявлен в скульптуре буддийского монастыря Фаязтепе в Термезе (I — начало II вв.)[39]. Мелкие фрагменты от глино-гипсовых статуй с тканевой прокладкой были получены и при раскопках другого термезского монастыря Каратепе[40]. Между тем исчисляемые сотнями статуи и рельефы из буддийских комплексов Хад-

[38] Bernard, 1969, p. 344, fig. 20.
[39] Альбаум, 1974, с. 56.
[40] Ставиский, 1964, с. 23.

ды, многочисленные находки их в Таксиле и в Буткаре выполнены монолитным литым гипсом.

Применение глино-гипсовой пластики в Бактрии, даже в буддийских статуях, стилистически выполненных в индо-буддийском ка-

Рис. 65. Буддийское святилище в загородной зоне Дальверзинтепе. Голова дэватов.

ноне, мы объясняем приверженностью скульпторов из областей Амударьинского бассейна к глине как излюбленному материалу пластических композиций. Сошлемся на такие шедевры, как вторая портретная голова из храма в Ай-Ханум[41], скульптурные композиции Халчаяна[42], в раннем средневековье—скульптура из Аджинатепе[43].

Расположение скульптурных остатков фиксировалось в процессе расчисток на чертеже. Основной состав фрагментов таков:

Кумирня. Фрагменты очень крупной (по крайней мере в 2—2,5 раза больше натуры) статуи Будды (рис. 63): куски куафюры, разработанной рядами противоположно направленных скобок; часть щеки и огромного уха; левый глаз в сонных веках под крутою бровью; детали кистей рук и босых ступней ног; крупные, овально драпирующиеся складки мантии.

Лицевая часть головы монаха с легким поворотом вправо. Гладкое, как бы бесполое лицо с благостной улыбкой. Фрагмент аналогичного лица найден на распаханном поле. Размеры близки к натуральным.

Три головы дэватов или гениев чуть больше натуральной величины (цв. табл. II, рис. 65). Все с некоторым поворотом, обусловившим известную асимметрию черт. Все три передают различный тип юношеских лиц в обрамлении пышных кудрей, с выражением нежной задумчивости, на губах — чарующая улыбка, глаза затенены веками (но без разработки зрачков).

Две головы юных адорантов вдвое менее натуральных размеров. Лица их — в обрамлении венчика улиткообразных завитков, у одного с нежными, почти девичьими чертами, у другого более мужественное, с раскинутыми кустистыми усами (рис. 65).

Дэватам и адорантам принадлежали отбитые кисти рук, сжимающие концы гирлянд и сами гирлянды, плотно заполненные пятилепестковыми цветочками, идентичными тем, что держит знаменитый «Гений с цветами» из Хадды.

Зал царей. Здесь также располагалась очень крупная статуя Будды, отдельные обломки которой были разбросаны в разных участках. В числе их — часть подбородка с нижней губой, ухо, кусок прически, отбитые кисти и пальцы обеих рук, кусок босой стопы, драпировки одеяний.

Возле Будды располагались светские персонажи. В центре были статуи трех мужчин из царского рода, выполненные в размерах, превышающих натуральные. От одной из них дошла почти целиком отреставрированная из фрагментов голова принца с прекрасным юным лицом, на голове его — высокая коническая шапка, украшенная округлыми налепами «самоцветов» (рис. 150). Рядом оказался фрагмент торса (на уровне талии), в гладком кафтане, перехваченном поясом, составленным из рельефных блях; фигурный браслет (или гривна), детали налепных украшений в форме узорных бляшек. От двух других сохранились фрагменты лиц с усами, очевидно, это старшие в роде. Вероятно, одному из них принадлежала нижняя половина фигуры и часть левой руки. Фигура облачена в рубаху из мягкой ткани, острыми углами спускающуюся с боков, и узкие, драпирую-

[41] Bernard, 1969, lid. 19.
[42] Пугаченкова, 1966 а.
[43] Литвинский, Зеймаль, 1971, с. 76.

щиеся шаровары; то и другое — с накладными украшениями, имитирующими округлые драгоценные камни. Шаровары подхвачены у щиколотки крупной рельефной пряжкой. Рука с широким браслетом у запястья, судя по положению пальцев, что-то придерживала — булаву, копье или даретвенный предмет.

В северном участке зала обнаружены две женские головки, вдвое меньше натуральных размеров: одна в богатой повязке (рис. 66—*3*), другая — с позолоченным пышным украшением надо лбом, и фрагменты рук, держащих гирлянды.

В центре, рядом с царскими статуями, оказались небольшие фигурки вельмож-адорантов с непокрытыми головами, одетых в перепоясанные кафтаны, неширокие шаровары. Лица их разнотипны, у одного оно смиренно, у другого более эмоционально (цв. табл. I, рис. 66—1.2 и 151). Отбитые руки придерживающие концы гирлянд того же типа, что и в кумирне, лежали также вблизи отдельными фрагментами.

Среди находок также затылочная часть головы, аналогичной по размеру головам вельмож, более крупная теменная часть головы с налепными улиткообразными волосами; кусок гирлянды (?) с очень крупными плодами и сочными листьями; детали налепных украшений одежд.

Очень интересная деталь — фрагменты крепостной башенки — с зубцами, стреловидными бойницами, смотровыми щелями и декоративными кружками, может быть, передающими изображение щитов.

В отличие от халчаянского дворца, большое количество и взаиморасположение упавших при землетрясении на пол статуй которого позволило нам в свое время реконструировать их положение в основных композициях, остатки дальверзинских скульптур такой возможности не дают. Можно лишь говорить об их основном составе.

В кумирне стояла очень крупная статуя Будды — проповедника (найдены его босые ноги) в окружении монахов, дэватов и адорантов с гирляндами, выполненных в размерах, близких к натуральным, или вдвое меньших.

В «Зале царей» тоже стояла большая, судя по фрагментам босых ступней, статуя Будды, но в окружении земных персонажей. В числе их — три мужских представителя семьи правителей Саганиана, изображенных на фоне крепостных стен (очевидно, стен своего главного города — Дальверзинтепе). Они были переданы в размерах, больших натурального роста человека — этим в глазах приходивших на поклонение в храм подчеркивался их царский ранг. На принадлежность их к роду Кушанов указывают покрытые драгоценностями одежды и конусовидные шапки. Аналогии последним (но не прямой повтор) дают шапки членов кушанского дома из святилища в Матхуре (II в.)[44], шапка Васудевы II на монетах (рубеж II/III в. н. э.)[45].

Рис. 66. Буддийское святилище в загородной зоне Дальверзинтепе. Головы двух вельмож, знатной ламы и монаха.

В натуральном размере были представлены монахи — служители буддийского культа (рис. 66—*4*). В малых масштабах — две дамы в драгоценных головных повязках, очевидно, жены членов царской семьи. Эта диспропорция фигур подчеркивает положение женщины в кушанском обществе, даже несмотря на их принадлежность к высшему слою; подобную диспропорцию масштабов можно видеть, например, в изображении четы знатных адорантов из Таксилы[46]. Еще меньше по размерам

---

[44] Rosenfield, fig. 4, 14—16.
[45] Rosenfield, fig. 6, N. 5.
[46] Marschall, 1951, vol. III, pl. 139.

двое вельмож, несмотря на их явно высокий социальный ранг.

Эта «количественная масштабность» выделяет иерархию кушанского общества времени создания дальверзинских скульптур. Между тем еще в Халчаяне правитель и его окружение, мужчины и дамы — все участники церемонии царского приема и сцены с воинами-катафрактариями единомасштабны. Очевидно, за протекший, не менее чем вековой промежуток произошла какая-то существенная эволюция в воззрениях на задачи прокламативного искусства, призванного прославлять членов царского дома и его ближайшее окружение.

Эта эволюция коснулась и самого стиля портретных изображений. При сопоставлении с живыми нравственными и возрастными характеристиками в скульптурных портретах Халчаяна наблюдается отход к обобщенно идеализированным, хотя, безусловно, тоже портретным статуям дальверзинского «зала царей».

Стиль дальверзинской скульптуры в цикле ее буддийских образов сближается с кругом так называемой «гандхарской школы», особенно ее нагарахарской ветви, представленной богатейшим собранием скульптур из Хадды[47]. Судя по фрагментам, вполне каноничны были в дальверзинском святилище образы будд, столь же традиционны образы монахов с их гладкими, бесполыми лицами и благостной улыбкой. Ряд параллелей в хаддской скульптуре находят образы гениев или дэватов: так, голова одного из них сближается со знаменитым «гением с цветами», хранящимся в Музее Гиме[48], другие скульптуры напоминают ряд голов из той же коллекции и из Кабульского музея[49]. Но мы отмечаем и более оригинальные образы — например, голову юноши с традиционным в буддийской скульптуре венчиком обрамляющих лоб крутых завитков, но с почти жанровой передачей черт лица и не индийской манерой подстрижки усов. Передача локального кушано-бактрийского этноса особенно наглядна в головках дам и вельмож из «зала царей», которых менее коснулась идеализация, присущая портрету принца. Так, лицо дамы в повязке с драгоценными каменьями очень сходно по типу с одной из девичьих головок Халчаяна[50], лица же вельмож вообще не имеют среди известных к настоящему времени статуй прямых аналогов.

Скульптура Хадды еще до недавнего времени не имела уточненных датировок, они основывались лишь на стилистических параллелях с памятниками, которые сами по себе не были точно датированы, в силу чего одни и те же хаддские статуи и рельефы нередко помещали в интервале от II в. до V в. н. э. Лишь недавние раскопки афганских археологов на Шутур-тепе, где прослежена строгая стратиграфия, дали значительную группу статуй[51], связанную монетными находками с эпохой Великих Кушан.

Дальверзинская скульптура, датировка которой восходит ко времени Вимы Кадфиза, позволяет считать, что и в составе хаддских статуй есть созданные еще в I в. н. э., так как буддийские образы и канон, несомненно, проникли в Бактрию из лежавших к юго-востоку от нее буддизированных областей. Но в ней сохраняется и преемственная связь с собственными бактрийскими традициями греко-бактрийской и раннекушанской поры, причем не только в составе светских персонажей «зала царей», но и буддийских образов кумирни. Так, лица дэватов и гениев явно восходят к стилистике праксителевой школы ваяния, и здесь мы вправе предположить, что именно Греко-Бактрия положила основу иконографии данной группы второстепенных буддийских персонажей, повлияв на ее формирование на почве северо-западной Индии[52].

Скульптура из дальверзинского святилища дает ряд интересных бытовых реалий — особенно костюмов и головных уборов. Мы уже отмечали своеобразную шапку принца, головные повязки женщин. Головы вельмож не покрыты — возможно, этого требовал этикет присутствия их среди членов царской семьи. Одеяние одного из вельмож — плотный красный кафтан, перепоясанный плетеным пояском и неширокие шаровары — несколько отлично от костюмов Гераичей из Халчаяна и других светских статуй кушанской поры. По-видимому, здесь представлен локальный покрой одежды определенного места и времени.

То же можно сказать и по поводу царского одеяния. Статуи Вимы Кадфиза, Канишки, Кастаны из Матхуры[53], кушанских принцев из Сурх-Котала[54], Шотарака[55], Буткары[56]

[47] Barthoux, 1930; Auboyer, Abb. 52—67; Rowland, Rice, fig. 109—134.
[48] Barthoux, 1930, pl. 37.
[49] Barthoux, 1930, pl. 51, 76, 80.
[50] Пугаченкова, 1971 а, с. 27.
[51] Mustamindy, p. 52.
[52] Здесь и в других местах, говоря о северо-западной Индии, подразумеваем географический регион полуострова Индостан, а не современного государства.
[53] Rosenfield, pl. 1—3.
[54] Schlumberger, 1952, pl. VI; 1960, N 1, pl. VI.
[55] Meunier, pl. XXIX.
[56] Faccenna, vol. 11—2, Taf. CXCV, CCXXXIV, CCCX; vol. 11—3, Taf. CDLXXX—CDLXXXII.

отличаются деталями покроя, распределением и видом нашивных украшений. Характерны фигурные поясные бляшки у одной из дальверзинских статуй, сплошным рядом украшавшие царский кушак, которые отличны от пряжек других кушанских правителей (статуи из Матхуры, Шотарака и др.).

Отмеченные отличия дают основание предполагать следующее: принадлежавшие к единому клану Кушан в его главной и побочных линиях правители отдельных провинций Кушанского государства и их отпрыски носили сходные по типу, но различающиеся деталями одеяния и шапки, которые сами по себе служили признаком той ли иной ветви царствующего дома.

Открытие буддийского святилища на Дальверзинтепе имеет принципиальное значение как показатель распространения буддийских колоний в северных областях кушанского царства уже в I в. н. э. Изображение в его скульптурной композиции царской семьи позволяет предположить, что правитель Сагании на в эту пору либо сам был приверженцем буддизма, либо покровительствовал ему, разрешив основание колонии и храма у стен своего города.

Но если для этого времени факт сосуществования на одной территории буддийского храма и зороастрийского науса (Дт-14) свидетельствует о широкой веротерпимости Кушан в I—II вв., то разгром святилища в позднекушанское время служит показателем резких общественных и идеологических противоречий, нашедших свое выражение, как это нередко было в древнем мире, в борьбе сторонников разных религиозных течений.

Разрушение буддийского храма и появление затем на его руинах выполненного по обряду Авесты погребения могло иметь место либо при Васудеве II (рубеж II—III вв.), приверженность которого к религии Авесты засвидетельствована его монетным чеканом, где фигурирует единственное божество — Ардохшо, либо при походах на Бактрию в III—IV вв. Сасанидов, у которых важным элементом политической программы было признание зороастризма государственной религией. Однако само захоронение, связанное с чисто местным, а не иранским, ритуалом и содержащее характерный для позднекушанской керамики набор сосудов, позволяет склониться к первому предположению.

Таким образом, объект Дт-1 вносит существенный вклад в познание северо-бактрийского варианта буддийской культуры, распространение которой в долине Сурхандарьи падает на эпоху Кушан.

ДАЛЬВЕРЗИНСКИЙ НАУС

В июне 1974 г. при строительстве молочной фермы колхоза «30 лет Октября» было частично затронуто небольшое тепе высотой 2,5 *м*, диаметром 20 *м*, расположенное в 300 *м* к северо-востоку от городища Дальверзинтепе.

Осенью того же года проведенными на месте тепе раскопками выявлено своеобразное погребальное сооружение — наус[57] (рис. 67). Оно представляет собой подквадратное в плане здание (13×12,5 *м*), построенное из квадратного сырцового кирпича 40×40×10, 42×42×12 *см*, на невысоком пахсовом стилобате, ориентированное по линии северо-восток — юго-запад. На оси его центральный коридор дл.=10,1 *м*, ш.=2,3 *м* с торцовой стеной на северо-восточной стороне (т=2,18 *м* при сохранившейся высоте 2,1 *м*). Главный вход в здание располагался, вероятно, с юго-западной стороны. По обеим сторонам коридора — по четыре прямоугольных в плане склепа 2,7 *м*×1,25 *м*, в.=1,7—1,75 *м*, перекрытые овальными сводами из клинчатого кирпича 40×32—25×10 *см*. В каждую из камер вел арочный вход (дл. 70 *см*, ш. 90 *см*, в. 1,40 *м*), заложенный до середины сырцовым кирпичом (рис. 68) (цв. табл. VIII).

Основание стен на высоту 64 *см* состоит из глинобитных блоков, на них опирается свод, сложенный отрезками. Кладка свода склепов начиналась от торцовой стены, возведенной на всю высоту раньше, чем поперечные стенки, и на которую, по-видимому, наносились очертания кривой свода. В замке свода два клинчатых кирпича под небольшим углом друг к другу.

Арки входных проемов выложены радиальной кладкой с треугольными швами шириной 2—16 *см*, где помимо глинистого раствора заложены фрагменты керамики и булыжники. Сверху на замок арки уложен горизонтальный ряд пахсовых блоков, которые задней вертикальной гранью примыкают к кирпичам в замке свода склепов, обеспечивая тем самым большую его устойчивость. С внешней стороны арочные входы заключены как бы в прямоугольную раму, ш. 1,8—2,1 *м*, в. 1,25 *м* (рис. 69). Стены камер покрыты тонким слоем глино-саманной и известковой штукатурки, а стены коридора — толстым слоем той же штукатурки, общей толщиной 7—8 *см*, причем по предпоследнему слою для лучшего сцепления штукатурных слоев нанесены полукруги по пяти в каждом ряду. Во

[57] Ртвеладзе, 1975, с. 22.

всех склепах на полу отмечены следы камышовой подстилки.

Коридор, делящий науc на две части, сохранился неполностью, так как с юго-западной стороны наискось срезан бульдозером. Общая мощность культурного слоя от пола до репера, установленного в центре СВ стенки коридора, равна 2,6 *м*. Описание стратиграфии коридора дается снизу вверх (рис. 70).

Пол, соответствующий 10 *см* VI яруса, представляет собой ровную, хорошо утрамбо-

I яруса найдена глазурованная чаша-каса, покрытая изнутри прозрачной поливой поверх белого ангоба с арабской надписью на дне, выполненная темно-коричневой краской. По стилю надписи и особенностям глазури сосуд можно датировать X—XI вв. н. э.

На основании наблюдений над характером культурных отложений можно прийти к следующим выводам. На начальных этапах существования науса в коридоре накопился культурный слой, который образовался, по-

Рис. 67. Дальверзинский наус. Руины науса на территории РТС.

ванную лессовую поверхность, смазанную слоем глины толщиной 2—3 *см*. На некоторых участках пола, особенно у входов в склепы, отмечены скопления золы и древесные угольки. Над полом до начала IV яруса идет слой земли, насыщенный обломками сырцового кирпича и фрагментами тонкостенной керамики, среди которой целый цилиндроконический красноангобированный кубок. В конце слоя, на границе IV и V ярусов, найдена мелкая медная монета типа Васудевы II. Над ним — слой золы, мощностью от 30 *см* у ЮВ края до 6 *см* у СЗ, насыщенный хозяйственно-бытовыми остатками. В центре чередующиеся друг с другом натечный слой 3—4 *см*, прослойки горелого дерева, линза органического характера и 20—24 *см* слой надувного песка с фрагментами двуручных и одноручных безглазурных кувшинов.

От начала IV яруса почти до дневной поверхности залегает слой мощностью 1—1,20 *м*, представляющий собой завал сырцовых кладок с некоторым количеством булыжника. Судя по характеру завала, коридор был перекрыт сводом. В этом слое на уровне конца

видимому, в результате посещения его людьми.

Позднее коридор науса, по-видимому, использовался в качестве жилого помещения или временного убежища, что документируется слоем золы с хозяйственно-бытовыми остатками. Судя по найденной в слое монете из числа подражаний Васудеве II и составу керамики, этот период можно отнести к III—IV в. н. э. Со временем свод обветшал, так как через щели в нем в коридор попадал песок и проникала дождевая вода, оставившие характерные натечно-надувные слои. Свод рухнул, вероятно, в промежутке между IV—VI вв. и X—XI вв., так как на образовавшемся завале из сырцовых кладок в X—XI вв. здесь было устроено какое-то временное жилище.

Приведем описание вскрытых склепов.

Склеп 1 (рис. 71) частично разрушен. Зачищен один погребальный горизонт, содержащий захоронения костей, лежавших на полу в беспорядке. В северо-восточном углу положены три черепа, два снизу и один сверху, без нижних челюстей. Обломок черепной

коробки находился в центре камеры. У юго-западной стенки лежали три нижних челюсти. На расстоянии 70 *см* от задней торцовой стенки уложены одна за одной три дощечки шириной 5—10 *см*, совершенно обуглившиеся. Под дощечками стояла красноангобированная миска на невысоком поддоне со слегка загнутым внутрь венчиком. У юго-западной стенки лежал небольшой кувшинчик с одной ручкой на невысоком поддоне, до середины покрытый темно-красным ангобом. Неподалеку от него, в центре камеры, найден костяной гребень с обломанными зубьями. В северо-восточном углу под бедренной костью рядом с черепами стояла вверх дном небольшая миска, покрытая светлым ангобом, со слегка отогнутым наружу венчиком. Рядом находилась еще одна аналогичная миска. В 10 *см* от дощечек найдены два цилиндроконических кубка, один целый, другой без нижней части. Первый кубок с небольшой выемкой в месте перегиба, на невысоком поддоне; покрыт красноватым ангобом. У второго кубка более высокая верхняя часть и в месте перегиба две выемки. Здесь же найдены фрагменты двух тонкостенных сосудов (рис. 75).

Склеп 2 (рис. 72). Часть камеры разрушена. В камере зафиксированы три погребальных горизонта.

Первый погребальный горизонт. Погребение совершено в прямоугольной яме 2,32×0,86 *м*, глубиной 90 *см*. На дне ее находилось захоронение, совершенное частично в хуме, который с боковых сторон и сверху заложен обломками сырцового кирпича, частично в ящике из жженого кирпича, поставленного на ребро (рис. 73). Мужской костяк покоился на спине, руки вытянуты вдоль туловища, ноги прямые. Длина костяка — 1,78 *м*.

Второй погребальный горизонт. Спустя некоторое время на втором уровне, пол которого совпадает с уровнем основания стен камер и науса, были совершены захоронения иного вида. По всей площади склепа в беспорядке лежали кости, принадлежащие нескольким мужским и женским костякам. Найдено восемь нижних челюстей и ни одного черепа, что является любопытной особенностью этого склепа. При его зачистке обнаружено несколько керамических сосудов в сильно фрагментированном состоянии; боль-

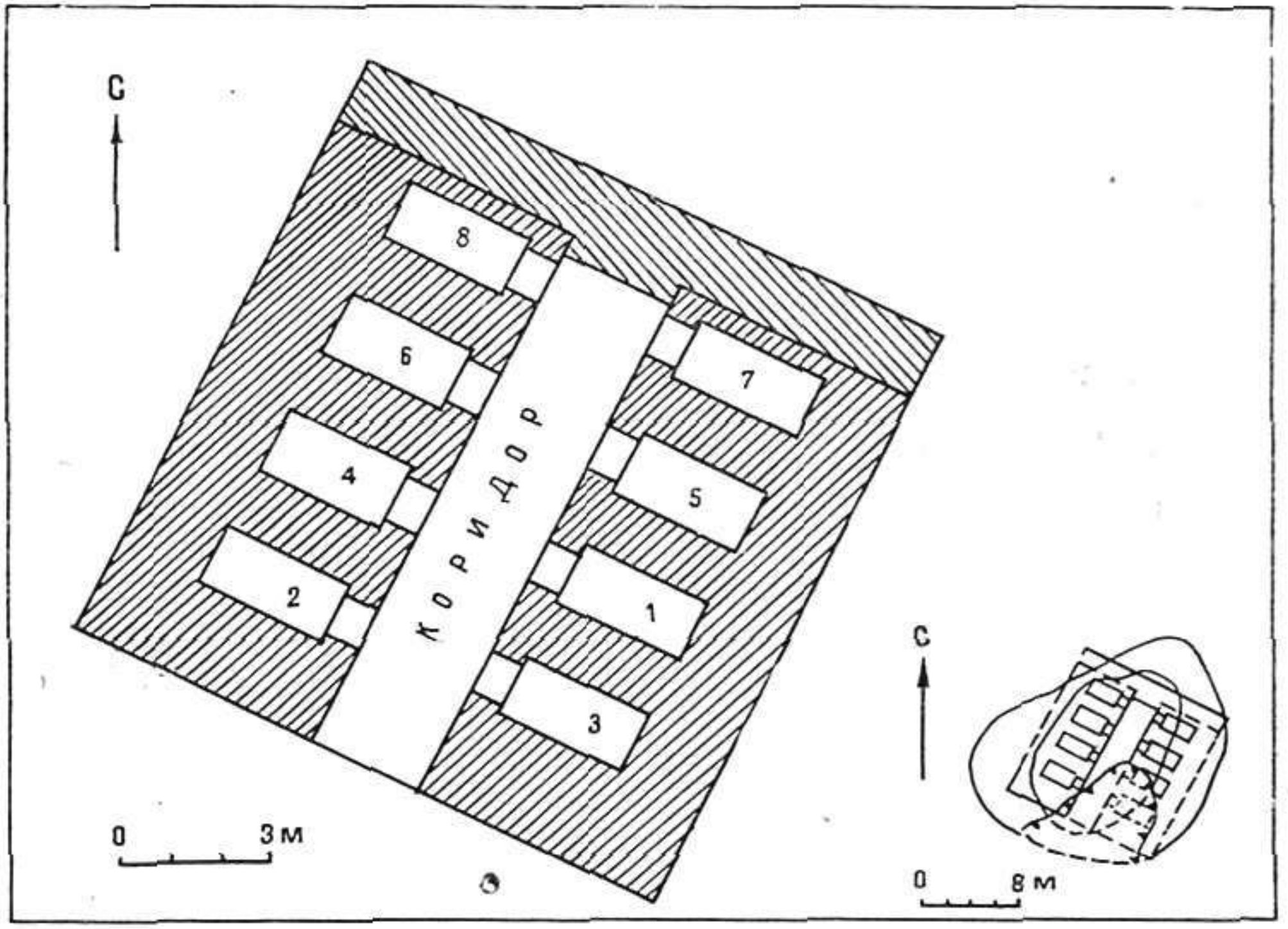


Рис. 68. Дальверзинский науc. План.

ше всего керамики находилось в юго-западном углу камеры. В числе их красноангобированный бокал колоколовидной формы на невысокой профилированной ножке. Кувшин грушевидной формы с одной ручкой и плоским дном, покрытый светло-желтоватым ангобом. Кубок с плоским дном и широким резервуаром, заканчивающийся прямым венчиком; покрыт светло-розоватым ангобом. Миска на невысоком поддоне, покрытая светло-

Рис. 69. Дальверзинский наус. Арки науса.

желтоватым ангобом. Сосуд цилиндрической формы с плоским дном и слегка округлым туловом, покрытый светло-серым ангобом. Миска, покрытая темно-красным ангобом. Нижняя часть кубка колоколовидной формы на невысоком поддоне (рис. 75).

Кроме керамики, в центре и у северо-восточной стены найдены следующие предметы (рис. 79, *1—18*): железный браслет, круглый в сечении. Находился на лучевой кости; бронзовое кольцо с округлым щитком, окруженным зернью; железная ложечка; костяное кольцо, украшенное насечками; круглый предмет из кости; железный перстень с округлым щитком; бронзовый бубенчик. Три бусины из раковин каури, плоские бусинки из кости, пятигранная ромбовидная бусинка из хрусталя, шестигранная бусина из сердолика, бочковидная граненая бусина из синего стекла, шаровидная бусина из оникса, две стеклянные шаровидные бусины, пастовая бусина сердечковидной формы. В северо-западном углу обнаружена трубочка, свернутая из листового золота, украшенная штампованным орнаментом, с одной стороны разделенная на отдельные полоски.

Третий погребальный горизонт. Ему соответствуют два костяка, уложенных друг на друга у юго-западной стенки камеры над вторым погребальным горизонтом. Верхний костяк сохранился плохо. Нижний хорошей сохранности. Он покоится на спине, головой ко входу, левая рука слегка согнута в локтевом суставе, правая вытянута. Ноги прямые, берцовые кости сдвинуты с места. Длина костяка до берцовых костей 1,25 *м*.

Склеп 3 (рис. 71). Разрушен почти полностью. На уровне пола, в центре камеры и у северо-восточной стенки сохранились остатки захоронения костей, среди них фрагменты от двух черепов. На тазовой кости найдена половина костяного кольца с насечками и две костяные бусины. У задней стенки обнаружен фрагмент крупного железного кольца, рядом у бедренных костей три круглые бусины синего цвета (рис. 77), а несколько далее почти целый цилиндроконический кубок, покрытый красноватым ангобом на невысоком поддоне с плавным перегибом в средней части (рис. 75).

Склеп 4 (рис. 71, 74). Сохранился полностью. Зачищено три погребальных горизонта.

Первый погребальный горизонт. Погребение совершено в прямоугольной яме 2,38×0,88 *м*, глубиной 80 *м*, вырытой в полу склепа. Мужской костяк (по определению Т. Ходжайова, со следами сильной деформации позвоночника) покоился на спине в вытянутом положении, головой на северо-запад. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги прямые. Вдоль ног и вокруг головы находились гипсовые бруски дл.=5—7 *см*, ш.=1—2 *см*, в северо-восточном и юго-восточном углу отмечены остатки дощечек. Позднее костяк был засыпан землей и на высоте 40 *см* над ним отмечен новый уровень, на котором совершены следующие по времени захоронения.

Второй погребальный горизонт. Ему соответствуют погребения костей, которые располагались на полу склепа от входа до задней торцовой стенки. Никакого порядка в их размещении не наблюдается, только три черепа были сложены в юго-западном углу лицом ко входу. Погребенных на этом горизонте было не менее восьми, так как в разных местах найдено восемь целых черепов и обломков нижних челюстей. На полу лежали

фрагменты от десяти сосудов, раздавленных при совершении последующих погребений: одноручный кувшин с грушевидным туловом и профилированным венчиком, покрытый светло-желтым ангобом; кубок цилиндроконической формы, снаружи до середины покрытый светло-желтым ангобом, а ниже — красным; горшок с раздутым туловом и слегка отогнутым венчиком; миска с вогнутым внутрь венчиком, покрытая красноватым ангобом; две миски аналогичной формы, но с иным венчиком; фиала на невысоком поддоне, покрытая красноватым ангобом; фиала аналогичной формы, но без поддона, покрытая светло-желтоватым ангобом, на стенках ее заметны следы копоти. Цилиндроконический кубок без верхней части (рис. 75, 78).

Третий погребальный горизонт. Ему соответствует погребение мужского костяка в вытянутом положении, на спине, головой ко входу. Ноги прямые, руки вытянуты вдоль туловища. Череп сохранился очень плохо. Длина костяка 1,6 м. Погребение совершено на уровне пола камеры, для чего кости предшествующих погребений были сдвинуты в сторону, так что костяк оказался буквально втиснутым между ними. У правой тазовой кости на уровне этого костяка найдена монета Васудевы I, между бедренными костями — костяной стиль с навершием в виде ладони с вытянутыми пальцами (рис. 77). В заполнении камеры над этим горизонтом найдены фрагменты двух узкогорлых кувшинов с двумя ручками. Один кувшин покрыт светло-желтоватым ангобом, второй до середины красноватым, ниже светло-желтоватым (рис. 75).

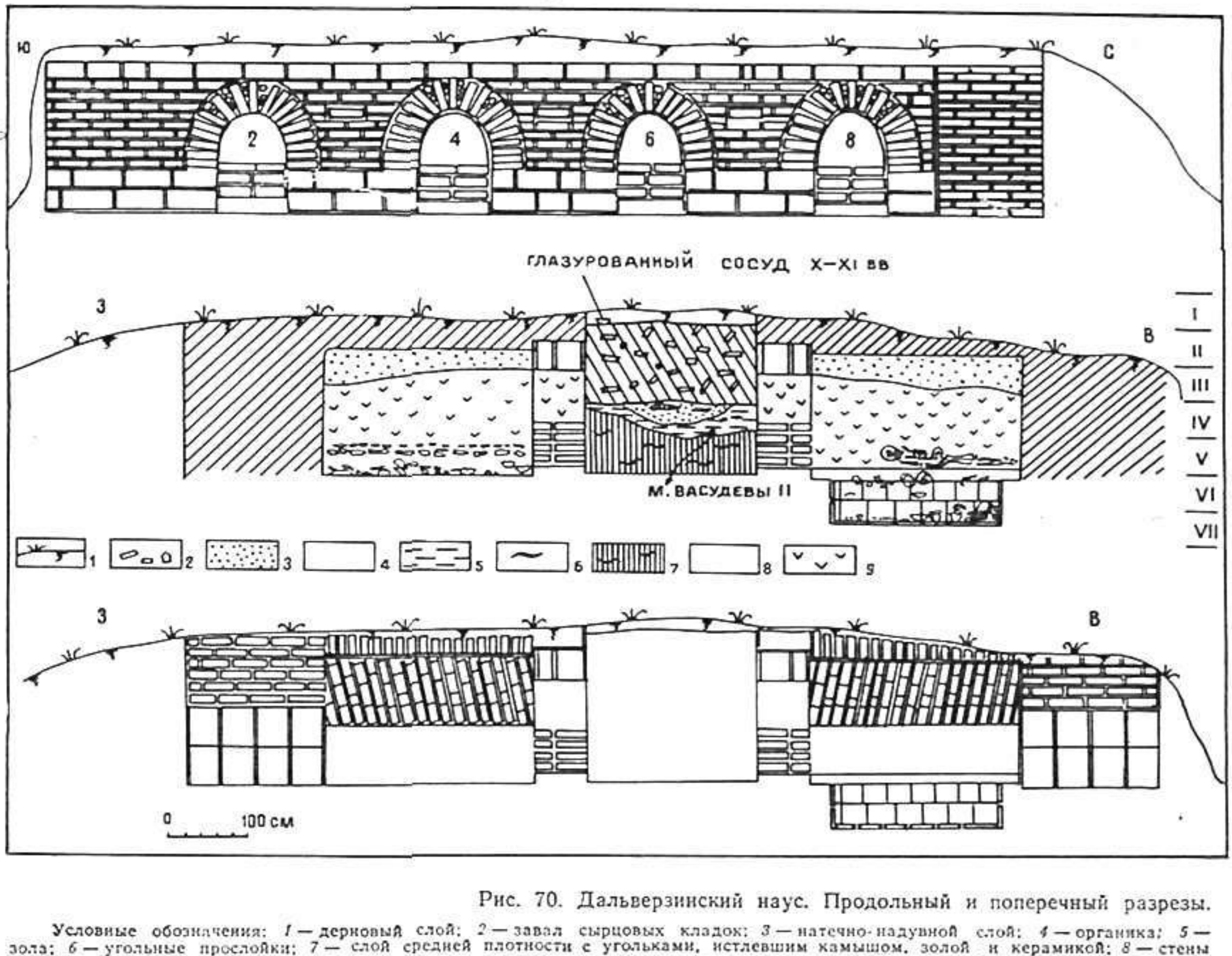


Рис. 70. Дальверзинский науc. Продольный и поперечный разрезы.

Условные обозначения: *1* — дерновый слой; *2* — завал сырцовых кладок; *3* — натечно-надувной слой; *4* — органика; *5* — зола; *6* — угольные прослойки; *7* — слой средней плотности с угольками, истлевшим камышом, золой и керамикой; *8* — стены науса из сырцового кирпича и пахсовых блоков; *9* — рыхлый слой.

Склеп 5 (рис. 72) сохранился полностью. В 10 *см* выше уровня порога прослежена закладка из обломков сырцового кирпича. В камере зачищены два погребальных горизонта.

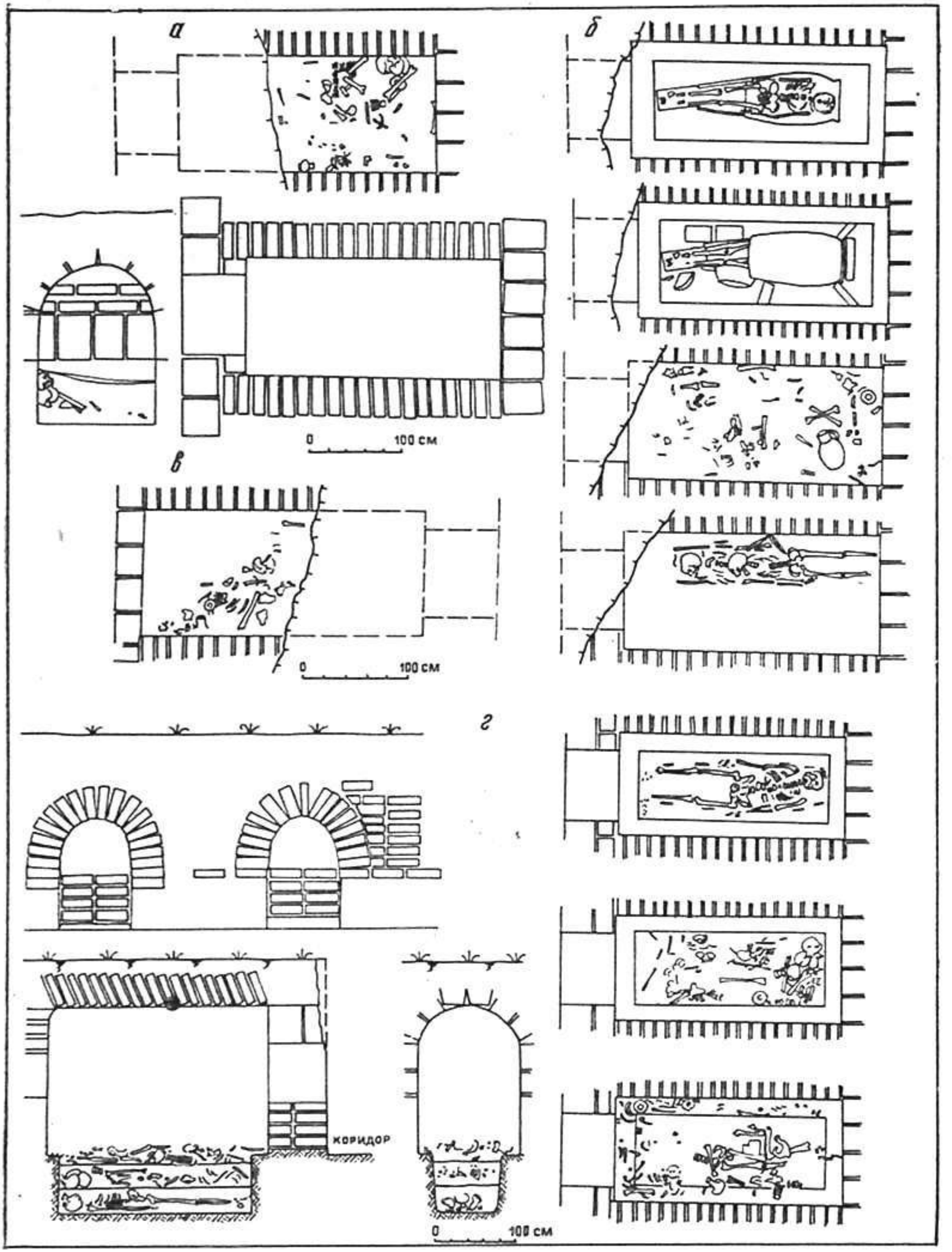


Рис. 71. Дальверзинский науе Дт-14. Погребение в камерах *1—1*.

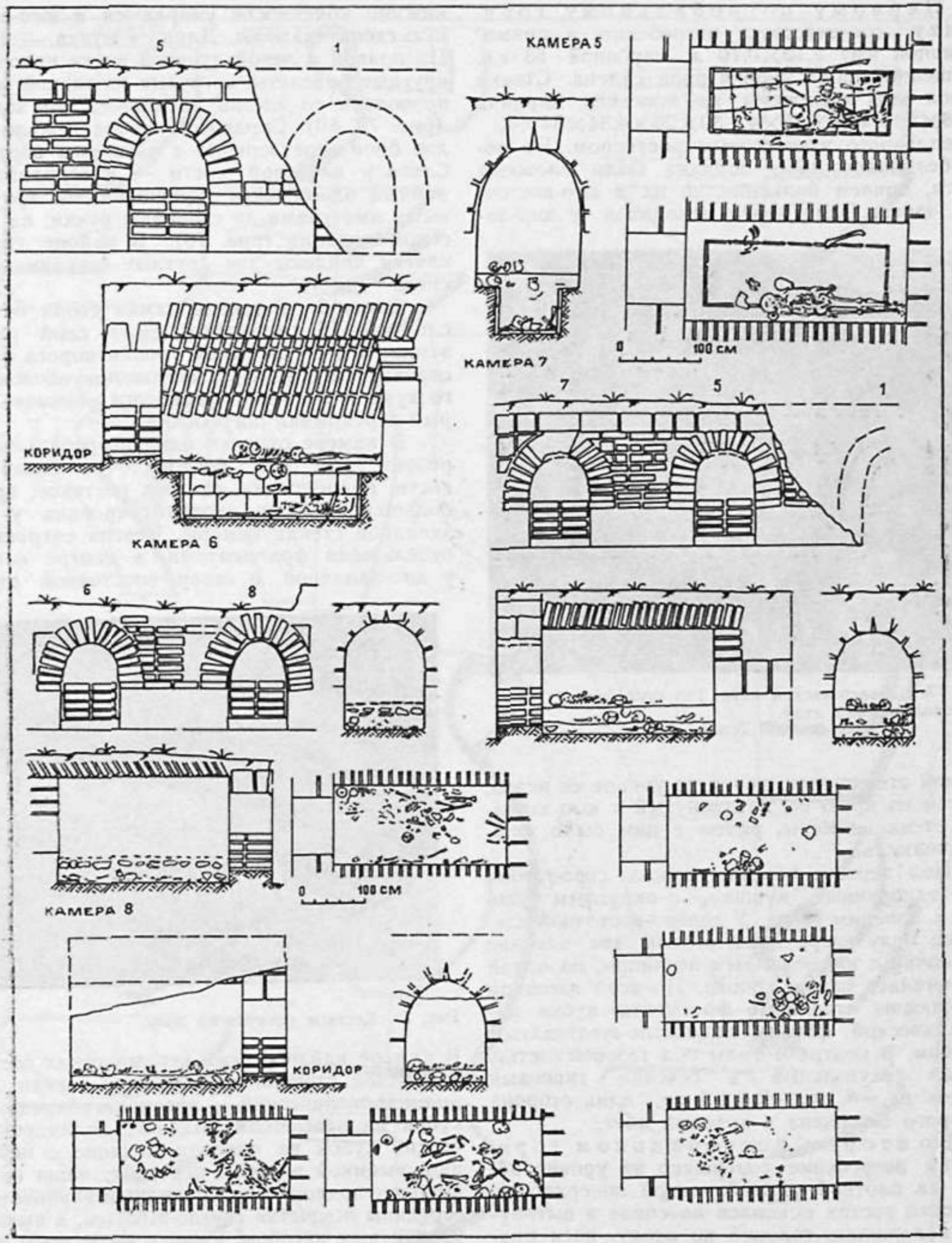


Рис. 72. Дальверзинский науc. Погребения в камерах 5—8.

Первому погребальному горизонту соответствует погребение в прямоугольной яме 2,10×0,70 *м*, глубиной 53 *см*, опущенное ниже уровня пола склепа. Стенки и пол ямы выложены из жженого кирпича 28×28×4,29×25×4, 30×26×4,34×34×4, скрепленного известковым раствором. На полу без какого-либо порядка были сложены кости, причем большинство их в юго-восточной части. Один череп находился у юго-западной стенки ямы, почти на уровне ее верха, другой на краю ее, притиснутый к юго-западной стенке камеры, рядом с ним была нижняя челюсть.

Рис. 73. Дальверзинский наус. Тип погребения: трупоположение в хуме.

Под первым черепом лежал серо-глиняный одноручный кувшин, с округлым туловом и плоским дном. У северо-восточной стены на полу вверх дном стояли две плоские тарелочки с клювовидным венчиком, на одной сохранились следы копоти. По всей площади разбросаны отдельные фрагменты кубка цилиндрической формы со светло-желтоватым ангобом. В центре могилы под тазовой костью лежал треугольный в сечении гипсовый брусок дл.=8 *см*, ш.=1,5 *см*, одна сторона которого окрашена в красный цвет.

Во втором погребальном горизонте погребение совершено на уровне порога на плотной утрамбованной поверхности. Женский костяк покоился на спине в вытянутом положении, головой ко входу, ноги прямые, руки вытянуты вдоль туловища. Костяк располагался у юго-западной стенки, причем нижние конечности упираются в юго-восточную стенку камеры. Длина костяка — 1,61 *м*. На правой и левой лучевой кости находились круглые браслеты, согнутые из тонкой медной проволоки со слегка расширенными концами (рис. 79, 80). Справа от черепа лежало круглое бронзовое зеркало с загнутым бортиком. Слева у плечевой кости — красноангобированный одноручный кувшинчик с треугольными выступами по сторонам ручки, на невысоком поддоне (рис. 76). В районе грудной клетки найдены две круглые стеклянные бусины.

Склеп 6. В уровне замка свода отмечен слой 10—15 *см* натека, ниже слой рыхлой земли, а в 20 *см* выше уровня порога зафиксирован слой из фрагментов полуобожженного хума и обломков сырцового кирпича, который перекрывал погребения.

В камере отмечен один погребальный горизонт. На полу беспорядочно разложены кости, по-видимому, от трех костяков, причем большая их часть сконцентрирована у юго-западной стенки камеры. Черепа сохранились отдельными фрагментами, в центре камеры, у юго-западной и северо-воостоточной стенок.

Рис. 74. Костные остатки на полу.

В камере найдено семь керамических сосудов различной степени сохранности, среди них: цилиндроконический, красноангобированный кубок на невысоком поддоне; цилиндроконический кубок на плоском поддоне с небольшой выемкой в месте перегиба; чаша на невысоком поддоне с клювовидным венчиком, до середины покрытая светло-желтым, а выше — коричневым ангобом; чираг с вытянутым носиком, но без ручки, со следами копоти; одноручный кувшинчик с грушевидным туловом,

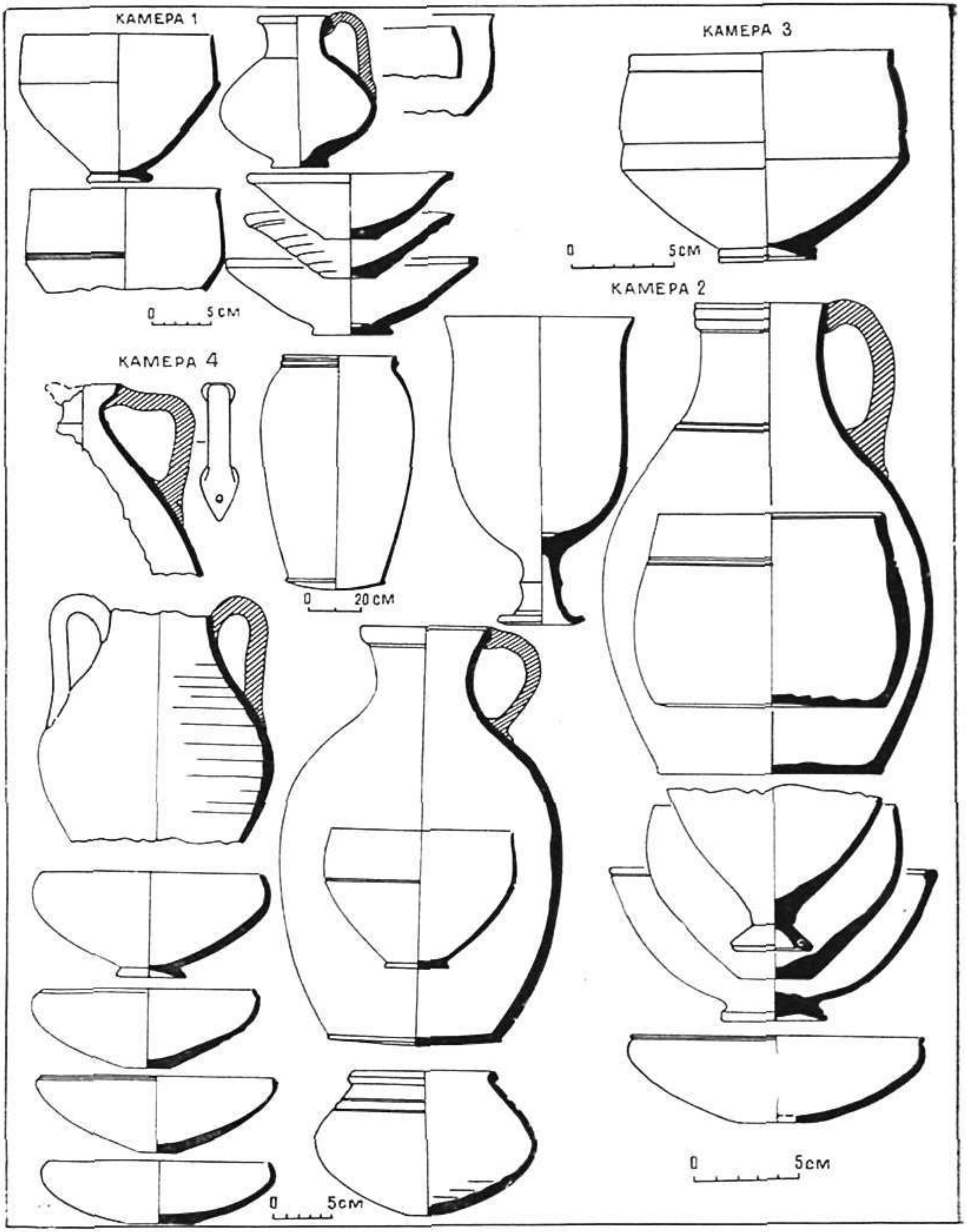


Рис. 75. Дальверзинский наус. Керамика из камер *1—4*.

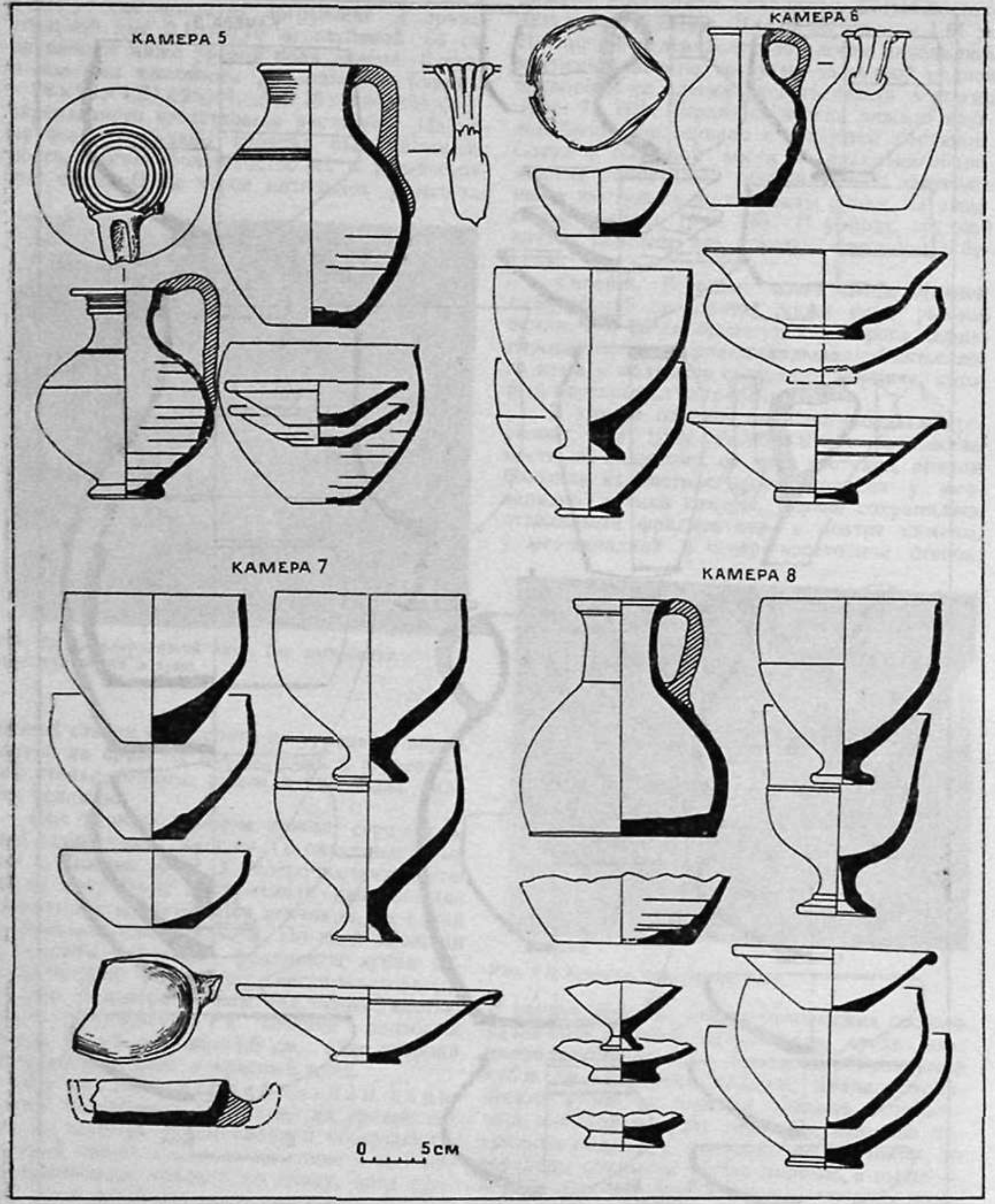


Рис. 76. Дальверзинский наус. Керамика из камер *5—8*.

покрытый светло-желтым ангобом; раздавленная красноангобированная чаша на невысоком поддоне с отогнутым венчиком; часть миски с загнутым внутрь венчиком, остальные фрагменты которой были разбросаны по всей площади камеры (рис. 76).

В центре склепа найдена золотая серьга из тонкой проволоки диаметром 1.5 *см*, а у северо-восточной стенки шесть мелких цилиндрических пастовых бус и стеклянная вставка перстня.

Склеп 7 (рис. 72). Отмечено три погребальных горизонта.

Первый погребальный горизонт содержит захоронение костей, лежавших на полу в беспорядке, причем большинство их сосредоточено в юго-восточном углу. Найден один череп, лежащий на боку, лицом ко входу у юго-западной стенки камеры, нижняя челюсть находилась у теменной части. Рядом с черепом стояли закопченная изнутри миска с загнутым венчиком, покрытая светло-желтоватым ангобом, глубокая тарелка с клювовидным венчиком, покрытая изнутри красноватым, а снаружи светло-желтоватым ангобом, в которой лежали две округлые гальки и раздавленный кубок цилиндроконической формы, ангоб снаружи светло-коричневый, внутри — красноватый. У порога стоял кубок аналогичной формы (рис. 76). В северо-восточном углу найден фрагмент бараньей челюсти.

Второй погребальный горизонт. Погребения по аналогичному обряду устроены на 25 *см* выше уровня пола камеры и предыдущего погребения на плотной поверхности, смазанной глиной. Кости находились в разных местах камеры, но количество их незначительно и не соответствует количеству костей трех погребенных, поскольку на этом уровне найдено три черепа. Два из них лежали на боку рядом друг с другом у середины юго-западной стенки, а один — в центре камеры. Между черепами донцем к донцу помещались два бокала цилиндроконической формы на невысокой ножке. Один бокал полностью покрыт красноватым ангобом, а другой до перегиба красноватым, ниже коричневатым. У северо-восточной камеры найдены два фрагмента стенок хума (рис. 76).

Третий погребальный горизонт. Погребение совершено на твердой утрамбованной поверхности на высоте 50—55 *см* от уровня пола камеры. Погребенных, по-видимому, было два, но при совершении последующего захоронения костяки были сильно повреждены, в результате чего частично сохранилось местоположение одного костяка, точнее позвонков, тазовой кости и бедренных костей. Судя по ним, костяк лежал на спине в вытянутом положении, головой ко входу. Рядом у северо-восточной стенки помещался еще один костяк, который был сдвинут с места и оказался в полном беспорядке. Оба черепа также сдвинуты с первоначального положения и помещались в северо-западном углу камеры. У тазовой кости обнаружены обломки медного зеркала с ручкой, рядом — две плоские сердоликовые бусины округлой формы Д-1,5 *см*. На этом же уровне найдены фрагменты стенок венчика толстостенного сосуда с выпуклыми шишечками и прорезными отверстиями в бортике венчика, который, возможно, использовался для переноса костей. Поверх нижних костяков лежал в скорченном положении на левом боку еще один скелет,

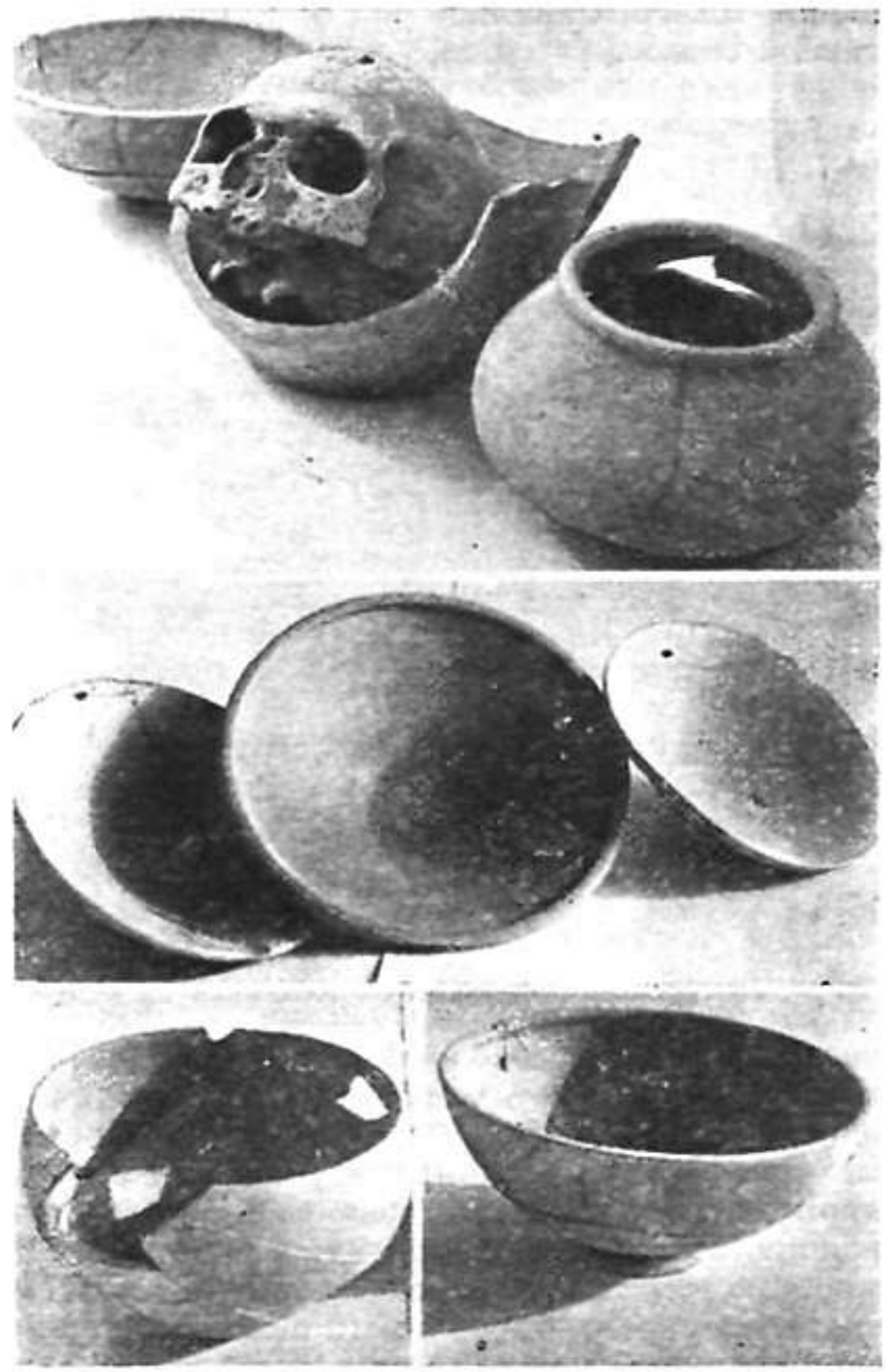


Рис. 77. Дальверзинский науе. Керамика из камер.

от которого in situ сохранились позвонки, тазовые и бедренные кости.

Склеп 8 (рис. 72). В камере зачищено два погребальных горизонта, которые по характеру погребального обряда не отличаются друг от друга.

Первый погребальный горизонт. Большая часть костей сконцентрирована в северо-западной части камеры. Один череп лежал у входа, другой — теменной частью вниз в северо-западному углу, две нижние челюсти у северо-восточной стенки, одна — у входа. В центре камеры обнаружена красноангобированная тарелка с плоским дном и клювовидным венчиком, в которой находилось грубо обработанное пряслице из мергелистого известняка. Рядом — нижняя часть красноангобированного бокала на профилированной ножке. У входа рядом с первым черепом обнаружены — кубок цилиндроконической формы с выемкой в середине, красноангобированный бокал колоколовидной формы на высокой профилированной ножке, одноручный кувшин с грушевидным туловом, плоским дном и профилированным венчиком, покрытый светло-желтым ангобом, фрагмент донца и части тулова толстостенного сосуда (рис. 76). В юго-восточном углу вверх дном лежали два донца и два фрагмента стенок хума. У юго-западной стены найдена костяная заколка с ребристой верхней частью. В центре камеры — россыпь бус, среди них: две шаровидные сердоликовые, многогранная бусина из горного хрусталя, плоская перламутровая, цилиндрическая бусина из синего стекла, семь цилиндрических бусин из пасты красноватого цвета, бочонковидная бусина из пасты, пять бус из синего стекла, четыре бусины из голубого, цилиндрической формы бусина зеленоватого цвета, пять мелких пастовых бусинок белого цвета, одна полосчатая бусина красноватого цвета, амулет ромбовидной формы из мергелистого известняка, четыре пастовые подвески звездчатой формы (рис. 79).

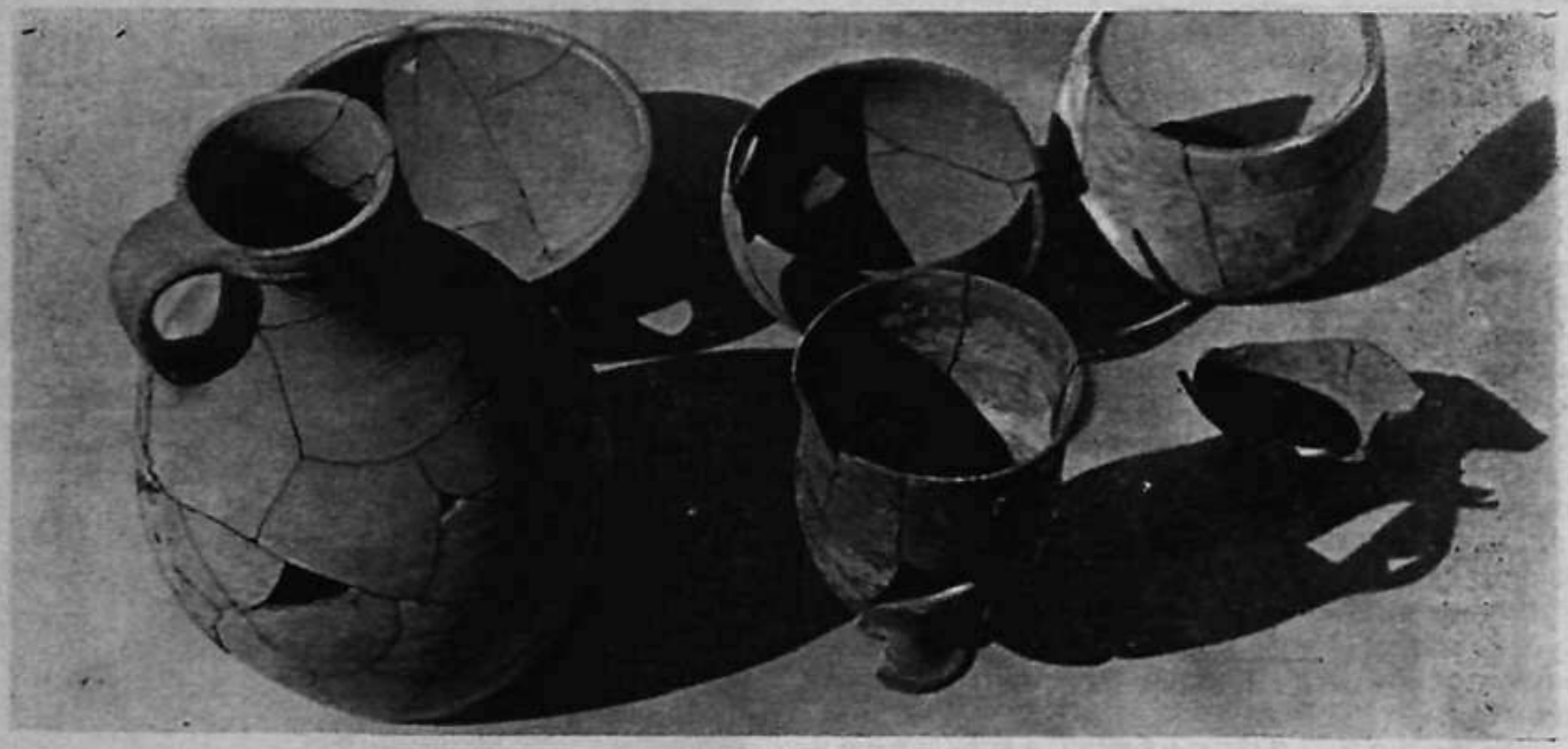


Рис. 78. Дальверзинский наус. Керамика из камер.

Второй погребальный горизонт. Ему соответствуют погребения по аналогичному обряду, совершенные на 25 *см* выше уровня пола. Обнаружено пять черепов. Три из них стояли в ряд вдоль северо-восточной стенки, два других лежали на боку у противоположной стенки на расстоянии 1 *м* друг от друга. Три нижние челюсти помещались в центре камеры. Остальные кости были беспорядочно разложены по всей площади камеры, причем части позвоночного столба вместе с крестцом находились в северо-западном углу и у входа.

В юго-восточном углу лежал костяной стиль с навершием в виде ладони с вытянутыми пальцами. Несколько дальше у стенки отмечено скопление древесных угольков. На расстоянии 1,2 *м* от входа найден бронзовый массивный браслет (рис. 79). У северо-западной стенки находились бараний астрагал с круглым отверстием, часть бараньей лопат-

ки и кости крупного животного. У входа в камеру — фрагменты раздавленного сосуда и чаша на невысоком поддоне. В центре камеры — овальной формы чираг без ручки.

При раскопках науса с внешней стороны у юго-западного угла, на уровне конца IV яруса, обнаружено захоронение костей. Сохранилась часть нижней челюсти, несколько ребер, позвонков и бедренная кость, лежащая рядом с челюстью. Над костями найдена медная монета Васудевы II, а рядом — небольшая чашечка грубоватой работы с загнутым внутрь венчиком и скошенной придонной частью, покрытая светло-желтоватым ангобом.

У северо-западной грани стенки науса на уровне начала VI яруса обнаружены лучевая и бедренная кости, части позвонков и ребер, лежащих на расстоянии 30—50 *см* друг от друга. Отдельные находки человеческих костей отмечены и за внешней гранью северо-восточной стенки науса, однако характер расположения костей не позволяет рассматривать их как специальные захоронения. Более вероятно, что они упали с крыши науса, куда трупы, возможно, укладывались для очищения их птицами. Можно предположить, что дальверзинский наус совмещал в себе функции дахмы,— где трупы очищались от мяса хищными птицами, и науса,— где погребались уже очищенные кости. Сочетание дахмы и науса в одной постройке отмечено в ряде мест Среднего Востока[58].

Время сооружения и функционирования науса определяется найденными в склепах археологическими материалами, в первую очередь керамикой. Однако прежде чем перейти к установлению абсолютных дат, попытаемся определить относительные даты последовательности сооружения науса и совершения захоронений.

Вначале на выровненной лессовой площадке была осуществлена общая разбивка плана всего сооружения и склепов. По полученным контурам на цоколь здания были уложены пахсовые блоки, возведены задние торцовые стены, затем своды, стены склепов и арочные входы; после этого был возведен свод коридора и завершена верхняя часть здания[59].

По мере последовательности захоронений входы в склепы до середины закладывались сырцовым кирпичом, но верхняя их часть оставалась открытой. После заполнения всех камер торец коридора с северо-восточной стороны закрыли стеной, частично прикрывшей входы в склепы 7 и 8 (рис. 126), а стены коридора и закладки камер покрыли толстым слоем штукатурки. В завершенном виде Дальверзинский наус представлял собой, по-видимому, сводчатое здание, обращенное входом на юго-запад.

В наусе зафиксировано три основных погребальных горизонта. Первый по времени отмечен только в склепах 2, 4, 5, где погребения совершены, в отличие от других камер, ниже уровня полов склепов и коридора. Характер погребального обряда и оформление могильной ямы у них различны. В склепе 2 — хумно-ящичное захоронение, в склепе 4 — трупоположение в грунтовой яме, в склепе 5— захоронение предварительно очищенных костей в яме, обложенной жженым кирпичом.

Второй погребальный горизонт в этих склепах, как и в остальных шести, соответствует уровню пола склепов и коридора. Характер погребального обряда везде одинаков — захоронение предварительно очищенных костей.

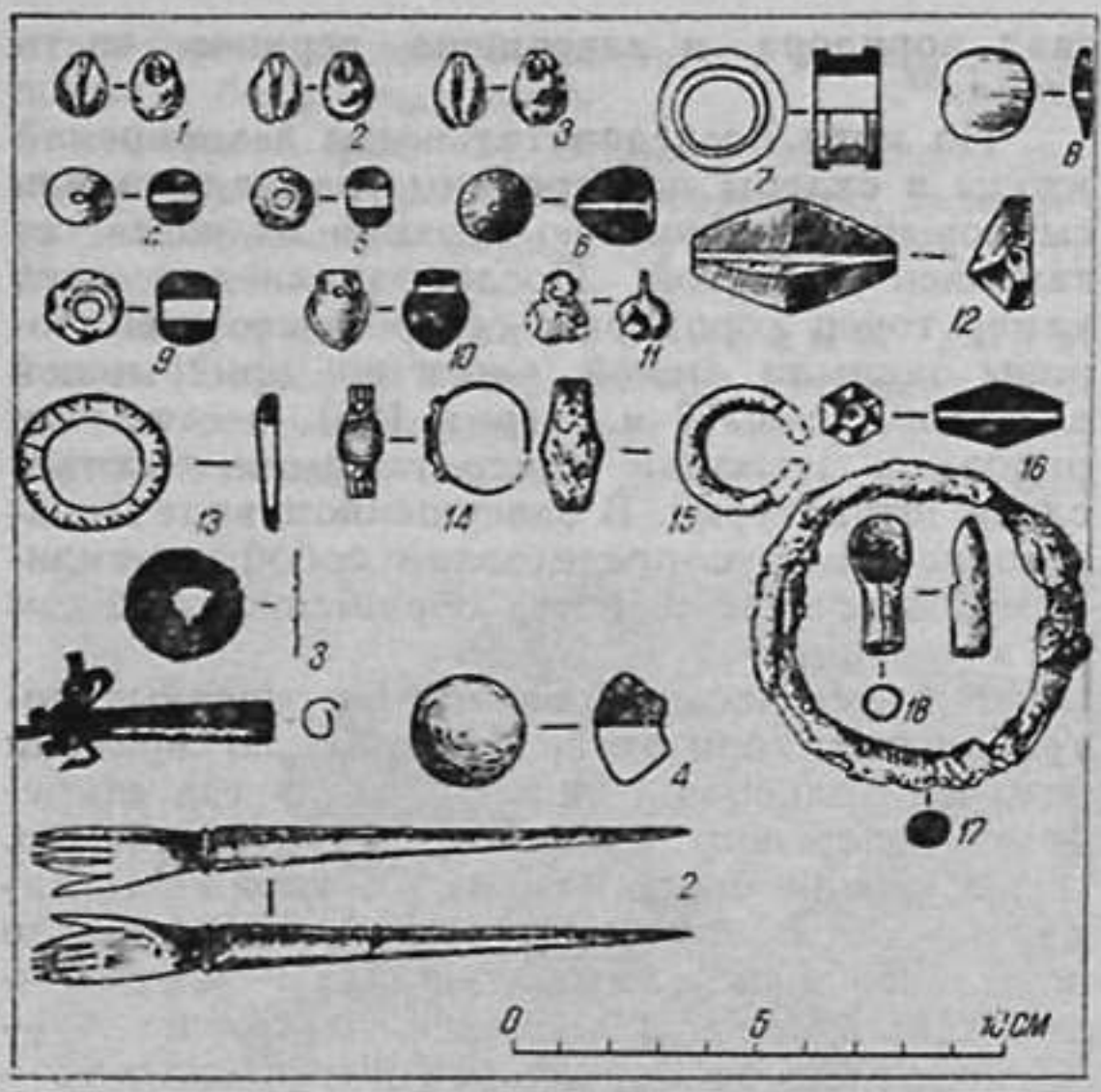
Третий погребальный горизонт с трупоположениями отмечен в склепах 2, 4, 7, а также 5, где он фактически второй, но по особенностям обряда соответствует третьему в других склепах. Погребения совершены выше уровня основного пола, над захоронениями второго погребального горизонта с предварительно очищенными костями.

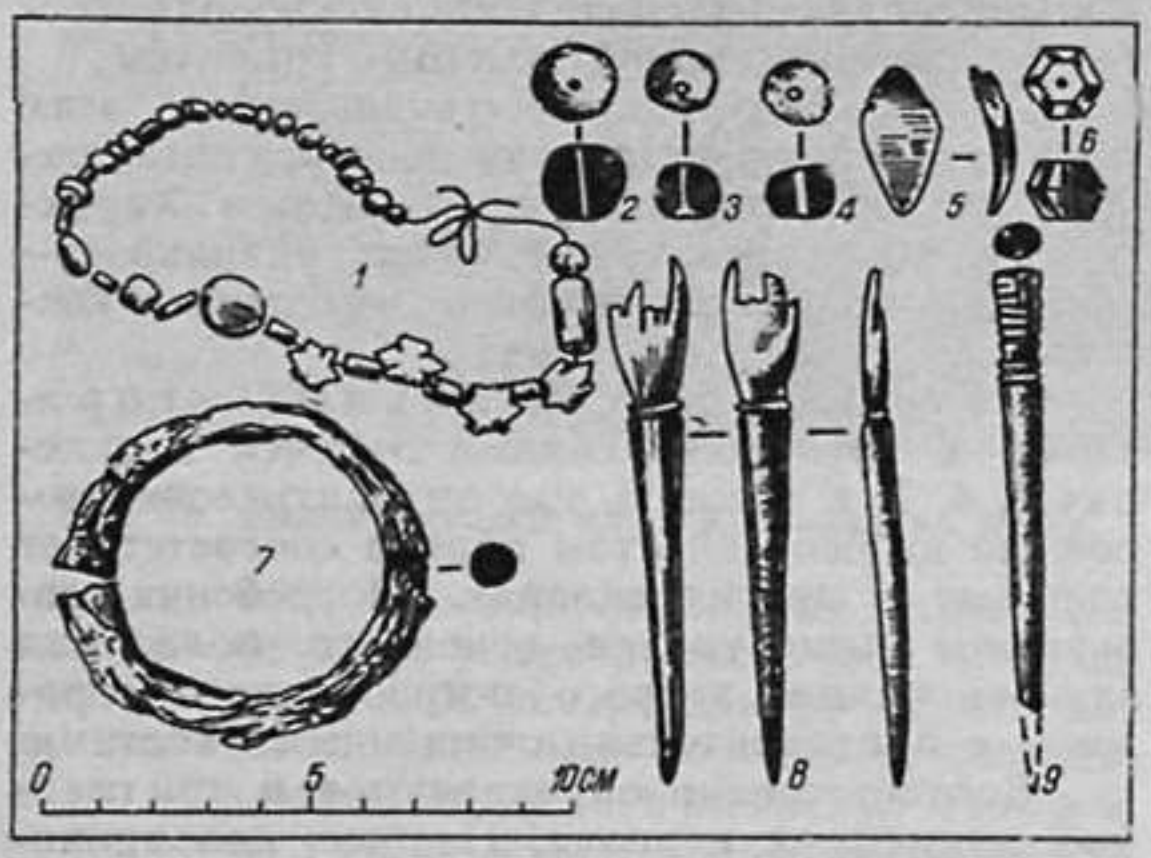
Соответственно определяются и три главных временных периода. Первые два хронологически почти совпадают; третий отделен более значительным промежутком времени. Для третьего периода имеется достаточно твердая основа для датировки: монета Васудевы I, найденная в склепе 4, а в коридоре, несколько выше уровня третьего погребального горизонта, монета из группы подражаний Васудеве II. Это позволяет датировать третий погребальный горизонт от конца II в.

---

[58] Иностранцев, с. 120; Бируни, с. 478; Борисов, с. 304; Раппопорт, с. 11, 17, 95, 111—112. Как показывают раскопки Ер-Кургана, дахма располагалась в непосредственной близости от этого античного города. По мнению Г. А. Пугаченковой, для Дальверзинтепе маловероятно совмещение дахмы и науса в едином небольшом здании, где постоянно царил бы смрад. Ссылка на Ер-Курган не убеждает, так как там открыта отдельная дахма, без науса.

[59] Как любезно сообщили автору Б. А. Литвинский, И. В. Медведская и А. Седов, в исследовавшемся ими аналогичном по плану, но несколько меньшем по размеру наусе у Шахтепе в Южном Таджикистане, перед входом обнаружено основание портала. Не исключено, что и вход в дальверзинский наус был оформлен портальной нишей; хотя выступа здесь не отмечено, поскольку эта часть постройки срезана бульдозером.





н. э. и до начала IV в. н. э. Датировку первых двух погребальных горизонтов уточняет комплекс керамики. Несомненно, что захоронения на данных горизонтах совершены ранее времени Васудевы I, т. е. по крайней мере еще до середины II в. н. э. Примечательно отсутствие в этих горизонтах монет предыдущих кушанских царей. Это выглядит особенно странным при сопоставлении с аналогичными наусами у Бандыхана, где при одинаковом с дальверзинским характере погребального обряда было найдено большое количество монет Сотера Мегаса, Кадфиза II, Канишки и Хувишки[60]. Учитывая вхождение районов Бандыхана и Дальверзина кушанской эпохи в единую историко-культурную область и аналогичный погребальный обряд в наусах Бандыхана и Дальверзина, данное явление следует, по-видимому, объяснить не расхождением в обряде, а временной разницей. Вероятно, датировка первых двух погребальных горизонтов укладывается по времени до начала правления Великих Кушан. Подтверждение этому дает анализ соответствующего материала.

Из трех погребений первого горизонта только в склепе 5 найден сопутствующий инвентарь. Среди четырех сосудов примечательны две тарелочки с плоским дном и клювовидным венчиком диаметром 15—16 *см* и высотой 4 *см* (рис. 76). Подобные тарелочки характерны для нижнего слоя Дальверзинтепе, где они встречены в шурфах Дт-2 и ДТЦ-1, а также на раскопках Дт-4 и Дт-7, под полом раннекушанского времени. Датировка их определяется Г. А. Пугаченковой, по аналогии с идентичными тарелочками из Ай-Ханум, греко-бактрийским временем (III—II вв. до н. э.)[61]. Характерны они и для слоя Афрасиаб II[62]. Не противоречит этой датировке и кубок с плоским донцем, сосуществование которых вместе с «рыбными блюдами» с клювовидным венчиком отмечено для нижнего слоя Дальверзина, Ай-Ханум и Афрасиаба[63]. По наблюдениям Г. В. Шишкиной, в Согде подобные сосуды продолжают бытовать и в слое Афрасиаб III, т. е. до рубежа н. э. или начала I в. н. э.[64] Не выпадает из этой группы и кувшин с яйцевидным туловом, аналогичный найденным в Тулхарском могильнике, который А. М. Мандельштам относит ко времени от последней трети II в. до н. э. до начала I в. н. э.[65] Таким образом, учитывая приведенные аналогии, можно, по-видимому, датировать нижнее погребение в склепе 5 в пределах II—I вв. до н. э.

Тем же временем датируется и ряд погребений второго погребального горизонта (склепы 4, 6, 7 и 8, где в комплексах керамики имеются аналогичные тарелочки с клювовидным венчиком и цилиндроконические кубки с плоским дном. Наряду с ними в керамике представлены бокалы с цилиндроконическим, выпукло-коническим и колоколовидным туло-

---

[60] Работы Узбекистанской искусствоведческой экспедиции 1974—1975 гг.; раскопки могильника осуществляли Э. Ртвеладзе и А. Маликов.

[61] Пугаченкова, 1971, с. 188, рис. 2.

[62] См. также в настоящей монографии статью «Керамика Дальверзинтепе».

[63] Шишкина, с. 60, рис. 3.

[64] Шишкина, с. 71.

[65] Мандельштам, 1966, с. 173, табл. IX, *9*, XI. *4* и др.

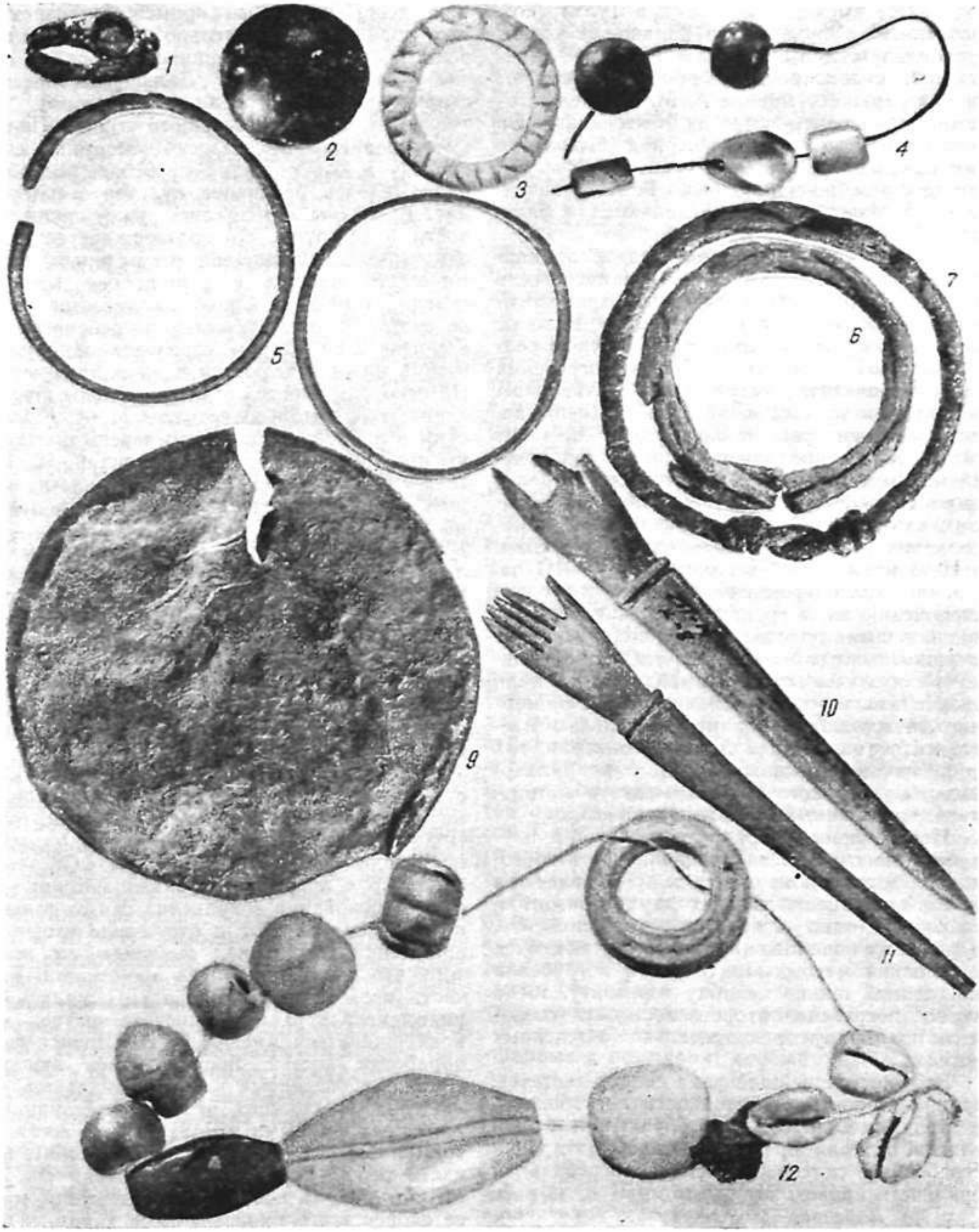


Рис. 79. Дальверзинский наус: слева — украшения из камер; справа — кольца, оусы, браслеты, зеркало, стили, раковины — каури из захоронений.

вом, также имеющие аналогии в Тулхарском могильнике[66]. Закономерно наличие в одном погребении (склеп 8) бокалов цилиндро-конического и колоколовидного профиля (рис. 78), что подтверждает мнение А. М. Мандельштама об одновременности их бытования. По мнению того же автора, период бытования этих бокалов заканчивался ранее I в. н. э.[67]. Вместе с тем, по наблюдению Г. А. Пугаченковой, бокалы на ножке появляются в бактрийской керамике не ранее I в. до н. э.

Мы сознательно избегаем подробного анализа других категорий вещей, найденных в наусе, из-за отсутствия надежных хронологических критериев для их датировки. В то же время некоторые керамические группы свидетельствуют о том, что основные погребения второго горизонта могут быть датированы временем до рубежа н. э., хотя отнесение некоторых из них уже к началу I в. н. э. не исключено. О продолжительности захоронений на этом горизонте свидетельствует более сорока погребенных. В итоге можно, по-видимому, считать, что основной период функционирования Дальверзинского науса относится ко II—I вв. до н. э., тогда как во II—III вв. н. э. он кратковременно используется для захоронений иной группы населения, не связанной узами родства с предшествующими. Антропологический анализ привел Т. К. Ходжайова к любопытному выводу о наличии в наусе как черепов восточносредиземноморского типа, которым характеризовалось земледельческое население Древней Бактрии, так и черепов, аналогичных черепам из Тулхарского, Аруктауского и Бабашовского могильников, оставленных кочевыми народами.

Погребальный обряд, отмеченный в наусе, если не считать захоронений третьего горизонта, в основном, однороден. Из более чем сорока захоронений первых двух горизонтов, только два (одно — простое трупоположение, другое — трупоположение в хуме) отличаются от основной массы. Причем оба погребения свойственны только первому горизонту, тогда как все погребения второго горизонта совершены по обряду предварительно очищенных костей.

Этот интереснейший факт свидетельствует, с одной стороны, о нестойкости погребального обряда, а с другой — об обращении к иной религии. И если правильна наша датировка погребения в склепе 5, то смена погребальной обрядности происходит где-то во II в. до н. э. Уже через некоторый промежуток времени этот обряд, а следовательно, связанная с ним религия, получает признание, во всяком случае у части населения Дальверзинтепе, поскольку второй погребальный горизонт дает только захоронения данного типа. Полная смена религиозных воззрений несомненна, поскольку в тот и другой погребальный обряд вкладывалось различное культовое содержание. В склепы помещались уже очищенные кости, а не трупы, что подтверждается рядом отмеченных наблюдений: отсутствием анатомического порядка в размещении костей в склепах, в ряде из каковых количество костей не соответствует количеству погребенных. Так, в склепе 2 на втором горизонте обнаружено восемь нижних челюстей и ни одного черепа. На некоторых костях отмечены следы повреждения: так, патологоанатомом М. И. Молдавским в лобной части одного черепа прослежены три линейных дефекта длиной 12, 16 и 26 *мм* и один дефект в теменной части, которые, по его заключению, могли быть нанесены после смерти.

Отпадает предположение, что трупы истлевали в склепах, а кости сдвигались при совершении последующих захоронений третьего погребального горизонта: в склепах 6 и 8 отсутствуют трупоположения, перекрывающие горизонт с очищенными костями, но кости в них также лежат в беспорядке. Все это доказывает, что до захоронения в склепы кости подвергались специальной предварительной обработке — очищались от мяса.

Способов очистки костей в Средней Азии существовало несколько: в одних случаях мясо поедалось животными и птицами, в других — отделение мягких покровов от костей производилось людьми[68]. Б. Я. Ставиский, анализируя погребения пенджикентских наусов, на основании сохранения связок в частях позвоночных столбов и отсутствия следов повреждений высказывал сомнение по поводу того, что кости очищались животными. Такие части позвоночных столбов сохранялись и в ряде склепов Дальверзинского науса; если придерживаться мнения Б. Я. Ставиского, то обработка костей производилась людьми[69]. Однако проведенные нами специальные наблюдения показывают, что при поедании мяса животных хищными птицами почти всегда остаются не только позвоночные столбы, но и части ребер, скрепленные с ними. На наш взгляд, очистка костей в Дальверзинском наусе скорее всего производилась хищными пти-

---

[66] Мандельштам, 1966, с. 182, 183, табл. XX, XXI, XXIX рис. 5.
[67] Мандельштам, 1966, с. 157.
[68] Раппопорт, с. 110—112.
[69] Ставиский, 1952, с. 39.

цами, хотя, по свидетельству Онесекрита, в Бактрах имелись и специальные псы-погребатели, поедающие стариков, изнуренных болезнями и старостью (Страбон, XI, 3).

Выявленный обряд предварительного очищения костей в Дальверзинском наусе соответствует одному из основных предписаний зороастрийской погребальной обрядности, изложенной в Видевдате[70]. Другая основная сторона этого обряда — сохранение костных останков в специальных костехранилищах — также выполнена согласно зороастрийским предписаниям[71]. В Дальверзинском наусе таковыми являлись склепы-костехранилища.

В Средней Азии захоронения предварительно очищенных костей встречаются почти повсеместно, причем крайние хронологические рамки бытования этого обряда весьма широки — от рубежа IV—III вв. до н. э.[72] вплоть до XIII в. н. э.[73] Характерно, однако, что в подавляющем большинстве случаев для хранения костей использовались оссуарии, находки которых в Хорезме, Маргиане, Согде и Шаше исчисляются сотнями. При этом оссуарии помещались в домах, в нишах, просто в земле, около стен или же в специальных постройках-наусах. Последние в Согде представляли собой однокамерное сводчатое сооружение[74]. Многокамерных наземных наусов, аналогичных Дальверзинским, на остальной территории Средней Азии почти не было выявлено. Единственное близкое соответствие дает Мервский наус, хотя полной аналогии здесь нет. В нем склепы располагались по четырем сторонам квадратного двора[75], тогда как дальверзинский наус имеет иную планировку: центральный коридор, на обеих сторонах которого по четыре склепа. Кроме того, существенно и различие в способе хранения костей, для чего в Мервском наусе чаще использовались оссуарии, тогда как в Дальверзинском их нет. Безоссуарные захоронения костей, обнаруженные в наусах Мерва, разбросаны большими беспорядочными кучами на полах наусов и рядом с оссуариями[76].

Таким образом, при сопоставлении погребального обряда в Дальверзинском наусе с таковым же в остальных областях Средней Азии при известном сходстве выявляется отчетливое различие в способе хранения костей. В Хорезме, Маргиане, Согде и Шаше для них использовались преимущественно оссуарии, в Северной Бактрии кости помещались в склепы, которые, по-видимому, можно сопоставить с uzdana — специальной постройкой для хранения костей, упоминаемой в Видевдате[77]. В настоящее время выяснилось, что именно этот тип костехранилища был широко распространен как в Северной, так и в Южной Бактрии в предкушанское и кушанское время, поскольку аналогичные безоссуарные захоронения костей в многокамерных наусах открыты не только в Дальверзине, но также в Шахтепе (Южный Таджикистан), в Бандыхане (Южный Узбекистан), в Дильберджине (Балхская провинция, Афганистан)[78]. Говорить об этом можно с достаточной уверенностью и по причине отсутствия в Бактрии находок оссуариев, подобных хорезмийским или маргианским.

Находка хума с костными остатками в Халчаяне в слое III—II вв. до н. э. показывает, что изредка, по-видимому, применялись в качестве костехранилища и обычные хумы, но не художественно оформленные оссуарии, каковых в Северной Бактрии нет[79].

Нет близких аналогий в типе костехранилищ и в Иране, где господствовал канонический зороастризм. Согласно археологическим данным, здесь преобладали остотеки — небольшие ниши, вырубленные в скалах[80]. Правда, при раскопках в Сузах обнаружены заглубленные сводчатые склепы, где трупы после истлевания на суфах сдвигали на пол[81], однако по планировке и способу обработки костей они также отличаются от наземных наусов Северной Бактрии. Анализируя археологический материал из Средней Азии и Ирана, Ю. А. Раппопорт указал на различные типы костехранилищ в этих областях, отметив, что отличие это состоит прежде всего в том, что среднеазиатские костехранилища можно перемещать[82]. В свете новых открытий становится очевидным, что Северная Бактрия по типу костехранилищ не совпадает ни с общими среднеазиатскими, ни с иранскими материалами и дает свой особый локальный вариант.

Таким образом, в тех областях Средней Азии и Ирана, где практиковался обряд пог-

---

[70] The Sacred Books of the East, p. 53, 74.
[71] Там же, p. 73, 74.
[72] Раппопорт. Указ. соч.
[73] Григорьев, с. 144—150.
[74] Ставиский, Большаков, Мончадская, с. 64—98.
[75] Ершов, с. 167, рис. 5.
[76] Кошеленко, Десятчиков, с. 181.
[77] The Sacred Books, p. 73.
[78] *По сообщению Г. А. Пугаченковой, сходный с* дальверзинским наус раскопан Советско-Афганский археологической экспедицией в Дильберджине в 1974 г.
[79] Пугаченкова, 1966 а, с. 33—34, 242, 243.
[80] Herzfeld, 1935, p. 39; Ghirshman, 1954, p. 332.
[81] Ghirshman, 1951, p. 13—14.
[82] Раппопорт, с. 18.

ребения предварительно очищенных костей, в античное время существовало четыре основных типа костехранилищ, особых для каждой области: Хорезм, Маргиана, Согд, Шаш — оссуарии, Иран — полуподземные склепы и скальные ниши — остотеки, Бактрия — наземные многокамерные наусы.

Отсутствие оссуариев в Северной Бактрии позволяет наметить еще одно различие в погребальном обряде между этой областью и остальными районами Средней Азии.

Существует гипотеза, что оссуарии до момента их захоронения длительное время находились в доме или специальной постройке, где они служили предметом поклонения для родственников, совершающих перед ними различного рода поминальные акты. Главным моментом этого обряда было поклонение останкам конкретного умершего. Второе же действие данного религиозного акта происходило после захоронения оссуария, когда обряд в честь конкретного умершего сливался с ритуалом годичных празднеств, посвященных духам предков[83].

Если это и так (что пока лишь предположение), то в Северной Бактрии порядок исполнения и характер обряда поклонения духам предков представляется иным. Поскольку оссуариев здесь нет, а костные останки умерших переносили сразу же в наус, то здесь, а не в доме, совершались главные поминальные тризны и приношения. Прямым свидетельством этому являются обнаруженные в коридоре науса перед входами в склепы небольшие ямки, заполненные золой и угольками, обломки и целые керамические сосуды. Вероятно, сосуды, найденные в склепах при костях, ставились не сразу после захоронения, а спустя некоторое время, в дни, когда совершались празднества в честь духов предков. Характерно, что многие сосуды несут на себе следы длительного употребления в быту, а светильники — чираги в большинстве своем закопчены.

[83] Раппопорт, с. 111—115.

Здесь вероятна прямая связь с ритуалом годичных празднеств, посвященных духам предков, описанных Бируни. По его словам, в конце месяца Абанмах и в течение пяти следовавших за ним дней персы «ставили кушанья в наусы мертвецов, а напитки на крыши домов, жгли благовонья для душ умерших...» Те же обряды были характерны для согдийцев и хорезмийцев[84]. Культ поклонения духам предков — фравашам отражен в Авесте, что зафиксировано в «Фравардин-Яште», где благословляется каждый, кто приносит им жертву «с едой и одеждами в руках»[85].

Таким образом, все вышеизложенные данные позволяют считать погребальный обряд, зафиксированный в Дальверзинском наусе, близким к зороастрийскому и говорить о широком его распространении на территории Бактрии.

Наряду с тем здесь существовали и иные, радикально отличные типы погребений. Примечательно, однако, что большинство из них— Тулхар[86], Туп-хона[87], Айртам[88] и другие датируются в пределах I в. до н. э.— I в. н. э.[89], тогда как единственный, по существу, известный сейчас могильник более позднего времени в Бандыхане, хорошо датируемый монетами Кадфиза II, Канишки и Хувишки, дает захоронения предварительно очищенных костей. Не свидетельство ли это победы на какое-то время данного погребального обряда в Северной Бактрии?

Судя по наличию в Дальверзинском наусе трупоположений, перекрывающих вторичные захоронения, и по материалам Бандыханского могильника, здесь, по-видимому, во времена Васудевы I происходит новая смена погребальной обрядности. Возможно, что данное явление — результат политики этого кушанского правителя.

[84] Бируни, с 236, 255, 258.
[85] The Sacred Books, XXIII, p. 192—193.
[86] Мандельштам, 1966.
[87] Дьяконов, 1950, с. 154.
[88] Тургунов, 1968, с. 50.
[89] Пугаченкова, 1974, а, с. 132—134.

КВАРТАЛ КЕРАМИСТОВ (Дт-9)

В южной части Нижнего города, близ крепостной стены, выделяется бугор прямоугольного плана с закруглением углов, размерами примерно 90×60 *м* при перепаде отметок от подошвы до вершины около четырех метров. Еще в 1968 г. Г. А. Пугаченковой были отмечены куски гончарных шлаков на его северном и западном склонах, а в ложбине с восточной стороны обнаружен контур окаленной стенки; во время раскопок была выявлена небольшая керамическая печь. С целью суждения о характере одного из ремесленных кварталов бактрийского города, раскопки на этом холме (получившем шифр Дт-9) продолжались в последующие годы нами при сменном составе участников (Л. Некрасова, Э. Джураев, М. Исхаков).

В течение 1970—1974 гг. была вскрыта значительная площадь объекта Дт-9 (рис. 80). Это оказался квартал керамистов, в котором выделяется как бы три зоны. Верхняя — в северо-западной части еще до раскопок обрисовывалась возвышением какой-то оплывшей прямоугольной постройки, условно поименованной нами Верхним зданием. Средняя — в южной части холма; между нею и Верхним зданием в северо-восточном секторе располагался, судя по западанию микрорельефа, двор (около 30×30 *м*). Нижняя — на склонах и у подножья, где были устроены гончарные печи (рис. 81).

Раскопки и закладка шурфов в разных уровнях показали, что застройка квартала керамистов осуществлялась на естественном всхолмлении, с использованием его рельефа, в результате чего отметки полов помещений имеют перепад. Культурный слой с остатками стен былых строений достигает в верхней зоне от 0,5 до 2 *м*, в средней — от 0,3 до 1 *м*; под ним следует материковый лесс. Топочные камеры печей на склонах были опущены в грунт и потому в большинстве сохранились, хотя и с полуобвалившимися сводами, камеры же обжига в большинстве разрушены почти до уровня пода, а иногда разрушен и он.

Рассмотрим объекты раскопок, следуя от нижней зоны вверх.

Керамические печи

На восточном и юго-западном участках холма было расчищено десять гончарных печей (шифры Пч-1 и от Пч-3 до Пч-11)[1]. Расположение их показано на чертеже. Приведем краткое описание печей, включив в него также печь Пч-2, вскрытую в загородной зоне городища.

Пч-1 (рис. 82) — небольшая печь, ориентированная с севера на юг, куда обращено топочное устье. Сохранилась лишь топочная камера (2,40×70—90 *см*), обложенная сырцом, и часть сводика. Последний выложен из специально изготовленных лекальных кирпичей, на которых еще по-сырому вырезался дугообразный кусок. Между парами таких кирпичей введен клиновидный замковый кирпич.

Пч-2 расположена в 300 *м* к ЮЗ от внешнего угла Дальверзинтепе. От нее дошла лишь часть топочной камеры (4×0,8 *м*), вытянутой с юга на север, куда обращено топочное устье. Топка была опущена в лессовый массив, где обложена сырцовым кирпичом (43×43×10—11 *см* и 41×41×10—11 *см*). Перекрытием служил свод — сохранились лишь его начальные ряды, выложенные напуском горизонтальных рядов. Под камеры обжига, судя по окаленности вышерасположенного лессового останца, находился на 1,8 *м* выше основания топочной камеры. Стенки последней слегка оплавлены, печь функционировала недолго. При расчистке попадались ошлакованные куски кирпича, но остатков керамического брака нет. Похоже, что печь использовалась для выжига кирпича, сырье для которого бралось рядом.

От **Пч-3** (рис. 82) сохранилась топочная часть с остатками сводчатого перекрытия, а также под и нижние кладки стенок камеры обжига. Печь вытянута с запада на восток, куда обращено топочное устье. В ней запечатлены два строительных периода, не считая некоторых текущих ремонтов. Первоначально топка была опущена в грунт (материковый лесс и накопившийся под ним ко времени устройства печи культурный слой) и обложена вертикально поставленным сырцом (40×40×12 *см*). После длительного использования пришедший в негодность свод разобрали, камеру сузили, обложив сырцом (35×35×11 *см*) горизонтальной кладки и вывели новый свод. Размеры топочной камеры после перестройки стали 3,7×1—1,1 *м*, топочного хо-

[1] Описание некоторых печей см.: Пугаченкова, 1971, с. 194—195, рис. 6; 1973 а.

Рис. 80. Квартал керамистов. Общий вид раскопа. Дт-9: справа — храм, слева — мастерские.

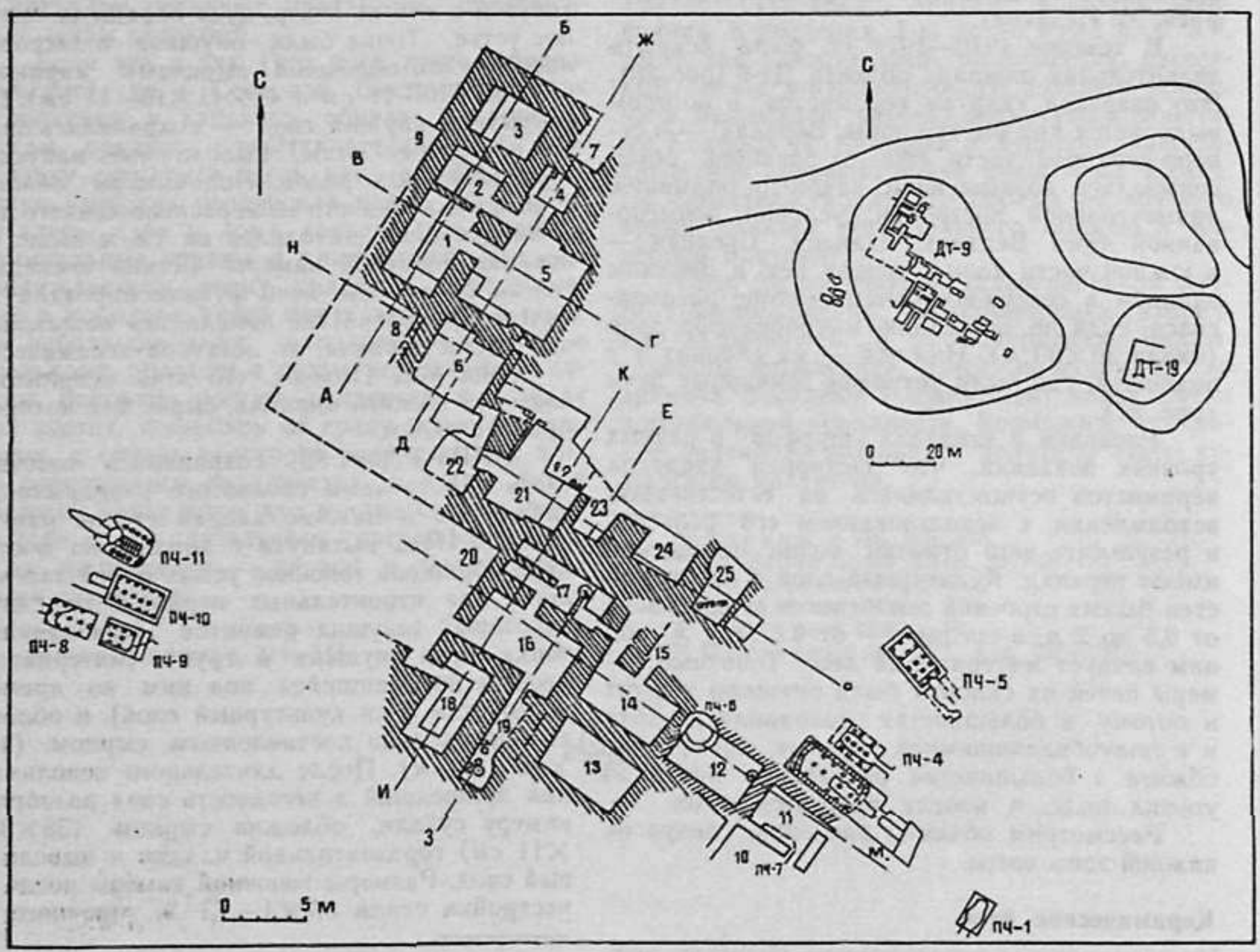


Рис. 81. Квартал керамистов. Генеральный план и план вскрытых помещений и печей.

да — 3,5 *м* при ширине 65—70 *см*. Перекрытием топочного хода служит трапециевидный сводик отрезками, образованный парами наклонно поставленных полукирпичей — сырцовых (34×17×10 *см*) и жженых (32×16×6 *см*) с замком из обрубленного клином сырцового кирпича; перекрытие же топочной камеры — свод из сырца, наклонными отрезками — трапециевидный вверху и со скруглением у пят. В этом своде устроены идущие вкось вдоль стенок и вертикальные в замке каналы для тяги горячих газов. Стены, свод, каналы сильно ошлакованы за время длительной эксплуатации печи.

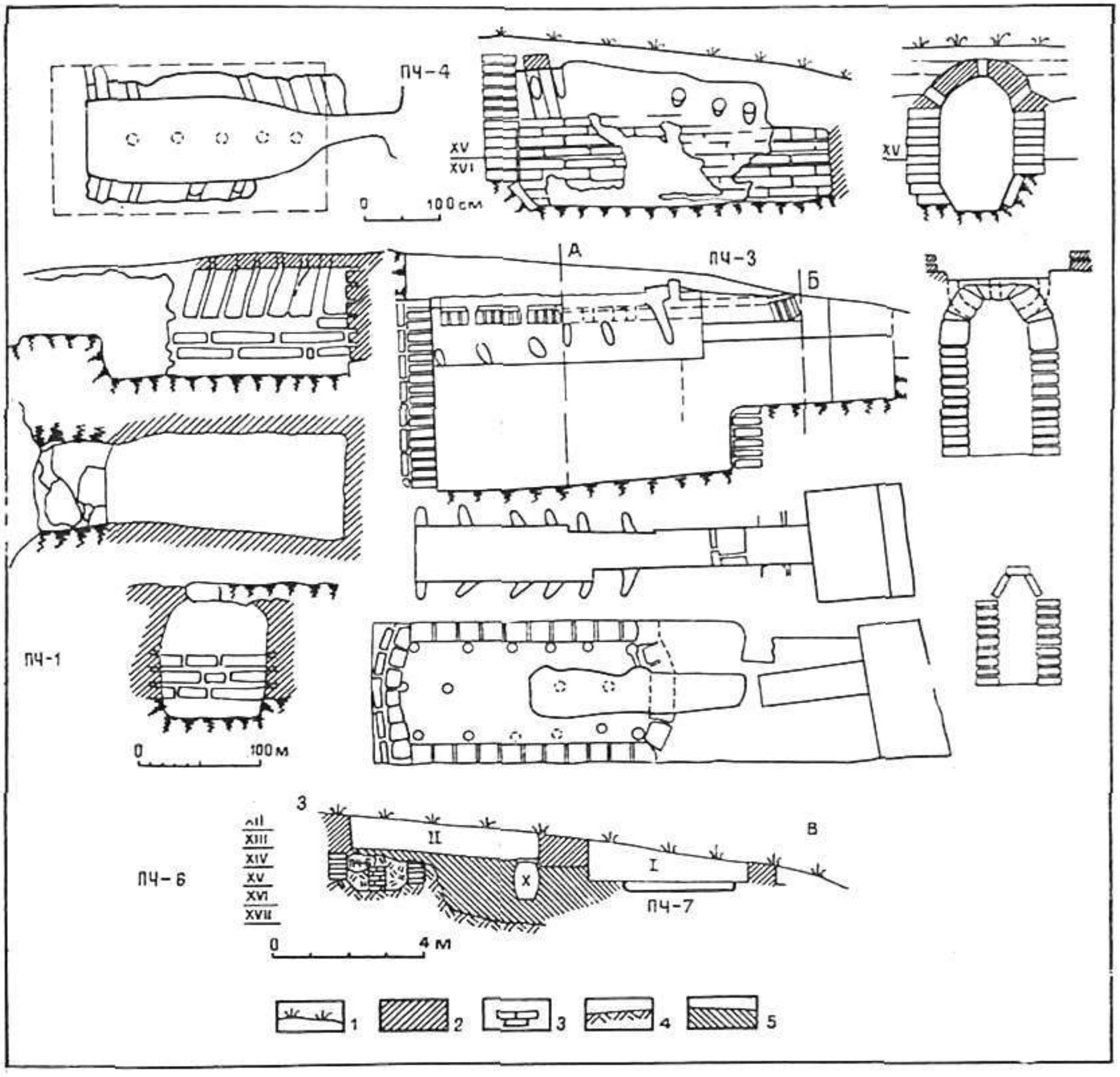


Рис. 82. Квартал керамистов. Печи № 1, 3, 4, 6, 7.

Условные обозначения: *1* — дневная поверхность; *2* — рыхлая сырцовая кладка; *3* — кладка из сырца; *4* — материковый лесс; *5* — завал глины с большой примесью обгорелых остатков фрагментов керамики, костей, золы, угля; *х* — хум, врытый ниже пола ошлакованной глины; I—II — комнаты дома IV в.; пч — 6 и пч — 7 — остатки печей кушанского времени.

Камера обжига почти прямоугольная (3,80—4 *м* на 1,70 *м*) с небольшим выгибом торцовых стенок. Она обложена в один ряд сырцовым кирпичом (32×32×10—11 *см*), наполовину окалившимся до светло-желтого цвета. Вдоль стенок, а также по оси располо-

жены в три ряда 12 лунок жаропроводящих каналов д.=15—18 *см*. В СЗ углу сохранилась угловая кладка камеры обжига первого периода, в которую была как бы встроена описанная камера.

Расположенная смежно (рис. 82) печь Дт-4 устроена позже предыдущей, так как надвигается на нее своей южной стенкой, под камеры обжига здесь выше на 60 *см*, а основание топки — на 1,8 *м*. Сохранилась лишь часть врытой в грунт до 1,7 *м* топочной камеры (3×1,1 *м*), сужающейся до 50 *см* к топочному ходу, который тянется почти на 2 *м*. Камера обложена сырцом 40×40×8—10 *см* (варианты от 38 до 42 *см* в стороне). В торце сохранились два ряда коробового свода и ка-

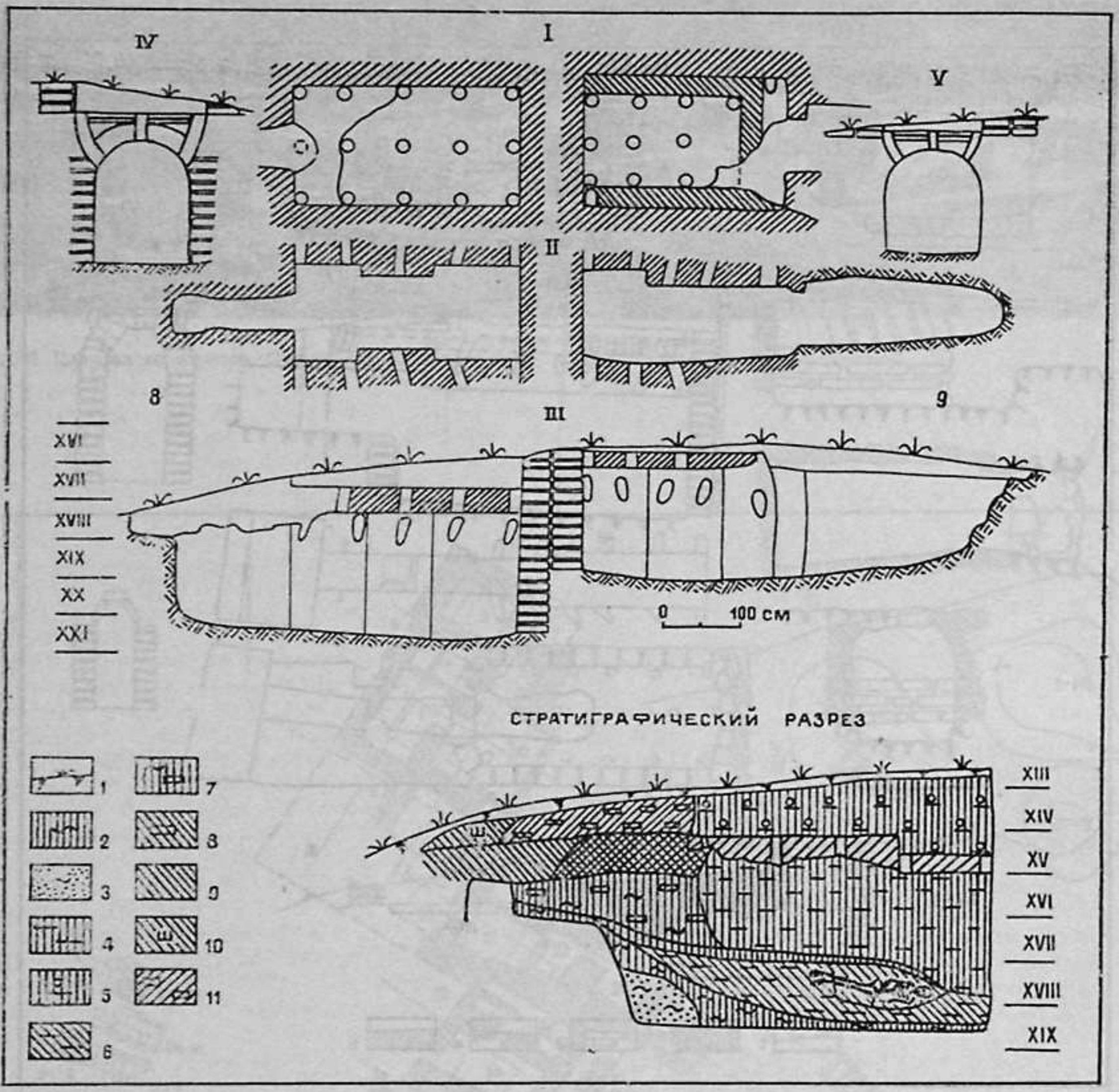


Рис. 83. Квартал керамистов. Печи № 8, 9.

Условные обозначения: *1* — дерновый слой; *2* — зольный слой; *3* — сажно-зольный слой; *4* — рыхлый слой однородной глины; *5* — разрушенный слой с фрагментами кирпичей, керамики; *6* — кирпичный завал с пережженной землей, керамикой; *7* — пережженная земля, шлаки, немного керамики; *8* — плотный завал с включениями кирпича; *9* — рыхлая земля; *10* — скопление шлаков; *11* — серый зольный слой с включениями керамики, кирпича.

налы для тяги длиной 12—15 *см*, вертикальные на оси свода и скошенные вдоль стенок у его пят.

Пч-5 (рис. 84, 85, 86), расположенная к северу от предыдущей, сохранилась лучше остальных. Она имеет прямоугольную камеру обжига (3,4×1,5 *м*), в глубине которой под опускается уступом на 20 *см*. Стенки камеры сохранились до 1 *м*, на них видно начало свода, выложенного у пят свесом рядов кирпича, выше же кладка, по-видимому, велась отрезками. В поде на трех параллельных рядах имеется 15 отверстий для тяги горячих газов, в основном круглых, но три — квадратные. Загрузка изделий велась с восточной стороны, где стенка закладывалась и вновь разбиралась.

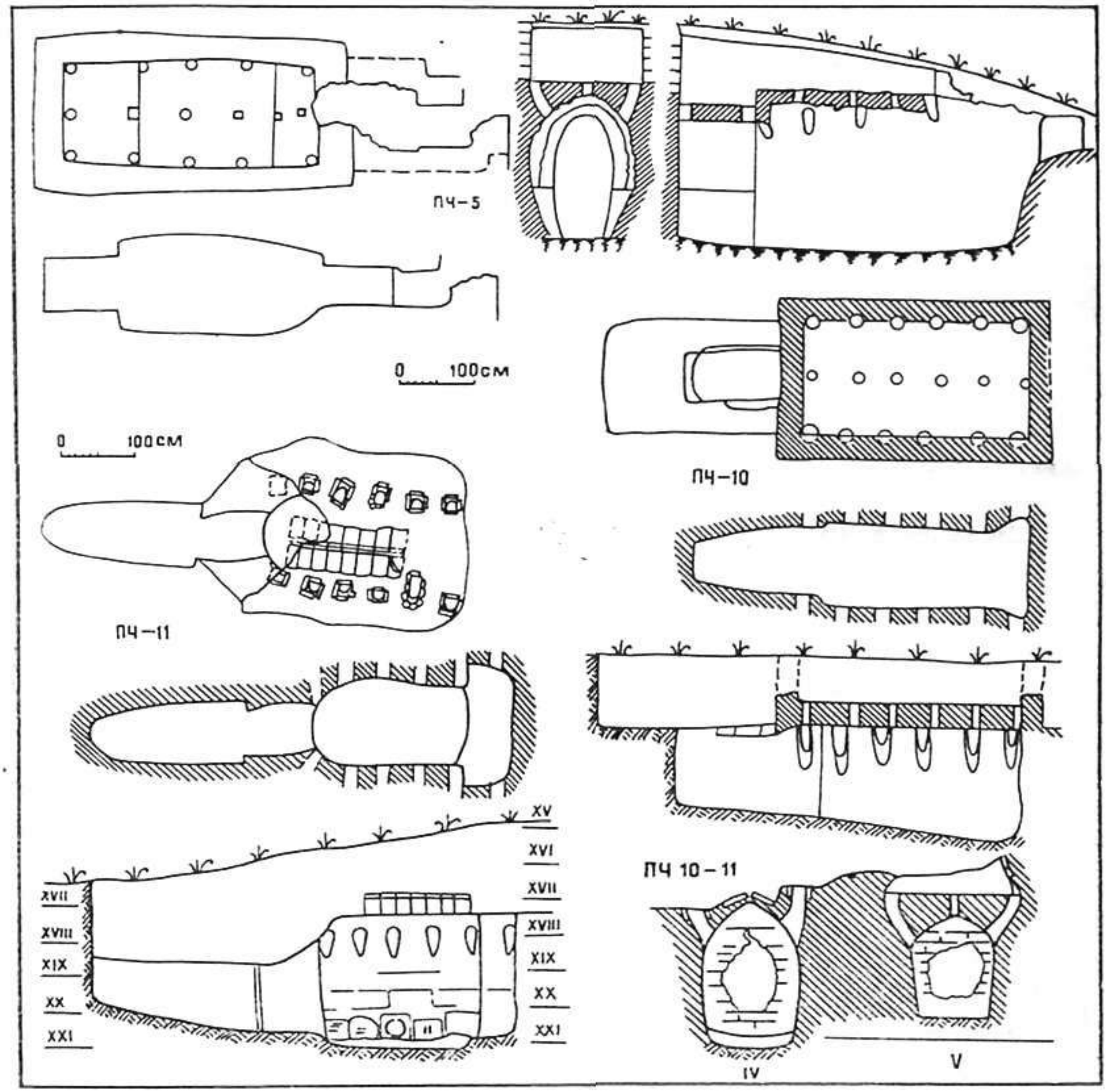


Рис. 84. Квартал керамистов. Печи № 5, 10, 11.

Топка бочкообразно расширяется к середине (размеры 2,7×1,3—1,45—0,5 *м*, в.=1,8—1,9 *м*), в торце имеется сводчатая ниша, со-

ответствующая перепаду в камере обжига. Перекрытием служит свод удлиненно-коробовой формы, сложенный из полукирпичей наклонными отрезками. Каналы расположены вкось у стены и вертикально на главной оси. Свод сильно ошлакован.

Строительный материал печи— разноформатный сырец. Стенки камеры обжига — из сырцовых брусков 41×11×10 *см* и 48×?××10 *см;* под ее — из кирпичей 33×33×9 *см* с прокладкой в швах фрагментов толстостенной керамики; кирпич топки — 40×40×12 *см* и 50×?×10 *см*.

К югу от печи Пч-3 выявлены остатки еще двух печей. От одной — Пч-7 (рис. 81)

Рис. 85. Квартал керамистов. Под камеры обжига печи Пч-5.

осталась лишь малая часть прямоугольной камеры обжига (около 2,75×1,5 *м*), покрытой в три слоя ошлакованными глиняными смазками; вероятно, под ней сохранилась и топка. К западу находится печь **Пч-6.** Она радикально отлична от всех остальных своим круглым планом (д.=1,65 *м*) с центральным столбом (д.=40 *см*). Сохранилась лишь сильноошлакованная нижняя часть топочной камеры. Печь вырыта в материковом лессе и обложена сырцом 40×40×12 *см;* столбик выведен из секторных кусков подобного же сырца.

Еще четыре печи вскрыты на склоне в юго-западном углу квартала керамистов. Две из них — Пч-8 и Пч-9 (рис. 83) расположены смежно своими торцовыми стенками, кирпич в кирпич, топочные же ходы обращены у одной на запад, у другой — на восток. Камеры обжига сохранились по высоте до 40 *см*.

Пч-8 — с камерой обжига 2,84×1,66 *м* и 15 жаропроводящими каналами в трех рядах. Она неоднократно ремонтировалась: под имеет четыре ряда обмазок. Топочная камера (2,8××1,28 *м*) подразделена парой широких пилястр. Топочный ход (75×48—56 *см*), обложенный сырцом (40×40×10 *см*), имеет у устья расширенную яму. Топка перекрыта сводом отрезками, выложенными из половинок такого кирпича, над ним горизонтальный ряд кирпичей, а пазухи забутованы. Жаропроводящие каналы следуют вкось вдоль отрезков свода и вертикально на его оси.

Пч-9 расположена на более возвышенном участке и потому уровень пода и основание топки на 50 *см* выше, чем у Пч-8. Она подвергалась длительной эксплуатации и неоднократным перестройкам. Первоначальная камера обжига размером 2,55×1,8 *м* со временем обветшала и ее обложили в один ряд кирпичом 35—36×35—36×12 *см* (кроме торцовой стенки), сократив размеры до 2×1,25 *м*. Под сохранил несколько слоев обмазок; число продухов первоначально равнялось пятнадцати, после перестройки их осталось 11. Топочная камера, опущенная в грунт до 2 *м*,— подпрямоугольная (2,80×1,2—0,8 *м*), с длинным ходом (2,55×0,9—0,65 *м*); перекрытием служит свод отрезками из полукирпичей.

Пч-10 (рис. 84) находится на 40 *см* севернее описанных печей 8 и 9 и превосходит их своими размерами. Камера обжига (3,2×××1,8 *м*) обложена в один ряд жженым кирпичом, имеет три ряда продухов по шести в ряду (центральные — д.=12 *см*, крайние до 20 *см*). Топка, врытая в грунт, продолговата (3,15×1,15 *м*) и удлинена топочным ходом до 4,5 *м*. Перекрытие ее — свод отрезками 1,4 *м* по высоте, с подкладкой в замыкающей трети кусков кирпича, забутовками пазух и смазками глиной для выравнивания пода.

Необычна по сравнению с другими печь **Пч-11** (рис. 84), расположенная севернее 10-й и ниже ее, почти у подошвы холма. Камера обжига разрушена (2,8×1,9 *м*). Имеется узкий топочный ход (1×0,62 *м*), которому предшествует рабочая яма гончара, откуда закладывалось топливо (2,5×2 *м*). Топочная же камера заовальной формы (2,80×1,15 *м*) с уступчатым расширением (до 1,9 *м*) в торце. Необычно устройство пода и каналов. Перекрытием топки служит свод отрезками, центральная часть которого имеет двухскатное заострение с уложенными под углом сырцовыми кирпичами. Жаропроводящие каналы имеют обкладку из кусков кирпичей, поставленных на тычок, придающих им квадратную форму (18—20 *см* в стороне) или прямоугольную (24—28×18 *см*), в одном случае — со скруглением (38 *см* в длину).

Датировка печей, вскрытых в квартале керамистов, определена на основе их стратиграфической ситуации и комплекса археоло-

гических находок. Мы исходим при уточнении дат также из следующего положения. Поскольку квартал керамистов Дт-9 находился среди густой застройки, в пору процветания античного города муниципальные власти, несомненно, следили за его чистотой и порядком, и производственные отходы вывозились за городскую черту, притом не за стену и ров, где в эту пору не было пустырей, но располагались сады, угодья, кладбища, а поодаль (возможно, сбрасывались в Сурхандарью). Следовательно, обнаруженные в процессе раскопок остатки гончарного дела — шлаки, керамический брак, зола и пр. относятся в основном к последним по времени этапам использования печей, когда в силу каких-то неблагоприятных в истории города причин эти производственные отходы не были удалены.

Рядом с Пч-1 оказались фрагменты керамики — красновато-коричневого черепка со светлым ангобом и сероглиняные, типичные для I—II вв. Свод печи сходен со сводиками ниш и лестничной клетки из буддийской молельни на Айртаме, выложенной парами лекальных кирпичей (но не сырцовых, а жженых), датировка которой относится ко II в.[2] Дата Пч-1, таким образом, может быть отнесена к концу I—II вв.

Датировка печей Пч-3 и Пч-4 определяется следующими наблюдениями. Пч-4 была сооружена после того, как Пч-3 пришла в негодность и послужила для нее местом сброса производственных отходов. Керамические фрагменты их завала представлены сосудами различных форм (рис. 87). Черепки их преимущественно красновато-коричневого оттенка, нередко покрыты светлым ангобом, изредка — буровато-красным. Имеются фрагменты хумов, хумча, тагара, крупных двуручных кувшинов, горшков, чаш, кувшинчиков; нет бокалов. Несколько черепков с орнаментацией — оттиснутыми посредством штампиков овальными лепестками, или с узором волны. Характерны закраины крупных красноангобированных мисок — ваз с зубчатыми выступами для упора или подхвата сосуда. Отсутствует столь типичная на Дальверзине для времени Великих Кушан вплоть до Васудевы I сероглиняная керамика. По своему составу эти керамические фрагменты относятся к позднекушанскому периоду, что определяет последний этап функционирования печи Пч-4 — II—III вв.

Сооружение печи Пч-3, долго действовавшей, подвергавшейся ремонтам и перестройкам, по времени предшествует по крайней мере на несколько десятилетий, если не более, и восходит к I—II вв. н. э.

Датировку Пч-5 также определяет состав находок из заполнения камеры обжига, сохранившейся здесь лучше, чем у всех остальных печей. В числе их, помимо шлаков и печного припаса,— фрагменты керамики, типичной для великокушанского времени. Характерны, в частности, сероглиняные черепки, а также фрагмент тагары с орнаментацией

Рис. 86. Квартал керамистов. Свод камеры обжига печи Пч-5.

внутренней стороны концентрическими и волнистыми линиями, точечными вмятинами и штампами в виде овальных листков.

Дополнительный материал к датировке дал отвал керамики на склоне холма соседнего с печами 1,3—6 (наши зачистки, захватившие его лишь частично, дали свыше двухсот экземпляров), состоящий исключительно из фрагментов бракованной продукции, брошенной здесь со времени использования этих печей (рис. 88). Иные из них с перекалом черепка, но чаще просто деформированные при обжиге (эти деформации особенно наглядно выявились в процессе зачерчивания фрагментов: скособоченные кувшины, асимметричные ножки и стенки и пр.). Целых сосудов не встречено. Очевидно, неудавшуюся продукцию разбивали на куски, как это до недавнего времени было принято у народных керамистов Средней Азии: акт, связанный в своей

---

[2] Пугаченкова, 1963, с. 83; Тургунов, 1973 б, с. 57 сл., рис. 5—6.

основе с заботой мастера о своем престиже, но ставший со временем одним из суеверных обычаев в среде гончаров.

Состав керамики разнородный. Преобладают фрагменты с красноватым «кирпичным» черепком, со светлым, реже — густо-красным ангобом. Основные формы — миски и чаши с оттянутым краем или бортиком, иногда с волнистым орнаментом по борту и на внутренней поверхности; кубки (их немного) на полоконической или сплошной конической небольшой ножке, изредка невысокой фигурной; тонкостенные фиалы (тоже немного) с крутым изгибом резервуара; тагары с профилированным венчиком; хумчи с двумя небольшими ручками, орнаментированные на плечах стекой или гребенкой — чикычем (волнистые линии, зигзаг, наколы); интересны две хумчи на трех пятках и массивная профилированная подставка какой-то вазы или светильника.

Все это может быть датировано в широких пределах — I—III вв., но существенное уточнение вносит комплекс сероглиняной керамики: массивные миски, чаши с загнутым внутрь или отогнутым краем (последние иногда с горизонтально полосчатым лощением на внутренней поверхности), часты горшочки на полоконической ножке, тагары с профилированным венчиком. Данная группа керамики типична для периода Великих Кушан,— II в. н. э. определяет как основной состав всего керамического комплекса, так и время функционирования и прекращения действия печей 1,3—6.

Пч-7, а возможно и Пч-6, принадлежат к числу наиболее ранних. После долгого (су-

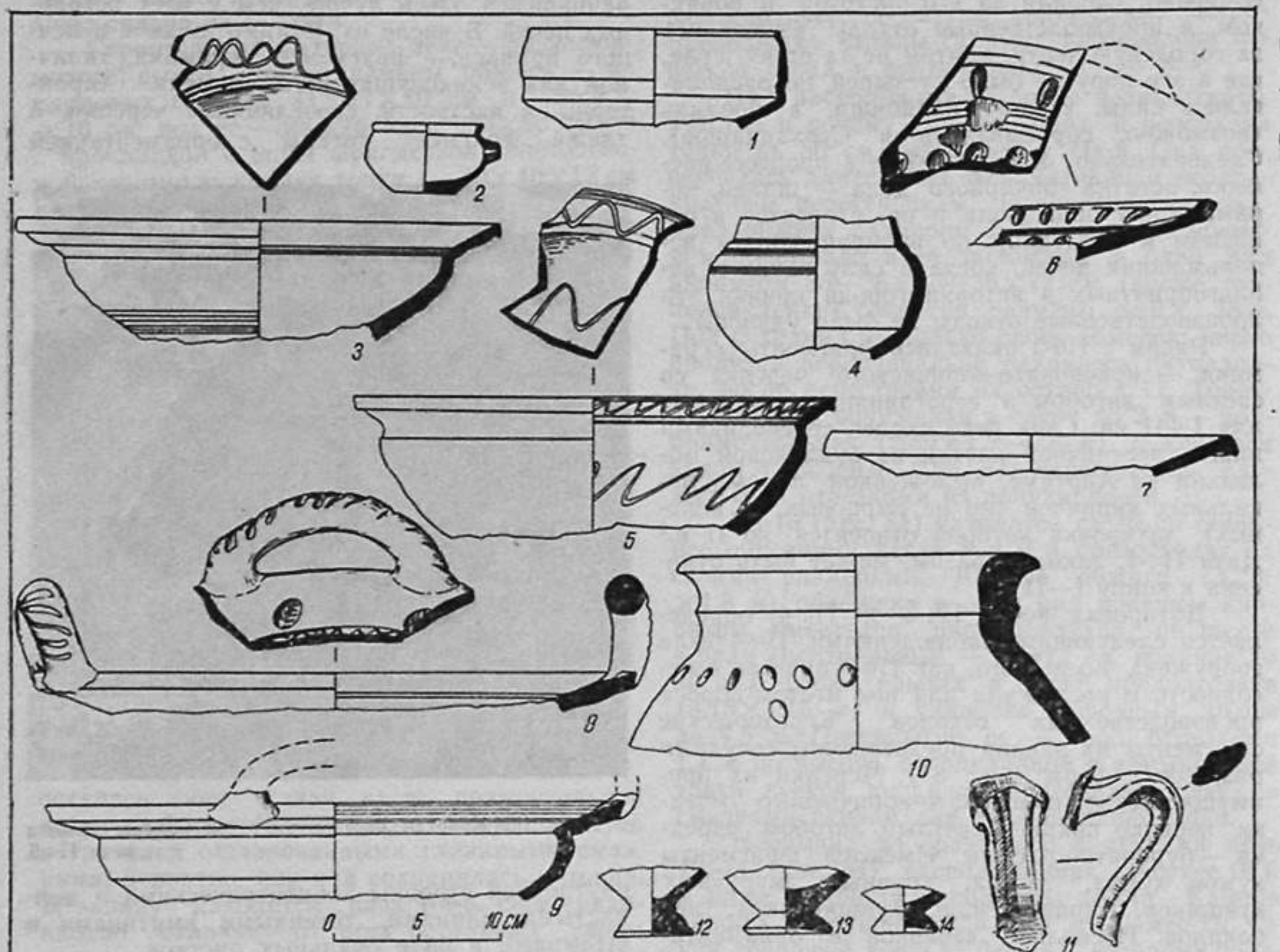


Рис. 87. Квартал керамистов. Керамика из скопления у печей.

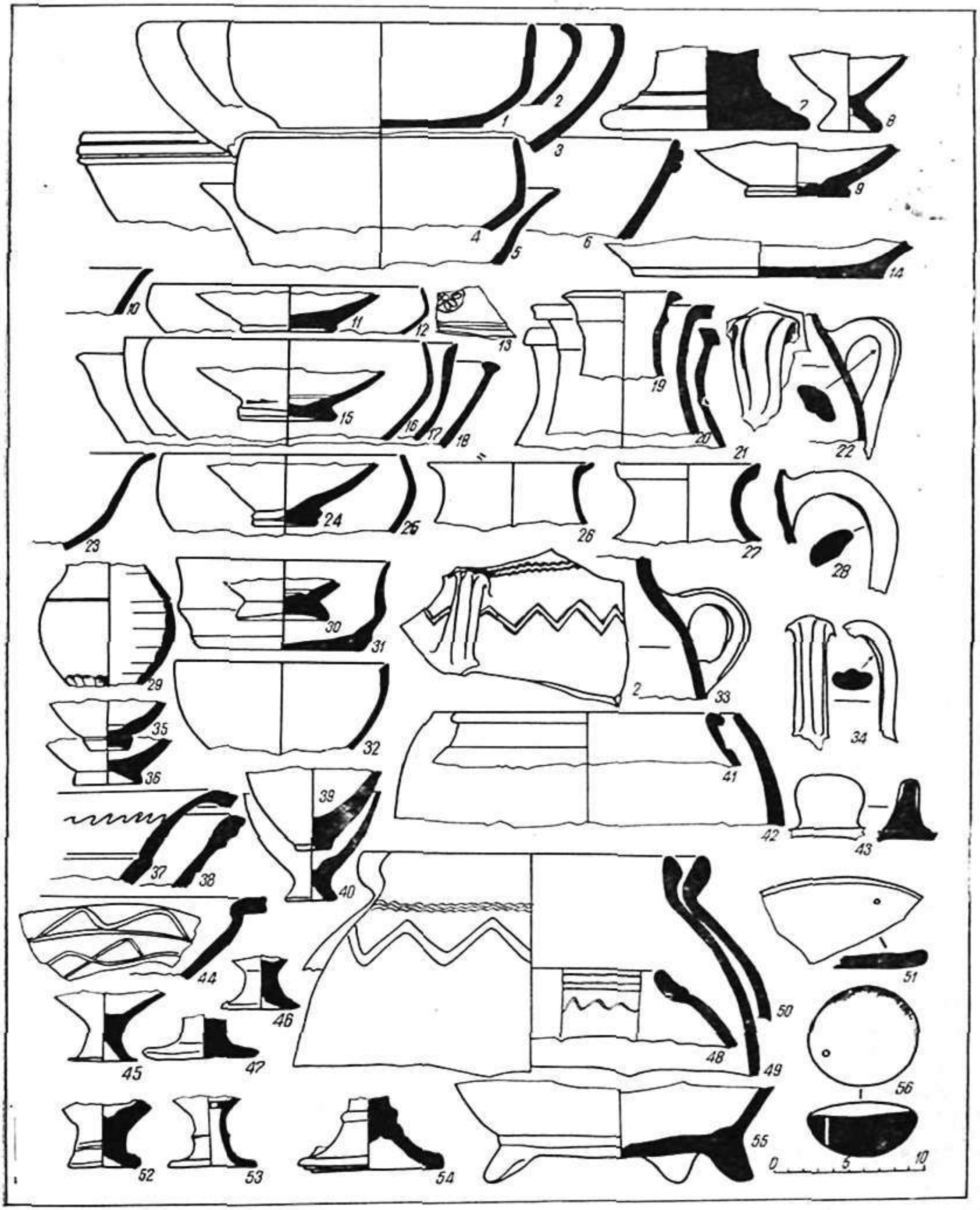


Рис. 88. Квартал керамистов. Керамика из отвала бракованной продукции.

дя по сильному ошлакованию) использования печи приходят в негодность, после чего их верхние части сносят, так что остаются в одном случае низ камеры обжига, в другом — днище врытой в грунт топки и на этом уровне образуется площадка для производственных отвалов. Поскольку последние, очевидно, систематически вывозились за черту города, зачищенный нами отвал является позднейшим по времени его накопления. Он содержит золу, обгорелую глину, кости, керамические фрагменты. Для их состава характерны очень малый процент сероглиняной керамики; почти плоские (а не полоконические) ножки бокалов; сложные по профилировке и украшению обширные миски — вазы с раскинутыми стенками, зубчатыми налепами по краю, иногда с горизонтально-витыми ручками, обильной орнаментацией концентрическими полосами, вдавлениями, волнистыми линиями, штампиками в виде овальных листков. Среди находок особенно интересен фрагмент стенки светло-глиняной тагары с нанесенной на нее еще до обжига надписью курсивного письма (не расшифрована).

В целом этот комплекс характерен для последнего этапа периода Великих Кушан. Остатки же обеих разрушенных печей намного предшествуют его датировке.

Из исследованных к настоящему времени бактрийских печей Пч-6 по форме напоминает круглые античные печи Саксанохура греко-бактрийского времени, в нижнем горизонте, времени ранних Кушан — в верхнем[3]. Небольшая круглая печь I в. до н. э. была открыта в Ай-Ханум[4]. Существенное отличие от конструкции айханумской и саксанохурских печей составляет у дальверзинской печи Пч-7 центральный круглый столб. Это конструктивное добавление позволило гончару значительно увеличить, по сравнению с саксанохурскими, диаметр топки и, соответственно, камеры обжига (вероятно, перекрывавшейся куполом), а значит увеличить количество обжигаемой посуды. Дальверзинская печь представляет в этом отношении какой-то новый шаг в техническом устройстве керамических печей и создана она была, очевидно, несколько позднее, скорее всего в I в. н. э. Отметим аналогичную конструкцию круглой печи со столбом в Крыму, датируемую I веком[5].

В комплексе единовременных смежных печей Пч-8, 9, 10, 11 хороший датирующий материал дала Пч-11. Возле самого топочного устья оказался производственный отход, фиксирующий последний этап эксплуатации печи, с характерными фрагментами керамики, в составе которой есть сероглиняные фрагменты I—II вв. Здесь же оказалась бракованная, перекаленная до пепельно-серого цвета, статуэтка саганианской богини того типа, который получил на раскопе Дт-11 уточненную датировку не позднее I в. н. э. (хотя, разумеется, калыб для оттиска фигурок мог использоваться мастерами еще и позднее). В целом же дата всей группы печей определяется I—II вв.

В производственном отвале возле печи Пч-8 среди скопления золы и глины оказалось большое количество разбитых на куски глиняных, еще необожженных сосудов — небольших горшков с рельефными закраинами, полоконических ножек от чаш с раскинутыми стенками, горловин и плечиков кувшинов с ручками. Все эти формы обычны в составе кушанской керамики Дальверзинтепе. Но если мастер бросил необожженные сосуды, а не пустил отличную гончарную глину во вторичную обработку (как это мы наблюдаем в помещениях 7 и 12) и кто-то их вдобавок разбил, оставив в мусоре навеки, то вызвано это было какими-то чрезвычайными обстоятельствами, приведшими не просто к забросу единичной печи, но и всего керамического производства в специализированном ремесленном квартале.

Дальверзинские печи дали образцы печного припаса, которым пользовались гончары при установке изделий в камере обжига (особенно много их получено в печи Пч-5). Здесь характерны бесформенные, разные по размерам куски примятой пальцами, обожженной глины. Такие комья помещали между сосудами, чтобы последние не прилепились друг к другу (стандартные плоские трехножки — сепая и штыри, типичные для средневековья, в эту эпоху еще не были известны). Найдены также куски полуобожженных толстых (8—9 *см*) глиняных дисков (д.=25—30 *см*), вероятно, употреблявшихся при установке крупных сосудов (рис. 91).

Конструкцию дальверзинских печей (за исключением Пч-7) роднит единый принцип, но стандарта нет, и каждая дает свой вариант. Все они обширны, имеют крупную прямоугольную камеру обжига и продолговатую топочную камеру, которую как бы продолжает длинный топочный ход. Последний способствует усилению тяги воздуха, а также увеличивает объем загружаемого топлива. По технологическим признакам печи принадле-

---

[3] Литвинский, Мухитдинов, 1969, с. 161 и сл., Мухитдинов, с. 27 и сл.
[4] Bernard, 1968, p. 278 и сл.
[5] Домбровский, с. 191 и сл.

жат к категории печей с прямой вертикальной тягой пламени и двухэтажной сводчатой конструкцией, включавшей врытую в грунт и обложенную сырцовым кирпичом сводчатую топочную часть и наземную сводчатую камеру для загрузки и обжига керамических изделий. Судя по характеру золы и обгорелых частиц, в качестве топлива использовались местные кустистые растения — янтак и солянки, которые в сухом виде дают легкое и очень жаркое пламя и образуют, сгорая, щелочи, усиливающие процесс шлакообразования. Подача горячего тока воздуха осуществлялась системой жаропроводящих каналов — круглых, реже — прямоугольных в сечении, равномерно расположенных по всей площади пода обжигательной камеры и очень искусно вкомпанованных между «отрезками» сводчатых рядов.

Хронологически, как было показано, вскрытые печи относятся в основном к эпохе ранних и Великих Кушан (I—II вв.), лишь частично — к позднекушанскому времени (III в.). За исключением Пч-6 и Пч-7, они возникли позднее комплекса расположенных в той же северной Бактрии печей Саксанохура. Печи эти (от которых дошли лишь топочные устройства, опущенные в грунт и обложенные сырцовым кирпичом) невелики по размерам. В основном они округлые (около 1 *м*), перекрытые ложным куполом. Лишь две печи с подпрямоугольными топками (1,4×1 *м* у основания и топочный ход около 1 *м*) перекрыты сводом. В центре купола или свода укладывался диск с отверстием, служивший главным жаропроводящим каналом, прочие же каналы располагались по периметру стенок.

Печи Дальверзинтепе так же, как и другие печи северной Бактрии эпохи Великих Кушан (Айртам, Хатын-Рабат)[6], во многом отличны от саксанохурских. Они значительно крупнее по масштабам, что позволяло одновременно обжигать гораздо большее количество сосудов. Переход от конструкции ложного купола или ложного свода к своду выведенному наклонными отрезками позволял перекрывать камеры топки и обжига большего пролета. Отметим, что саксанохурские печи использовались в основном для обжига тонкостенных сосудов, а также терракот, в то время как в печах Дальверзинтепе изготовлялись разные посудные формы — большие и малые, тонкостенные и толстостенные.

Переход в I—II вв. н. э. в Бактрии от круглых печей к печам прямоугольной конструкции знаменует новый этап в ходе развития здесь гончарной технологии.

Период постепенного запустения квартала керамистов запечатлен забросом печей кушанского времени, которые разрушаются, заполняются слоями опадающих кладок, надувного песка и глины. Лишь через какое-то время в юго-восточном углу возводится новая небольшая постройка, два помещения которой (№ 11 и 12) обнаружены над слоем производственных отходов, скопившихся над остатками топочных камер Пч-6 и Пч-7. Размеры одного — 4×2,7 *м*, другого — 5×3,3 *м*, уровни полов имеют перепад на 70 *см*. Пахсовые стены толщиною от 60 *см* до 1 *м* выведены из плохо очищенной глины, содержащей мелкие фрагменты керамики, косточки животных и пр. В комнате 12 у юго-восточной стены оказалась бронзовая монетка чекана Шапура II (309—379 гг.); целая монетка и половинка — обе кушано-сасанидского типа — найдены в восточном углу комнаты 11. Кроме того, в дерновом слое выше разрушенной камеры обжига печи Пч-5 обнаружена кушано-сасанидская монета из группы подражаний Хармизду II (302—309 гг.). Таким образом, период полного прекращения керамического производства определяется III—IV вв.

Ко времени эфталитов никакой жизни в зоне квартала керамистов уже нет. Показателем этого служит использование занесенной песком и глиной, но еще хорошо сохранившей свой свод топочной камеры печи Пч-5 в качестве места для захоронения[7]. Покойник был уложен головой на запад при как бы трехчетвертном обороте лица на север. Обращает внимание резко выраженная, с удлинением формы, деформация черепа, столь характерная для эфталитов, судя по монетным изображениям эфталитских царей[8]. Сопроводительный инвентарь невелик: лепной одноручный кувшинчик в изголовье и заостренно-треугольный оселок с отверстием для подвешивания, лежавший сбоку от скелета.

Мастерские. В застройке к югу от верхнего двора вскрыто полностью или частично тринадцать помещений (№ 13—25). Комнаты в большинстве прямоугольные, иногда с некоторым скосом углов и, соответственно, трапециевидный план. Стены сложены из пахсы (нередко с откосом граней), лишь в комнате 25 нижний ряд выведен из сырца 32×32×12 *см*. На стенах — глиняная штукатурка от одного до четырех слоев. Полы глинобитные. Сохранность стен по высоте от 1 до 0,5 *м*,

[6] Пугаченкова, 1973 а, с. 211 и сл., Тургунов, 1973 б, с. 63 и сл.

[7] Пугаченкова, Тургунов, с. 73, рис. 7.

[8] Göbl, t. 111, 1967, Taf. 15 и сл.

на южном склоне они смыты до основания и планировку здесь выяснить не удалось.

Выявлена группа взаимосвязанных проходами помещений, входивших, очевидно, в состав единой мастерской (№ 14—20). Здесь имелся дворик 20 шириною 8,6 *м*; судя по сохранности стен, можно предполагать устройство в нем полуоткрытых навесов. Мастерская включала шесть помещений — обширных

ных очажка. В помещении 25 под полом обнаружены керамические кобуры диаметром 12—15 *см* для отвода воды.

Изолирована от описанных двух групп комната 13 (размеры сторон 6,2—5,5×3,6—6,2 *м*), входившая в третью группу помещений, спускавшихся по склону к южному углу квартала, но ныне смытых почти до основания.

Рис. 89. Квартал керамистов. Хумы (целые и раздавленные) в пом. 17.

(№ 16 — 6,6×3,7 *м*, № 18 — 5,8×3 *м*) или узких, коридорообразных (17, 19). Производственный характер наиболее четко отображен в пом. 17, 19, 14. Помещение 17, продолговатое в плане (7×2,5 *м*), подразделено в своей западной половине узкой перемычкой в один кирпич, по одну сторону от которой в полу вырыто углубление и вмазана крупная тагара, где оказались кусочки яркокрасной краски. В восточной половине, возле угла, плотно закреплен в глиняной обкладке хум. Помещение 19 — наподобие узкого коридора (6,5×1,2—1,7 *м*), с уширением в южном конце, где установлено вплотную друг к другу четыре хума (судя по обломкам был еще и пятый (рис. 89), в двух из которых оказались комья отличной гончарной глины; близ хумов найдены также кусочки красной и желтой минеральной краски. В помещении 14 были обнаружены раздавленный хум и большое количество галечных терок.

Вскрытые к северу от описанной мастерской помещения 21—25, смежные с верхним двором, имеют крайне нечеткие контуры. Разрушенные кладки стен надвигаются друг на друга, внешние же границы с северной стороны выявить не удалось, видимо, это были полуоткрытые в сторону двора рабочие помещения, подвергавшиеся перестройке. В северо-восточной части помещения 21 оказалось глинобитное возвышение на 20 *см*, неправильной в плане формы, и на нем — три смеж-

Таким образом, на вскрытой площади было не менее трех мастерских. Вероятно, в юго-западной части располагались еще две—три.

При раскопках уже описанных помещений обращало внимание отсутствие археологических примет и находок домашнего и бытового характера: ни кухонных отходов, ни бытовых очажков, ни предметов женского обихода (например, пряслиц и ткацких грузил, обычных в жилых домах на Дальверзинтепе). Напротив, многое здесь явно связано с производственным назначением. В составе керамики (дошедшей в основном во фрагментах) многочисленны хумы, хумча, тагара, двуручные больших и средних размеров кувшины. Лишь единичны бокалы и фиалы и почти отсутствуют лепные котлы. Таким образом, ни кухонной посуды, ни пиршественной: преобладают тарные и рабочие сосуды (рис. 90). Фрагменты от разбитых хумов и тагара найдены почти во всех вскрытых помещениях, а в пом. 17, 19 и 14 они обнаружены in situ. В пом. 19 в одном из хумов лежали не только комья гончарной глины, но и смятые бракованные куски необожженных сосудов. В пом. 17 и 19 найдены комочки красной и желтой минеральных красок для тех ангобов, которые характеризуют кушанскую керамику Бактрии.

Во многих помещениях найдены фрагменты керамических крышек (или подставок?)

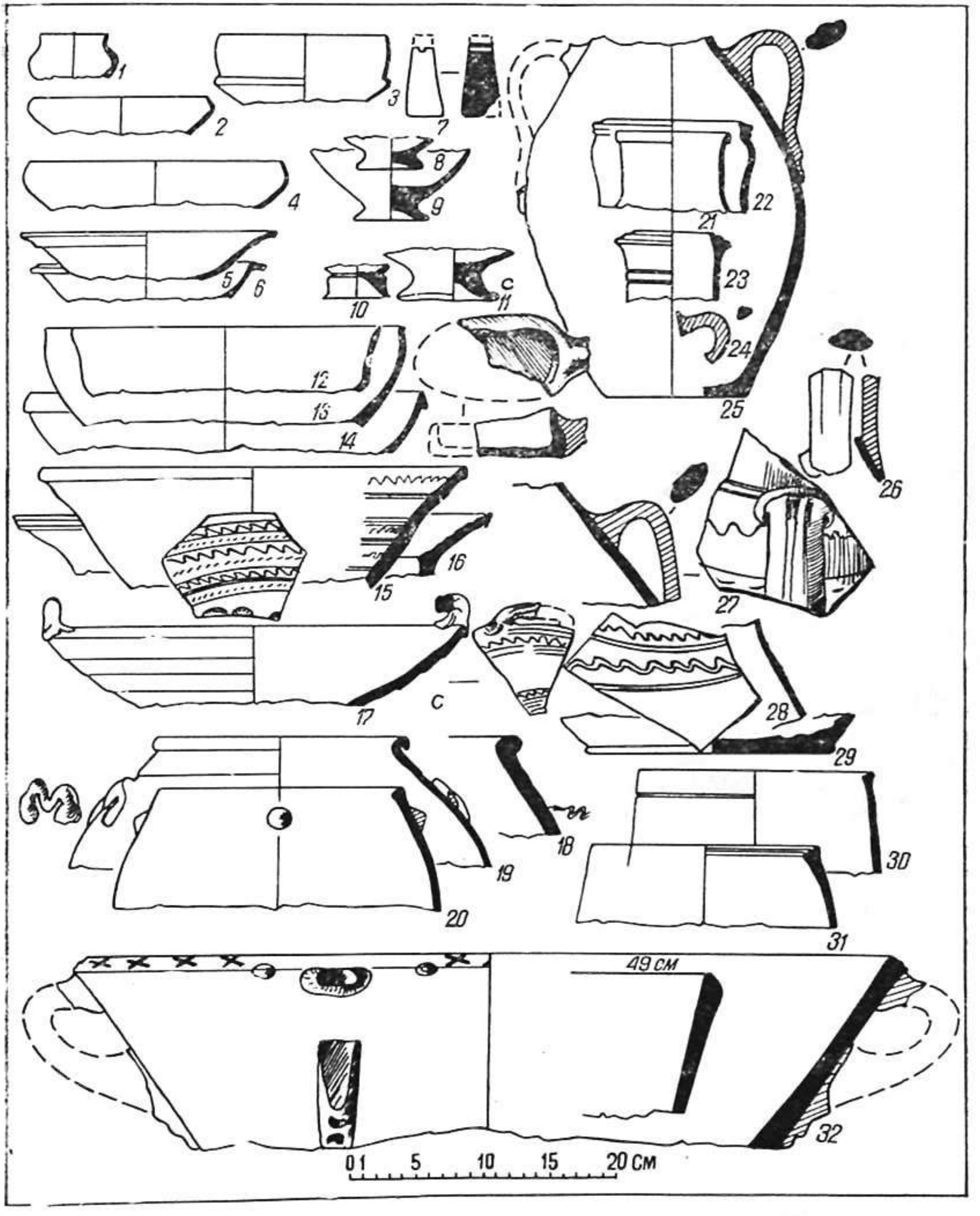


Рис. 90. Квартал керамистов. Керамика из мастерских.

особого типа, которые в других раскопах нам не встречались (рис. 92—*1, 6*). Они имеют круглую или чуть овальную форму диаметром 15—18 *см*, при толщине 4,5—2 *см*. Черепок со значительной примесью речного песка, придававшего глине огнеупорные свойства. Одна сторона, шероховатая от песка, горизонтальна. На другой, обычно покрытой ангобом у края, имеется два шишкообразных, оттянутых

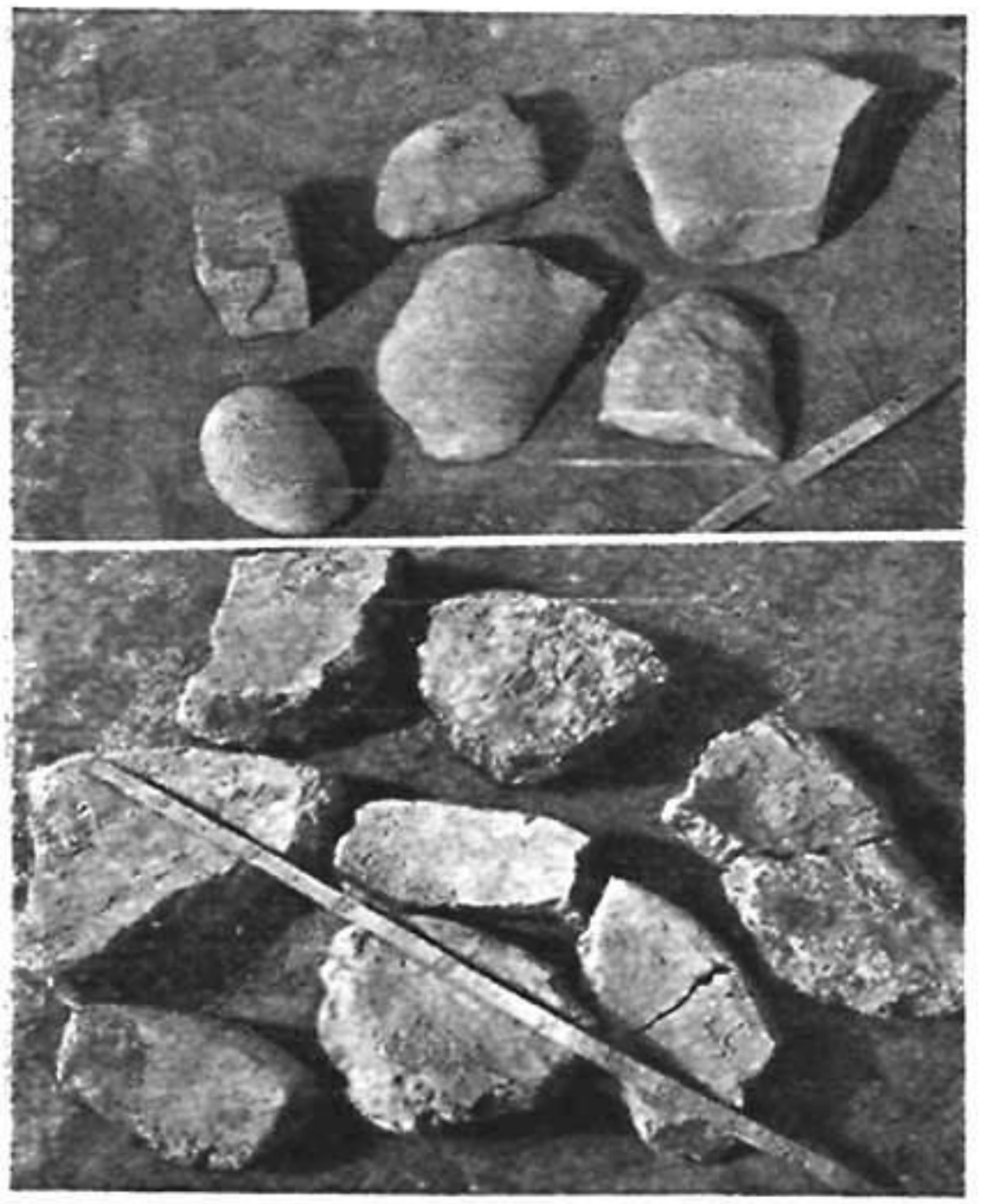


Рис. 91. Квартал керамистов. Каменные орудия труда и глиняные полуобожженные диски из находок у печей.

вверх и несколько вкось выступа, каждый с глубокой вмятиной для упора большого пальца, причем почти на всех экземплярах на этой стороне имеется какой-либо прочерченный до обжига знак. Среди них нет двух одинаковых — по-видимому, это индивидуальные метки гончаров, указывавшие на их принадлежность. Сами крышки имели какое-то производственное назначение. На их гуртах, а иногда на нижней поверхности в большинстве случаев имеются следы копоти. Возможно, на таких крышках осуществлялось над очажками во дворе мастерской предварительное подсушивание тонкостенных сосудов (кубков, бокалов, фиал), так как они могли деформироваться при переносе в сыром виде в печь.

Характерны среди находок в мастерской каменные орудия труда (рис. 91, 92). В основном это удобные по форме гальки, которыми изобилует дно Сурхандарьи, приносящей их с гор в периоды половодья. Встречены крупные гальки, служившие, видимо, для дробления больших кусков глины, алебастра, размельчения песка и пр. Множество галек среднего размера и совсем небольших со сработанными порою до блеска поверхностями — двумя при уплощенной форме гальки, четырьмя и даже шестью прикубовидной; эти употреблялись для измельчения глины, растирания ангобов и красок, для полировки поверхностей.

Попадаются отдельные куски крупных с ладьевидным профилем зернотерок, использовавшихся здесь не для помола зерен, а для растирания глин и минеральных веществ. Той же цели мог служить небольшой жернов (д.=25 *см*) с центральным отверстием, фрагмент которого найден в пом. 14 в верхнем уровне.

Имеются небольшие лощила из темного камня (их немного), очевидно, использовавшиеся для лощения красноангобированных кубков и горшочков.

Обнаружены обломки двух костяных стилей в пом. 21 и 6. По-видимому, они служили тем инструментом, которым гончары наносили на сосудах типичные для кушанской керамики волнистые линии или вмятины.

Интересен фрагмент вогнутой формы, выполненный вручную (не на круге), где на внутренней поверхности оттиснуты штампики: крупный виноградный лист и часть побега, небольшой оттиск «ступни Будды», большие ланцетовидные листы, нанесенные группой и один поверх другого. Это не сосуд и не матрица, это как бы проба мастера, проверявшего имевшиеся у него в распоряжении штампы. Мотив виноградной листвы встречен среди керамических фрагментов из Дальверзинтепе, он нередок в кушанской керамике Сурх-Котала[9], а штампики со «ступней Будды» широко известны в кушано-бактрийской керамике, особенно в Южной Бактрии[10].

В числе находок из мастерских упомянем терракотовые статуэтки, но их немного; возможно, это керамический брак. В помещении 24 найдена обезглавленная фигурка богини в запахнутом справа налево платье и расходящейся книзу накидке, с двойной гривной у шеи. Статуэтка исполнена на плоской гли-

[9] Коллекции в фондах Кабульскоог музея.

[10] Mizuno, Odani, 1968, p. 104, fig. 15. Мотив этот во множестве встречался нам при раскопках городища Джигатепе в Балхском оазисе (работы САЭ—Советско-Афганской археологической экспедиции 1974 г.).

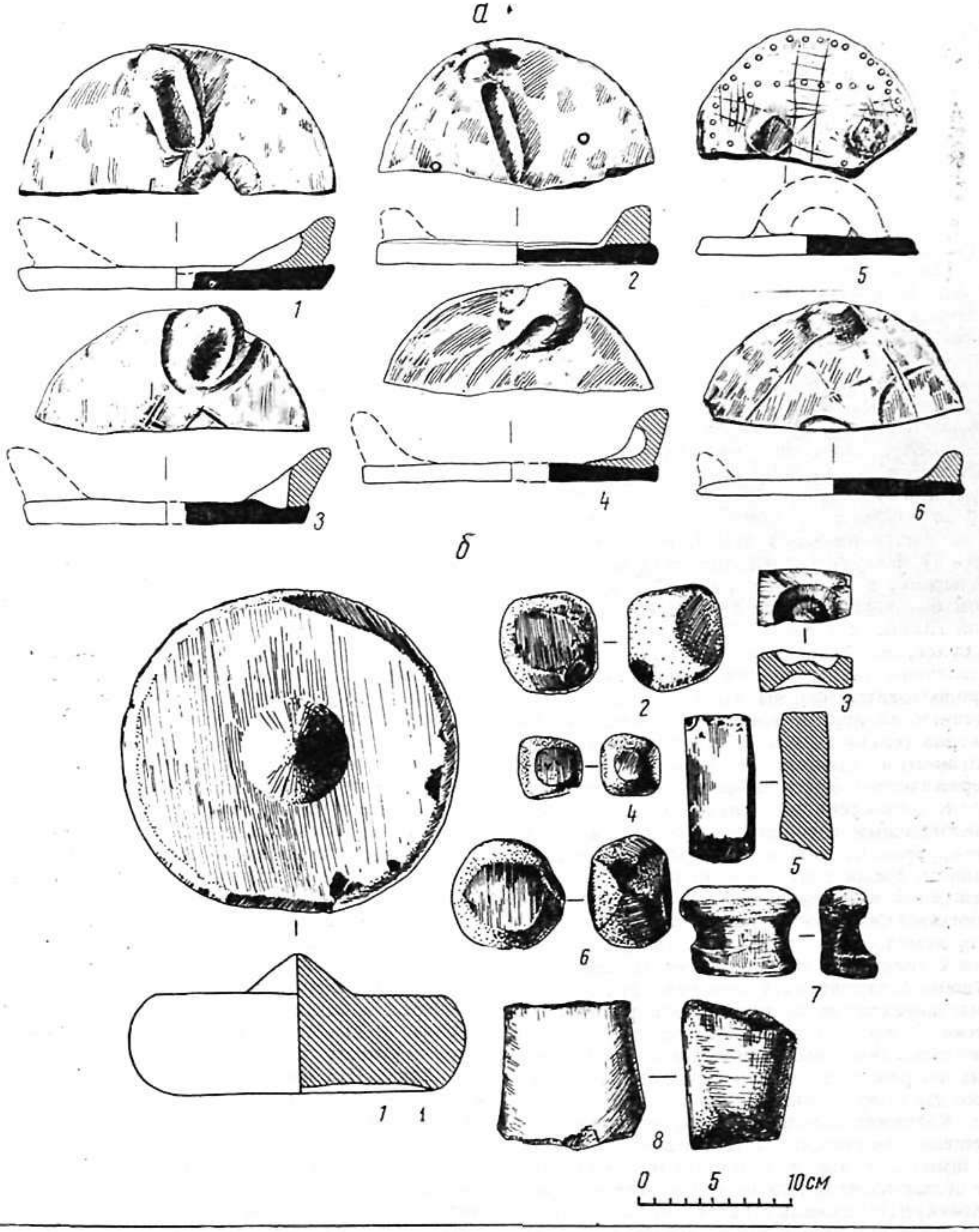


Рис. 92. Квартал керамистов а) фрагменты крышек производственного назначения, б) каменные орудия труда.

няной лепешке, оттиск очень нечеткий, выполнена она барельефом и рассчитана на чисто фронтальное восприятие; имеются следы коричневато-красного ангоба. Другой экземпляр — это традиционный образ сидящей богини, в одеждах, драпирующихся параллельными вертикальными складками вверху и внизу и горизонтальными на коленях (интересную деталь здесь составляют шарики-бусинки по подолу), руки покоятся на коленях, ступни ног раздвинуты. Размеры 70×40×9—10 *мм*. В разных местах в мастерских найдено также три фрагмента статуэток коньков.

По-видимому, мастерские располагались и по северную сторону верхнего двора — здесь, судя по микрорельефу, существовала какая-то застройка. Раскопана часть помещения шириной 2,8 *м* (№ 7) вплотную примыкающего к северо-восточному углу верхнего здания. Пол, покрытый желтоватой глиняной смазкой с переходящей на него от стен в углах белой обмазкой, находится в середине XII яруса. Здесь получен характерный состав археологических находок. В юго-западном углу во врубленной в стену и углубленной под пол нишке оказался хум (в.=90 *см*, д.=до 50 *см*). Вверху он заполнен надувной глиной и песком, а в нижней половине — множеством больших и малых смятых кусков гончарной глины, а также обломков формованных сосудов, выбракованных мастером. Из хума извлечены также тонкий лощильный брусок продолговатой формы (10×1,3×1,3 *см* с сужением на другом конце) и кубовидная гранитная галька (около 3 *см* в стороне) со сработанными гранями. Над полом — скопление керамических фрагментов, среди которых есть край тонкостенного фиала с двусторонним густокрасным ангобом, но в основном — куски грубоватых чаш и мисок явно производственного назначения — безангобные, с незаглаженной при вращении на круге поверхностью. Обнаружены также тагара и двуручная хумча, последняя, как и упомянутый хум с гончарной глиной, имеет типичную для кушано-бактрийских хумов рельефную с двойным перехватом закраину. Обнаружены два куска от крышек производственного назначения описанного выше типа, на одной из которых сохранилась часть глубоко прочерченного до обжига знака — свастики.

Картина археологического заполнения помещений мастерских почти однородна. Над полами — глина с культурными остатками, но целых сосудов или иных предметов (кроме упомянутых каменных галек) не встречено — все более или менее пригодное было унесено людьми. Керамика дошла лишь в виде фрагментов, за исключением хумов в пом. 7 и 19, но и то потому, что они были врыты в пол или плотно установлены в закутке узкого, полутемного помещения, откуда в пору заброса мастерских их не стали извлекать. Над этим слоем с археологическими остатками в помещениях мастерских накапливаются рыхловатые завалы глины и песка и слои разрушения стен — плотная натечная глина или средней плотности глина с комковатыми кусками кладок. Со временем происходят постепенные смывы глины руин по склонам холма. Вверху — дерновый слой (рис. 94).

Датировка комплекса мастерских определяется на основе следующих данных. Керамика из слоев над полами, отмечающих последний этап использования помещений, после чего они были покинуты, в основном типична для II в. и не позднее начала III в. Эту датировку уточняют монета Канишки, лежавшая на суфе пом. 18, монета Васудевы I, найденная во дворике 20 в завале глины и характерная по типу терракотовая статуэтка из пом. 23. Сооружение же мастерских и их длительное использование (судя по неоднократным ремонтам) предшествует этой последней дате во всяком случае на много десятилетий и может быть отнесено к I—II вв.

Пора заброса мастерских запечатлена слоями разрушений. Примечательно появление в угловой части большого пом. 21, уже над этими слоями, погребения, уровень которого на 1 *м* выше пола. Оно оказалось почти под дерновым слоем и потому удалось расчистить лишь остатки разрушенного черепа и фрагмент терракотового предмета — с основанием и стенкой (может быть, род саркофага?). Рядом была миниатюрная, сильно окисленная монета кушано-сасанидского типа, уточняющая датировку погребения пределами III—IV вв. Таким образом, уровень руин мастерской был лишь метра на полтора выше современной дневной поверхности в ту пору, когда на их оплыве вырыли могильную яму. Монета дает важный хронологический рубеж, свидетельствуя, что в этот период гончарные мастерские, как и керамические печи, лежали в развалинах, оплывы которых использовались как место для захоронений.

Храм. На самом возвышенном участке в северо-западном секторе квартала керамистов вскрыты остатки постройки, условно поименованной нами Верхним зданием. Оно невелико по размерам, но имеет большой принципиальный интерес. Стены пахсовые, толщиной 1,3—1,5 *м*, перекрытия, судя по отсутствию в завалах сырцовых кирпичей, которые могли бы принадлежать сводам, были балоч-

ными, полы — со смазкой особой желтоватой глиной (рис. 93).

Здание имеет подпрямоугольный план (около 21×13 *м*), лишенный строгой разбивки (рис. 81). Вдобавок некоторые участки ограждающих стен настолько смыты, что определить их контуры оказалось затруднительным, особенно с южной стороны.

Состав помещений таков. В средней группе — помещение 5 — род вестибюля подквадратной формы (6×5,7—6,5 *м*) с уступами. Дверные проемы ведут из него в боковую комнату 4 и в два главных помещения 1 и 2. К югу от этой центральной группы находятся помещения 6 и 8, к северу — 3; все они имели самостоятельные внешние входы. Пом. 7, как бы входящее в угол здания, принадлежало застройке, обводившей двор.

Раскопки и шурфы дали ряд стратиграфических наблюдений и множество находок— те и другие вносят уточнения к датировке памятника и объясняют его назначение.

В стратиграфии здания установлено два основных строительных периода и ряд текущих ремонтов (рис. 94—*3*).

Пом. 1 и 2 представляли собой первоначально единое пространство (9×3,6 *м*); в средней трети его западной стены примыкала суфа. Во II периоде оно было подразделено на два отдела сырцовой перегородкой (сырец 38×38×12 *см*). Тогда же в пом. 1 суфу удлинили, Г-образно повернув ее вдоль двух стен (с западной стороны ширина 1,45 *м*, с южной — 90 *см* при высоте 30 *см*); край южного отрезка сильно прокален, здесь, очевидно, возжигали огонь. Суфа глинобитная — в I периоде она была трижды оштукатурена глиной с побелкой. Во втором — ее западный борт был облицован жженым кирпичом 27×27×4 *см;* отдельные кирпичи были уложены плашмя в отмостке у края. В пом. 2 вдоль северной пахсовой стены выложена из сырцового кирпича (38×38×12 *см*) либо обкладка, либо высокая суфа — полка (она сохранилась на 1 *м* по высоте, в то время как основная пахсовая стена — до 1,8 *м*).

В смежном пом. 3 пол проходит полосою в 1,1 *м* вдоль западной стены с перепадом на 30 *см;* на южной стене устроена полуовальная нишка. В пом. 5 вдоль южной стены следует глинобитная, со скосами граней суфа высотой 55 *см* и шириной 25 *см*, а вдоль отрезка западной 75 *см*.

Шурфы, заложенные во всех помещениях, выявили наличие двух полов, разделенных 30—40-сантиметровой прослойкой и выделяющихся промазками желтой глины (3—4 *см*). Нижний пол лежит в конце XII яруса, верхний на рубеже XI—XII. В некоторых шурфах он покоится над материком, но у суфы пом. 1 и в пом. 6 пол оказался над скоплением оказленной докрасна и дочерна глины и зольных пятен, а в пом. 3 — над слоем глины с культурными остатками. Таким образом, появление керамического производства на холме Дт-9 предшествует сооружению Верхнего здания, на участке которого до его возведения местами уже скопился мусор из мастерских и производственные отходы из печей.

Рис. 93. Квартал керамистов Дт-9. Руины храма.

Стены первого периода имеют два штукатурных слоя — показатель какого-то промежуточного ремонта здания. Ко второму периоду относится появление слоя засыпки второго пола, а на нем — перегородки между пом. 1 и 2, дополнительной суфы в пом. 1 и установки на ней скульптуры, сырцовой «полки» в пом. 2, суфы в пом. 5. На стенах пом. 1, 2, 5 насчитывается пять относящихся ко II периоду ремонтных слоев обмазок глиной, притом с неоднократными побелками, переходящими на верхний пол. Ко времени одного из этих ремонтов кирпичную обкладку бортов суфы пом. 1 покрыли слоем глиняной обмазки с ганчевой побелкой, переходящим на верхний пол. Толстая ремонтная штукатурка (5—6 *см*) с побелкой покрывает пом. 6. Таким образом, здание во втором периоде неоднократно подновлялось и поддерживалось в порядке.

В заполнении помещений Верхнего здания над вторым полом и суфами отмечаем следующее. В пом. 1, 2, 4, 5 — надувной песок и глина, затем комковатая глина разрушенных кладок. В пом. 3 вначале над полом свалка разбитых сосудов, затем глино-песча-

ные надувы и разрушенные кладки. В пом. 6 верхний пол весь прокален до красноты, выше завал комковатой глины средней плотности.

ского Гелиокла» и халк Сотера Мегаса, в другом месте — четыре халка Сотера Мегаса. Еще один халк оказался под сырцовой пере-

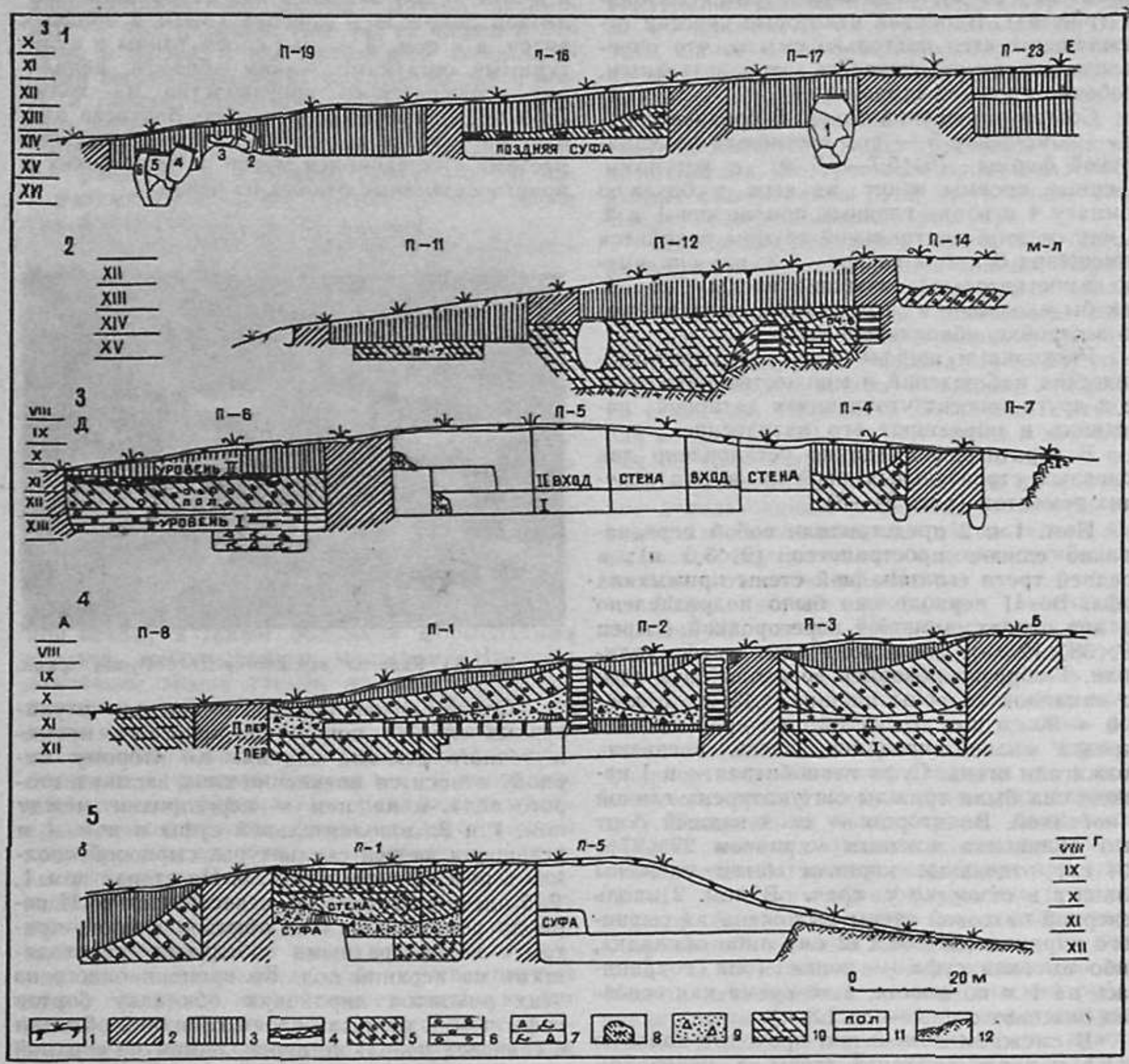


Рис. 94. Квартал керамистов. Разрезы. 1) через мастерскую; 2) через печи *6, 7* и помещения *11—21*; 3) через храм.

Условные обозначения: *1* — дерновый слой; *2* — стена; *3* — глина средней плотности; *4* — горелая прослойка; *5* — комковатый завал глины с фрагментами керамики; *6* — глина с керамикой и гальками; *7* — плотная глина с небольшим количеством золы и керамики; *8* — росписи; *9* — надувная глина и песок; *10* — плотная глина с фрагментами керамики; *11* — уровень I—II; *12* — материк.

Датировка Верхнего здания хорошо определяется общим составом находок. В пом. 6 в слое между уровнями полов I и II периодов у западной стены обнаружены в одном месте крупный экземпляр медного кружка «Варвар-

городкой, разделяющей пом. 1 и 2. Таким образом,— первый период — от возведения здания и до некоторых его переделок — восходит к правлению Кадфиза I, притом начиная от той ранней фазы, когда наряду с мас-

совыми эмиссиями типа «Сотер Мегас» в Бактрии еще имели хождение подражания чекану Гелиокла. Иными словами,— I в. н. э.

Второй период, судя по многократным ремонтам, был весьма продолжительным и охватывает время последующих Великих Кушан и первых Кушано-Сасанидов (конец I—III вв. н. э.), что подтверждает общий комплекс предметов в помещениях Верхнего здания и находка двух кушано-сасанидских монеток — одной на верхнем полу, другой на суфе пом. 1.

Здание дало очень содержательный состав вещественных находок. Приведем их перечень по помещениям.

Помещение 1. Скульптура. На широкой западной суфе располагались две скульптурные группы, дошедшие лишь в обломках, частично на самой суфе, частью — рядом с нею на полу. Скульптуры были выполнены из коричневатой глины либо сплошь из глины, либо комбинированной техникой, когда в глине, с применением внутренних деревянных стержней, выполнялась основная структурная форма, поверх которой накладывалась ткань и наносился тонкий слой гипса, уточнявшего пластическую лепку и окрашенного. Окраска видна лишь местами: одежды были темно-красными и белыми, волосы черными, лица ярко-розовыми.

На суфе in situ сохранились на высоту 30—50 *см* остатки двух женских фигур в длинных, ниспадающих вертикальными складками одеяниях — одна располагалась почти в центре, другая — близ северной перегородки. Возле последней найден небольшой фрагмент головы — черные волосы и ухо с отверстием в мочке (где, видимо, была закреплена на стерженьке или веревочке серьга). В стороне оказалась часть правой ноги, облекаемой одеждой, которая драпируется тремя глубокими вертикальными складками; положение ее подтверждает, что статуя была представлена в стоячей позе. У ног женщины находилась небольшая сидящая фигурка в плотном длинном платье, облегающем раздвинутые и согнутые в коленях ноги. Поодаль лежала головка со сбитым лицом; волосы убраны валиком, крупными прядями.

Около центральной статуи лежали: впереди левая половина ее головы (размеры 14×11×12 *см*), сбоку — фрагменты детского торса и ножки в сапожке, на фрагменте головы видна внутри бесформенная полость былого (камышового?) каркаса. Сохранились черные пряди перехваченных вверху рельефным обручем волос над невысоким лбом, миндалевидный глаз в тяжелых веках, щека, небольшой чувственный рот. Прическа аналогична статуям из Халчаяна, но общий тип лица напоминает облик пенджабских женщин, запечатленный в некоторых произведениях гандхарского ваяния.

Среди других, в большинстве бесформенных фрагментов — гипсовая «обойма», видимо, от рукава одной из двух главных статуй, с оторочкой по краю в две полосы и вертикальной полоской перлов налепными лепешечками.

При небольшом числе дошедших крупных фрагментов можно высказать лишь общие предположения о составе и содержании скульптур. На суфе располагались две раздельно стоявшие женские фигуры (примерно в 3/4 натурального человеческого размера) в центре — фронтальная, в северной части суфы — в небольшом к ней повороте. Возле центральной либо стоял рядом, либо был на руках мальчик, впереди другой сидела девочка.

Центральная фигура — явно богиня, покровительница материнства, дарующая сыновей (а в древнем мире, как, впрочем, и в наши дни, желали иметь сыновей). Вторая женщина могла быть также богиней, но, так сказать, второго ранга, или же адоратиссой с дочерью, которая просит ей даровать еще и мальчика.

На западной суфе был сосредоточен ряд интересных предметов. Рассмотрим эти находки.

Керамические изделия. В числе их несколько почти целых сосудов.

Амфоровидный двуручный ригон (сбиты обе ручки с заострением на корне) (рис. 95—1, 98, а) желтоватый черепок, снаружи до придонной части — светло-красный ангоб. Широкое горло, миндалевидного профиля тулово, переходящее внизу в стержневой отросток с отверстием. Выступающая закраина профилирована тремя валиками. Ручки имели вверху фигурный выгиб, а внизу сужающееся корневище со вмятинами, нанесенными пальцами, закрепленное на самой выпуклой части тулова, выделенной тремя параллельными линиями. В основании горла с одной стороны между ручками — пять налепов круглыми лепешечками (один сбит) и под ними на плече рельефный налеп — морда горного барана в фас. На другой стороне этих украшений нет: сосуд явно был рассчитан на фронтальное восприятие и, вероятно, устанавливался на металлической подставке. Размеры: в.=21 *см*, д.=12 *см*.

Аналогичные ритоны найдены в Кайрагаче. Что касается налепа, то в бактрийской керамике можно указать сходную головку архара

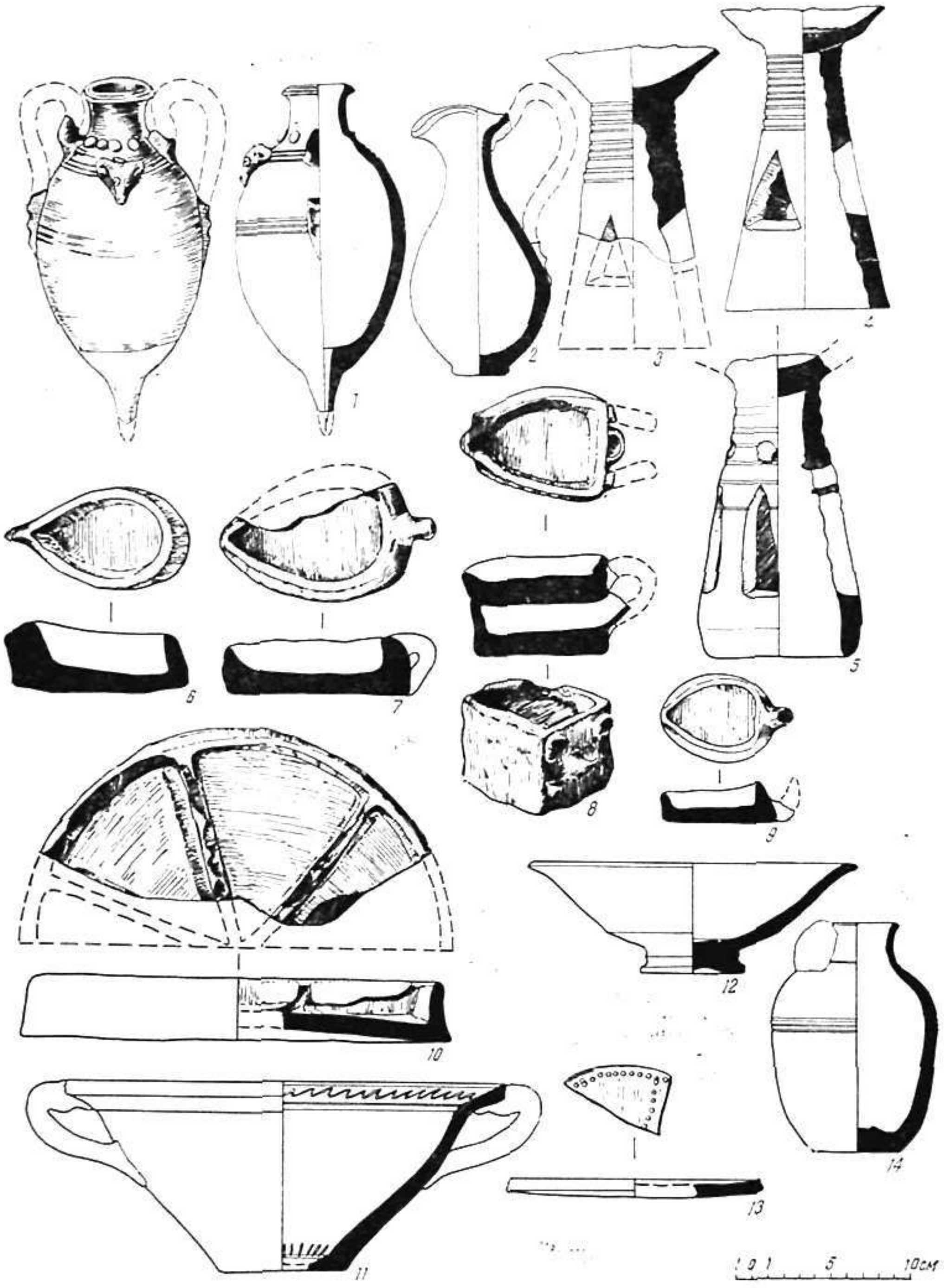


Рис. 95. Квартал керамистов. Сосуды из храма.

на горшке кушанского времени из Чакалак-тепе[11], фрагменты из Дильберджина[12] и из «домусульманских» (по Ж. К. Гардену) городищ Южной Бактрии[13]. Аналогичная налепная головка козла найдена на черепке из Беграма в слое II — середины III вв. (по Гиршману)[14].

Эйнохоя (рис. 95—*2*). Коричневатый черепок, снаружи грязноватый светлый ангоб. Грушевидно утяжеленное книзу тулово на невысоком поддоне, узкое горло с вытянутым сливом; от ручки сохранился лишь корень с парой вмятин. Размеры: в.=16,5 *см*, д.=9 *см*. Эйнохои такого рода характерны в керамическом комплексе кушанского и кушано-сасанидского времени из Чакалак-тепе (Южная Бактрия)[15].

Чираго в (рис. 95, *6*, *7*) два, миндалевидной формы, с вертикальным, чуть выпуклым бортиком, у одного — оттянутая хвостиком ручка. Черепок его розоватый, у другого — желтоватый, с сероангобным покрытием. Оба закопчены по краям. Размеры — 7,5×2 *см* и 10,5×4×5 *см*.

Фиал с раскинутыми стенками и выпуклым перехватом при переходе к почти вертикальному бортику (д.=13 *см*, в.=5 *см*) (рис. 95—*12*). Тонкий, плотный черепок, ярко-красный ангоб. Внутри фиал наполовину заполнен плотно спрессованным пеплом.

Курильница. Высокая, в виде полого конуса подставка и чашевидный резервуар (стенки его отбиты), на дне которого толстый и плотный слой копоти (рис. 95—*5*). Верхняя треть подставки оформлена рифлеными концентрическими линиями; ниже — три яруса крупных треугольников. Красноватый черепок, светлый ангоб. Размеры в.=18,5 *см*, д. (внизу) =10,5 *см*.

Поставцы (рис. 96). Два необычных керамических предмета, исполненных ручной лепкой и резьбой отдельных форм ножом. Они имеют вид ящичков, открытых сверху и без передней стенки, на невысоких ножках. В стенках устроены сквозные прорези, по верхнему краю вырезаны зубцы. Один из «ящичков» с двумя стреловидными прорезями на боковых стенках и тремя на длинной — две из них треугольные, одна стреловидная. Материал — красноватая терракота, двусторонний красный ангоб (кроме ножек). Размеры 20,5×16×15 *см*. Другой «ящичек» имеет прорези лишь на боковых стенках: по две треугольных, одна круглая. Материал — красноватая терракота с двусторонним светлым ангобом. Размеры 18×12,5×15,5 *см*.

Детали оформления повторяют здесь формы реальной архитектуры античной Бактрии. Прорези—это просветы, характерные для крепостной архитектуры (бойницы) и гражданской (таковы, например, оконца в коридоре

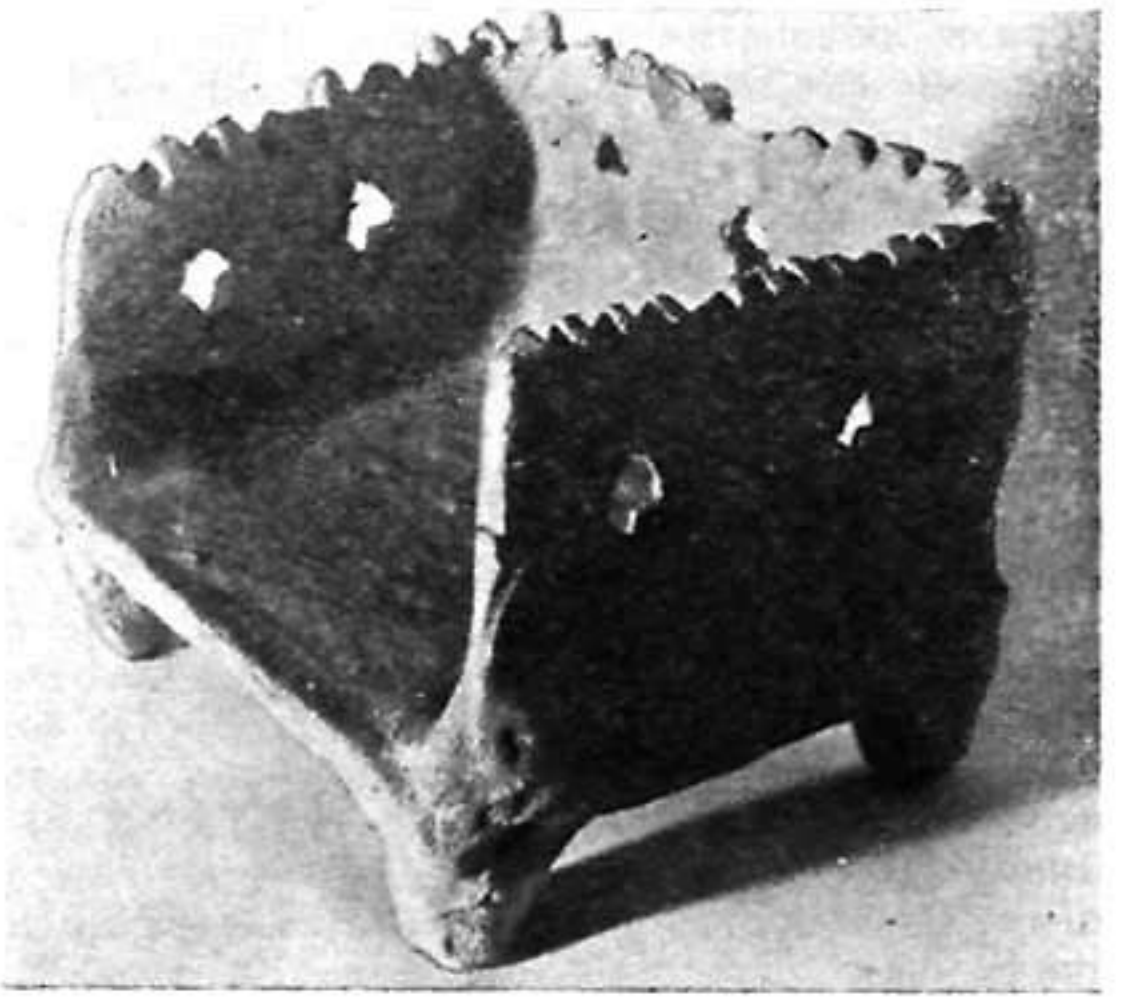


Рис. 96. Квартал керамистов. Терракотовый поставец.

крытого водохранилища в Дильберджине). Карниз из терракотовых зубцов входил в оформление халчаянского дворца. Применяя современную терминологию, можно было бы сказать, что описанные предметы как бы передают аксонометрический разрез однокомнатного здания с окнами и зубчатым парапетом.

Сходный, но замкнутый с четырех сторон терракотовый предмет был найден в Ниппуре: кубовидный, на невысоких ножках, с треугольными прорезями в стенках и зубчатым карнизом. Предполагают, что это жаровня или курильница и что зубцы служили для поддержания щипцов и других предметов культа[16]. Вместе с тем на одном из раннесасанидских блюд, где представлено пиршество правителя с супругой на лоне природы, можно видеть открытый снаружи поставец с зубчатым карнизом, в котором установлены кувшины[17].

На дальверзинских объектах нет никаких следов воздействия огня — ни копоти, ни оканенной поверхности. По своему назначению они являли собой, на наш взгляд, поставцы

[11] Mizuno, 1970, fig. 26, pl. 48.
[12] Кругликова, рис. 57—1.
[13] Gardin, 1957, pl. XV—4, p. 39.
[14] Ghirshman, 1946, pl. XV—6, p. 55.
[15] Mizuno, 1970, fig. 31, pl. 48, 67.
[16] Legrain, 1940, pl. LXV, N 254, p. 36.
[17] Смирнов, табл. XXXVII.

для хранения некрупных вотивных предметов — в частности, найденного рядом гребня из слоновой кости и, вероятно, каких-то иных расхищенных драгоценных изделий.

Терракотовая статуэтка изображает женщину в длинной одежде, которая стоя играет на короткой лютне, плотно прижав ее к груди (см. ниже «Изображения музыкантов в коропластике Дальверзинтепе»). Образы лютнисток и арфисток были распространены в пластическом искусстве Северной Бактрии эпохи Кушан, свидетельство чему дают глиняная скульптура из Халчаяна[18] и каменная из Айртама[19]. В Саганиане они предстают и в массовых изделиях кушано-бактрийской коропластики, что подтверждают данная статуэтка, калыб для оттиска аналогичных фигурок, найденный при раскопке небольшого бугра в 1 *км* южнее Дальверзинтепе и еще одна обезглавленная терракота, где музыкантша с лютней представлена сидящей.

Матрица представляет большой интерес как предмет рабочего художественного инвентаря керамиста (9,8×9,6×4,4 *см*). Оттиск передает в высоком, почти половинном объеме выразительную лицевую маску (9×7×4,2 *см*). Лицо овальное, полное, безбровое, с невысоким лбом в обрамлении едва намеченного венчика волос. Дугообразные брови и тяжелые веки полуприкрытых глаз отбрасывают глубокие тени. Нос короткий, прямой, продолжающий линию лба и бровей; рот невелик, несколько асимметричен. По типу лицо это напоминает лица будд и бодисатв в скульптуре ранней Гандхары[20] и Хадды[21], близкие к образам эллинистического ваяния. Существенное отличие дальверзинского образа — в отсутствии родинки между бровей. Таким образом, он скорее передает маску гения или дэвата. Матрица, по-видимому, представляет деталь, предназначенную для изготовления небольших гипсовых скульптур по заказам местных буддистов.

Изделия из слоновой кости. В числе их крупный гребень (рис. 97, *а*). Зубцы обломаны — сохранилась лишь верхняя высокая пластина (9×7,6—1,2 *см*), трапециевидная по форме и в сечении. На обеих сторонах нанесены отделенные от гладкой нижней трети орнаментальной полосой со шнуром перлов изобразительные сцены, как бы продолжающие друг друга. Рисунок тонко гравирован иглой в линейно-графической манере параллельной разработкой складок одежды. Мы видим половину фигуры слона, на котором восседают на широком сиденье мужчина и женщина; перед слоном бежит женщина, как бы указывающая им путь (рука вперед, но лицом обращена к сидящей чете); перед нею — пять сидящих в разнообразных поворотах на низких сиденьях с круглыми угловыми подпорками женщин, причем фигуры трех частично срезаны, не уместившись на поле гребня. Все женщины — пышногрудые, с узкой талией, полуобнажены, лишь от бедер тела их окутаны кусками драпирующейся ткани, на шее — ожерелья, на запястьях — плотные двойные и тройные браслеты, у лодыжек также браслеты — массивные, очень рельефные (видимо, из дутого металла). Прическа гладко убрана вокруг головы, но над лбом округлый венчик волос; в ушах тяжелые подвески. За фигурой бегущей женщины в свободном поле изображено два колоколовидных бокала, в руках одной из тех, что сидит — блюдо с двумя хлебами, третья, обернувшись, протягивает руку, принимая какой-то предмет (здесь срез рисунка).

Аналогичные по форме гребни из слоновой кости известны среди находок из Сиркапа сако-парфянского периода (I в. до н. э. I в. н. э.)[22], на одном из них имеется гравированное изображение[23]. Таких парадных по оформлению, как дальверзинский гребень, там не встречено, однако западноиндийский стиль его изобразительной сцены не вызывает сомнений.

Наиболее близкие аналогии дает богатейшая коллекция изделий из резной кости конца I в.— шкатулки, ларцы, сиденья и пр., обнаруженные в кушанской столице Кабулистана Каписе (городище Беграм). Техника изображений там либо гравированный рисунок, как на дальверзинском гребне, либо рельеф. Преобладают сценки из жизни женщин, представленных почти нагими, лишь в набедренных повязках и с богатыми ожерельями, серьгами, ручными и ножными браслетами[24], но некоторые прикрыты от бедер прозрачной тканью — их значительно меньше[25]. Сходны с дальверзинскими образами вычурные повороты пышногрудых и пышнобедрых с узкой талией тел. Но куафюры, головные повязки, сложные ожерелья отличны. Подробный анализ всех деталей не входит здесь в нашу за-

---

[18] Пугаченкова, 1966; Она же, 1966 а, с. 31 и сл.
[19] Тревер, 1910, с. 154 и сл.
[20] Ingholt, Lyons, fig. 268, 270, 272, 273, 311.
[21] Barthoux, 1930, pl. 5,6—*b*, 8, 16-*a*, 27—*b*, 30-*a*, 32.
[22] Marshall J. 1951, t. II, p. 655 и сл.
[23] Там же, т. III, pl. 199, № 21.
[24] Hackin, 1954, fig. 8—162, 639—668.
[25] Там же, fig. 68—73, 78, 79, 98, 99 и др.; 651, 652, 654.

дачу, укажем лишь на характерную прическу с буклей надо лбом, которую Д. Шлюмберже, на основе сопоставлений с римскими куафюрами, датирует второй половиной I века[26]. Отметим также форму бокалов на гребне, аналогичную тем бокалам, что встречаются в кушано-бактрийских керамических комплексах.

Изображения слона — шествующего, или павшего на колени, с восседающей на нем четой (мужчина и женщина, либо две женщины) также нередки на беграмских костяных пластинах; характерно, что и там шкура животного разделана в крапинку[27].

Вместе с тем прямых аналогов сцене, выгравированной на двух сторонах дальверзинского гребня, мы не находим. Вероятно, она передает какой-то понятный современникам эпический или литературный сюжет — приезд знатной четы к приготовленному для них пиршеству с яствами и возлияниями. Сам же гребень, несомненно, являет собой предмет индийского экспорта.

Два более крупных объекта из слоновой кости лежали рядом и, по-видимому, принадлежали единому предмету (рис. 97, *б*, *в*). Один выточен из длинного отрезка бивня (сейчас он сильно расслоен косыми трещинами), второму придана вертикальная форма в виде сужающегося книзу, профилированного конуса, подразделенного на три секции слегка вогнутого очертания. Вверху и по линии раздела секций — профилировка классического типа (полочки, четвертные валики, астрагалы). Внутри высверлена полость, куда входил какой-то (деревянный или металлический) стержень. В основании же снаружи выточен паз для обкладки, скорее всего метал-

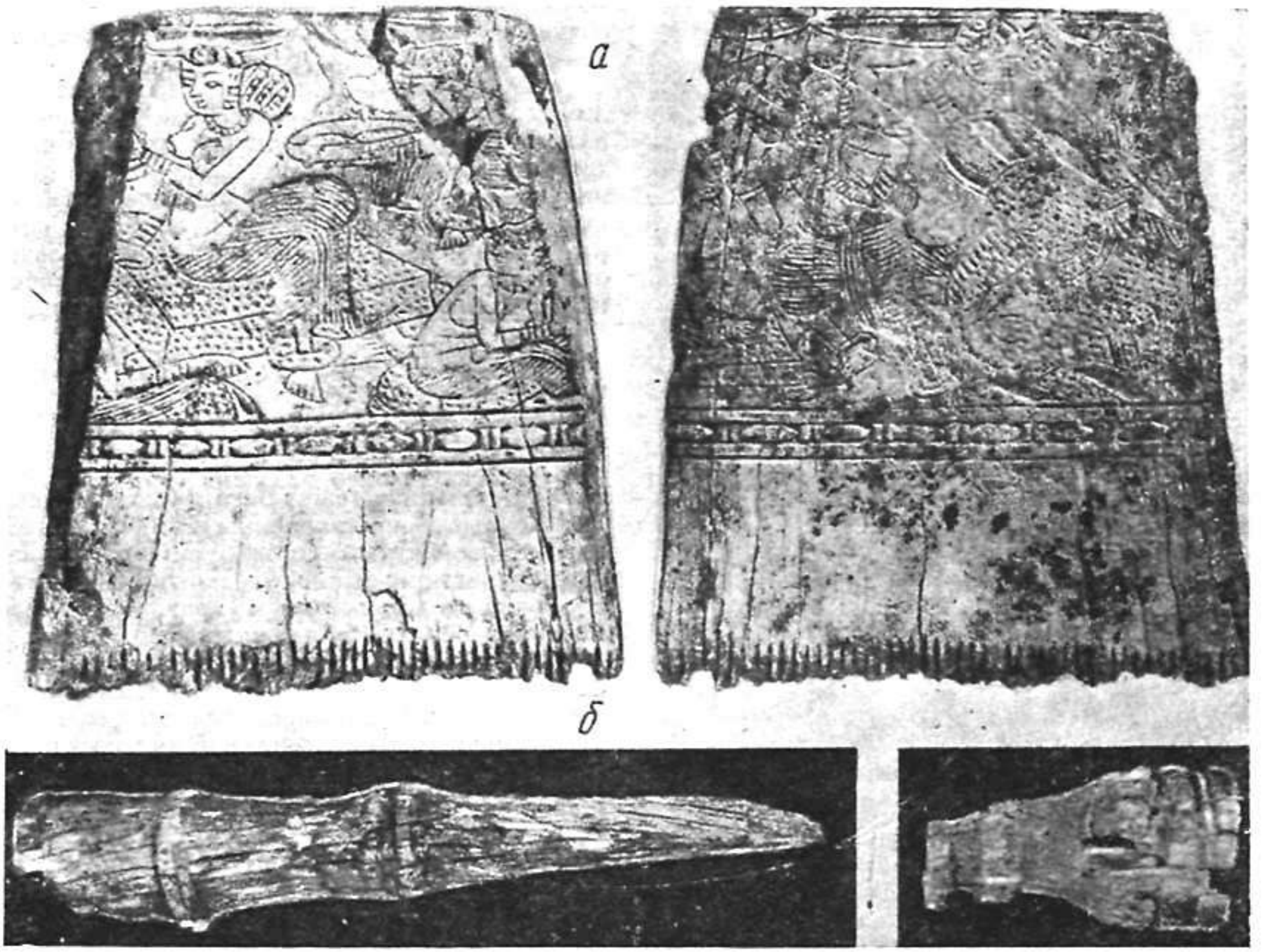


Рис. 97. Квартал керамистов: а) гребень, б) — детали сиденья, слоновая кость.

[26] Schlumberger, 1966, pl. 581 и сл.
[27] Hackin, 1954, fig. 101, 102, 103, 113—120.

лической. Размеры: в.=37 *см* (конец обломан, вероятно, до 40 *см*), верхний д.=6,4 *см*, т. стенки — 1,3 *см*, нижний д.=2,4 *см* при т. стенки=0,8 *см*.

Другой сохранился лишь в половинном объеме. Он выполнен из более широкого куска бивня (д.=8,4 *см*, в.=13,4 *см*) и также

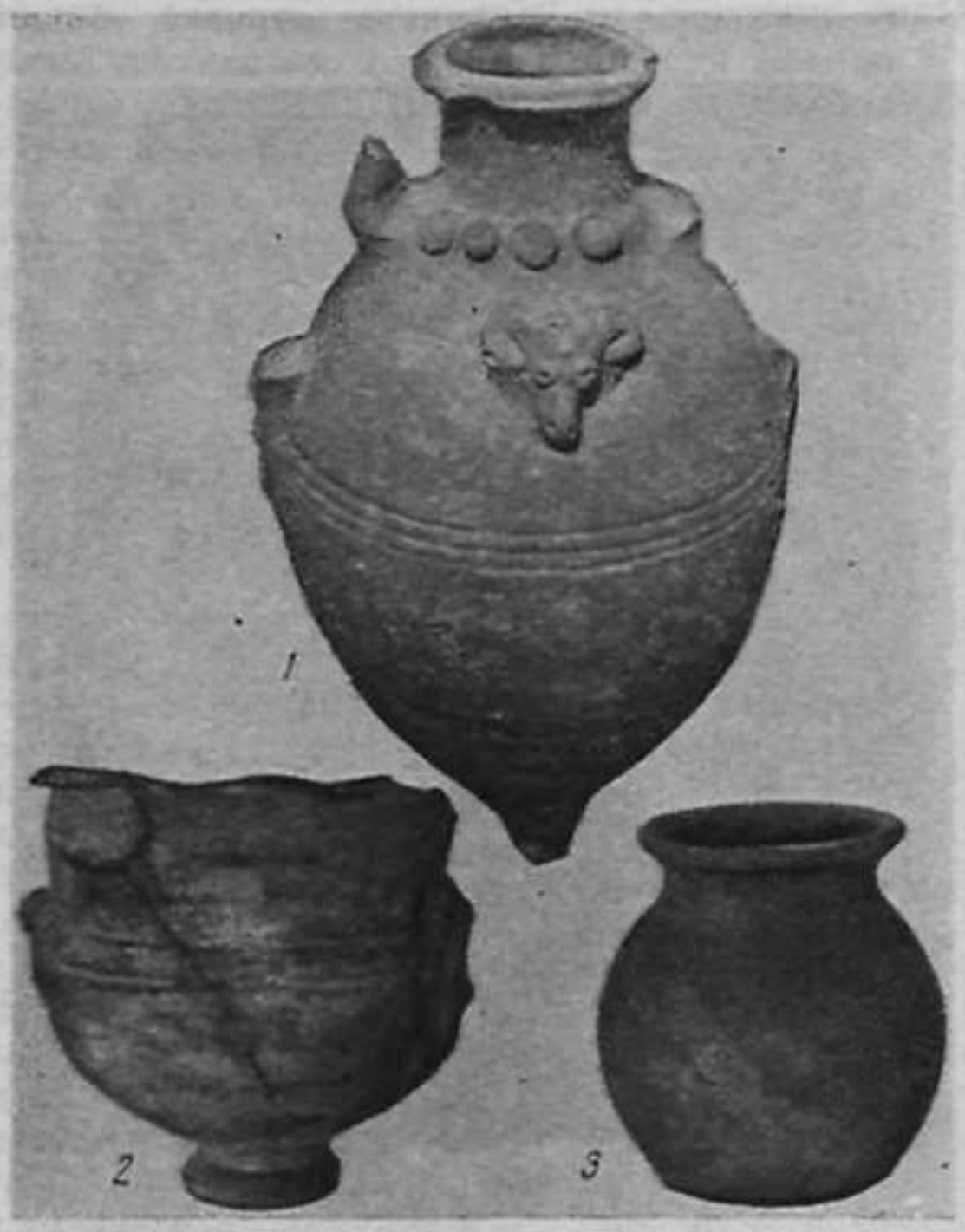


Рис. 98. Квартал керамистов. Амфоровидный ритон из пом. 1; *2—3*—сосуды из ком. 3.

высверлен изнутри (т. стенок=1,6—0,8 *см*). Здесь более сложная профилировка: карниз, оформленный понизу как бы балюстрадой, у середины — полоса с цепочкой полуовалов и отделенная выкружкой полочка внизу.

Оба объекта, несомненно, принадлежали богато отделанному сиденью — одной из его ножек, соединявшейся с деревянной обвязкой самого сиденья. Аналогии им дает богатый набор выточенных из слоновой кости разнообразных деталей царского трона, ложа и скамеечки II в. до н. э. из хранилища царских реликвий в парфянской Нисе[28], а также несколько фрагментов того же времени из храма на городище Ай-Ханум в Южной Бактрии[29]. По общему комплексу находок дальверзинское сиденье датируется более поздним временем. Впрочем, сиденья с резными фигурно-профилированными ножками существовали и в кушанском мире — таков трон богини Ардохшо в монетном чекане Васудевы II[30]. Не предназначалось ли сиденье из Верхнего здания Дт-9 для статуи Ардохшо, которую могли проносить во время праздничных процессий по городу? Вопрос не риторический, а вполне правомерный, учитывая высокую роль культа Великой Богини среди населения Бактрии.

Помещение 3. В подсыпке глины под полом у западной стены здесь были извлечены раздавленный лепной горшок с древою в тесте; фрагмент хумчи с профилированным двойным перехватом венчика с орнаментацией под ним двумя волнистыми линиями, между которыми нанесены палочкой два ряда овальных оттисков; четыре глиняных округло-дисковидных грузила диаметром 9 и 7 *см* при толщине 3—2 *см*.

В завале глины над полом оказался иной вещественный комплекс. Керамические фрагменты здесь характерны для времени ранних и Великих Кушан — в частности, сероглиняные, с черным ангобом. Имеются фигурно-профилированная ножка бокала и кусок чаши, оба покрытые ярко-красным ангобом. Часть вазы с раскинутым бортом, орнаментированным волнистыми и параллельными линиями и с зубчатым оформлением края, где имелся «пельменеобразный» налеп.

Наиболее интересный набор предметов был сосредоточен близ нишки в южной стене, что дает основание предполагать ее особое назначение. В числе керамических сосудов — небольшой тонкостенный кубок красного черепа с красным ангобом (рис. 98, *б*). По форме он напоминает как бы кратер в миниатюре — с широким, колоколообразного профиля резервуаром на полоконическом поддоне, с двумя ручками (они сбиты), идущими от края к середине тулова, корневая часть которых оформлена в виде полумесяца и кружка. Размеры: в.=11,4 *см*, д.=10 *см*. Крупные кратеры сходного профиля известны в греко-бактрийской керамике Ай-Ханум[31], среди сосудов I в. до н. э.— I в. н. э. из Беграма[32] и Таксилы[33]. Наш экземпляр по сравнению с ними миниатюрен. Корень же его ручек в виде полумесяца *характерен для кувшинов и кувшинчиков* кушанского времени в южной Бакт-

[28] Пугаченкова, 1969.
[29] Bernard, 1970, p. 332 и сл.
[30] Whitehead, pl. XIX.
[31] Gardin, 1973, p. 145 и сл.
[32] Ghirshman, 1946, p. 45, pl. XI, XXIX, L. 1.
[33] Marschall, 1951, t. III, pl. 122, 124.

рии — они нередко встречались нам при раскопках на городищах Дильберджин и Джигатепе в Балхском оазисе[34].

Другой объект — сероглиняный горшочек (в.=7,7 *см*, д.=5,7 *см*), тщательно выделенный, с почти черной поверхностью (рис. 98,*в*).

Особый интерес представляют два белокаменных предмета. Один из них — небольшой переносной алтарик, изваянный из мергелистого известняка теплого, чуть желтоватого оттенка. Он имеет форму усеченной квадратной пирамиды на четырех угловых ножках, с крупным чашевидным резервуаром наверху, с глубокой эллипсоидной полостью — для облегчения веса — внизу. Основание и карниз алтаря профилированы, моденатура их повторена в обратном расположении: две полочки, между которыми шнур перлов и крупный астрагал при переходе к граням. Углы граней отесаны посредине на восьмигранник. Резервуар для возжигания огня или для воскурений сильно закопчен (верх его обломан). Размеры: в.=18 *см*, основание 11,4×11,4 *см*, д. резервуара=5,8 *см* (рис. 99, *а*).

По своей форме и деталям алтарь восходит еще к греческому типу. Для небольших алтарей времени Великих Кушан, изображенных на монетах Вимы Кадфиза, Канишки и Васудевы I, характерны широкий вынос верхней полки, на которой возжигался огонь, прямой ствол и широкий уступ основания[35]. Дальверзинский же алтарь явно им предшествует, сохраняя связь с филэллинствующими тенденциями греко-бактрийской культуры.

Другой предмет — выточенный из мраморовидного известняка мелкозернистой структуры плоский диск (д.=8 *см*, т.=7 *мм*). Обработка выполнена вручную (без вращения на станке) резцом и местами — буравчиком. С лицевой стороны диск охвачен по кругу рельефным бортиком и разделен надвое горизонтальной полоской с полукружием. Нижняя половина углублена на 5 *мм*, а в верхней вырезан барельеф: мчащийся влево с выброшенными передними ногами гиппокамп, раздвоенный на конце хвост которого поднят параллельно кривой диска; на спине его — мужской бюст. Поза животного динамична, но пропорции искажены — голова крупна, шея и корпус укорочены. Профиль мужчины — носатый, толстогубый и толстощекий, на голове либо шапка с оторочкой, либо прическа,

Рис. 99. Квартал керамистов. Вверху — алтарь, внизу — «туалетный диск». Белый камень.

подхваченная перевязью, образуя венчик буколек (рис. 99, *б*).

Стиль предмета аналогичен так называемым туалетным дискам из Сиркапа, датируемым от II в. до н. э. до I в. н. э.[36] Назна-

[34] Работы Советско-Афганской археологической экспедиции 1972—1974 гг.

[35] Gardner, pl. XXV—XXVII, XXIX; Smith, pl. XI—XIII; Whitehead, pl. XVII—XIX.

[36] Marschall, 1951, t. II, p. 493 и сл.; t. III, pl. 144—146.

чение их окончательно не уточнено, но наиболее вероятно, что они служили именно туалетным целям — для красок, притираний и пр.

Гандхарские диски вытесаны из серого или черного стеатита. В числе изображений на дисках из Таксилы нередко предстает образ гиппокампа с всадником, всадницей или в одиночку[37], стеатитовый диск с изображением бородатого всадника на гиппокампе найден был и на Яванском городище в северной Бактрии[38]. Существенное отличие нашего диска, во-первых, в том, что материал его — излюбленный в Бактрии белый мраморовидный известняк, и, во-вторых, в типе мужского персонажа. Он весьма напоминает профиль «Варварского Гелиокла» в монетном чекане, столь распространенном на территории северной Бактрии в I в. до н. э.[39], находки которого имеются и на Дальверзинтепе. Таким образом, диск из пом. 3 это местное изделие, а не привозной предмет, датировка же его не позднее самого начала н. э.

Помещение 5. Здесь вдоль устоя западной стены между двумя дверными проемами, ведущими в пом. 1 и 2 у входа в пом. 2 и в самом проходе было крошево белой обмазки со следами росписи. А. Исламову удалось в процессе расчисток зарисовать по следам некоторые детали изображений, но попытки реставраторов закрепить эти остатки к успеху не привели.

Живопись была нанесена на глиняной штукатурке по белому пигменту в технике клеевой темперы. Наиболее крупный фрагмент (72×95 *см*) позволил расчистить часть стройной мужской фигуры в облегающем красном кафтане и белых шароварах, круп коня и слева от них (вправо по отношению к зрителю) два этажа какого-то здания, обрамленных — верхний белой полосой, нижний — сандалово-красной с вереницей белых кружков. Здесь изображены до пояса два ряда женщин, лица которых переданы в профиль или в легком трехчетвертном повороте. Женщины верхнего ряда с черными, а нижнего — с рыжими волосами, убранными на пробор. Глаза прямого разреза, нос (у тех, что в профиль), крупный, подбородок невелик. Эти профильные изображения сходны с портретной скульптурой знатной дамы из буддийского святилища Дт-1 (см. выше, стр. 96) и с головкой девочки из халчаянского дворца[40]. Одежды их — наподобие плотных красных и желтых накидок с белой каймой.

Разгадать сюжет затруднительно. Образы женщин имеют чисто светский характер — они наблюдают за происходящей на левом плане сценой (но какой?) с составом более крупных участников. Среди остальных фрагментов есть изображения полных розовых женских рук (некоторые с браслетами), узорных тканей, орнаментальных деталей, но реконструировать общую композицию по этим малым остаткам не представляется возможным.

Отметим попутно, что мелкие кусочки штукатурки с остатками росписи (сюжетной или декоративной — определить нельзя) были обнаружены у сопряжения Верхнего здания и мастерских. Они могли быть выброшены сюда из пом. 5 или же входить в оформление обращенного во двор айвана.

Возле суфы близ прохода из пом. 5 в пом. 1 обнаружена на полу скульптурная женская головка (7×3,2×3 *см*), у которой сколота вся левая половина лица и нос. Это была объемная глиняная скульптура, но с тыла она примыкала к чему-то и потому со стороны затылка уплощена. Внутри полость от вертикального стержня (палочки или камышины д.=3—4 *см*). Лицо полное, над невысоким лбом расчесанные на пробор волосы, убранные за уши, широкие дугообразные брови, глаза большие в выпуклых веках, с поволокой, полные улыбающиеся губы. Сохранились следы окраски — черным — волосы, брови, глаза, светло-красным — лицо, темно-красным — рот, полоска на шее под подбородком. Подобные полоски, да и сам овал лица, характер глаз напоминают головки девочек из Халчаяна[41], но чувственный рот в улыбке, форма ушей имеют близкие параллели в гандхарском ваянии. Описанная головка, очевидно, входила в состав статуй, располагавшихся на суфе пом. 1.

В засыпке между нижним и верхним полами оказались небольшие, до 4 *см* толщиной фрагменты глиняной скульптуры с белой обмазкой и красочным слоем (красного и желто-оранжевого цвета). Это либо фрагменты от каких-то более ранних скульптур I периода, взамен которых на суфе поставили новые статуи, либо отходы от работы скульптора, создавшего статуарные группы во II периоде, попавшие при выполнении нового пола в его забутовку.

В глине над полом пом. 5 извлечена терракотовая головка богини (группа 2, тип. 1)

---

[37] Marschall, 1951, t. III, pl. 144, NN 72—74; pl. 145, NN 75—77, 82—86; pl. 146, 88, 89.

[38] Юркевич, с. 165.

[39] См. В. М. Массон, 1965, рис. 3—12; Пугаченкова, 1967 а, рис. 3—6.

[40] Пугаченкова, 1971 а, с. 27, илл. 23—33.

[41] Пугаченкова, 1971 а, с. 26—27, рис. 21—25.

согласно нашей классификации — см. ниже «Терракоты из Дальверзинтепе»). Это отлично выполненный оттиск лица с правильными чертами, большими глазами прямого разреза над крутыми дугами бровей, двумя родинками на щеках; волосы разделены на пробор и разработаны параллельными прядями; над двойным рельефным обручем — высокий, в радиальных линиях, головной убор.

У юго-восточного угла пом. 5, над верхним полом найдена отбитая на одну треть крышка (д.=16,5 *см*), видимо, попавшая сюда из соседней мастерской. Она — из группы описанных огнеупорных по составу черепка плоских крышек; на верхнем поле ее параллельно краю и по двум взаимно перпендикулярным осям нанесены фестончатые оттиски и по одному фестону в четвертях. В центре же — вертикально оттянутый из общего пласта выступ с антропоморфным оформлением: сзади изображение воспринимается как короткорукое туловище без головы, а спереди — как бы личина с двумя фестончатыми оттисками глаз и одним оттиском на темени, с прорисованным носом, переходящим в дужки бровей.

В примитивном лике на этой крышке и условно трактованной головке верблюда на аналогичной крышке из пом. 12 в оформлении той и другой фестончатыми оттисками, образующими то крестовину, то шестиконечную звезду, несомненно, запечатлена какая-то символика, восходящая к магическим образам древности.

Помещение 6. Помимо упомянутых выше монет, в пом. 6 над первым полом (ниже горелого слоя) обнаружены три тонкие золотые пластинки с дырочками для нашивания; одна из них — с тремя рельефными спиральками. Среди других находок — бронзовый колокольчик, шесть бусин и три раковины — каури — одна со спиленной спинкой. Как известно, каури издревле играли роль женского амулета. В среднеазиатский мир они поступали из Индии.

За западной стеной пом. 6 найдена небольшая терракотовая печать — инталия. Она представляет собой не совсем аккуратно сформованный вручную конус (д.=22 *мм*, в.=24 *мм*) со сквозным отверстием. Материал — очень плотная розоватая терракота с красноангобным покрытием; на круге основания до обжига было оттиснуто (с геммы или металлической печати) рельефное изображение. Оттиск передает не очень четкие фигуры обращенного вправо копытного животного и всадницы. Определить породу животного затруднительно — это мог быть и бык, и козел. У него высокие рога полумесяцем и торчащие уши, однако для быка слишком стройная шея и высокие, тонкие ноги. В изображении всадницы многие детали неясны. Лицо смято, на голове рельефно обозначена не то прическа с узлом на затылке, не то головной убор. Торс с ясно обозначенным углублением между грудей, правая нога опущена, вдоль нее вертикальные драпировки, у бедра как бы что-то приторочено. В отведенной в сторону правой руке — пальмовая ветвь, в согнутой левой или цветок или рог изобилия с выступающей листвой. Под мордой животного как будто вертикальная надпись в одно слово, буквы которого также крайне смяты.

Несмотря на нечеткость изображения, оно вызывает ряд ассоциаций. В кушанской нумизматике существуют уникальные монеты Хувишки и так называемого Канишки III с изображением богини Наны, или Нанашах, едущей на льве[42]. Исследователи рассматривают ее как покровительницу животных, многие отождествляют Нану с Анахитой[43]. Изображение богини на льве, львогрифоне или на другом полиморфном фантастическом звере, в окружении животных и птиц, нередко на металлических сосудах сасанидского времени[44], очевидно, это развитие того же мифологического образа, получившего на Северном Востоке в различных районах разнообразную художественную интерпретацию.

Один из вариантов дает печать, где богиня предстает с атрибутами растительного характера, что указывает, видимо, на ее функции, как покровительницы флоры, а не только фауны. Находка печати в кушанском комплексе имеет принципиальное значение. Она свидетельствует о популярности представленной на ней богини (Наны?) в народной ремесленной среде, коль скоро ее изображение было выполнено на скромной терракотовой печати, принадлежавшей, скорее всего, одному из мастеров-керамистов.

Помещение 4. В нем, наряду с фрагментами рядовой керамики кушанского времени, найдено три чирага и курильница.

Два светильника — чирага (рис. 95—*9*) обычного типа: один миндалевидный с почти вертикальными стенками и петельчатой ручкой на торцовой стороне (размер 11,5×6,5×3,6 *см*); другой — овальный с от-

---

[42] Whitehead, pl. XX, p. 214; Makherjee.

[43] Rosenfield, p. 85 и сл. с обзором различных точек зрения и публикаций по данной проблеме.

[44] Смирнов, табл. XIV, № 36, табл. XVII, № 40, табл. XVIII, № 43, табл. XXI, LXVI, CX; Sasanian Silver, p. 136, N 54.

тянутой ручкой (9×5×2,8 *см*). Третий чираг оригинальный, «двухъярусный» (рис. 95, *8*). Он имеет форму утюжка, заостренного на одном конце и широкого на другом. Вверху закопченный резервуар с прямыми бортиками. Под ним внутренний резервуар с округлым отверстием для фитиля на торцовой стенке (тоже закопченным), по обе стороны которого была пара петельчатых ручек (обе обломаны). Черепок чирага плотный, розоватый, на поверхности светлый ангоб. Размеры 9,3× ×5,8×6,2 *см*.

Резервуар курильницы (рис. 95, *5*) сбит, сохранилась лишь подставка в форме полого конуса. Она гофрирована в верхней трети, ниже — сквозные прорези: пять больших вертикально-овальных и в промежутках между ними пять — кружочками.

Эта курильница, как и описанная выше (пом. 1, см. стр. 135) находит ряд аналогий среди находок из северо-бактрийских городищ. В разных вариантах орнаментации и размещения прорезей, но при общности самой формы, они встречены в кушанских слоях на Культепе (Шурчинский район УзССР)[45], Узбекконтепе (Гиссарская долина—ТаджССР)[46], Хайрабадтепе (Ангренский район УзССР)[47] и Балалыктепе. В последнем они, возможно, имеют более позднюю дату.

Своеобразен дошедший в двух фрагментах плоский сосуд — род сковороды с бортиком, подразделенный вертикальными перегородками на восемь секторов (рис. 95, *19*). Черепок плотный, красноватого цвета, внутри сосуда светлый ангоб, снаружи по днищу и бортику не то серо-черный ангоб, не то копоть. Размеры: д.=30 *см*, в.=4,2 *см*.

Имел ли этот редкостный сосуд производственное, бытовое или ритуальное назначение— трудно определить. В глине нет примесей, придающих огнеупорные свойства — он не был предназначен для установки на огне. Несомненно лишь то, что разделение сосуда на секции предполагало размещение в них каких-то разнообразных веществ или предметов.

Что же представляло собой Верхнее здание в квартале керамистов крупного античного города? По всем признакам, это небольшой храм. Сама планировка его свидетельствует не о жилом и не о служебно-бытовом назначении. При небольших размерах здания его центральная группа имеет подчеркнуто парадное оформление. Вступая со двора в первое по расположению помещение (№ 5) посетитель видел украшенную живописью торцовую стену. Здесь же дверь, через которую он проникал в небольшую комнату (№ 2) и оттуда — в главное, оформленное скульптурой и обставленное набором особых предметов помещение (№ 1). Свершив некое действо, он выходил через другую дверь опять в помещение 5. Налицо регламентированный каким-то обрядом ритуал. Эта центральная планировочная группа представляла собой вестибюль, пронаос и целлу-святилище. Что касается помещений, расположенных по обе стороны, то они имели служебно-подсобное назначение — для пребывания обслуживающего персонала и хранения инвентаря. Некоторые не сообщались с центральной группой, а имели самостоятельные входы извне.

О культовом назначении здания свидетельствует и состав находок. Курильницы, заполненная пеплом чаша, каменный переносной алтарь, своеобразные терракотовые поставцы (никогда не встречавшиеся в бытовой керамике), особый по форме амфоровидный ритон — все это предметы ритуального характера; к той же категории, по-видимому, относятся эйнохойя для возлияний и светильники — чираги. Вотивными подношениями можно признать и привозной индийский гребень из слоновой кости, раковины каури, золотые нашивные пластинки, вероятно, украшавшие дорогую ткань.

В целом перед нами лишь остатки какого-то богатого набора вещей, из которого всё более или менее ценное было унесено в период заброса храма. На долю археологов осталось все не пригодное для похитителей.

В отношении исповедуемого культа ответ дают скульптурные группы и некоторые из находок. Несомненна связь его с женским божеством — с той Великой бактрийской богиней, которая почиталась покровительницей семейного благоденствия и появления детей. Об этом свидетельствует состав скульптур (две группы — женщина с мальчиком и женщина с девочкой) и набор вотивных предметов (туалетный диск, гребень, амулеты плодородия — каури). О популярности культа Великой богини в Саганианской столице свидетельствуют находки ее многочисленных терракотовых статуэток и небольшой, интимный храм богини в северной части города (Дт-7).

Невольно возникает вопрос: почему же ей посвящено святилище в квартале керамистов, где в основном пребывали и трудились муж-

[45] Раскопки УзИскЭ, проведенные Э. В. Ртвеладзе в 1972 г.

[46] Зеймаль Е. В., 1961, с. 130, 132, рис. 7. Автор датирует курильницу V—VI вв., с чем вряд ли можно согласиться: она обнаружена в слое со стенкой из античного квадратного сырца, который выше зажат раннесредневековым слоем с характерным прямоугольным сырцовым кирпичом.

[47] Альбаум, 1960, с. 70 и сл.

чины? В этой связи уместно напомнить, что изготовление керамической посуды на ранних стадиях развития человеческого общества было женским делом, реликтовым пережитком сохранившись до недавнего времени, например , у горцев Припамирья и Кавказа. В пору развитой античности, как нам представляется, Великая богиня почиталась в Бактрии, подобно Афине у греков, покровительницей ремесел и, вероятно, также мира, в условиях которого лишь и возможен их расцвет.

КЕРАМИКА ДАЛЬВЕРЗИНТЕПЕ

Раскопки на Дальверзинтепе дали обильный сбор керамики. В составе ее ряд сосудов целых или реставрируемых по фрагментам, но преобладала масса черепков, многие из которых дают профили венчиков, стенок, донец, а в ряде случаев и полные формы. Этот массовый материал был зафиксирован по основным раскопам в статистических подсчетах с выделением ведущих форм сосудов и их основных размеров, характера черепка, вида покрытий, орнаментации.

Метод статистических таблиц в последние годы широко вошел в систему работ советских археологов, хотя, к сожалению, единства методики пока не достигнуто. На наш взгляд, многие исследователи увлекаются излишней детализацией и дроблением признаков: так, к примеру, для одних лишь венчиков, притом однородных сосудов, предлагается вымерять углы наклона, определять чуть большие или чуть меньшие отгибы закраины, колебание их толщины и т. д. Между тем подобные детали не имеют принципиального значения, поскольку при работе древних керамистов на гончарном круге (не говоря уж о ручной лепке) всякого рода мелкие отличия возникали в результате чуть большего или чуть меньшего нажима пальцев мастера, который в общем-то ставил целью изготовление наиболее ходовых сосудов, отнюдь не стремясь к их абсолютной стандартизации. Вариантность таких деталей керамики, как углы наклона, утолщение и утончение, больший или меньший выгиб и т. д. составляет неотъемлемую черту самой гончарной технологии древних времен как результат ручного труда, принципиально отличного от выработки стандартных серий в современном фабричном производстве.

Что касается статистических подсчетов черепков, которые широко практикуются в настоящее время в археологических исследованиях и которые проведены нами также по Дальверзинтепе, то мы относимся с некоторым скепсисом к наглядности получаемых процентных соотношений разных форм сосудов. Естественно, скажем, что в одном и том же помещении один раздавленный хум даст больше черепков, чем несколько разбитых чашек. В то же время хум, вкопанный в землю, служил десятилетиями, в течение которых могло быть разбито немало чашек и он, таким образом, дает в подсчете единицу; но битые чашки аккуратная хозяйка выбросит на свалку, и если археологу попадаются в завале дома черепки, то они в основном принадлежат последнему этапу существования этого дома, из которого целую утварь могли унести, оставив лишь обломки. Таким образом, простым арифметическим исчислением найденных фрагментов определить подлинное соотношение в быту тех или иных посудных форм практически невозможно, и даже суммарный подсчет черепков со всех раскопочных площадок дает лишь самое приблизительное о нем представление.

С нашей точки зрения, при характеристике античной керамики среднеазиатских городищ главное — это выделение ведущего состава посудных форм и их основных вариантов, присущих конкретному региону в тот или иной период. Этому принципу подчинены и приведенные в статьях настоящей монографии характеристики керамических комплексов.

Керамика Дальверзинтепе может быть подразделена на несколько хронологических групп, иллюстрирующих процесс эволюции текстуры и форм, сведенных в типовые таблицы. Датировки ее основаны на следующих факторах:

а) стратиграфическое залегание той или иной керамической группы, соотносящейся как с относительной хронологией археологических слоев Дальверзинтепе, так и с уточненными датировками этих слоев, обоснованными общими комплексами находок (в частности, монет);

б) привлечение сравнительного материала с других городищ всего бактрийского региона. В этом случае мы опираемся преимущественно на керамические комплексы, имеющие четкое обоснование тех или иных дат. Вместе с тем авторы с известной осторожностью прибегают к сопоставлению с керамикой соседних областей Среднего Востока и Средиземноморского мира, считая, что в каждом регионе имелись локальные, порой весьма существенные, особенности гончарной продукции.

Керамика периода Дальверзин — I (греко-бактрийский комплекс). III—II вв. до н. э.

Данный керамический комплекс четко выделен по материалам нижнего стратиграфического горизонта раскопов Дт-2, Дт-4, Дт-6, Дт-7 и Дт-14 (рис. 11а, 12, 34а, 42, 58, 75, 76, 100).

Почти все сосуды выполнены на гончарном круге, найдено лишь несколько фрагментов лепных. Черепок очень плотный, звонкий, прочный — отсюда тонкостенное сечение большинства сосудов (кроме хумов и котлов). Цвет его розовый или темно-охристый. Керамика в основном ангобированная, ангоб светло-охристого цвета, иногда красноватый, столовые сосуды нередко имеют легкое лощение.

Состав основных форм ограничен, среди открытых форм небольшие тарелки, фиалы и кубки; среди закрытых — кувшины, горшки, котлы и хумы.

Открытые формы, как правило, тонкостенные (до 2—3 *мм* в сечении основного резервуара).

Тарелки имеют отлого раскинутые стенки, клювовидно оттянутый наружу венчик, варьирующий очертанием от остроугольного до мягко округленного; небольшое плоское донце; на одном экземпляре имеется невысокий кольцевой поддон. Д.=18 *см*, в.=3,5—3,6 *см*, пропорции в пределах от 1:5 до 1:4[48] (рис. 100, *3—5*).

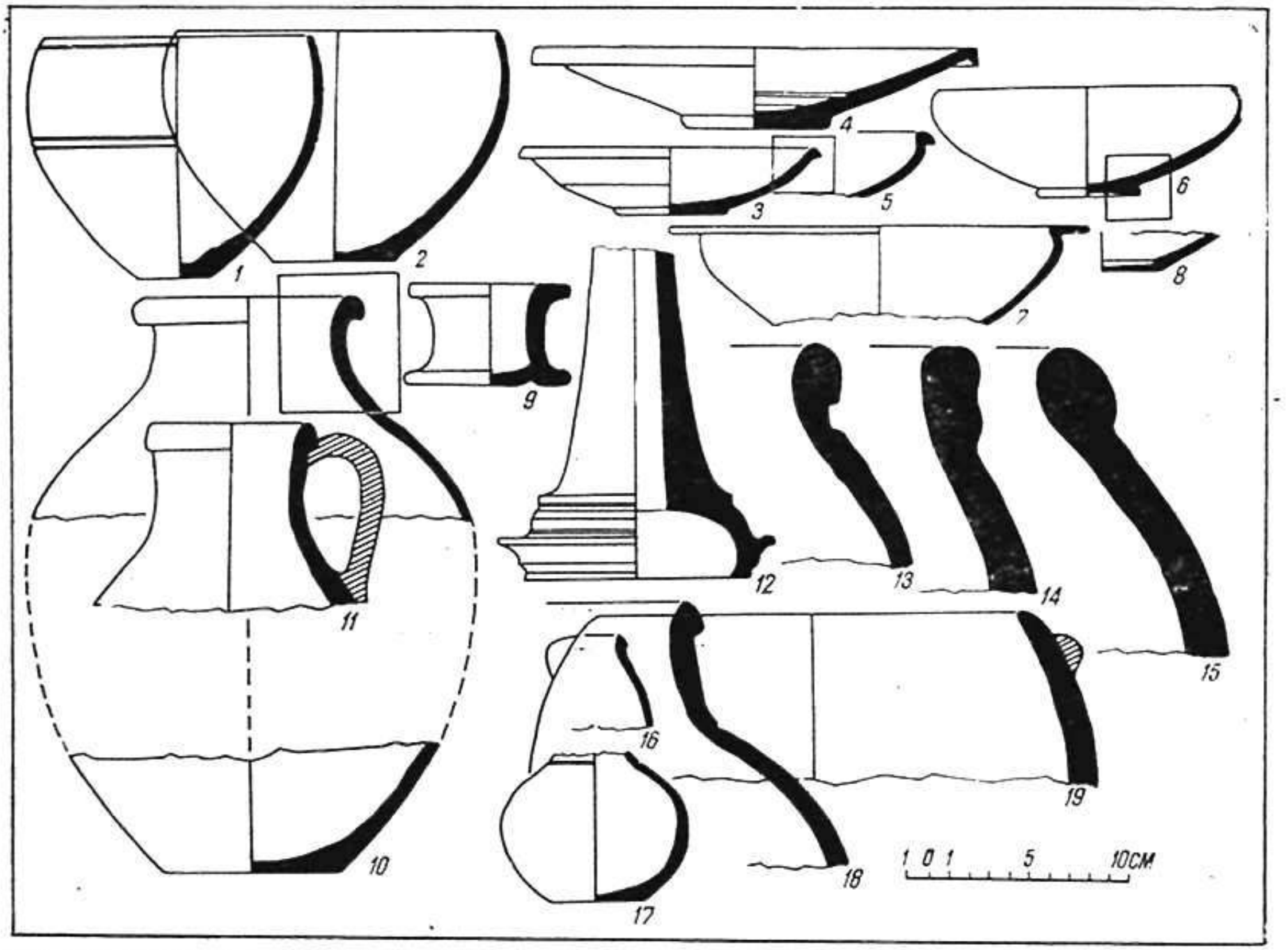


Рис. 100. Керамика Дальверзинтепе. Типы керамики греко-бактрийского времени.

Фиалы представляют как бы развитие той же формы по высоте и очертанию. Стенки отлого-овальные, скругленные внутрь, реже — оттянутые у края наружу, причем в этом случае они имеют закраину или подтреугольного типа или наподобие горизонтального бортика. Дно иногда плоское, но чаще имеется невысокий поддон. Д.=16—

[48] Здесь и далее — соотношения высоты к диаметру.

20 *см*, высота — 4—8 *см*, пропорции от 1:4 до 2:5 (рис. 100, *6—8*).

Кубки имеют овальный профиль резервуара, наверху слегка скругленного внутрь и заметно сужающегося к небольшому, плоско срезанному донцу. Верхний диаметр и высота в пределах 12—18 *см*, пропорции варьируют от 1:1 до 4:3 (рис. 100, *7, 2*).

Закрытые формы. *Кувшины.* Для них характерна овальная форма тулова, сужающегося к днищу — плоскому либо со слегка рельефным поддоном, и невысокая горловина с выпуклой закраиной скругленно-треугольного очертания (д. горловины 9—10 *см*, сечение тулова 5—7 *мм*). Большинство кувшинов без ручек; пока найдена одна подтреугольного сечения.

Горшки. Их обнаружено немного; имеют сфероидную форму, с широким горлом и слегка рельефным венчиком; днища тех же форм, что и у кувшинов, но в целях устойчивости — большего диаметра (рис. 100, *10, 11*).

Хумы и хумчи. Общие формы хумов не встречены — только фрагменты. Хумы имеют реальную закраину в виде валика или почти вертикального утолщения с перегибом. Верхний диаметр 27—35 *см*, сечение стенок 15—17 *мм*. Черепок очень плотный красноватого и коричневатого оттенка, снаружи светлый ангоб. Хумча из раскопа Дт-4 — тонкостенная (7—8 *мм*); у нее выделенная уступами невысокая горловина с венчиком, овальное тулово, слегка выпуклое днище (рис. 100, *13—15, 18*).

Котлы. Мы располагаем пока лишь верхней половиной котла из раскопа Дт-4. Стенки его плавно расширяются от края, где имеется два налепа для упора (д.=22 *см*, сечение 0,9—1,4 *см*). Тесто грубоватое с древовой и крупными порами от выгоревшей растительной добавки (рис. 100, *19*).

Редкие формы. В числе их небольшая подставка, видимо, ритуального назначения и средняя часть от светильника или жертвенника (см. раскоп Дт-4) (рис. 100, *9, 12*), малые горшочки (рис. 100, *16, 17*).

Описанная группа сосудов из комплекса Дальверзинтепе хорошо сопоставляется с керамикой III—II вв. до н. э. из Ай-Ханум, но имеет некоторые локальные отличия[49]. И для того и для другого комплексов характерны тщательная выделка черепка, тонкостенность сечений, покрытие ангобами и лощение. Однако в Ай-Ханум, наряду с охристыми и розоватыми оттенками черепка и ангобов нередки ярко-красные и оранжевые тона. Кроме того, там до 15% серо-черной керамики, в то время как ни того, ни другого в комплексе Дт-1 не встречено. Типы сосудов из Дальверзинтепе аналогичны айханумским, но имеются некоторые отличия. В Ай-Ханум, например, *также многочисленны небольшие тарелки с* раскинутыми стенками и клювовидными венчиками, но в отличие от дальверзинских они преимущественно на кольцевом поддоне[50]. Фиалы из Ай-Ханум по своему профилю сходны с дальверзинскими, но пропорции последних более пологи[51] и кроме того, в айханумских нет закраин в виде оттянутого бортика. Кубки из Ай-Ханум аналогичны дальверзинским и своей основной формой и пропорциями, но отличны присутствием на многих из них небольшого кольцевого поддона, а также слабым или же четко выделенным перегибом в верхней части резервуара[52]. Сходны на обоих городищах хумы[53], хумча[54], горшки[55] и кувшины с невысокой горловиной[56], но в Ай-Ханум последние преимущественно одноручные, в то время как на Дальверзинтепе они чаще без ручек.

Все отмеченные отличия имеют лишь частный характер — они свидетельствуют о каких-то особенностях местных глин и, может быть, гончарной технологии (отсюда — отсутствие серо-черной керамики, яркого оранжево-красного черепка и ангобов), о некоторых локальных вариантах профилировки, наконец, об известной провинциальности гончарной продукции в греко-бактрийском городке на средней Сурхандарье по сравнению с огромным городом, основанным греками на побережье Окса. Но принципиальная общность керамических комплексов *здесь очевидна, а за этим* стоит некая более широкая общность всей материальной культуры территории право- и левобережного бассейна Амударьи в греко-бактрийский период.

Сошлемся также на находки в нижних горизонтах древнего Балха — светлоангобированные тарелочки и фиалы, сходные по профилю с дальверзинскими, и фрагменты красных с лощением кубков[57]. Они оказались смешанными с более древней — «ахеменидской»— керамикой, в силу чего Ж. К. Гарден датировал весь состав V—III вв. до н. э., но, вероят-

---

[49] Gardin, 1973.

[50] Там же, p. 134 и сл., pl. 130.
[51] Там же, p. 138 и сл., pl. 131.
[52] Там же, p. 141 и сл., pl. 132.
[53] Там же, p. 155 и сл., pl. 139.
[54] Там же, p. 158, pl. 140.
[55] Там же, p. 147 и сл., pl. 140.
[56] Там же, p. 150 и сл., pl. 135.
[57] Gardin, 1957, pl. XXIV (стратиграфическая таблица, ряд. 1).

но, для данных посудных форм датировку следует отнести к III—II вв. до н. э.

Датировка дальверзинского комплекса Дт-1 определяется III—II вв. до н. э., на основе приведенных сопоставлений, причем в землянке раскопа Дт-7 это III в. до н. э., поскольку там встречаются фрагменты сосудов с подкошенными донышами, пережиточно дошедшие от ахеменидского времени (то же см. в нижнем горизонте Халчаяна)[58]. Датировку подтверждает также находка монеты Евкратида (см. выше главу о раскопе Дт-7). На раскопах же Дт-2 и Дт-4, где подкошеннодонные формы уже не встречаются, керамический комплекс скорее относится ко II в. до н. э.

Керамика периода Дальверзин—II (юеджийско-кушанский комплекс — конец II в. до н. э.— I в. н. э.)

Керамический материал этого комплекса получен из шурфов на Дт-2, Дт-6, Дт-7, Дт-9 и из среднего и верхнего слоев захоронений науса Дт-14 (рис. 34, 42, 58, 75, 76, 101, 102).

Вся керамика изготовлена на гончарном круге, за исключением кухонных котлов и чирагов. Цвет черепка в основном светло-коричневый и темно-охристый. На этом этапе появляется керамика со светло-серым черепком, хотя количество ее еще незначительно. Черепок плотный, прочный. Сосуды хозяйственного назначения (хумы, хумча, тагара, часть чаш) имеют в тесте добавку гипса: в тесте прочих сосудов в основном добавка песка. Крупные сосуды—хумы, хумча, тагора—несут светлый ангоб; бокалы, часть чаш и кувшинов — красный. Отличительная черта, по сравнению с предшествующим комплексом,— увеличение набора форм и вариантов их, большинство которых займут господствующее положение в керамическом производстве последующих периодов.

Открытые формы. Бокалы и кубки представлены некоторым количеством целых сосудов из захоронений науса, а также ножками и стенками из других раскопов. Черепок плотный, светло-кирпичного цвета, большая часть сосудов несет красный ангоб, на некоторых сохранились следы лощения (сечение стенок 0,5—0,7 *см*).

Кубки (рис. 101, *1—3;* 102, *2*). Варианты:

а) сосуд приобретает небольшой поддон, резервуар несколько расширен. Размеры почти стандартны (в.=11—12 *см,* Д.=15—17 *см,* д. донца=4,8—5 *см.* Пропорции 5:4);

б) резервуар тот же, но сосуд получает приземистую ножку, которая имеет небольшой выем. В результате меняются пропорции от 1:1 до 1:1,1. Здесь мы наблюдаем как бы превращение кубка в бокал;

в) кубок приобретает небольшой поддон, цилиндроконический профиль, где намечается перехват — ребро. С внешней стороны иногда несколько желобков (в.=11—12 *см,* Д.=12,8—16 *см,* д. донца=5—5,5 *см.* Пропорции от 10:7 до 5:4).

Бокалы. Резервуар колоколовидный, круто поднятый вверх, края венчика чуть отогнуты наружу (в.=19,8—20 *см,* Д.=12,4—13 *см,* д.=5,4—5,8 *см*). Ножка фигурная с глубоким выемом, высотой 3—4 *см.* Сечение стенок 0,4—0,6 *см.* Пропорции 5:4 (рис. 101—*4*).

Фиалы. Отличаются высоким качеством выделки, тонкостью сечения (3 *мм*), изяществом профиля. Донце слегка выделено, стенки полого отходят ото дна и спрямляются к венчику, с внешней стороны по краю венчика проходят декоративные желобки. Черепок в изломе ровного красновато-коричневого цвета, по красному ангобу нанесено сплошное лощение (в.=5,5—6,8 *см,* Д.=16—19 *см,* д. донца=3—4,6 *см.* Пропорции около 1:3) (рис. 101, *1, 7*).

Вазы. Резервуар имеет широкораскинутые стенки, которые завершаются приостренным краем, а у основания имеют небольшой надлом; у края венчика в одном случае по надлому встречаются декоративные желобки. Ножка низкая, сплошная, дисковидная или в виде усеченного конуса. Вазы несут двусторонний красный ангоб, который с внешней стороны доходит лишь до 1/3 резервуара. (Основные размеры: 6,8—7,7 *см.,* Д.=20—22 *см,* д. донца=5—7 *см.* Сечение стенок 0,3—0,6 *см*). Пропорции 1:3 (рис. 101, *5*).

Тарелки. Форма значительно видоизменяется. Черепок красновато-коричневого цвета, покрытие светлым ангобом. Сечение стенок 0,4—0,7 *см* (рис. 101, *6*);

а) стенки полого отходят от дна, немного приостряются у края, поддон не выделен. Сосуд напоминает в силуэте перевернутую трапецию (в.=3—4 *см,* Д.=13—16 *см,* д. донца=5,6—6,6 *см.* Пропорции 1:4);

б) стенки резервуара округляются, плавно поднимаются вверх и у края немного отгибаются наружу или внутрь, поддон слабо выделен. Сосуд по внешнему облику приближается к чашам (в.=4—4,4 *см,* Д.=13,5—14,5 *см,* д. донца=5,2—5,6 *см.* Пропорции от 1:3 до 1:3,3).

Чаши и миски. Им принадлежит одно из ведущих мест в керамическом комплексе

[58] Пугаченкова, 1966 а, с. 31 и сл., рис. 11.

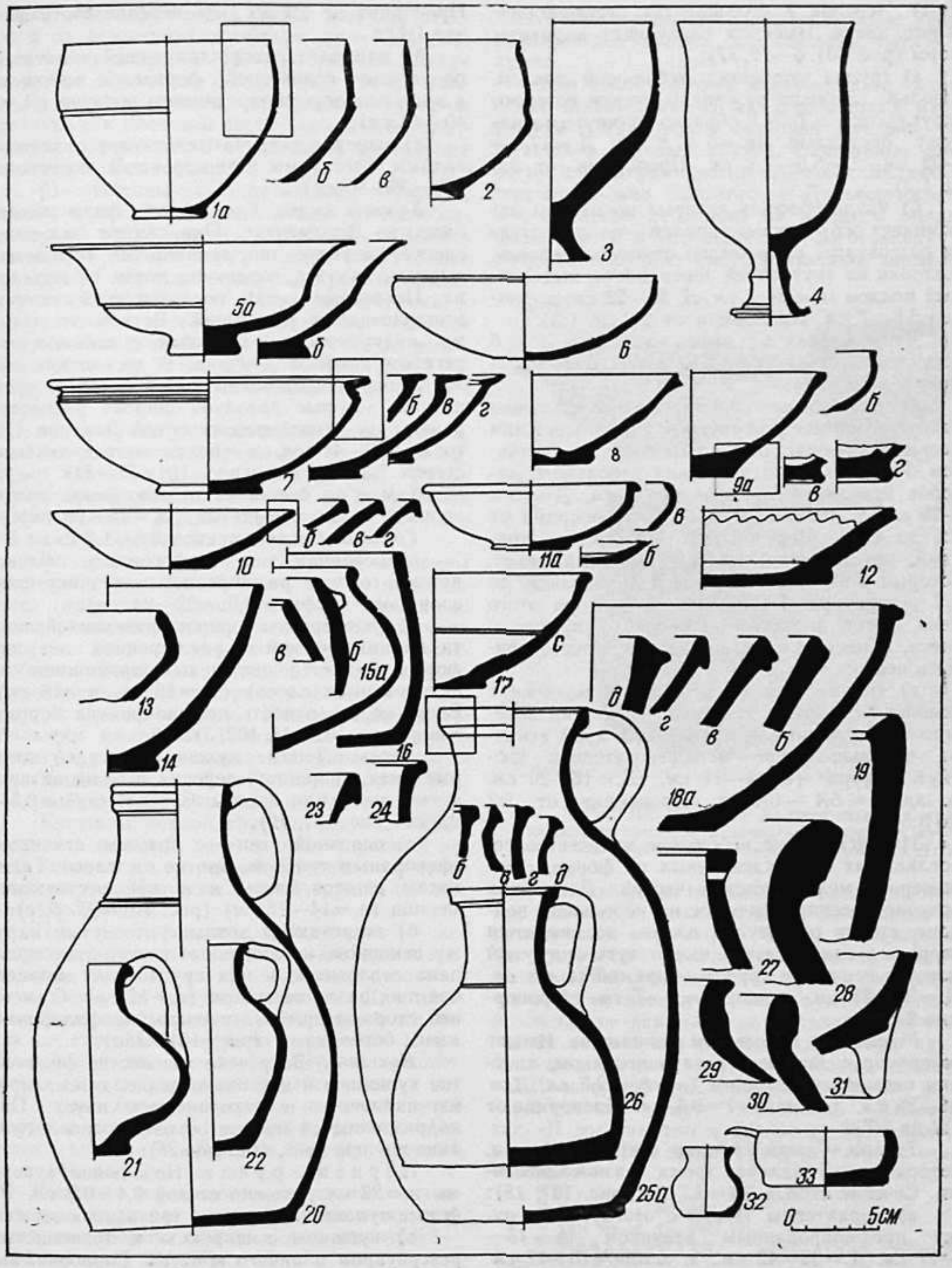


Рис. 101. Керамика Дальверзинтепе. Комплекс керамики юеджийско-кушанского времени.

Дт-11. Черепок в большинстве светло-коричневого цвета. Имеются следующие варианты форм (рис. 101, *6—12, 17*):

а) группа чаш имеет небольшой поддон, довольно глубокий резервуар, стенки которого округляются с Т- и Г-образно оттянутыми наружу бортиками (в.=6—7,8 *см*, Д.=17,8——22 *см*, д.=5,6—7,8 *см*. Пропорции от 2:5 до 1:3);

б) чаши, профиль которых во многом напоминает огрубленные тарелки —пологие стенки резервуара, клювовидно отогнутый венчик, желобки на внутренней поверхности, выделенный поддон (в.=6—7 *см*, Д. 20—22 *см*, д. донца=5,5—7 *см*. Пропорции от 2:7 до 1:3).

Чаши описанных выше вариантов *а* и *б* несут светлый или красный ангоб, один фрагмент с лощением;

в) чаши на небольшом поддоне с плавно закругляющимся резервуаром и в большей или меньшей степени отогнутым наружу венчиком. Изнутри у самого донца небольшой желобок или углубление (в.=7—8 *см*, Д=15——20 *см*, д. донца=5,6—6,6 *см*. Пропорции от 2:5 до 4:7). Черепок плотный, темно-охристый, двусторонний плотный красный ангоб, который с внешней стороны доходит лишь до 1/3 резервуара. Небольшая часть чаш этого типа имеет пористый черепок с примесью гипса, в массовом же составе — в тесте примесь песка;

г) группа чаш на небольшом поддоне с довольно глубоким резервуаром, стенки которого круто поднимаются вверх, и край венчика в большей или меньшей степени изогнут внутрь (в.=9—11 *см*, Д.=16—20 *см*, *д. донца = 5,4 — 6,4 см. Пропорции от 1:2* до 3:5).

Имеется также небольшое количество серолиняных чаш, идентичных по форме, светло-серого, мелкопористого черепка. Две из них археологически целые, обе на небольшом поддоне, стенки резервуара плавно поднимаются вверх и в одном случае имеют чуть отогнутый наружу венчик, в другом — прямой (в.=8 *см*, Д.=20—21 *см*, д. донца=6—7 *см*. Пропорции 2:5).

Миски — в небольшом количестве. Имеют резервуар с загнутым внутрь венчиком, плоским невыделенным дном (в.=8—12,5 *см*, Д.=24—28 *см*, д. донца=7—9,5 *см*. Пропорции от 1:2 до 2:7).

Тагара. Самая крупная открытая форма, которая представлена тремя разновидностями. Сечение стенок 0,7—1,7 *см* (рис. 101, *18*):

а) характерны тагара с отогнутым наружу профилированным венчиком (в.=15——17 *см*, Д.=38—42 *см*., д. донца=15—17 *см*. Пропорции от 4:9 до 1:7; нередко соотношение 1:1);

б) наиболее распространенный тип тагара усеченно-конической формы, с венчиком в виде слабопрофилированного выступа (Д.=40—42 *см*);

в) изредка встречаются тагара с клювовидным отогнутым приостренным венчиком (Д.=30—50 *см*).

Хумы и хумча. Сосуды этих форм дошли лишь во фрагментах. Они имеют плоское, слегка выпуклое дно, венчики их утолщены, выгнуты наружу, горловина почти не выделена. Некоторые несут под венчиком поясок миндалевидных вдавлений. Встречаются хумы, имеющие более сложный, с двойным перегибом профиль венчика. В нескольких экземплярах представлены донья хумов на трех пятках, которые довольно широко распространены на памятниках северной Бактрии (Д. горла=40—44 *см*, в.=более метра, сечение стенок *1,2—2,0 см)* (рис. 101, *27—31*).

Хумча по форме часто повторяют хумы, но раза в два меньше их (Д.=18—26 *см*).

Горшки. Сечение стенок 0,6—1,2 *см:*

а) основной тип — сфероидное тулово, прямое горло с расширением к венчику клювовидного профиля (Д.=22—24 *см*);

б) своеобразны горшки приземистой, почти цилиндрической с расширением ко дну формы (имеется два целых экземпляра из датированных слоев) (Д.=13 *см*, в.=16 *см*). Внешняя поверхность профилирована бороздками (рис. 101—*16*, 102, *3*).

Котлы. Лепные кухонные сосуды, которые имеют пористый черепок с большой примесью песка или дресвы. Сечение стенок 0,6—0,8 *см* (рис. 101, *19*).

а) основной тип — с прямым венчиком, сфероидным туловом, дно не выделено. Такие котлы изготовлялись и в предшествующий период (д.=14—16 *см*) (рис. 101—*15, б, в*).

б) встречаются котлы с отогнутым наружу венчиком, но лишенные какого-либо признака горловины. У них круглое, не выделенное дно, раздутое тулово (в.=12 *см*). С внешней стороны орнаментированы профилированными бороздками (рис. 101—*15а*).

Кувшины. Встречено множество фрагментов кувшинов и несколько целых экземпляров их, найденных в захоронениях науса. Они подразделяются на две основные типологические группы (рис. 101, *20—26*).

Первая группа. Небольшие кувшины в.=20 *см*, сечение стенок 0,4—0,5 *см*. По форме тулова выделяются три разновидности:

а) кувшины с широким и приземистым резервуаром плавного контура. Горловина вы-

сокая, цилиндрическая, слегка вогнута, отделена от резервуара желобком (д.=7—8 *см*). Венчик приострен к краю и слегка выгнут наружу. Кувшины одноручные, ручка миндалевидная в сечении, прикреплена к краю венчика и к плечевой части тулова. Дно плоское, широкое, слегка отделено от резервуара желобком. Пропорции 5:2;

б) кувшины с шаровидным туловом, имеют низкое горло, отделенное от него одним или несколькими желобками. Венчик либо чуть выгнут наружу, либо имеет более сложный Г-образно оттянутый край, профилированный желобками. Ручка прикреплена у края венчика, несколько возвышаясь над ним и в самой широкой части тулова. Четко выделен поддон до 1 *см* (в.=17—18 *см*, Д.=4,5—5,6 *см*, д.=6—4,8 *см*. Пропорции от 5:2 до 7:2);

в) кувшины с яйцевидным резервуаром, невысокой горловиной, немного отогнутым наружу венчиком и небольшой ручкой. Ручка прикреплена у края венчика и к плечевой части тулова. Поддон не выделен (в.=14—15 *см*. Пропорции около 3:1).

Вторая группа. Крупные кувшины (сечение стенок 0,6—0,8 *см*), тулово яйцевидное, горловина цилиндрическая, несколько расширяющаяся кверху, в некоторых случаях отделена от резервуара концентрическими желобками. Варианты венчиков: в виде профилированного валика, приостренные со скосом внутрь или же наружу. Поддон выделен небольшим желобком. Небольшая ручка прикреплена к краю венчика и к плечевой части тулова (в.=36 *см*, Д. =9—10,5 *см*, д. =12—14 *см*. Пропорции около 3:1 и более).

Кувшины первой группы несут в одних случаях светлый, а в других — красный ангоб, который с внутренней стороны покрывает край сосуда. Кувшины второй группы светло-ангобированные.

Прочие формы. *Поильники* — небольшие сосудики с грушевидным или шаровидным туловом, узким вогнутым горлом и чуть отогнутым наружу венчиком. Дно плоское. В верхней трети тулова прикреплен носик со сквозным отверстием (в.=9,2—10 *см*, Д.=4,5—4,8 *см*, д.=4—4,4 *см*). С внешней стороны — покрытие светлым ангобом.

Чираги лепные, округлой либо вытянутой формы с небольшой оттянутой ручкой. Черепок чирагов пережжен, ангоб светлый (рис. 101, *33*).

Имеется небольшое количество миниатюрных сосудиков: чашечки и тарелочки, повторяющие формы обычных сосудов (д.=8—10 *см*) (рис. 101, *32*).

Крышки довольно крупные, плоские, предназначенные, видимо, для горшков, котлов и хумча.

Для сопоставления керамического комплекса Дальверзин—II мы ограничимся материалом с памятников северной Бактрии, вошедших в научный обиход. Ближайшие аналогии дает керамический комплекс Халчаяна, территориально близкого к Дальверзинтепе. Это аналогии не только во внешнем облике форм, но и в особенностях изготовления[59]; покрытие крупных сосудов светлым ангобом,

Рис. 102. Керамика Дальверзинтепе. Сосуды юеджийско-кушанского комплекса (чаша и кубок из раскопа Дт-14, горшок из раскопа Дт-2).

а столовых форм также и красным; появление, но еще в незначительном количестве сероглиняной керамики. Чаши Дальверзина (вариант «в») аналогичны халчаянским[60], большое сходство прослеживается в форме венчиков котлов, кувшинов и хумов[61]. Однако в комплексе керамики на городище Халчаян мы не видим того разнообразия форм тарелок, чаш, бокалов и кубков, которые найдены на Дальверзинтепе. Близкие аналогии ряду керамических форм комплекса Дальверзин—II мы находим в инвентаре Тулхарского могильника. Это кубки[62] (вариант «б» и «в»),

[59] Пугаченкова, 1966 а, с. 39 и сл.
[60] Там же, с. 40, рис. 17.
[61] Там же, с. 41, рис. 19, с. 42, рис. 20.
[62] Мандельштам, 1966, с. 186—188, табл. XXIV—XXVI.

вазы[63], поильники[64], чаши[65] и кувшины[66]. Но если одни формы аналогичны (вазы, кувшины варианта «а», чаши вариантов «в»), то другие лишь подобны (кубки вариантов «б» и «в»). Особняком стоят в Дальверзине горшки цилиндрической формы. Аналогий, близких по времени, нет, но по внешнему виду они поразительно напоминают сосуды из сопровождающего инвентаря раннего Тулхарского могильника (IX—VIII вв. до н. э.)[67]. Очевиден глубокий архаизм этой формы, восходящей, с одной стороны, к упомянутым сосудам из Тулхарского могильника, а с другой — сосудам баночных форм середины I тыс. до н. э.

Появление хумов, основанных на трех пятках, отмечено в рассматриваемый период в Халчаяне[68], но они встречаются и в более позднее время — в Зартепе[69], среди памятников Ширабадского оазиса.

В керамике периода Дальверзин—II намечается выделение более раннего (условимся называть его Дальверзин—II а) и более позднего (Дальверзин—II б) периодов. В период Дт-IIа еще сохраняются, с некоторым видоизменением, формы греко-бактрийского времени: кубки с довольно широким резервуаром, тарелочки с клювовидным венчиком, которые затем исчезают. Но в целом керамика комплекса Дальверзин—II (конец II в. до н. э.— I в. н. э.) знаменует становление и развитие ряда новых керамических форм, многие из которых сохраняются в последующий период.

Керамика периода Дальверзин-III (кушано-бактрийский комплекс), конец I—II вв. н. э.

Керамический материал этого комплекса получен из слоев на раскопах Дт-1, 2, 4—7, 9—11 (рис. 11, б, 23, 34, 42, 58, 62, 75, 76, 90, 106, 103—109).

Керамика изготовлена на гончарном круге за исключением кухонных котлов и чирагов. По цвету черепка выделяются две основные группы: а) подавляющее большинство с черепком красновато-коричневого и охристого цвета, б) керамика с черепком серого цвета. В тесто черепка чаще всего добавлялся песок. В тесте котлов применялась дресва. Крупные сосуды покрывались светлым ангобом, мелкие — светлым и красным. Цветовая гамма красного ангоба становится разнообразнее — от темно-вишневого до розоватого.

Для этого времени характерен тот же набор сосудов, за некоторым исключением, что и в предшествующий период. Вместе с тем происходит дальнейшее развитие и видоизменение некоторых форм.

Бокалы и кубки более чем другие формы подвергались трансформации (рис. 103, *1—8*).

Кубки. Сечение стенок 1—5 *мм.*

а) Резервуар кубка на невысокой ножке еще более расширяется, край венчика немного загибается внутрь. Покрытие красным ангобом, который заходит внутрь узкой полоской по венчику, но иногда светлый (в.=11—12,5 *см*, Д.=14—16 *см*, д.=5 *см*. Пропорции от 3:4 до 4:5);

б) кубки цилиндро-конической формы с четко выраженным перехватом (в.=11,5—12,5 *см*, Д.=14—16,5 *см*, д.=4,5—5 *см*. Пропорции от 3:5 до 7:10). Красный ангоб, иногда с лощением поверх него;

в) новая по внешнему облику форма кубка, которая будет существовать и в более позднее время: это небольшие сосуды на невысокой сплошной ножке, несущей сфероидный резервуар, венчик которого загнут внутрь. Ангоб вишневый, иногда по нему лощение (в.=7—8,6 *см*, Д.=10—12 *см*, д.=3,4—3,6 *см*. Пропорции 3:4).

Бокалы. Сечение стенок 3—5 *мм.*

а) Овоидальный резервуар с небольшой припухлостью в средней части круто поднимается вверх. На внешней стороне резервуара проходят декоративные желобки. Небольшая ножка с выемом в нижней части (в.=15,4—16 *см*, Д.=10—12 *см*, д.=5,6—6 *см*. Пропорции от 4:5 до 5:7). Ангоб красный;

б) бокалы колоколовидной формы мельчают, ножки становятся неустойчивыми (в.=11,5 *см*, Д.=9,4 *см*, д.=3,2 *см*. Пропорции 2:5);

в) наиболее распространены бокалы с резким перегибом — ребром в месте перехода от ножки к резервуару. Мы не имеем ни одного целого экземпляра, но одинаковый диаметр ребра (5—6 *см*) позволяет предположить, что бокалы имели стандартную форму. Ангоб от светло-красного до вишневого цвета, изредка встречается лощение;

г) очень редки бокалы рюмкообразной формы (в.=7—8 *см*, Д.=9 *см*).

Покрытие плотным красным ангобом.

---

[63] Там же, с. 96, 195, табл. XXXIII, рис. 7, с. 198, табл. XXXVI, рис. 4.

[64] Там же, с. 180, табл. XVIII.

[65] Там же, с. 195, табл. XXXIII.

[66] Там же, с. 90, 175, табл. XIV, табл. V, с. 167, 173, табл. XI.

[67] Мандельштам, 1968, с. 67, табл. XI, рис. 7, табл. XVI, рис. 4.

[68] Пугаченкова, 1966 а, с. 34.

[69] Неопубликованные материалы Бактрийской экспедиции под руководством В. М. Массона.

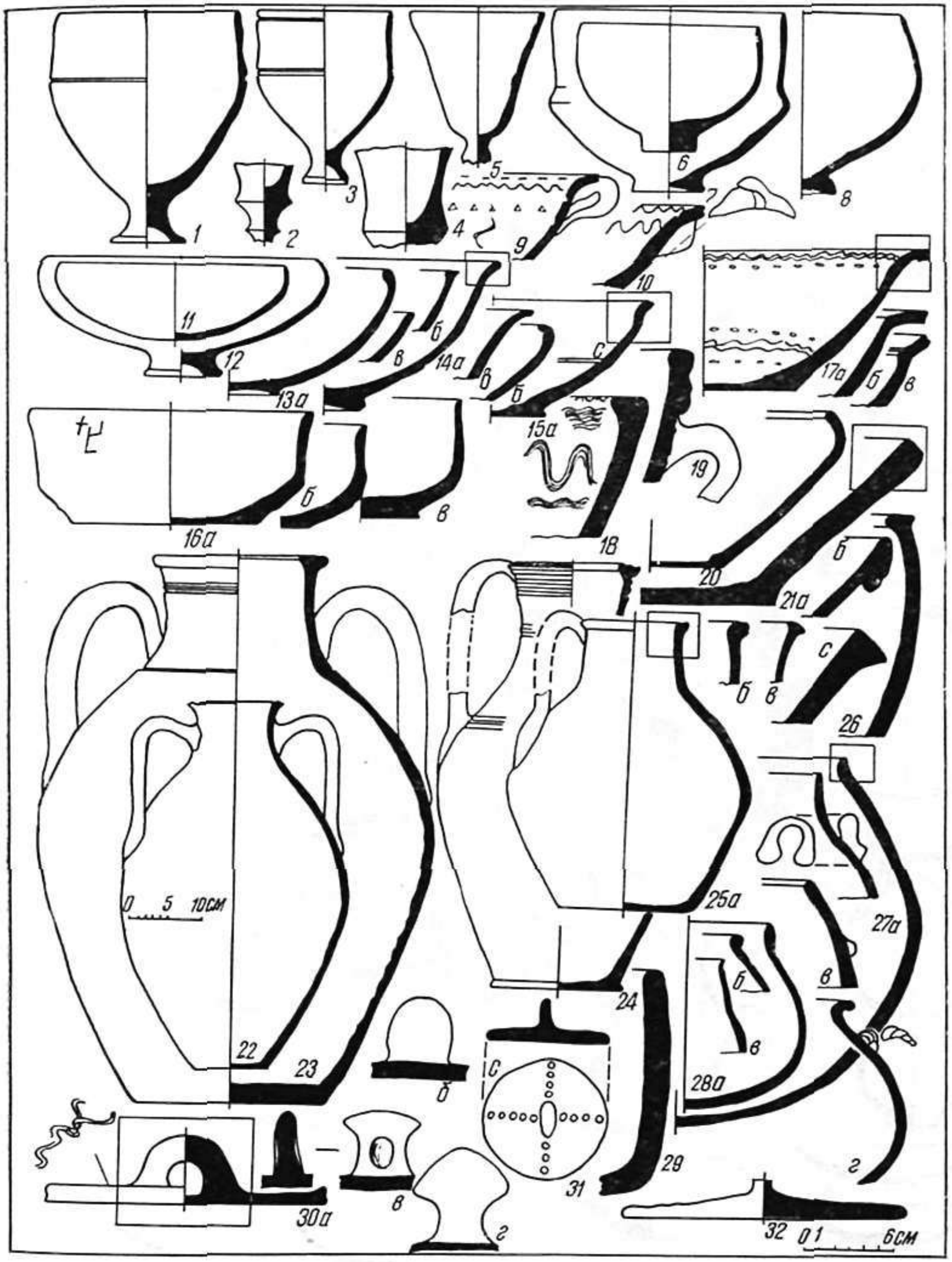


Рис. 103. Керамика Дальверзинтепе. Комплекс керамики великокушанского времени.

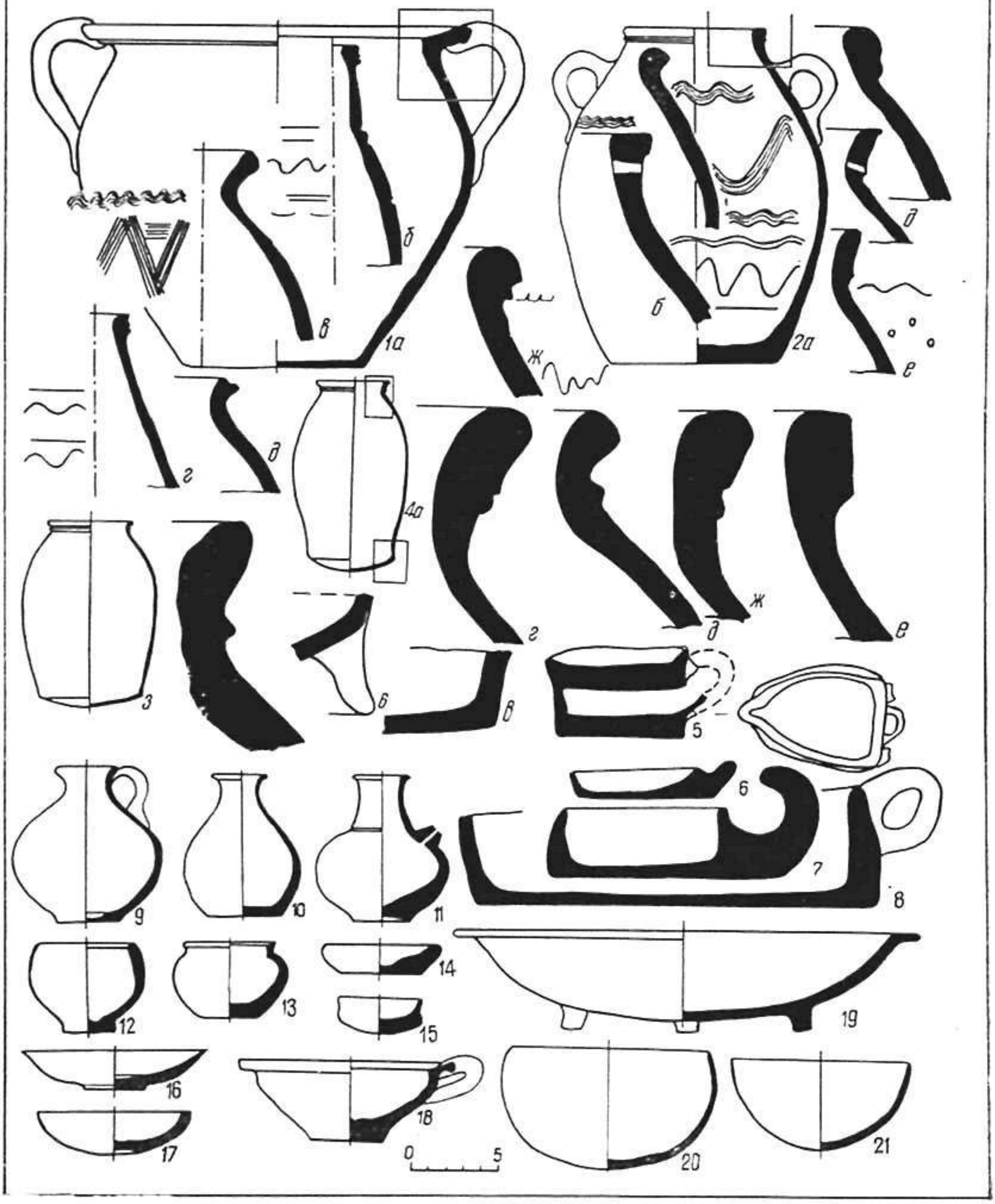


Рис. 104. Керамика Дальверзинтепе. Комплекс керамики великокушанского времени.

Широко распространены фиалы и чаши (рис. 103, *11—15*, 105, 106, *3*).

Фиалы. Сечение стенок 3—4 *мм*. Форма сосуда прежняя, но резервуар немного углубляется, сокращается верхний диаметр, донце *слабо выделено* (*в.=6,4—7 см*, Д.=15—

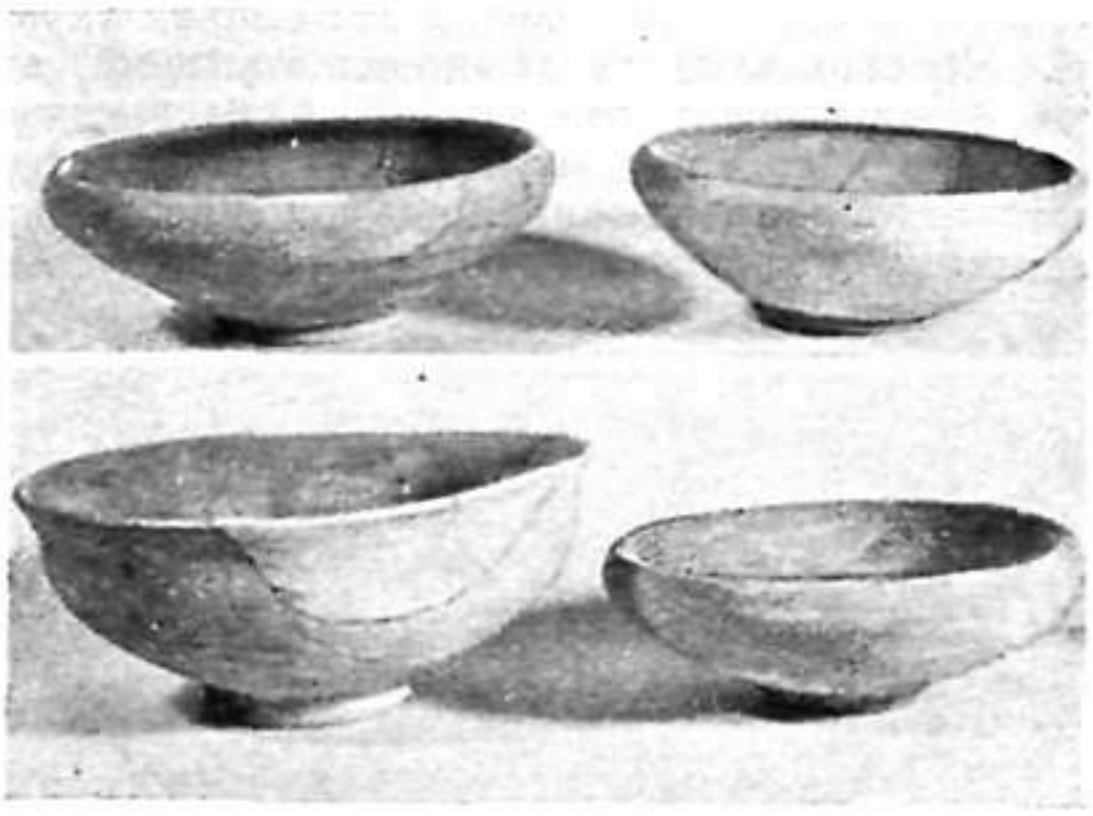


Рис. 105. Керамика Дальверзинтепе. Чаши из великокушанского комплекса Дт-2.

—17,5 *см*, д.=3 *см*. Пропорции 2:5). Как и в предшествующем комплексе, фиалы тщательно изготовлены; поверх красного ангоба сплошное лощение.

Вазы. Известен лишь один целый экземпляр, по которому можно судить, что эта форма претерпела значительные изменения. Округлый резервуар плавно поднимается вверх, венчик загнут внутрь. Ножка устойчивая, с *небольшим* выемом, высота ее *1,2 см* (*в.=8 см*. Д.=18,6 *см*, д.=5,5 *см*). Сосуд покрыт светлым ангобом.

Чаши. Имеется выделенный поддон. Резервуар полого отходит от дна. Сечение стенок 0,3—0,6 *см*. Д.=14—18 *см*. Венчик:

а) плавно отогнут наружу, по нему иногда проходит полоса волнистого орнамента;

б) загнут внутрь. Ангоб чаще всего светлый, реже — красный.

Миски. Дно плоское. Сечение стенок 0,6—0,8 *см* (рис. 103, *9, 10, 17, 20*).

а) форма резервуара аналогична чашам с венчиком, загнутым внутрь (Д.=18—24 *см*);

б) венчик оттянут наружу (при Д.=30 *см*). Стенки изнутри и венчик несут иногда один или несколько рядов волнистого орнамента. Поверхность покрывает красный ангоб. Встречено несколько фрагментов мисок с ручками у края.

Тагара. Продолжают бытовать прежние варианты форм, наиболее распространены конические тагара. Стенки нередко украшаются глубоким прочерченным орнаментом. Некоторые тагара приобретают пару небольших миндалевидных в сечении ручек, которые прикреплены к стенке сосуда (Д. от 30 до *60 см*). *Черепок коричневого цвета, ангоб* светлый (рис. 103, *21, 26*).

Хумы и хумча. Сечение стенок 0,8—2,0 *см* (рис. 104, *2—4*, 107).

Хумы — одна из самых стабильных форм. Венчик, немного отогнутый наружу, имеет профиль с двойным перегибом, горловина слабо или совсем не выражена. Резервуар представляет собой цилиндр, скругленный у плеч и у широкого, слегка выпуклого дна (*в.=1,2—*

Рис. 106. Керамика Дальверзинтепе. Кувшин великокушанского комплекса, чаша и косметический сосудик позднекушанского комплекса Дт-2.

—1,35 *м*). При одинаковой высоте длина тулова варьирует от 70 до 88 *см*. Д. горла 38—50 *см*, д. дна 47—67 *см*.

Одни хумча повторяют профиль хумов, другие напоминают горшки. Дно плоское, горловина иногда четко выделена. Отмечено появление на стенках хумча орнаментации: волнистые концентрические линии, иногда в сочетании с вдавленными колечками. Встре-

чаются хумча с небольшими ручками в верхней части тулова (Д.=20—32 *см*).

Горшки. Сечение стенок 0,6—1,0 *см*. Формы прежние, но одни без горловины, с отогнутым наружу венчиком, к краю которого прикреплялись верхней частью ручки, подтреугольные в сечении, другие с хорошо вы-

Рис. 107. Керамика Дальверзинтепе. Хум из мастерской керамистов (Дт-9).

раженной горловиной при слабопрофилированном венчике (Д.=16—26 *см*). Нередко с внешней стороны — ряды прочерченного волнистого орнамента и иногда красный ангоб (рис. 103, *27, 28*).

Керамика с серым черепком (рис. 108). Характерной особенностью керамического производства этого периода является распространение некоторых форм сероглиняной керамики — особенно чаш, мисок, тагара; встречено также несколько фрагментов венчиков небольших кувшинов, ножки двух бокалов. Размеры, профили и пропорции повторяют формы сосудов с красновато-коричневым черепком.

Индивидуальна форма широкодонных толстостенных мисок: с внешней стороны их стенки ребристые, полого отходящие от дна, а в средней части почти вертикальные (в.=7,5—9 *см*. Д.=19—22 *см*, д.=10,5—14 *см*) (рис. 103, *16*, 108).

Черепок сосудов темно-серого цвета, ангоб чаще всего в тон ему, но бывает и черный. На некоторых экземплярах поверх черного ангоба прослеживается лощение. Орнаментация почти отсутствует, хотя на внутрен-

Рис. 108. Керамика Дальверзинтепе. Сероглиняные сосуды (раскоп Дт-2).

ней поверхности чаш видны более светлые концентрические полоски, изредка на донце встречается штамп в виде «листика».

Прочие формы. *Поильники.* По сравнению с более ранними, форма поильника сильнее вытянута, а тулово отделено от горловины желобком (в.=9,8 *см*, Д.=3,6 *см*. д.=4 *см*) (рис. 104, *11*).

Чираги. Широко представлены ладошкообразные чираги с приостренным сплющенным краем в месте выхода фитиля. Размеры чирагов сильно варьируют — от крохотных — 8—10 *см* длиной, до крупных, массивных,

20—30 *см*. Найдены двух- и трехъярусные чираги. Ручки двух вариантов. У небольших ручка оттянута от бортика; у крупных ручки петлеобразные, прикрепленные у закраины и на резервуаре. На ручке одного чирага процарапан крестик (рис. 104, *5—8;* 109).

Крышки. Плоские крупные крышки, которыми закрывали котлы, горшки, хумы и хумча. Большая часть крышек имеет ручку в центре—петлеобразную или сплошную, фигурную (д.=18—28 *см*. т.=0,7—2 *см*). Орнамен-

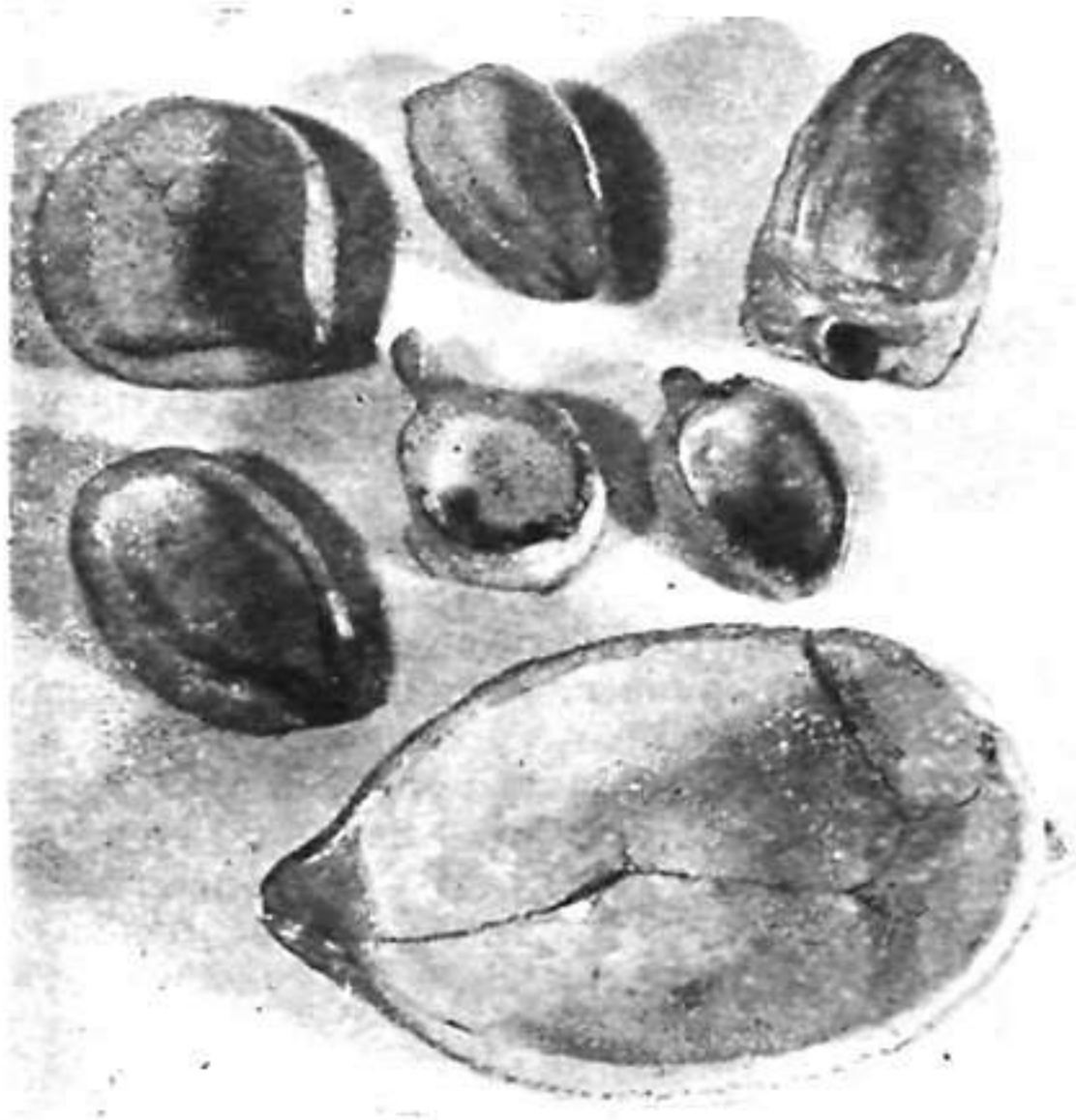


Рис. 109. Керамика Дальверзинтепе. Чираги (верхний — слева и нижний — из раскопа Дт-1; прочие из раскопа Дт-9).

тация штампиками в виде фестонов или прочерченными линиями (рис. 103, *30—32*).

Горшковидные цилиндрические сосуды из разряда станковых переходят в разряд лепных (в.=15,6 *см*, д.=16 *см*. д.=15,6 *см*).

Котлы лепные с подправкой на гончарном круге, черепок их пережжен: а) имеют прямой венчик без выраженной закраины; б) наиболее распространены с отогнутым венчиком. Тулово котлов шаровидное, дно не выделено. Имеют небольшие ручки, скрученные жгутиком или гладкие, круглые в сечении, иногда вместо ручек небольшие налепы для упора на очаге. Котлы известны двух основных форматов: в.=9—14 *см* при Д.=10—13 *см;* или в.=20—25 *см* при Д.=18—24 *см*. Черепок котлов пережжен (рис. 103, *27, 29*).

Кувшины. Встречены целые и фрагментированные. Продолжают бытовать те же типы, что и в предшествующий период, за исключением грушевидных. Наряду с одноручными появляются двуручные, причем ручки вверху (рис. 103, *22—25*).

Кувшины высотой до 20 *см* имеют тулово яйцевидной формы, невысокое цилиндрическое горло, чуть суженное в верхней части. Венчик в виде небольшого округлого утолщения, дно плоское (Д. венчиков 6—8 *см*).

Кувшины высотой более 20 *см*:

а) тулово яйцевидной формы; цилиндрическая, немного вогнутая горловина, орнаментированная желобками, венчик рельефный с изгибом; желобок отделяет от резервуара небольшой поддон. Ручка прикреплена одним концом к краю венчика, другим — к расширенной части тулова (в.=25—30 *см*, Д.=7—9 *см*, д.=9 *см*. Пропорции около 4:1). С внешней стороны нередко покрытие красным ангобом;

б) двуручные светлоангобированные кувшины со сравнительно невысокими, суженными к венчику горловинами. Венчик слабо выделен, профилирован бороздками. Ручки прикреплены у середины горла и на их плечах, где края оттянуты хвостами (в.= 50 *см*, Д.=9—13 *см*, д.=10—11 *см*. Пропорции 5:1). Иногда орнаментация несколькими рядами желобков волнистого орнамента. Встречена сероглиняная крышечка д.=8 *см*, украшенная крест накрест фестонами.

Имеется ряд миниатюрных сосудов — чашечки, кувшинчики, горшочки, повторяющие формы крупных сосудов (рис. 104, *9—18*).

В целом кушано-бактрийский керамический комплекс, генетически связанный с юеджийско-бактрийским, отличается меньшим разнообразием вариантности форм, большой стандартизацией. Он имеет много общего с керамикой других памятников Северной Бактрии. Довольно близкие аналогии мы видим в кушанских комплексах Халчаяна[70], где аналогичны по форме горшки, чаши, приемы орнаментации.

Аналогии ряду форм (бокалы, чаши, горшки) отмечаем на городищах Кейкобадшах и Чимгалыш в южном Таджикистане[71]. На городище Айртам встречены крышки и кувшины тех же форм, что и в нашем комплексе *Дальверзин—III*[72].

---

[70] Пугаченкова, 1966 а, с. 58, рис. 34.
[71] Мандельштам и Певзнер, с. 299, рис. 6, с. 303, рис. 11.
[72] Тургунов, 1973, рис. 15—16.

Керамика периода Дальверзин—IV. Позднекушанский или кушано-сасанидский комплекс III—IV вв.[73]

Керамический комплекс получен из раскопов Дт-4, Дт-6, 9, 10 и в погребении у Дт-1 (рис. 11, *в*, 34, 62, 87, 88, 110, 111).

Керамика, за незначительным исключением, изготовлена на гончарном круге. Преобладает материал с коричневатым цветом черепка и светлоангобным покрытием, реже встречается красноангобное покрытие. Керамика с серым черепком почти исчезает. Черепок крупных сосудов довольно пористый, с примесью песка, нередок факт некачественного обжига. В целом же в керамике продолжаются традиции предшествующего времени и основной упор делается не на поиск новых форм, а на декоративное оформление сосуда.

Заметно сокращается изготовление *бокалов* и *кубков*. Однако большая часть этих форм производится из отличной глины. В оформлении часто используется светлый ангоб; красный наносится на край венчика или покрывает лишь 1/3 тулова сосуда. Иногда по красному ангобу накладывается сетчатое или полосчатое лощение. Ведущая форма — кубок на небольшом поддоне с перехватом корпуса, стенки которого круто поднимаются вверх и приостряются у края. Венчик немного загнут внутрь (Д.=12—18 *см*, д.=4—6 *см*, в.=12—14 *см*. Пропорции 1:3). У других разновидностей этой формы стенки более полого отходят от дна (Д.=12—16 *см*). Продолжают существовать небольшие кубки на невысокой сплошной ножке (в.=7—7,2 *см*, Д.=8—9,6 *см*. Пропорции около 4:5) (рис. 110, *1—6*).

Бокалы этого периода известны лишь по небольшим неустойчивым ножкам.

Фиалы. Форма сосудов та же, что и в предшествующий период, но стенки положе и загиб их внутрь сильнее (Д.=15—18 *см*). Появляется разновидность фиалы с перехватом стенок. Поверх красного ангоба идет струйчатое лощение. (Д.=15—18 *см*) (рис. 110, *7—9*).

Чаши и *миски* не подверглись каким-либо значительным изменениям (рис. 110, *12—17*). Получают большее, чем прежде, распространение миски-вазы с отогнутым наружу бортом, иногда с фигурно оттянутыми или с горизонтальными витыми ручками. По борту идут ряды прочерченного орнамента, которые перемежаются насечками или штампиками (Д. варьирует в пределах 22—34 *см*). Чаши — на небольшом поддоне, с довольно круто поднимающимися стенками, глубоким резервуаром; венчики либо слабо выгнуты наружу, либо загнуты внутрь (Д.=24—26 *см*, в.=10—15 *см*. Пропорции 2:5—3:5).

Встречаются небольшие светлоангобированные чашечки с широким дном, почти вертикальными вверху и отлогими внизу стенками (Д.=13—18 *см*, в.=5,4—6,8 *см*).

Тагара. Наиболее распространены тагара конической формы, покрытые рядами прочерченного орнамента; края венчиков оформлены иногда защипами. Встречены тагара со сливом (Д.=34—54 *см*) (рис. 110, *18—22*).

Кувшины. Формы прежние (рис. 110, *33—39*). Наблюдается некоторое укрупнение сосудов. Встречаются небольшие кувшины с эйнохойевидно смятым горлом. Увеличивается число орнаментированных фрагментов от стенок небольших кувшинов, покрытых в несколько ярусов мелким штампиком в виде «листика». У крупных кувшинов ручки заканчиваются удлиненным хвостиком с двумя или тремя поперечными вдавлениями; на нескольких фрагментах среднеразмерных кувшинов конец ручки имеет трехпалое завершение. Покрытие красным ангобом — в основном по самому краю венчика, а на тулове сосуда лишь его потеки.

Хумча и *хумы* имеют не сложную, но довольно разнообразную по очертаниям профилировку венчиков. Увеличивается количество двуручных хумчей. На плечах хумов иногда ромбический орнамент, на плечах хумчей, кроме прочерченного орнамента, встречается штампованный (Д. горловины хумов 36—40 *см*. Д. хумча=26—32 *см*) (рис. 110, *23—32*).

Котлы и *горшки*, при сохранении прежних форм, приобретают разнообразные малые ручки (рис. 110, *24—26*).

Остановимся на керамике, покрытой штампованным орнаментом (рис. 112). Появление его на керамике Дальверзинтепе относится к периодам Дт-II — Дт-III, но в количественном отношении они единичны и штамп однообразен. Это несколько фрагментов донец сероглиняных чаш с оттиском овального листка с прожилками или ромбика. Штамп в виде фестонов оттискивался на крышках или крупных сосудах.

Значительно большее разнообразие штампов приходится на конец периода Дт-III — начало Дт-IV. Чаще всего орнаментировались

---

[73] Мы не имеем на Дальверзинтепе каких-либо материалов кидаритского периода истории Бактрии. Найденные же здесь кушано-сасанидские монеты связаны с последним этапом обживания Нижнего города, большинство построек которого погибает уже к концу эпохи Великих Кушан. Все это дает основания ограничить описываемый керамический комплекс пределами не позднее IV в.

сосуды открытых форм — чаши, миски, особенно миски-вазы с широким бортом; реже — кувшины, горшки, хумча.

За некоторым исключением штампы Дальверзинтепе имеют аналогии на ряде памятников Северной Бактрии[74].

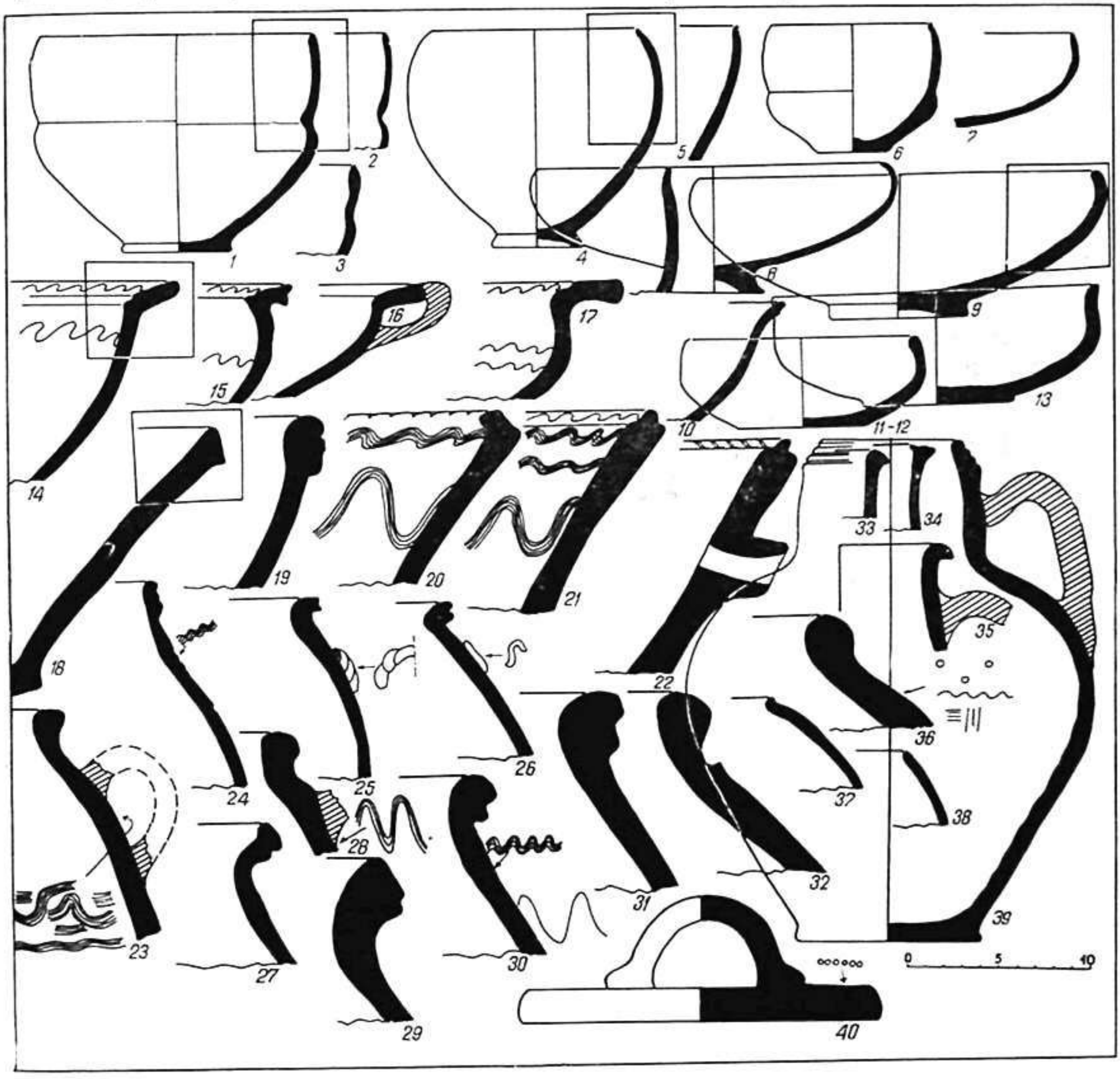


Рис. 110. Керамика Дальверзинтепе. Комплекс керамики позднекушанского времени.

Развитие орнаментации штампов шло в двух направлениях: усложнения старых и появления новых мотивов или же путем орнаментации одного сосуда сочетанием штампованного и прочерченного орнамента. На кувшинах, чашах и мисках после оттиска штампами нередко наносился красный ангоб.

Керамический комплекс Дальверзин—IV имеет ряд аналогий в хорошо датируемых монетами III—IV вв. комплексах керамики

[74] Сходные с дальверзинскими штампы известны на Зартепе, на ряде памятников Ширабадского оазиса и Старого Термеза, на Ялангтуштепе, Халчаяне, Айртаме и др.

III—IV вв. из Каратепе[75], Ак-Кургана[76], Зартепе[77] и др.

Подытоживая наш очерк, отметим некоторые основные черты античной керамики из Дальверзинтепе на более чем полутысячелетнем пути ее эволюции. Дальверзинская — и еще шире саганианская — керамика имела много общего с керамикой всего бактрийского

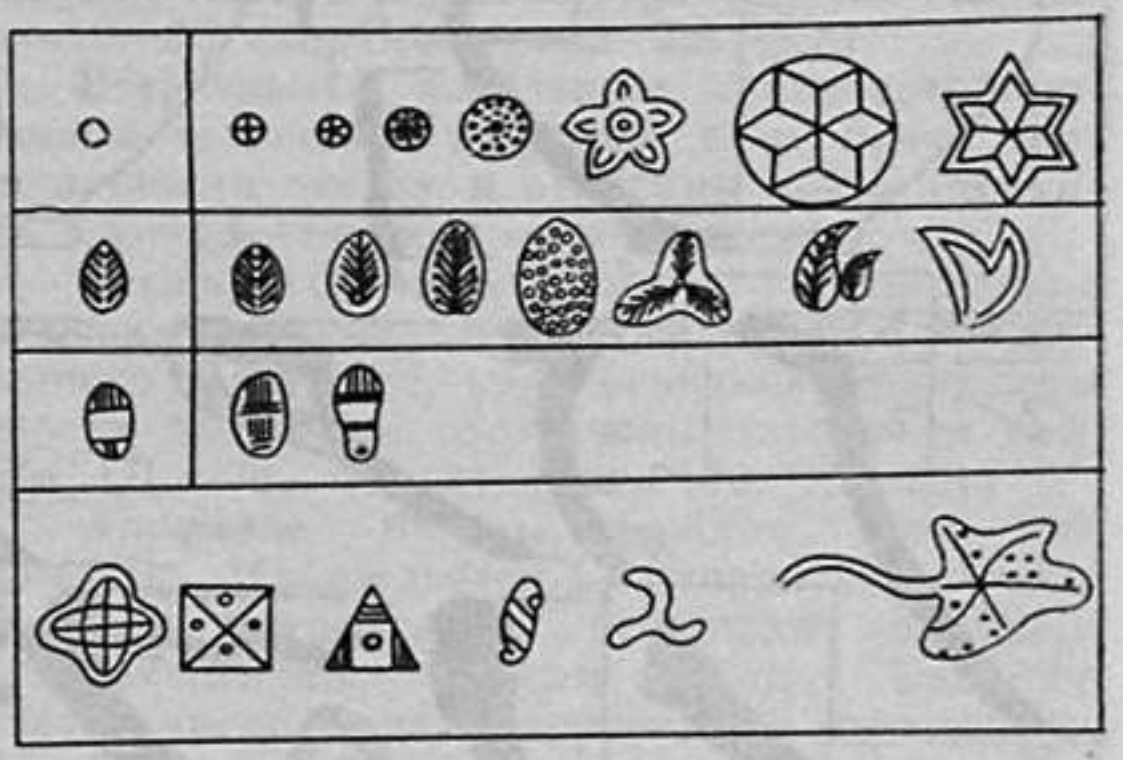
Рис. 111. Керамика Дальверзинтепе. Сосуды из коллективного захоронения на Дт-1.

региона, начиная от греко-бактрийского до позднекушанского периода. Это общность основного состава посудных форм и процесса их эволюции; в ряде случаев сходство самих форм (лишь с некоторыми вариантами); близость приемов внешнего оформления и орнаментации.

Вместе с тем в этой керамике выявляется ряд локальных признаков. Так, если в греко-бактрийское время в Ай-Ханум значителен процент сероглиняной керамики с серым или черным ангобом и нередко лощением, то в греко-бактрийских слоях Дальверзина и Халчаяна встречено лишь два фрагмента, притом, очевидно, привозных. На столовых сосудах — кубках, фиалах здесь значительно реже лощение. Среди посудных форм нет встречающихся на Ай-Ханум кратерообразных кубков.

В юеджийско-кушанский период отмечается видоизменение ряда форм, значительное расширение их вариантов и появление новых видов. Преобладает красноглиняный (красновато-коричневого цвета) черепок, на кубках и фиалах — ярко-красный ангоб, иногда лощение. Появляются, но еще в небольшом составе, сероглиняные сосуды.

Видоизменение форм наглядно иллюстрируют кубки: они приобретают небольшой поддон или невысокую полоконическую ножку, резервуар идентичен греко-бактрийским формам, но появляется также цилиндроконический. В одном из вариантов за счет удлине-



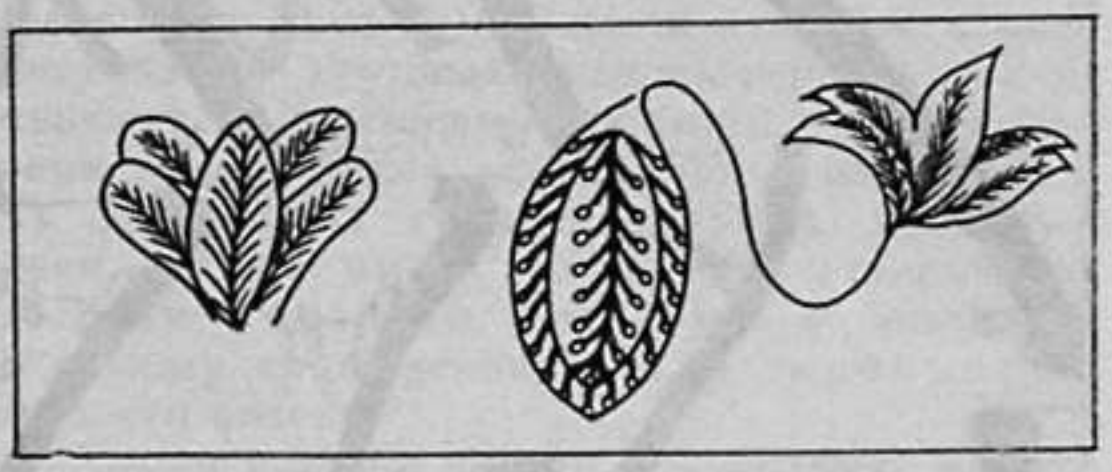


Рис. 112. Керамика Дальверзинтепе. Типы штампов на керамике.

ния пропорций резервуара на довольно высокий фигурной ножке кубок преобразуется в бокал.

Фиалы увеличиваются в размерах и получают рельефно выделенный поддон. Тарелочки, столь типичные в греко-бактрийских комплексах, почти исчезают или трансформируются, напоминая по форме плоскую чашу. Отмечается появление хумов на трех пятках.

В период Великих Кушан возрастает стандартизация сосудов по формам и размерам. Черты технологии прежние, черепок красновато-коричневого и охристого цвета; ангоб на тонкостенных столовых сосудах — красный, лощение нетипично. Существенно увеличивается процент сероглиняной керамики для определенного круга сосудов (чашки, миски, тагары), в числе которых особое место занимают широкодонные миски с почти вертикальными бортами.

---

[75] Сычева, с. 128, сл.
[76] Пидаев, 1975, с. 190 сл.
[77] Работы Бактрийской экспедиции под руководством В. М. Массона.

Разновидности определенных типов сосудов несколько сокращаются за счет выполнения стандартных форм (например, чаши лишь двух видов). Исключение — кубки и бокалы, которые дают большое разнообразие вариантов. Вообще же отличия от керамики предшествующего периода скорее проявляются в деталях: варьируют венчики, донца, на некоторых мисках, тагара и хумча появляются небольшие ручки. Применяется скромная орнаментация — одинарной волнистой линией, наносившейся стекой в процессе вращения на крупных чашах и мисках, иногда на плечах горшков и хумча. Изредка используются штампики, среди которых наиболее характерны мотивы овального листка с прожилками и простых розеток.

В позднекушанском комплексе исчезает сероглиняная керамика. Черепок чаще охристого, реже — красновато-коричневого цвета, ангобы преимущественно светлые, на мисках-вазах, фиалах и кубках применяется красный ангоб, причем на последнем иногда с лощением, но вообще количество их резко сокращается. Основные формы прежние, с некоторыми видоизменениями профиля, но число вариантов ограничено. Зато возрастает орнаментальное украшение — с применением инструмента, которым наносились параллельные или волнистые полосы, и с нанесением штампов.

Появление орнаментальных штампов отмечается в керамике Бактрии уже в греко-бактрийское время (Ай-Ханум); мотивы их явно связаны с греческой традицией: пальметты, розетки[78]. В юеджийско-кушанское время штампы редки[79], они представлены в основном мотивом овального листка с рельефными прожилками, в отношении которого существуют разные истолкования: древо, колос и др.; не исключено, однако, что это упрощенный в своей передаче акант. В период Великих Кушан нанесение штампов заметно возрастает, особенно со времени Васудевы I; применяются листки, розетки, побег лозы[80]. Небезынтересно, что в I в. н. э. в римском гончарстве возникает так называемая «арретинская керамика», в украшении которой характерно применение мелких штампов в виде акантов, розеток, пальметт, фестонов и пр.[81] — не исключено, что ее проникновение в индо-кушанский мир оказало здесь определенное воздействие. В Бактрии наиболее широкое применение орнаментация штампами получает в кушано-сасанидское время, когда нарастает разнообразие самих штампов и они покрывают на сосудах большие поверхности — борта широких ваз, тулово небольших горшков и плечи кувшинов[82].

Сопоставление дальверзинских комплексов Дальверзин—II, III и IV с керамикой иных районов Бактрии выявляет единый состав основных посудных форм и сходство многих из них, но вместе с тем наличие своих вариантов профилировки, пропорций и деталей.

Кроме того, ранние керамические комплексы из Дальверзинтепе и греко-бактрийская керамика Ай-Ханум приводят нас к критическому пересмотру датировки комплекса Кобадиан II, предложенной М. М. Дьяконовым[83], и к уточнению хронологии слоев Халчаяна III-II — III-IV в классификации Г. А. Пугаченковой[84].

В Халчаяне слои стратиграфических шурфов, опущенных ниже полов, имеют две четкие хронологические грани. Одну из них дает сам дворец. Оформление его айвана и зала скульптурой, посвященной прославлению царя Герая, притом статуй портретных, явно выполненных с натуры, а значит близких или современных времени правления этого кушанского племенного князя, определяет возведение дворца примерно рубежом н. э. ± два—три десятилетия. Самый же нижний стратиграфический горизонт в Халчаяне — слой Ш—I, залегающий над материковым галечником, по составу керамики — ее черепку, цвету ангоба, типу венчиков и подкошенно-донных баночных форм, датируется временем не позднее IV в. до н. э. Это дает terminus post quem для расположенного над ним слоя Ш—II, который мы определяли III в. до н. э. Данный слой, несомненно, восходит к греко-бактрийскому времени: тарелочки с раскинутыми стенками и клювовидным венчиком, отлогие фиалы, бокалы со срезанным донцем, закраины хумов — все это находит прямые параллели в дальверзинском и айханумском комп-

[78] Schlumberger, Bernard, fig. 12—15; 23, 24; Gardin, 1973, p. 170—171, fig. 34.

[79] Мандельштам, 1966, табл. XXXVII, Пугаченкова, 1966 а, рис. 33.

[80] Таковы в Северной Бактрии фрагменты со штампами из датируемых монетами Великих Кушан слоев в Айртаме, Термезе, Халчаяне, Чимгалыше, Кобадиане и др. См.: Вязьмитина, 1945, табл. IX; Шишкин, 1945, рис. 27—28; Дьяконов, 1953, рис. 23; Литвинский, Зеймаль, 1964, рис. 5, Пугаченкова, 1966 а, рис. 70; Тургунов, 1973 б, рис. 18.

[81] Dragengorff, Abb. 1, 6.

[82] Обилие такой керамики получено Г. А. Пугаченковой на Джигатепе Балхской провинции в слоях, сопровождаемых многочисленными монетами кушано-сасанидского чекана. См. также Gardin, 1957, p. 26—27, pl. XIII.

[83] Дьяконов, 1953.

[84] Пугаченкова, 1966 а, с. 31 и сл.

лексах, но датировку следует расширить в рамках III—II вв. до н. э.

Соответственно определенное уточнение можно внести для двух вышерасположенных слоев Ш—III (который мы датировали II в. до н. э.) и Ш—IV (отнесенный нами ко II—I вв. до н. э.). По своему составу керамика из обоих слоев (ее пополняют также материалы из раскопов X—2 и X—3 в Халчаяне[85]) близка к дальверзинскому комплексу Дальверзин—II, к сосудам из могильников Тупханы[86] и Тулхара[87] т. е. она определяется пределами последней четверти II—I вв. до н. э. Но поскольку обильный археологический комплекс Ш—IV непосредственно «отсечен» полами и стенами дворца, то, следовательно, он прямо предшествует его возведению и относится примерно к середине — второй половине I в. до н. э.[88]. Керамика же из слоя Ш—III, отделенная прослойкой какого-то запустения, хотя типологически мало отличается от сосудов из слоя Ш—IV, предшествует ему и может быть датирована концом II — первой половиной I в. до н. э.

Что касается халчаянских комплексов периода Великих Кушан, датируемых, в частности, монетами Канишки, Хувишки, Васудевы I, то для них предложенные нами ранее даты[89] остаются без изменений[90].

Керамика из Ай-Ханум и дальверзинские комплексы побуждают к принципиальному изменению датировки керамики Кобадиан—II, отнесенной М. М. Дьяконовым к греко-бактрийскому времени III—II вв. до н. э.[91] При сравнении выясняется, что именно греко-бактрийских форм в ней почти нет. Вместе с тем налицо чрезвычайная близость к комплексу Дальверзин—II как по основным видам сосудов и их формам, так и по характеру черепка и ангобов — в частности, появлению сероглиняной керамики. Таким образом, Кб-II следует сдвинуть на столетие и датировать не ранее чем последней четвертью II—I вв. до н. э. Этой дате, кстати, отвечает и аналогичная керамика могильника Тупхана, где были обнаружены монеты из групп варварских подражаний чекану Евкратида.

На данном этапе изучения бактрийской керамики комплексы из Дальверзинтепе, имеющие достаточно четкие стратиграфические рубежи относительной и абсолютной хронологии, могут послужить полезным сравнительным эталоном для всего северо-бактрийского региона.

Окидывая общим взглядом античную керамику Саганиана, где нами выделено четыре основных хронологических этапа, мы отмечаем в ней последовательную эволюцию посудных форм и их внешней фактуры. Между тем сопоставление с керамикой предшествующей и последующей эпох выявляет столь существенные отличия, что они позволяют в обоих случаях говорить о «качественном скачке».

Изучение бактрийской керамики раннежелезного века (первая—вторая треть I тысячелетия до н. э.), полученной при раскопках Узбекистанской искусствоведческой экспедицией на городищах Кизыл-тепе, Кизылча, Бандыхан, Талышкан дали значительный комплекс керамики этого времени. Керамика греко-бактрийского периода от нее радикально отлична: исчезают характерные «баночные» сосуды, подкошенные донья этих «банок», хумов и хумча; у последних существенно изменяется общий профиль и формы закраин, появляются кубки и кувшины. Если там господствовал красновато-розоватый черепок при светлоангобном покрытии, то в греко-бактрийском комплексе изменяется цвет того и другого, что указывает на изменения в самой гончарной технологии. Едва ли не единственной формой, которая последовательно эволюционирует, перейдя из «сервиза» древнебактрийской посуды к античной, а затем на протяжении двух тысячелетий доживает до наших дней, были чаши—фиалы (характерно сохранение самого этого термина у среднеазиатских народов в слове «пиала»).

Не менее существенные качественные видоизменения происходят в саганианской керамике в V—VI вв. Они затрагивают самоё гончарную технологию: взамен быстровращающегося круга преобладает круг медленного вращения; черепок изделий — грубоватой отмучки, ангобы светлые, а красный почти позабыт, большое место принадлежит сосудам ручной

---

[85] Пугаченкова, 1966 а, с. 82 и сл., рис. 53; с. 91 и сл., рис. 59.

[86] Дьяконов, 1950, с. 165 и сл., табл. 83.

[87] Мандельштам, 1966, с. 88 и сл.

[88] На ограничение слоя Ш-IV пределами I в. до *н. э. справедливо указывает Мандельштам* (1975, с. 126).

[89] Халчаян, с. 56 и сл., рис. 33, 34, 39, 40.

[90] В статье Сычевой «Керамика Каратепе» (в кн. Новые находки из Каратепе в Старом Термезе, М., 1975) удивляет безаппеляционное заявление о «недатированной керамике Айртама и Халчаяна» (с. 133—135). Раскопки на обоих городищах дали значительные керамические комплексы, датируемые на основе стратиграфии, анализа самого состава керамики, скульптуры, предметов вооружения и других находок — в том числе монет (См. Пугаченкова, 1966 а, Тургунов, 1973 б). Н. Сычева обходит все это молчанием, хотя сама полагает, например, достаточным определение датировки одной из групп керамики Каратепе на основе единственной монеты Канишки (с. 118, 127, где, кстати, автор датирует эту группу II веком, а двенадцатью строками ниже — концом II — началом III в.).

[91] Дьяконов, 1953, с. 282 и сл., рис. 20.

лепки. Изменяются формы столовых и кухонно-тарных сосудов.

Эти явления отражают не просто утраты секретов гончарного производства или влияние «моды» на новые формы сосудов, но более глубокие процессы, вызванные причинами социального порядка в их косвенном отображении на предметах материальной культуры: в первом случае переход от среднеазиатской архаики к среднеазиатской античности, во втором — от античности к раннему средневековью.

ТЕРРАКОТЫ ДАЛЬВЕРЗИНТЕПЕ

Наиболее распространенным видом произведений изобразительного искусства античной Средней Азии являются изделия коропластики — терракоты, что было связано с различными культами, древними религиями Среднего Востока, суевериями и пережитками примитивной магии.

Среднеазиатские терракоты иногда воспроизводят в малых формах храмовую скульптуру, выполненную мастерами своего времени. Часть их четко датируется благодаря находкам в стратиграфических слоях; по сопоставлению с ними (или с найденными на других городищах) определяются даты и подъемных статуэток.

В процессе работ по Дальверзинтепе сотрудниками УзИскЭ было найдено большое количество терракотовых статуэток с изображением женщин, мужчин и животных.

Статуэтки женщин. Большинство терракот составляют женские изображения. Основной принцип последующей типологии этого вида терракот Дальверзинтепе мы основываем на делении по технологическим приемам:

а) штампованные матрицами, с подправкой ножом или стекой тыльной и боковых сторон;

б) лепные. По позам (стоящие или сидящие); по типам и вариантам.

Группа первая (рис. 113, *1—4*). Нагая богиня, обнаженный торс (*1*). Поза фронтальна. Руки опущены. Фигура правильных пропорций с мягкой разработкой форм, объемная. Ручная лепка. Черепок плотный, коричневого цвета, ангоб желтый. Дт, подъемная, II—I в. до н. э. (76×32×20 *мм*). Близкую аналогию дают обнаженные фигурки из Халчаяна[92].

Женская головка (2). Правильный овал лица. Большие, прямо поставленные глаза. Нос прямой. Пышная прическа с кольцеобразными завитками. Черепок плотный. Ангоб желтый. Штамп. (28×20×14 *мм*) Дт-5, пом. 3 в завале. I в. до н. э.— I в. н. э.

Женская головка (*3*). Лицо сколото. Вокруг головы обвита коса, собранная на затылке пучком и спускающаяся на шею. Штамп. Черепок плотный. Ангоб красный (30×27×20 *мм*). Дт-5, Айван — I в. н. э.

Погрудный фрагмент (*4*) статуэтки высокого рельефа. Фигура закутана в плотный плащ, из-под которого видна прижатая к груди правая рука, на шее ожерелье в три кружка. Лицо овальное. Глаза прямого разреза. Прямой и короткий нос. Волосы валиком обрамляют лицо и собраны в шиньон наверху. Штамп, детали на затылке выполнены вручную. Черепок плотный, желто-коричневого цвета. Ангоб розоватый (53×26×17 *мм*). Дт-2, пом. 9/V—VI, II—I вв. до н. э. Фрагмент аналогичной фигурки найден на Дт-6, но рука прижата к животу. Ангоб красный (40×35×24 *мм*).

Группа вторая (рис. 113, *5—10*). Тип. I. Богиня в сидячей позе. Варьирует в деталях. Левая рука на коленях, в правой, прижатой к груди, неясный предмет. Прямой, крупный нос. Большие, миндалевидные прямо поставленные глаза с рельефными веками. Брови дугообразные, сходящиеся. Волосы разделены на пробор и уложены параллельными прядями, убранными за уши. Высокий, овальный головной убор (в виде кокошника), орнаментированный веерообразно расходящимися лучами, подхваченный двойным начельным обручем. Плотное верхнее одеяние облегает фигуру, драпируясь ниже колен горизонтальными складками. Под ним ниспадающими вертикальными складками — нижнее платье. Штамп, черепок плотный, коричнево-красного цвета, густо-красный ангоб. Размеры варьируют, высота 100—125 *мм*. Найдена в раскопах 2, 5, 9, 10, 11.

Терракоты аналогичного типа были получены на других кушанских городищах Шурчинского района: на Культепе, Ялангтуштепе и Совринджантепе. При сохранении единого образа они варьируют в деталях головного убора, платья, украшений.

Находка терракот данного типа в слоях с монетами Вимы Кадфиза, Канишки, Хувишки ставит их датировку в пределах конца I—II вв.

Тип II (рис. 113, *13, 14*). Статуэтка стоящей женщины в длинном платье, без проработки деталей. Руки сколоты по плечи. Волосы разделены на прямой пробор, зачесаны параллельными прядями к затылку, где сплетены в толстую косу, падающую на спину.

---

[92] Г. А. Пугаченкова, 1966, ст. 219—220, рис. 103.

Рис. 113. Терракоты Дальверзинтепе (*1—14*).

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

Рис. 114. Терракоты Дальверзинтепе (*15—26*).

Ручная лепка; пряди и переплетения косы, рот, глаза переданы врезами. Черепок розоватый, плотный, ангоб желтый (160×22—30×21, головка Дт-10 — 35×28×20).

Тип III (рис. 114, *15—18*). Статуэтки сидящей богини в высоком овальном головном уборе в виде кокошника, с руками, сложенными на коленях. Плотная накидка почти полностью скрывает фигуру, лишь на груди приоткрывая драпирующееся, вкось запахнутое платье. На шее двойная гривна. Полное лицо, слегка заостренный подбородок, большие сильно раскосые глаза в рельефных веках, брови вразлет. Нос широкий, рот маленький, пухлый, как бы тронутый улыбкой. На лбу каплевидная, на щеках — круглые родинки. Овальный головной убор расчленен рельефными линиями — углом и полукругом, который завершен полумесяцем. Из-под убора к вискам падают мягкие пряди волос, которые, прикрывая уши, спускаются до плеч. Штамп, черепок плотный, коричнево-розовый, на лицевой стороне следы раскраски белой и красной красками, обрисовывающими детали одеяния (193—195×81—83×28 *мм*. Дт-2, пом. 2/IV на полу и Дт-2, пом. 2/IV, Дт-4 — подъемная). Находка в слоях с монетами Канишки определяет дату — II в. н. э. Фрагменты аналогичных терракот Дт-10, пом. 2/XI; (15) Дт-Ц — подъемная; (16) Дт-2, пом. 15/IV; (17) Дт-9, пом. 24/XI.

Тип IV (рис. 114, *19—22*). Богиня в складчатых одеждах.

Статуэтка в короткой складчатой накидке поверх складчатого же платья, полностью скрывающего фигуру. Подолы того и другого оторочены вертикальной рельефной полосой. Складки схематичны — параллельны. Руки сложены на животе. Лицо крупное, с массивным подбородком, приплюснутым широким носом и маленьким пухлым ртом. Глаза прямого разреза, с рельефными веками и дугообразными бровями. Волосы, перехваченные начельным обручем или лентой, разработаны параллельными прядями, зачесаны наверх и спускаются до шеи, образуя на щеках завитки. Штамп, черепок пористый, темно-серого цвета, керамический брак, Дт-9, Пч-11.

Аналогичные фигурки или головки данного типа встречены еще в 5 экземплярах, различающихся размерами, составом глины, качеством изготовления: (19) Дт-6, 23/XIII, пол, фрагмент фигурки; ДТ-6, Ш — головка; (17) ДТ-10/П — два фрагмента фигурок; ДТ-6, пом. 23/XI — фигурка; (20) Дт — подъемная головка. Дт-2, пом. 3. Даты I—II вв. н. э. (21).

22—23. *Тип V* (рис. 114, *23—24*). Сидящая богиня в накидке. Пластическая обработка очень обобщенная. Лицо подквадратное, глаза и рельефные брови с сильным раскосом, лоб покатый. Нос тонкий, у переносицы сильно расширен к ноздрям. Рот маленький, пухлый. Плотная накидка почти полностью скрывает фигуру, в треугольном вырезе виден ворот платья. Черепок плотный, коричнево-красный ангоб (100×38×12—16 *мм*). Найден ряд аналогичных терракот: Дт-6, пом. 22 — головка. (23) Дт-11/XIV, (24) Дт-11/XIV — выполнены с одной матрицы, но разный оттиск. Дт-11/XIX; Дт-19 — XI — целые; I в. до н. э.— I в. н. э.

Группа третья. Стоящая богиня.

Тип I. (рис. 114 —*25, 26*). Фигурка в плотном одеянии, из-под которого спускаются схематизированные вертикальные складки платья. Правая рука опущена, левая — полусогнута, намечена грудь. Штамп. Черепок хрупкий, серо-коричневого цвета, ангоб красный, 83×38×17, Дт-19—XI. Аналогичная ей 67×30×15, Дт-2, пом. 2/V—I в. до н. э.— I в. н. э.

Статуэтки мужчин (рис. 115, *27—30*).

Мужской торс (27). Приземистая обнаженная фигура с подчеркнутым признаком пола. Руки согнуты в локтях и прижаты к груди. Ноги широко расставлены. Штамп. Черепок плотный, желтый, ангоб желтый. Дт-6, пом. 6/П, II—III вв. н. э. Размеры варьируют: 65×40—42×28 *мм*.

Мужской торс (28) — обнаженный с подчеркнутыми признаками пола. Руки раскинуты, ноги широко расставлены. Лепной. Черепок плотный, красновато-желтый. Ангоб желтый. Дт-5, пом. 10 дерновый слой (67×27×22 *мм*).

Статуэтка всадника (29). Голова и фигурка подпрямоугольной формы. Круглые глаза глубоко посажены. Рот большой, толстые губы. Борода — налепной полосой с насечками. Статуэтка лепная, черепок красный, ангоб красный (Дт — подъемная, 72×33×23 *мм*).

Мужская головка — продолговатое, с расширенными скулами лицо, выполнено очень условно, глаза, опущенные внешними уголками, намечены врезом. Нос слегка оттянут защипом. Лепная. Черепок плотный, желтого цвета. Ангоб желтый (Дт-6, пом. 23/X, в завале. III—IV вв.).

Статуэтки животных (рис. 115, *31—37*). Найдены лепные фигурки животных: лошадок Дт — подъемная (31) — 25×22 (32), Дт — подъемная — 45×39 *мм*, Дт — подъемная — 65×40 (33), Дт — 18, 78×33 (34), Дт-2, пом. 5/III, I—II вв. н. э. 64×48 (35); козлов, баранов, Дт — подъемная 57×29 (36), налеп —

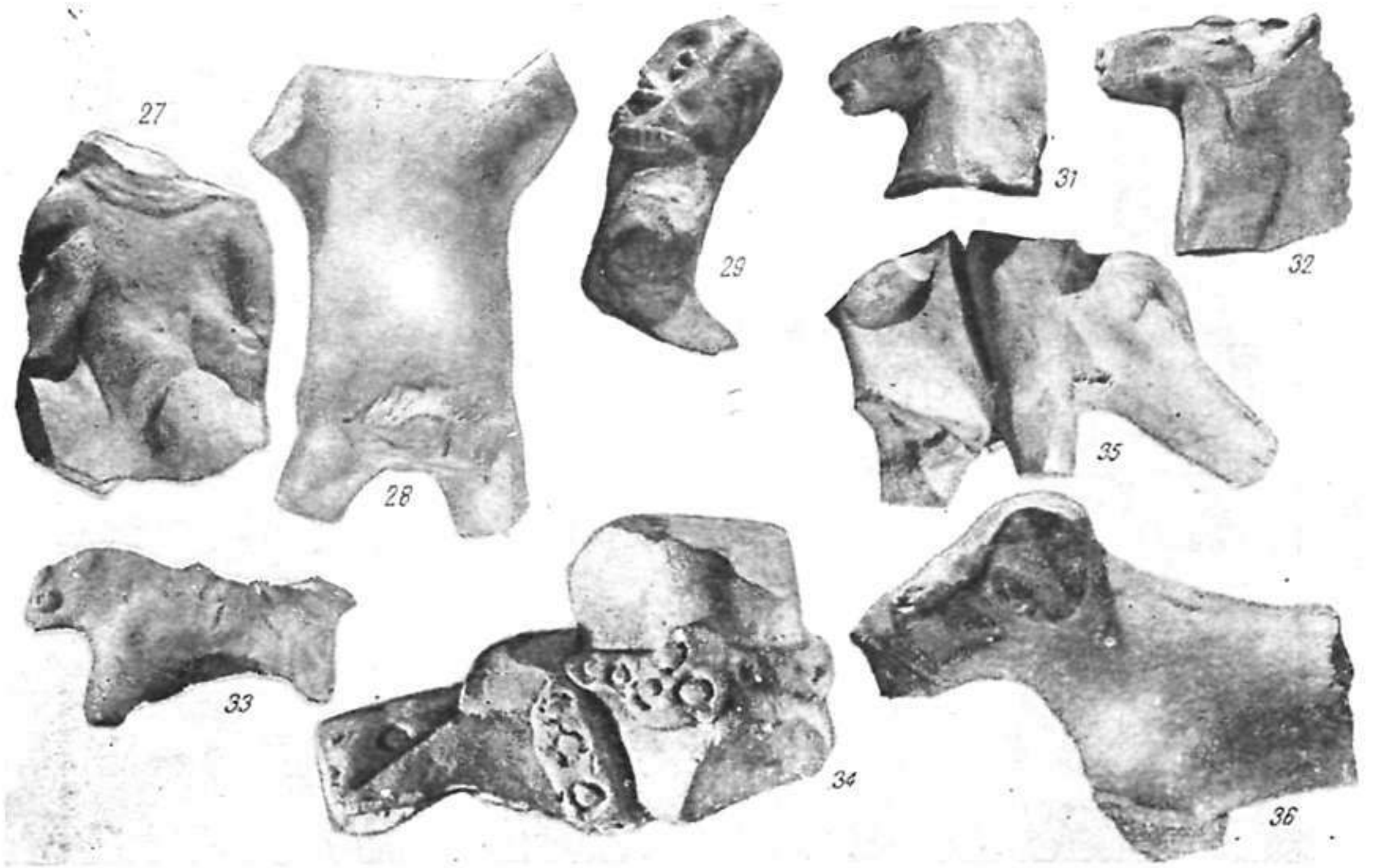


Рис. 115. Терракоты Дальверзинтепе *(27—36)*.

штамп на сосуде в виде тигра или льва, Дт — подъемная, 20×20. См. также рис. 40.

Статуэтки лепные, обобщены, черепок плотный, покрыт, как правило, желтым, реже красным ангобом.

Дальверзинские терракоты несут черты локальной художественной школы, впитавшей в себя преимущественно чисто местные традиции изобразительного искусства, наряду с уже усвоенными и переработанными влияниями эллинизма. В них запечатлено создание определенных изобразительных канонов и художественное мастерство. Все это свидетельствует о существовании в районе Дальверзинтепе развитых традиций коропластики, входящей в общий комплекс изобразительного искусства античной Средней Азии.

ИЗОБРАЖЕНИЯ МУЗЫКАНТОВ В КОРОПЛАСТИКЕ ДАЛЬВЕРЗИНТЕПЕ

Среди находок на Дальверзинтепе большой интерес вызывают фигурки музыкантов, приоткрывающие завесу над далеким музыкальным прошлым современных народов Средней Азии. В числе их терракотовая статуэтка (111×40×19 *мм*) из храма Дт-9, матрица подъемного происхождения (140×65×30 *мм*) для оттиска аналогичных статуэток и обезглавленная фигурка (также подъемная, 65×38×16 *мм*) (рис. 116 — справа *1, 2*).

Статуэтка, как и оттиск с матрицы (I—II вв. н. э.), изображает женщину в длинном одеянии с полным лицом («полноликая, как луна», «луноликая» — так до сих пор воспевается красавица в узбекском и таджикском фольклоре), миндалевидным разрезом глаз и четко обозначенными дугами бровей; на голове замысловатый головной убор со свисающими до плеч концами. Она прижимает к груди музыкальный инструмент, причем правая рука лежит на струнах, левая, по-видимому, придерживала его шейку (рис. 116—слева, *1*). Хотя детали инструмента не просматриваются, можно с уверенностью сказать, что мы видим здесь так называемую «короткую лютню» (то есть лютню с короткой шейкой). Струн у нее три.

Другая (обезглавленная) фигурка (I в. до н. э. — I в. н. э.) передает образ сидящей женщины в драпирующейся дуговидными и вер-

Рис. 116. Изображения музыкантов в коропластике Дальверзинтепе —

статуэтки, матрицы, оттиски с них и сравнительный материал.

тикальными складками одежде (рис. 116— слева, *2*). Инструмент типичен в своих очертаниях: хорошо видны не только грушевидный корпус лютни, но и загнутая вниз головка. Различима и кисть левой руки музыкантши, лежащая на шейке инструмента. По четкости передачи этих важных деталей данная фигурка поистине уникальна. По-видимому, мы имеем здесь самое раннее и самое полное изображение классического типа «короткой лютни» в коропластике Среднего Востока[93]. Интересно, что если в одеянии и в позе музыкантши (играет сидя) можно усмотреть воздействие художественных традиций эллинистической Греции, то лютня в ее руках — представляет типичный местный музыкальный инструментарий.

Сравнивая дальверзинские фигурки с терракотами Афрасиаба, датируемыми в основной своей массе тем же примерно временем (I—III вв. н. э.), где нередки изображения лютнистов, мы отмечаем различия не только самих персонажей, но и типа музыкальных инструментов. Хотя лютня афрасиабских музыкантов тоже относится к типу «короткой», но она отличается бóльшим по размеру корпусом округлой формы, резко суживающимися в верхней части (при переходе в шейку, рис. 116 — слева, *3*)[94].

Интересно, что изображения лютни на памятниках монументальной скульптуры Бактрии не дублируют терракот из Дальверзинтепе.

Так, в глиняной скульптуре из дворцового здания в Халчаяне лютня по внешним очертаниям ближе к афрасиабским (рис. 116, *6*)[95]. Еще дальше от дальверзинской отстоит инструмент музыкантши с каменного фриза из Айртама[96]. На продолговатом корпусе этого инструмента (в середине его) слегка намечена выемка (подобие так называемой «талии», типичной для корпуса смычковых инструментов). Опираясь на эту деталь конструкции, В. Бахман отмечает поразительное совпадение «гитарообразной» лютни с айртамского фриза и византийского смычкового инструмента X—XI вв.[97]

В каменных рельефах Гандхары «короткая лютня» присутствует в двух разновидностях: с грушеобразным корпусом и с узким корпусом удлиненной формы[98]. Однако ни та, ни другая (как по своим общим очертаниям, так и по положению в руках исполнителя) не содержит близких аналогий с инструментом терракотовых лютнисток из Дальверзинтепе.

По-видимому, в античной Бактрии «короткая лютня» пользовалась большим распространением и бытовала там в различных вариантах. В одних случаях инструмент был близок терракотовым лютням Афрасиаба (глиняная скульптура из Халчаяна). В других (как на дальверзинских терракотах) лютня отличалась более локальной формой. Интересно, что именно этот тип лютни со сравнительно нешироким корпусом вытянутой формы получил затем распространение в сасанидском Иране, где он был известен под названием барбат (рис. 116— слева, *5*)[99]. Что же касается Средней Азии эпохи раннего средневековья, то здесь прижилась лютня с широким корпусом округлой формы. Настенные росписи дворца правителей Уструшаны (VII в.) сохранили изображение этого вида типичной для Средней Азии лютни[100]. Там же была найдена деревянная деталь — верхняя часть шейки, заканчивающаяся отогнутой назад головкой с четырьмя отверстиями для колков[101]. Уструшанские росписи (как и находки на Балалык-тепе)[102] свидетельствуют о чрезвычайно устойчивом бытовании в Средней Азии лютни, получившей во времена ислама арабское название уд.

Особо почитаемой на Среднем Востоке была арфа — инструмент «небесного музыканта» — планеты Венеры, покровительницы всех земных музыкантов. В отличие от лютни («короткой»), чье бытование к началу н. э. было довольно ограничено (в основном, это Средняя Азия и Северная Индия), ареал распространения арфы был чрезвычайно широк. Известная многим народам мира арфа суще-

---

[93] Сказанное не противоречит утверждению Г. А. Пугаченковой (1971 а, с. 32) о том, что наиболее ранние изобразительные данные по истории лютневых инструментов в Средней Азии содержатся в рельефах на парфянских ритонах из Нисы, поскольку на ритонах представлена не «короткая», а «длинная» лютня (то есть лютня с длинной шейкой, или пандора). Вызывает удивление тот факт, что Р. Л. Садоков — автор нескольких книг не замечает принципиальных отличий между «короткой» и «длинной» лютнями (см. Садоков, 1973, с. 221).

[94] Вызго, 1972, стр. 269—297.

[95] Пугаченкова, 1966, 1971 а; с. 31 сл.

[96] Массон, 1933.

[97] Bachman, s. 63.

[98] Marschall, 1960, pl. 41, fig. 65; Foucher, p. 27, fig. 315.

[99] Musikgeschichte in Bildern, Abb. 4.

[100] Herматов, с. 195.

[101] Пулатов, с. 106—110. Автор утверждает, что найденный фрагмент представляет собой головку уда (с. 108, рис. 53). Однако типический признак уда— это короткая шейка с отогнутой вниз головкой. Здесь же мы видим фрагмент щипкового инструмента с длинной шейкой и с иначе, чем у уда, загнутой головкой (возможно, одну из разновидностей рубаба).

[102] Альбаум, 1960, рис. 78, 80.

ствовала в двух главных видах: дуговая (более древняя) и угловая.

Когда именно появилась арфа в Средней Азии, — точно установить пока невозможно, но, по-видимому, очень рано, поскольку еще Геродиан назвал арфу («самбуку») — инструментом парфян[103]. Памятники материальной культуры эпохи среднеазиатской античности документируют бытование арфы в Хорезме, Согде и Бактрии на рубеже н. э. Опираясь на эти данные, можно заключить, что в ту эпоху в Средней Азии широкое распространение имела угловая арфа в двух разновидностях — с прямым резонатором и с изогнутым.

Терракотовая фигурка из Дальверзинтепе (объект Дт-5, размеры 80×38×17 *мм*, слой I—II вв.) (цв. табл. V) дает некоторое, хотя и не совсем ясное, представление о бактрийской арфе первых веков н. э. (рис. 116 — справа, *3*, слева—*6*). Лицо музыкантши удлиненное с тонко очерченными дугами бровей. На арфистке пышное одеяние, драпирующееся складками. Она сидит на невысоком возвышении, удобно расставив ноги. Инструмент поставлен так, что обе руки музыкантши остаются свободными: основание арфы упирается на внутреннюю часть левой ноги, возле согнутого колена; резонатор прижат к левому боку, пальцы перебирают струны. Для большей устойчивости инструмента к средней части резонатора прикреплен ремешок, перекинутый вокруг шеи музыкантши. Струны не различимы. Инструмент моделирован менее тщательно, чем лицо девушки, но по общим его очертаниям можно думать, что это тип угловой арфы с вертикальным резонатором (более древний, чем с согнутым резонатором). Инструменты подобного вида мы встречаем и на некоторых других памятниках среднеазиатской культуры. Об этом, в частности, свидетельствуют археологические находки в Хорезме: фрагмент керамического сосуда из Кой-Крылганкалы (IV—III вв. до н. э.) с рельефным изображением арфы (сохранилась лишь часть композиции) и знаменитая роспись из дворцового здания в Топраккала (III—IV вв. н. э.), запечатлевшая играющую арфистку[104].

Прекрасный образ исполнительницы на арфе, сдержанной и глубоко погруженной в музыку — строгую и возвышенную, воспроизведен на айртамском фризе. Инструмент айртамской музыкантши тоже представляет собой угловую арфу с вертикальным резонатором, но он несколько отличен от инструмента арфистки из Дальверзинтепе. Айртамская арфа меньше по своим размерам, чем, очевидно, и определяется ее положение в руках музыкантши[105].

Известно, что на заре нашей эры дуговая арфа была исключительно популярна в Индии[106]. Ставши одним из атрибутов буддийского культа, дуговая арфа попадает вместе с ним в другие страны Азии — к югу и к западу от Индии. Однако этот поток останавливается на границах Ирана и Средней Азии. Даже каменная арфистка айртамского святилища, связанного с буддийским культом, играет не на дуговой, а на угловой арфе (то есть на инструменте местного образца). В чем причина того, что дуговая арфа не прижилась в Средней Азии? Причина, очевидно, в весьма длительном и устойчивом бытовании здесь другого типа арфы, арфы угловой — инструмента более удобного в исполнительском отношении, содержащего большие потенции дальнейшего совершенствования. Думается, что именно этим можно объяснить тот факт, что элементы общности, сближающие памятники Айртама и Гандхары, не сказались на изображениях арфы. Арфа айртамская и арфа гандхарская — это два различных инструмента из вида арфовых.

Изображения дуговой арфы в Средней Азии появляются позднее и ограничены пока памятниками Пенджикента. Пенджикентская арфа, как и флейта Пана, лютня удлиненной формы говорят о тесных музыкальных контактах Согда и Восточного Туркестана в эпоху раннего средневековья[107].

Убедительным свидетельством глубоких местных традиций исполнительства на угловой арфе (как и на короткой лютне) выступают музыканты в терракотах Афрасиаба. В отличие от персонажей бактрийских скульптур, афрасиабские арфисты — всегда мужчины и играют они стоя; в их руках — сравнительно небольших размеров угловая арфа с изогнутым резонатором и нижней горизонтальной планкой, на которой закреплены струны (рис. 116 — слева, *7*)[108].

Незначительная на первый взгляд деталь — изогнутость резонатора — представляет большой интерес в аспекте проблемы

---

[103] Р. Гиршман полагает, что самбука (или самбик) — это угловая арфа с изогнутым резонатором (Girshman, 1956, p. 67). Ранние изображения разновидностей угловой арфы мы встречаем на греческой вазе V в. до н. э. (см.: Buchner, Abb. 73).

[104] Толстов, 1948 а, рис. 46; Садоков, 1970, с. 43, сл., 49 сл.

[105] Пугаченкова и Ремпель, табл. *71*.

[106] Marsel—Dubois, p. 37.

[107] Живопись древнего Пянджикента, табл. XXXIV; Скульптура и живопись древнего Пянджикента, табл. XI.

[108] Мешкерис, с. 26, 69, фиг. 85—87. Специфика статуэток, как изображений музыкантов-арфистов, не была разгадана исследователями.

исторического развития арфы. Афрасиабские терракоты документируют раннее бытование в Средней Азии угловой арфы с изогнутым резонатором. Позже этот инструмент (наряду с другими разновидностями угловой арфы) воспроизведен в каменных рельефах Так-и-Бустана (VII в. н. э.)[109]. Интересно, что характерная деталь конструкции — кривизна резонатора — отражена в персидском (пехлевийском) названии арфы — чанг (то есть, «кривой» или «крючок»). «Это был самый важный инструмент сасанидской эпохи», — утверждает Г. Г. Фармер[110].

Памятники Согда и Бактрии (а тем более — памятники Северной Индии) не дают изображений арф, идентичных инструменту арфистки на дальверзинской терракоте. Тем неожиданнее параллель, возникающая при сравнении этой последней с терракотовой фигуркой арфистки из Суз. Молодая женщина в богатом одеянии играет на угловой арфе с вертикальным резонатором, опирая ее о плечо (рис. 116 слева, *8*)[111]. Чем объяснить эту параллель, столь отдаленную во временном и географическом отношениях? Очевидно, широтой культурных контактов Бактрии, в орбиту которых с глубокой древности входили и весьма отдаленные от нее страны.

Дальверзинская арфистка играла пальцами обеих рук и это создавало возможность не только вести мелодию, но и сопровождать ее определенными созвучиями. К. Закс полагает, что египетские арфистки эпохи Среднего царства одновременно извлекали интервалы квинты, кварты, октавы или секунды[112]. Вполне вероятно, что подобного рода «ленточное» двухголосие (то есть движение параллельными интервалами) могло иметь место и в исполнительской практике среднеазиатских арфистов. К сожалению, дальверзинская терракота недостаточно четка в лепке пальцев музыкантши, и это затрудняет определенность ответа. Более четко обозначены пальцы айртамской арфистки. Но образ ее дан в обобщенно-статуарном плане, отсюда и трактовка кисти правой руки (левая не видна), спокойно лежащей на струнах. Очевидно, скульптора интересовало не столько воспроизведение конкретного момента исполнения, сколько передача общего настроения музыкальной сцены как составной части всей композиции, воспроизводившей древний мифологический сюжет»[113].

[109] Taq-j-Bustan, pl. LI, LVIII, LXVIII, XCIV.
[110] Farmer, 1939 a, p. 76.
[111] Rutten, fig. 13.
[112] Музыкальная культура, с. 59.
[113] Пугаченкова и Ремпель, с. 59.

Среди дальверзинских терракот имеется необычайный калыб (размеры 84×32×15 *мм*), подъемный, I—II вв. н. э. (рис. 116 — справа, *5*, слева — *9*). Оттиск воспроизводит фигурку сатира (цв. табл. V). Крупная голова с характерными «козлиными» ушами не оставляет сомнения в том, что перед нами — типичный персонаж вакхических празднеств[114]. Скульптор запечатлел активный момент действия: сатир поет и танцует, аккомпанируя себе на каком-то ударном (шумовом) инструменте. По-видимому, мы имеем здесь один из видов деревянных кастаньет, просматриваются палочки с утолщением на концах. Деревянные кастаньеты, именуемые *қошиқ* (ложки), существовали в Узбекистане вплоть до 30-х годов нашего века[115]. Но они употреблялись обычно попарно в каждой руке для отбивания ритма во время танцев. Изображения их встречаются на миниатюрах рукописных книг средневековья. Сатир из Дальверзинтепе — первая находка, подтверждающая столь давние истоки многовековой традиции, дожившей до нашей эпохи в музыкально-хореографическом искусстве народов Узбекистана и Таджикистана.

Если до сих пор речь шла об изображениях музыкальных инструментов, то фигурка горного барана архара (рис. 116 справа — *4*, слева — *10*), с большими круто загнутыми рогами (подъемная, размеры 88×66 *мм*, основание 37 *мм*) — это сам инструмент, представляющий собой примитивную флейту типа окарины[116] (так называемую свистульку) в настоящее время бытующую у многих народов мира в качестве детской игрушки. Свистулька из Дальверзинтепе имеет три отверстия: одно для вдувания (в конце хвоста) и два игровых (вверху на спине «барана», и внизу, под его животом). У шеи животного обозначено еще одно отверстие, но оно «фальшивое» (не соединяется со звуковым каналом). Диапазон звучания — в пределах квинты; возможны повышения и понижения основных тонов (путем изменения силы вдувания), а также эффект вибрации (при быстром открывании и закрывании пальцевых отверстий). Звук мягкий, нежный, при увеличении силы вдувания — более резкий (в верхнем регистре). Надо полагать, что в далеком прошлом этот инструмент предназначался отнюдь не

[114] Пугаченкова, 1975, с. 432—433, рис. 435.
[115] Кароматов, с. 51.
[116] Окарина (итал., букв. — гусенок) — духовой музыкальный инструмент (род флейты со свистковым устройством) в виде терракотовой фигурки в форме птицы или животного (см. Атлас музыкальных инструментов народов СССР, с. 25, 48, 67 и др.).

для детской забавы. Вполне вероятно, что бактрийские музыканты (музыкантши) исполняли на нем мелодии, хотя и не сложные, но полные серьезного значения. Это предположение подтверждают терракотовые флейтистки из Афрасиаба, играющие на окаринах своеобразного вида (рис. 116 — слева, *II*)[117]. Пышный головной убор музыкантш позволяет видеть в них участниц каких-то обрядовых действ или торжественных церемоний.

Рассматривая изображения музыкантов и музыкальных инструментов в аспекте становления художественного стиля античной Бактрии, как «столкновения, борьбы и слияния двух мировоззренческих систем — эллинизма и азианизма»[118], мы убеждаемся в глубокой почвенности местных эстетических норм. В музыке (судя по памятникам культуры) это проявляется яснее, чем в других видах искусства. Даже сильное воздействие Индии на культуру Бактрии не могло стереть своеобразия местного, характерного для Средней Азии, музыкального инструментария. Что же касается эллинистической Греции, то имеющийся археологический материал не подтверждает ее влияния на музыкальную культуру Бактрии. Несомненно прав Фармер, утверждая, что (в отношении музыки) «...греки больше взяли у Востока, чем дали ему»[119]. О том же говорят и памятники изобразительного искусства: они свидетельствуют, что влияние эллинизма, в определенной степени сказавшееся на произведениях монументальной и малой скульптуры, совсем не затронуло музыку.

Терракотовые фигурки музыкантов из Северной Бактрии — важное звено в длинной цепи археологических находок, способствующих уточнению исторической перспективы в музыкально-историческом развитии человечества, определению той роли, которую в этом процессе играли народы Средней Азии.

ВИНОДЕЛЬНЯ, ВИНОХРАНИЛИЩЕ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ШУРФ

Метрах в двухстах к югу от городской стены Дальверзинтепе была обнаружена и расчищена небольшая винодельня (шифр Вд). Она представляет собой квадратную площадку (1,8×1,8 *м*), по внутреннему контуру вымощенную и обведенную бортиком из крупных жженых кирпичей (50×50×3,5 *см*) на водонепроницаемом известковом растворе с зольной добавкой. Вымостка имеет скат к одному из углов, где ниже пола врыт широкогорлый хум, обмазанный по краю заподлицо с полом тем же раствором. В этот хум стекало и отстаивалось отжатое на площадке виноградное сусло (рис. 117).

Среди находок непосредственно у винодельни — фрагменты крупных мисок, тагара и широкогорлых кувшинов; их формы, красноватый черепок, светлый ангоб типичны в керамических комплексах кушанского времени. Культурного слоя или каких-либо остатков на обширном пространстве распаханного ныне вокруг винодельни поля не оказалось. Очевидно, в древности здесь находился виноградник, где непосредственно изготовлялось вино, после чего его перевозили в городские винохранилища — хумханы.

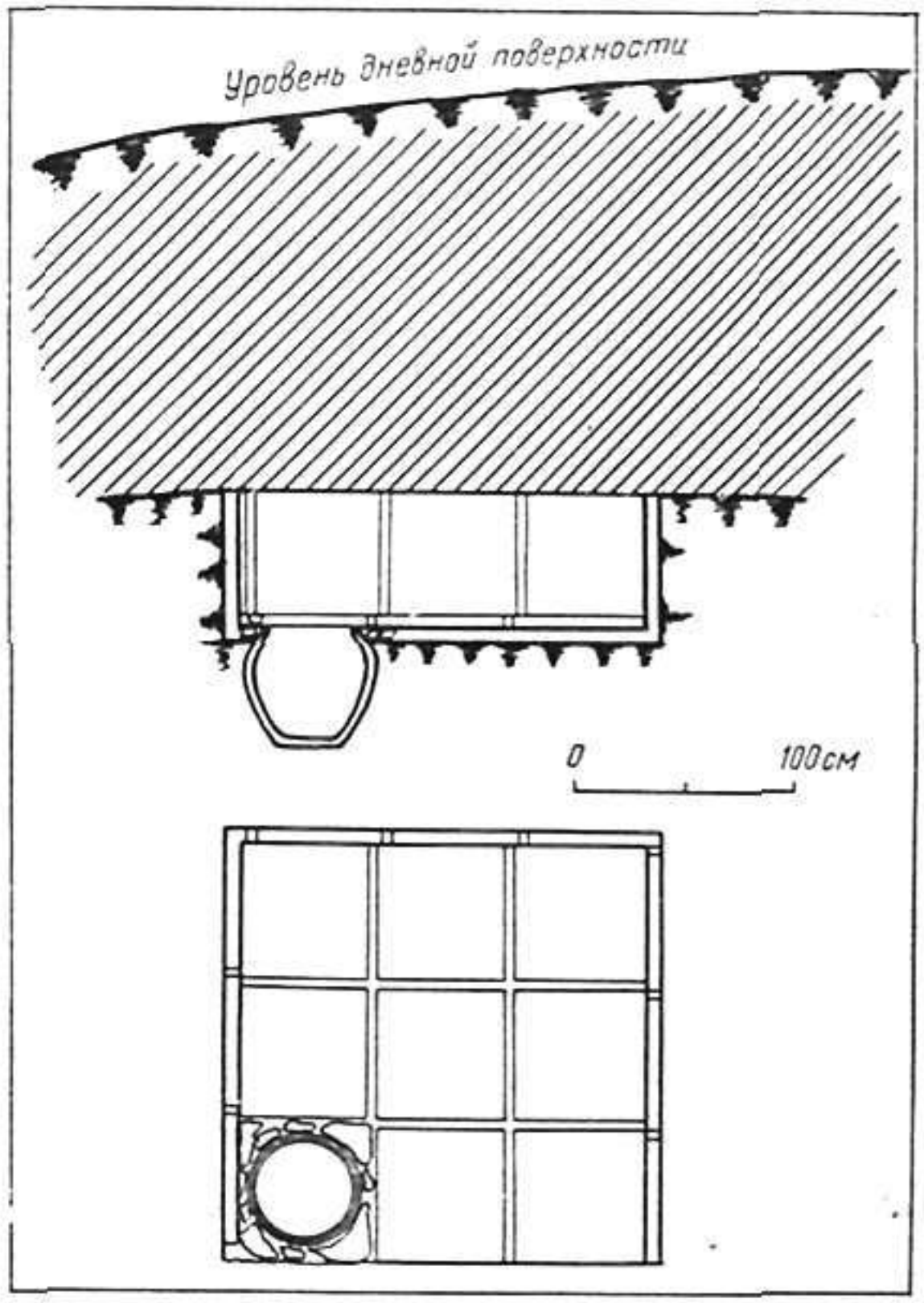


Рис. 117. Винодельня. План и разрез.

Дальверзинская винодельня — первая из обнаруженных в северной Бактрии. При раскопках бактрийского городища Калан-Мир в Таджикистане (Кафирниган) была вскрыта площадка с разбитым сосудом и светильником, близ которой оказалась глубокая яма с

[117] Мешкерис, фиг. 99.
[118] Пугаченкова, 1971 а, с. III.
[119] Farmer, 1939, p. 2735.

фрагментами керамики, перекрытая сырцовыми кирпичами. Н. Н. Забелина высказала предположение, что это остатки винодельни III—II вв. до н. э. с давильным чаном и погребом для хранения вина[120]. Однако отмостка площадки сырцом, который впитывал бы виноградный сок, да при этом размок бы по поверхности, отсутствие устройств для стока сусла, не дают оснований к такому определению. Что касается бесформенной ямы, то это

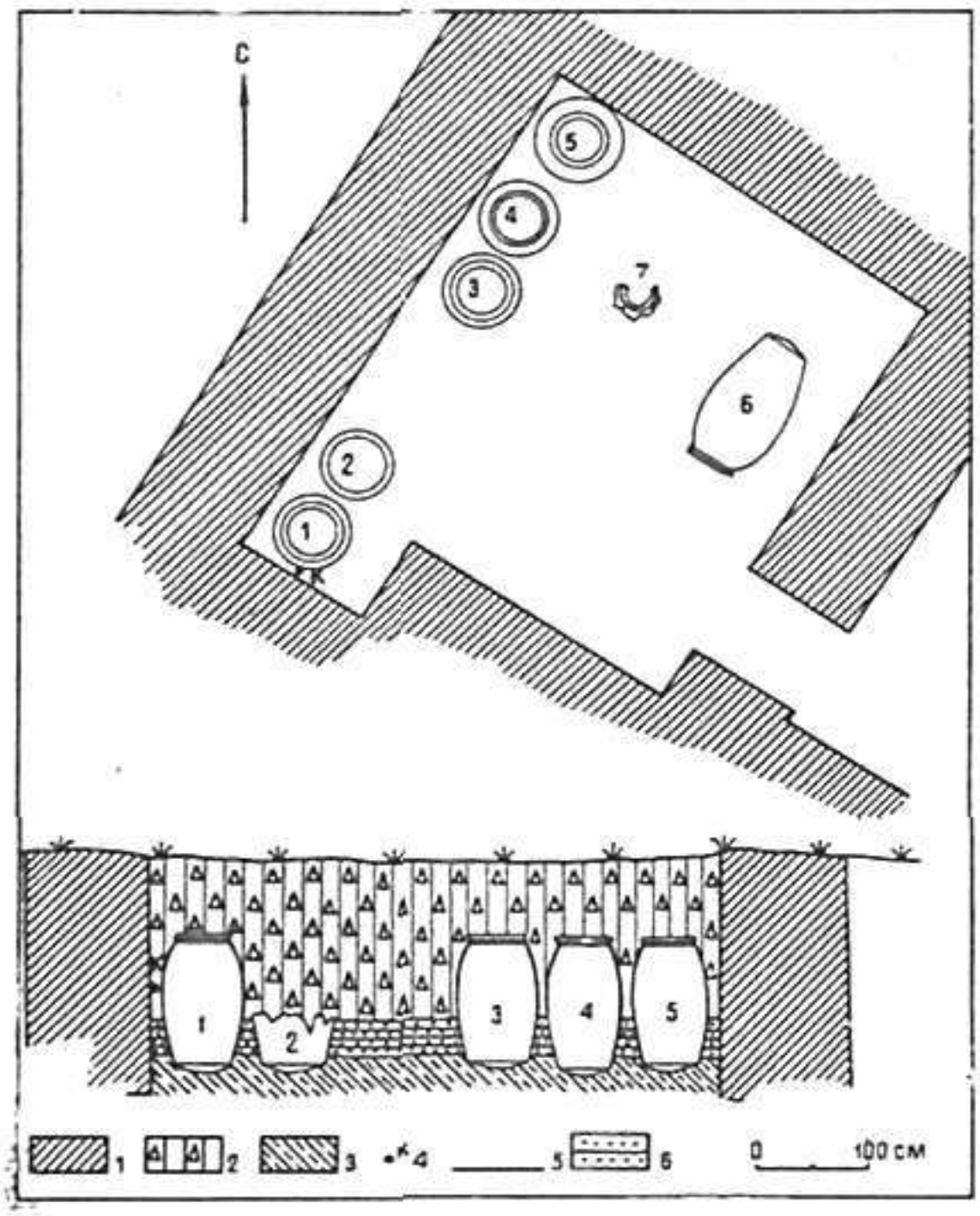


Рис. 118. Винохранилище. План и разрез.

Условные обозначения: *1* — пахсовая стена. *2* — слой разрушенных кладок, глины, надувного песка, натечных прослоек. *3* — рыхловатый культурный слой с керамикой, костями и пр.; *4* — кладик монет Кадфиза II и Канишки; *5* — смазка пола; *6* — слой средней плотности с фрагментами керамики и монетами.

не погреб, но обычная хозяйственная яма для свалки бытовых отбросов, в частности битой посуды.

Подлинная винодельня кушанского времени была раскопана в недавнее время в загородной части городища Дильберджин — в принципе она сходна с дальверзинской[121]. Между тем более поздняя по времени (VII—VIII вв.) винодельня, вскрытая в пригороде Пенджикента, существенно отлична по своему устройству, быть может, в силу создания ее в иную эпоху или, скорее всего, благодаря различию народных производственных традиций в Бактрии и Согде[122].

На многих городищах северной Бактрии встречаются винохранилища — хумханы с большим числом хумов. В. Д. Жуковым расчищена хумхана на Хайрабадтепе, нашей экспедицией обнаружены и вскрыты хумханы кушанского времени на Хатын-Рабаде, Шортепе, Кампыртепе. Характерна, например, хумхана в верхнем строительном горизонте (III в.) на Шортепе (в Ангорском районе Сурхандарьинской области), входившая в комплексную застройку жилых, складских и производственных помещений. Она имеет продолговатую форму плана, вдоль стен располагалось до десятка хумов, причем в одном оказалось шесть кувшинчиков. Они служили для изготовления очищенного вина, получаемого опусканием в хум запечатанных сосудов, через поры которых всасывалась абсолютно чистая виноградная влага. А рядом с хумханой находилась комнатка-склад с толстым слоем истлевшего винограда, или кишмиша.

В северо-восточном участке городища Дальверзинтепе была расчищена хумхана, входившая в состав располагавшегося здесь близ крепостной стены здания хозяйственно-складского назначения (Дт-11). Хумхана находится в окружении других комнат. Она прямоугольна (5,3×4 *м*), с глубокой нишей на восточной стене и с входом из соседнего помещения. Стены толщиною 2,20 и 1,30 *м* сложены из пахсы, с некоторым скосом граней. Во время строительства их несколько углубили в более ранний культурный слой и при выравнивании пола осуществили подсыпку до полуметра высотой, в которую попали разные культурные остатки (о них — ниже). Пол утрамбовали и на 25—30 *см* врыли в него крупные хумы. Вдоль северо-западной стены стояло пять хумов, некоторые дошли целиком, другие — расколотыми. Еще один хум располагался у северо-восточной стены — уже в древности он был извлечен и опрокинут на бок, в таком положении, в раздавленном состоянии, он найден был при раскопках, от седьмого хума дошли лишь куски (рис. 118).

Стены хумханы сохранились на 1,8 *м* от уровня пола. Археологический завал над полом содержит рыхловатую глину с фрагментами керамики, а выше следует комковатая и рыхлая глина разрушенных стен, перемежаю-

[120] Забелина, с. 300—301.

[121] Раскопки Советско-Афганской археологической экспедиции 1974 г.

[122] Большаков, Негматов, с. 185 и сл.

щаяся с надувным песком. Никаких следов последующего использования покинутого и оплывшего здания нет.

Хумы сходны между собой по форме и лишь слегка варьируют в размерах (до 1,20—1,30 *м* в высоту; Д. горла = 45—55 *см*, максимальный у тулова — 60—75 *см*). Профиль их мешковидный, с переломом при переходе к выпуклому днищу; венчик высокий, профилирован наподобие двойного валика, с ребристым утолщением над шейкой.

На полу хумханы оказались 15 разбросанных в разных местах медных монет. Три из них Канишки, 7 Хувишки, три кушанские с неразличимыми изображениями, одна тоненькая, неопределенная. В завале над полом извлечена характерная керамика. Помимо ряда тонкостенных фрагментов, отметим небольшой бокал на высокой полоконической ножке, фрагменты чаши, миски с орнаментацией волной и наколами стекой, горловина вазы; черепок их плотный, красноватый, кроме

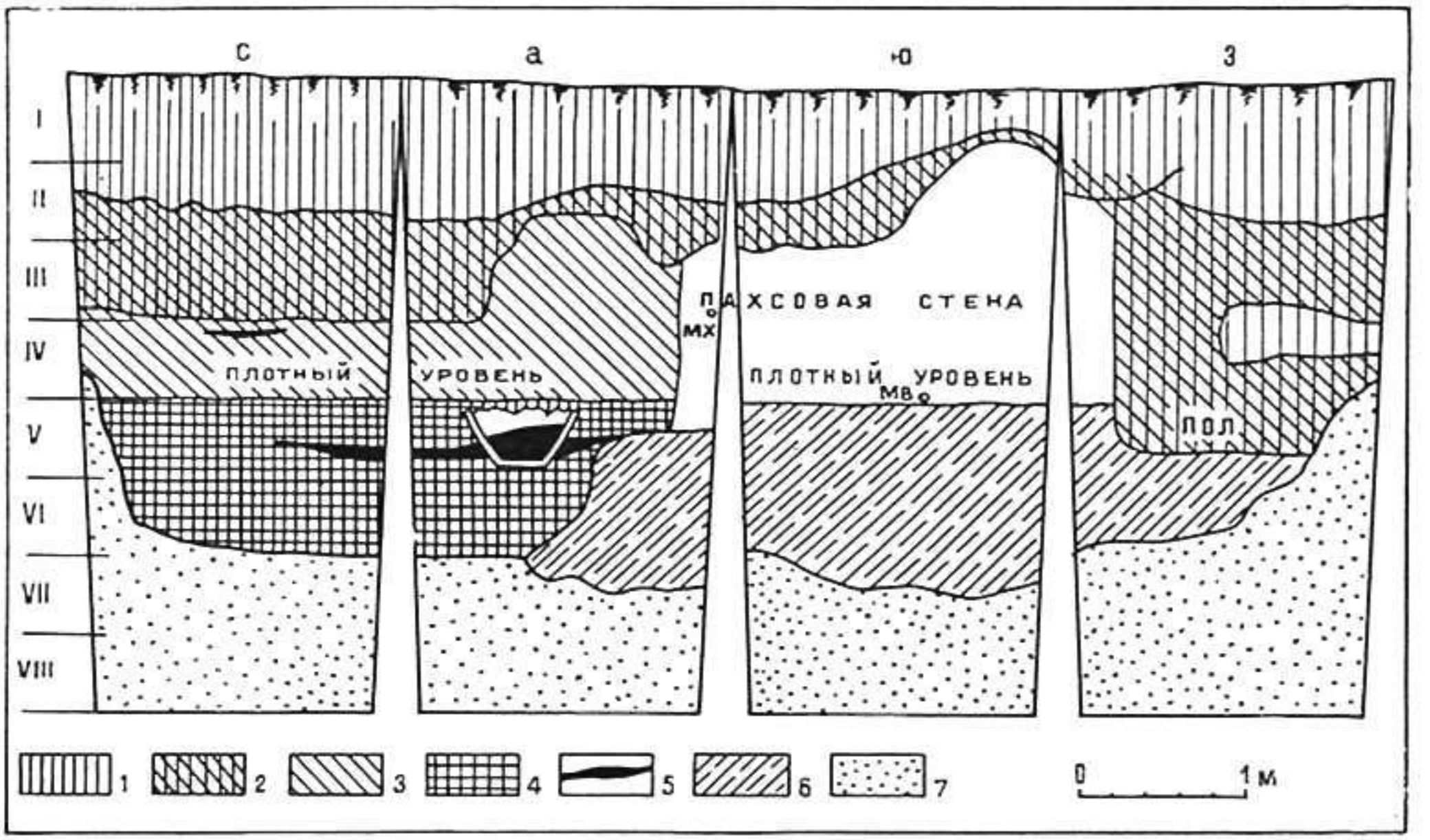


Рис. 119. Северо-восточный шурф.

Условные обозначения: *1* — рыхлая глина; *2* — рыхловатая и комковатая глина с отдельными фрагментами; *3* — глина средней плотности с керамикой, косточками, угольками, *4* — рыхлый слой глины с хозяйственными остатками; *5* — зольно-угольные линзы, *6* — очень плотная глина с включениями керамических фрагментов; *7* — мелкий песок, МВ — монета Васудевы II, МХ — монета Хармизда I.

При расчистке южного углового хума оказалось, что его поставили впритык к обеим стенам, пазуху угла забутовали глиной и подоткнули в уровне плеча кубком с частично сколотым резервуаром. Кубок красноглиняный, красноангобированный, с небольшой полоконической ножкой (*д.* горла = 13 *см*, в. = 10,3 *см*). В этом укромном месте оказался небольшой кладик медных кушанских монет, не извлеченный его владельцем.

Клад содержит крупные халки, четыре из которых чекана Вимы Кадфиза, 5 — Канишки, прочие по изображениям неразличимы, но, судя по метрическим показателям, также принадлежат чекану одного из этих правителей.

чаши, все упомянутые сосуды с красноангобным покрытием. Встречено также три фрагмента сероглиняной керамики (одна с черным ангобом). Весь комплекс типичен для периода I—II вв.

Представляет интерес также археологический комплекс из засыпки над полом, то есть близкий ко времени возведения дома с хумханой. Фрагменты керамики в большинстве дают характерные для I в. до н. э. — I в. н. э. формы чаш, горловины кувшинов, красноангобированные бокалы на полоконической ножке. Имеется три пирамидальных ткацких грузила — два из обожженной глины, третье — из плотной необожженной, а также глиняное пряслице.

Найдены две целые терракотовые статуэтки Великой бактрийской богини, выполненные с единой матрицы, но внешне отличные, благодаря неоднократной подрезке контура, разному оттенку черепка и красноангобного покрытия (рис. 114, *23—24*). Они передают образ сидящей женщины с полным лицом, сильно закатанным лбом, с косым разлетом бровей и глаз, в драпирующейся накидке с оторочкой кружками. Это нередко встречающийся на Дальверзинтепе тип богини «Гераева этноса» (I в. до н. э. — I в. н. э.), очень напоминающего образы Гераичей из халчаянского дворца.

Судя по составу находок, дом с хумханой был возведен в начале правления Канишки (когда наряду с его чеканом еще были в обращении монеты Вимы Кадфиза), функционировал на протяжении всего его царствования, а также при Хувишке. Материалов более поздних не обнаружено.

При раскопках перед нами встал вопрос— почему столько разновременных монетных кружков оказалось рассеянными (точнее «посеянными») на полу хумханы? Едва ли такое было возможным, если бы то была обычная кладовая для домашних припасов. Очевидно, в хумхане осуществлялась продажа содержимого его огромных хумов и в замкнутом полутемном помещении нетрудно было монету обронить, втоптать в пол и не заметить.

Что касается «товара», то им, очевидно, было вино. Не случайно помимо упомянутого кубка, стоявшего за угловым хумом, в культурном слое над полом оказались фрагменты именно кубков, бокалов и чаш.

Не исключено, что объект Дт-11 представлял собой кабачок одного из дешевых увеселительных заведений, входивших в застройку квартала, расположенного на окраине кушано-бактрийского города.

В целях стратиграфического изучения разных участков Дальверзинтепе в северо-восточном секторе Нижнего города еще в первый год раскопок нами был заложен шурф Ш-СВ (рис. 119).

Материк оказался здесь на отметке 3—3,25 *м* от дневной поверхности избранного нами невысокого холма — это плотно слежавшийся, однородный песок. В него опущена очень плотная глинобитная кладка с включением мелких керамических фрагментов, к которой примыкал рыхлый слой глины с керамикой, костями, угольками. Все это сохранилось на метровую высоту.

Следующий период отмечен нивелировкой на отметке 2—2,25 *м*. На выровненной под горизонталь поверхности возводится какое-то здание — в шурф попала часть его пахсовой стены, по одну сторону которой оказался глинобитный пол с ганчевой смазкой, а по другую — обжитой уровень (двора?) с большим зольником и вкопанной тагарой. Со стороны помещения вплотную к стене обнаружена монета Васудевы II. Она, очевидно, фиксирует последний этап функционирования дома.

Вслед за тем отмечается заполнение помещения рыхловатой и комковатой глиной (разрушение кладок?), а «двора» — более плотной глиной с фрагментами керамики, угольками, косточками, причем на высоте

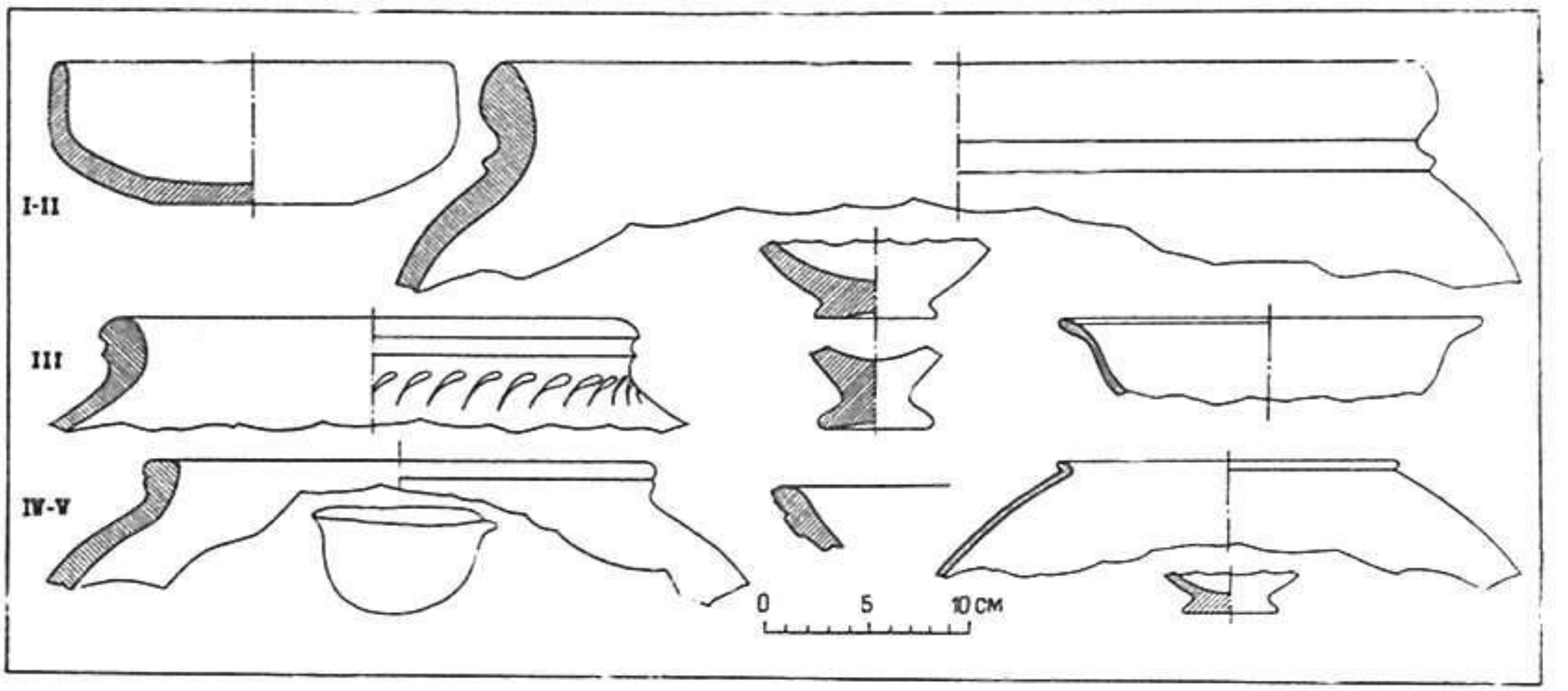


Рис. 120. Северо-восточный шурф. Керамика.

70 *см* выше прежнего пола отмечается новый горизонтальный уровень, где оказалась бронзовая монетка Хармизда I (272—273). Этот уровень отмечает последний этап пребывания людей в данном пункте, но следов строений в нашем шурфе не обнаружено (возможно, не попали). После того следует накопление до полутора метров мелко-комковатой глины, вверху рыхлой, как пыль.

Шурф дал фрагменты керамики, преимущественно того типа, который на больших раскопах встречается в велико-кушанских и позднекушанских слоях, что совпадает с показателями двух извлеченных в нем монет. Даже в нижнем горизонте керамики более раннего времени нет (рис. 120).

Для контроля на расстоянии до 15 *м* западнее шурфа, где существует заметное понижение рельефа (наподобие большой округлой ямы со скатом) был заложен еще один небольшой шурф. По отношению к дневной поверхности Ш—СВ верхняя отметка здесь ниже на 2,8 *м*. На глубину до 1,5 *м* в нем оказался мелкий песок с глиной и немногочисленными керамическими черепками, после чего следует песчаниковый материк. По-видимому, здесь находился внутриквартальный хауз, местоположение которого, как и ряда других, явственно обозначено в микрорельефе городища.

ДАЛЬВЕРЗИНТЕПЕ И НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ

А. Контуры истории города в свете археологических исследований

Дальверзинтепе огромен, и археологическое изучение его еще потребует десятки лет. Но даже при всей скромности масштабов, осуществленные нашей экспедицией вскрытия уже дают материал к некоторым общим заключениям по истории этого крупного бактрийского города.

Она вырисовывается, прежде всего, на основе стратиграфических данных, полученных в разных участках Дальверзинтепе. Рассмотрим их суммарно, следуя от наиболее ранних стратиграфических слоев к позднейшим.

Датировки слоев обоснованы комплексом археологических находок (в том числе монет), характеристика которых приведена в статьях, посвященных отдельным объектам вскрытий. Оговоримся, что в абсолютных датировках мы придерживаемся отнесения многоспорной «эры Канишки» к рубежу I/II вв. н. э. ± два-три десятилетия. К этому склоняется ряд видных ученых-кушановедов, этой дате отвечают и археологические наблюдения, полученные на исследовавшихся Узбекистанской искусствоведческой экспедицией памятниках — Халчаяне, Айртаме, Шортепе, а также и на Дальверзинтепе, *о чем будет сказано ниже.*

Помимо абсолютных датировок мы прибегаем в последующих характеристиках к относительным датировкам, охватывающим более широкие временные диапазоны историко-культурного порядка, которые базируются на характерных археологических комплексах. Это слои: греко-бактрийский (III—II вв. до н. э.), юеджийско-кушанский или раннекушанский (I в. до н. э. — I в. н. э.), великокушанский (вторая половина I—II вв.), позднекушанский или кушано-сасанидский (III—IV вв.), эфталитский (V в.), чаганхудатский (VI—VII вв.). Подчеркнем, что политические события смены династий и правителей в данном случае не дают полных совпадений с рубежами предложенной археологической периодизации, поскольку изменения облика материальной культуры не стояли в прямой от них зависимости. Так, Греко-бактрийское царство было сокрушено саками около 140 г. до н. э., но характер материальной культуры какое-то время оставался прежним. Восхождение на историческую арену Кушан и первое время долговременного царствования Куджулы Кадфиза еще не внесло в искусства и ремесла Бактрии первой половины I в. н. э. существенных видоизменений по сравнению с I в. до н. э. Но со второй половины I в. н. э. и особенно при Канишке они уже вполне очевидны.

Сопоставление полученных данных обрисовывает динамику сложения, развития и упадка большого античного города, погребенного на городище Дальверзинтепе.

Первоначальный населенный пункт разрастался, видимо, без четкой системы. Возведение вокруг него пахсовых стен ознаменовало преобразование неукрепленного населенного пункта в небольшой, компактный городок площадью до трех гектаров. Стенами обвели контур уже сложившейся плотной застройки и потому они лишены правильной конфигурации: южный фас, юго-восточный и юго-западный углы прямые, но далее они образуют неправильный многогранник. Городок занимал южную возвышенную оконечность большого естественного песчано-лессового плато, с востока ограниченного крутым перепадом приречной террасы (рис. 121).

Обживание этого плато постепенно распространялось к северу от городской стены. Здесь при раскопках обнаружены в разных участках над материком (Дт-2, Дт-4, Дт-6) *мусорные ямы и скопления хозяйственных* отбросов, которые были принесены из города, либо (что вероятнее) из располагавшихся вблизи одиночных хозяйств. Одним из таковых было жилье в основании объекта Дт-7 полуземляночного вида, видимо, с глино-каркасными стенами. Керамика из этих нижних горизонтов того же типа, что и в нижнем слое Дтц-1. В общем комплексе она почти идентична с керамикой из Ай-Ханум (см. раздел «Керамика Дальверзинтепе») и относится к греко-бактрийскому времени, скорее всего к концу III—II вв. до н. э.; монета Евтидема из раскопа Дт-7 подтверждает эту дату. Соответственно датируется и первый период в истории Дальверзинтепе.

Следующий стратиграфический горизонт отображает временный упадок жизни на Дальверзинтепе. В разрезе Дтц-1 видны разрушения крепостной стены, плотный завал

сырца и глины заполняет до 1 *м* внутристенный проход. В упомянутых мусорных ямах и отвалах в загородной черте уже нет никаких скоплений и они перекрыты натечнонадувной глиной. Жилище Дт-7 покинуто, от него не осталось даже стен.

Причину этого упадка есть все основания ставить в связь с нашествием на Бактрию саков (между 140—130 гг. до н. э.)[1] и последующей волны юеджей, вытеснивших их на юг.

В I в. до н. э. вслед за закреплением юеджей в Северной Бактрии здесь возникают предпосылки к новому подъему городской жизни. Одна из юеджийских родовых групп осела в долине Сурхандарьи, причем судя по скульптурному циклу, украшавшему дворец в Халчаяне, это был род кушанского ябгу (племенного вождя) Герая. Именно в раннекушанский период на Дальверзинтепе, к северу от первоначального греко-бактрийского городка, постепенно заселяются территории и осуществляются большие фортификационные работы (рис. 122). Конфигурацию геологического плато спрямляют, местами подрубают и обводят по прямоугольному периметру 650×500 *м* стеной и рвом. Глина, взятая при выравнивании контуров города и при откопке рва, используется на пахсу и сырец, из которых сложены стены (характерно, что в ней почти нет культурных остатков). Стены достигают 4,5—4,7 *м* толщины и имеют в основании почти такой же по ширине предстенный выступ. Формируется Нижний город.

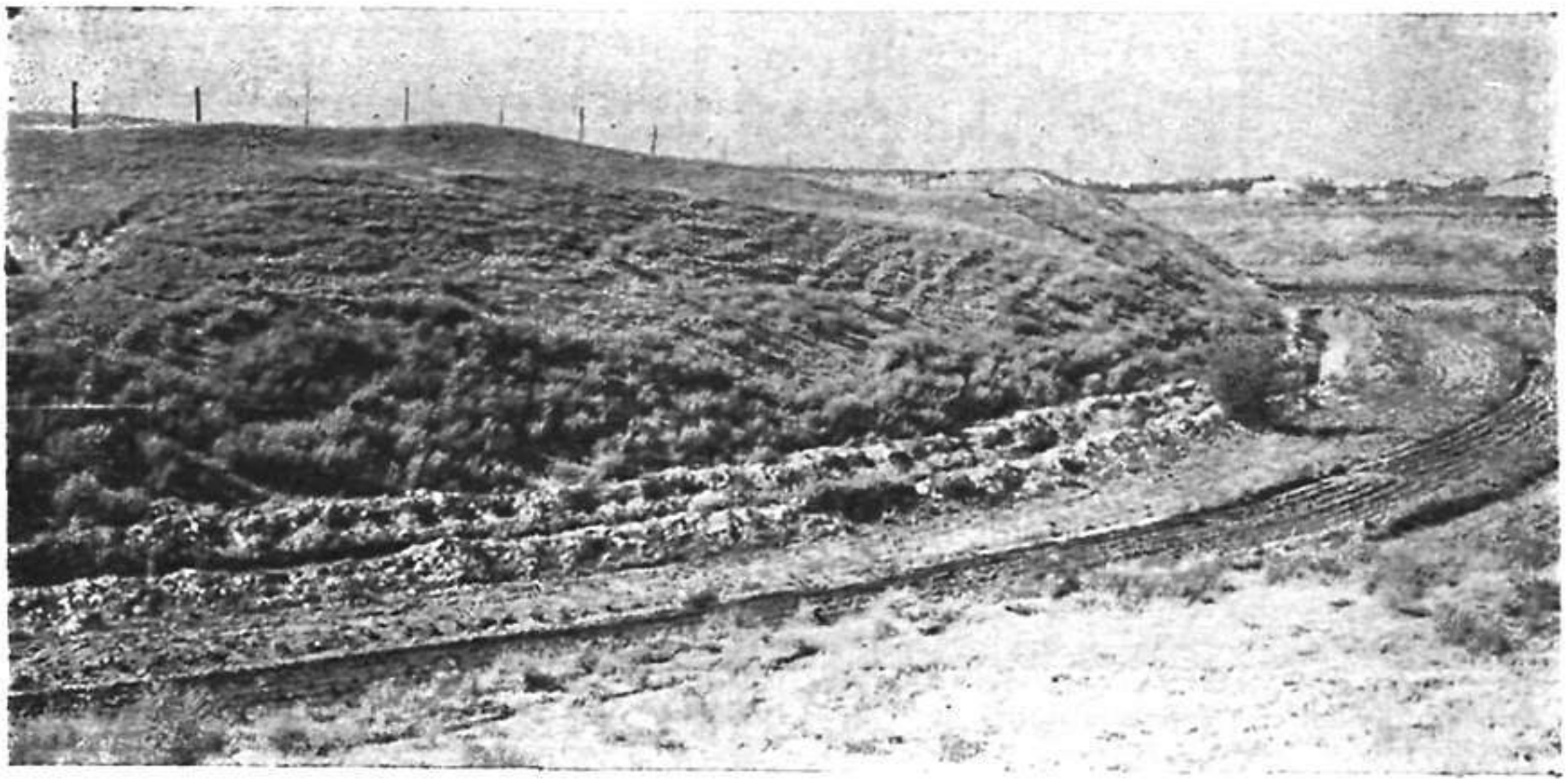


Рис. 121. Изначальное ядро бактрийского города на Дальверзинтепе.

Создание его внешних укреплений велось с учетом будущего роста населения и городской застройки. Это подтверждают стратиграфические наблюдения. Сначала застраивались южная и центральная зоны — на объектах Дт-2, 5, 6, 10 под зданиями великокушанского времени обнаружены стены построек или культурные наслоения юеджийско-кушанского периода; начинает оформляться и квартал керамистов (Дт-9). В северной же зоне еще были в основном пустыри: в шурфе Ш—СВ и на раскопе Дт-11 культурный слой времени Кушан покоится прямо на материке. Но и здесь уже возникают отдельные постройки — например, дом Дт-7. К северу от крепостной стены закладываются кладбища, и именно в эту пору возводится фамильный наус Дт-14.

Датировку рассматриваемого второго периода мы определяем на основе археологических комплексов с характерным составом ке-

[1] Здесь уместно напомнить выдвинутую еще В. В. Григорьевым связь с этнонимом саков названия *Саганиан—Чаганиан, которое письменным источником* зафиксировано лишь с VII в. Еще Птолемей (II в.) упоминал местность Кумед, локализующуюся в приграничной зоне Саганиана, где проживал народ кумеды, составлявший остатки осевших здесь саков (см. комментарий В. Минорского в кн., Hudud al-Alam, Oxford, 1937, p. 363; Caghanian, Encyclopedie de l'Islam, t. II, Leiden, 1965, p. 1.

рамики, терракот, а также монет «варварского Гелиокла» (Дт-2, Дт-6, Дт-9), причем соответствующие стратиграфические горизонты залегают под постройками, которые датируются монетами Сотера Мегаса, Вимы Кадфиза и Канишки. Таким образом, данный период охватывает I в. до н. э. — начало I в. н. э.

Огромные по своим масштабам работы по возведению оборонительных стен вокруг Нижнего города могли быть предприняты лишь в системе централизованной власти, имевшей возможность мобилизации большого числа рабочих. Было ли то при Герае или в начале правления Куджулы Кадфиза или, что вероятнее, последовательно велось одним и другим?.. В правление Герая в Халчаяне, всего в 30 *км* от Дальверзинтепе, располагалась резиденция Гераева рода, но это не был столичный город: внешней стены вокруг Халчаяна не обнаружено, и он имел лишь укрепленное ядро (Карабагтепе), царский же квартал с дворами и службами располагался среди садов и усадеб. Вероятно, правители предпочитали на лето выезжать в Халчаян, где не так жарко и воздух намного свежее, главным же городом области был при них Дальверзинтепе.

Размеры Дальверзинтепе, его географическое местоположение, археологические данные, свидетельствующие о преобразовании небольшого греко-бактрийского городка около I в. до н. э. в крупный, укрепленный город, побуждают вспомнить сведения древних хроник о засырдарьинском народе юэджах, которые, покорив Дахя (Бактрию), основали столицу к северу от нынешней реки Амударьи. Глава каждого из пяти юэджийских родов имели свою удельную столицу[2]. Таковой у рода Гуйшуан(-кушан) был город Хедзо.

Коль скоро Дальверзинтепе — крупнейший после Термеза античный город к северу от Амударьи и поскольку именно в округе Дальверзина расположена летняя резиденция Герая — первого из юэджийских ябгу (князя, племенного вождя, еще не царя), объявившего в монетном чекане о своей принадлежности к кушанскому роду, и, наконец, если именно в юэджийско-кушанское время Дальверзинтепе оформляется в обширный, столичный город, есть все основания считать, что именно здесь и была первая столица юэджей и именно в ней закрепился самый могущественный из пяти родов, Кушаны[3].

В I—II вв., по мере расширения кушанских владений на юг, превращения из княжества в царство, из царства в империю, столица Кушан перемещается на юг, или, точнее, возникает несколько столиц. Археологически выясняется, что в каждой из обширных провинций существовал свой столичный центр, очевидно, с представителем кушанской династии во главе управления областью: таковы

Рис. 122. Гребни стен античного города.

[2] Бичурин, т. II, с. 185.

[3] Безусловно, ошибочно предположение, будто первоначальную столицу юэджи основали «на территории, ныне относящейся к Бухаре (в древней Согдиане)». (См.: Raychaoudhuri, p. 458).

были Балх в южной Бактрии, Беграм в Кабулистане, Таксила (Сирсукх) в Гандхаре, Мат в Матхуре и т. п.

Судя по археологическим данным, Ходзо — Дальверзинтепе в правление Великих Кушан сохраняет значение столицы Саганиана. Время наивысшего могущества кушанской империи отмечено здесь возведением многочисленных зданий, особенно в Нижнем городе и осуществлением новых грандиозных фортификационных работ.

Верхний город в эту пору окончательно преобразуется в цитадель. Нижние участки греко-бактрийской стены здесь используются как цоколь для новой стены. Она выводится чередованием пластов пахсы и нескольких рядов сырцового кирпича, достигая 3.9 *м* по толщине, а в цокольной части до 5 *м*. Заново углубляется ров.

В Нижнем городе производится существенная перестройка раннекушанской стены, которая берется как бы в футляр новых кладок, выложенных чередованием рядов сырца и пахсы, а общая толщина ее достигает 9—10 *м*. Систему фортификации характеризует устройство местами внутристенных казематов, усиление или возвышение башен, внутри которых встроены стрелковые камеры. На башнях располагались боевые площадки для камнеметной артиллерии. На гребнях стен, очевидно, проходили огороженные зубчатыми парапетами боевые дорожки. Осуществляются очистки и, может быть, углубляется окружавший Нижний город ров.

Выполнение таких грандиозных работ свидетельствует не только о мощи государственного и военного аппарата. «Всякое усиление средств поражения тотчас вызывало соответствующее усиление средств укрытия. Отсюда видно, какая тесная связь существовала всегда между артиллерией и фортификацией и какое неотразимое влияние первая оказывала на вторую и особенно на детали их сооружений»[4]. По-видимому, опыт дальних победоносных походов Куджулы и Вимы Кадфиза привел в I в. н. э. к существенным модификациям камнеметной артиллерии и методов осады городов, потребовав и соответствующего усиления их обороноспособности.

На всех раскопках в южной, центральной и северной зонах Нижнего города нами выявлены очень насыщенные культурные слои и постройки I—II вв., возведенные — где над выравненными остатками более ранних строений, где — на материке. Разрастается квартал керамистов. Жилые дома городского патрициата отличаются значительным числом помещений (20 в доме Дт-5, 26 — в доме Дт-6), капитальностью конструкций, применением каменных архитектурных деталей, резного дерева, живописи. Однако даже богатые дома теснятся друг к другу: к дому Дт-5 примыкает вплотную дом Дт-6, с ним, в свою очередь, смыкается, стена к стене, владение Дт-12. В северной зоне города здание Дт-7 как бы наступает на расположенное с южной стороны (пока не вскрытое) строение. Из-за отсутствия свободных площадей домовладельцы были лишены возможности их расширять и ограничивались лишь внутренними перестройками, которые отчетливо запечатлены, например, на объектах Дт-5 и Дт-7.

В южной зоне Нижнего города в раннекушанское время и особенно в период Великих Кушан активно развиваются ремесленные производства. В квартале керамистов Дт-9 функционирует множество гончарных печей, расположенных цепочкой, смежно друг с другом на склонах естественного бугра, или опущенных в грунт на ровной площади к юго-западу от него. На длительность использования печей указывают неоднократные обмазки и нередко перекладки топочных камер, сильная ошлаковка стенок и сводов. Выше уровня печей, на холме расположены теснящиеся одна к другой мастерские гончаров, которые со временем подвергались частичным перестройкам и изменениям. А на самом верху в квартале керамистов в I в. н. э. был сооружен небольшой храм Великой бактрийской богини — покровительницы ремесла.

В рассматриваемый период вдоль юго-восточного и юго-западного участков городской стены возводились жилые дома рядовых горожан. Судя по их близости к ремесленным кварталам, это в большинстве дома ремесленников. В числе их — раскопанный нами дом Дт-2 и дом, частично вскрытый Л. И. Альбаумом, близ юго-западного угла городища. Датировку первого определяет его стратиграфическое залегание и общий археологический комплекс, включающий монеты Вимы Кадфиза и Канишки, датировку второго — монета Канишки или Васудевы[5].

Интенсивному освоению подвергались недавние пустыри северной зоны Нижнего города. Новые кварталы вырисовываются здесь обширными, слитными всхолмлениями. Объект Дт-7 в правление Кадфизов I и II преобразуется в небольшой храм, подвергавшийся

[4] Цабель, с. 313—314.

[5] Альбаум, 1966, с. 68.

некоторым перестройкам при Канишке и Васудеве I.

В северо-восточном секторе города нами частично вскрыта постройка с хумханой времени Великих Кушан (объект Дт-11), где в огромных хумах хранилось вино, причем не для домашнего потребления, а для продажи. Возможно, что в этом районе вообще концентрировалась торговля продуктами.

В шурфе Ш-СВ, заложенном в том же секторе (ближе к центру), также оказались остатки пахсового здания, возведенного на материке. Время его последнего использования определяет монета Васудевы I (в накоплении над полом), возведение же предшествует во всяком случае на несколько десятилетий.

Изучение территории за пределами рва, окружавшего Дальверзинтепе, нам в известной мере облегчала ежегодная распашка окрестных холмов и низин под хлопок, которую мы приостанавливали при появлении культурных остатков[6]. Общие наблюдения показали, что загородная зона с трех сторон городища (кроме северной) их почти лишена, но имеет богатый почвенный слой. Здесь и в древности явно располагались сады, огороды, виноградники. Лишь к северу от городища оказались одиночные памятники — преимущественно культово-мемориального характера. В 400 *м* за рвом был вскрыт погребальный наус. В 700 *м* — буддийское святилище I—II вв. со следами прилежащих строений (видимо, места проживания буддийской общины), у святилища обнаружено захоронение костных останков, а несколько севернее на холме — одиночное погребение в саркофаге. За северо-восточным углом города при откопке глубокого арыка на огороде одного из жителей оказались костные останки и разбитые сосуды из грунтового захоронения, — возможно, что в этом месте находился целый некрополь, но здесь вся территория занята строениями и приусадебными участками колхозников[7].

Время Великих Кушан знаменует наивысший расцвет городской жизни в столице античного Саганиана. Однако при Васудеве I и особенно Васудеве II на рубеже II—III вв. она претерпевает заметный, археологически явственно запечатленный спад.

В этот период приходит в упадок оборонительная система, а затем производятся ее поспешные ремонты. В Верхнем городе стены наращиваются небрежно выложенными рядами разноформатного сырцового кирпича и обводятся понизу сырцовым кожухом. На западной стене Нижнего города на полах внутристенного каземата и камеры в башне обнаружены следы большого пожара, спалившего балки перекрытий. После того в башенной камере над горелым слоем выводится ремонтная обкладка сырцом.

Рассматриваемый период был последним в существовании ряда объектов, вскрывавшихся нами на Дальверзинтепе. В доме Дт-6 монеты Васудевы I и II найдены на верхних полах михманханы, коридора и западного хозяйственного помещения, причем в последнем 24 монетных кружка чекана этих правителей были оставлены кучкой, а затем погребены под оплывами стен и перекрытий. В доме Дт-5 к этому времени случился пожар, после которого дом уже не восстанавливали. После ряда перестроек культового здания Дт-7 его использование прекращается, причем этот последний этап его жизни датируется археологическим комплексом с монетой Васудевы II. Среди обильного сбора монет на полу хумханы Дт-11 монеты Васудевы I являются позднейшими. Заброшено в эту пору большинство печей и мастерских в квартале керамистов Дт-9, но храм здесь еще пока не покинут. Буддийское святилище Дт-1 разрушено, скульптуры сброшены на пол, помещения заполнены глиной и песком. Над таким завалом в одном из помещений устраивается погребение костных останков нескольких особей и двух трупов с общим сопроводительным инвентарем из пяти сосудов, которые по типу датируются не позднее III в. Последние захоронения в фамильном наусе Дт-14 датируются монетами Васудевы I. Позже склепы были замурованы, а заполненный до 1 *м* от пола завалом глины центральный коридор использовался с чисто бытовыми целями; в нем в скоплении золы и хозяйственных остатков оказалась монета из группы подражаний чекану Васудевы II.

III—IV вв. проходят под знаком постепенного упадка города. Разрушаются и оплывают крепостные стены в Нижнем городе, с внутренней стороны к ним примыкают слои хозяйственных свалок — вещь недопустимая с точки зрения обороны. Жилые дома Дт-2,

---

[6] Следует подчеркнуть, что если в первые годы работ постоянно приходилось быть настороже, как бы бульдозер или трактор не срезали археологический объект во время распашки, осуществляемой обычно зимой, то затем сами механизаторы, колхозники, школьные учителя приостанавливали снос и сообщали в Ташкент, откуда срочно на место выезжал сотрудник экспедиции.

[7] Одиночное захоронение младенца в хуме кушанского времени, куда уложен был поильничек, вскрыт в 1 км к югу от Дальверзинтепе.

Дт-5 и Дт-6 покинуты. Лишь некоторые помещения их используются для свалки битой посуды и других хозяйственных остатков, среди которых на раскопах Дт-5 и Дт-6 между прочим оказались мелкие медные монетки кушано-сасанидского чекана. Хумхана Дт-11, где при Кушанах велась бойкая торговля, не действует — один из хумов сброшен на бок, другой разбит, над полом накапливается слой глины. Но стены и перекрытия, очевидно, еще в хорошем состоянии, помещение какое-то время использовалось и над этим слоем была найдена монетка сасанидского типа (не читаема). Монетка Хармизда I (272—273 гг.) обнаружена над разрушенными стенами кушанского здания в шурфе Ш-СВ.

Монеты кушано-сасанидского чекана определяют последний этап жизни в квартале керамистов Дт-9. Все его печи и мастерские уже заброшены, но еще функционирует верхний храм да у подножия холма с подветренной стороны, над разрушенными гончарными печами и отвалами золы, шлаков и бракованной керамики возводится лачуга с глинобитными стенами.

Таким образом, в кушано-сасанидский период жизнь на Дальверзинтепе постепенно замирает.

Со второй половины IV в. н. э., после нашествия кидаритов, а затем эфталитов, крупнейший античный город на среднем течении Сурхандарьи прекращает свое существование. Разрушаются крепостные стены, покинуты и оплывают здания Верхнего и Нижнего города. Возможно, что в Верхнем городе, представлявшем хорошую обсервационную площадку, и располагался стан кочевников-завоевателей. На пустырях же Нижнего города в разных местах осуществляются одиночные погребения. Для одного из них была использована заброшенная топка кушанской керамической печи; другие опущены в помещения оплывших жилых домов Дт-2, Дт-6; какая-то яма оказалась врытой в толщу кладки на северной стене (Дт-8), из нее извлечена серебряная эфталитская монета V в. из группы подражаний Перозу. Никаких следов сооружений этого времени на городище не обнаружено.

Новый подъем жизни в долине Сурхандарьи намечается в раннем средневековье — в VI—VII вв. Чаганиан играл в эту пору немаловажную роль в истории всей правобережной зоны Амударьинского бассейна, коль скоро во главе военного объединения местных феодалов, созданного под угрозой нашествия, стоял чаган-худдат Тиша[8].

[8] Marqwart, S. 67, 70, 227; Chavannes, s. 157, 292.

Маршрутные исследования, осуществленные в долине Сурхана Узбекистанской искусствоведческой экспедицией, выявили здесь ряд замков и населенных пунктов VI—VII вв.[9].

Еще в 1960—1961 гг. нами было установлено, что столица, носившая в средние века, так же как и область, название Саганиан — Чаганиан, сложилась в VI—VII вв. в урочище Бедрач, в 20 км севернее Дальверзинтепе, неподалеку от впадения реки Кизилсу в Сурхандарью[10]. Город этот разросся и сохранял свое значение центра области на протяжении всего средневековья[11].

Между тем на Дальверзинтепе в VI—VII вв. было использовано лишь господствовавшее над всей округой тепе былого Вышгорода, где слагается неукрепленное поселение. Раскопки в цитадели свидетельствуют, что новая застройка здесь надвинулась на оплывшие гребни былых крепостных стен. Прямоугольный сырец в кладке зданий, характерный для местной раннесредневековой архитектуры, керамический комплекс, монета тюрко-согдийского типа — все это вкупе определяет время возникновения поселения VI—VII вв. Что касается территории Нижнего города, то она, как и при эфталитах, используется для одиночных захоронений. Две такие могилы были врезаны в кладку античной стены у юго-западного угла городища, причем в одной оказалась монета тюрко-согдийского типа[12].

Археологических материалов более позднего времени на Дальверзинтепе не встречено. Очевидно, жизнь на нем полностью прекращается вслед за завоеванием области Саганиана арабами в 705 г. После того былой античный город на многие века становится

---

[9] Ртвеладзе, Хакимов.

[10] Пугаченкова, 1961, с. 67; 1963 а, с. 58 и сл.; 1966 а, с. 18 и сл. Л. Альбаум в 1962 г. помещал средневековый Чаганиан на городище Дальверзинтепе (см. Альбаум, 1966, с. 65, прим. 21). Позднее он принял (но без ссылки) наше отождествление (там же, с. 65).

[11] Большаков (в книге Беленицкий, Бентович, Большаков, с 180) подвергает сомнению обоснованное нами местоположение средневекового Чаганиана в урочище Бедрач, ссылаясь на упоминание Дьяконовым какого-то большого средневекового городища по дороге из Душанбе, не доезжая до Денау. Однако сам Дьяконов здесь не был, сведения же, полученные им от сотрудников, неточны (по-видимому, последние ошибочно приняли за средневековое городище позднюю крепость Юрчи). Разведки района, осуществленные нами в 1960—1961 гг., показали что вокруг Денау единственным крупным средневековым городищем в радиусе до 30 км является Бедрач, местоположение которого абсолютно совпадает с расстояниями, указанными в источниках IX—X вв. Это подтверждают и новые маршрутные обследования, проведенные Э. В. Ртвеладзе в 1972—1975 гг.

[12] Альбаум, 1966, с. 63.

лишь городищем. А между тем в период мусульманского средневековья вокруг Дальверзинтепе существует немало небольших селений, и здешние земли, очевидно, используются под сельское хозяйство. Одно из таких селений X—XI вв. Гармалитепе площадью до пяти гектаров выявлено в 1,5 м южнее Дальверзина — здесь вскрыта керамическая печь с богатым составом глазурованной и безглазурной керамики. Другое средневековое селение расположено в 5 км западнее городища, а многие давно ушли под современную распашку. По счастью для археологии, Дальверзин оставался не пригодным для освоения под сельское хозяйство из-за своего высокого местоположения и мощных культурных слоев, а потому дошел до наших дней в виде «стерильного» древнего памятника.

Остановимся теперь на проблеме кушанских датировок, уже свыше столетия вращающейся вокруг дискуссии о НДК — «начальной даты Канишки», насчитывающей массу публикаций, служившей предметом специальных симпозиумов и зашедшей, казалось бы, в тупик бесконечных споров и противоречий. За последнее время подавляющее большинство ведущих кушановедов пришло все же к ограничению ее пределами рубежа I/II вв. н. э. ± до трех десятилетий. Однако определенная группа ученых (их немного) возводит НДК к III в.: Р. Гобль — к 225/230 гг., Е. В. Зеймаль — к 278 г. Поскольку при этом вслед за ними соответствующие поздние датировки распространяются и на датировку предметов археологии и искусства, считаем необходимым со своей стороны затронуть данный вопрос.

Одним из коренных аргументов Р. Гобля послужил крупный медальон из Британского музея, на одной стороне которого изображен профиль императора Константина, а на другой — богиня Ардохшо, сходная с изображением на реверсе монет Хувишки[13]. Исходя из этого синхронизма немецкий ученый констатирует дату НДК= 225/230 гг. (хотя ранее он аргументировал дату 144 г.). Однако Е. В. Зеймаль[14] и А. Сопер[15] убедительно доказали, что медальон этот — не более как древний фальсификат, полагаться на который нет оснований.

НДК=278 г., выдвинутая некогда Д. Р. Бхандахаром, энергично отстаивается ныне Е. В. Зеймалем. К сожалению, в его весьма ценном труде «Кушанская хронология», где систематизированы разные аспекты проблемы и дан критический разбор различных точек зрения, не противопоставлена позитивная аргументация к собственному обоснованию даты 278 г.[16] Ссылка на тезисы своего доклада 1964 г.[17] и на автореферат диссертации 1965 г.[18] неубедительна. Приведенные в них доводы сводятся к утверждению, что западным прототипом для монет Хувишки послужил провинциальный римский чекан от Александра Севера (227—235) до Максимина (307—310), чем, соответственно, определяется и сдвиг НДК к III в. Но, во-первых, уже Р. Гобль доказал, что если монеты Хувишки и близки к римским (преимущественно из Александрии), то на два века более ранним[19]. И, во-вторых, само это «сходство» весьма отдаленное, ибо изображения и детали на монетах Великих Кушан, начиная от Вимы Кадфиза, иллюстрируют общее для великокушанской культуры торжество азиатских, а не западных черт, при сохранении в них некоторых свойств, унаследованных от эллинизированного греко-бактрийского искусства.

Касаясь конкретных деталей, Е. В. Зеймаль ссылается, по существу, лишь на некоторое сходство в изображении кушанской Наны с луком в руке и Дианы-охотницы, которая появляется не в короткой тунике, как обычно, а в длинных одеждах в провинциальной римской монетной иконографии III в.[20] Аргумент явно недостаточен, да и неубедителен. Во-первых, изображения Дианы в длинных одеждах хорошо известны уже в римском искусстве I в. н. э.: в росписях Стабия в Помпеях[21], на медальоне Августа[22], на гемме эпохи Августа. И, во-вторых, сам образ Наны отнюдь не идентичен Диане римских монет: ее одеяние достаточно традиционное для кушано-бактрийских богинь (в монетном чекане и в скульптуре), имеет давнюю эллинистическую основу, массивная голова с крупными чертами и характерной бактрийской прической не свойственна пластике римского искусства, а основным атрибутом (их вообще несколько) является не лук, а своеобразный жезл, увенчанный конской головой. В-третьих, отнюдь не доказано принятое автором как некая аксиома положение, будто иконография кушанских монет слагается

[13] Göbl, 1964, Abb. 15; 1967, t. 11, S. 301; t. 111, Taf. 92.
[14] Зеймаль Е., 1968, с. 121 и сл.
[15] Soper, 1972, p. 113.
[16] Зеймаль Е., 1968, 1974.
[17] Зеймаль Е., 1964.
[18] Зеймаль Е., 1965.
[19] Göbl, 1967, t. 11, s. 273 сл.
[20] Зеймаль Е. 1968, с. 121, 129, прим. 12; 1974, с. 297—298 (см. то же: Фрай P. Frye, p. 40).
[21] Maiuri, p. 82; Encyclopedia of World Art, vol. 12, p. 287.
[22] Furwängler, p. 227, N 6220.

под воздействием римских монетных изображений.

По поводу трактовки довольно многочисленных палеографических памятников кушанского времени, содержащих даты и имена, поныне не утихают споры о том, с какой абсолютной датой их следует соотнести, равно как и в части истолкования тех немногих письменных свидетельств, которые касаются Кушан. Сошлемся лишь на новейшие публикации, в которых содержатся убедительная критика отнесения НДК к III в. н. э., основанного на одних лишь, притом весьма спорных, нумизматических данных, и приведены доводы к датировке «эры Канишки» 78 г. (Ж. Фусман) или началом II в. (А. Сопер)[23]. Здесь остановимся лишь на данных археологии.

Отстаивая дату 278 г., Е. В. Зеймаль пишет: «Ни один из известных мне археологических памятников Кушанского периода не содержит слоев, датировка которых была бы независима от монет и противоречила предлагаемому сдвигу на два века»[24].

За истекшие после этого заявления десять лет было произведено немало новых раскопок, хотя ряд известных уже и тогда археологических памятников не согласовывался с двухвековым сдвигом НДК. Ныне имеется ряд новых археологических свидетельств к обоснованию не только относительной, но и абсолютной хронологии Кушан, полученных, в частности, на Дальверзинтепе. Просуммируем их, привлекая также данные Халчаяна, который входит в единый с дальверзинским историко-культурный комплекс.

Примем следующий метод: за основу берем стратиграфию культурных слоев и комплекс полученных в них археологических находок, в частности монеты. Условимся, что кушанские монеты фиксируют лишь относительные даты и потому сконцентрируем внимание на том комплексе предметов или на отдельных объектах, датировка которых определена их анализом (см. соответствующие статьи данной книги). И, как бы обратным ходом, спроектируем эти датировки на состав заключенных в соответствующем культурном слое монет.

Е. В. Зеймаль во всех своих публикациях обходит молчанием коренной вопрос. Если начальная дата Канишки=278 г. и тогда время прихода к власти Куджулы Кадфиза (даже с учетом его долгой 80-летней жизни) падает на последнюю четверть II в., то как исторически и как археологически запечатлен промежуток между падением Греко-Бактрии (ок. 140 г. до н. э.) и воцарением Кадфиза I. Из источников известно, что саки, сокрушившие Греко-Бактрийское царство, сами отступили вскоре под ударами юэджей, которые осели у реки Амударьи пятью родами, сильнейший из которых— Кушаны, объединили их сто лет спустя. Если принять НДК=278 г., то что же было вслед за этим объединением последующие двести лет до воцарения Кадфиза I? Остается допустить, что «сако-юэджийский» период длился около трех столетий, но это противоречит историческим данным. Археологически же такой промежуток должен был бы быть запечатлен культурными отложениями, разделяющими греко-бактрийские и кушанские слои, но этого на многочисленных исследованных в Бактрии городищах нет. Нет и на Дальверзинтепе.

Монетная система в северной Бактрии после падения Греко-Бактрийского государства и в период междуцарствия пяти юэджийских родов, т. е. конца II—I вв. до н. э., выяснена в настоящее время в своих основных чертах. Здесь ходили серебряные монеты, подражавшие чекану Евкратида, и в основном медные, подражавшие чекану Гелиокла. Эти подражания, очевидно, подчеркивали преемственные права юэджей на былые греко-бактрийские владения, возможно закрепленные в Бактрии браками на девушках потомственных царских кровей.

Стратиграфический слой с монетами «варварского Гелиокла» четко вычленяется в раскопах Дт-2 и Дт-6. В первом случае он достигает от 1 до 1,5 *м* и зажат между греко-бактрийским комплексом и домом Дт-2, строительство которого определяют монеты двух Кадфизов. На раскопе Дт-6 это слой в 60—70 см над руинами более раннего здания, представляющий собой рыхлую подбутовку под полы нового, большого, долго функционировавшего дома (монетные находки в котором — от Сотера Мегаса до Васудевы II). Сако-юэджийские слои на раскопах Дт-7 и Дт-5 также невелики — в одном случае 60 см, в другом — до 80 см. На всех упомянутых раскопах времени эмиссий «варварского Гелиокла» получены керамические комплексы, датировка которых пределами от конца II в. до н. э. и до начала I в. н. э. обоснована выше (см. соответствующие статьи по раскопам и раздел «Керамика Дальверзинтепе»).

Таким образом, археологические накопления рассматриваемого периода ни на Дальверзинтепе, ни в Халчаяне и ряде других кушано-бактрийских городищ не дают никаких оснований «растягивать» их датировку на три столетия. За столь длительное время и сами

---

[23] Sircar, p. 4 c; Soper, p. 104 c; Fussman, 1974; 1976, p. 206 c.

[24] Зеймаль Е., 1964, с. 46.

слои были бы массивнее, да и керамика, которая в упомянутых комплексах почти однородна, должна была бы претерпеть существенную эволюцию.

Если такой огромный временной интервал еще можно было бы объяснять, скажем, каким-то длительным перерывом городской жизни, то необходимо подчеркнуть, что никакого перерыва по стратиграфическим данным на Дальверзинтепе не было. Слои с монетами «варварского Гелиокла» непосредственно сменяются слоями с монетами «Сотера Мегаса» (та же последовательность установлена нами и на Шортепе[25]). А иногда и те, и другие монеты встречаются совместно, в едином стратиграфическом залегании. Так было на Айртаме[26], так оказалось и на Дальверзинтепе в храме Дт-9. Таким образом, подтверждается уже сделанное нами ранее наблюдение, что монеты «варварского Гелиокла» некоторое время имели хождение на бактрийских рынках при Кадфизе I еще и во время появления монет типа «Сотер Мегас» до тех пор, пока массовые эмиссии последних окончательно не вытеснили их.

Обратимся к находкам в зданиях, постройки или перестройки которых определяют находки, сопровождавшиеся монетами Великих Кушан. Здание Дт-7 было преобразовано при Кадфизах I и II в храм и подвергалось перестройкам при Канишке, когда, в частности, была установлена студия богини. Анализ техники, стиля и деталей позволяет отнести эту статую к I — началу II в. н. э. Напомним также статую кушанского принца в буддийском святилище Дт-1, создание которого уточняют монеты обоих Кадфизов: стилистический анализ ставит статую между скульптурами из Коммагены (I в. до н. э.) и статуями Хатры и Матхуры (II в.). К I периоду истории храма Дт-9, стратиграфический горизонт которого дал монету «варварского Гелиокла» и четыре — Сотера Мегаса, относятся каменный алтарь эллинистического типа, «туалетный диск», близкий к тем, что обнаружены в Таксиле в слоях I в. до н. э.— I в. н. э., гребень с резьбой, аналогичный резным предметам из слоновой кости I в. из Беграма. Время перестройки жилого дома Дт-5, которое соотносится с монетой Канишки, определяется благодаря укрытому в это время кладу золотых изделий, который как по составу предметов, так и по палеографическим данным датируется I в. н. э. Таким образом, даже если предположить, что клад закопан был в начальные годы правления Канишки и что собран он был его владельцем ранее этой перестройки, дата НДК=278 остается абсолютно неприемлемой.

Все приведенные выше данные вещественных находок и керамических комплексов определяют «дату Канишки» в пределах рубежа I/II вв. н. э. (с возможным сдвигом в ту или другую сторону на два-три десятилетия).

Вопросами хронологической классификации комплексов керамики Северной Бактрии по материалам раскопок в Южном Таджикистане занималась Т. И. Зеймаль. На основе стратиграфических шурфов, заложенных в 1963—1966 гг. на городищах Яван и Балдайтепе, она подвергает критическому пересмотру стратиграфическую колонку М. М. Дьяконова (1953 г.) и предлагает существенный сдвиг кобадианских дат[27].

К сожалению, за прошедшие десять лет полученные в этих шурфах керамические комплексы еще не опубликованы и потому в вопросе об их истинной датировке приходится опираться на чисто словесные утверждения, которые, однако, воспринимаются как далеко не бесспорные.

Существо аргументации Т. И. Зеймаль сводится к следующему. В 10-метровой толще городища Яван выделено шесть стратиграфических слоев. Из них позднейший, Яван-I, в керамике которого тарные сосуды, а также столовые, нередко красноангобированные, иногда лощеные, часто применение фигурных штампов; сопровождающие монеты — чекана Канишки III (Васудевы II) и подражания чекану Васудевы I.

Слою Яван-I соответствует керамика верхнего слоя Балдайтепе, где найден клад из 130 монет, содержащий подражания чекану Васудевы I, и несколько кушано-сасанидских монет. Исходя из этого, Яван-I и соответствующие слои других городищ Южного Таджикистана предлагается датировать IV — началом V вв. Но, во-первых, сам Яван-I пока не дал кушано-сасанидских монет, и, следовательно, может на много десятилетий предшествовать верхнему горизонту Балдайтепе. Во-вторых, древние клады нередко зарывали в покинутых местах и балдайтепинский клад отнюдь еще не определяет датировку керамики из верхнего горизонта городища. В-третьих, датировки кушано-сасанидских монет, особенно медных,

---

[25] Пугаченкова, 1967 а, с. 81 сл.

[26] Пугаченкова, 1967 а, с. 82; Тургунов, 1973, 1973, с. 55. Уточнение кушанских дат пределами от I до III вв. н. э., имеющее принципиальное значение для датировок гандхарской скульптуры и архитектуры, обоснован стратиграфией Буткары Д. Фаченна (см.: Faccenna, 1974; на с. 176—библиография предшествующих публикаций).

[27] Зеймаль Т. И. 1975, с. 267—269.

спорны: одни исследователи относят их к III — первой половине IV вв. (до появления кидаритов), другие — к IV—V вв. Таким образом, датировка самого клада и керамического комплекса может быть сдвинута вверх по крайней мере на сто лет против той, которую предлагает Т. И. Зеймаль.

Слои Яван-II и III содержат монеты Васудевы I, Канишки, Сотера Мегаса. В связи со слоем Яван-II упомянута находка оттиска на фрагменте с изображением кушано-сасанидского правителя. Обстоятельства его залегания неясны, причем он мог попасть из более позднего горизонта при строительных работах, откопке котлована, ям и пр., и сам по себе еще не датирует всего комплекса. Тем не менее на основе этого объекта слой Яван-II Т. И. Зеймаль также относит к IV—V вв. Однако несколькими фразами выше она синхронизирует периоды Яван-II и III с периодами Кобадиан II—III—IV, для которых предлагает более раннюю дату, III—IV вв.[28]

Слой Яван-IV связан с медными монетами из группы подражаний Гелиоклу, датировку каковых («если учитывать время не только их выпуска, но и обращения»[29]) автор относит к I в. до н. э. — I в. н. э.; в числе ведущих керамических форм — двуручные кувшины с прочерченным орнаментом и сосуды на трех ножках. Период Яван V, для которого типичны «миски на ножке с полусферическим туловом и отогнутым наружу краем», дал фрагмент хума с греческой надписью (бактрийское имя). В самом нижнем слое Яван-VI миски на ножке и близкие им по форме бокалы с колоколовидным туловом. Все три слоя Яван-IV—V—VI датируются автором I в. до н. э. — I в. н. э.

Не видя упомянутых сосудов из слоев Яван-V—VI, мы лишены возможности о них судить, хотя «бокалы с колоколовидным туловом» известны в греко-бактрийских слоях Ай-Ханум III—II вв. до н. э., а греческая надпись тоже, как будто, взывает к греко-бактрийскому времени, поскольку во времена обращения монет подражаний Гелиоклу на них уже отмечается искажение знаков греческого алфавита. Вместе с тем нет никаких данных для утверждения, будто указанная группа монет еще ходила на протяжении всего I в. н. э. Их появление, возможно, восходит к последней четверти II в. до н. э., когда после завоевания Бактрии юеджами появилась нужда в денежном обращении, но еще не были выработаны собственные монетные типы. Они ходили в I в. до н. э. и, может быть, какое-то время в начале I в. н. э. до появления при Кадфизе I массовых эмиссий так называемого Сотера Мегаса, но не далее. Но даже при предложенной Т. И. Зеймаль датировке остается неясным, куда же исчез в истории кушанских городищ Южного Таджикистана весь II век?... Не потому ли это случилось, что доводы автора строятся в угоду запрограммированной концепции, отраженной в заключительной фразе о принятии «позднего варианта кушанской абсолютной хронологии»[30] (т. е. очевидно, НДК=278 г.)?

Вызывает глубокие сомнения и вывод, будто период со II в. до н. э. по I в. н. э. археологически представлен преимущественно кочевнической культурой. Мы видим, что именно в данный период возникает обширный Нижний город Дальверзинтепе, его фортификация и значительная внутренняя застройка. Была в эту пору и хорошо налаженная ирригационная система, без которой вся округа Дальверзинтепе превратилась бы в болота. Культурные слои с монетами «варварского Гелиокла», сопутствующие архитектурным строениям и керамике чисто городского, а отнюдь не кочевнического типа, отмечены на многих городищах Северной Бактрии. Да и в могильниках кочевников (например, в Тулхаре) находятся сосуды городского гончарства. Если в пору сако-юеджийских завоеваний в жизни городов и был перерыв, то недолговременный, и I век до н. э. уже ознаменован в Бактрии новым подъемом городской культуры.

Но возвратимся к Дальверзинтепе. Вехи его истории, обрисованные выше на основе археологических данных, бросают свет на некоторые более общие проблемы истории бактрийских или еще шире — среднеазиатских античных городов.

Бактрию периода греко-бактрийских царей именовали «страною тысячи городов». Древнейшая часть Дальверзина входила в число этой округленной «тысячи». По-видимому, все же данный эпитет связан с Бактрией времен включения в состав Греко-Бактрийского царства загиндукушских территорий вплоть до долины Инда. К тому же, в большинстве это были не крупные города, подобные Бактрам (Бала-Хисар в Балхе) или Ай-Ханум, а городки, аналогичные раннему ядру Дальверзинтепе и Кале Термеза.

По археологическим данным, греко-бактрийская основа заложена в Кале Термеза (площадью лишь в 10 га), Кухне-Кала, Айртаме (все в северной Бактрии), Дильберджи-

[28] Зеймаль Т. И., с. 269.
[29] Там же, с. 268.
[30] Там же, с. 269.

не, Джигатепе и Емшитепе (в южной) и, вероятно, в ряде других городищ.

Бурно растут бактрийские города в эпоху Кушан. Дальверзинтепе, став столицей юеджей, разрастается и обводится новыми стенами раньше многих других, еще в раннекушанский период. Но в основном расцвет городов и, в частности, осуществление огромных работ по созданию городских ограждений, приходится на время Великих Кушан. Так, Бактры-Балх, далеко перешагнув за пределы ахеменидского — греко-бактрийского ядра, захватывают территорию до 800 гектаров, которая обводится могучими стенами; площадь Термеза, также охваченная кольцом новых стен, достигает 500 гектаров.

Когда кушанские столицы смещаются из Бактрии на юг, Дальверзинтепе сохраняет значение главного города на среднем течении Сурхандарьи, где пребывал правитель области, принадлежавший (судя по скульптурам из буддийского святилища на Дальверзинтепе) к кушанскому дому.

В этот период в Сагании заметно расширяется зона орошаемых под сельское хозяйство земель. В предгорьях используют выходы горных саев. Разведками нашей экспедиции выявлены, например, кушанские поселения городского типа у Бандыхана (Ялангтуштепе) и в Миршаде (Тарагайтепе). Но в основном земледелие процветает в речных долинах, где обеспечивается водами Сурхандарьи и ее притоков (Каратаг, Тупаланг, Кизилсу). Искусственное орошение осуществляется системой каналов, выведенных из этих рек. Бурные в пору таяния снегов, они требовали устройства ограждающих дамб, предохранявших от затопления пониженное левобережье, у которого, в частности, располагались Дальверзин, Халчаян, Исмаилтепе и многие другие крупные кушанские города.

Создание грандиозных ирригационных систем, возведение вокруг городов мощных оборонных сооружений с массивными стенами, башнями, рвами — все это было под силу лишь могучему, централизованному государству. Какой социальный строй обеспечивал его мощь — этот вопрос до сих пор остается предметом жарких дискуссий среди историков, усматривающих в нем то рабовладение, то феодализм, то «азиатский способ производства» (термин сам по себе являющийся темой бесконечных споров), то (столь же неясный) дофеодальный строй.

Археология в этом плане не может предложить прямого ответа, она дает косвенные указания на те внешние «вещные» приметы, которые хотя и не отображают отношения социальных групп к средствам производства, но в известной мере характеризуют черты организации труда, а главное — его конечный итог.

Обратимся к сравнениям. Феодальная империя Тимура не уступала своими размерами кушанской, при нем осуществлялись значительные работы по возведению оборонных стен вокруг Самарканда и Шахрисабза, а при его преемнике Шахрухе были восстановлены укрепления Герата, выведены стены Нового Мерва. От более раннего времени сохранились средневековые стены вокруг Газни и сельджукского Мерва. Но все они не выдерживают сравнения с оборонительными стенами античного Мерва, Балха, городищ Ай-Ханум, Кухне-Кала, Дальверзинтепе, Беграма, Дильберджина, которые превосходят средневековую фортификацию мощью многометровых по толщине кладок, многочисленных башен, огромных привратных сооружений.

Изучая фортификацию древнего Хорезма, С. П. Толстов справедливо отметил существенные различия в системе укреплений городищ I—III вв., с одной стороны, и V—VII вв. — с другой. Стены последних не так массивны, число башен резко сокращается, квадратная форма их сменяется округлой, количество бойниц не столь велико. Тот же процесс отмечен нами в южном Туркменистане (область восточной Парфии в античное время, восточного Хорасана в средневековье).

Сходная картина предстает и в памятниках Бактрии. Характерны в этом отношении два рядом расположенных городища у с. Гарчикак в северной зоне Балхского оазиса—Комсар и Джабартепе[31]. Оба они в разное время были центрами области — первый представляет остатки кушано-бактрийского города, второй датируется VI—VIII вв. Комсар — это очень крупный город с сильной цитаделью, обведенный толстыми стенами со множеством прямоугольных башен. Джабартепе невелик по размерам, заключает внутри замок-кешк и периметральную застройку; он тоже обведен стеной, на которой закреплено лишь несколько узлов обороны: привратный бастион, башни на углах и на одном из фасов еще две промежуточные башни. Число таких примеров можно значительно умножить.

Утрата масштабов и принципиальные изменения системы обороны населенных пунктов находились, несомненно, в прямой связи с какими-то существенными видоизменениями как социальной структуры общества, так и методов ведения боя, то есть организации армии, что, в конечном счете, также связано с изменением социальных форм.

---

[31] Обследованы автором в 1972 г. во время работ Советско-Афганской археологической экспедиции.

Возведение стен, аналогичных дальверзинтепинским, комсареким, еще более мощным в Балхе, присущее всем значительным городам Кушанской Бактрии, было возможно лишь при использовании огромного количества рабочей силы. В средневековье строительство оборонных стен, которое в основном ложилось повинностью на население самих городов и их округи, в большинстве отмечается поспешным, даже небрежным выполнением, с неоднократными починками отдельных участков. В античный период, судя по дошедшим до нас памятникам, дело обстояло иначе.

При изучении бактрийских, маргианских, хорезмийских укреплений обращает внимание профессиональная точность разбивки плана на местности, строгое распределение узлов обороны, единовременность возведения обвода городских стен, тщательность изготовления строительных материалов и выполнения строительных работ. В создании этих грандиозных оборонительных сооружений должны были участвовать специалисты по полиоркетике и фортификации и опытные зодчие. Выполнение же таких работ, на которые расходовались миллионы штук сырцового кирпича и десятки тысяч тонн битой глины-пахсы, требовало не только хорошо продуманной организации труда, но и огромного числа рабочих рук, подчиненных направляющей воле архитектора и главного административного лица. Силами самих горожан и городских строительных корпораций, как это практиковалось в средние века, осуществить такие работы было бы невозможно. Естественно предположение о применении даровой рабской силы, использование которой обеспечивало возможность столь грандиозных, государственного размаха строительных работ. В средневековье оборонное строительство подобного масштаба в Средней Азии уже не встречается даже в системе крупных феодальных государств. Оно могло протекать лишь в условиях совершенно иной социальной системы.

Косвенным показателем существенных социальных изменений, происшедших в середине I тысячелетия н. э., служит то, что мы бы назвали иным археологическим ландшафтом. При тотальном обследовании Сурхандарьинской области Э. В. Ртвеладзе выявил свыше сотни больших и малых городищ и поселений кушанского времени. Их характеризует компактность плана, в большинстве правильный контур и значительное накопление археологических слоев, образующих целостные массивы — тепе. Раннесредневековых памятников предарабского периода оказалось значительно меньше и это не столько городища, сколько замки, образующие тепе «столового» типа, притом нередко основанные на античных руинах, преобразованных в род высокой платформы. Памятники мусульманского средневековья представлены здесь немногочисленными городищами, также в ряде случаев сложившимися на более древней основе. А между тем арабские авторы сообщают об огромном количестве селений в долине Сурхана: образным выражением этого служила поговорка, что-де густота их между Чаганианом и Термезом была такова, что кошка могла бы пробежать по крышам и дувалам, ни разу не спрыгнув на землю. И действительно, при распашке колхозных полей там и здесь попадаются средневековые жженые кирпичи, черепки глазурованной посуды, осколки стекла, но следов плотной застройки нет. Преобладающим видом населенных пунктов здесь была деревня с рассредоточенной застройкой усадебного типа, также существенно отличной от компактных сельских поселений античного времени. Города же поры развитого средневековья, по-прежнему теснейшим образом связанные с сельской округой, как бы растворялись в ней.

Таким образом «археологический ландшафт» в своих очертаниях отображает некие существенные видоизменения социальной основы общества, породившей в той же самой естественно-географической среде иную систему расселения и бытия в эпоху античности и в средневековье.

Дальверзинтепе проливает некоторый свет на принципиальный исторический вопрос о социальном кризисе IV—V вв., который признается одной группой советских историков и отвергается другой. Существо его сводится опять-таки к спору о характере общественных формаций на среднеазиатском (или шире — Среднем) Востоке. Анализ дискуссии не входит в нашу задачу. Проследим, однако, какова же археологическая картина на Дальверзинтепе и других памятниках Северной Бактрии в канун и после падения государства Великих Кушан.

На Дальверзинтепе этот период отмечен резким сокращением заселенной зоны. Культурные слои с монетами Васудевы I еще отмечают полнокровную жизнь крупного города, слои с монетами Васудевы II — заброс многих сооружений, слои с монетами кушано-сасанидского чекана — резкий спад городской жизни. В городе, где при Кушанах нехватка участков определила большую плотность городской застройки, появляются пустыри; богатые жилые дома и дома рядовых горожан покинуты, некоторые из них становятся местами свалки; укрепления не ремонтируются —

на это нет ни рабочей силы, ни материальных средств, стены Нижнего и Верхнего города оплывают.

Аналогичное явление отмечено нашей экспедицией на ряде других кушано-бактрийских памятников. Халчаян — крупный город с дворцом саганианского дома кушанов после Васудевы II прекращает свое существование[32]. То же наблюдается в Айртаме — большом поселении городского типа на правобережье Амударьи. Другой приамударьинский пункт— Хатын-Рабат — в кушано-сасанидское время постепенно угасает. На Шортепе (к западу от Термеза) из полусотни вскрытых помещений компактной верхней застройки, датируемой монетами Васудевы I и II, в кушано-сасанидское время используются лишь некоторые.

Резкое сокращение жилой зоны характерно в кушано-сасанидский период и на городище Дильберджин. Особенно нагляден здесь полный упадок фортификации. Осуществляя раскопки у главных городских ворот, мы выявили мощное привратное сооружение, которое дважды усиливалось в правлении Великих Кушан (последний раз при Васудеве I); в кушано-сасанидское же время оно (как и вся фортификация Дильберджина) утрачивает свои оборонные функции, стены оплывают, галереи и стрелковые камеры главного бастиона частью забиты мусором, частью используются под хранилища-хумханы и для других бытовых целей.

Если бы отмеченная картина упадка, а иногда и гибели античных населенных пунктов в III—IV вв. была лишь результатом военных действий при сасанидском завоевании Бактрии, то после этого завоевания жизнь опять должна была бы войти в колею. Но в том-то и дело, что даже в системе набиравшего силы централизованного государства Сасанидов одни из этих пунктов вообще не возрождаются, другие же, хотя и не погибают, но хиреют, жизнь не замирает, а лишь теплится. Так было и с Дальверзинтепе. Его упадок определяли не внешние военные действия, но какие-то общесоциальные причины внутреннего порядка: налицо именно всеобщий кризис, проявление которого археологически запечатлено в вещественных остатках большинства античных среднеазиатских городищ.

Вместе с тем подчеркнем, что говоря об «античности» применительно к Средней Азии, мы берем это понятие не в плане социально-экономического строя — эта проблема остается за историками, но как особый тип культуры, отличной от предшествующей ей древней (уже не архаичной в эпоху бронзы и раннего железа) и от пришедшей на смену средневековой.

[32] Кругликова, 1974, с. 98—99.

Б. Черты градостроительного искусства и архитектуры Дальверзинтепе

Градостроительная система. Археологическими исследованиями на землях Южного Узбекистана, Таджикистана, афганского Туркестана уже заложена солидная база к познанию градостроительства и зодчества Бактрии. Изучение этой проблемы пополнилось и работами на Дальверзинтепе.

Маршрутными отрядами нашей экспедиции на территории Сурхандарьинской области УзССР выявлены многие античные города, городки и селения. Большинство из них слагается и постепенно разрастается с подчинением застройки определенному плану, с учетом правильной конфигурации ограждающих стен, соблюдением единого или во всяком случае близкого направления осей[33].

Среди наиболее значительных и, как правило, хорошо укрепленных городов выделяются Дальверзинтепе на среднем течении Сурхандарьи, Исмаилтепе и Ялпактепе близ Джар-Кургана, Термез на правобережье Амударьи, Зартепе в Ангорском районе, Джандавляттепе в Ширабадской долине. Каждый из них, очевидно, был главным административным, военным, торгово-ремесленным центром определенного административного округа, в непосредственном подчинении которому находились прочие населенные пункты данного района. Здесь пребывали губернаторы, состоявшие в непосредственном подчинении центральной власти греко-бактрийских ли, кушанских ли царей, причем сами они были, видимо, связаны узами родства с правящей династией. Во всяком случае в Саганиане при Кушанах правили представители кушанского дома, о чем свидетельствует скульптура из халчаянского дворца и из дальверзинского святилища буддистов. В этих главных областных центрах пребывал чиновный аппарат и стоял крупный гарнизон, вероятно, осуществлявший не только военную, но и внутреннюю полицейскую охрану.

Дальверзинтепе показывает, что города этого рода в кушанское время были густо заселены и плотно застроены. Они хорошо укреплены и подготовлены к возможности долговременной обороны — крепостные стены и рвы обводят их по периметру, нередко имеется цитадель.

[33] Пугаченкова, 1966а, с. 14 сл.; Ртвеладзе, Хакимов; Ртвеладзе, 1974.

Градостроительно-планировочная структура Дальверзинтепе обрисовывается пока лишь в своих основных чертах. В ней выделяются оформившийся ранее всего и унаследовавший неправильную конфигурацию первоначального населенного пункта Вышгород и правильный прямоугольник Нижнего города. Пригорода как такового нет, но имеются лишь отдельные загородные постройки и кладбища. Микрорельеф внутри Нижнего города обрисовывает изломы улиц, разделяющих кварталы, однако длинных и прямых магистралей и строгой уличной сети нет. Но это отнюдь не признак градостроительного примитива или хаотичности планировки. Раскопки показывают, что в пределах внутриквартальной застройки существует продуманная взаимосвязь сооружений, параллельность главных осей, более того — даже в различных участках города соблюдается параллельность застройки направлению городских стен, которому, следовательно, подчинялись и оси улиц. Сами улицы шли с переломами, поворотами, к ним примыкали проулки и тупики. Но это было обусловлено не только произволом частновладельческой застройки. Подобная система была оправдана в древности соображениями обороны, чему имеется авторитетное свидетельство Аристотеля: «Расположение частных домов по улицам считается более красивым и более полезным в интересах житейского обихода тогда, когда улицы идут прямо, по новейшей моде, т. е. по Ипподамову способу. Для безопасности же в военном отношении, наоборот, лучше тот способ распланировки города, который существовал в старину. Эта распланировка была такова, что при ней с трудом могли найти выход из города наемные войска, а нападающим на город трудно было в нем ориентироваться»[34].

Высказанные греческим философом соображения объясняют, почему на Дальверзинтепе бактрийские строители регулярной разбивке предпочитали усложненное (но отнюдь не хаотическое) расположение кварталов и площадей и изломанную сетку улиц.

В микрорельефе городища отчетливо видны также западания рельефа — обычно подквадратной формы, со скругленными, благодаря оплывам, углами. Некоторые из них отмечают местоположение городских площадей, другие, наиболее глубокие — общегородских бассейнов — хаузов.

При сравнении с Дальверзином Халчаян дает пример иного градостроительного решения. Здесь господствовала более свободная планировка. Она определялась сочетанием функций собственно-городского и сельскохозяйственного населения. Город тянулся вдоль русла главного питающего канала, где преобладали усадьбы, утопавшие в зелени садов и виноградников, но в нем имелось охваченное сильными стенами укрепление (Карабагтепе), а также особый квартал — вилла правителя Саганиана с дворцом, жилыми постройками, службами и, очевидно, с прилегающим парком. Внешней стены вокруг Халчаяна не обнаружено, но если даже она полностью исчезла при распашке полей, едва ли она имела правильную форму, а скорее всего следовала по контурам внешних усадебных участков.

Вообще же в Северной Бактрии нередки поселения городского типа, лишенные внешних укреплений. Так, их нет в Айртаме — весьма значительном прибрежном пункте, протянувшемся свыше полутора километров вдоль Амударьи[35]. Нет валов и вокруг крупных населенных пунктов сельскохозяйственного профиля в Хатын-Рабаде, Культепе, Бараттепе и др.[36] В тревожные дни осад население могло укрываться в цитаделях (Халчаян), за сильными стенами буддийского монастыря (Айртам), либо укрепленного дворцово-административного комплекса (Хатын-Рабад).

Градостроительству на Дальверзинтепе присущи элементы коммунального благоустройства. Здесь имелись внутриквартальные водоемы; осуществлялся отвод за черту города атмосферных и бытовых вод. На раскопе Дт-5, значительно глубже раскопанного нами слома, оказалась система кобуров. Линия их на вскрытом участке идет с надломом в сторону западной крепостной стены, откуда, очевидно, воды сбрасывались в ров. Звенья кобуров, нанизанные друг на друга, весьма значительны — от 80 до 93 *см* в длину при диаметре 30—42 *см*. Вероятно, на определенных участках города были поглощающие устройства, связанные с такого рода подземными дренажами. Напомним, что аналогичная система выявлена в Ай-Ханум[37] и в Сиркапе Таксилы[38]. На раскопе Дт-4 был также обнаружен трубопровод, но в более высоком горизонте (может быть, и более поздний по времени), состоящий из кобуров небольшого диаметра, следующих параллельно крепостной стене. В двух помещениях дома Дт-5 у пола оказались кобуры, уходящие под стену и отсюда за ее пределы. Для отвода сточных вод из бани дома Дт-5 через хозяйственный дворик к кол-

[34] Аристотель. Политика. VII, II. В кн.: Античные мыслители об искусстве, М., 1937, с. 26.

[35] Тургунов, 1973. 1974.
[36] Исследования УзИскЭ 1963—1970.
[37] Bernard, Le Berre, p. 35, pl. 42.
[38] Marschall, 1951, t. II, p. 429, t. III, pl. 21-c.

лектору шла полуоткрытая канавка, обложенная по дну и по бокам плитками жженого кирпича (подобные устройства также известны в Таксиле)[39].

Дальверзинтепе свидетельствует, что жилые кварталы бактрийских городов формируются по социальному признаку: центральный район застроен домами богатой городской верхушки, дома горожан средней руки в основном располагались на окраинных участках, дома ремесленников — близ производственных кварталов.

В тех случаях, когда здание возводилось в черте города на естественном всхолмлении, строители не тратили времени на полную нивелировку строительной площадки, но подчиняли план перепаду рельефа, располагая полы в разных уровнях, которые связывались в проходах ступенями (Дт-5, мастерские Дт-*9*).

При постановке домов учитывалось направление господствующих ветров. Поскольку в долине Сурхандарьи они дуют с севера на юг, реже — с юга на север, дома обращены на эти стороны глухими фасадами, которые вдобавок в ряде случаев стремились сомкнуть (так, в квартале богатых домовладельцев стены домов и дувалы дворов Дт-5, Дт-6, Дт-12 выведены смежно друг к другу). Входные же айваны зданий Дт-5, Дт-6, Дт-7, храма Дт-9 ориентированы на восток. Это, несомненно, также было связано с учетом оптимального микроклимата в переднем дворе, так как западная ориентация в теплое время года (а оно преобладает в Бактрии) создавала бы чрезмерный перегрев.

Ремесленный сектор был расположен в южной зоне Дальверзинтепе, опять-таки с учетом направления господствующих ветров, которые относили дым от главной зоны жилья. В селениях же сельского профиля эти соображения не принимались во внимание — в Хатын-Рабаде, например, несколько керамических печей и мастерская по обработке камня находятся близ административного архитектурного комплекса[40]; в Айртаме гончарная печь входила в хозяйство буддийской общины и расположена близ ступы и других монастырских строений[41]; в Культепе печи устроены несколько в стороне от остального селения, возможно, близ места добычи гончарной глины и удобной доставки воды[42].

Здания культовой архитектуры входят важным слагаемым в застройку бактрийско-кушанских городов, свидетельства чему уже дают многие исследованные бактрийские городища. Храм греческих богов расположен в центральном секторе Ай-Ханум[43]. В Дильберджине храм Диоскуров (впоследствии преобразованный в шиваистский храм) занимает большой северо-восточный отдел города[44]. В кушанское время в культовом зодчестве видную роль начинают играть буддийские комплексы. В Айртаме один из монастырей господствовал во всем его силуэте, второй, располагавшийся к востоку, также выделялся объемами своих строений[45]. В Термезе главный монастырский ансамбль частично венчал холм Каратепе, частично сбегал по его склонам и частью уходил в скальную породу[46]. Два других монастыря с большими ступами — Фаязтепе[47] и Зурмала[48] высились в северо-восточной и северо-западной частях города.

На Дальверзинтепе небольшой буддийский комплекс со святилищем, украшенным великолепной скульптурой, обнаружен пока лишь в загородной части. Между тем здание Дт-7 и храм Дт-9, связанные с культом Великой бактрийской богини, высятся в северном и южном отделах города внутри его крепостных стен. Оба они невелики и имели местное значение, возможно обслуживая лишь зону прилежащих кварталов. Открытие главного городского храма на Дальверзинтепе, как нам представляется, еще впереди. В загородной зоне находились некрополи. В Айртаме могильник обнаружен в полутора километрах от заселенной площади. На Дальверзинтепе кладбище сложилось за северной городской стеной в 200—400 *м* и дальше, причем здесь имелись особые мемориальные сооружения типа науса Дт-14.

Специфическую черту бактрийско-кушанских городов, как нам уже приходилось отмечать, составляла их органическая связь с сельскохозяйственными функциями района[49]. Даже в таких больших городах, как Дальверзинтепе, сады и поля начинались за городскими стенами; здесь отмечены лишь одиночные усадьбы и обнаружена винодельня, располагавшаяся, очевидно, прямо среди виноградника. В Халчаяне вне цитадели преобладала усадебная застройка, где выделялось лишь парадное карре царской виллы. Примером огромного хозяйственного комплекса с компакт-

---

[39] Marschall, 1951, t. II, p. 118; t. III, pl. 21—d.
[40] Пугаченкова, 1973, с. 97.
[41] Тургунов, 1974, с. 13 и сл.
[42] Обследование Культепе проводилось УзИскЭ в 1968—1969 гг.
[43] Bernard, 1969, p. 327, и сл., 1970, p. 317 с.
[44] Кругликова, 1974, с. 16 и сл.
[45] Тургунов, 1973, с. 52 и сл.
[46] Каратепе, I—IV.
[47] Альбаум, 1974.
[48] Пугаченкова, 1967, с. 257 и сл.
[49] Пугаченкова, 1966 а, с. 257.

ной застройкой, лежавшего среди полей и садов, является Шортепе в Ангорском районе[50].

Архитектура: материалы и конструкции, архитектурные композиции и формы. Огромные масштабы строительства в античной Бактрии выдвигали перед строителями ответственные задачи — строить много, быстро, капитально, экономично, а в тех случаях, когда здание возводилось по заданию высших классов, власть придержащих и жречества,—строить парадно, с расчетом на силу эстетического воздействия архитектурных форм и убранства. Забегая вперед, отметим, что во внешнем оформлении зданий декор не играл существенной роли — главный эффект достигался масштабами архитектурных масс, соразмерностями общих форм и членений, тщательной разработкой деталей.

Многое в общем строе и стиле бактрийской архитектуры определял ее ведущий строительный материал — лесс. Подобно тому как греческое зодчество в его наивысших достижениях слагается в мраморе, лесс обусловливает ведущие черты монументальной архитектуры античной Средней Азии: конструкции и архитектонику, фактуру и цвет материалов.

Лесс — желтотемный суглинок, покрывающий почти все равнины и предгорья Бактрии (за исключением лишь ее песчаных пустынь), представляет обычный и притом даровой строительный материал. Он прост в обработке, требующей лишь отмучивания примесей; пластичен, послушно принимая нужную форму; он нетеплопроводен и морозостоек; долговечен, если оберегать его регулярными глиносаманными смазками (кегель) от воздействия влаги и обеспечивать от подтягивания почвенных солей; хорош для изготовления обжиговых материалов (кирпич, терракота); имеет красивую желтоватую фактуру.

Основные лессовые материалы в постройках Дальверзинтепе те же, что и во всей бактрийской архитектуре.

Пахса — плотно утрамбованная глинобитная масса, выкладывавшаяся всырую рядами (высотой 35—80 *см*), реже — блоками (наус Дт-14, размеры 55×45, 60×24, 40×24).

Сырцовый кирпич изготовлялся с помощью деревянных форм из тщательно промешанного и, видимо, предварительно промытого, отмученного в творильной яме, лесса. В глину нередко введены добавки рубленой соломы (саман) или верблюжьей колючки (янтак). Кирпич обычно квадратный. В кладках арок и сводов применялись также прямоугольные (половинные) кирпичи, клиновидные и особые лекальные — в виде крупного прямоугольника с вынутой по-сырому четвертной выкружкой: смыкаясь парами, такие кирпичи образуют отрезок полуовального сводика.

Размеры квадратного кирпича колеблются, достигая в максимуме до 45 *см*, и минимально 30 *см*, при толщине от 14 до 9 *см*. Наиболее ходовые размеры, однако, 39—40, 34—36, 31—32 *см* в стороне при толщине 10—12 *см*.

Единого стандарта размеров сырца не существовало не только в разных районах Бактрии, но и в пределах единой эпохи: в кладках одной постройки встречаются кирпичи со значительным колебанием размеров. В силу этого попытки обоснования датировок сооружений по тому или иному размеру кирпича несостоятельны[51]. Можно лишь отметить постепенную тенденцию уменьшения размеров, которые в позднекушанском строительстве сокращаются до 30—32×30—32×9—10 *см*.

Сводные таблицы размеров сырцовых кирпичей из северо-бактрийских построек, имеющих более или менее уточненные датировки, нами уже публиковались[52]. Таблица размеров сырца и жженого кирпича из построек Дальверзинтепе дана в приложении (см. табл.).

Специфическую особенность сырцовых кирпичей в античной архитектуре Средней Азии составляло проставление на них крупных знаков — клейм (рис. 123). Они выполнялись еще на майдане, по-сырому, пальцем или широкой палочкой и имеют массу разнообразных вариантов — от самых простых (в виде одной либо двух черт, подразделяющих кирпич пополам), до сложнофигурных, иногда напоминающих знаки письма. В процессе кладки постель с клеймом была обращена вниз — демонстрировать их на всеобщее обозрение, почему-то не полагалось. Вопрос о значении этих меток на кирпичах является предметом дискуссии — на ней мы уже останавливались в связи с исследованиями Халчаяна[53].

---

[50] Пугаченкова, 1973 б, с. 96, рис. 16—17.

[51] Так, Л. И. Альбаум на основе размера сырцовых кирпичей 40×40×12 см из ремонтной закладки внутристенного каземата Дальверзинтепе и аналогичных по размеру кирпичей на Хайрабадтепе, в одном из которых оказалась монета Сотера Мегаса, соответственно датирует и упомянутую закладку (см. Альбаум, 1966, с .63). Между тем сырец такого формата известен в бактрийских постройках уже с III—II вв. до н. э., например в Ай-Ханум (Bernard, 1973, p. 7) и *применяется иногда в строительстве времени Великих* Кушан (например, восточная ступа II в. н. э. в Айртаме). На Дальверзинтепе он встречается в сооружениях от I в. до н. э. до II в. н. э. включительно (см. таблицу).

[52] Пугаченкова, 1963, с. 74; 1966 а, с. 126—127.

[53] Пугаченкова, 1963, с. 75, сл.; 1966 а, с. 129 сл., там же ссылки на предшествующие публикации по этой проблеме.

Существо основных гипотез сводится к следующему: 1) метки на кирпичах представляют родовые знаки враждующих кланов (С. П. Толстов). Но этому противоречит применение кирпичей с однотипными, притом разнообразными знаками в различных зданиях. 2) Эти знаки — не что иное, как искаженные греческие буквы (С. Г. Певзнер, Е. Е. Кузьмина). Действительно, некоторые из них напоминают отдельные буквы греческого алфавита, но еще больше встречается чисто графических меток, ничего общего с какой-либо письменностью не имеющих. 3) Это метки мастерских, поставлявших сырец на строительство и служивших их «фирменными» знаками (М. М. Дьяконов, М. И. Филанович), либо отмечавших счет выполненной в данной мастерской партии кирпича (В. Л. Воронина). С данной гипотезой не согласуется то обстоятельство, что на кирпичах небольших по своим размерам зданий Халчаяна обнаружено до десятка различных клейм — невероятно, чтобы на их возведение сырец поставляли из десяти мастерских. И, наоборот, на разных участках огромных городских стен Дальверзинтепе оказалось очень ограниченное число вариантов однородных клейм, то же отмечено нами на оборонительных стенах Дильберджина (в Южной Бактрии).

Рис. 123. Кирпичи с клеймами.

Нами предлагалось иное объяснение: клейма на античных сырцовых кирпичах служили, на наш взгляд, личными знаками работников (вероятно рабов, но может быть и наемных чернорабочих), изготовлявших сырец[54]. Проставление их позволяло надзиравшему за этим делом административному ли лицу, хозяину ли строящегося дома легко вести учет выполненной работы. Эту интерпретацию ныне мы считаем возможным несколько развить. Сами метки могли быть и тамгой, и буквой алфавита, и просто условным знаком, их могли себе выбрать сами работники, мог и назначить хозяин. И если в небогатом доме дальверзинского ремесленника Дт-2 меток на кирпичах нет, а имеется лишь простая черта, удобная при необходимости разделить кирпич пополам — то это потому, что сама семья занималась заготовкой сырца. При выполнении же кирпичей для построек царской виллы в Халчаяне было, несомненно, привлечено большое число чернорабочих (скорее всего — рабов царского хозяйства) и потому-то в кладке такое разнообразие клейм.

Но почему столь ограничено число клейм на кирпичах оборонительных стен Дальверзинтепе и Дильберджина? Объяснение этому, думается, в государственном характере работ по их возведению, где при изготовлении сырца персональный учет труда огромной массы поставленных на это дело людей роли не играл; здесь фигурное клеймо на кирпичах — не индивидуальная метка, но государственный знак, когда отчет за количество шедшего на строительство материала возлагался на ответственное за это дело административное лицо.

Стены зданий на Дальверзинтепе возведены из пахсы, из сырца на толстом слое глиняного раствора, смешанной сырцово-пахсовой кладкой, а в подсобных надворных постройках использовались также тонкие глино-каркасные стенки. Фундаментов, как таковых, нами не обнаружено: иногда лишь сами стены несколько заглублены в проложенный для них котлован.

Наружные стены больших домов и особенно их центральных залов — михманхана (дома Дт-5 и Дт-6) имеют значительную толщину — 2,2—2,5 *м*. Объясняется это двумя причинами: во-первых, толстые стены обеспечивали тепловой режим здания — сохранение прохлады в летнее время и тепла очагов зимой. Во-вторых, они являлись несущей основой для перекрытий. А так как архитектурный объем михманханы возвышался над кровлями окружающих ее помещений, то в данном уровне на

[54] Пугаченкова, 1963, с. 75 и сл.; 1966 а, с. 129 сл. Эту точку зрения (без ссылки на нашу интерпретацию) принял и В. А. Нильсен (см.: Нильсен, 1966, с. 212).

стенах михманханы делался отступ, на который укладывались несущие балки этих кровель. Сама михманхана поднималась выше, и ее уменьшенные по толщине стены принимали вес собственного архитравного перекрытия с плоской кровлей.

Поверхности стен обычно оштукатурены глино-саманной смазкой, в интерьерах и айванах поверх нее нередко наносится побелка ганчем.

Жженый кирпич также входит в состав материалов бактрийской строительной техники, но сфера его применения была ограничена. В постройках Дальверзинтепе жженый кирпич квадратной и прямоугольной формы применялся в основном в отмостке полов, подвергавшихся воздействию влаги или требовавших особой прочности. Такова площадка и выносные ступени лестницы в айване жилого дома Дт-5, выступавшей за пределы его перекрытия; таков в этом же здании пол домашней бани. Жженными кирпичами выложено место для возжигания огня в одном из помещений буддийского святилища Дт-1. Отдельные жженые кирпичи встречены на большинстве раскопов. Приводим таблицу размеров кирпичей, зарегистрированных в определенных стратиграфических горизонтах и имеющих таким образом уточненные даты.

Жженые кирпичи на поверхности и в изломе имеют следы большого количества выгоревших растительных добавок; судя по структуре, это были какие-то легко возгораемые кустарниковые растения, возможно, солянки или янтак (верблюжья колючка), которые в подсушенном состоянии дают жаркое и легкое пламя. Введение этих добавок в замес глины обеспечивало хорошее прокаливание внутренней структуры кирпичей, образование же при этом мелких пустот увеличивало прочность.

Из других обжиговых строительных материалов, найденных на Дальверзинтепе, отметим черепичные детали. На раскопах Дт-2 и Дт-9 найдены щитки антефиксов с двумя вариантами оформлявших их пальметт. Применение антефиксов в архитектуре кушанской Бактрии установлено исследованиями нашей экспедиции на городищах долины Сурхана — в Халчаяне, Бараттепе, Культепе[55]. Унаследованная от греко-бактрийского времени[56] эта чисто эллинистическая архитектурная деталь была сохранена здесь не как часть черепичной кровли, но как чисто декоративный элемент, употреблявшийся в венчании краевых свесов плоской крыши (рис. .132).

[55] Пугаченкова, 1973 б, с. 84, рис. 4.

[56] Schlumberger, Bernard, p. 645; Bernard Le Berre, p. 22, pl. 100—101.

В отличие от жженого кирпича структура антефиксов не пористая, без добавок. Это добротная терракота, полученная из хорошо отмученной, плотной глины. Халчаянские находки свидетельствуют о том, что желобчатая часть формировалась на полуцилиндрическом вале, у края ее оттягивался щиток, на которой матрицей оттискивался с лица орнамент, а на тыльной стороне осуществлялась подправка ножом.

В числе терракотовых изделий, связанных с архитектурой, следует упомянуть кобуры — цилиндрической формы, с некоторым сужением одного конца для плотного введения друг в друга отдельных секций (рис. 124, 125). Кобуры применялись для отвода бытовых и сбросовых вод — это система «ташнау», известная в среднеазиатском бытовом благоустройстве. Мы уже упоминали внутригородской ташнау под домом Дт-5, и в самом доме в одном из помещений была обнаружена цепочка кобуров, под стеной, выходящих наружу с наклоном для быстрого стока бытовой воды.

Что касается отопления, то следует отметить отсутствие в бактрийских жилых домах Ай-Ханум, Халчаяна, Саксанохура, как и Дальверзинтепе, каминов для обогрева[57]. Лишь в некоторых помещениях отмечены нишки, но без вытяжной трубы: это нишки для светильников и культовых подставок (некоторые из ниш чисто культового назначения). По-видимому, так же, как это было до недавнего времени в Средней Азии, и в древности для обогрева в основном зимой использовали переносные сандалы, наполненные горячими угольями .

Но возвратимся к строительным материалам. В постройках Дальверзинтепе использовались гипсы и известняки. Подвергнутые обжигу, они шли на изготовление строительных растворов, сфера применения которых, однако, была довольно ограниченной. Известь с примесями, придававшими ей гидрофобные свойства, употреблена в скреплении жженых кирпичей на полах винодельни и бани дома Дт-5. Ганч — среднеазиатская разновидность гипса с естественными примесями леса, который после обжига дает отличный по прочности и чистоте цвета раствор, употреблялся для связи смежных блоков каменных облицовок, но преимущественно на тонкую побелку стен по-

[57] В огромном административном здании на Ай-Ханум обнаружено несколько десятков каминов для обогрева в виде отдельно стоящих конструкций. Однако здесь этот прием связан не с местной, а греческой традицией (см. Bernard, 1969, p. 318, fig. 3; 1970, fig. 7; 1975, fig. 3).

верх глиняной штукатурки. Ганчевая подгрунтовка служила также пигментом под стенопись.

В богатых домах Дт-5 и Дт-6 стены покрыты также меловой побелкой красивого фисташково-зеленого оттенка.

Перекрытия в постройках Дальверзинтепе были балочными и сводчатыми. Своды сохранились в наусе Дт-14 и в топочных камерах гончарных печей в квартале керамистов.

Рис. 124. Большие кобуры под домом Дт-5.

Они выведены из сырца наклонными отрезками; в камерах науса таких рядов до 20, в один кирпич, в топках печей — в один или в полкирпича. Эта традиционная на Среднем Востоке конструкция имела широкое распространение в кушано-бактрийском зодчестве и уже выявлена во многих постройках Северной[58] и особенно Южной Бактрии[59]. Ее преимущества — использование сырцового кирпича, бескружальный способ выведения, возможность перекрытия значительных пролетов (в Дильберджине наибольшие пролеты сводчатых помещений достигают 4,5—5 *м*)[60].

[58] Сырцовые своды и арки в зданиях на Чингизтепе в Термезе (Пиотровский, с. 162 и сл., рис. 90, 91); у с. Еш-Ленинчи в Вахшской долине (Литвинский, Зеймаль, с. 73, рис. 1); в Халчаяне (Пугаченкова, 1963, с. 78, рис. 5; 1966 а, с. 136, рис. 80); в Тешиктепе (Пугаченкова, 1963, рис. 81; 1975 б, с. 85, рис. 5; Нильсен, с. 246, рис. 85); в керамических печах кушанского времени (Пугаченкова, 1973 а, с. 295).

[59] Carl, fig. 1—2. Большое число сырцовых сводов обнаружено при раскопках на городище Дильберджин (напр. Кругликова, 1974, рис. 49—50).

[60] В жилых домах Дт-5 и Дт-7 кушанского времени раскапывавшихся автором в 1972—1973 гг.

Арки входов в камеры науса выложены радиальной кладкой кирпичей — тычком, с треугольными швами меж ними, в глину которых для прочности подоткнуты гальки или фрагменты толстостенной керамики (рис. 126).

Но преобладали в античном саганианском строительстве все же балочные перекрытия. Объясняется это тем, что в ту далекую пору горы Гиссарского, Байсунского и Бабатагского хребтов были еще богаты лесом, который со временем оказался истреблен хищническими порубками и особенно — углежжением для нужд средневековой металлургии. На строительство шли деревья местных лиственных пород — карагач, тополь, но особенно ценилась арча — дерево смолистое и потому не подверженное вредителям, очень прочное и долговечное. Древесные стволы применялись для колонн, пристенных стоек, балочных перекрытий, а ветви шли на накаты для потолков.

В обработке деревянных конструкций парадных зданий участвовали не простые плотники, но мастера пластической резьбы по дереву — они выполняли фигурные капители (Ай-Ханум)[61], наносили рельефную орнаментацию на потолочные балки. Последняя обнаружена на полуобугленных балках перекрытия михманханы жилого дома Дт-5.

Рис. 125. Водоотвод из бани дома Дт-5.

На основе полученных на Дальверзинтепе (еще ранее в Халчаяне) археологических на-

[61] Bernard, 1969, p. 349, fig. 25, 26.

блюдений, а также параллелей, почерпнутых из практики народного зодчества Приамударьинского оазиса, система балочных перекрытий в бактрийской архитектуре предстает в следующем виде.

В айванах на колоннах укладывался несущий прогон; на нем и на щипцовой стене покоились поперечные балочки, на которых, в свою очередь, лежал накат из дощечек, горбыльков или ветвей и сверху толстая глиносаманная кровля, нанесенная поверх прокладки из камыша (следы истлевшего камыша были обнаружены в завалах упавших перекрытий халчаянского дворца и дома Дт-5 на Дальверзинтепе). В помещениях небольшого пролета (до 3—3,5 *м*) та же система, но балочки покоятся на стенах. В обширных помещениях для того, чтобы не продавились и не разрушились под сильной нагрузкой в местах опирания балок сырец или пахса стен, в кладку вставлялись деревянные стойки. Гнезда таких стоек сохранились в домах Дт-6 и Дт-5 (в последнем — также обугленные пожаром древесные остатки их).

При очень значительных пролетах в помещениях устанавливались еще и промежуточные деревянные колонны — на них и на внутристенных стойках укладывались несущие прогоны. Галечные отмостки оснований четырех таких колонн обнаружены в михманхане дома Дт-6 (пролет 11 *м*), а два булыжных основания под колонны оказались в угловом помещении 8 дома Дт-5 (пролет 8,2 *м*).

В михманхане дома Дт-5 при раскопках обнаружено на полу большое число обугливших, рухнувших при пожаре кусков деревянных балок (рис. 127). Они упали так, что местами сохранили свою форму, направление и даже узлы сопряжений с помощью врубок (рис. 128). Конструкция перекрытия реконструируется в следующем виде: на стенах покоилась обвязка из балок и на ней — главные прогоны прямоугольного сечения (около 15 *см* в стороне). На них лежали закрепленные врубками балочки—прямые вверху и полукруглые в нижней своей половине, которые оформляла резьба в виде набегавших лавровых лепестков. Между этими балочками были закреплены доски или плашки толщиной 3—4 *см*. При расчистке обгорелых деталей обращало на себя внимание веерное сопряжение некоторых из балочек и досок под углами 120°, 90°, 45°. Это явно указывает на то, что перекрытие в зале дома Дт-5 представляло кассетный (или «лантерновый») потолок, разделенный прогонами и поперечными к ним балками на квадратные клети, в которые диагонально вписывались один-два сокращающихся квадрата. Такая система имела применение еще до недавнего времени в народной жилой архитектуре Ферганы[62], горного Таджикистана[63], горцев Гиндукуша[64] (подобные потолки носят название «чархана», «чарбурчак», «рузан», «дарбази»). Преимущества конструкции — в возможности рационального использования коротких балочек и их обрезков. При значительном пролете помещений в них устанавливались четыре колонны. Даем реконструкцию перекрытия в доме Дт-5 (рис. 129).

Рис. 126. Арка науса.

Система «дарбази» до сих пор была известна в архитектуре центральноазиатского региона по памятникам не ранее V—VIII вв., притом она зарегистрирована лишь косвенными данными, а именно — декоративным воспроизведением этой конструкции, высеченной в каменной породе (пещеры буддийского монастыря в Бамиане)[65] или в лессе (буддийские монастыри Восточного Туркестана)[66], либо изображенными в расписных плафонах (там же)[67]. Дальверзинтепе впервые дает до-

[62] Писарчик, 1954, с. 271.
[63] Воронина, с. 55; Кисляков, Писарчик, с. 32 сл.
[64] Stein, p. 48; Von Le Coq, 1926, S. 79—80, Taf. 27, 46.
[65] Godard et Hackin, pl. XXXIV, XXXVI; Hack in 1933, pl. XIV, XXXV, XLI. Dagens, pl. 44 сл. fig. 2—7.
[66] Le Coq, 1925, fig. 231—236; 1926, Taf. 39.
[67] Le Coq, 1925, fig. 244.

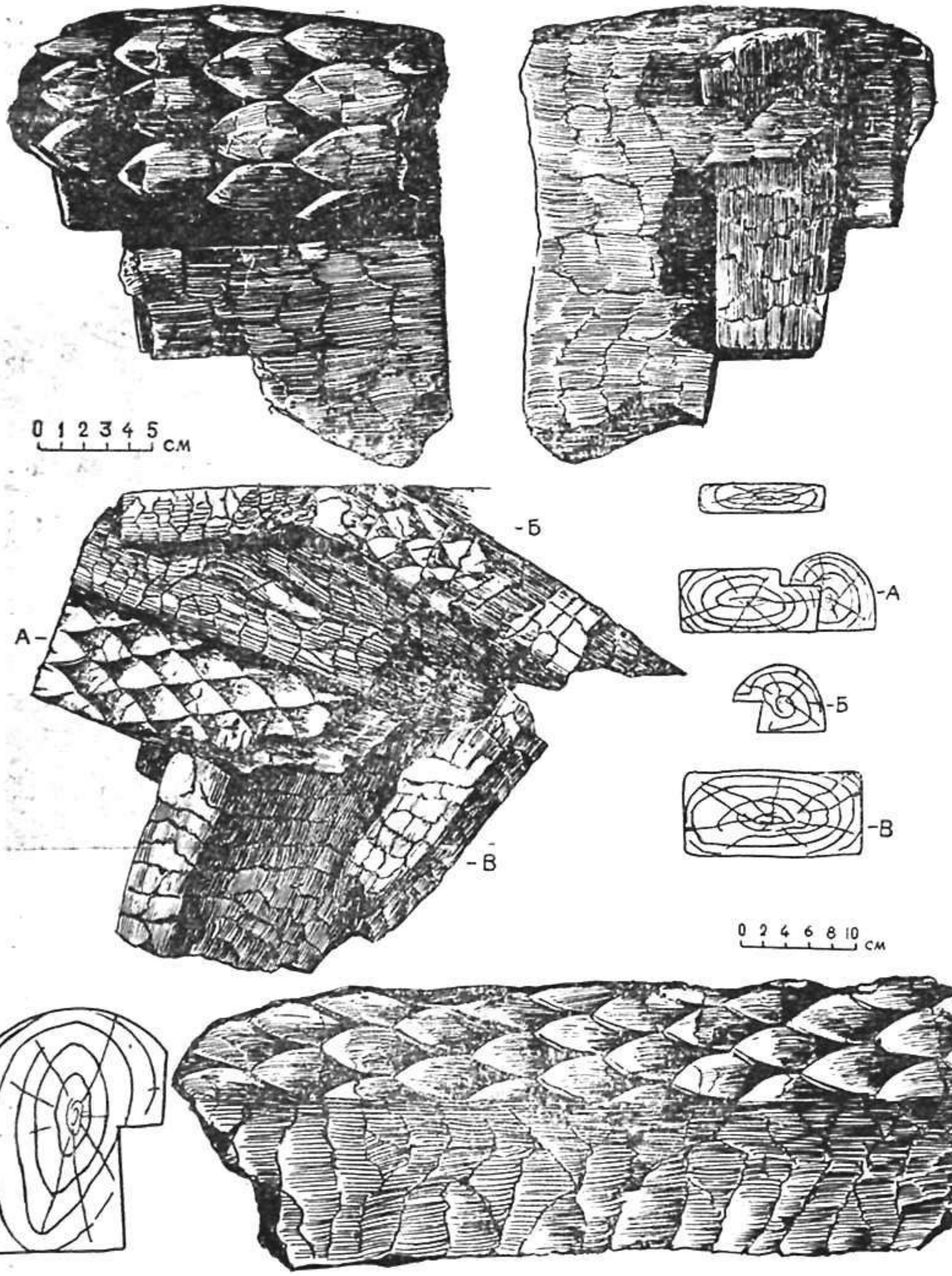


Рис. 127. Обгорелые балки перекрытия в доме Дг -5.

кументальное подтверждение значительно более древнего, восходящего к началу н. э. применения конструкции деревянных кассетных потолков в архитектуре кушанской Бактрии.

В системе архитектурных конструкций бактрийской архитектуры заметную роль играли деревянные колонны. Они, как уже отмечено, составляли элемент входных айванов и большепролетных интерьеров. Данные о формах этих колонн, к сожалению, крайне ограничены. Можно лишь сослаться на обгорелую двухволютную капитель греко-бактрийского времени из храма в Ай-Ханум[68]; исходя из подсчета соотношений диаметра каменных баз и примерной высоты айванов, отметить стройные пропорции этих колонн; опираться на аналогии с традиционными колоннами народной жилой архитектуры в селениях Гиссаро-Байсунских нагорий[69], где характерны, в частности, импостные подбалки с волютами на концах.

Применение *камня* в памятниках Дальверзинтепе весьма ограничено, хотя близлежащие горы очень богаты выходами белых и светло-серых мраморовидных известняков. Данью греко-бактрийской традиции является использование в айванах каменных баз аттической профилировки. В доме Дт-6 они служили опорами деревянных колонн и основанием угловых антов, в доме Дт-5 применены только в антах (рис. 130).

Каменные базы аттического профиля обнаружены почти на всех исследованных бактрийских городищах как в северной Бактрии (Термез[70], Хатын-Рабат[71], Зартепе[72], Халчаян[73], Дальверзинтепе (Дт-5 и Дт-6), Уштубулак и Халкаджар[74], Кобадиан[75]), так и в южной (Ай-Ханум[76], Сурх-Котал[77], Балх[78], Дильберджин[79], Дурмонтепе[80], Аджамаламантепе, Ахунзадетепе[81]). Находки эти уже вошли в литературу,

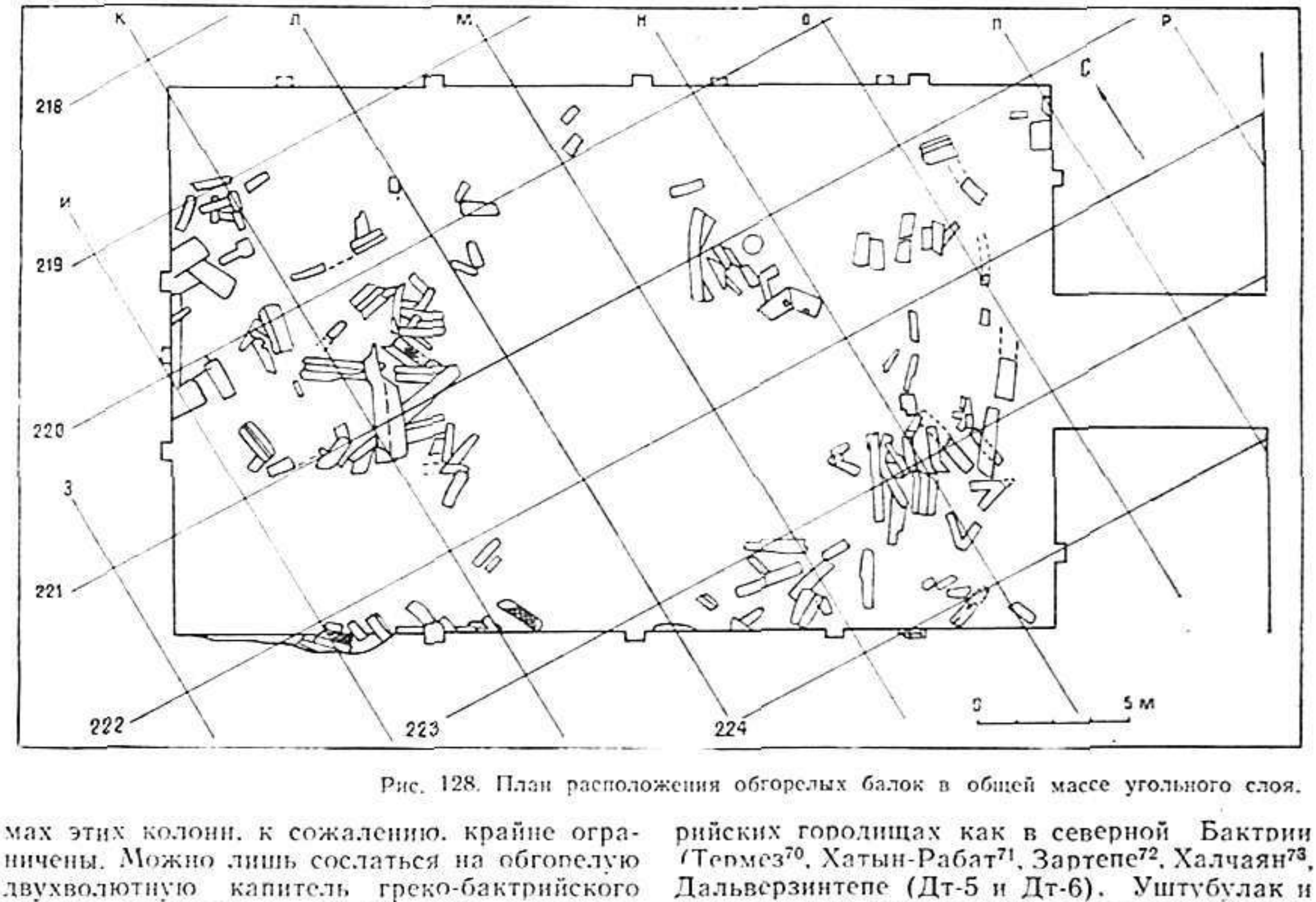


Рис. 128. План расположения обгорелых балок в общей массе угольного слоя.

[68] Bernard, 1969, fig. 25, 26.
[69] Пугаченкова, 1966 а, с. 138, рис. 83, Ремпель, 1969, с. 184 сл., рис. 17—21.
[70] Пугаченкова, 1945, с. 69, и сл., рис. 1—3, 5.
[71] Пугаченкова, 1973 б, с. 87 и сл.; рис. 7, 8.
[72] Шетенко, с. 45, рис. 2.
[73] Пугаченкова, 1966 а, с. 132 и сл.
[74] Литвинский, Зеймаль, 1960, с. 73 и сл.
[75] Дьяконов, 1953, с. 262, рис. 6.
[76] Bernard, Le Berre, p. 25 сл. fig. 3, 4, 6, pl. 35, 36, 49.
[77] Schlumberger, 1952, p. 439, pl. III, IV.
[78] Обнаружены А. Мухтаровым и автором.
[79] Кругликова, 1974, рис. 10, 15, 48.
[80] Mizuno, 1968, fig. 18, 19, pl. 4, 5.
[81] Mizuno, 1962, N 113—119, 132.

отсылая к их публикациям, здесь остановимся лишь на одной характерной черте.

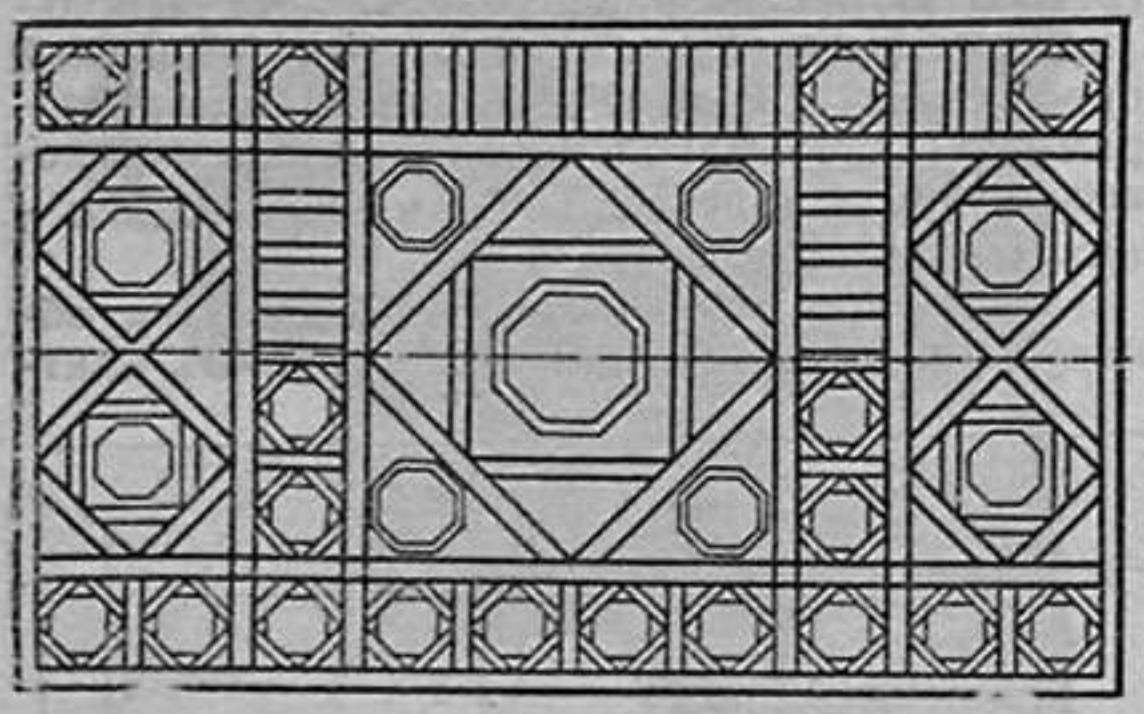


Рис. 129. Реконструкция плафона в зале дома Дт-5 (два варианта).

рованных модульных соотношений верхнего диаметра, общей высоты и деталей моденатуры. Проверкой выяснено в них большое разнообразие пропорций. Это относится и к дальверзинским базам (рис. 131).

В айванах обоих домов Дт-5 и Дт-6 найдены были фрагменты от белокаменных капителей, увенчивавших анты. В составе их характерны элементы коринфского ордера: аканты, волюты. Полная реставрация формы затруднительна из-за недостаточного числа деталей. Отметим лишь одну: фрагмент углового аканта с очень круто отогнутым вниз краем листа, по очертаниям напоминающим такую же форму листов на пилястровых капителях из Хадды (выполненных, однако, не в камне, но в гипсе)[82].

Исходя из того, что капители антов в айванах обоих дальверзинских домов являли варианты коринфизированного ордера, мы

Рис. 130. Раскопки айвана дома Дт-5, видна угловая пилястра.

При однородности основного профиля — плинт — два вала, разделенных скоцией и полочками, бактрийские базы, в отличие от греко-римского зодчества, не имеют регламенти-

вправе полагать, что и капители колонн здесь могли повторять сходное декоративное офор-

[82] Bartohux, 1933, fig. 4—8.

мление, резаное на дереве, но могли иметь и форму ионической капители, как это отображено на нашей реконструкции.

Аттические базы, коринфизированные антовые капители, антефиксы, украшенные паль-

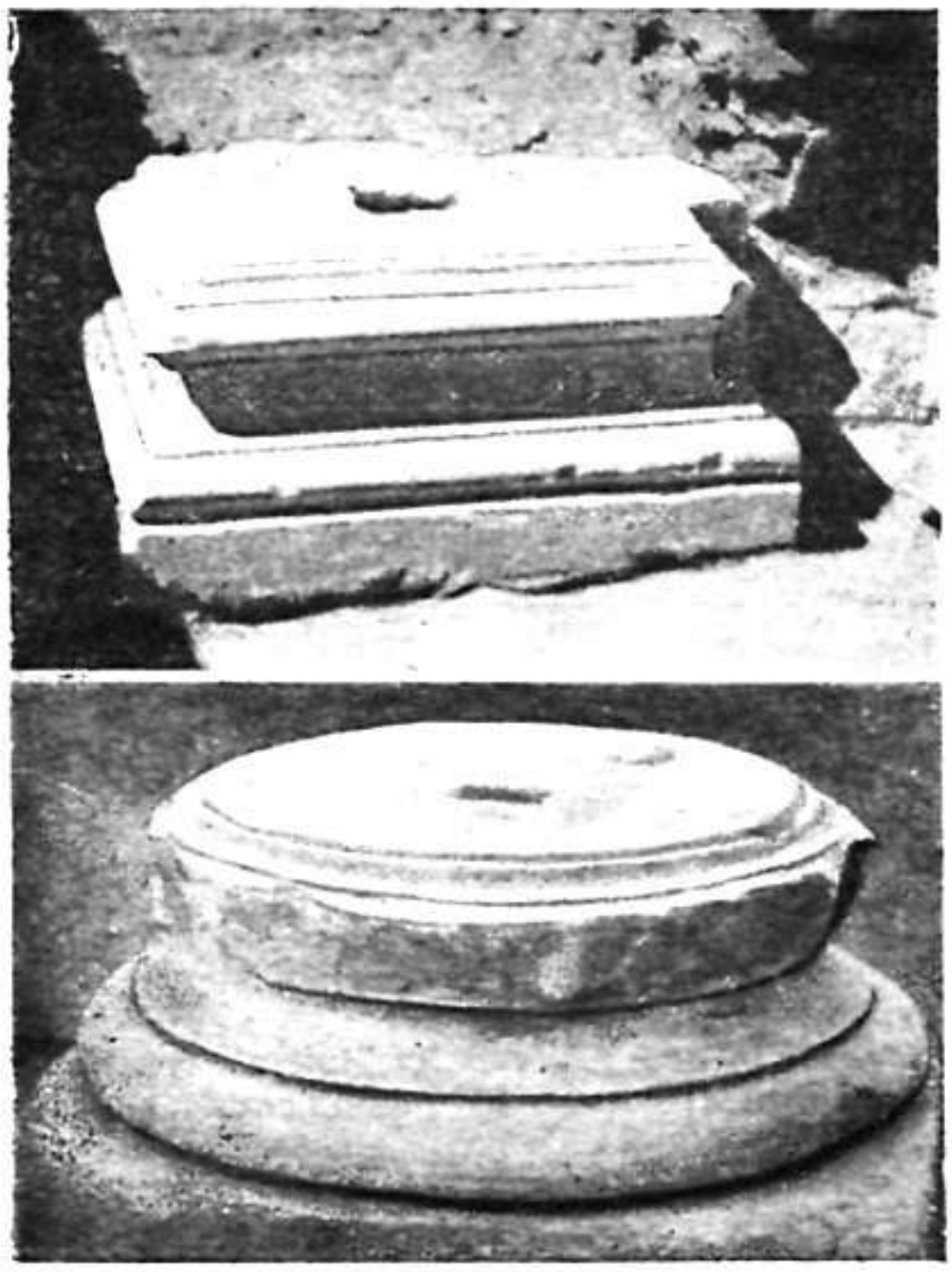


Рис. 131. Базы анта и колонны из айвана дома Дт-6.

метгами (рис. 132) — таков перечень тех немногих форм эллинистического зодчества (притом несколько видоизмененных по сравнению с греческими образцами), которые входили в архитектуру построек Дальверзинтепе (как, впрочем, и большинства других кушано-бактрийских городищ). В общих же композиционных решениях и в основном составе архитектурных деталей архитектуру эту характеризуют свои специфические черты.

Характеристика крепостной архитектуры Дальверзинтепе приведена выше. Что же касается вскрытых на городище зданий, то они вводят принципиально интересный материал по типологии бактрийского зодчества[83]. Даже в обычном жилом доме рядового горожанина Дт-2 отмечается четкость плана, где помещения группируются сообразно функционально-бытовым запросам, с выделением михманханы и органически вписанным в габарит дома внутренним двориком. Но в общем планировка таких жилых домов, как показали наши раскопки на Хатын-Рабате[84] и в Дильберджине[85], не подчинена какой-либо строгой композиционной схеме.

Иное дело богатые дома Дт-5 и Дт-6, к сооружению которых, несомненно, привлекались профессиональные зодчие. Здесь отмечаются варианты той характерной схемы бактрийского зодчества, которую мы именуем «зал в кулуаре и обводе помещений»[86]. В таких домах айван—вестибюль—михманхана образуют центральный планировочный отдел, их охватывает коридор (местами подразделенный на

Рис. 132. Антефикс.

отсеки), который служит связью с примыкающими с трех или с двух сторон жилыми комнатами, бытовыми помещениями, домашней молельней.

---

[83] Проблема эта была рассмотрена Пугаченковой, 1973 г.

[84] Пугаченкова, 1973, с. 97, рис. 15.

[85] Раскопки автором дома ремесленника (Советско-Афганская археологическая экспедиция 1973 года).

[86] Пугаченкова, 1973, с. 125.

В греко-бактрийском строительстве эта схема предстает в жилом доме на Ай-Ханум[87]. Оба упомянутых дальверзинских дома, которые восходят к кушанскому времени, развивают тот же планировочный принцип, варьируя числом, размерами и пропорциями помещений и их размещением (рис. 135).

Архитектуре эллинистического мира так же, как и зодчеству Индии первых веков до и после рубежа н. э., такого рода планировочный тип жилых домов не свойствен. Он является созданием бактрийской архитектурной практики и творческого поиска, отражая не только черты семейно-бытовой организации, но и итог архитектурного мышления, породившего определенный композиционный тип.

Внешний облик дальверзинских домов восстанавливается в следующих чертах (рис. 133). Центральная группа (айван-вестибюль-михманхана) или же одна михманхана возвышалась в виде самостоятельного объема над окружающими помещениями; плоская кровля последних, очевидно, использовалась в бытовых целях большую часть года (как и доныне кровли в народной жилой архитектуре). Фасады глухие, кроме главного, обращенного в передний дворик. Здесь выделялся колонный айван, обжатый стенами боковых помещений («портик в антах»). Пространственная глубь айвана как бы объединяла здание с двором и вместе с тем подчеркивала парадный вход (рис. 134).

В композиции интерьеров михманханы и других обширных помещений многое зависело от формы плана — квадратного или прямоугольного. Особо следует подчеркнуть в жилых домах Дальверзина четырехколонную систему и богатый балочный плафон. Несомненно, что тщательную разработку общей архитектурной формы и декоративных деталей имели и сами колонны.

В архитектонику стен больших интерьеров иногда вводились членения, образованные уже упоминавшимися конструктивными деревянными стойками, вмонтированными в кладку, которые могли выступать в виде пилястр или полуколонн. Но в подавляющем большинстве стены были гладкими, и единственным оживлявшим эту гладь элементом служили в некоторых случаях культовые нишки с выносным пьедесталом.

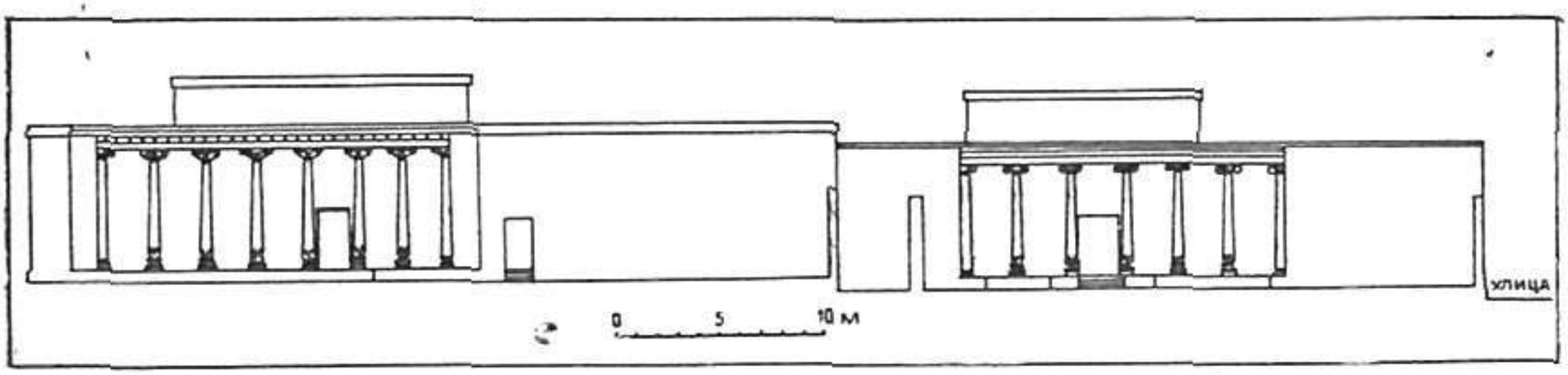


Рис. 133. Жилые дома Дт-6 и Дт-5 (реконструкция Г. А. Пугаченковой).

Культовые постройки, вскрытые на Дальверзинтепе, *дают три композиционных варианта*. В буддийском святилище Дт-1 в центре высился прямоугольный стилобат, служивший основанием для ступы и скульптурных групп; его охватывал с трех сторон коридорообразный обвод, за стенами которого располагались подсобные помещения.

Назначение объекта Дт-7 окончательно не уточнено — это мог быть небольшой внутриквартальный храм Великой богини или же посвященное ей домашнее святилище при расположенном с южной стороны обширном, пока не вскрытом строительном комплексе. Во всяком случае сакральные функции его центральной части несомненны.

Планировка здания видоизменялась. Первоначально это была традиционно-бактрийская схема: небольшой квадратный зал в обводе помещений. В следующем периоде центральное пространство забутовывают — образуется стилобат, вокруг которого проходит коридор; принципиально это та же схема, что и в буддийском святилище Дт-1, хотя характер культа здесь совершенно иной.

Другой небольшой храм Великой богини в квартале керамистов Дт-9, возведенный в раннекушанское время и функционировавший вплоть до III—IV вв., имеет иную композицию: глубокий айван, за ним продолговатая целла (у которой во втором строительном периоде был отделен перегородкой входной отдел), и по обе стороны — подсобные комнаты. «Поперечно-осевая» *схема расположения главной*

[87] Bernard, 1969, p. 321, fig. 6; 1970, p. 310, fig. 9, 11.

группы, отделенной от боковых подсобных помещений, в иных вариантах известна уже для греко-бактрийской эпохи («Храм в раскреповках» на Ай-Ханум)[88] и раннекушанского времени (Халчаянский дворец)[89].

Несмотря на небольшие размеры храма Дт-9 и святилища Дт-7 их культовое назначение определило богатое оформление интерьеров живописью и скульптурой, служивших

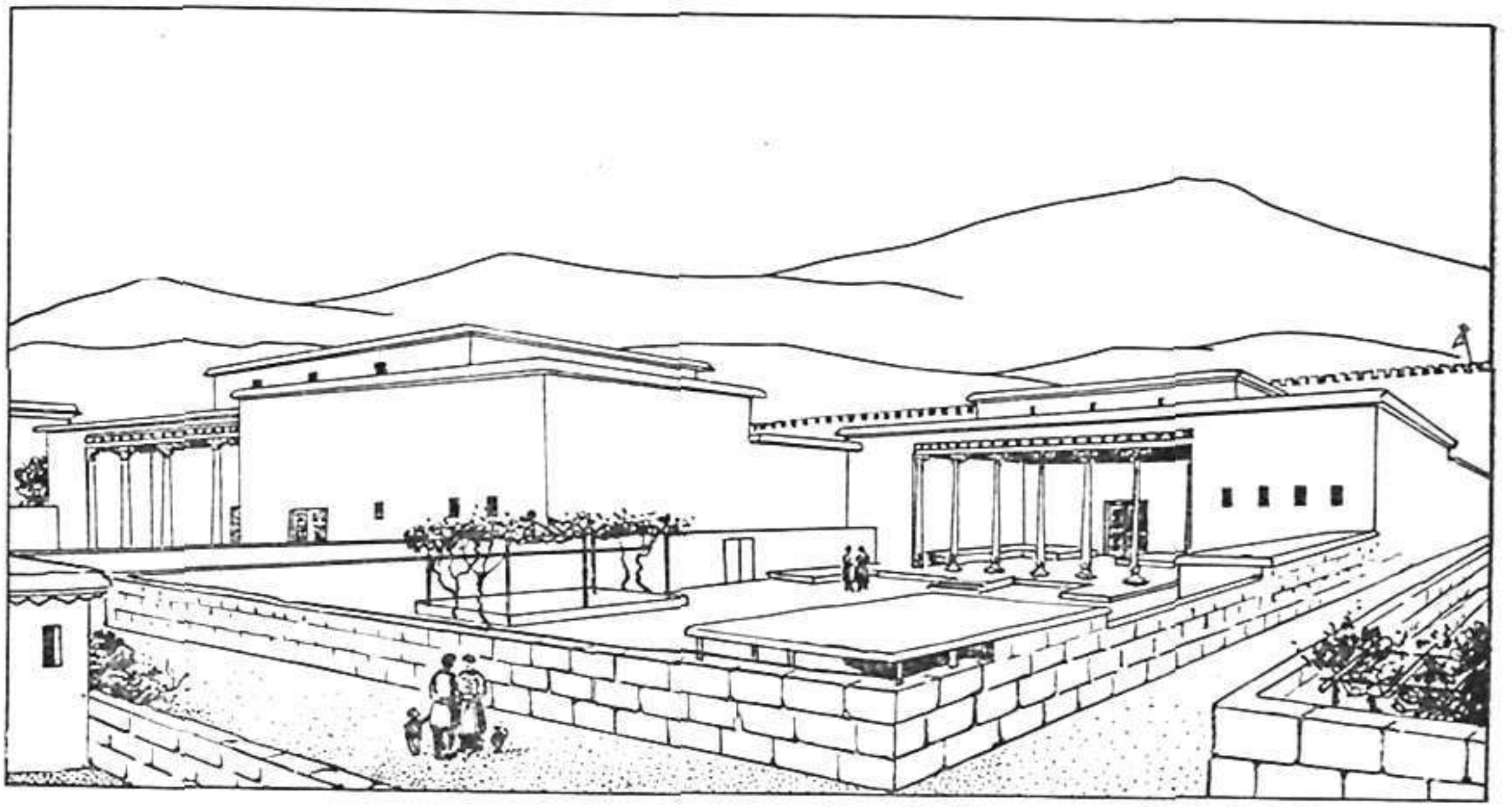


Рис. 134. Жилые дома Дт-5, Дт-6. Реконструкция.

целям эстетического воздействия на души приходивших свершить моление.

В украшении интерьеров парадных помещений жилых домов можно предположить использование узорных тканей и вышивок, ковров и паласов. Косвенным показателем развития ткачества в древнем Саганнане служат многочисленные находки на всех кушано-бактрийских городищах пряслиц и ткацких грузил. И, вероятно, очень стойкими традициями можно объяснить то, что искусством изготовления шелковых тканей, шитых шелками сюзане, добротных паласов и дорожек доныне славятся женщины Сурхандарьинской долины и предгорий.

Особый архитектурный тип предстает в бактрийских мемориальных сооружениях. Основная композиционная идея дальверзинского науса (I в. до н. э.) такова: центральный сводчатый коридор с перпендикулярными к нему сводчатыми же камерами (по четыре с обеих сторон). Вход в коридор на южном фасаде был выделен аркой, очевидно, в прямоугольном обрамлении (аналогично сохранившимся аркам камер).

Сходная, но более простая композиционная схема была выявлена в мавзолее первой половины III в. до н. э. на Ай-Ханум[90]. Он меньше нашего науса по размерам, у него не восемь камер, а четыре, и все помещения углублены до 80 *см* в грунт. Но планировочный принцип един, аналогичны и конструкции стен из пахсы и сырца, овальные сырцовые своды.

П. Бернар, ссылаясь на квадратные мавзолеи из жженого кирпича со сводчатыми полуподземными погребальными камерами в парфянском некрополе Ассура[91] и на планировку с центральным коридором и боковыми помещениями в некоторых каменных постройках Хатры (по предположению В. Андре — мавзолеев, хотя никаких останков или иных примет погребения в них не обнаружено)[92], подчеркивает, что айханумский мавзолей предшествует им на несколько столетий. Не найдя более ранних аналогий, он полагает, что этот тип погребального сооружения явля-

[88] Bernard, 1969, p. 327 сл. fig. 16, 19, 22.
[89] Пугаченкова, 1966 а, с. 30 и сл., 138 и сл.
[90] Bernard, 1973, p. 608, сл.
[91] Andrae, Lenzen, p. 98, сл., pl. 51—54.
[92] Andrae, 1912.

ется изобретением греческих колонистов Селевкидской империи, применивших бактрийскую технику сырцовых сводов, полуопущенных в грунт[93].

Нам думается, что композиция обоих погребальных сооружений — в Ай-Ханум и Дальверзинтепе восходит к какому-то местному бактрийскому источнику. Традиционность ло-

Рис. 135, 136. Жилые дома Дт-6 и Дт-5.

кальных строительно-технических приемов здесь вполне очевидна, многокамерная же планировка была вызвана потребностями создания фамильных усыпальниц (хотя бы и с различным обрядом погребений). Во всяком случае дальверзинский наус опровергает утверждение П. Бернара о том, будто «парфянским строителям принадлежит заслуга выведения сводов из земли под открытое небо и выделение в виде айванов»[94]. «Наземные своды» дальверзинского науса предшествуют парфянским в зодчестве Хатры и Ашура (I—II вв.) почти на два столетия и в нем уже зарождается глубокий, хотя еще и не выступающий сводчатый айван.

Небезынтересно, что планировка, подобная наусу Дт-14, сохранится, но уже в совершенно ином назначении, в раннесредневековом зодчестве северного Тохаристана. Такова руина замка-кешка VI—VII вв. на городище Старого Термеза, где имеется центральный сводчатый коридор и по обе стороны от него — по пяти поперечных сводчатых помещений[95]. Однако объемная композиция дальверзинского науса и его фасады были иными. Стены его гладки, в то время как у кешка они оформлены гофрами.

Конструктивные особенности, связанные с применением сводов отрезками, которые не могут давать пересечений, обусловливали разновысотность в случаях их встречного направления. Исходя из этого, объемная композиция науса реконструируется в следующем виде. Камеры науса перекрыты параллельными сводами, пазухи между которыми выравнивались глинобитной забутовкой над замковыми кирпичами под горизонталь. С этого уровня на продольных стенах коридора начинались пяты соответственно возвышавшегося центрального свода. Вероятно, по внешнему фасаду он был выделен прямоугольным обрамлением (как это видим в лицевом оформлении сводов камер). Таким образом, перед нами праобраз композиции здания с айваном и боковыми крыльями, которой суждено было сыграть столь видную роль в зодчестве эпохи ислама.

Г. Ремесла и бытовые промыслы

Крупный античный город — Дальверзинтепе был средоточием развитого ремесла, продукция которого удовлетворяла не только запро-

[93] Bernard, 1973, p. 622.
[94] Bernard, 1973, p. 622.
[95] Засыпкин, 1928, с. 18 и сл.; Шишкин, 1945, с. 107 и сл.

сы собственного городского населения, но, очевидно, и всей округи. Об этом говорят хотя бы масштабы исследованного нами квартала керамистов. В нем одновременно действовало множество печей, обширные камеры которых могли вмещать при разовом обжиге свыше сотни сосудов среднего и малого размера, или десятки крупноразмерных посудных форм.

Как и во всей Бактрии, здесь в самой керамике уже с греко-бактрийского времени отмечается существенное обновление технических приемов и по сравнению с керамикой средней трети I тысячелетия до н. э. — последовательное ее развитие[96].

Об организации ремесла позволяют судить лишь некоторые косвенные данные. Можно отметить, что здесь не было мелких хозяйчиков — в одиночку работавших гончаров, но действовали крупные мастерские. Нашими раскопками пока захвачены три (не вскрытые еще участки позволяют признать, что их было больше). Одна из мастерских, раскопанная почти целиком (на скате холма ее строения, к сожалению, смыты до почвы), включала восемь взаимосвязанных производственных помещений и одну из устроенных на склоне групп печей. В ней, следовательно, могли трудиться десятки людей, подчиненных единому владельцу. Групповое расположение смежных печей, не разделенных оградками, также говорит в пользу их принадлежности единому хозяину. Судя по однородному составу керамических отвалов у вскрытых нами групп печей, в один и тот же хронологический период действовало одновременно несколько мастерских.

Принадлежали ли мастерские и печи при них крупным частновладельцам или же храмовому хозяйству (что приходит на мысль, поскольку наверху квартала керамистов располагалось святилище Великой богини)? Скорее — первое. Ибо в храмовых системах древнего мира храм был изолирован от хозяйственно-производственного комплекса, парадно-культовая и обыденно-бытовая застройка в них были разделены. На Дальверзинтепе же небольшое святилище обслуживало ремесленный квартал: то был храм при ремесленном хозяйстве, а не хозяйство при храме.

Среди других видов производств на Дальверзинтепе отметим изготовление жженого кирпича. Хумданы для его выжига располагались вне города, на окрестных лессовых останцах, где непосредственно бралась и глина. По-видимому, именно остатки топочной камеры от хумдана представляет описанная выше (стр. 115) печь Пч-2. Она расположена за городской стеной и рвом и вокруг нее нет никаких остатков керамической продукции, а только куски оплавленной глины и шлаки.

О существовании особых кирпичеобжигательных мастерских, выполнявших работу на заказ и качественно, свидетельствует нанесение личных печатей на некоторых кирпичах из отмостки бани в доме Дт-5. На одной из этих печатей — сидящий Будда, по обе стороны которого — две парящие фигуры[97], на другой — два персонажа. Принадлежали ли они известным своим мастерством кирпичникам, работавшим в единых мастерских, или же владельцам этих мастерских? Наличие печатей двух видов на кирпичах единого небольшого помещения позволяет предполагать скорее первое, так как едва ли бы их стали приобретать в двух разных мастерских. Личный знак опытного кирпичника на жженых кирпичах в кушанское время уже был засвидетельствован нашей экспедицией на Айртаме[98]. Однако большинство жженых кирпичей из находок на кушанских городищах (в том числе и на Дальверзинтепе) их не имеет: массовая продукция, поступавшая в продажу, оставалась анонимной, и, очевидно, так же, как и массовая керамическая посуда, выполнялась обезличенной группой работников (рабов?) под наблюдением опытного мастера.

Рис. 137. Ткацкие грузила.

В городе процветало ткачество. На раскопах Дт-2, 4, 5, 6, 10, 11 найдены ткацкие грузила овоидальной и пирамидальной формы — глиняные и терракотовые, употреблявшиеся при изготовлении ковров, паласов, тканей (терракотовые, возможно, использовались также при рыбной ловле для сетей) (рис. 137). Встречаются также каменные и терракотовые

---

[96] Сайко, 1975, с. 301 и сл.

[97] Сходный оттиск на терракотовой плитке из Пешавера с надписью брахми кушанского времени — см.: Fussman, 1972, p. 45, pl. III.

[98] Тургунов, 1973, с. 59.

пряслица — все они с отверстием по вертикальной оси, форма же иногда сфероидная, нередко биконическая, но в основном — полусферическая. Очень типичны встречающиеся почти на всех античных городищах северной и южной Бактрии выточенные с помощью вращающегося инструмента из молочно-белого,

Рис. 138.

1 — печать и оттиск с нее (Дт-9); *2* — гемма (Дт-10), *3* — гемма на пекторали из дальверзинского клада; *4* — оттиск печати на ткацком грузиле (Дт-10).

полупрозрачного алабастра, полусфероидные каменные пряслица.

По-видимому, домашнее ткачество сосуществовало здесь с профессиональным. Характерно пирамидальное терракотовое грузило из раскопа Дт-10 с еще до обжига нанесенным на всех гранях и на основании нечетким оттиском небольшой печати (видимо, геммы-инталии): в овале две противостоящие фигуры. Это индивидуальное грузило мастера ткача или ткачихи (рис. 138, *4*).

Область Чаганиана, по свидетельству «Худуд ал-Алем» (X в.), славилась производством ковров, паласов, тканей еще в средние века[99], но, вероятно, эти традиции ткацкого

[99] Hudud al-Alam, p. 114.

дела и ковроделия здесь уходят в глубокую древность.

На Дальверзинтепе не обнаружено пока производств, связанных с обработкой металла и изготовлением металлических изделий из железа или медных сплавов. Но они, вероятно, были, как и в других городах кушанской Бактрии: существование специализированного квартала металлистов установлено в кушанских слоях древнего Термеза[100], остатки железного и меднообрабатывающего дела выявлены нами на Шортепе[101].

Находки ювелирных изделий (Дт-5, Дт-9, Дт-14) дают некоторое представление о видах бытовавших здесь ювелирных украшений, и если не все из них местного происхождения,

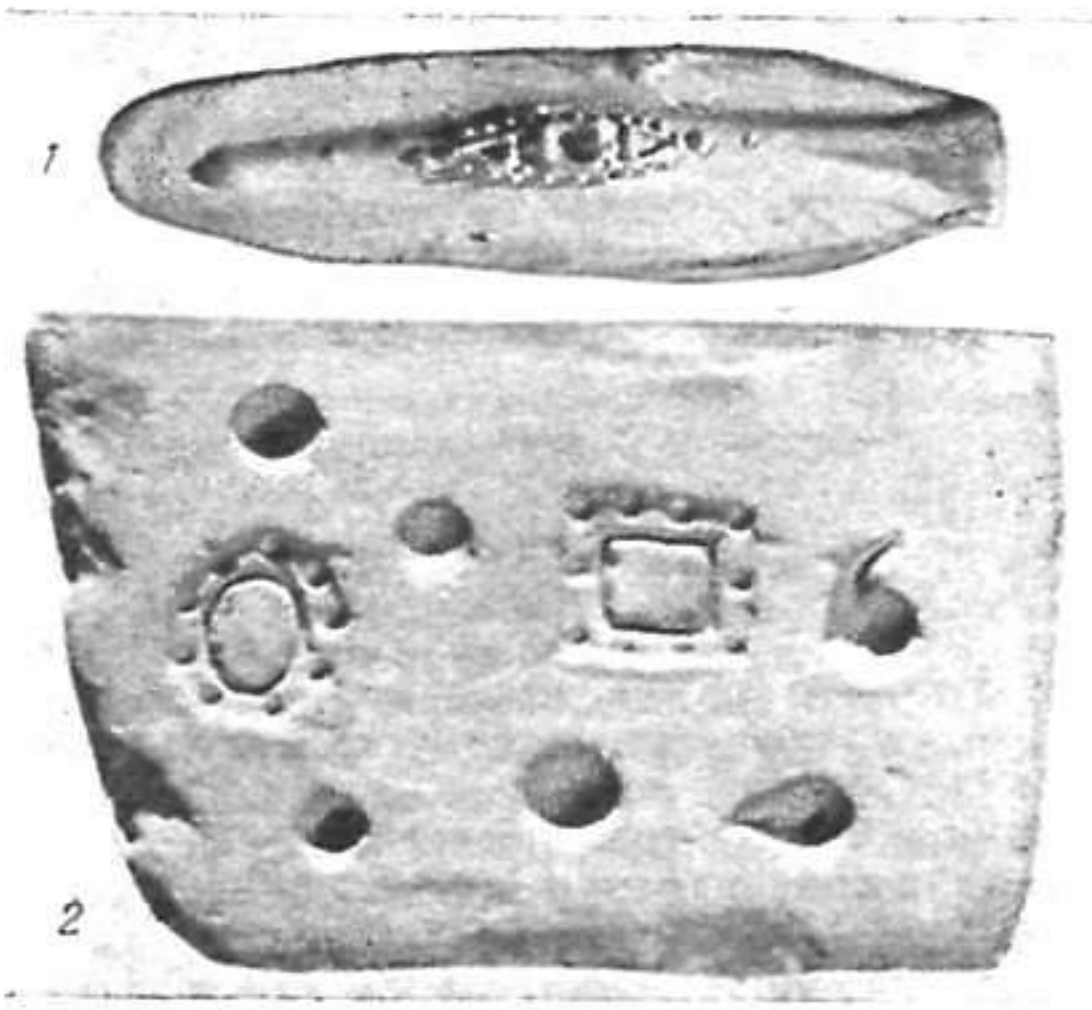


Рис. 139. Ювелирная матрица (верхняя и боковая плоскость).

все же не вызывает сомнений, что в столь крупном столичном центре, где проживали члены кушанского дома, знать и богатые горожане, процветало ювелирное дело.

Прямым подтверждением существования здесь ювелирных мастерских служит находка в доме Дт-2 каменной ювелирной матрицы (рис. 139). Она изготовлена из серого стеатита (обладающего жаростойкими свойствами, в силу чего в средние века его широко использовали для выделки каменных котлов). На матрице выточены в половинном объеме разные формочки для небольших изделий. Отлив-

[100] Массон М. Е., 1945, с. 5; Князев, с. 167, 175.
[101] Исследования УзИскЭ 1963—1965 гг.

ки с них, спаянные попарно, образовывали подвески полного объема, поодиночке же они могли служить нашивными украшениями.

весок. Крупная, продолговатая лунка дает на оттиске стилизованную рыбку, украшенную зернью — она могла входить в набор ожерелья

Рис. 140. Ювелирные вещи дальверзинского клада.

В числе формочек, сохранившихся на матрице (она частично обломана) — две полусферические лунки разных диаметров и одна миндалевидная, они в основном служили для выполнения полых изнутри бусин или подили служить нашивным украшением. Имеется на матрице также два вида плоских кружков, отороченных по контуру полугорошинами — в них могли изготовлять бляшки, а соединенными по двое — серьги.

Из описанных форм общеупотребительными в ювелирных изделиях всего древнего мира были шаровидные, нередко также и миндалевидные. Рыбки известны среди ювелирных украшений из Таксилы (в слоях I в. н. э.)[102].

Исключительный интерес имеют золотые вещи из дальверзинского клада (рис. 140)[103]. В составе их есть предметы явно гандхарского происхождения (большое ожерелье). Производство других — более широкого ареала: от Гандхары до Бактрии (браслеты и гривы с разомкнутыми концами и витые); есть местные — бактрийские (пектораль с геммой, вделанной в прямоугольную пряжку); и, наконец, скифо-бактрийские (бляха с извивающимся зверем) (цвети. табл. III, VI—VII).

Представление о ювелирных изделиях Бактрии восполняют украшения на костюмах и головных уборах статуй из «Зала царей» в буддийском святилище Дт-1 (рис. 141). Как уже было отмечено, скульптурная композиция здесь посвящена прославлению кушанского рода в лице той его ветви, которая в I—II вв. правила в долине Сурхана и имела свою резиденцию на Дальверзинтепе. Несомненно, что скульптор, выполнявший реальные портреты членов правящего дома и знати, копировал их одеяния с большой достоверностью. Веризм, т. е. детально-мелочное внимание к передаче реалий, вообще составлял в ту пору характерную черту восточного ваяния.

Царский головной убор, сохранившийся на голове принца, имеет вид конусовидно-заостренной шапки, украшенной овальными драгоценными камнями в рельефной (несомненно, золотой) оправе и с оторочкой по краю низкой перлов. Головная повязка одной из женщин также покрыта крупными овальными самоцветами. На повязке или начельном обруче у другой женщины закреплена посередине рельефная многолепестковая розетка со следами позолоты. Отдельно найдено шейное украшение в виде двойного обруча с цепочкой шариков, закрепленных между двумя его дугами. Одной из центральных фигур принадлежала часть пояса с крупными, набегающими друг на друга бляшками. На шароварах фигуры правителя нашиты овальные «самоцветы». А там, где шаровары заправлены в мягкий башмак, он закреплен узорной пряжкой.

Оставляя в стороне анализ костюмов участников всей этой статуарной группы, отметим лишь, что если общий стиль царских шапок и одеяний в скульптурах разных районов кушанской державы сходен, то детали их существенно отличны. В частности, сопоставление описанных ювелирных украшений с таковыми же в одеяниях членов кушанского рода и знати в скульптуре Сурх-Котала[104], Шотарака[105], Буткары[106], прямых аналогий не дает. Больше того, наблюдается преднамеренное стремление в разных областях кушанской державы придать им подчеркнутое отличие, видимо, чтобы обозначить их принадлежность к разным ветвям кушанской династии, а также приверженность к местной культуре, модам и изделиям прикладного искусства.

На раскапывающихся нами крупных жилых домах Дт-5, Дт-6 невольно обращало внимание сравнительно малое количество зернотерок, находки которых обычно многочисленны во всех селениях кушанской Бактрии. Мы склонны объяснить это тем, что в системе крупного античного города, наряду с домашним изготовлением муки, ее приобретали на рынках, куда муку привозили из окрестных сел, а может быть, в самом городе этим занимались специалисты мукомольного дела, имевшие свои загородные мельницы и мастерские, откуда мука поступала в продажу. Напомним об открытии археологами обширного квартала мукомолов в античном Мерве — главном городе Маргианы (городище Гяуркала)[107]. Возможно, что в археологических толщах Дальверзинтепе и затаено подобное внутригородское специализированное производство муки — иметь его было особенно важно в условиях военного времени, на случай осады города врагами.

На Дальверзинтепе была обнаружена винная лавка с хумханой (раскоп Дт-11). Это не домашнее винохранилище, но род винного погребка, куда приходили покупать вино. Неслучайно помимо вместительных хумов здесь обнаружены чаши и кубки для продажи его «на розлив», и большое число медных кушанских монет, рассыпанных и втоптанных в пол, появление которых в домашней хумхане было бы непонятным.

Что касается изготовления вина, то оно осуществлялось прямо в виноградниках, располагавшихся за пределами городских ограждений — такова виноделья, исследованная к югу от Дальверзинтепе. В краю богатого виноградарства, каким была Бактрия, у каж-

---

[102] Marschall. 1951; t. II, p. 629—630; t. III, pl. 191—*74*, 194, *178*.

[103] См. выше. «Жилой дом богатого горожанина»: Пугаченкова, 1974; Она же. 1974 *б*: Она же, 1976; Воробьева-Десятовская, 1976.

[104] Schlumberger, 1952, pl. VI—VII; 1954, pl. III.

[105] Meunie, fig. 90, 93, 109.

[106] Faccenna, 1964, pt. 2, Tabl. CXCV, CCXXXIV, CCCX; pt. 3, tabl. CLXXX—CLXXXII.

[107] Кацурис, Буряков.

дого землевладельца, несомненно, имелись запасы домашнего вина, но изготовлялось оно также и на продажу.

особых «вакхических культов», засвидетельствованное скульптурой и терракотами,— все это не оставляет сомнения в той значительной

Рис. 141. Ювелирные украшения в скульптуре из Дт-1.

Древние авторы отмечают, что в Бактрии «многочисленные деревья и виноградные лозы дают в изобилии сочные плоды» (Квинт Курций, Руф, кн. VII, гл. IV, 26). Археология подтверждает также и развитие здесь виноделия: открытие на бактрийских городищах виноделен и многочисленных хумхан, мотив виноградной лозы в искусстве, существование роли, какую играли виноградарство и виноделие в хозяйстве, быту и празднествах бактрийского населения.

Д. Культовая идеология

Работы на Дальверзинтепе и других городищах Саганиана восполняют представление о

религиях и некоторых формах культовой обрядности, имевших распространение в античное время в долине Сурхандарьи[108].

В раннекушанский период здесь, как и во всей Бактрии, в придворной среде еще сохранялось почитание эллинских богов, унаследованное от греко-бактрийского времени. В центральной скульптурной композиции халчаянского дворца над фигурами правителя из Гераева клана и его супруги располагались бюст Геракла и парящая Ника, вблизи была Афина в каске с шишаком, другая Афина входила в скульптурное оформление айвана. В сравнении с греческими образы их претерпевают явную «бактрианизацию» как в своей иконографии, так, вероятно, и в своем внутреннем существе[109]. В правление Великих Кушан среди изображений на монетах фигурируют некоторые эллинские боги, но они предстают уже в синтезе с божествами азиатского пантеона: Гелиос сливается с Митрой, Гефест — с Атешом, Геракл — с Шивой, Ника — с Ваниндой. Ко времени Васудевы I относится глиняная статуя Геракла, недавно открытая в кушанских укреплениях Дильберджина (Северный Афганистан)[110].

Продвижение при Великих Кушанах буддизма к северу от Амударьи засвидетельствовано памятниками Термеза[111], Айртама[112] и Дальверзинтепе. Вскрытое на Дальверзинтепе буддийское святилище I—II вв. представляет огромный интерес, благодаря оформлявшей его скульптуре, но само оно невелико, как и следы располагавшихся вблизи других (видимо, монастырских) построек. Очевидно, распространение буддизма в долине Сагианиана при Кушанах не было значительным.

Преобладали здесь те местные верования восточно-иранского круга, которые вошли в многосоставной пантеон «Авесты». Почитание в кушанское время божеств, связанных с идеей четырехэлементных систем и великих светил, подтверждается изображением многих из них на кушанских монетах, широко обращавшихся, в частности, и в Сагианиане. Мы не беремся утверждать, входили ли они в своем бактрийском варианте в доктрину мадеизма, составляли ли в какой-то мере концепцию ортодоксального зороастризма (нелишне напомнить, что, по некоторым данным, учение Зороастра слагалось первоначально именно в Бактрии), но связи локально-бактрийских верований с «Авестой» несомненны.

Эти связи запечатлены, в частности, в предписываемом «Авестой» погребальном обряде сохранения неполных костных останков, остававшихся после очистки тлена трупов где-то на удаленной от населенного пункта возвышенной дахме. Этот обряд выявлен нашей экспедицией в нескольких пунктах Сагианиана: захоронение костных останков в хуме обнаружено в Халчаяне в слое III—II вв. до н. э.[113]. На Дальверзинтепе вскрыт многокамерный наус Дт-14, функционировавший со II в. до н. э. до II в. н. э. (см. выше стр. 97), а в Бандыхане — целый некрополь небольших наусов I—II вв.[114], причем везде применен обряд сохранения разрозненных костных останков. Все это свидетельствует о глубокой традиционности среди населения античного Сагианиана погребального ритуала, описание которого донесено «Авестой».

Примечательно коллективное захоронение по этому ритуалу над руинами разрушенного буддийского святилища Дт-1, датировка которого (захоронения) восходит к позднекушанскому времени. Здесь зримый след соперничества и борьбы двух могущественных религий — буддизма и авестизма. Мы предпочитаем именно этот термин, поскольку понятия «маздеизм» и «зороастризм» имеют слишком конкретное значение, в которое не укладываются локальные версии религии «Авесты», распространенные в разных концах ираноязычного мира в древности[115].

В бактрийском варианте характерна особенность, не вошедшая в предписания погребального обряда «Авесты», а именно — помещение возле костных останков сосудов, украшений, монет[116] (рис. 75—79). Аналогичный по составу инвентарь содержится в захоронениях Тулхарского и Айртамского могильников Северной Бактрии[117], устроенных по принципу трупоположения в грунтовых могилах (с подбоем или без него), то есть отвечающих культовым воззрениям, допускавшим помещение трупа в земле, чем они коренным образом

---

[108] См. Пугаченкова, 1974 а.

[109] Пугаченкова, 1963 б; 1966 а, с. 177, 183 и сл.; 1971 а, с. 42 и сл., 78 и сл.

[110] Раскопки автора в составе Советско-Афганской археологической экспедиции 1973 г.

[111] См. ТАКЭ, I—II; Каратепе, I—IV; Пугаченкова, 1967; Альбаум, 1974.

[112] Тургунов, 1973 (там же перечень публикаций предшествующих исследований).

[113] Пугаченкова, 1966-а, с. 32 и сл.

[114] Раскопки Э. В. Ртвеладзе, 1975.

[115] Терминология религий по признаку главной священной книги достаточно употребительна — ср. «евангелическая церковь», «библейские верования» и пр.

[116] Аналогичный ритуал погребения костей с сопроводительным инвентарем отмечен в наусе городища Дильберджин (раскопки Советско-Афганской археологической экспедиции 1974 г.; не опубликованы).

[117] Мандельштам, 1966; Тургунов, 1973.

отличаются от авестийских. Примечательно, вместе с тем, что в нижнем уровне дальверзинского науса и в его самом верхнем горизонте *применены трупоположения. Сочетание* группового захоронения костных останков и двух костяков отмечено в погребении Дт-1. Таким образом, в Саганиане наблюдается «мирное сосуществование» двух местных культов, которых придерживалось население и которые в чем-то существенно отличались, а в чем-то были между собой взаимосвязаны.

Среди локальных верований в античном Саганиане широкое распространение имел культ Великой богини и также — архаичный в своей основе — культ домашнего очага. Последний засвидетельствован раскопками жилых домов на Дальверзинтепе (Дт-2, 5, 6), где обнаружены особого рода культовые нишки, алтарные пьедесталы с окаленным углублением и пеплом (рис. 144). В больших домах они находились в особых домашних молельнях. Возможно, что культ этот смыкается с авестийским ритуалом почитания огня. Средневековые источники сохранили ряд древних предписаний о поддержании в домах священного огня — особенно там, где есть беременные женщины — для отогнания злых духов[118].

[118] Иностранцев. 1907, с. 214—215.

Что касается культа Великой богини, то если до сих пор о нем можно было говорить на основе терракотовых статуэток, то на Дальверзинтепе *впервые обнаружено два святилища*, посвященные одной ли богине или двум разным (Дт-9 и Дт-7). Оба были украшены глиняными статуями и живописью, дошедшими, к сожалению, лишь в виде фрагментов.

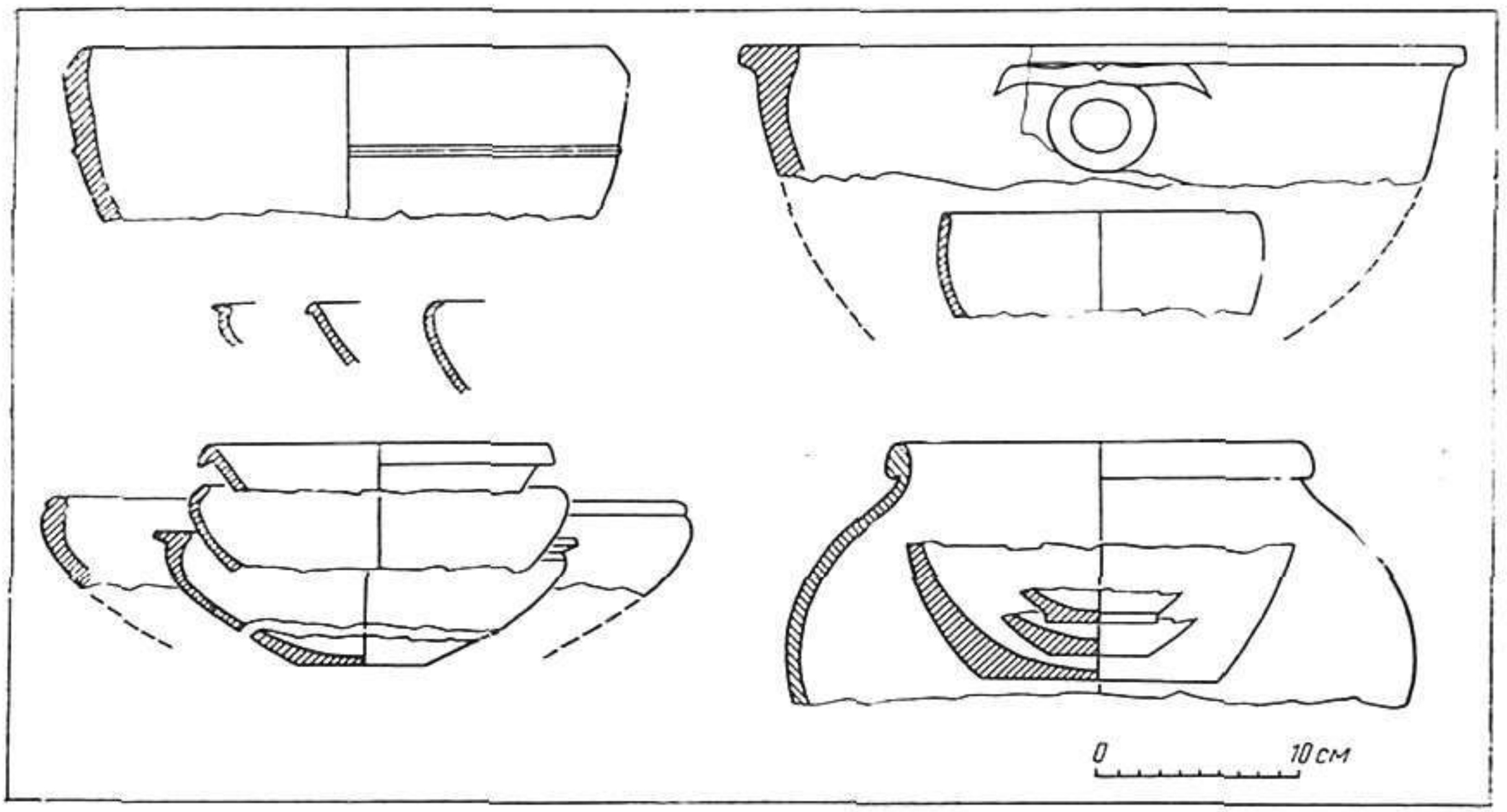


Рис. 142. Керамика из могильника у северо-восточного угла города, за рвом.

Тем не менее в изобразительной композиции из Дт-7 распознается сценка с жрецом и жрицами, протягивающими к богине за благословением младенцев, в храме же Дт-9 обнаружены остатки двух женских статуй, возле одной из которых располагалась фигурка мальчика, а возле другой — девочки. В обоих святилищах подчеркнута связь богини с материнством, а в более широком смысле — с плодоносящими силами природы. Однако расположение храма Дт-9 в самом центре производственного квартала гончаров говорит и об иных сакральных функциях богини— как покровительницы ремесла, *то есть созидания*: творческий акт как бы приравнивается к материнскому.

Проф. Шлюмберже, исследовавший кушанский храмовый комплекс в Сурх-Котале, где были открыты, между прочим, фрагменты каменных и глиняных статуй, полагал, что то не были культовые статуи, мотивируя это отсутствием данных о том, что у ахеменидов,

парфян, кушан и сасанидов в их храмах находились культовые изображения[119].

Между тем оба святилища бактрийской богини (или двух богинь) на Дальверзинтепе

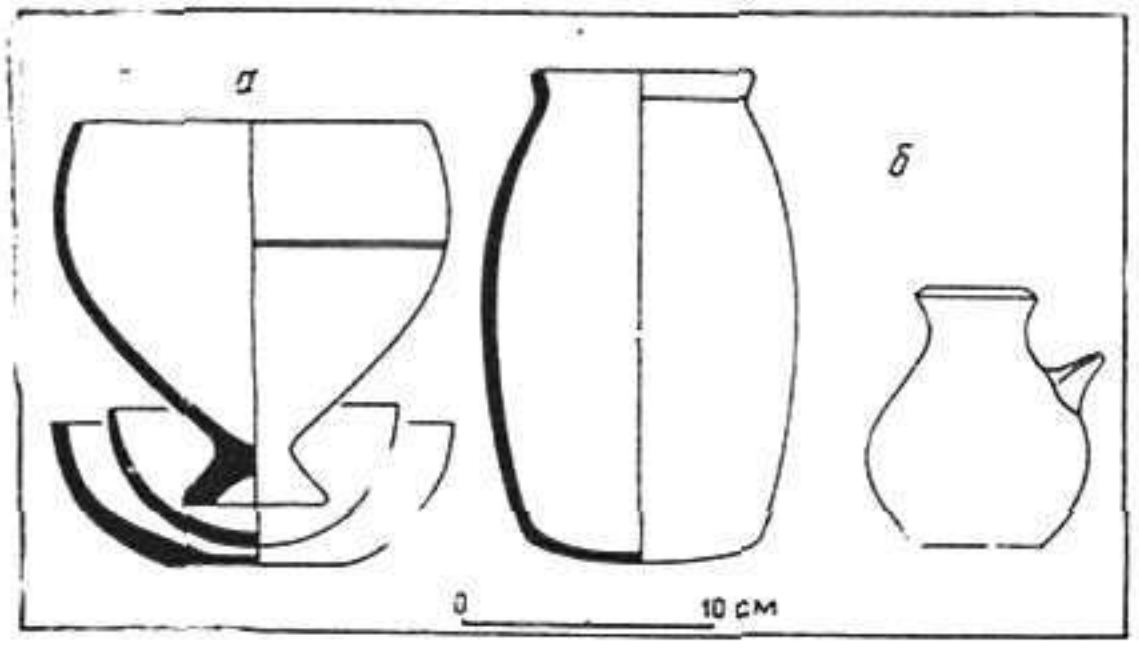


Рис. 143. Сосуды из погребения в саркофаге (*а*). хум с захоронением ребенка и поильник в нем (*б*).

опровергают это утверждение, по крайней мере в отношении государства Кушан. Оно, вероятно, справедливо для иранских храмов огня (чистейшей из великих стихий) ортодоксального зороастризма. Однако, судя по монетам, у Кушан антропоморфным воплощением огня служило божество Атеш. В бактрийских же храмах, посвященных богам авестийского пантеона, стояли их изображения. Но если ранее единственным к тому доводом служило упоминание древнего автора о статуе Анахит в Бактрах, то ныне на Дальверзинтепе археологически засвидетельствовано существование внутриквартальных святилищ кушанских богинь, украшенных их статуями и посвятительными росписями.

Распространение в античное время культа высокочтимых богинь в Бактрии, Согде, Маргиане, Хорезме засвидетельствовано повсеместными находками терракот. Мы уже не раз отмечали неправомерность вошедшего в литературу отождествления всех их с Анахитой. Так же, как в греко-римском, эллинизированном ближневосточном и индийском мире, в среднеазиатском регионе, несомненно, существовала не одна, а несколько богинь, в числе которых, вероятно, была и Анахита[120]. Что касается Бактрии, то здесь не лишне напомнить, что на монетах Великих Кушан фигурируют — Ордохшо, Нана и Ваннинда, причем почитание всех трех, очевидно, было столь высоким, что их ввели в государственный чекан. Из них Нану исследователи отождествляют с Анахит, что в общем-то не исключено, но и не доказано: имя это совпадает с Наной ближневосточных культов, которая не тождественна иранской Анахите, а иконография статуэток не соответствует описанию, приведенному в «Ардяшт»[121].

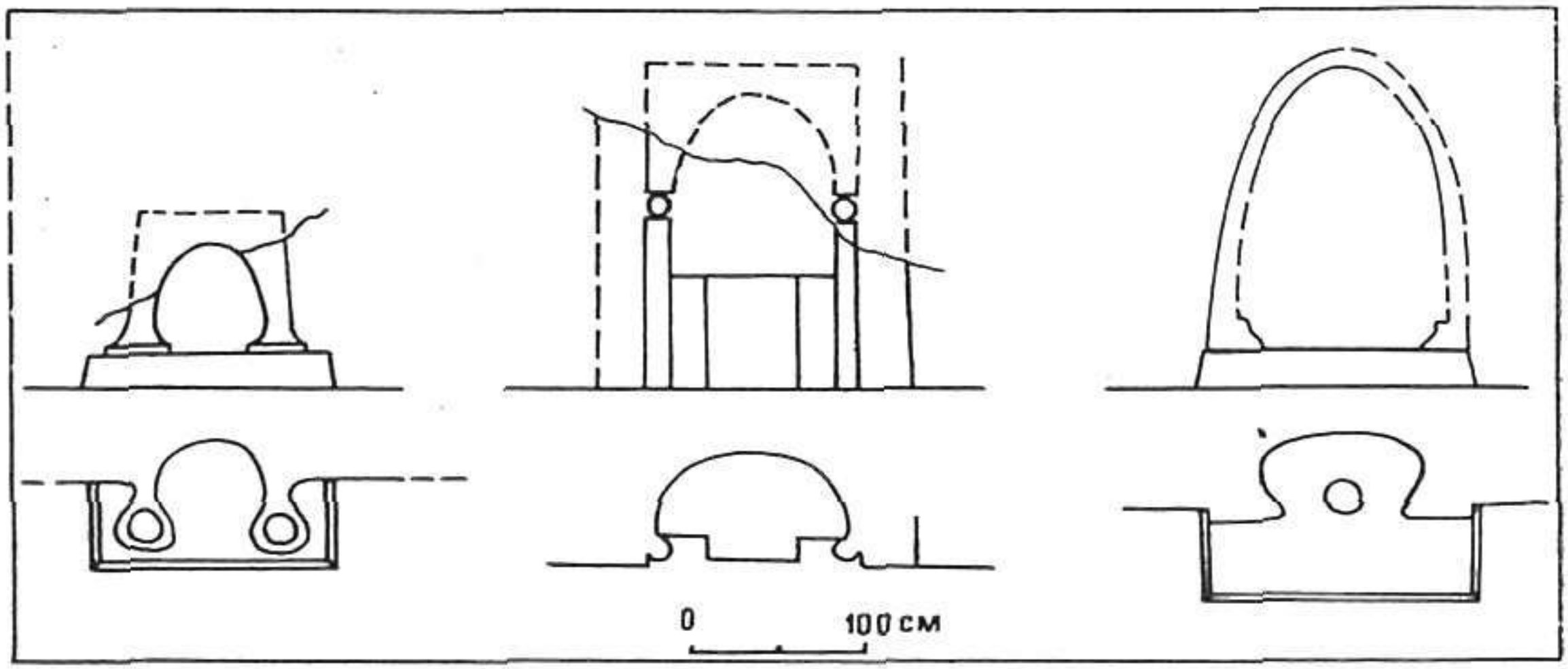


Рис. 144. Культовые ниши (две из помещений Дт-7, одна из молельни Дт-5).

[119] Schlumberger, 1975, S. 102.

[120] Х. Мухитдинов также разделяет нашу позицию в отношении сосуществования в Бактрии нескольких богинь, исходя из того, что в исследовавшихся им керамических печах Саксанохура одновременно изготовлялось три иконографически различных типа статуэток, притом с разными атрибутами (см. Мухитдинов 1975, с. 279).

[121] Г. Азарпай склонна видеть прообразом Наны богиню Арманти авестийского пантеона — воплощение Земли как одной из четырех элементных стихий зороастрийской космогонии (Azarpay, 1975, S. 391).

Обращаясь к иконографии бактрийских терракот, мы отмечаем региональные варианты, которые отличаются рядом деталей, а иногда и общей статуарной концепцией. Рассмотрение саганианских терракот в комплексе со скульптурными изображениями из раскопов Дт-7 и Дт-9 показывает, что образ главной саганианской богини существенно отличен от той Анахиты, какою она предстает в гимне «Авесты». Там это стройная девушка в богатой меховой накидке и восьмилучевой короне, усеянной драгоценными камнями. Между тем ваятели, исполнявшие статуи для дальверзинских святилищ, изобразили богиню в виде женщины в годах, с тяжелым немолодым лицом; лучистого венца она не имеет, волосы лишь перехвачены лентой; никакой бобровой шубы на ней нет — одежды мягкие, драпирующиеся.

Тот же вид одеяний передают и терракотовые статуэтки саганианской богини (обычно представленной в сидячей позе): длинное, в вертикальных складках платье, поверх которого накинута мантия. Тип лица и головной убор у этих терракот неоднороден, в чем, вероятно, нашло отражение сосуществование в Саганиане разных этнических пластов.

В кушанское время из трех упомянутых богинь — Ордохшо, Наны и Ванинды, наиболее чтимой была первая: она одна фигурирует в кушанском чекане со времени Канишки и вплоть до конца династии. Мы допускаем, что статуи из Дальверзинтепе и часть терракот передают именно Ордохшо. На монетах Васудевы II богиня изображена сидящей на троне, ее поза, одежда, прическа сходны с дальверзинскими, но в руках ее рог изобилия — атрибут государственного благоденствия, и диадема — символ царской власти. То и другое фигурируют, очевидно, как имперские регалии. В массовой же народной коропластике их нет,— во-первых, потому что эти атрибуты были уместны в официально-государственной иконографии богини и, во-вторых, Ордохшо, подобно римской Фортуне, имевшей то рог, то весы, то руль и т. д., могла обладать несколькими атрибутами, а иногда изображаться и без них.

Исследования Халчаяна и Сурх-Котала показали, что в кушанское время в Бактрии особое место занимал официально-династический культ. У кушан он был первоначально связан с культом предков, обобщенные образы которых предстают в виде героизированного царя — всадника в чекане Герая и Кадфиза I («Сотер Мегас»). В смешанной по своему этническому составу кушано-бактрийской среде почитание предков имело место как у коренного населения, так и у пришлых номадов. У первых оно смыкалось с культом огня: напомним, что в главном зале халчаянского дворца голова усопшего предка в обрамлении лучей венчала овальную культовую нишу для возжигания светильников. У вторых — с фетишем степного предка-всадника; отсюда появление в Бактрии со времен сакоюэджийских нашествий и на протяжении последующих веков статуэток всадников-идольчиков.

В династийном культе Кушан выдвигается на первый план обожествление всей династической линии, к прославлению которой привлекаются формы высокого искусства. В Саганиане его блистательным выражением на раннекушанском этапе служит скульптура халчаянского дворца. Почти столетием позднее был создан «Зал царей» в святилище Дт-1 на Дальверзинтепе. И хотя это буддийский храм, хотя в композиции зала располагалась крупная фигура Будды, главное внимание здесь было уделено прославлению кушанской ветви правителей Дальверзина: в нормах иной религии фактически исповедуется тот же династийный культ.

Среди популярных народных культов в античном Саганиане существовала какая-то форма местного «диосинизма». Пластические изображения разнообразных по облику вакхических персонажей и музыкантш на фризе халчаянского дворца, матрицы-калыбы и статуэтки с образами козлоухого певца, лютнистки и арфистки из Дальверзинтепе — все они связаны с народными празднествами и процессиями, в которых участвовали ряженые, играла музыка, пелись песни. Учитывая роль виноградарства и виноделия, можно полагать, что такие «дионисии» проходили осенью, по окончании полевых работ, когда были полны и закрома с урожаем, и хумханы с запасами молодого вина. Глядя на эти пластические образы, здесь, как и в греческом диосинизме, трудно отделить, где кончалось культовое и начиналось театрализованное действо. Однако изготовление терракот не ставило целью выполнение высокохудожественных статуэток, подобных, например, изделиям Танагры, но оставалось в рамках их культовой функции. Отсюда канон самих образов, или точнее образков тех второстепенных божеств оргиастического народного культа, которые, вероятно, чтились служителями театрализованно-музыкальных действ той далекой эпохи — актеров, музыкантов, певцов, запросы которых удовлетворяли коропласты.

Наряду с культами, сформировавшимися в городской среде, в Бактрии сосуществовали и иные, проникшие из села и кочевой степи. К ним принадлежат упомянутые статуэтки всадников-идольчиков. К этой же категории относится и выполненная в гипсе грубая идолоподобная личина на обрубке вместо торса (раскоп Дт-2, слой I в. до н. э. — I в. н. э.). Аналогии им дают находки того же времени из Ферганы (Мугтепе, Шурабашат, Ворухский могильник)[122]. Вполне вероятно проникновение их в Бактрию вместе с волной юеджей. Такие личины встречаются и в южной Бактрии[123].

Мы отмечаем в Саганиане сохранение народной веры в магическиохранные функции некоторых животных, образы которых вводятся в оформление керамических сосудов. Таковы фигурные культовые подставки (или курильницы), основание которых украшено лепными статуэтками, обычно — по три (само по себе магическое число). В одних случаях это фигурки четвероногих — барсов (?), коней, шествующих друг за другом по часовой стрелке, то есть по ходу солнца, в чем может быть отображена их связь со светилами, и, соответственно, с возжигавшимся в верхнем резервуаре огнем. В других — три головки на удлиненных шеях — коней, горных козлов, закрепленные в фас (рис. 145).

В Саганиане редки зооморфные ручки на кувшинах и горшках (характерные для кушанской керамики с городищ правобережья Амударьи и Северного Афганистана), пока здесь встречены лишь ручка в виде собачки из Халчаяна[124], навершие ручки в форме головы единорога с тепе близ Денау[125]. Особо следует отметить налеп головки горного козла, украшающий амфоровидный кувшин из состава культовых сосудов в святилище Дт-9.

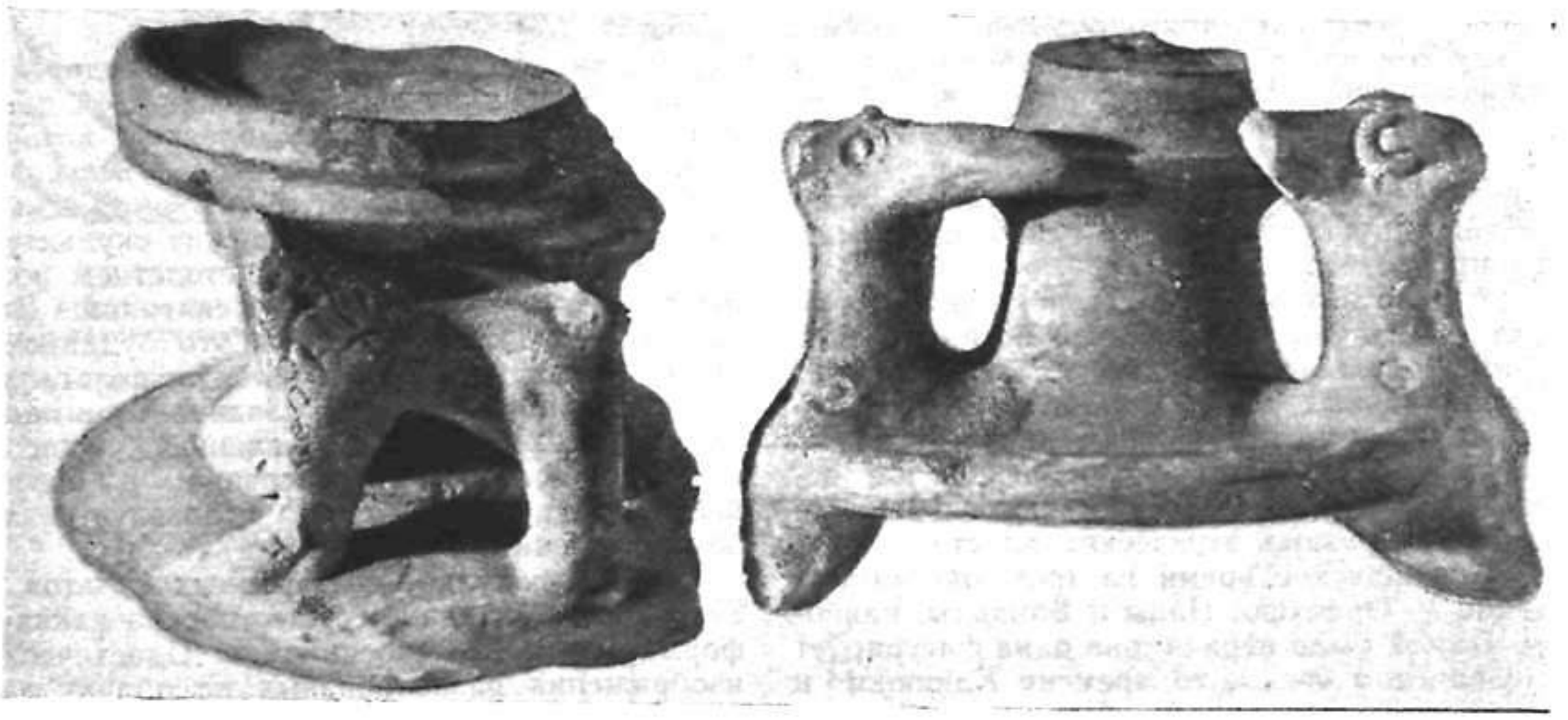


Рис. 145. Культовые подставки.

Эти зооморфные образы, призванные оберегать содержимое сосудов, восходят к традициям скотоводческой среднеазиатской среды. По мнению исследователей, появление их связано с передвижением кочевников в зоны оседлых культур.

Исследования античного Саганиана и особенно работы на Дальверзинтепе, проливают свет на сложную картину сосуществования здесь, как и во всей Бактрии, различных форм культовой идеологии из круга восточно-иранских, эллинских, индийских и чисто локальных верований и религиозных воззрений.

Е. Художественная культура

Духовная культура предстает на Дальверзинтепе пока в основном в формах изобрази-

[122] Заднепровский, с. 44; Литвинский, 1961, рис. 7, с. 71; Ранов и Салтовская, 1961, рис. 10, с. 120. Материал таких идолов различный — камень, литой гипс, терракота.

[123] Carl, pl. 5, fig. 222, 223.

[124] Пугаченкова, 1966 а, рис. 70.

[125] Пугаченкова, 1973 б, рис. 43.

Рис. 146. Золотые слитки с надписями кхарошти из дальверзинского клада.

брусочках дальверзинского клада (вероятно, привезенных из Индии) и нерасшифрованная строка на черепке из квартала керамистов (рис. 146, 147).

Заслуживает упоминания особый знак (родовая тамга? монограмма?) в виде стилизованного цветка на стержне, закрепленном на треугольном основании. Он процарапан на

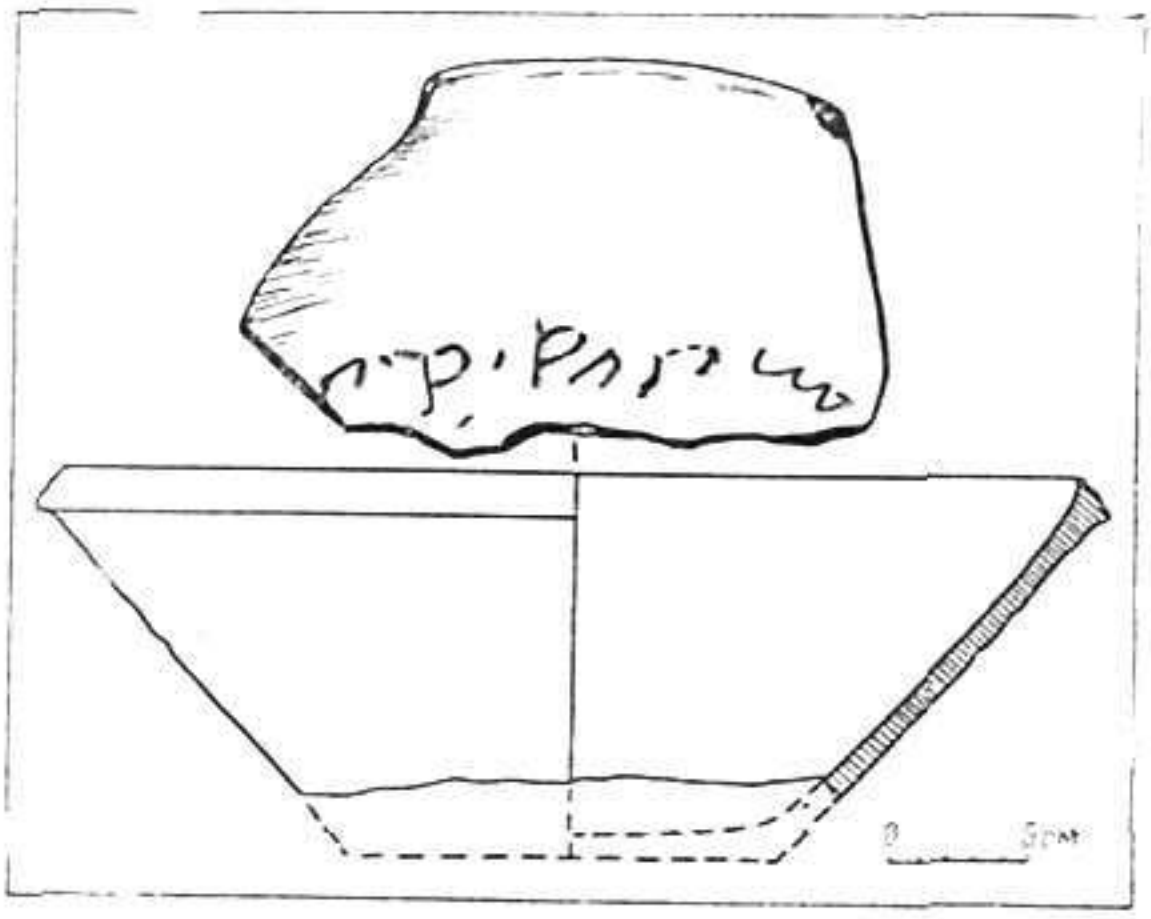


Рис. 147. Надпись на фрагменте тагары Дт-9.

стене северного коридора в доме Дт-6 и совершенно идентичный обнаружен на фрагменте из квартала керамистов. По-видимому, это не случайное совпадение (рис. 31).

Раскопки на Дальверзинтепе дали немало открытий в области художественной культуры.

Искусство Бактрии, почти неведомое каких-нибудь полвека тому назад, благодаря археологическим исследованиям, предстает в удивительном богатстве своих проявлений. Изучение памятников античного Саганиана— особенно Халчаяна и Дальверзинтепе, внесло в познание этой проблемы значительный материал.

Существенную черту монументальных форм художественной культуры здесь составлял синтез искусств. Пластические и живописные композиции взаимосвязаны с архитектурой, входя в оформление интерьеров главных залов и колонных айванов (которые, по существу, тоже представляют собою как бы открытый по фронту интерьер). Распределение изобразительного декора подчинялось общей архитектонике стен, но сам он, в свою очередь, обогащал архитектуру, организуя в ней пластическую и цветовую среду.

Примечательно, что скульптура и живопись входили в оформление храмов и дворцов, а также жилых домов (разумеется, домов со-

тельного искусства. До сих пор, к сожалению, получено очень немногое в отношении письменности, имевшей распространение в античном Саганиане: надписи кхарошти на золотых

стоятельных слоев населения). Таким образом, уже в античное время в Средней Азии формируется художественная традиция, которая достигает поразительной высоты в изобразительной живописи раннего средневековья и, даже замерев в эпоху ислама, новым всплеском проявится во дворцах Тимура и Тимуридов. Вообще же в средние века перейдя, в силу предначертаний мусульманства, из сферы изобразительности в орнаментальность, пластический и живописный декор сохраняется в культовой и жилой архитектуре Средней Азии вплоть до XX столетия.

В античную пору пластическое искусство преобладало над живописным. Нелишне впрочем, напомнить, что скульптура окрашивалась, и таким образом колористический эффект, составляя одну из ее характерных черт, осуществлял органическую связь с располагавшейся нередко в том же интерьере живописью (Халчаянский дворец, святилище Дт-7 на Дальверзинтепе).

Материалом скульптуры служила преимущественно глина, реже использовалась комбинация глины и гипса. В святилищах Дт-7 и Дт-9 были некрупные круглообъемные статуи, расположенные —в одном случае в нише, в другом — на суфе. В халчаянском дворце и в буддийском святилище Дт-1 преобладала настенная скульптура, т. е. выполненные в *трехчетвертном горельефе фигуры, примыкающие* с тыла к стене и переходящие с уровня плеч в круглообъемную пластику.

Для выполнения скульптуры привозилась особого рода жирная пластичная глина[126]. До того, как ее использовать, глина тщательно отмучивалась, а во избежание усадок и трещин при высыхании в нее вводился мелкий камышовый пух. Объемные детали (головы, туловища, руки) имели внутренний каркас из тростника или древесных прутьев. Прикрепление статуй к стене осуществлялось с помощью введенных в кладку деревянных штырей.

Лепка глиняной скульптуры велась послойно — вначале с приблизительным соблюдением форм, в верхнем же слое — с тщательной моделировкой форм и деталей. После этого прямо на глине или же по тонкому белому пигменту наносилась окраска.

Глино-гипсовая скульптура включала армированную глиняную болванку с приблизительным очертанием будущей статуи. Поверх нее еще по-сырому накладывалась ткань крупного плетения, а затем наносился гипс (на нем изнутри отчетливо видны отпечатки ткани, швы и узлы). Гипс накладывался от одного до четырех слоев и на них-то осуществлялась пластическая моделировка. Учитывая быстрое затвердение этого материала, можно полагать, что в гипс вводилась какая-то замедляющая схватывание добавка. Но и при этом скульптору приходилось спешить, а потому для разного рода деталей использовались формочки, которыми его помощник мог быстро заготовить нужные оттиски. Так выполнялись локоны, уши, накладные украшения и пр. При раскопках объекта Дт-1 была, между прочим, найдена формочка для оттиска улиткообразных завитков. Техника эта пришла из индо-буддийских областей кушанского мира — она хорошо известна в скульптурах Гандхары и Хадды.

Гипсовая скульптура, как и глиняная, окрашивалась, иногда наносилась позолота. Расположенные в полутемных помещениях (в святилищах Дт-1 и Дт-7, возможно, и вообще она освещалась искусственным светом), лица и фигуры благодаря этой раскраске приобретали иллюзорную жизненность.

Местоположение скульптур было различным. В святилище Дт-9 две статуарные группы располагались на невысокой суфе, то есть на уровне созерцания их приходившими на поклонение. В молельне Дт-7 сидящая богиня *была помещена в нише вверху стены. Пластические* композиции в айване и главном зале халчаянского дворца развертывались на значительной высоте — они преднамеренно были отстранены от зрителя, вознесены над ним[127]. В буддийском святилище Дт-1 обе группы настенных статуй в «зале царей» и кумирне располагались над цоколем ступы: здесь главную святыню выделяли не они, а купол ступы с реликварием — хармикой. Таким образом, единообразия не было — в зависимости от архитектоники интерьера, его пространственной глубины, высоты стен, условий обозрения и, наконец, содержания самих скульптур и горельефов избирался тот или иной принцип их размещения.

В скульптуре, открытой на Дальверзинтепе, отражена эволюция стиля на протяжении I—II вв., продолжающая то направление, которое запечатлено в Халчаяне. Ближе всего к халчаянской скульптуре статуя богини из Дт-7. Реализм образа, его психологическая достоверность сближают ее с женской головой в зубчатой короне из айвана халчаянско-

---

[126] Такая глина была, между прочим, обнаружена В. Луневым и Х. Х. Хуснутдиноджаевым недалеко от Шурчи, в обрыве сая у Джоильма.

[127] Подобный принцип размещения скульптуры в верхней части стены отмечен также в храме Дильберджина периода его перестройки в эпоху Великих Кушан (см. Кругликова, с. 33, рис. 25 а-с).

го дворца и с царицей из главного зала[128], отнюдь не повторяя ни той, ни другой. Перед нами не канон, но образ богини как воплощения материнства, в лице которой запечатлены и возраст, и тип, и выражение покоя, величия, мудрости. Индивидуальное начало господст-

Рис. 148. Головы богини и двух девочек из храма Дт-9.

вует здесь, как и в халчаянской скульптуре, мнится, что перед мысленным взором ваятеля стояла некая живая модель. Пластическими приемами — мерою обобщения форм достигнута общая монументальность скульптуры при ее сравнительно небольших абсолютных размерах, которые определялись положением в узком помещении молельни.

Скульптуры из храма Дт-9 отличает иной этнический тип, в них явственна близость к образам кушанского ваяния северо-западной Индии (рис. 148, 149).

Как видим, взаимообмен художественных идей между Бактрией и Индией протекал в эпоху Кушан не только в сфере буддийского искусства. Мы отмечаем явление, казалось бы, парадоксальное: скульптурные группы, связанные в дальверзинском храме с культом бактрийской богини, близки к образам гандхарского круга, в то время как в буддийской скульптуре из Дт-1 (за исключением таких закрепленных каноном статуй, как будды и монахи) преобладают не столько индо-буддийские, сколько эллинизированно-бактрийские образы. У гениев-дэватов из кумирни такие детали, как налепные спиральки кудрей, удлиненные уши, гирлянды цветов следуют индийской традиции, но в лицах их нет ни следа индизации. Напротив, одни из них словно бы воскрешают стиль Праксителя, присущую его творениям нежность обрамленных кудрями юношеских лиц, правильность черт, мягкость улыбок и томность взоров. Другим приданы локально-бактрийские черты (вплоть до усов). По стилю и общему лирическому настроению образы эти сближаются с некото-

Рис. 149. Торс ребенка из храма Дт-9.

рыми скульптурами Хадды — в частности, дальверзинская голова юноши в волнистых кудрях (рис. 150) напоминает знаменитого «Гения с цветами»[129]. Но прямых повторов хаддских или гандхарских дэватов в дальверзинской скульптуре нет, и объяснение тому, на наш взгляд,— в стойкости эллинизированно-бактрийских художественных традиций на местной почве в пору проникновения сюда буддийской культуры.

[128] Пугаченкова, 1966 а, табл. VI. XVIII; 1971 а, илл. 50, 53, 91, 92.

[129] Barthoux, 1933, pl. 37, 38.

Композиция «Галереи царей» включала очень крупные статуи государя и его сына в остроконечных шапках и богатых одеждах, покрытых драгоценностями; меньшие по размерам изображения женщин из царской семьи, в богатых повязках на голове; небольшие фигуры вельмож в характерных кушан-

Рис. 150. Голова гения из кумкрии буддийского святилища Дт-1.

ских кафтанах (рис. 151). Все статуи портретны, но, в отличие от Халчаяна, это портреты идеализированные. Лица их исполнены либо абстрактного величия, либо благостного смирения. Это не застылые маски, но и все частное, преходящее в них устранено, признаки возраста сняты, характеры не выражены.

Так же, как в Халчаяне, здесь передан групповой династийный портрет, но понимание идейных задач уже иное. В Халчаяне все участники композиции равновелики, а образы их исполнены психологической достоверности. В Дальверзине даже размерами выделена сословная династия, во всем царит этикет, соблюдаемый участниками сцены, подчеркнутый почти фронтальными позами и бесстрастием лиц.

Голова дальверзинского принца (рис. 152) странным образом напоминает каменную статую из святилища Антиоха Коммагенского I в. до н. э.[130] и вместе с тем уже предвозве-

[130] Chirshman, 1962, fig. 75; Schlumberger, 1970. p. 44.

Рис. 151. Статуя вельможи.

щает застыло-абстрактные головы кушанских принцев в подобных же остроконечных шапках из святилища Матхуры II в.[131] и чем-то сходные с ними образы парфянских наместников и знати в скульптуре западно-парфянской столицы Хатры (II в.)[132]. Скульптура Дальверзина как бы отмечает промежуточное территориальное положение художественной культуры Бактрии между миром искусства эллинизированной Месопотамии и Сирии на Западе и Индии на Востоке и вместе с тем общий для всего Среднего Востока процесс эволюции стиля ваяния в интервале примерно двух веков[133].

В этой общности — отнюдь не цепь случайных внешних совпадений (например, остроконечных, по-разному украшенных царских шапок), но единство принципов пластического искусства I—II вв. в кушанском и парфянском мире, породивших и сходные явления в художественной культуре столь удаленных, казалось бы, друг от друга областей. Скульптуры Матхуры — Гандхары — Халлы — Халчаяна — Дальверзинтепе — Хатры дают те опорные вехи, к которым, несомненно, будущие открытия прибавят еще немало новых звеньев в познании эволюции династического искусства этого огромного региона античного мира.

Живопись Дальверзинтепе, к сожалению, дошла в столь незначительных фрагментах, что преждевременно было бы делать на этой основе обобщающие выводы. Но можно уже суммировать некоторые наблюдения.

Росписи наносили на глино-саманную обмазку стен — достаточно плотную, благодаря введению армирующих растительных добавок, предохраняющих глину от растрескивания, хотя со временем, когда эти добавки истлевали, обмазка разрушалась, в силу чего росписи дошли лишь в виде отдельных небольших фрагментов.

По этому слою осуществлялась плотная затирка, а иногда наносился тонкий белый пигмент и на нем (или прямо по глине) — сама роспись. Краски в большинстве минеральные. Красочная гамма ограничена, но она разнообразилась введением белил, чем создавались разные оттенки цвета и полутона.

Изображение наносилось тонким контурным рисунком, уверенным движением кисти (без поправок), затем осуществлялась закраска. В росписях Дт-7 отмечена моделировка графическим приемом — нанесением удаляющихся от края к середине штрихов, придающих объемность формам.

Сюжеты росписей весьма разнообразны. В святилище Дт-7 тематика связана с почитанием Великой богини, к которой служители— жрец и жрица, простирают малых детей, как бы призывая на них ее благословение и благодать. В соседнем коридоре была изображена

Рис. 152. Голова кушанского принца.

какая-то восседающая фигура в драпирующейся мантии и с мечом (?).

В росписях вестибюля в храме Дт-9 на крупном фрагменте передана сцена выезда героя (?), за которым с балконов наблюдают девушки; были и другие персонажи, преимущественно женщины, от которых дошли фрагменты руки и одеяний (рис. 153). В доме Дт-5 изображен тяжеловооруженный всадник в каске, с мечом, на бронированном коне. Образ его явственно сближается со статуей всадника-катафрактария из Халчаянского

[131] Rosenfield, pl. 4, 14—16.
[132] Fukai, p. 146 сл. pl. 2; Homés—Fredericq, pl. VI—1, 2.
[133] Pougatchenkova, 1971, p. 133, сл.

дворца[134] — показатель популярности данного персонажа (или связанного с ним сюжета) в местном искусстве. Примечательно введение живописи в античном Саганиане в оформление не только храмов и дворцов, но и богатого жилого дома.

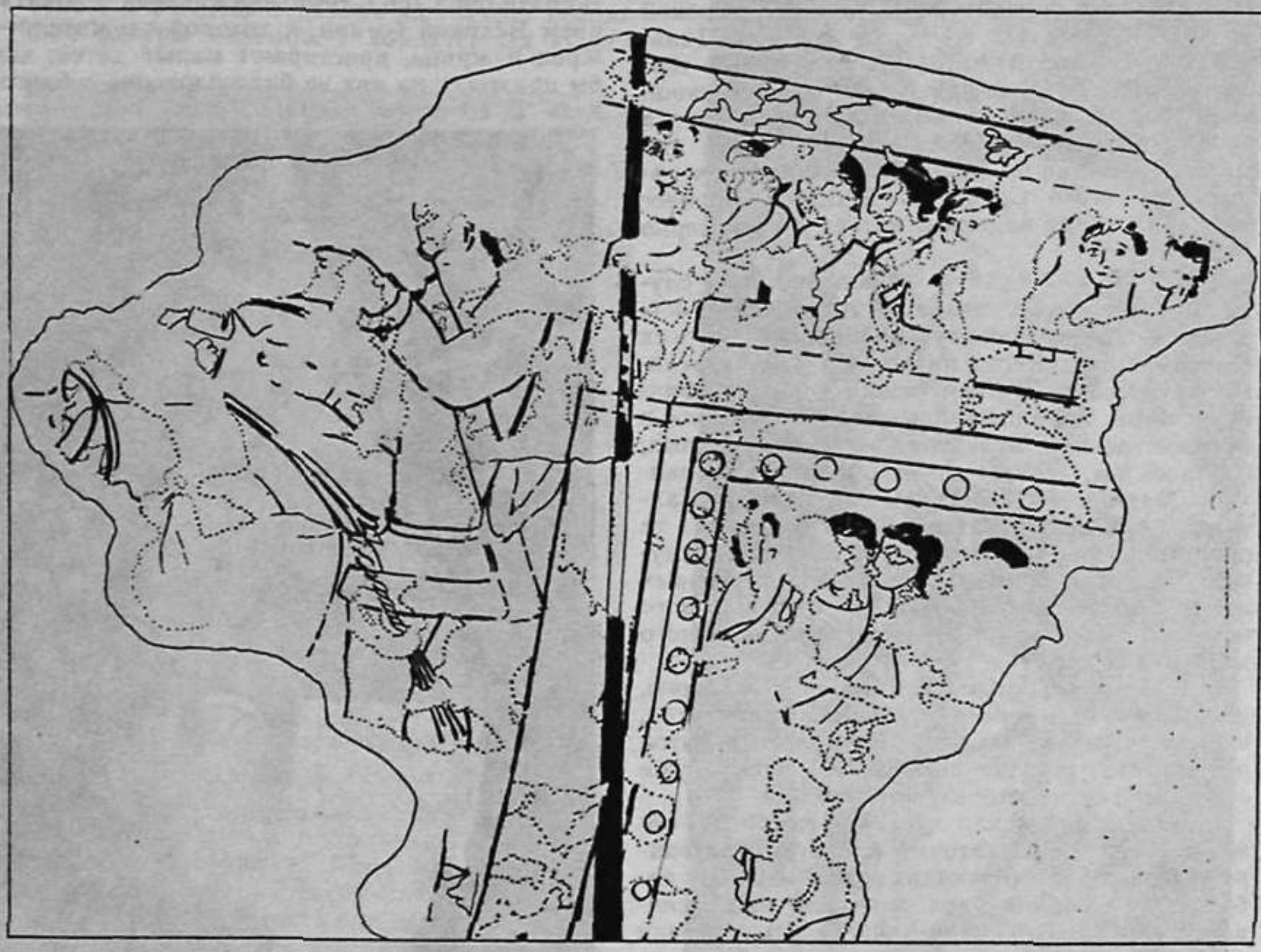


Рис. 153. Фрагмент живописи из храма Дт-9 (прорисовка).

Отсутствие тематических аналогий к дальверзинским фрагментам в живописи античного мира — от Средиземноморья до Индии — свидетельствует о существовании в северной Бактрии собственных изобразительных традиций. Если вспомнить указание Ктесия о том, что в пору походов Александра Македонского в глубь Азии в домах согдийцев были изображения на темы романтических сказаний о Зариадре и Одатиде[135], не исключено, что и здесь во дворцах и домах тематика росписей была связана с преданиями старины, бродячими литературными сюжетами, а также с мифологией местных религий.

Особую область «малых искусств» составляли терракоты. В массе своей они прежде всего имели культовые функции, являя скульптурные образы почитаемых в народе божеств. Но в них заложено и художественно-образное начало.

Если прежде можно было лишь предполагать, то ныне мы вправе утверждать, что среднеазиатские, в том числе саганианские, терракоты воспроизводят в малом масштабе канонические образы монументальной скульптуры. Открытие халчаянской скульптуры дало прообразы тех вакхических персонажей и музыкантш, которые встречаются в бактрийской коропластике, статуи же богинь из святилищ Дт-7 и Дт-9 являются прототипами некоторых групп терракотовых статуэток.

[134] Пугаченкова, 1971 а, с. 67.
[135] Латышев, с. 252.

Вероятно, изначальные матрицы-калыбы, копирующие крупные статуи, выполнялись искусными мастерами-коропластами. Однако тиражирование статуэток, последующее изготовление с них новых калыбов, а с них—опять терракот, приводило к огрублению скульптурных деталей и смятости форм. Вот почему порою единый статуарный тип предстает то в отличной, то в нечеткой пластической передаче.

Мы уже отмечали, что наиболее многочисленны среди найденных в Саганиане терракот статуэтки богинь. Сопоставление с находками из других районов Бактрии выявляет определенные отличия, позволяя утверждать, что единым (или близким) образам чтимых богинь в этих районах соответствовал свой художественный эквивалент, отображающий особенности местной народной среды — в трактовке лиц, украшений, головных уборов.

На Дальверзинтепе мы не имеем пока терракот из греко-бактрийских слоев и, видимо, это не случайно. Примечательно, что в Ай-Ханум, при обширном масштабе осуществленных здесь археологических работ, до сих пор не было найдено ни одной терракоты — значит в них и не было надобности для исповедуемых здесь греками и греко-бактрийцами культов.

Появление в Бактрии терракотовых образков было, очевидно, вызвано возрастанием роли местных народных верований, запросам которых отвечало начавшееся изготовление статуэток. На Дальверзинтепе наиболее многочисленны статуэтки Великой богини, но встречаются также образы местного дионисизма: нагой персонаж, козлоухий певец, лютнистка, арфистка.

Стиль раннекушанских терракот явно связан с традициями эллинистического искусства. Для них характерна круглообъемная лепка фигурок, тонкая разработка черт лица и куафюры, мягко драпирующихся, наподобие туники и гиматия, одежд.

Уже в эту пору зарождается и канон: восседающая богиня, изображению которой приданы локальные черты и одеяния. Он возобладает в великокушанское время. Статуэтки становятся уплощеннее, головы их нередко непропорционально велики по отношению к туловищу, одежды приобретают азиатский покрой, складки их переданы схематично. В трактовке же лиц явственна передача двух этнических разновидностей. В одном случае это богиня «бактрийского типа»: утяжеленный овал лица, правильные черты, прямой разрез глаз под дугообразными бровями, на щеках две родинки. В другом — богиня «юеджийского типа» (сходство с этносом Гераева клана в халчаянской скульптуре): подквадратное скуластое лицо, с закатанным лбом, нависающим у переносицы и резким скосом взбегающих к вискам глаз и бровей. У первой на голове род высокого кокошника, у второй волосы просто подхвачены начельной лентой и как бы подрезаны ниже ушей. А между тем поза их идентична и встречаются они в единых стратиграфических слоях. Эти статуэтки, очевидно, передают одну и ту же богиню, но выполнялись они по запросам двух сосуществовавших в Саганиане разных этнических групп. Со временем на терракотах отмечается смешение обоих коропластических типов (например, богиня в кокошнике с овальным лицом и родинками, но со скосым очертанием глаз и бровей), может быть, косвенно отражающее процесс слияния самого юеджийского и бактрийского этноса.

Позднекушанским статуэткам присуще огрубление всего облика, диспропорция форм и утрата пластичности. Это уже не идеализированный культовый образ, но идольчик, магическая функция которого вытесняет задачи художественной выразительности.

Художественная культура древнего Саганиана в свете изучения Дальверзинтепе, Халчаяна и других городищ Сурхандарьинской долины предстает как яркое и отнюдь не провинциальное явление античного искусства, стилистические линии которого взаимосвязаны с искусством сопредельных областей, но вместе с тем имеют свои специфические черты[136].

* * *

Десятилетие исследований на Дальверзинтепе положило лишь начало познанию этого крупного кушано-бактрийского городища. Много неожиданных открытий, как и широких массовых наблюдений, которые обеспечат прочность окончательных выводов, еще впереди. Но и на фоне проделанных Узбекистанской искусствоведческой экспедицией работ уже проступают контуры истории, материального быта и культуры одного из крупнейших городов Северной Бактрии — столицы древнего Саганиана.

В литературе уже не раз отмечалось, что культура Кушанской империи не была однородным явлением, но представляла «целый

[136] Мы не касаемся здесь других видов «малых искусств», которые затронуты выше, в связи с ремеслами (керамика, ювелирные изделия). Проблема музыкальной культуры освещена Т. С. Вызго.

ряд местных вариантов, не все из которых еще выявлены во всем конкретном своеобразии»[137]. Новые данные археологических исследований в обширном кушанском регионе из года в год подкрепляют этот тезис. Мы вправе его расширить, подчеркнув, что «местные варианты» локализуются не только в рамках таких крупных историко-культурных провинций, как, скажем, Гандхара, Нагарахара, Бактрия и др. В материальной и художественной культуре внутри этих провинций существовали локальные разветвления, концентрировавшиеся в пределах определенных историко-географических районов. Так было и в Бактрии, где одним из таких районов являлся Саганиан — верхний и средний бассейн Сурхандарьи.

Эти локальные проявления наиболее явственно выражены не в крупных формах материальной и художественной культуры, которые были общебактрийскими (фортификация, монументальное зодчество, скульптура), а в массовых ее проявлениях — в керамике, терракотах, вероятно, и в недошедших до нас тканях, вышивках, коврах, словом, в узоротворчестве.

[137] Массон, Рамодин, с. 186.

Культура античного Саганиана обрисовывается в диалектическом единстве своеобразия и широких взаимосвязей с близрасположенными и удаленными странами, а главный саганианский город (Ходзо?),— его бытовые черты, его материальная культура и культура духовная, запечатленная в формах искусства и религии,— предстает как типичное явление пока еще мало изученной античной городской цивилизации среднеазиатского мира.

Рис. 154. Гребень из храма Дт-9.

Говоря о связях, мы имеем в виду не столько прямой обмен вещей, сколько взаимообмен идей. Первый запечатлен на саганианских городищах привозными предметами из Индии (гребень (рис. 154), шахматы, гадательная кость, часть золотых предметов на Дальверзинтепе, кусок слоновьего бивня в Илантепе). Рима (стекло в Халчаяне, гемма с фортуной на Дальверзинтепе (рис. 138, *3*), мраморная головка времени Августа из Илантепе, маскарон I в. н. э. из Шахри-Гульгуля)[138],

[138] Подчеркнем, что перечисленные объекты стоят в рамках I в. н. э. Находка же их в археологических слоях времени Великих Кушан дает еще один аргумент в пользу поддерживаемой нами НДК — «Начальной даты Канишки».

Дальнего Востока (кусочки шелковой ткани в халчаянском дворце, бронзовое зеркало в Бандыхане) — число их, в конечном счете, не столь уж велико.

Гораздо важнее по своему существу был взаимообмен духовными ценностями. Те же шахматные фигурки из Дальверзинтепе знаменуют раннее проникновение в Бактрию мудрой индийской игры, доныне сохраняющей значение одного из удивительных проявлений человеческого гения. Из Индии же приходит буддизм, который привносит в бактрийский мир не только религиозную доктрину, но определенные этические и эстетические воззрения и художественный канон.

Воздействия культуры Римской империи, запечатленные в индокушанском мире, в Бактрии почти неощутимы[139]. Объяснение тому, на наш взгляд, в огромной роли греческих воздействий, наложивших печать на сложение собственной эллинизированной культуры, которая сформировалась еще в греко-бактрийский период и которая, словно скрытый в сосуде огонь, излучала свой жар на протяжении всего кушанского периода. Приверженность к ней отображена в кушано-бактрийской архитектуре (коринфизированные капители, аттические базы, антефиксы), в скульптуре (например, дионисийские мотивы, образы некоторых божеств и др.), в орнаментике (мотив пальметты, виноградной лозы), в предметах культа (каменный алтарь), в деталях одеяний (женские драпирующиеся платья и мантии в скульптуре и на терракотах).

Но все перечисленное, как видим,— детали. А в целом культура Бактрии (в нашем случае — на саганианской почве) предстает в своеобразии своих проявлений, которое, однако, не снимает, а лишь оттеняет указанный круг культурных и творческих связей. Архитектура в ее планировочных схемах и объемно-пространственных композициях развивает собственный типологический ряд. Скульптура и стенопись передают пластические или живописные образы, следующие собственной тематике и своим особым идеалам прекрасного. Даже в самом массовом ремесле—керамике—характерен сервиз, присущий всему центрально-азиатскому региону античной поры, но с собственными вариантами посудных форм. В сфере же, например религиозной, мы отмечаем, что, отвергнув занесенное греками почитание эллинских богов, приняв лишь в малой доле пришедший из Индии буддизм, основная часть населения стойко придерживалась локальных культов.

Большие города всегда создавали благоприятную среду для взаимопроникновения идей и формирования широких концепций. Одним из таких городов среднеазиатского античного мира был Дальверзинтепе, судьба которого — зарождение, расцвет, упадок и гибель служат в известной мере отражением социальной и культурной истории всего бактрийского региона.

---

[139] Число римских предметов в общей массе археологических находок по всей Средней Азии (при огромном масштабе самих археологических исследований) столь невелико, что делает весьма сомнительным утверждение Б. Я. Ставиского, будто «вещественные свидетельства связей с Римом особенно многочисленны в Средней Азии периода расцвета Кушанской державы», и что «находки римских вещей и подражаний им отмечены по всему Среднеазиатскому Междуречью, которое в первые века нашей эры было своеобразным фокусом, где отражались римские веяния», (см.: Ставиский, 1964 а, с. 178, 180).

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ОКРУГЕ ДАЛЬВЕРЗИНТЕПЕ

Для понимания истории культурного освоения, динамики развития и последующего обживания территорий, прилегающих к Дальверзинтепе, определенный интерес представляют расположенные здесь археологические памятники. Большинство из них было обнаружено в процессе планомерных исследований, проводимых Г. А. Пугаченковой, Б. А. Тургуновым, Э. В. Ртвеладзе[1] при участии М. Х. Исхакова и О. С. Маликова. Ниже даются характеристики памятников, находящихся на землях колхозов «30 лет Октября», «Ленинабад» и им. Ю. Ахунбабаева, расположенных в 0,5—4 км от Дальверзинтепе, но не затрагиваются объекты пригородной зоны города, освещенные в других разделах данной монографии, причем описания даются суммарно по группам.

Хронологические определения базируются в основном на подъемной керамике и просмотре слоев в естественных разрезах; на объектах Кальтепе и Гормалитепе осуществлены также и раскопки. Для памятников кушанской эпохи в скобках даны порядковые номера по принятой для поселений данного времени единой нумерации. Местонахождение объектов относительно городища Дальверзинтепе обозначено на прилагаемой схеме (рис. 155).

Поселений эпохи бронзы и раннего железа в обследованной зоне не обнаружено. Однако весной 1974 г. колхозниками в местности Хатамтой (№ 1 на схеме) на адырах было найдено несколько сосудов, по определению А. С. Сагдуллаева, относящихся к периоду Намазга VI. Следов поселения здесь нет, возможно, в этом месте находился небольшой могильник или одиночное погребение эпохи бронзы, полностью смытые селевыми потоками.

2. Кальтепе — подпрямоугольный холм (50—30 *м*, в-5 *м*), в северной части которого выделяется возвышенный бугор. При шурфовке определено, что нижние культурные слои относятся к кушанскому времени, а верхние— к раннему средневековью.

3. (Б.-108). В срезе террасы отмечен культурный слой мощностью до 1 *м*, насыщенный керамикой кушанского времени.

4. (Б-109). Следы небольшого поселения кушанского времени и хумное захоронение с детским костяком и небольшим сосудом-поильничком[2].

5. (Б-110). Культепе — городище на правом берегу Сурхандарьи, частично занятое современным кладбищем. Состоит из двух частей: западной (140×140, в-3—4 *м*) и восточной (170×80, в-8 *м*), разделенных рвом (30—40 *м*). Ориентировано по линии В-З с небольшим отклонением к северу. В южной половине восточной части высится цитадель или замок (40×30 *м* по верху и 65×45 по низу, в-8 *м*). В северной половине заметен вал, по-видимому, позднего происхождения. В разрезе западной части видна кладка стены из сырца 35×35×10 *см* и внутристенный проход более 1 *м*. В центре западной стороны — ворота, а по краям их остатки стен. По подъемной керамике и размерам кирпича городище Культепе датируется кушанским временем, но оно обживалось и в раннее средневековье.

6. Поселение кушанского времени, полностью разрушенное при распашке. Местными колхозниками передана печать с рельефным узором и красноангобированный сосуд.

7. Мазартепе. Вся территория (50×40 *м*, в-7 *м*) занята под кладбище. К северо-востоку прослеживаются небольшие остатки примыкающего поселения. Эпоха раннего средневековья, возможно, замок-кешк.

8. Искандартепе. Квадратное в плане тепе (50×50 *м*, в-5×7 *м*) с несколько вытянутым юго-восточным углом. Эпоха раннего средневековья и, возможно, позднекушанское время.

9. Безымянное тепе. В 1,1 *км* к северо-востоку от Дальверзинтепе. Прямоугольное в плане (60×50 *м*, в-4 *м*), состоит, как бы из двух частей: возвышенной (до 4 *м*) и отлогой (до 1—1,5 *м*), разделенных ложбиной (до 5 *м*). Эпоха раннего средневековья.

10. Азлярtепе. В плане подпрямоугольное (80×20 *м*). Эпоха раннего средневековья.

11. Группа тепе в саду колхоза «Ленинабад». Подъемный материал кушанского времени, раннего и развитого средневековья.

[1] Ртвеладзе, 1974, с. 74—82.

[2] Г. А. Пугаченкова, 1971.

12. Гормалитепе. В 2,8 *км* к югу от Дальверзинтепе. Судя по остаткам, тепе имело размеры 110×100 *м* и было вытянуто по линии С-Ю. При рекогносцировочном обследовании здесь были собраны фрагменты глазурованной и безглазурной керамики XI—XII вв. Осуществлены раскопки керамической печи, ориентированной по линии В-З. В плане она имеет прямоугольную форму (3,16×265 *м*, в 1,7 *м* от дна печи). Сохранилось основание обжигательной камеры с шестью продухами, выложенными из жженых кирпичей 25×13×4,5 и 26×13×4,5 *см*. Топочная часть на высоту в 5 кирпичей заложена шестигранными жженными кирпичами 14—18 *см* в стороне, т-4—4,2 *см*. Отработанная печь, очевидно, впоследствии была расчищена и использовалась в качестве мусорной ямы. В заполнении ее был найден разнообразный археологический материал—фрагменты керамики, металлические изделия, бусы, грузила, стеклянные сосуды: флаконы, кувшинчики, ножки бокалов, чаша.

Особый интерес имеет глазурованная керамика, представленная образцами чаш, ляганов, пиал с геометрическим, эпиграфическим и растительным орнаментами, выполненными марганцево-коричневой краской, в основном, по белому фону под прозрачной поливой (рис. 156, 157). Общий стиль ее характерен для X—XII вв. н. э. Немало также и безглазурной керамики, сочно орнаментированной штампами (рис. 158).

Найдены монеты мусульманского чекана, но они определению не поддаются в связи с очень плохой сохранностью.

13. Айртам. Прямоугольное тепе (35××50 *м*). Эпоха раннего и развитого средневековья.

14. Ганб-ата. Подпрямоугольное тепе (д-30 *м*). Период позднего средневековья. Найдены медные чашки, украшенные орнаментом.

15. Кош-тегермон. Разрушенное тепе XIV—XV вв.; найдена серебряная монета тимурида Абу-Саида.

16. Караултепе. Квадратный план (50××50 *м*). Видимо, раннесредневековый кешк.

17. Безымянное тепе в 2,75 *км* к северу от Дальверзинтепе. Памятник разрушен. Размер и датировка неясны.

18. Поселение эпохи развитого средневековья полностью уничтожено. Находилось на территории колхоза «Ленинабад» у кишлака Кош-тегермон.

19. Колхоз им. Ю. Ахунбабаева, бригада «Шамоли», местными колхозниками был найден обломок бронзового зеркала с китайскими иероглифами.

На основании проведенных разведок можно в общих чертах наметить этапы истории обживания окрестностей Дальверзинтепе.

Основные образцы керамики эпохи бронзы из Хатамтоя пока не позволяют сделать вывод, что данная территория интенсивно обживалась в это время. Характерно, что как и остальные памятники, Хатамтой расположен

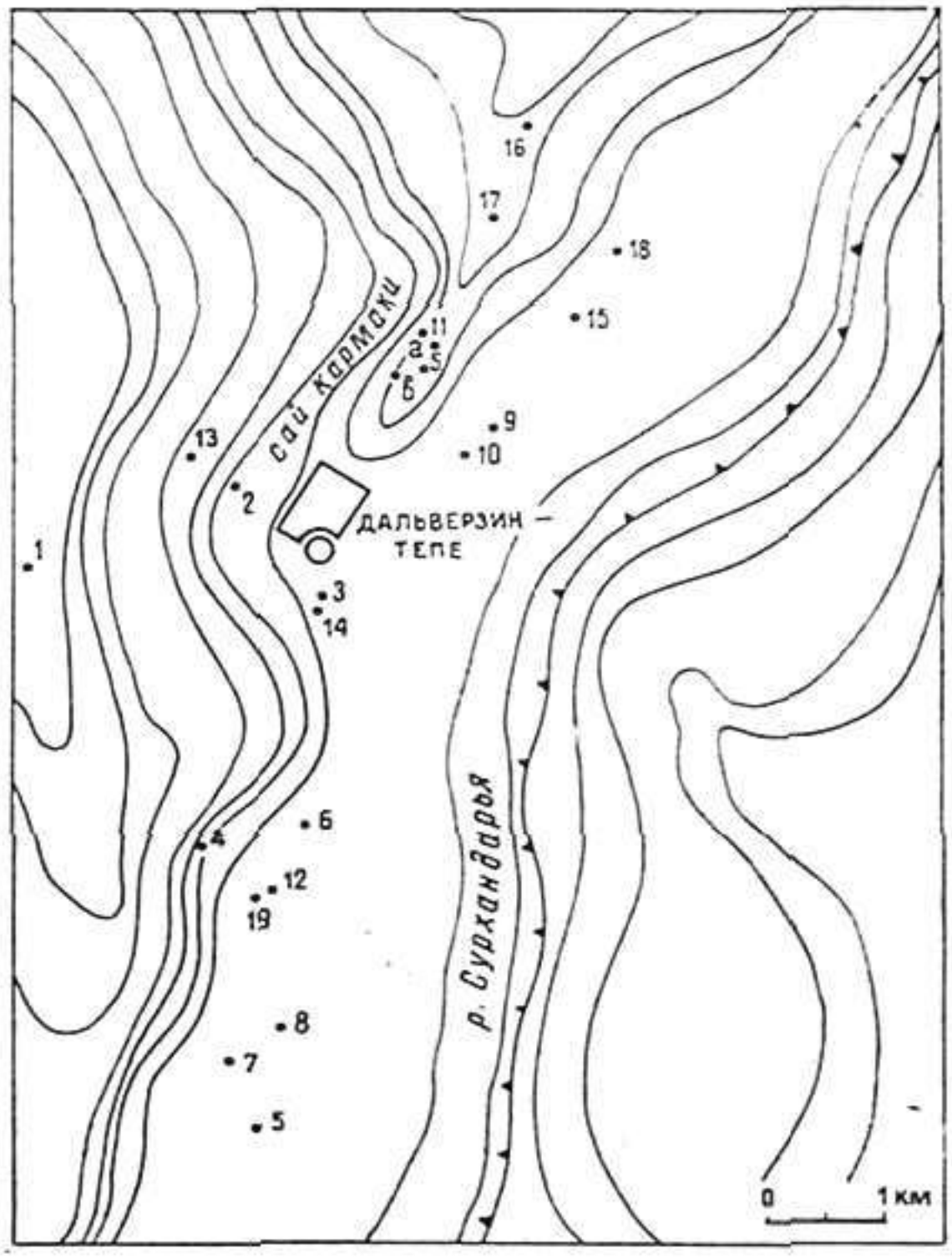


Рис. 155. Археологические памятники в округе Дальверзинтепе. План расположения археологических пунктов.

в адырной зоне, тогда как непосредственно в пойме Сурхандарьи до сих пор не найдено ни одного поселения эпохи бронзы[3]. В то же время наряду с остатками погребения в нижних слоях Денауской калы Хатамтой намечает крайнюю северо-восточную границу распространения памятников эпохи поздней бронзы на юге Узбекистана.

По всей вероятности, не была освоена эта территория и в ахеменидскую пору, поскольку до сих пор памятников, относящихся к данному времени, здесь не обнаружено. Связано

[3] Ртвеладзе, 1975 а, с. 265—266.

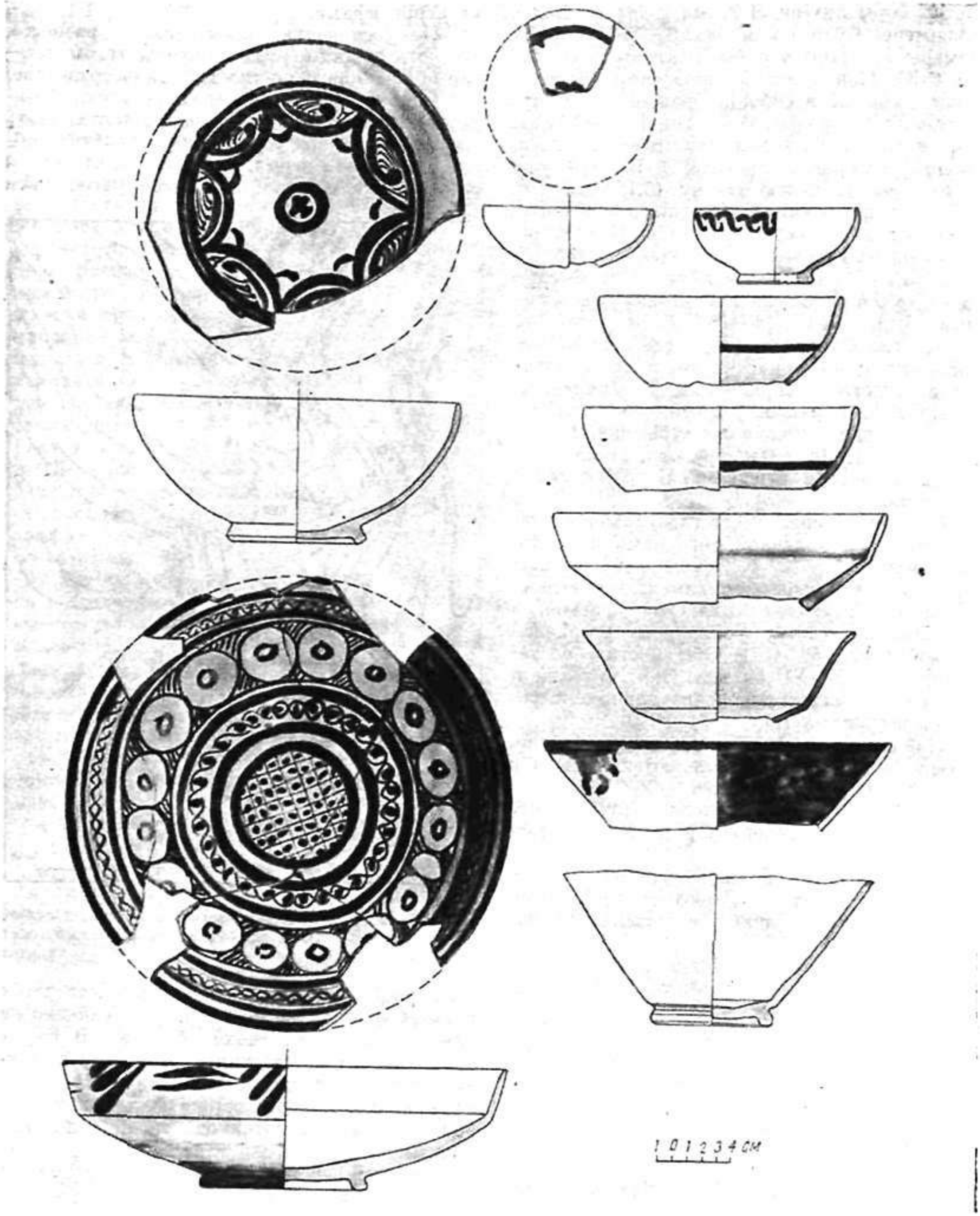


Рис. 156. Глазурованная керамика из заполнения средневековой печи на Гормалитепе.

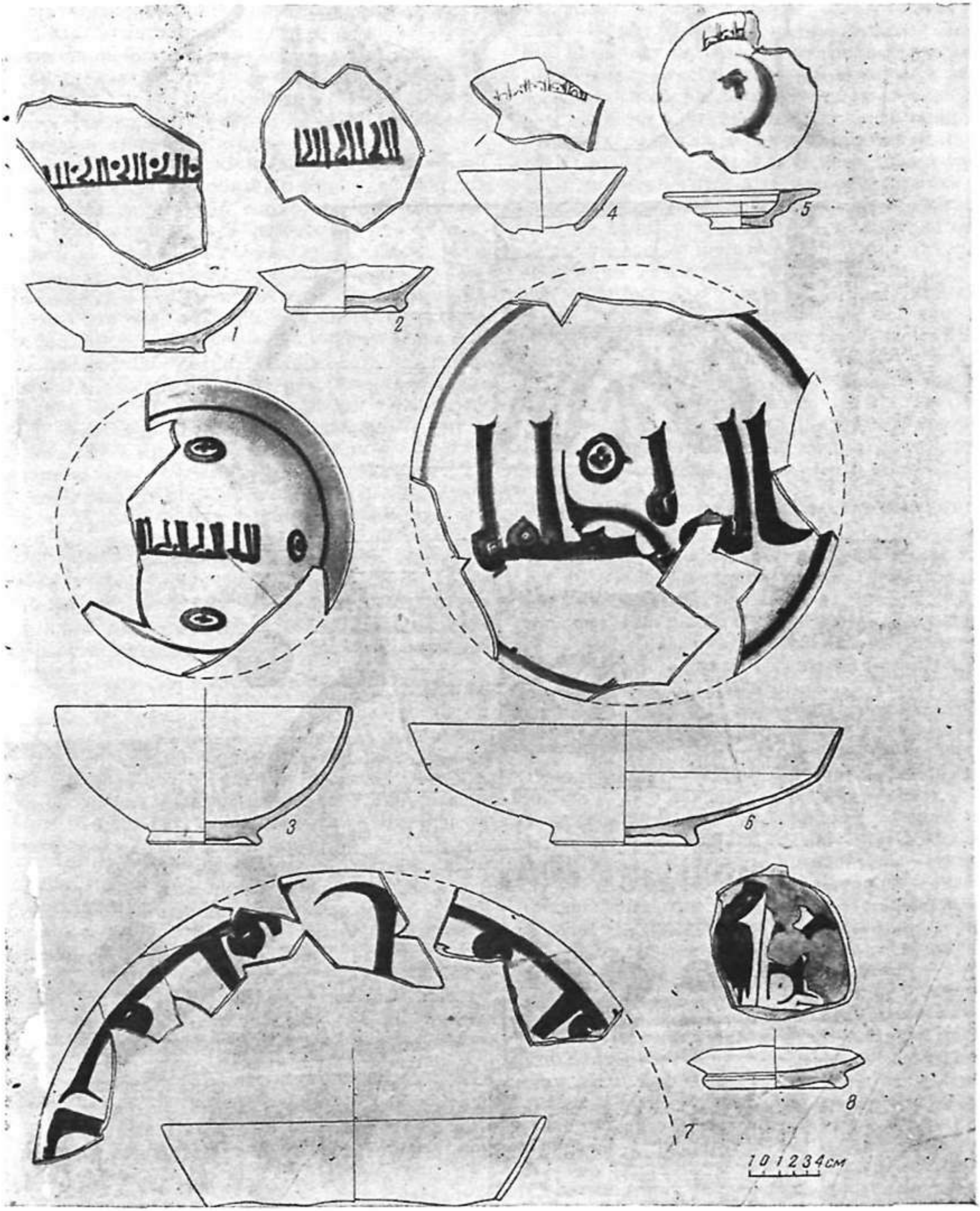


Рис. 157. Глазурованная керамика из заполнения средневековой печи на Гормалитепе.

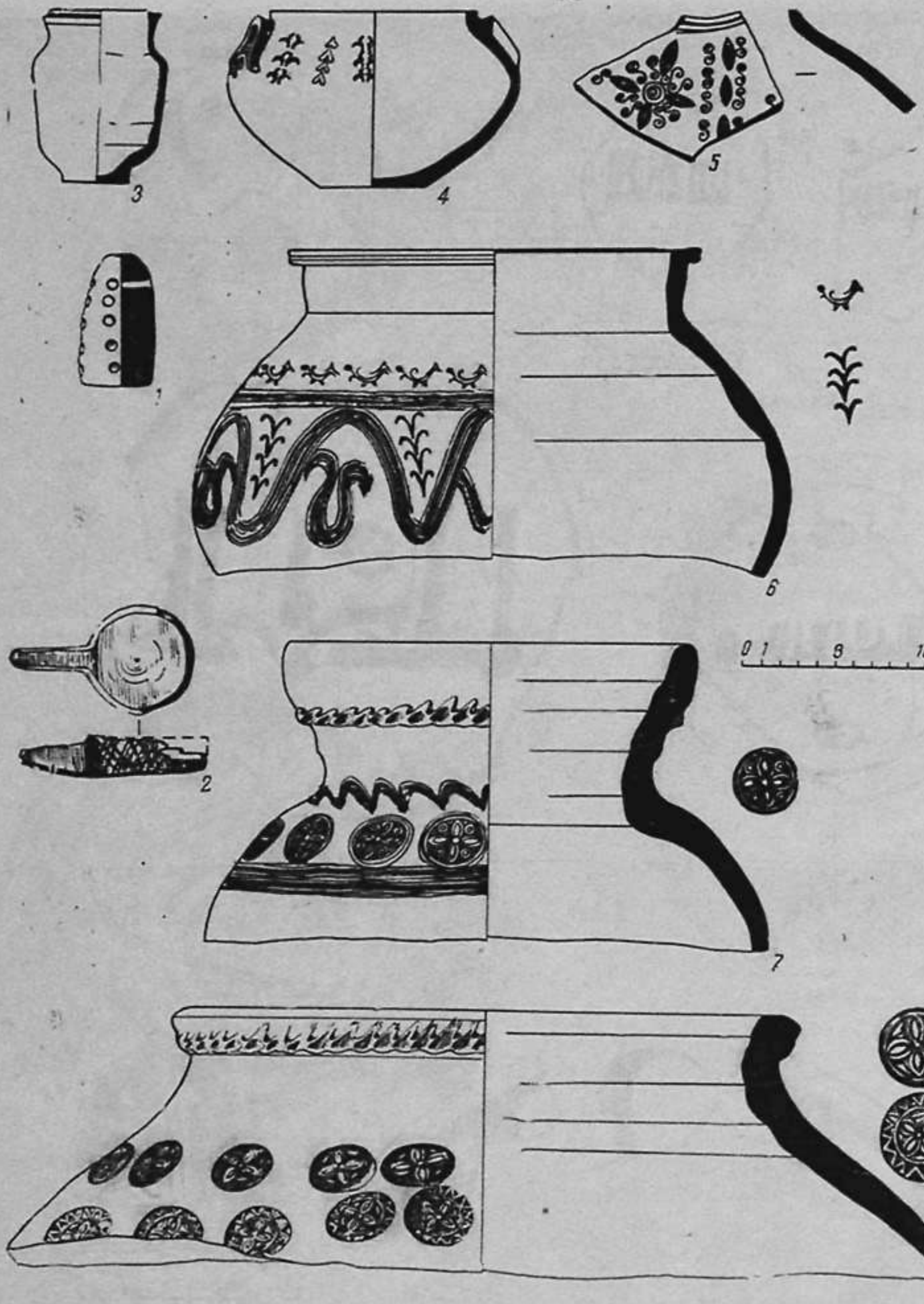


Рис. 158. Неполивная керамика из заполнения средневековой печи на Гормалитепе.

это, по-видимому, в первую очередь с трудностью ирригационного и мелиоративного освоения поймы Сурхандарьи, покрытой, как свидетельствуют отдельные факты, даже в кушанскую эпоху густыми тугайными зарослями[4]. Имеющиеся сейчас данные позволяют отнести начало интенсивного обживания данной территории к послеахеменидскому времени. В нижних горизонтах в ряде мест вскрыты греко-бактрийские слои[5]. По мнению Э. В. Ртвеладзе, этот процесс можно объяснить *не только широкой градостроительной* политикой, которую вначале проводили Селевкиды, а затем правители Греко-Бактрийского царства, но и тем, что после запустения большинства оазисов ахеменидского времени в предгорной зоне их население, переселившись в долины больших рек, начинает в широких масштабах освоение новых территорий.

Этот процесс достиг наивысшей интенсивности в кушанскую эпоху. Как в окрестностях Дальверзинтепе, так и по всему югу Узбекистана отмечается небывалый до этого рост поселений как в качественном, так и в количественном отношении[6].

Небольшие населенные пункты этого времени, возникшие у Дальверзинтепе, были, по-видимому, поселениями с сельскохозяйственным направлением и предназначались для обслуги потребностей населения большого города.

Так же, как и Дальверзинтепе, эти поселения прекращают свое существование в конце кушанской эпохи, что имеет как общие причины социально-экономического порядка, так и локальные: с гибелью большого города прекращают свое существование окружавшие его селения-спутники, чья жизнь была целиком связана с Дальверзинтепе.

После запустения Дальверзинтепе в его округе возникает ряд небольших поселений, представлявших собой, по-видимому, усадьбы или кешки, которые можно датировать VI—VIII вв. н. э. Жизненный центр области перемещается на городище Бедрач, расположенный в 14 *км* северо-восточнее Дальверзинтепе и отождествляемый Г. А. Пугаченковой с Чаганианом, упоминаемым в китайских и более поздних — арабских источниках.

С завоеванием Кутейбой Чаганиана в 705 г. Дальверзинтепе, очевидно, окончательно прекращает свое существование[7]. Перестают существовать и усадьбы-кешки в его округе, поскольку памятники, относящиеся к VIII—IX вв., нами пока не обнаружены. Лишь в X в. вблизи возникают поселения сельского типа, занятие части населения которых к тому же составляло различного типа ремесла. Таким является Гормалитепе, где нами найдены следы керамического и кирпичеобжигательного, возможно, металлического производства, о наличии которого говорят находки и присутствие криц в заполнении печи. Подъемный материал и керамика из заполнения печи *Гормалитепе отличаются высокими* технологическими качествами, что свидетельствует о довольно высоком уровне этого вида ремесла, достигнутого даже в небольшом селении[8].

Если в кушанскую эпоху поселения были связаны непосредственно с большим городом, то в период развитого средневековья мы наблюдаем выделение самостоятельных поселений, расположенных вдоль одного из ответвлений караванного пути, шедшего из Термеза через Чаганиан в Харуи и Шуман.

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ НА ДАЛЬВЕРЗИНТЕПЕ

В процессе археологических раскопок, а также сборов подъемного материала на городище Дальверзинтепе за период с 1962 по 1976 г. найдено 116 монет. Из них 5 подъемных, 76 обнаружены в культурных слоях, 35 входят в состав двух монетных кладов из раскопов. По династийным признакам монеты распределяются следующим образом: греко-бактрийские — 1 экз.; подражания греко-бактрийским — 4 экз.; Кушанские — 88 (из них — Сотер Мегас — 12, Вима Кадфиз — 11, Канишка — 17, Хувишка — 8, Васудева I — 31, Васудева II — 9). Подражания кушанским монетам — 3; *кушано-сасанидские — 8*; Эфталитская — 1; тюркский правитель Чаганиана — 1; Шейбаниды — 1; Неопределенные — позднекушанские или кушано-сасанидские — 8; Неопределенные позднесредневековые — 1.

В прилагаемом сводном описании монеты распределены автором хронологически.

Принцип описания и принятые сокращения таковы: порядковый номер, место находки, где указан полевой шифр объекта раскопок, археологические ярусы (обозначенные римскими цифрами при отсчете от нулевого репера), иногда с уточнением местоположения (например, «на полу»). Правитель. Лиц. ст. (лицевая сторона). Об. ст. (оборотная сторона). Д (диаметр в *мм*), В (вес в граммах). Стрелка (при нарушении соотношения оси изображений на лицевой и оборотной сторо-

[4] Массон, 1974, с. 5.
[5] Пугаченкова, 1971, с. 187—189.
[6] Массон, 1974, с. 3—12; Ртвеладзе, 1970, с. 74—75.
[7] Пугаченкова, 1966, с. 24.
[8] Исхаков, 1976, с. 89—90.

не). Сохранность (лицевой и оборотной стороны): C_1 — хорошая, C_2 — изображения видны лишь частично, C_3 — изображения видны едва или неразличимы. Все монеты, за исключением эфталитской, бронзовые.

Определение монет в процессе экспедиционных работ были осуществлены Г. А. Пугаченковой и Э. В. Ртвеладзе, после лабораторной очистки был внесен ряд уточнений, отраженных в таблице. К сожалению, несколько экспонатов были похищены из полевого экспедиционного музея, в силу чего для них в нашем перечне нет весовых данных.

Греко-бактрийские монеты

1. Евтидем. Лиц. ст. Голова бородатого Геракла вправо. Об. ст. Скачущий конь вправо. Д-19; В-6,1; C_2/C_3; ДТ—7, пом. 2/VI (рис. 159, *1*).

Подражание греко-бактрийским монетам

2. «Варварский Гелиокл». Первый тип, Лиц. ст. Голова государя в диадеме вправо. Об. ст. Силуэт коня влево с поднятой правой передней ногой. Д-28; В-11; C_3/C_3; ДТ-2, пом. 5/V.
3. То же. Второй тип. Лиц. ст. Погрудное изображение царя вправо, волосы повязаны двойной диадемой, концы которой развеваются за головой, плечи окутаны драпирующимся плащом. Волосы под диадемой разделены петельками, а ниже — спиралевидными завитками. Об ст. Зевс, стоящий прямо, вокруг головы лучистый нимб. Над плечами две рельефные дужки. В полуопущенной правой руке крупный перун, в левой поднятой — кольцо или навершие жезла. Плотное одеяние до колен, на ногах сапожки с широкими отворотами. Справа АСІЛЕ..., слева... ІІІ А. Монограмма Д-27; В-11,4; C_1/C_2. Подъемная, в 100 *м* к югу от ДТ-1.
4. То же. Монограмма ; Д-29; В-7,6; C_3/C_3; ДТ-6; пом. 10/XV.
5. То же. Д-19; В-3,8; C_1/C_3; ДТ-9; пом. 6/XI—XIII (рис. 159, *2*).

Кушанские монеты

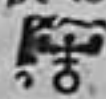
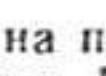
6. Сотер Мегас. Лиц. ст. Погрудное изображение царя вправо со скипетром в правой руке, над головой лучистый нимб. Об. ст. Царь на коне вправо с развевающимися за спиной лентами. Справа в поле, перед мордой коня,— трехзубчатая на кружке с перекрестием тамга  Легенда... МЕГА: ... Д-19; В-6,9; C_1/C_3; ДТ-9, пом. 6/XI—XII, в шве между стенами.
7. То же. Об. ст. тамга четырехзубчатая. Легенда... СІЛЕ ѵ ЯД-22; В-7,0; C_2/C_2. ДТ-9, пом. 6/XI—XII, там же.
8. То же. Тамга и легенды неразличимы. Д-19; В-6,7; C_3/C_3; ДТ-9, пом. 6/XI—XII, там же.
9. То же. Д-19; В-6,7; C_3/C_3; ДТ-9, пом. 6/XI—XII, там же.
10. То же. Д-19; В-7,1; C_2/C_2; ДТ-9, пом. 6/XI, в завале.
11. То же. Д-19; В-6,1; C_3/C_3; ДТ-6, пом. 10/XIV, у смазки пола.
12. То же. За головой следы тамги. Д-19; В-7,2; C_2/C_3; ДТ-2; пом. 9/IV.
13. То же, изображения более мелкие, Д-14; В-?; C_2/C_2; ДТ-6, пом. 18.
14. То же, за головой следы тамги. Д-13; В-3,2; C_3/C_3; ДТ-1, пом. 61, над полом.
15. То же, Д-13; В-3,0; C_2/C_3; ДТ-7, пом. 3/X, над полом.
16. То же, Д-13; В-3,0; C_3/C_3; ДТ-7, пом. 9/нач. X, над полом.
17. То же, Д-13; В-3,2; ДТ-6, пом. 24/XIV.
18. Кадфиз II. Лиц. ст. Царь в высоком головном уборе и диадеме с развевающимися лентами, стоит впрямь, голова влево, правая рука над алтарем, левая у бедра. В поле справа четырехзубчатая с боковыми отростками тамга ,под локтем левой руки справа ВАСІЛЕ. С ВАСІЛ... Об. ст. Шива, стоящий впрямь перед горбатым быком, обращенным мордой вправо. В правой руке трезубец, локтем левой руки опирается на быка, над крупом которого часть тамги. Д-27; В-14,2 ↰; C_1/C_2; ДТ-2, пом. 5/IV, над полом (рис. 159, *5—6*).
19. То же. Легенда не сохранилась, штемпель иной. Д-26-27; В-15; C_1/C_2; ДТ-2, пом. 11/III, у стены.
20. То же. Изображения более мелкие. Д-26; В-16,6; C_3/C_3; ДТ-1, пом. 6, в смазке пола.
21. То же. Штемпель иной. Д-26; В-15,2; C_2/C_3; ДТ-7, пом. 1/X.
22. То же. Штемпель иной. Д-26; В-10,8; C_3/C_3; ДТ-11, на полу.
23. То же. Штемпель иной. Д-25; В-13,2; C_2/C_3. ДТ-6.
24. То же. Д-25; В-?; C_2/C_3; подъемная.
25. Каниш ка. Лиц. ст. Царь в высоком головном уборе, стоящий влево, правая рука над алтарем, остальные детали неразличимы. Об. ст. Божество, бегущее влево с поднятыми руками и согнутыми в коленях ногами. Слева следы легенды. ΘΑΔΟ ; Д-26; В-14,2, ↰; C_2/C_2; ДТ-11, на полу.

Рис. 159. Монетные находки. Типы монет из находок на Дальверзинтепе

26. То же, но штемпель иной. Д-25; В-11,6; C_3/C_3; ДТ-11, на полу.
27. То же. Штемпель иной. Д-25; В-14,5; C_3/C_3; ДТ-7, пом. 5, под стеной периода 4.
28. То же. Штемпель иной. Д-24; В-14,2; C_2/C_3; ДТ-2/IV.
29. То же. Лиц. ст. Справа остатки легенды... ОРАО., Д-24-23; В-16,6; C_3/C_3.
30. То же. Лиц. ст. В правой руке копье. Об. ст. Стоящее влево божество в высоком головном уборе и длинном кафтане, с протянутой правой и согнутой левой рукой. Справа легенда М11Р... Д-23; В-13,2; C_2/C_2; ДТ-11, на полу.
31. То же. Об. ст. Божество, стоящее влево, правая рука вытянута вперед. Детали неразличимы. Д-26-27; В-13,2; ↗; C_2/C_3; ДТ-10, на полу.
32. То же. Об. ст. Стоящее божество. Д-25; В-?; C_2/C_2.
33. То же. Об. ст. Неясна. Д-25; В-11,6; C_3/C_3; ДТ-9, пом. 18, нач. XIV яруса, на суфе.
34. То же. Д-?; В-?; ДТ-5, пом. 3, второй уровень пола.
35. Хувишка. Лиц. ст. Государь на слоне вправо, справа и внизу следы легенды. Детали неразличимы. Об. ст. Божество стоящее прямо, видимо, ОКРО. В поднятой правой руке копье, слева в поле четырехзубчатая тамга . Прочие детали неразличимы. Д-24; В-8,6; C_2/C_3; ДТ-11, на полу (рис. 159, *10—11*).
36. То же. Об. ст. Точечный ободок. Д-2; В-8,9; C_3/C_2; ДТ-5, двор у кобура.
37. То же. Об. ст. Та же тамга. Д-24-25; В-10,4; C_3/C_2; ДТ-11, на полу.
38. То же. Об. ст. Легенда ОКРО. Д-24; В-7,5; ↖; C_2/C_2; ДТ-11, на полу.
39. То же. Лиц. ст. Сидящий на тахте государь. Детали неразличимы. Об. ст. Стоящее влево божество с протянутой правой рукой. Д-22; В-5,5; C_2/C_3; ДТ-11, на полу.
40. То же. Об. ст. Стоящее влево божество, в протянутой правой руке — копье, на поясе — меч. Слева тамга  . Д-21; В-7; C_3/C_2; ДТ-11, на полу.
41. То же. Д-21; В-5,7; C_3/C_3; ДТ-5, пом. 6/XV, над полом.
42. То же. Д-20; В-5,4; C_3/C_3; ДТ-11, на полу.
43. Васудева I. Лиц. ст. Царь в шлеме и панцире, стоящий прямо, голова влево; правая рука над алтарем, в левой трезубец. Вокруг головы нимб, на поясе меч. Об. ст. Шива, стоящий впрямь, с трезубцем в левой руке и неясным предметом в правой, позади него горбатый бык, стоящий влево. Д-24; В-10,1; ↖; C_2/C_2; ДТ, шурф, СВ/IV (рис. 159, *12*).
44. То же. Д-24; В-10; C_2/C_2; ДТ-5; яма.
45. То же. Д-23; В-6,7; C_1/C_1; ДТ-14; камера 4/III, погребальный горизонт.
46. То же. Штемпель иной; Д-22; В-6,7; C_2/C_2; ДТ-6, пом. Д/XIV, пол.
47. То же. Д-21; В-6,6; C_1/C_3; ДТ-6, пом. 24/XIV.
48. То же. Об. ст. Точечный ободок; Д-21; В-6,5; ↖; C_2/C_3; ДТ-6; пом. 24/XIV.
49. То же. Д-21; В-5,7; C_2/C_3; ДТ-6, пом. 17/XII.
50. То же. Без ободка. Д-21; В-5,8; C_2/C_3; ДТ-6, пом. 24/XIV.
51. То же. Д-21; В-6,7; C_2/C_2; ДТ-7, пом. 8/IX.
52. То же. Д-21; В-4,5; C_3/C_3; ДТ-9, пом. 6/нач. XI яруса.
53. Васудева II. Лиц. ст. Царь, стоящий впрямь, голова влево, в просторном кафтане, правая рука над алтарем, в левой копье. Об. ст. Богиня, сидящая впрямь, с поднятой вверх правой рукой и опущенной левой. Д-18; В-5,7; C_2/C_2; ДТ-6, пом. 24/XII (рис. 159—*13*).
54. То же. Д-20; В-7,4; C_2/C_3; ДТ-6, пом. 10/XIV.
55. То же. Д-20; В-?; C_2/C_2; ДТ-14/IV, юго-западный угол науса.
56. То же. Д-19; В-?; C_3/C_2; ДТ-6, пом. 24/XIV.
57. То же. Д-18; В-?; C_2/C_3; ДТ-6; пом. 10/XIV.
58. То же. Д-18-19; В-?; C_2/C_3; ДТ-6, пом. 24/XIV.
59. Подражание монете Васудевы II. Лиц. ст. То же изображение царя, но более грубоватое и схематичное. Об. ст. То же изображение богини, но более грубоватое и нечеткое. Д-15; В-?; C_2/C_3; ДТ-6; пом. 24/XII.
60. То же. Д-15; В-?; C_2/C_3; ДТ-6/XII, к западу от коридора 3.
61. То же. Д-15; В-?; C_2/C_3; ДТ-14; коридор.

Кушано-сасанидские монеты

62. Кушано-сасанидский правитель. Лиц. ст. Голова царя в короне вправо, детали неразличимы. Об. ст. Поясное изображение божества на аташдане. Вокруг головы нимб. В левой руке трезубец (?), в правой неясный предмет. Справа следы легенды. Д-14; В-1,2; C_2/C_2; ДТ 9, пом. 1, пол.
63. То же. Д-14; В-0,8; C_3/C_3; ДТ-9, пом. 12/XIII, у хума.
64. То же. Божество на аташдане. Д-14; В-2,2; C_3/C_2; ДТ-9, пом. 5, уровень суфы, 2-й период.
65. То же? Д-14; В-1,9; C_3/C_3; ДТ-6, пом. 10/XIV.
66. То же? Д-14; В-0,8; C_3/C_3; ДТ-9; пом. 11, над полом.

67. То же? Д-13; В-1,3; C_3/C_3; ДТ-9; 4-5, у западной стенки, в дерновом слое.
68. То же? Д-13; В-1,6; C_3/C_3; ДТ-9, пом. 11, над полом.
69. То же? Д-13; В-0,9; ДТ-6; пом. 12/XII.

Эфталитский чекан

70. Подражание Перозу. Лиц. ст. В круге бюст государя вправо, в короне с полумесяцем и шаром, в поле у круга 4 точки, внизу с двух сторон следы легенды. Об. ст. В центре аташдан, по сторонам которого жрецы. А Д-30; В-?; ↘; C_2/C_2; ДТ-8/VII, коридор (рис. 159, *14—15*).

Чекан тюркских правителей Чаганиана

71. Лиц. ст. Бюст правителя впрямь, в заостренном на макушке колпаке, над которым кружок. По обе стороны от лица — по *S*-образному знаку. Об. ст. Не различима. Д-17; В-1,7; C_2/C_3; ДТ-Ц III—1, верхний слой над платформой.

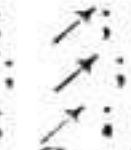
Шейбаниды

72. Лиц. ст. Остатки легенды [illegible] далее неразличимо. Об. ст. В центре многолучевой розетки بخارا ...Бухара. Д-25×22; В-5,3; C_3/C_1; ДТ, подъемная.

Неопределенные

73. Позднекушанская (?). Лиц. ст. и Об. ст. неразличимы. Д-22; В-10,3; ДТ-11, на полу.
74. Позднекушанская (?). Лиц. ст. и Об. ст. неразличимы. Д-20; В-4,4; ДТ, подъемная.
75. ? Д-16; В-2,4; ДТ-5 дерновый слой.
76. ? Д-0,9; В-?; ДТ-9, дворик, дерновый слой.
77. ? Д-0,9; В-0,5; ДТ-11, на полу.
78. ? Д-12; В-?; ДТ, подъемная.
79. ? Фрагмент, ДТ-1, М-19, в завале.
80. Фрагмент. ДТ-11; на полу.
81. Позднесредневековая; Лиц. ст. Остатки легенды, выполненной арабскими буквами. Д-22×18, В-1,6; ДТ, подъемная.

Клад монет Кадфиза II и Канишки

1. Кадфиз II. Лиц. ст. Царь в высоком головном уборе, повязанном диадемой, с развевающимися лентами, стоит впрямь, голова влево, правая рука над алтарем, левая у бедра. Рядом с алтарем трезубец, у левого бедра палица, над ней тамга • Круговая легенда... BACILEYC BACILEWH CWTEP MEГ..... Об. ст. Шива, стоящий впрямь перед горбатым быком. Д-28; В-15,2; C_1/C_3; ДТ-11, в углу за хумом.
2. То же. Д-26; В-15,1; C_3/C_2; там же.
3. То же. Д-25; В-15,5; ↗; C_2/C_2; там же.
4. То же. Д-25; В-17,2; ↗; C_3/C_3; там же.
5. Канишка. Лиц. ст. Царь, стоящий перед алтарем, остальные детали неразличимы. Об. ст. Стоящая влево богиня в длинном одеянии с нимбом вокруг головы. В протянутой правой руке какой-то предмет. Справа легенда . Д-23; В-13,9; ↗; C_2/C_2; там же.
6. То же. Д-25; В-15,7; C_3/C_2; там же.
7. То же. Об. ст. Бог Вадо, бегущий влево. Д-24; В-13,8; C_2/C_2; там же.
8. То же. Д-24; В-16,6; C_3/C_3; там же.
9. То же. Об. ст. Стоящее влево божество. Правая рука простерта, левая на бедре. Слева следы легенды... PO (м. б.) AΘPO или MIIPO². Д-26; В-14,6; C_3/C_2; там же.
10. То же. Об. ст. Под рукой четырехзубчатая с отростками тамга  Д-24; В-14; C_3/C_2; там же.
11. То же. Об. ст. Неразличима. Д-24; В-13,3; C_2/C_3; там же.

Клад монет Васудевы I и Васудевы II

1. Васудева I. Лиц. ст. Царь, стоящий впрямь, голова влево, правая рука над алтарем, в левой трезубец. Над алтарем три расходящиеся черточки. Об. ст. Шива, стоящий впрямь. Позади него горбатый бык, влево. Д-22; В-6,6; C_2/C_3; ДТ-6, пом. 24/XIV, пол.
2. То же. Д-22; В-6,1; ↗; C_3/C_3, там же.
3. То же. Д-22; В-4,7; ↗; C_2/C_3, там же.
4. То же. Д-21; В-7,1; ↗; C_2/C_2, там же.
5. То же. Д-21; В-6,4; C_3/C_2, там же.
6. То же. Д-23; В-5,8; C_3/C_3, там же.
7. То же. Д-21; В-6,1; C_2/C_3, там же.
8. То же. Д-20; В-6,7; C_2/C_2, там же.
9. То же. Д-20; В-5,4; C_3/C_3, монета обломана.
10. То же. Д-20; В-6,5; ↗; C_3/C_2, там же.
11. То же. Д-20; В-6,7; ↗; C_2/C_3, там же.
12. То же. Д-20; В-5,2; ↗; C_3/C_3, там же.
13. То же. Д-20; В-6,3; Z; C_2/C_3, там же.
14. То же. Д-20; В-6,0; C_3/C_3, там же.
15. То же. Д-20; В-5,4; C_3/C_3, там же.
16. То же. Д-20; В-5,3; C_3—C_2, там же.
17. То же. Д-20; В-5,4; C_3/C_3, там же.
18. То же. Д-20; В-5,4; C_3/C_3, там же.
19. То же. Д-20; В-5,2; C_3/C_2, там же.
20. То же. Д-20; В-5,2; C_3/C_3, там же.
21. То же. Д-19; В-5,3; C_3/C_3, там же.
22. Васудева II. Лиц. ст. Силуэт царя, стоящего впрямь. Об. ст. Сидящая богиня. Д-20; В-4,8; ↑; C_3/C_2.
23. То же. Д-20; В-4,7; C_3/C_2, там же.
24. То же. Д-20; В-4,5; C_3/C_3, там же.

КИРПИЧ ИЗ ПОСТРОЕК ДАЛЬВЕРЗИНТЕПЕ

Сырцовые кирпичи

Объект раскопок	Датировка	Размеры, см
Цитадель		
Дтц-1: укрепления		
Платформа II пер.	II—I вв. до н. э.	45×45×6—8
Стена II пер.	II—I вв. до н. э.	47—48×47—48×12—13 45×45×12 42—43×42—43×10—12 36—38×36—38×10—11
Стена III пер.	II в.	45×45×12 42—43×42—43×11—12 40×40×11
Верхние бытовые постройки Дтц-1 и Дтц-2	VI—VII вв.	52—53×26×9—10
Крепостные стены Нижнего города		
Дт-3: I период	I в. до н. э. — I в. н. э.	44—45×44—45×10
II период	II в.	39—40×39×40×13—14
Дт-4. I период	I в. до н. э. — I в. н. э.	45—46×45—46×12—13 (до 43 см, в-до 14)
II период	II в.	40×40×11—12
Дт-8 I период	I в. до н. э. — I в. н. э.	45—48×45—48×10—13
II период	II в.	40×40×10—11; 37×37×10—11
Жилые дома		
Дт-2	I в.	32×32×12
Дт-4 (дом у городской стены)	II в.	40×40×10
Дт-5 Основные стены	I в. до н. э. — I в. н. э.	31—33×31—33×10—12 35×35×12—13 31—32×31—32×11—12
Перестройки	I—II вв.	34×34×12
Дт-6	I в.	35—36×35—36×10—11 33×33×10
Стратиграфический разрез		
Дт-10. Нижний горизонт	I в.	35—37×35—37×10
Средний горизонт	II в.	32×32×11
Культовые и мемориальные постройки		
Дт-14	I в. до н. э.	40×40×12; 42×42×12
Дт-7 Период II	I в. до н. э.	38×38×12
Период III	I в. н. э.	40×40×11—12
Период IV	II в.	35×35×10—12
Дт-1	I в. н. э.	31—32×31—32×11
Дт-9 (храм). Период II	I—II вв.	38×38×12
Производственные сооружения		
Керамические печи Пч-7	I в. до н. э. — I в. н. э.	40×40×12
Пч-1	I—II вв.	43×43×10—11; 41×41×10—11
Пч-2	I—II вв.	43×43×10—11
Пч-5	II в.	?
Пч-8	I—II вв.	40×40×10
Пч-9	I—II вв.	35—36×12
Пч-10	I—II вв.	
Пч-11	I—II вв.	
Пч-3-первоначальная после перестройки	I—II вв.	40×40×12
	II—III вв.	35×35×11; 32×32×10—11
Пч-4 (сборный, из других построек)	II—III вв.	41×41×10; 40×40×12; 50×?×10
Мастерские Дт-9	I—II вв.	32×32×12

Жженые кирпичи

Объект раскопок	Датировка	Размеры, см
Дт-14. Нижнее погребение	II—I вв. до н. э.	28×28×4; 29×25×4; 30×26×4; 34×34×4
Дт-1	I в. н. э.	42×42×3,5
Дт-винодельня	I—II вв.	56×56×6
Дт-9, храм, суфа	I—II вв.	27×27×4
Дт-5. Айван	II в.	60×30×4,5; 40×40×4,5
Баня	II в.	62×31×4; 57×30×4; 40×40×4

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА*

Абдуллаев А., Бубнова М. А., Пьянкова Л. Г. Отчет о работе Яванского отряда в 1971 г. Археологические работы в Таджикистане, вып. XI, Душанбе, 1975.

* Альбаум Л. И. — 1960. Балалыктепе. Ташкент, 1960.

* — 1966. Городище Дальверзинтепе, ИМКУ, вып. 7, Ташкент, 1966.

— 1974. Раскопки буддийского комплекса Фаязтепе. В кн.: Древняя Бактрия, Л., 1974.

Атлас музыкальных инструментов народов СССР, изд. 2-е, М., 1975.

Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. А. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

* Бельская Г. — 1973. Время ушедшее нам возвращается. «Знание — сила», 1973, № 8.

* — 1975. Хозина во колуфиётлар. «Гулистан», 1975, № 6.

* Беляева Т. В. и Туртунов Б. А. Шахматные фигурки «постарели». «Физкультурник Узбекистана», 1972, № 4.

Бируни А. Избранные произведения, т. I—II. Ташкент, 1963.

Бичурин И. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950.

Большаков О. Г., Негматов А. А. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента. МИА, № 66, М.—Л., 1958.

Борозна Н. Г. Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана. Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1968.

Борисов А. Я. О значении слова «наус». Государственный Эрмитаж. — Труды Отдела Востока, т. III, Л., 1940.

Витрувий. Десять книг об архитектуре. Пер. Ф. А. Петровского. М., 1936.

Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода. — Труды ХАЭЭ, т. IV, М., 1959.

* Воробьева-Десятовская М. И. Надписи письмом кхарошти на золотых предметах из Дальверзинтепе. ВДИ, 1976, № 1.

Воронина В. Л. Народная архитектура Северного Таджикистана, М., 1959.

Вызго Т. С. Афрасиабская лютня. В кн.: Из истории искусства великого города, Ташкент, 1972.

Вязьмитина М. И. — 1945. Керамика Айртама времени Кушанов. ТАКЭ, II, Ташкент, 1945.

— 1945 а. Раскопки на городище Айртам. ТАКЭ, II, Ташкент, 1945.

Григорьев Г. В. Зороастрийское костехранилище в кишлаке Фринкент. — ВДИ, 1939, № 2.

Домбровский О. И. Керамическая печь на скифском городище «Красное». В кн.: История и археология древнего Крыма, Киев, 1957.

Дьяконов М. М. — 1950. Работы Кафирниганского отряда. — МИА, № 15, М.—Л., 1950.

— 1953. Археологические работы в южном течении реки Кафирнигана (Кобадиан). — МИА, № 37, М.—Л., 1953.

Ершов С. А. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарным захоронением в районе города Байрам-Али. АН ТуркмССР. Труды Института истории, археологии, и этнографии, т. V, Ашхабад, 1959.

Живопись древнего Пянджикента. М., 1954.

Жуков В. Д. Археологическая разведка на шахристане Хайрабад-тепе. — ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961.

Забелина Н. Н. Раскопки на городище Калаи-Мир.— МИА, № 37, М.—Л., 1953.

Заднепровский Ю. А. Археологические работы в Южной Киргизии в 1957 г.
— КСИИМК, вып. 78, М., 1960.

Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры Термезского района. В кн.: Культура Востока, вып. 2, М., 1928.

Зеймаль Е. В. — 1961. Археологические разведки в Гиссарской долине. В кн.: Археологические работы в Таджикистане, вып. VI, Душанбе, 1961.

— 1964. Проблемы кушанской хронологии и монеты. Государственный Эрмитаж. — Тезисы докладов на юбилейной научной сессии, Л., 1964.

— 1965. Кушанское царство по нумизматическим данным. Автореферат канд. диссертации. Л., 1965.

— 1968. Кушанская хронология (материалы к проблеме). Душанбе, 1968.

— 1974. Начальная дата Канишки — 278 г. н. э. 1974. ЦАКЭ. М., 1974.

Зеймаль Т. И. — 1961. Античное поселение в урочище Халкаджар. В кн.: Археологические работы в Таджикистане, вып. 6, 1961.

— 1975. Позднекушанские слои в южном Таджикистане. ЦАКЭ, т. II, М., 1975.

Иностранцев К. А. — 1907. Материалы из арабских источников для культурной истории сасанидской Персии. Записки Восточного отделения Русского археологического общества, XVIII, Спб., 1907.

— 1909. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках. — Журнал Министерства народного просвещения, новая серия, 4, XX, март, 1909.

Исхаков М. Х. Археологическое исследование Гормалитепе. Материалы II искусствоведческой научно-теоретической конференции молодых ученых. Ташкент, 1976.

История религий и тайных религиозных обществ Древнего и Нового мира, т. 4, Спб., 1870.

Кабанов С. К. К изучению стратиграфии городища Афрасиаб, СА, 2, 1969.

Кармышева Б. Х. Жилище узбеков племени Карлук южных районов Таджикистана и Узбекистана. — Изв. отд. общ. наук АН ТаджССР, вып. 10—11, 1956.

Кароматов Ф. М. Узбекская инструментальная музыка. Ташкент, 1952.

Кацурис К., Буряков Ю. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяуркалы, Труды ЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад, 1963.

Кисляков Н. А., Писарчик А. К. (ред.). Таджики Кара-Тегина и Дарваза, вып. 2. Душанбе, 1970.

Князев П. И. Разведочно-археологические работы в квартале металлистов древнего Термеза. ТАКЭ, II, Ташкент, 1945.

---

* Звездочки слева отмечают публикации, в которых приводятся данные о Дальверзинтепе.

Кошеленко Г. А., Десятчиков Ю. М. Раскопки некрополя Древнего Мерва. Археологические открытия, 1965, М., 1966.
Крашенинникова Н. И. Разрез крепостной стены древнего Кеша. — ОНУ, 1968, № 8.
Кругликова И. Т. Дильберджин, М., 1974.
Кругликова И. Т., Сарианиди В. И. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий. — СА, 1971, № 4.
Кузьмина Е. Е. — 1969. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад-Шах. КСИИМК, 64, М.—Л., 1969.
— 1976. О семантике изображений на Чертомлыкской вазе. — СА, 1976, № 3.
Кузьмина Е. Е., Певзнер С. Б. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад-Шах. КСИИМК, вып. 64, 1956.
Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. — ВДИ, 1947, № 3.
* Линдер И. М. — 1975. Тайна происхождения шахмат. «Шахматы в СССР», 1975, № 11.
* — 1975 а. Шахматы на Руси. М., 1975.
* — 1976. У истоков шахматной игры. — «Азия и Африка сегодня», 1976, № 6.
Литвинский Б. А. — 1956. Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (в Ворухе). КСИИМК, вып. 64, 1956.
— 1961. Исследования могильников Исфаринского района в 1958 г. В кн.: Археологические работы в Таджикистане, вып. VI, Душанбе, 1961.
1972. Буддизм и среднеазиатская цивилизация. В кн.: Индийская культура и буддизм, М., 1972.
— 1973. Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973.
Литвинский Б. А., Давидович Е. А. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Вахшской долины в 1953 г. Доклады АН ТаджССР, вып. 11, 1954.
Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. — 1960. Каменные базы колонн из Вахшской долины. Изв. отд. Общ. наук АН ТаджССР, вып. 1 (22), 1960.
— 1964. Раскопки и разведки в Южном Таджикистане в 1961 г. В кн.: Археологические работы в Таджикистане, вып. IX, Душанбе, 1964.
— 1971. Аджинтепе, М., 1971.
Литвинский Б. А., Мухитдинов Х. — Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан), СА, 1969, № 2.
Мандельштам А. М. — 1966. Кочевники на пути в Индию. — МИА, № 135, М.—Л., 1966.
— 1968. Памятники эпохи бронзы в южном Таджикистане. — МИА, № 145, Л., 1968.
— 1975. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975.
Мандельштам А. М. и Певзнер С. Б. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг. — МИА, № 66, М.-Л., 1958.
Массон В. М. — 1953. Хумы Нисы. «Труды ЮТАКЭ», т. II, Ашхабад, 1953.
— 1956. Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла. — «Эпиграфика Востока», XI, 1956.
— 1974. Проблемы древнего города и археологические памятники Северной Бактрии, Л., 1974.
Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана, т. 1, М., 1969.
Массон М. Е. — 1933. Находка скульптурного карниза первых веков н. э. Ташкент, 1933.
— 1935. Скульптура Айртама. — «Искусство», 1935, № 2.
— 1945. Работы Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1937 и 1938 гг. ТАКЭ, II, Ташкент, 1945.
— 1950. Происхождение безымянного царя царей великого спасителя. — Труды САГУ, Новая серия, вып. XI, Ташкент, 1950.
Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. — 1959 Парфянские ритоны Нисы. — Труды ЮТАКЭ, т. IV, Ашхабад, 1959.
Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея. Каталог, Л., 1962.
Мифологический словарь. Л., 1961.
Музыкальная культура древнего мира. М.-Л., 1937.
Мухитдинов Х. — 1968. Гончарный квартал городища Саксанохур. — Изв. отд. Общ. наук АН ТаджССР, 1968, № 3 (53).
— 1973. Терракоты Саксанохура как источник по истории и культуре Северной Бактрии. Автореферат канд. диссертации, Душанбе, 1973.
— 1975. Терракоты Саксанохура. ЦАКЭ, т. II, М., 1975.
Мухтаров А. Новые находки каменных капителей кушанского времени из Шахринау (южный Таджикистан). — Изв. АН ТаджССР, 1968, № 3 (53).
Негматов Н. Н. О живописи дворца афшинов Усрушаны. — СА, 1973, № 3.
Немцева Н. Б. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб. В кн.: Афрасиаб, вып. 1, Ташкент, 1969.
Нильсен В. А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии V—VIII вв. Ташкент, 1966.
Пидаев Ш. Р. О генезисе штампованных орнаментов на керамике античной Бактрии. — ОНУ, 1975, № 1.
— 1976. Некоторые данные о раскопках кушанского поселения Ак-Курган в Северной Бактрии. — СА, 1976, № 1.
Пиотровский Б. Б. Раскопки на Чингизтепе. ТАКЭ, 1.
Писарчик А. К. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины. В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник, 1, М., 1954.
Писарчик А. К., Ершов Н. Н. (ред.). Материальная культура таджиков верховьев Зарафшана. Душанбе, 1973.
Пугаченкова Г. А. — 1945. Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана. ТАКЭ, II, Ташкент, 1945.
— 1958. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. — Труды ЮТАКЭ, т. VI, М., 1958.
* — 1961. Некоторые итоги экспедиционных исследований Института искусствознания АН УзССР в 1960 году. — ОНУ, 1961, № 3.
— 1962. Коропластика древнего Мерва. Труды ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, 1962.
* — 1963. К истории античной строительной техники Бактрии — Тохаристана. СА, 1963, № 4.
— 1963 а. К исторической топографии Чагианиана. — Труды ТашГУ, вып. 20, Ташкент, 1963.
— 1963 б. Халчаянская Афина. — ВДИ, 1963.
— 1966. Девушка с лютней в скульптуре Халчаяна. В кн. Культура античного мира. М., 1966.
— 1966 а. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии, Ташкент, 1966.
— 1967. Две ступы на юге Узбекистана. — СА, 1967, № 3.
— 1967 а. К стратиграфии новых монетных находок из Северной Бактрии. — ВДИ, 1967, № 3.
— 1969. Трон Митридата из парфянской Нисы. — ВДИ, 1969, № 1.

— 1971. Новое в изучении Дальверзинтепе. — СА, 1971, № 4.
— 1971 а. Скульптура Халчаяна. М., 1971.
— 1972. В поисках памятников искусства Средней Азии. — «Наука и человечество», 1971—1972. М., 1972.
— 1973. К архитектурной типологии в зодчестве Бактрии и Восточной Парфии. — ВДИ, 1973, № 1.
— 1973 а. Керамические печи эпохи Кушан в Южном Узбекистане. — СА, 1973, № 2.
— 1973 б. Новые данные о художественной культуре Бактрии. В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана, Ташкент, 1973.
— 1974. Новое о Кушанах. Дальверзинский клад. — «Наука и жизнь», 1974, № 1.
— 1974 а. О культах Бактрии в свете археологии. — ВДИ, 1974, № 3.
— 1974 б. Ювелирные изделия дальверзинского клада. В кн.: Советское искусствознание—73, М., 1974.
— 1975. Из недавних открытий в Южном Узбекистане. В кн.: «Памятники культуры. Новые открытия. М., 1975.
— 1975 а. Кушанское искусство в свете новейших открытий в Северной Бактрии. — ЦАКЭ, т. II, 1975.
— 1976. К открытию надписей кхароштхи на золотых предметах дальверзинского клада. — ВДИ, 1976, № 1.
Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана. М., 1965.
Пугаченкова Г. А., Тургунов Б. А. Исследования Дальверзинтепе в 1972 году. В кн.: Древняя Бактрия, Л., 1974.
Пулатов У. И. Чильхуджра. Душанбе, 1975.
Ранов В. А., Салтовская Е. Д. О работах Ура-тюбинского отряда в 1959 г. В кн.: Археологические работы в Таджикистане, вып. VII, Душанбе, 1961.
Раппопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971.
Ремпель Л. И. Народная архитектура предгорной зоны Узбекистана. В кн.: Искусство зодчих Узбекистана, IV, Ташкент, 1969.
Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России, т. I, альбом., СПб., 1913.
Ртвеладзе Э. В. — 1974. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана. В кн.: Древняя Бактрия, Л., 1974.
— 1975. Открытие неожиданное и долгожданное. — «Знание — сила», № 9, М., 1975.
— 1975 а. К характеристике ахеменидских памятников на юге Узбекистана, — СА, 1975, № 2.
Ртвеладзе Э. В. и Хакимов З. А. Маршрутные исследования памятников Северной Бактрии. В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана, Ташкент, 1973.
Садоков Р. Л.—1970. Музыкальная культура древнего Хорезма, М., 1970.
— 1973. Среднеазиатские ансамбли. В кн.: Музыка народов Азии и Африки, вып. 2, М., 1973.
Сайко Э. В. — 1975. Некоторые особенности керамики кушанского периода Северной Бактрии. ЦАКЭ, т. II, М., 1975.
Скульптура и живопись древнего Пянджикента, М., 1959.
Смирнов Я. И. Восточное серебро. Спб., 1909.
Ставиский Б. Я. — 1952. К вопросу об идеологии домусульманского Согда. Сообщения республиканского краеведческого музея Таджикской ССР, вып. I, Сталинабад, 1952.
— 1964. Основные итоги раскопок Кара-тепе. «Кара-тепе», 1, М., 1964.
— 1964-а. Средняя Азия. Индия. Рим. В кн. Индия в древности, М., 1964.
— 1965. Некоторые вопросы истории буддизма в Средней Азии. — «Доклады по этнографии», вып. 1(4), Л., 1965.
— 1969. Фрагменты каменных рельефов и деталей архитектурного убранства из раскопок Кара-тепе в Старом Термезе. «Кара-тепе», 1., М., 1964.
— 1972. Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг. «Кара-тепе», III, М., 1972.
— 1975. Каратепе и вопросы истории и культуры кушанской Бактрии. ЦАКЭ, т. II, 1975.
Ставиский Б. Я., Большаков О. Г., Мончадская Е. А. Пенджикентский некрополь. МИА, № 37, М., 1953.
Сурхандарё топикмаси, — «Фан ва турмуш», 1972, № 2 (на узб. яз.).
Сычева И. С. Керамика Каратепе. «Каратепе» IV, М., 1975.
Толстов С. П. — 1948. Древний Хорезм, М., 1948.
— 1948-а. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
Тревер К. В. — 1940. Памятники греко-бактрийского искусства. М., 1940.
— 1958. Золотая статуэтка из селения Хаит. Труды Гос. Эрмитажа, т. 2, М.—Л., 1958.
Тургунов Б. А. — 1967. Тош ва суек тилга киргонда. — «Фан ва турмуш», 1967, № 9 (на узб. яз).
— 1968. Айртамский могильник. — ОНУ, 1968, № 8.
— 1968-а. Приемы фортификации античного Чаганиана. — СА, 1968, № 1.
— 1969. Каменные архитектурные детали из Айртама. Искусство зодчих Узбекистана, т. IV, Ташкент, 1969.
— 1971. Дальверзинтепа топилмалари. — «Гулистан», 1971, № 8 (на узб. яз).
— 1973. Дальверзинтепа хазинаси. — «Фан ва турмуш», 1973, № 10 (на узб. яз).
— 1973 а. Древние шахматы в Средней Азии. — «Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР», Ташкент, 1973.
— 1973 в. К изучению Айртама. В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана, Ташкент, 1973.
— 1973 в. Новые данные к истории шахмат в Средней Азии. — ОНУ, 1973, № 11.
— 1973 г. Фигурки из Дальверзинтепе, — «Шахматы в СССР», 1973, № 5.
— 1974. Айртам (к проблеме античной культуры юга Узбекистана). Автореферат канд. диссертации, Ташкент, 1974.
Усманова З. И. Новые данные к археологической стратиграфии Эрк-калы. Труды ЮТАКЭ, т. XIV, Ашхабад, 1969.
Филанович М. И. — 1969. К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе. В кн.: Афрасиаб, вып. I, Ташкент, 1969.
— 1974. Гяур-кала.— Труды ЮТАКЭ, т. XV, Ашхабад, 1974.
Цибель С. А. Фортификация. Энциклопедический словарь Брагауз и Ефрон, т. XXVI, Спб., 1902.
Шишкина Г. В. Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на Северо-западе Афрасиаба. В кн.: Афрасиаб. 1. Ташкент, 1969.
Шишкин В. А. «Курган» и мечеть Чор-Сутун в развалинах Старого Термеза. ТАКЭ, II, 1945.
Шверк В. Ф. История фортификации, т. I, М., 1948.

Щетенко А. Я. Раскопки монументального архитектурного комплекса Зар-тепе. В кн.: Древняя Бактрия, Л., 1974.
Юркевич Э. А. Городище кушанского времени на территории Северной Бактрии. — СА, 1965, № 4.
Andrae W. Hatra, t. II, Leipzig, 1912.
Andrae W., Lenzen H. Die Partherstadt Assur, Leipzig, 1933.
Auboyer J. Afghanistan und seine Kunst. Praha, 1968.
Azarpay G. The four-armed goddess: A. Kushan survival in the early medieval art of Transoxiana? ЦАКЭ, т. II, М., 1975.
Bachman W. Die Anfange des Streichinstrumentenspiel. Leipzig, 1946.
Barthoux J. — 1930. Les fouilles de Hadda. Figures et figurines, MDAFA, t. VI, Paris, 1930.
— 1933. Les fouilles de Hadda. Stûpas et sites. MDAFA, t. III, Paris, 1933.
Bernard P. — 1968. Troisième campagne de fouilles á Ai Khanoum en Bactriane. CRAIBL, 1968.
— 1969. Quatriéme campagne de fouilles á Ai Khanoum (Bactriane). CRAIBL, 1969.
— 1970. Campagne de fouilles 1969 à Ai—Khanoum en Afghanistan, CRAJBL, 1970.
— 1970 a. Siéges et lits en ivoire d'époque hellénistique en Asie Centrale. «Syria», t. XLVII, 1970.
— 1973. Campagne de fouilles à Ai Khanoum (Afghanistan), CRAIBL, 1973.
— 1973 a. Matériaux et technique de construction. Fouilles d'Ai Khanoum. MDAFA, t. XXI, Paris. 1973.
— 1974. Ai Khanoum un rempart Hellenestique en Asie Centrale. «Revue Archéologique», 1974, N 2.
— 1975. Campagne de fouilles 1974 à Ai Khanoum (Afghanistan). CRAIBL. 1975.
Bernard P., Le Berre M. Architecture de cartier administratif: L'ensemble nord. Fouilles d'Ai Khanoum», MDAFA, t. XXI, Paris, 1973.
Buchner A. Musikinstrumente in Wandel der Zeiten. Prag. 1956.
Butten M. Scénes de musique et de danse. Revue des arts asiatiques, t. IX, 1935.
Carl J. Fouilles dans le site de Shahr-i Banu et sondages au Zaker—tépé. MDAFA, t. VIII, Paris, 1959.
Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. Сборник Трудов Орхонской экспедиции, VI, Спб., 1903.
Cumont F. Foulles de Doura—Europos. Paris, 1926.
Dagens B. Monastéres rupestres de la vallée de Foladi. MDAFA, t. XIX, Paris, 1964.
Dragendorff H. Arretinische Reliefkeramik. Reutrliger, 1948.
Encyclopaedia of World Art, vol. 12, London, 1967.
Excavations at Dura—Europos. Final Report, vol. VII, pt. 1, New Haven, 1956.
Faccenna D. — 1964. Sculptures from the Sacred Area of Butkara I. Roma, 1964, 2 vols.
— 1974. Excavations of the Italian Archaeological Mission (ISMEO) in Pakistan: some problems of Gandharan art and architecture. ЦАКЭ, т. II, М., 1974.
Farmer H. G. — 1939. An outline of history of musik and musical theory. A. Survey of Persian Art, vol. III, London—New York, 1939.
— 1939 a. Studies in oriental musical instruments, II, Glasgow, 1939.
Foucher A. L'art Gréco — Bouddhique de Gandhara. Paris, 1905.
Frye R. N. The significations of Greek and Kushan archeology in the history of Central Asia. «Journal of Asian History», vol. I, pt. 1, 1967.
Fukai Sh. The artifacts of Hatra and Parthian Art. «East and West», vol. XI, 1960.
Furtwängler A. Die antiken Gemmen. Berlin, 1900.
Fussman G — 1972. Intaile et empreintes Indienne du Cabinet des médailles de Paris. «Revue numismatique», 6-me série, t. XI, 1972.
— 1974. Documents épigraphiques Koushans. Bulletin de l'éčóle Française d'Extrême Orient, t. LXI, Paris, 1974.
— 1976. (Рецензия на кн. Muckerjee). JA, 1976.
Gardin J. C. — 1957. Céramiques de Bactres. MDAFA, t. XV, Paris, 1957.
— 1973. Les céramiques. Fouilles d'Ai Khanoum. MDAFA, t. XXI, Paris, 1973.
Gardner P. The coins of the Greek and Scythic kings in Bactria and India in the British Museum. London, 1886.
Ghirshman R. — 1946. Begram. Recherches archéologiques et historiques sur les Koushans. MDAFA, t. XII, Le Caire, 1946.
— 1951. Cinq campagnes de fouilles à Sûse (1946—1951). Paris, 1951.
— 1956. Les mosaiques sassanides. Bichâpour, t. II, Paris, 1956.
— 1962. Iran. Parthes et Sassanides. Paris, 1962.
Göbl R. — 1964. Zwei neue Termini für eine zentrales Datum der alten Geschichte. Mitteilungen des Jahres I des Kusankönigs Kaniška. Anzeiger des philhist. Klasse des Osterreich. Akademie des Wissenschaft, 1964, N 7.
Cõbl R. — 1967. Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Bactrien und Indien. Wiesbaden, 1967.
Godard A. et Y., Hackin J. Les antiquités bouddhiques de Bâmiyan. MDAFA, t. II, Paris, 1928.
Hackin J. — 1933. Nouvelles recherches archéologiques à Bâmiyân. MDAFA, t. III, Paris, 1933.
— 1954. Nouvelles recherches archéologiques à Begram. MDAFA, t. XI, Paris, 1954.
Hargreaves H. — Catalogue of the stone sculptures. В кн. J. Marshall, Taxila, t. II, Cambridge, 1951.
Harrisson E. B. The Athenian Agora, vol. I, Portrait sculpture. Princeton, 1953.
Heintze H. von. Römische Porträt—Plastik, Stuttgart. 1961.
Herzfeld E. — 1935. Archaeological history of Iran. London, 1935.
— 1941. Iran in the Ancient East, London — New York, 1941.
Homes—Fredericq. Hatra et ses sculptures parthes: ét de stylistique et iconographique. Istanbul, 1963.
Hudud al—Alam. Transl. and comment. by V. Minorsky. Oxford, 1937.
Ingholt H., Lyons J. Gandharan art in Pakistan. New York, 1957.
Le Berre M. et Schlumberger D. Observation sur les remparts de Bactres. MDAFA, t. XIX, Paris, 1964.
Le Coq A. von. — 1926. Auf Hellas Spuren in Osttürkistan. Leipzig, 1926.
— 1925. Bilderatlas zur Kunst und Kunstgeschichte Mittelasiens. Berlin, 1925.
Legrain L. Terracottas from Nippur. Philadelphia, 1940.
Leriche P. Ai-Khanoum, un rempart hellenistique en Asie Centrale. «Revue archéologique», 1974, fasc. 2.
Maiuri A. La peinture romaine. Cenève ,1953.
Makherjee B. N. Nana on lion. A study in Kushana numismatic art. Calcutta, 1969.
Marcel—Dubois C. Instruments de musique de l'Inde ancienne. Revue des arts asiatiques, t. XI, N 1, Paris, 1937.

Magquart J. Eranshahr. Berlin, 1901.
Marshall J. — 1951. Taxila. 3 vols. Cambrige, 1951.
— 1960. The Bouddhist art of Gandhara. Cambridge, 1960.
Meunié J. Shotarak. MDAFA, t. X. Paris, 1942.
Mizuno S. — 1962. Haibak and Kashmir—Smast. Kyoto Universlty, 1962
— 1970. Chaqalaq Tepe. Kyoto University, 1970.
Mizuno S., Odani N. Durman Tepe and Lalma. Kyoto University, 1968.
Musikgeschichte in Bildern, Bd. III, L. 2, Leipzig.
Mustamindy Ch. Preliminary report of the sixth and sevetn excavation expeditions at Tapa—Shutur Hadda, «Afghanistan», vol. XXVI, 1973.
* Pougatchenkova G. A. — 1971. Antoichus Commegènes et le prince Kushan: du problème de la forme dans la sculpture de l'Orient hellenistique. IX—ème Congres International d'archéologie classique. Damas, 1971.
* — 1971 a. Die Kushaner. «Ideen des exakten Wissens», 1971, N 10.
* — 1971 b. More on the studies of the Kushan monuments in Southern Uzbekistan. «Kushan culture and history», N 2, Kabul, 1971.
* — 1975. Auf der Suche nach antiken Kulturdenkmäler Mittelasiens. «Wissenschaft und Menschheit», 1974, N 10, Leipzig, 1975.
Poulsen V. Les portraits romains, vol. I. Copenhague, 1962.
Raychaoudhuri H. Political history of Ancient India. Calcutta, 1950.
Reinach S. Répertoire de reliefs Grecs et Romains, t. I. Paris, 1909.
Rosenfield J. The dynastic art of the Kushans. Berkley and Los Angeles, 1967.
Rostofzeff M. Dura Europos and its art. Oxford, 1938.
Rowland B., Rice F. M. Art in Afghanistan. London, 1971.
Sasanian Silver. Late antique end early medeaval arts of luxery from Iran. The University of Michigan, 1967.
Schlumberger D. — 1952. Le temple de Surkh Kotal en Bactriane. JA, 1952.
— 1954. Le temple de Surkh Kotal en Bactriane (II). JA, 1954.
— 1960. Descendants non—méditerraneens de l'art grec. «Syria», 1960, N 1.
— 1961. The Excavations at Surkh Kotal and the problem of the hellenism in Bactria and India. Proc. af the British Academy, vol. XLVII, London, 1961.
— 1966. Coiffures féminines similaires à Rome et dans l'Inde. «Mélanges d'archéologie et d'histoire offert à André Puganiol», Paris, 1966.
— 1970. L'Orient hellenisé. Paris, 1970.
— 1975. Sur la nature des temples de Surkh Kotal. ЦАКЭ, II, М., 1975.
Schlumberger D., Bernard P. Ai Khanoum. «Bulletin de correspondance hellenique», LXXXIX, 1965.
Sircar D. Some problems of Kusana history. Calcutta, 1969.
Smith V. A. Catalogue of the coins in the Indian Museum Calcutta, Oxford, 1906.
Soper A. Recent studies involving the date of Kanishka. «Artibus Asiae», vol. XXXIV—1, 1972.
Spuler B. Caghanian. «Encyclopédie de l'Islam», t. II, London, 1965.
Stein A. Serindia, vol. I, Oxford, 1921.
Taq-y-Bustan, I, Plates. Tokyo, 1960.
The Sacred Books of the East. Vol. IV, The Zend—Avesta. Oxford, 1880.
* Turgunov B. Die Figuren von Dalwarzin—tépé. «Schachwissenschaftliche Forschungen», 1975, N 5.
Whitehead R. B. Catalogue of coins in the Panjab Museum Lahore, vol. I, Oxford, 1914.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ВДИ — Вестник древней истории
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана.
Каратепе I—IV — I. Каратепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе, М., 1964; II. Буддийские пещеры Каратепе в Старом Термезе, М., 1969; III. Буддийский культовый центр Каратепе в Старом Термезе, М., 1972; IV. Новые находки на Каратепе в Старом Термезе, М., 1975.
КСИИМК (КСИА) — Краткие сообщения Института истории материальной культуры (Института археологии) АН СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане.
СА — Советская археология.
САГУ (ТашГУ) — Среднеазиатский (Ташкентский) государственный университет.
ТАКЭ I—II — Термезская археологическая комплексная экспедиция, т. I, Ташкент, 1940; т. II, Ташкент, 1945.
ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.
ЦАКЭ, I—II — Центральная Азия в кушанскую эпоху, т. I, М., 1974, т. II, М., 1975.
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
CRAIBL — Comptes rendus des séances de l'Académie des Juscriptions et Belles-Lettres. P.
JA — Lournal Asiatique.
MDAFA — Mémoires de la Délégation archeologique française en Afghanistan.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение Г. А. Пугаченкова 5
Фортификация 12
Цитадель Дальверзинтепе. *Э. В. Ртвеладзе* . . . . . —
Укрепления Нижнего Города. *Г. А. Пугаченкова.* 21
Жилые дома 33
Жилой дом богатого горожанина. *Т. В. Беляева* . . . . . —
Дом богатого домовладельца. *Б. А. Тургунов* 47
Бытовая застройка *Е. Г. Некрасова* 62
Дом рядового горожанина. *Б. А. Тургунов, Г. А. Пугаченкова,* 65
Культовые постройки 75
Храм в северной части Дальверзинтепе. *Э. В. Ртвеладзе* . . . . . —
Буддийское святилище в загородной зоне. *Г. А. Пугаченкова, Б. А. Тургунов* 90
Дальверзинский наус. *Э. В. Ртвеладзе* 97
Кварталы ремесленников и их мастерство 115
Квартал керамистов(Дт-9). *Г. А. Пугаченкова* . . . . . —
Керамика Дальверзинтепе. *Е. Г. Некрасова и Г. А. Пугаченкова* 143
Терракоты Дальверзинтепе. *Е. А. Исхакова и М. Х. Исхаков* 161
Изображения музыкантов в коропластике Дальверзинтепе. *Т. С. Вызго* 165
Винодельня, винохранилища и северо-восточный шурф. *Г. А. Пугаченкова* 171
К итогам исследований Дальверзинтепе 176
Дальверзинтепе и некоторые общие вопросы истории и культуры Северной Бактрии. *Г. А. Пугаченкова* —
Приложения 222
Археологические памятники в округе Дальверзинтепе. *М. Х. Исхаков и О. С. Маликов* . . . . . —
Монетные находки на Дальверзинтепе. *Э. В. Ртвеладзе* 227
Кирпич из построек Дальверзинтепе. *Г. А. Пугаченкова* 232
Цитированная литература 233

Утверждено к печати Ученым советом Института искусствознания, Отделом истории, языкознания и литературоведения АН УзССР

ДАЛЬВЕРЗИНТЕПЕ — КУШАНСКИЙ ГОРОД НА ЮГЕ УЗБЕКИСТАНА

Редактор *А. А. Вильчинская*
Художник *К. Б. Башаров*
Фотографии выполнил *Л. А. Михайлов.*
Художественный редактор *Р. И. Кривошей.*
Технический редактор *Р. К. Ибрагимова*
Корректор *Е. Е. Сажнова*

ИБ № 491

Сдано в набор 28.IX-78 г. Подписано к печати 16.XI-78 г. Р08510. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл.-печ. л. 26,04. Уч.-изд. л. 27,0. (2 накидки). Тираж 1800. Заказ 218. Цена 4 р. 90 к.

Типография издательства «Фан» УзССР. Ташкент, проспект М. Горького 79.

Издательство «Фан» УзССР, 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана (Г. А. Пугаченкова, Э. В. Ртвеладзе, Т .В. Беляева и др.); Отв. ред. Л. И. Ремпель.— Т.: «Фан», 1978 г.— 240 с., ил.

В надзаг.: АН УзССР, Отд. ист. языкозн. и лит., М-во культуры УзССР, Ин-т искусствозн. им. Хамзы.

Список лит.: с. 233—237.

902.6

1. Пугаченкова Г. А. и др.